

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-0445 Print
ISSN 2712-8946 Online

ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

**ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА,
ФИЛОЛОГИЯ**

VESTNIK

OF SAMARA UNIVERSITY

**HISTORY,
PEDAGOGICS,
PHILOLOGY**

ТОМ 29 • №2 • 2023 ГОД

ISSN 2542-0445
Подписной индекс 78535

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Том 29 № 2

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY
HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

Vol. 29 No. 2

2023

ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIA
VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С.П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в РФ, с 2003 г.
С 1 декабря 2015 г. журнал включен в новый Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук, с 23.06.2017 – с новым названием.*

Тематика журнала:

- исторические науки и археология (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- педагогические науки (специальности: 5.8.1; 5.8.7),
- языкознание (специальности: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8; 5.9.9).

Журнал издается с 1995 г. Выходит 4 раза в год. Т. 29, № 2, 2023

Миссия журнала – распространение в России и за рубежом новых научных идей и результатов оригинальных исследований в области истории, педагогики и языкознания как базовых наук гуманитарного цикла, обладающих традиционными эвристическими взаимосвязями, создающими особый синергетический исследовательский эффект как в освоении новых тенденций развития этих наук, так и в раскрытии особенностей различных языков, истории, культуры, традиций образования в России и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Цели и задачи журнала: привлечение в журнал авторитетных авторов; публикация результатов оригинальных научных исследований (статьи, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу) в области исторических, педагогических наук и языкознания; создание условий для развития и укрепления интеграции российских и зарубежных ученых в сфере социально-гуманитарных исследований; продвижение журнала на российском и международном рынке, в том числе путем расширения возможностей распространения и индексирования научных работ в основных базах данных в России и за рубежом.

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и двойное слепое рецензирование ведущими учеными в соответствии с тематикой и специализацией журнала.

Главный редактор:

В.А. Конев, д-р филос. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Заместители главного редактора:

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Ответственный секретарь:

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, проф., Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
ул. Акад. Павлова, 1.

Тел. +7(846) 3345406

Е-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Издатель: Самарский университет

Центр периодических изданий Самарского университета

Адрес издателя: 443086, Российская Федерация,

Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22 а, 312 б.

Выпускающий редактор *Т.А. Мурзинова*

Литературное редактирование, корректура

Т.А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Л.Н. Законова

Информация на английском языке

М.С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-67842 от 28.11.2016 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписной индекс в Объединенном каталоге

«Пресса России» **78535**

ISSN 2542-0445

Прежнее название – Вестник Самарского государственного университета, ISSN 1810-5378. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № 77-12398 от 19.04.2002 выдано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,
Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Подписано в печать 10.07.2023. Выход в свет 14.07.2023.

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная. Печ. л. 29.

Тираж 200 экз. (первый завод – 30 экз.). Заказ №

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

VESTNIK OF SAMARA UNIVERSITY. HISTORY, PEDAGOGICS, PHILOLOGY
VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA. ISTORIJA, PEDAGOGIKA, FILOLOGIJA
ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (Samara University)

Indexing in databases: eLIBRARY.RU RSCI CYBERLENINKA LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the list of leading scientific magazines and editions, published in the RF, since 2003. On December 1, 2015, the journal is included in the new List of peer-reviewed scientific publications, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published, from 23.06.2017 with the new title.

Remit of the journal:

- **historical sciences and archaeology** (specialities: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7),
- **pedagogical sciences** (specialities: 5.8.1; 5.8.7),
- **linguistics** (specialities: 5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Journal is published since 1995. It is published quarterly. Vol. 29, no. 2, 2023

The mission of the journal is to disseminate in Russia and abroad new scientific ideas and the results of original research in the field of history, pedagogics and linguistics as the basic sciences of the humanitarian cycle, which have traditional heuristic relationships that create a special synergistic research effect both in mastering new trends in the development of these sciences and in revealing the features of various languages, history, culture, educational traditions in Russia and in the countries of near and far abroad.

Aims and objectives of the journal: attraction of authoritative authors to the journal; publication of the results of original scientific research (articles, surveys, reviews and reports on scientific literature) in the field of historical and pedagogical sciences and linguistics; creating conditions for the development and strengthening of integration of Russian and foreign scientists in the field of social and humanitarian research; promotion of the journal in the Russian and international markets, including by expanding the possibilities of disseminating and indexing scientific papers in the main databases in Russia and abroad.

All articles are reviewed in the program «AntiPlagiat» and double-blind peer-reviewed by the leading scientists in accordance with remit and specialities of the journal.

Chief editor:

V.A. Konev, Dr. of Philosophical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Deputy chief editors:

P.S. Kabytov, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

T.I. Rudneva, Dr. of Pedagogical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

N.A. Ilyukhina, Dr. of Philological Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Executive editor:

E.L. Dubman, Dr. of Historical Sciences, professor, Samara National Research University, Samara, Russian Federation

Postal address of editorial office:

1, Academician Pavlov Street, Samara, 443011, Samara region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 3345406

E-mail: murzinova.tatjana@yandex.ru

www: <http://journals.ssau.ru/index.php/vestnik-hpp>

Publisher: Samara University.

Center of Periodical Publications of Samara University,

Address Publisher: Room 312b, building 22a, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

Commissioning editor *T.A. Murzinova*

Literary editing, proofreading

T.A. Murzinova

Computer makeup, dummy

L.N. Zakonova

Information in English

M.S. Strelnikov

The Certificate on registration of means of mass-media **III № ФС 77-67842** as of 28.11.2016 is given by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Subscription index in the United catalog «Press of Russia» 78535

ISSN 2542-0445

The former title – Vestnik of Samara State University, ISSN 1810-5378. The certificate on registration of mass media **III № 77-12398** as of April 19, 2002, was issued by the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

Business model: financing of the journal is carried out by the founder, all articles are published free of charge.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher.

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara region, Russian Federation.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Passed for printing 10.07.2023. The publication 14.07.2023. Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print. Print. sheets 29.

Circulation 200 copies (first printing – 30 copies). Order №

© Samara University, 2023

This is an open access content distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

Главный редактор

В.А. Конев, д-р филос. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры философии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Редакционная коллегия

История

П.С. Кабытов, д-р ист. наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, зав. кафедрой российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация); профессор (Поволжский филиал Института истории РАН, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Э.Л. Дубман, д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры российской истории (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **ответственный секретарь**

С.И. Ковальская, д-р ист. наук, профессор кафедры истории Казахстана (Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Алматы, Казахстан)

В.В. Кондрашин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории (Институт российской истории РАН, Москва, Российская Федерация)

Б.У. Меннинг, доктор истории, профессор (Университет Канзаса, Лоренс, США)

Д.А. Редин, д-р ист. наук, доцент, заместитель директора Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Институт гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета; Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация)

А. Знаменский, д-р философии по истории, профессор, профессор исторического факультета (Университет Мемфиса, Теннесси, США)

Педагогика

В.П. Бездухов, д-р пед. наук, профессор, чл.-корр. Российской академии образования, кафедра педагогики (Самарский социально-гуманитарный университет, Самара, Российская Федерация)

А. Мантарова, д-р социол. наук (Институт изучения обществ и знания, София, Болгарская академия наук, Болгария)

Т.И. Руднева, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой теории и методики профессионального образования (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

Л.К. Раицкая, д-р пед. наук, профессор кафедры педагогики и психологии (Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

В.А. Капранова, д-р пед. наук, профессор, зав. кафедрой педагогики (Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Республика Беларусь)

Филология

С.И. Дубинин, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой немецкой филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Илюхина, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация) – **заместитель главного редактора**

И. Клюканов, PhD, профессор коммуникации (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Б. Питерс, д-р филос. наук, помощник профессора по связям с общественностью (Колледж искусств и науки Генри Кенделла, Талса, США)

А.А. Харьковская, канд. филол. наук, профессор, профессор кафедры английской филологии (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

А. Эббингхауз, д-р филол. наук, почетный профессор (Баварский университет Юлиуса-Максимилиана, Вюрцбург, Германия)

Г. Синекопова, PhD, профессор (Восточный Вашингтонский университет, Чини, США)

Д.С. Храмченко, д-р филол. наук, доцент по специальности «Германские языки», профессор кафедры английского языка № 4 (Московский государственный университет международных отношений (МГИМО), Москва, Российская Федерация)

Л.Б. Карпенко, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и массовой коммуникации (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Российская Федерация)

Н.А. Туникова, д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой русского языка (Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация)

Chief editor

V.A. Konev, PhD in Philosophy, professor, Honored worker of science of RF, professor of Department of Philosophy (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

Editorial board

History

P.S. Kabytov, PhD in History, professor, Honored worker of science of RF, head of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation); Volga Region branch of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

E.L. Dubman, PhD in History, professor, professor of the Department of Russian History (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **executive secretary**

S.I. Kovalskaya, PhD in History, professor of the Department of Kazakhstan History (Eurasian National University, Almaty, Kazakhstan)

V.V. Kondrashin, PhD in History, chief research officer, head of the Center of Economic History (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

B.W. Menning, PhD in History, professor (University of Kansas, Lawrence, USA)

D.A. Redin, PhD in History, assistant professor, deputy head (Institute of Humanities and Arts of the Ural Federal University; Institute of History and Archeology of The Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russian Federation)

A. Znamenski, PhD in History, full professor of the Faculty of History (University of Memphis, Tennessee, USA)

Pedagogy

V.P. Bezdukhov, PhD in Pedagogics, professor, corresponding member of the Russian Academy of Education, Department of Pedagogics (Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation)

A. Mantarova, Dr. of Sociological Sciences (Institute for the Study of Societies and Knowledge, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria)

T.I. Rudneva, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

L.K. Raitskaya, PhD in Pedagogics, professor of the Department of Pedagogics and Psychology (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

V.A. Kapranova, PhD in Pedagogics, professor, head of the Department of Pedagogy (Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus)

Philology

S.I. Dubinin, PhD in Philology, professor, head of the Department of German Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Ilyukhina, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation) – **deputy chief editor**

I. Klyukanov, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

B. Pifers, PhD in Philosophy, assistant professor of Communication (Henry Kendall College of Arts and Sciences, Tulsa, USA)

A.A. Khar'kovskaya, Candidate of Philological Sciences, professor, professor of the Department of English Philology (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

A. Ebbinghaus, Doctor of Philological Sciences, honorary professor (Julius-Maximilians University of Würzburg, Würzburg, Germany)

G. Sinekopova, PhD, professor of Communication (Eastern Washington University, Cheney, USA)

D.S. Hramchenko, PhD in Philology, assistant professor on the specialty «German Languages», professor of English Language Department № 4 (MGIMO, Moscow, Russian Federation)

L.B. Karpenko, PhD in Philology, professor of the Department of Russian Language and Mass Communication (Samara National Research University, Samara, Russian Federation)

N.A. Tupikova, PhD in Philology, professor, head of the Department of Russian Language (Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Стефаненко В.С. Роль Рене Французской в дипломатической игре XVI в.	8
Макеева С.Б. История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.)	17
Кривова Д.А. Кабинет министров Анны Иоанновны как типовое учреждение эпохи абсолютизма	24
Белоусов С.В. Описание географических условий и городов Пензенской губернии в воспоминаниях военнопленных армии Наполеона в контексте отражения региональной идентичности	30
Соловьев П.К. Динамика численности и локализация единоверческих приходов Самарской губернии в дореволюционный период	39
Титова О.А. Исследовательские парадигмы в изучении детского движения в Советской России и проблема «детских текстов»	49
Артюков А.П., Амелин А.Е. Советско-японская война 1945 года на страницах учебных пособий основного среднего образования	58

ПЕДАГОГИКА

Бурханова И.Ю., Быстрицкая Е.В. Формирование профессионального самоотношения у студентов – спортивных педагогов	67
Филиппченко С.Н., Мельничук П.В., Сыромятников О.В. Развитие устойчивости волевой регуляции у курсантов военных вузов Росгвардии	73
Крюков А.Н. Эвристическая составляющая в структуре профессиональных компетенций переводчика	78
Акчурина М.Т. Развитие технологий E-learning в смешанном обучении	83
Варламова Е.Ю. Лингвокультурные личностные проявления студентов в поликультурной среде российских вузов	87
Журбенко Н.Л., Шейпак О.А., Артюшина Г.Г., Судилина Е.В. Развитие навыков критического мышления студентов неязыковых специальностей	93

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Дечева С.В., Аристова Д.Д. Новый риторический формат жанра университетской лекции	99
Назарова Т.Б. От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности	107
Chekulai I.V., Prokhorova O.N. Some problems of investigating metaphoric domains in the linguistic cultures of different nations	116
Габец А.А. Причины и прагматические эффекты интеграции деловой коммуникации с другими видами дискурса	127
Терпак М.А., Сарычева С.А. Интенсивное обучение специалистов технического направления профессиональной англоязычной терминологии в рамках инновационного развития экономической отрасли	134
Анисимова А.Г., Эйсмонт Н.В. К проблеме составления профессионального англоязычного словаря-минимума	143
Кучумова Г.В., Барабанова Н.В. Языковые средства демифологизации в романе Эльфриды Елинек «Дети мертвых»	153
Галиуллина О.Р. Приемы комического как средства передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии	160
Шукман В.Э. Вербальные маркеры оценки обучающимися учебно-методических комплексов немецкого языка в образовательном дискурсе ФРГ	172
Штырова В.Э. Лексико-прагматический потенциал субстантивных словосочетаний (на материале заглавий современных немецкоязычных романов)	183
Годизова З.И., Яньнин Ши. Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект	192
Феликсов С.В. Имена существительные религиозной семантики на -ник в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати)	201
Шевченко В.Д., Яковлева В.А. Лингвокогнитивные модели в малоформатных текстах англоязычного учебного дискурса (на материале учебного пособия English Unlimited уровня Advanced)	213
Гулов А.П. Письменные жанры на всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку	222
<i>Требования к оформлению статей</i>	231

CONTENTS

HISTORY

Stefanenko V.S. Role of René of France in the diplomatic game of the XVI century	8
Makeeva S.B. History of demographic development of the Chinese province of Heilongjiang (1970–2020)	17
Krivova D.A. Cabinet of Ministers of Anna Ioannovna as a model institution of the era of absolutism	24
Belousov S.V. Description of geographical conditions and cities of Penza province in the memoirs of prisoners of war of Napoleon's army in the context of reflection of regional identity	30
Soloviev P.K. Dynamics of the number and localization of co-religionist parishes of the Samara province in the pre-revolutionary period	39
Titova O.A. Research paradigms in the study of the children's movement in Soviet Russia and the problem of «children's texts»	49
Artyukov A.P., Amelin A.E. Soviet-Japanese War on the pages of textbooks of basic secondary education	58

PEDAGOGICS

Burkhanova I.Yu., Bystritskaya E.V. Formation of professional self-attitude among students – sports teachers	67
Filipchenko S.N., Melnichuk P.V., Syromyatnikov O.V. Development of stability of volitional regulation among cadets of military universities of the Russian national guard	73
Kryukov A.N. Heuristic component in the translator's professional competences structure	78
Akchurina M.T. Development of E-learning technologies in blended learning	83
Varlamova E.Yu. Language-and-culture personal features of students in multicultural environment of Russian universities	87
Zhurbenko N.L., Sheypak O.A., Artyushina G.G., Sudilina E.V. Development of critical thinking skills of students of non-linguistic specialties	93

LINGUISTICS

Decheva S.V., Aristova D.D. A new format of the rhetoric of university lecturing	99
Nazarova T.B. From the typology of types of communication to the typology of communicators: dynamics of communicative behavior and communicative personality	107
Chekulai I.V., Prokhorova O.N. Some problems of investigating metaphoric domains in the linguistic cultures of different nations.	116
Gabets A.A. Causes and pragmatic effects of business communication integration with other types of discourse	127
Terpak M.A., Sarycheva S.A. Intensive training of specialists in the technical direction of professional English-language terminology within the framework of innovative development of economic sector	134
Anisimova A.G., Eismont N.V. On the problem of compiling a professional English-language minimum dictionary	143
Kuchumova G.V., Barabanova N.V. Linguistic means of demythologization in the novel «The Children of the Dead» by Elfriede Jelinek	153
Galiullina O.R. Comic techniques as the means of transmitting negative evaluation in the English-language online movie reviews	160
Shukman V.E. Verbal markers of the learners' evaluation of the German language textbooks in the German educational discourse	172
Shtyrova V.E. Lexical-pragmatic potential of substantive phrases (based on the material of the titles of modern German-language novels)	183
Godizova Z.I., Yannin Shi. Occasional words in the modern Russian language of the turn of the centuries: semantic and word-formation aspect	192
Feliksov S.V. Nouns of religion semantic on <i>-nik</i> in the Russian language of the XVIII century (exemplified by lexicographic works of civil press)	201
Shevchenko V.D., Yakovleva E.V. Linguo-cognitive models in mini-format texts in English educational discourse (based on «English Unlimited» textbook, Advanced)	213
Gulov A.P. Writing genres at the All-Russian Olympiad of schoolchildren in English	222
<i>Requirements to the design of articles</i>	231

ИСТОРИЯ HISTORY

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-8-16

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(44) “15”

Дата поступления: 17.12.2022
рецензирования: 19.01.2023
принятия: 30.05.2023

Роль Рене Французской в дипломатической игре XVI в.

В.С. СтефаненкоСанкт-Петербургский государственный институт культуры,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vladast@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2931-3345>

Аннотация: Статья исследует женскую политическую активность в Европе XVI в., ярким примером которой служит деятельность Рене Французской во время ее пребывания в Ферраре (1528–1559). После смерти Людовика XII и Анны Бретонской принцесса долгое время была важным элементом династической политики Валуа, выступая в качестве потенциальной невесты в быстроменяющихся комбинациях периода Итальянских войн. Будучи замужем за герцогом Феррары, Рене была прежде всего дочерью Франции и выступила проводником политических устремлений французских королей в Италии. Также герцогиня взяла на себя роль покровительницы французских эмигрантов – сторонников протестантизма, что создало уникальный прецедент в споре за юрисдикцию в вопросах веры между ее мужем Эрколе д'Эсте и папой Римским. Пример Рене Французской способствует лучшему пониманию взаимосвязи дипломатии и брака в монарших домах Европы. Выявляется роль высокопоставленной дамы в ведении дипломатических практик как медиатора в отношениях Франции и Феррары. Анализ локальной религиозно-политической деятельности Рене Французской позволяет соотнести реалии «политического тела» принцессы с ее действиями как непосредственного актора европейской политики.

Ключевые слова: история женщин; гендерная история; Франция XVI в.; Феррара; Рене Французская; Эрколе II д'Эсте; Франциск I де Валуа; Анна Бретонская; Луиза Савойская; Генрих II де Валуа.

Цитирование. Стефаненко В.С. Роль Рене Французской в дипломатической игре XVI в. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-8-16>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Стефаненко В.С., 2023

Владислава Сергеевна Стефаненко – сотрудник кафедры музеологии и культурного наследия, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, 191186, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Дворцовая набережная, 2.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.12.2022
Revised: 19.01.2023
Accepted: 30.05.2023

Role of Renée of France in the diplomatic game of the XVI century

V.S. Stefanenko Saint Petersburg State University of Culture, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: vladast@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2931-3345>

Abstract: The article explores women's political activity in Europe of the XVI century. The vivid example of that were Renée of France's actions during her staying in Ferrara (1528–1559). After her parent's death, Louis XII and Anne of Brittany, the princess was an important element of the Valois dynastic policy for a long time. She was a potential bride in the rapidly changing combinations of the period of the Italian Wars. Being married to the Duke of Ferrara, Renée was the daughter of France, first of all, and became a guide of the French kings' political aspirations in Italy. The Duchess also assumed the patroness role for French emigrants-supporters of Protestantism, which created a unique precedent in the dispute over jurisdiction in matters of faith between her husband Ercole d'Este and Pope of Rome. The example of Renée of France contributes to a better understanding of the relationship between diplomacy and marriage in the royal houses of Europe. The role of a high-ranking lady in conducting diplomatic practices is revealed as a mediator in the politics of France and Ferrara. Thus, the analysis of local religious and political activity of Renée of France allows correlating the realities of princess's «political body» with her actions as a direct actor of European politics.

Key words: women studies; gender studies; XVI century France; Ferrara; Renée of France; Ercole II d'Este; Francis I de Valois; Anne of Brittany; Louise de Savoy; Henry II of France.

Citation. Stefanenko V.S. Role of Renée of France in the diplomatic game of the XVI century. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 8–16. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-8-16>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Stefanenko V.S., 2023

Vladislava S. Stefanenko – employee of the Department of Museology and Cultural Heritage, Saint Petersburg State Institute of Culture, 2, Dvortsovaya Embankment, Saint Petersburg, 191186, Russian Federation.

Введение

В настоящее время одним из ключевых направлений в изучении Франции эпохи Старого порядка являются гендерные исследования, освещающие социально-политическую активность высокопоставленных женщин. Так, личность и деятельность Рене Французской (или в итальянской традиции герцогини Ренаты Феррарской) (1510–1575), второй дочери французского Людовика XII и Анны Бретонской, неоднократно становились предметом интереса историков. В XIX в. появились первые биографии принцессы, написанные историками протестантизма [Rodocanachi 1896; Bonnet 1866, p. 65–77]. С середины XX в. личность герцогини затрагивалась в контексте изучения женщин-акторов эпохи Реформации [Jenkins-Blaisdell 1972, p. 196–226] и рассматривалась как «объединяющая фигура протестантской сети» в Италии [Puaux 1997]. На современном этапе исследователи обращают внимание на вопросы организации и особенностей брака Рене и герцога Эрколе II д'Эсте [zum Kolk 2007, p. 102–119], изучают деятельность герцогини в контексте женских гендерных ролей [Scarlatta 2019, p. 61–73], в том числе посредством выстраивания властно-династических связей через «женское родство» [Vray 2010]. Несомненный интерес вызывает и религиозно-литературное наследие Рене [Scarlatta 2021, p. 191–218].

В отечественных работах, за исключением одного исторического очерка конца XIX в. [Балобанова 1899], деятельность Рене Французской не становилась предметом специального изучения, хотя культурное влияние Феррары как сопредельного для Франции двора рассматривалось в рамках куриальных исследований [Шишкин 2018, с. 105–106].

Анализ зарубежной историографии показывает, что участие Рене Французской в политических связях внутри Италии и Франции изучено недостаточно, что во многом связано с состоянием документации, пребывающей в разных архивохранилищах. Коллекция писем Рене из Национальной библиотеки Франции введена в научный оборот частично, равно как и материалы семейных архивов д'Эсте, Медичи, Гонзага и документы герцогства Бретани. По-прежнему сообществу историков малоизвестны письма герцогини и ее современников из Российской национальной библиотеки (РНБ), Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории

РАН (НИА СПбИИ РАН). Упомянутые источники, как и обращение к воспоминаниям очевидцев эпохи, Брантома и Гвиччардини, а также критический анализ историографии позволяют очертить ту роль, которую Рене Французская играла в рамках религиозно-политических и дипломатических отношений в Европе периода Итальянских войн.

«Политическое тело»

На протяжении столетий корона Франции постоянно участвовала в выстраивании династических сетей. Судьба каждой принцессы крови состояла в том, чтобы служить дипломатическим интересам своего дома, становясь с самого детства «политическим телом» для нужд королевства. О брачных союзах Рене велась переписка еще с момента ее крещения в 1510 г. в присутствии послов почти всех европейских дворов (Le Glay 1845, p. 368). Первым женихом Людовика XII видел сына своей сестры Марии Орлеанской, Гастона де Фуа, герцога Немурского, однако тот погиб в ходе Итальянской кампании в 1512 г. Далее вопрос замужества принцессы решался исключительно в контексте Итальянских войн.

Французская корона рассматривала возможность заключения брака с соперниками – домом Габсбургов. Чаще всего речь шла об инфанте Фердинанде, втором внуке императора Максимилиана I. В качестве приданого Рене Французской император требовал Бургундию и просил «прислать к нему ребенка немедленно» (Гвиччардини 2019, т. 1, с. 652). Наместница Фландрии Маргарита Австрийская в письме к отцу Максимилиану I упоминала, что Людовик XII «предлагает католическому королю брак его дочери и дона Фернандо с правом владения Неаполем и замком Жен, так же как герцогством Миланским» (Le Glay 1845, p. 569).

Анна Бретонская, мать Рене, также самостоятельно искала подходящую для нее партию и вела переговоры с епископом Гуркским, приближенным Максимилиана I, о возможности брака принцессы и старшего внука императора Карла Австрийского, рассматривая в качестве приданого Бретань и Милан [Bonnet 1866, no. 2, p. 75]. Епископ отправил во Францию встречное предложение, по которому Людовик XII должен был помогать империи в борьбе с венецианцами, а также дать в приданое герцогство Миланское и уступить будущему зятю свои предполагаемые права на Неаполитанское королевство (Гвиччардини 2019, т. 1, с. 707). Известно, что Максимилиан I благоволил

этому союзу (Le Glay 1839, p. 379), и первый брачный проект был составлен 1 декабря 1513 г. в Блуа (Le Glay 1839, p. 410). В условиях контракта было прописано, что Рене Французская выйдет замуж либо за Карла, либо за его брата Фердинанда и получит в приданое герцогство Бургундское, а также Геную с зависимыми территориями (Le Glay 1845, p. CXIV).

После смерти Людовика XII в 1515 г. Франциск I вновь возобновил брачные переговоры, надеясь на отказ Карла от притязаний в Италии. Однако Маргарита Австрийская, тетка инфанта, выступила в роли его советника и потребовала в приданое герцогство Миланское и графство Асти с владениями (Le Glay 1845, p. CXXII). После месяца переговоров взамен этого было предложено герцогство Беррийское, передаваемое навечно Рене и ее сыновьям при условии, что она откажется от всех прав на родительское наследство, герцогства Миланского и Бретани (Гвиччардини 2019, т. 2, с. 33). Договор был подписан 24 марта 1515 г., но не был реализован, так как в следующем году по Нуайонскому соглашению невестой Карла была названа годовалая дочь Франциска I Луиза с правами на Неаполитанское королевство. Рене же была обещана Карлу в случае смерти Луизы до замужества (Гвиччардини 2019, т. 2, с. 78).

После Мариньяно отношения между Франциском и императором ухудшились, и, чтобы склонить на сторону французов курфюрста Иоахима Бранденбургского, 26 июня 1517 г. был заключен договор о браке Рене с его старшим сыном Иоахимом. Однако в 1519 г. документ утратил силу, так как курфюрст поддержал нового императора Карла V. В 1518 г. шла речь о замужестве принцессы с герцогом Карлом Савойским (Fontana 1889, p. 21). В 1521 г. велись переговоры с посланниками португальского короля Жуана III, который, выступая посредником в конфликте Франции и империи, предложил герцогство Миланское в качестве приданого принцессы для брака со своим братом инфантом Луишем [Oliveira e Costa 2015, p. 420].

Повторное завоевание Франциском I Милана в 1524 г. побудило папу Климента VII выбрать сторону французов и включить в условия мира брак Рене и коннетабля Карла де Бурбона, который в свое время надеялся занять престол Франции после смерти Людовика XII (Fontana 1889, p. 21). Однако поражение короля Франции в битве при Павии в 1525 г. возобновило прежний союз папы и императора.

После заключения с Карлом V Мадридского договора в 1526 г., создания Коньякской лиги и истощения войной королевской казны Франциск I изменил вектор брачной политики. Возвращение Милана под власть французов обуславливало необходимость обезопасить тыл и обеспечить свободный проход для армии. Король настоял, чтобы Альфонсо I Феррарский присоединился к Коньякской лиге и скрепил соглашение посредством свадьбы Рене Французской и его старшего сына

герцога Эрколе д'Эсте (1508–1559). Историки до сих пор спорят, насколько был оправдан такой союз с Феррарой, побудивший Франциска I пойти на очевидный мезальянс [Braun 1988, p. 147–168; zum Kolk 2007, p. 102–119].

Альфонсо, объединившийся до этого с императором, опасался интервенции со стороны Франции и настаивал на проведении переговоров в Ферраре, затребовав в приданое графство Асти. 19 февраля 1528 г. был заключен брачный контракт, по которому восемнадцатилетняя Рене получала довольно скромное для дочери Франции приданое без какой-либо компенсации за ее семейное наследство. Франциск I определил сумму в 250 000 золотых экю и решил одновременно выплатить только 50 000 наличными, а остальную часть Эрколе д'Эсте должен был получать только в виде ежегодной ренты в размере 10 000 экю [Braun 1988, pp. 153, 163]. На деле же король оказался не в состоянии выплатить и эту сумму на содержание Дома герцогини и дополнительно к оговоренным 10 000 назначил Рене ежегодную ренту в размере 2500 экю. Позднее в своих письмах к коннетаблю Анну де Монморанси герцогиня жаловалась на нестабильность выплаты ренты (BnF, Ms. fr. 3152, Fol. 75), что ставило Рене в непосредственную зависимость от короля Франции, который использовал эту ситуацию в собственных целях.

Рене Французская отказывалась от Асти и Бретани, на которые она могла бы претендовать по праву рождения. По брачному контракту Анны Бретонской и Людовика XII между принцессами при наследовании Бретани и других земель не было права первородства, что подразумевало деление наследства в равных долях. После смерти Анны Бретонской Людовик XII от имени своей дочери Клод даровал право управления Бретанью Франциску Ангулемскому как ее мужу. Король уточнял, что этот дар был сделан «без ущерба для права, которое наша [...] дочь Рене Французская имеет или может иметь на эту страну и герцогство; это право и все, что может ей принадлежать, мы сохраняем за ней» (Morice 1746, p. 925–926). После смерти Людовика XII Клод подарила Бретань Франциску I в качестве компенсации за другие дарованные ей земли и ответственность, которую он брал на себя за брак Рене (Morice 1746, p. 939–940). Феррарский же контракт запрещал Рене Французской обращаться в суд с иском против отчуждения ее родительского имущества. Альфонсо д'Эсте был гарантом, что Эрколе и Рене будут уважать отказ в будущем, иначе потеряют доходы от Франции [zum Kolk 2007, p. 106–107].

Вместо этого Франциск предоставил принцессе герцогство Шартрское, графство Жизор и сеньорию Монтаржи. Поскольку герцог Феррары не был сильным противником для короля и не мог отстоять права своей невестки на положенное ей наследство, Франциск I в дальнейшем окончательно включил Бретань в королевский домен.

Изначально для герцога Альфонсо этот брак стал несомненным дипломатическим и династиче-

ским успехом. За ежемесячные выплаты в 6000 эку на протяжении полугода и предоставление в армию короля за свой счет ста конных латников герцог получал от Франциска I защиту своих владений. Также Альфонсо I были обещаны Котиньола и возвращение его дворцов в Венеции и во Флоренции (Гвиччардини 2019, т. 2, с. 464). Однако дальнейшее военное поражение французов в Неаполе и апогей женской дипломатии, «Дамский мир» в Камбре 29 июня 1529 г., отрицательно сказались на Ферраре [Быстрова 2022, с. 24–34]. Папа Климент VII пошел на союз с императором Карлом V, который посягал на Модену и Реджо. Пытаясь повлиять на ситуацию, Рене Французская надеялась на помощь матери короля: в одном из писем к Луизе Савойской она выражала крайнее беспокойство и огорчение от ситуации, которая приводила бы к разорению Феррары (VnF, Ms. fr. 2982, fol. 16). Однако король отказывался от притязаний в Италии.

Семье д'Эсте пришлось пойти на союз с императором уже в октябре 1529 г., сохранив при этом права на Модену и Реджо, за что Рене в своем письме благодарит Карла V, говоря, что чувствует себя ему обязанной (VnF, Ms. fr. 2991, fol. 4). При этом герцогиня пыталась сохранить отношения с Франциском I, поздравляя короля с освобождением его сыновей из испанского плена (VnF, Ms. fr. 3020, fol. 3). Таким образом, союз Рене и Эрколе априори делал Феррару заложницей конфликта между империей и Францией [Коул 2022].

Для Франциска I феррарский брак, с одной стороны, оказался политическим провалом в контексте Итальянской кампании, а с другой – позволил сохранить за собой права на земли, полагавшиеся принцессе крови в наследство, и получить хотя бы один двор в Италии, находящийся под его непосредственным влиянием.

Пример брачных переговоров Рене Французской показывает, что матримониальные метания в виде споров о приданом и отсутствие заинтересованного в успехе брака покровителя делали высокопоставленную женщину заложницей непредсказуемой политической игры. Вместо ранее обещанных герцогств Бретани, Бургундии, Берри и Милана дочь Франции получила лишь небольшие символические владения, поскольку Франциск I не был готов жертвовать централизацией королевства. Таким образом, сочетавшись браком с сыном герцога небольшого княжества Феррары, вассала папы и императора, принцесса крови теряла возможность реального участия в международной политике в качестве суверенной правительницы (подобно ее матери Анне Бретонской) или жены сильного монарха, имеющего бесспорный политический вес в Европе.

Дипломат и гуманист

Рене Французская, типичная принцесса Ренессансной эпохи, согласно Брантому, много училась и могла серьезно рассуждать о науках вплоть до

астрологии (Brantôme 1868, p. 268). Ее учителем был ученый-гуманист Жак Лефевр д'Этапль, благодаря которому она интересовалась философией, богословием, логикой и диалектикой [Балобанова 1899, с. 12–13]. Несмотря на незнание итальянского языка, Рене принимала участие во всех официальных торжественных мероприятиях феррарского двора и вызывала восхищение иностранных послов великолепием своих нарядов [Rodocanachi 1896, p. 75].

Политическое влияние принцессы проявилось в миссии, которую на нее возложил ее свекор Альфонсо I д'Эсте в мае 1534 г. Официальная дипломатическая поездка в Венецию без сопровождения мужа обуславливалась укреплением дружественных отношений Феррары со Светлейшей республикой, для чего потребовалось участие французской принцессы крови. «Политическому телу» Рене в данном случае придавалось первостепенное значение.

Еще с февраля 1534 г. Рене вела переписку с французским послом в Венеции Жоржем де Сельвом, епископом Лаворским, который ожидал ее приезда [Bonnet 1878, p. 3]. По сохранившимся актам из архива Венеции можно отметить, что на содержание герцогини и пиры во время ее пребывания сеньория города выделила большую сумму – 2000 золотых дукатов. Феррарский резидент Джакомо сообщил герцогу Альфонсо, что готовится роскошный прием с участием дожа и членов Сената. Планировалась целая процессия на корабле Бюсантор в окружении гондол, с песнями и музыкой, богатыми костюмами, великолепными коврами на борту и салютом [Bonnet 1878, p. 4].

Рене Французская отправилась в миссию на корабле, драпированном золотой парчой, 10 мая в компании младшего сына герцога, архиепископа Ипполита д'Эсте, состоявшего на французской службе. Однако в сопровождение ей дали только феррарских дам. Герцогиня по-прежнему не знала итальянского и должна была использовать переводчика, чтобы общаться с венецианцами и собственной свитой [Rodocanachi 1896, p. 76].

Для Рене организовали насыщенную программу с посещением сокровищницы Сан-Марко и арсенала в Мурано. Из счетов дома герцогини известно, что в течение десяти дней пребывания в Венеции она со всей присущей королям щедростью тратила немалые суммы [Bonnet 1878, p. 8]. Этот пышный прием стал для венецианцев одним из самых ярких событий и показал уважение не столько к дому д'Эсте, сколько к Франциску I. Статус французской принцессы делал из Рене удобного переговорщика, демонстрируя, что за Феррарой стоит мощь короля Франции. Хотя по результатам поездки определенных договоренностей достигнуто не было, миссия Рене в духе франко-английской встречи в «Лагере Золотой парчи» должна была укрепить дружбу с Венецией и продемонстрировать взаимное великолепие и богатства.

В отличие от уже сложившейся в Ферраре еще в XV в. «политики великолепия» [Жоул 2022, с. 143–174], Рене Французская стремилась создать собственную гуманистическую модель двора, сочетавшую женское лидерство с интеллектуальной свободой и покровительством литераторам. Герцогиня привлекала ко двору и известных итальянских гуманистов, таких как Франческо Порто (Il Graco), Амброджо Кавалли, поэтессу Витторию Колонна, Бернардино Окино и Фульвио Морато. Рене также приветствовала в Ферраре многих религиозных беженцев и некоторых членов еврейской общины, изгнанных с земель Габсбургов.

По просьбе сестры короля Маргариты Наваррской в 1535 г. герцогиня укрывала в Ферраре от преследований Клемана Маро, делая его организатором придворных торжеств и назначив годовое жалование в 200 турецких ливров [Berthon 2021, p. 128]. А через год, в апреле-мае 1536 г., Жан Кальвин посетил двор Рене Французской, и, несмотря на его недолгое пребывание, между ними установились тесная связь и многолетняя переписка. Кальвин высоко ценил в Рене свободный дух поддержки гугенотов, в дальнейшем говоря, что она «словно кормящая мать для бедных изгнанных верующих» (Baum, Cunitz, Reuss 1879, p. 16).

Таким образом, французский двор в Ферраре создавался аналогично евангелистическому двору свояченицы Рене Маргариты Наваррской. Сестра короля служила для герцогини образцом идеальной благородной дамы, с которой Рене Французская поддерживала связь, обмениваясь мнениями о сложившейся политической ситуации [Bonnet 1866, no. 3, p. 125–131]. Подобное своевольное поведение Рене и личное покровительство еретикам итальянская исследовательница Э. Беллини называет «имитацией безбрачия» (simulated celibacy) [Belligni 2021, p. 249]. Этот феномен как властный ресурс обуславливался поведением, когда женщина демонстрировала мужу свою независимость благодаря высокому положению или богатству.

Почему это стало возможным в католической Ферраре? В некоторой степени профранцузская папская дипломатия во многом способствовала значительной терпимости к неортодоксальной деятельности Рене в связи с ее статусом дочери Франции и возможностями социально-политического влияния. Так, в 1543 г. папа Павел III, проявляя благосклонность к Франциску I, вывел Рене Французскую из-под юрисдикции локальной феррарской инквизиции, дав ей особую защиту кардиналов-инквизиторов в Риме [Blaisdell 1975, p. 81]. Однако уже в 1548 г. папа изменил свою позицию и обвинил Рене в «привечании» (réchauffer) еретиков, стекавшихся к ее двору. По протоколам допросов, не было ни одного арестованного, который не признался бы, что был «встречен и спасен ею» [Rodocanachi 1896, p. 206–207].

Павел III призвал Эрколе д'Эсте покончить с этим, однако тот потребовал предоставить ему более весомые доказательства. Ведь в условиях

политической нестабильности из-за присутствия имперских и французских войск на полуострове главной целью герцога Феррары было не столько противодействие ереси, сколько использование этой проблемы для балансирования и обеспечения суверенитета в противовес юрисдикции римской инквизиции.

Проводник французского влияния

После смерти герцога Альфонсо осенью 1534 г. между Франциском I и новым герцогом Феррарским установилось негласное соперничество за контроль над окружением Рене. Приехав в 1528 г. в Италию с огромной французской свитой в 126 человек с общей суммой выплат свыше 50 000 турецких ливров (BnF, Ms. fr. 7856, fol. 901), герцогиня активно поддерживала связь с гугенотами и не стремилась итальянизировать свой образ жизни, что рассматривалось Эрколе как угроза своему авторитету. Так, герцог беспрецедентно увеличил налогообложение для предметов, ввозимых для Рене из Франции. Осенью 1535 г. Эрколе отправился в Рим и Неаполь, чтобы засвидетельствовать почтение и наладить связи с папой Павлом III и императором Карлом V [Blaisdell 1975, p. 74]. Герцогу хотелось окончательно выйти из-под влияния короля при своем дворе, поэтому большим ударом для Рене стало увольнение французским фрейлином со службы ее дома, назначенных самим Франциском I. Эрколе хотелось заменить дам Рене на верных ему набожных итальянок.

В феврале-марте 1536 г. герцог также вынудил покинуть двор и одну из самых близких для Рене фрейлин, ее бывшую гувернантку мадам де Субиз. Об этом можно судить из переписки дипломатов Марко Пио, сеньора де Карпи с кардиналом Гонзага: «С тех пор как мадам де Субиз уехала, мадам герцогиня больше не появлялась на публике и никуда не выходила, за исключением небольшого кабинета, где [...] никому не позволено ее видеть» [Bonnet 1887, p. 4]. Далее последовала скандальная выходка певицы герцогской капеллы Жаннет де Бушфор, которая в Страстную пятницу 14 апреля 1536 г. демонстративно покинула мессу непосредственно перед поклонением Кресту. Местный инквизитор, находящийся под юрисдикцией герцога, начал расследование инцидента, после которого по обвинению в ереси было арестовано несколько человек [Blaisdell 1975, p. 76]. Каждая мера, принятая Эрколе д'Эсте в отношении французских слуг, рассматривалась Франциском I как вмешательство в королевские prerogatives. Семейный кризис отношений герцогской пары был отмечен политическим контекстом, что регулярно побуждало дипломатов к вмешательству.

Рене встала на защиту обвиняемых и потребовала их неприкосновенности, обратившись к королю Франции и папе Павлу III через французского посла в Венеции – епископа Макона (Fontana 1889, p. 337–344). В связи с тем что вопросы ереси – церковная юрисдикция, а армия Франциска была на папской границе, Павел III, стремясь не всту-

пать в конфликт с королем, просил, чтобы заключенные были подвергнуты допросу инквизитора в Болонье или Риме.

Также до своей поездки в Венецию (июль 1536 г.), получив инструкции от Рене, французский дипломат кардинал Жорж д'Арманьяк провел шесть дней в Ферраре, чтобы уладить конфликт между герцогиней и ее мужем (Samaran, Lemaître 2007, p. 6–7). Чтобы избежать вопросов юрисдикции и защитить свои суверенные права, Эрколе передал арестованных французскому послу в Венеции, который их освободил. Таким образом, задержание нескольких приближенных Рене сопровождалось дипломатической полемикой. Эрколе недооценил поддержку, получаемую герцогиней как дочерью Франции в Риме.

Отношения между супругами продолжили ухудшаться. Рене проводила все больше времени в окружении французов на своей вилле за городом, давая приют еретикам [Blaisdell 1975, p. 79] и одновременно продолжая активно пользоваться поддержкой Франциска I. В феврале 1539 г. была предпринята секретная миссия, порученная Рене Французской доверенному лицу – Антуану де Пону, графу де Маренну. Недавно назначенный камер-юнкером короля, Антуан де Пон имел все основания вызывать поездки ко французскому двору, не вызывая недовольства герцога Феррарского. О важности миссии можно также судить по косвенным сведениям из писем жены Антуана де Пона, дочери мадам де Субиз, Анны де Партене, в которых говорится о ценных предметах обихода (оружии, шпорах, тканях и др.), вывезенных из Феррары и предназначенных в дар коннетаблю Анну де Монморанси [Bonnet 1887, p. 10].

Выполняя дипломатические поручения Рене, граф лично доставлял письма, адресованные Франциску I. Герцогиня была осторожна, и в текстах речь шла об устном послании и просьбе верить словам курьера (Ribier 1666, p. 505). Обращаясь к королю, Рене писала: «Вы милостиво не забываете обо мне, что является единственным утешением, которого я желаю, будучи удаленной от Вас и находясь в месте, которое мне не нравится, не имея большой возможности постоянно изъявлять Вам свою преданность, так как я всегда была готова услужить [...]. Суть моей просьбы передаст Вам один из моих дворян, настоящий курьер, которого я отправляю к Вам, монсеньор, умоляя оказать мне честь выслушать его, поверить его словам и не отказать в проявлении Вашей милости и в благожелательной защите» (ОР РНБ, Авт. 34/1, № 71).

Письмо выражает глубочайшую преданность Франции и трепетное отношение к королю, а также говорит о том, насколько Рене Французской не нравилась жизнь в Ферраре. Осторожность была оправданна, так как из-за преследований герцогини за ее религиозные убеждения со стороны мужа, некоторые послания перехватывались и не доходили до адресата. Так, например, в своем письме к Рене осенью 1534 г. французский посланник в Риме кардинал Франсуа де Турнон сетует, что его

последние письма так и не дошли, говоря о том, что, возможно, они были перехвачены герцогом (BnF, Ms. fr. 3085, fol. 1).

На протяжении всего пребывания в Италии герцогиня брала на себя заботу по защите французских династических интересов. Брантом писал, что Франциск I, каждый раз проезжая через Феррару, встречался с Рене и получал от нее подарки. Во время походов герцога де Гиза в Италию в 1540-х гг. герцогиня спасла более десяти тысяч жизней военных людей и солдат короля, оказав помощь продовольствием, лекарствами и деньгами, «настолько были велики ее милосердие и щедрость по отношению к представителям своей нации» (Brantôme 1868, p. 270–271).

Рене Французская локализовала свою сеть дипломатической корреспонденции между Францией, Римом и итальянскими княжествами. Большая часть переписки герцогини (81 письмо) со многими французскими деятелями хранится в Национальной библиотеке Франции и разбросана по разным сборникам. Также в РГАДА в составе коллекции К. Ламуаньона сохранилось 3 письма Рене за период с 1548 по 1551 г. к Генриху II и коннетаблю Франции Анну де Монморанси (Малов, Шаркова 1997, с. 119, 151, 179). Исходя из данных архива д'Эсте, письма были адресованы французским посланникам в Риме – кардиналу Франсуа де Турнону и епископу Макону; послу Франции в Венеции – Жоржу де Сельву, епископу Лаворскому; послам дома д'Эсте – П.А. Торелли у принца Оранского и Джулио Гранди и Альфонсо Россетти в Риме; сеньору Галеотто Пико Делла Мирандола; герцогу и герцогине Мантуи Гульельмо I Гонзага и Элеоноре Австрийской и др. (Archivio segreto Estense 1953, p. 48–51).

Прослеживаются и взаимоотношения Рене с дипломатическими агентами, такими как ее деверь Ипполито II д'Эсте, выполнявший роль посредника в политике Феррары при французском дворе [Sénié 2021, p. 48, 62] и представителями семьи Гизов, в частности с кардиналом Карлом Лотарингским, особенно с тех пор, как ее дочь Анна д'Эсте вышла замуж за Франсуа де Гиза в декабре 1548 г. (Cuisiat 1998, p. 150–151).

Несомненно, что, помимо переписки, герцогиня постоянно находилась и в личном контакте с французскими дипломатами в Италии. В своих письмах к Генриху II его посланники в Италии сеньор де Фюмель и Франсуа де Роган де Жье упоминают о достойном приеме, оказанном им Рене и Эрколе (Люблинская 1963, с. 69, 111). Примечательно, что ко всем действиям с феррарской стороны дипломаты перманентно употребляет форму «они», подчеркивая равноценность для Франции отношений как с герцогом, так и с герцогиней. В своем послании Жье также отметил, что Рене приказала написать Генриху II о том, что король – «вся ее надежда». Также посол упомянул о необходимости выказать герцогине внимание в связи с тем, что «она оказывает большие услуги», заботясь в Ферраре о делах короны (Люблинская 1963, с. 111).

Несмотря на давление со стороны супруга и папы Римского, Рене продолжала поддерживать протестантов. Благодаря начавшейся Контрреформации, Эрколе решился на более серьезные меры, издав 18 марта 1554 г. указ, запрещающий въезд в его государство всем лицам, подозреваемым в содействии Реформации [Rodocanachi 1896, p. 235].

Невзирая на преданность короне Франции, личные отношения с племянником, новым королем, у Рене складывались не столь близкими, как это было с Франциском I. Поэтому в марте 1554 г. герцог Феррары пишет Генриху II о том, что еретическая репутация Рене распространилась по всей Италии и необходимо принять меры (BnF, Ms. fr. 3126, fol. 56). Так как вопросы о неортодоксальности Рене находились в юрисдикции святого престола, в ответ на это в мае-июне 1554 г. Генрих II собственноручно отвечает герцогу, сообщая о направлении в Феррару инквизитора-доминиканца Матье Ори, чтобы склонить свою тетку вернуться в лоно католической церкви (НИА СПбИИ РАН, кол. 9., карт. 338, № 19А). Таким образом, Эрколе обходил давно тянущиеся вопросы юрисдикции с папой, перекаладывая ответственность на французоз. Долгий судебный процесс и последующее лишение Рене свободы [Rodocanachi 1896, p. 238–246] показали, насколько важным для герцогини было сохранение связи с королевской семьей Франции и страх потери политического веса. После этого 12 ноября 1554 г. Генрих II выразил удовлетворение в связи с возвращением в католическую веру своей тетки, а также готовность прислать к ней французских дворян и слуг (НИА СПбИИ РАН, кол. 9., карт. 338, № 19).

Со смертью герцога Эрколе в 1559 г. Рене Французская ненадолго становится регентом Феррары.

Однако, придя к власти, ее сын Альфонсо II ясно дал понять, что не станет терпеть ересь на своих землях, восстановив все вассальные связи с папой. Этот шаг стал одной из причин, побудивших герцогиню вернуться во Францию, навсегда покинув Италию.

Заключение

Дипломатическая активность Рене Французской в Ферраре стала своего рода политической «витриной» герцогства, отражавшей, с одной стороны, внешний конфликт герцога с королем и папой за влияние, а с другой – внутреннюю конфронтацию между супругами. Брак Рене способствовал продолжению централизации французских земель посредством окончательной инкорпорации Бретани в королевский домен. Однако как «политическое тело» принцесса лишалась богатого приданого и использовала свою власть только благодаря статусу дочери Франции. По этой причине Рене стала выступать в качестве медиатора политических идей французских королей, локализуясь в Ферраре и ограничивая дипломатическую сеть преимущественно Францией и Италией. Вместе с тем параллельно происходил процесс ее сближения с представителями эмиграции и сторонниками протестантизма. Создав собственный религиозно-политический кружок в Ферраре, герцогиня влиялась в протестантско-кальвинистскую сеть, становясь одним из ее центров в Италии. Привечение еретиков создало уникальный для Феррары прецедент в споре за юрисдикцию в вопросах веры между ее мужем Эрколе д'Эсте и папой. Таким образом, Рене Французская по праву может быть вписана в контекст гендерной дискуссии о женщинах во власти в XVI в.

Материалы исследования

Archivio segreto Estense 1953 – Archivio segreto Estense. Sezione «Casa e Stato». Inventario. Rome, 1953. 318 p.

Baum, Cunitz, Reuss 1879 – Baum G., Cunitz E., Reuss E. – Ioannis Calvini Opera Quae Supersunt Omnia ad fidem editionum principum et authenticarum ex parte etiam codicum manu scriptorium additis prolegomenis literariis annotationibus criticis, annalibus calvinianis indicibusque novis et copiosissimis / ed. G. Baum, E. Cunitz, E. Reuss. Vol. XX. Brunsvigae, 1879. 756 p.

BnF – *Bibliothèque nationale de France*. URL: <https://www.bnf.fr/fr>.

Brantôme 1868 – Brantôme P. Vies des dames illustres, françaises et étrangères (Nouvelle édition avec une introduction et des notes) / éd. L. Moland. Paris, 1868. 482 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k96761168>.

Cuisiat 1998 – Cuisiat D. Lettres du cardinal Charles de Lorraine (1525–1574). Genève, 1998. 710 p.

Fontana 1889 – Fontana B. Renata di Francia, duchessa di Ferrara, sui documenti dell'archivio Estense, del Mediceo, del Gonzaga e dell'archivio segreto Vaticano. Vol. 1. Rome, 1889. 554 p.

Le Glay 1839 – Le Glay A. Correspondance de l'empereur Maximilien Ier et de Marguerite d'Autriche, sa fille, gouvernante des Pays-Bas, de 1507 à 1519. T. 2 / par A. Le Glay. Paris, 1839. 540 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k111240p.texteImage>.

Le Glay 1845 – Le Glay M. Negotiations diplomatiques entre la France et l'Autriche durant les trente premières années du XVIe siècle. T. I / ed. M. Le Glay. Paris, 1845. 817 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54071934>.

Morice 1746 – Morice P.-H. Memoires pour servir de preuves a l'histoire ecclesiastique et civile de Bretagne. T. III. Paris, 1746. 1015 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k10416457.image>.

Ribier 1666 – Ribier G. Lettres et memoires d'Etat, des roys, princes, ambassadeurs, et autres ministres, sous les regnes de François premier, Henry II. & François II. Tome premier. Paris, 1666. 689 p. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b8626746c.image>.

Samaran, Lemaître 2007 – *Samaran C., Lemaître N. Correspondance du cardinal Georges d'Armagnac / ed. N. Lemaître et C. Samaran. T. I. 1530–1560. 2007. 450 p.*

Гвиччардини 2019 – *Гвиччардини Ф. История Италии: в 2 т. / пер. с итал. и подгот. издания М.А. Юсима. Москва, 2019.*

Люблинская 1963 – *Люблинская А.Д. Документы по истории внешней политики Франции. 1547–1548 гг. Москва, 1963. 394 с.*

Малов, Шаркова 1997 – *Малов В.Н., Шаркова И.С. Коллекция Ламуаньона. Опись документов. Выпуск 1. Москва, 1997. 224 с.*

НИА СПбИИ РАН – *Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН.*

ОР РНБ – *Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.*

Библиографический список

Belligni 2021 – *Belligni E. A Challenging Wife: Renée de France and Simulated Celibacy // Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 247–283. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_9.*

Berthon 2021 – *Berthon G. The Duchess and the Poet: Rereading Variants of Two Poems Written in Exile by Clement Marot to Renée de France in Relation to Ongoing Diplomatic Negotiations (1535–1538) // Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 127–165. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_5.*

Blaisdell 1975 – *Blaisdell C. Politics and Heresy in Ferrara, 1534–1559 // The Sixteenth Century Journal. 1975. Vol. 6, no. 1. P. 67–93.*

Bonnet 1866 – *Bonnet J. Jeunesse de Renée de France: I // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1866. Vol. 15, no. 2. P. 65–77. URL: <https://www.jstor.org/stable/24283541>.*

Bonnet 1866 – *Bonnet J. Quatre lettres inédites: de Marguerite de Navarre, soeur de François Ier: a Renée de France, duchesse de Ferrare. 1529–1536 // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1866. Vol. 15, no. 3. P. 125–131. URL: <https://www.jstor.org/stable/24283551>.*

Bonnet 1878 – *Bonnet J. Renée de France a Venise: Mai 1534. // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1878. Vol. 27, no. 1. P. 2–10. URL: <https://www.jstor.org/stable/24283293>.*

Bonnet 1887 – *Bonnet J. Une mission d'Antoine de Pons a la cour de France (1539) // Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français). 1887. Vol. 26, no. 1. P. 4–14. URL: <https://www.jstor.org/stable/24283632>.*

Braun 1988 – *Braun G. Le mariage de Renée de France avec Hercule d'Esté: une inutile mesalliance. 28 juin 1528 // Histoire, économie et société. 1988. No. 2. P. 147–168. URL: <https://cour-de-france.fr/histoire-et-fonction/histoire-et-fonctionnement/politique-et-religion/etudes-modernes/article/le-mariage-de-renee-de-france-avec-hercule-d-este-une?lang=fr>.*

Jenkins-Blaisdell 1972 – *Jenkins-Blaisdell Ch. Renée de France Between Reform and Counter-Reform // Archiv für Reformations-geschichte. 1972. Vol. LXIII. P. 196–226. DOI: <https://doi.org/10.14315/arg-1972-jg11>.*

Oliveira e Costa 2015 – *Oliveira e Costa J.P. Anais de História de Além-Mar. Vol. XVI. Lisboa, 2015. 594 p. URL: https://www.ces.uc.pt/myces/UserFiles/livros/1215_AHAM%2018_ISSN%200874-9671_Mendiratta.pdf.*

Puau 1997 – *Puau A. La Huguenote Renée de France. Paris, 1997. 487 p.*

Rodocanachi 1896 – *Rodocanachi E. Renée de France, duchesse de Ferrare: une protectrice de la réforme en Italie et en France. Paris, 1896. 573 p.*

Scarlatta 2019 – *Scarlatta G. Marguerite de Navarre and Renée de France: Gender, Power, and Sexuality in Betussi's and Brantôme's Illustrious Women // Royal Studies Journal. 2019. Vol. 6, issue 2. P. 61–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.21039/rsj.197>.*

Scarlatta 2021 – *Scarlatta G. Between Literature and Religion: Renata di Francia's Literary Network // Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power. Palgrave Macmillan, Cham, 2021. P. 191–218. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_7.*

Sénié 2021 – *Sénié J. Entre l'Aigle, les Lys et la tiare. Les relations des cardinaux d'Este avec le royaume de France (1530–1590). Firenze, 2021. 358 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.36253/978-88-5518-519-6>.*

Vray 2010 – *Vray N. Renée de France et Anne de Guise: Mère et fille entre la loi et la foi au XVIe siècle. Lyon, Paris, 2010. 155 p. Available at: <http://alozjijroberto.blogspot.com/2017/08>.*

zum Kolk 2007 – *zum Kolk C. Les difficultés des mariages internationaux: Renée de France et Hercule d'Este // I. Poutrin et M.-K. Schaub (dir.), Femmes et pouvoir politique. Les princesses d'Europe, XVe – XVIIIe siècle. Rosny-sous-Bois, 2007. P. 102–119. URL: <https://cour-de-france.fr/individus-familles-groupes/famille-royale/etudes-modernes/article/les-difficultes-des-mariages-internationaux-renee-de-france?lang=fr>.*

Балобанова 1899 – *Балобанова Е.В. Две судьбы. Герцогиня Рената Феррарская и муза Италии Олимпия Мората. Санкт-Петербург, 1899. 136 с.*

Быстрова 2022 – Быстрова В.С. Женская дипломатия во Франции XVI в.: пример Луизы Савойской // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28, № 1. С. 24–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-24-34>.

Коул 2022 – Коул Э. Жизнь при дворе: искусство, удовольствия, власть. Ренессанс в Италии. Москва, 2022. 272 с.

Шишкин 2018 – Шишкин В.В. Французский королевский двор в XVI веке. История института. Санкт-Петербург, 2018. 544 с.

References

Belligni 2021 – Belligni E. (2021) A Challenging Wife: Renée de France and Simulated Celibacy. In: Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) *Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 247–283. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_9.

Berthon 2021 – Berthon G. (2021) The Duchess and the Poet: Rereading Variants of Two Poems Written in Exile by Clement Marot to Renee de France in Relation to Ongoing Diplomatic Negotiations (1535–1538). In: Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) *Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power*. Palgrave Macmillan, Cham, 2021, pp. 127–165. DOI: http://doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_5.

Blaisdell 1975 – Blaisdell C. (1975) Politics and Heresy in Ferrara, 1534–1559. *The Sixteenth Century Journal*, 1975, vol. 6, no. 1, pp. 67–93.

Bonnet 1866 – Bonnet J. (1866) Jeunesse de Renée de France: I. *Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français)*, vol. 15, no. 2, pp. 65–77. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24283541>.

Bonnet 1866 – Bonnet J. (1866) Quatre lettres inédites: de Marguerite de Navarre, soeur de François Ier: a Renée de France, duchesse de Ferrare. 1529–1536. *Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français)*, vol. 15, no. 3, pp. 125–131. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24283551>.

Bonnet 1878 – Bonnet J. (1878) Renée de France a Venise: Mai 1534. *Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français)*, vol. 27, no. 1, pp. 2–10. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24283293>.

Bonnet 1887 – Bonnet J. (1887) Une mission d'Antoine de Pons a la cour de France (1539). *Bulletin historique et littéraire (Société de l'Histoire du Protestantisme Français)*, vol. 26, no. 1, pp. 4–14. Available at: <https://www.jstor.org/stable/24283632>.

Braun 1988 – Braun G. (1988) Le mariage de Renée de France avec Hercule d'Esté: une inutile mesalliance. 28 juin 1528. *Histoire, économie et société*, no. 2, pp. 147–168. Available at: <https://cour-de-france.fr/histoire-et-fonction/histoire-et-fonctionnement/politique-et-religion/etudes-modernes/article/le-mariage-de-renee-de-france-avec-hercule-d-este-une?lang=fr>.

Jenkins-Blaisdell 1972 – Jenkins-Blaisdell Ch. (1972) Renée de France Between Reform and Counter-Reform. *Archiv für Reformations-geschichte*, vol. LXIII, pp. 196–226. DOI: <http://doi.org/10.14315/arg-1972-jg11>.

Oliveira e Costa 2015 – Oliveira e Costa J.P. (2015) Anais de História de Além-Mar. Vol. XVI. Lisboa, 594 p. Available at: https://www.ces.uc.pt/myces/UserFiles/livros/1215_AHAM%2018_ISSN%200874-9671_Mendiratta.pdf.

Puau 1997 – Puau A. (1997) La Huguenote Renée de France. Paris, 487 p.

Rodocanachi 1896 – Rodocanachi E. (1896) Renée de France, duchesse de Ferrare: une protectrice de la réforme en Italie et en France. Paris, 573 p.

Scarlatta 2019 – Scarlatta G. (2019) Marguerite de Navarre and Renée de France: Gender, Power, and Sexuality in Betussi's and Brantôme's Illustrious Women. *Royal Studies Journal*, vol. 6, issue 2, pp. 61–73. DOI: <http://dx.doi.org/10.21039/rsj.197>.

Scarlatta 2021 – Scarlatta G. (2021) Between Literature and Religion: Renata di Francia's Literary Network. In: Peebles K.D., Scarlatta G. (eds.) *Representing the Life and Legacy of Renée de France. Queenship and Power*. Palgrave Macmillan, Cham, pp. 191–218. DOI: http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-69121-9_7.

Sénié 2021 – Sénié J. (2021) Entre l'Aigle, les Lys et la tiare. Les relations des cardinaux d'Este avec le royaume de France (1530–1590). Firenze, 358 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.36253/978-88-5518-519-6>.

Vray 2010 – Vray N. (2010) Renée de France et Anne de Guise: Mère et fille entre la loi et la foi au XVIe siècle. Lyon, Paris, 155 p. Available at: <http://alozijroberto.blogspot.com/2017/08/>.

zum Kolk 2007 – zum Kolk C. (2007) Les difficultés des mariages internationaux: Renée de France et Hercule d'Este. In: I. Poutrin et M.-K. Schaub (dir.), *Femmes et pouvoir politique. Les princesses d'Europe, XVe – XVIIIe siècle*. Rosny-sous-Bois, 2007, pp. 102–119. URL: <https://cour-de-france.fr/individus-familles-groupes/famille-royale/etudes-modernes/article/les-difficultes-des-mariages-internationaux-renee-de-france?lang=fr>.

Balobanova 1899 – Balobanova E.V. (1899) Two destinies. Duchess Renata of Ferrara and the muse of Italy Olympia Morata. Saint Petersburg, 136 p. (In Russ.)

Bystrova 2022 – Bystrova V.S. (2022) The women's diplomacy in 16th century France: the example of Louise of Savoy. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 1, pp. 24–34. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-1-24-34>. (In Russ.)

Cole 2022 – Cole E. (2022) Italian Renaissance courts: Art, pleasure and power. Moscow, 272 p. (In Russ.)

Shishkin 2018 – Shishkin V.V. (2018) French Royal Court in the XVI century. History of Institution. Saint Petersburg, 544 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94 (913.1) + 314.045

Дата поступления: 18.01.2023
рецензирования: 20.02.2023
принятия: 30.05.2023

История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.)

С.Б. Макеева

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

Аннотация: В статье представлена история демографического развития одной из китайских северо-восточных провинций. На демографические процессы китайской приграничной провинции Хэйлунцзян оказали влияние различные процессы социально-политических, торгово-экономических, внешнеполитических и пространственно-региональных трансформаций КНР во второй половине XX в. Целью статьи является рассмотрение исторических особенностей, факторов и причин депопуляции населения приграничной с Россией провинции Хэйлунцзян. В результате изучения природно-климатического, институционально-политического и модернизационно-промышленного факторов исторической эволюции провинции Хэйлунцзян установлено, что современная убыль и старение населения, сокращение рождаемости, миграция трудовых ресурсов из провинции в другие регионы Китая являются следствием сокращения государственных предприятий, реализации стратегии регионального неравномерного развития в 1978–1999 гг., низкой инвестиционной привлекательности, длительной инновационно-технологической адаптации провинции Хэйлунцзян к быстрым темпам экономического развития Китая. В начале 1990-х годов, когда Советский Союз распался и экономика соседнего государства находилась в сложных условиях, близость к России не принесла экономический подъем Хэйлунцзяну. Напротив, именно тяжелая промышленность, обеспечивавшая передовые позиции Северо-Восточному Китаю в середине XX века, стала препятствием для экономического развития Хэйлунцзяна. В 1990-е гг. реформа государственных предприятий привела к увольнению рабочих, которые, потеряв работу, покидали провинцию Хэйлунцзян. Сокращение темпов роста старой промышленной базы на Северо-Востоке КНР оказало влияние на то, что провинция Хэйлунцзян постепенно превратилась из территории основного притока населения (1950–1960-е гг.) в территорию с наибольшим оттоком населения (2010-е гг. по настоящее время).

Ключевые слова: всеобщая история; историческая демография; провинция Хэйлунцзян; стратегическая территория; депопуляция населения; отток трудовых ресурсов; государственные предприятия.

Цитирование. Макеева С.Б. История демографического развития китайской провинции Хэйлунцзян (1970–2020 гг.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Макеева С.Б., 2023

Светлана Борисовна Макеева – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, 121069, Российская Федерация, г. Москва, Борисоглебский переулок, 13.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 18.01.2023
Revised: 20.02.2023
Accepted: 30.05.2023

History of demographic development of the Chinese province of Heilongjiang (1970–2020)

S.B. Makeeva

Institute for Demographic Research – Branch,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS),
Moscow, Russian Federation

E-mail: msbmag9581@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

Abstract: The article presents the history of the demographic development of one of the Chinese northeastern provinces. Various processes of socio-political, trade, economic, foreign policy and spatial-regional transformations of the PRC in the second half of the XX century influenced the demographic processes of the Chinese border province of Heilongjiang. The purpose of the article is to consider the historical features, factors and reasons for the depopulation of the population of the Heilongjiang province bordering Russia. As a result of studying the natural-climatic, institutional-political and modernization-industrial factors of the historical evolution of Heilongjiang Province, it has been established that the current decline and aging of the population, the decline in the birth rate, the migration of labor resources from the province to other regions of China is a consequence of the reduction of state-owned enterprises, the implementation of a strategy

of regional uneven development in 1978–1999, low investment attractiveness, long-term innovation and technological adaptation of Heilongjiang Province to the rapid pace of China's economic development. In the early 1990-ies, when the Soviet Union collapsed and the economy of a neighboring state was in difficult conditions, proximity to Russia did not bring economic growth to Heilongjiang. On the contrary, it was the heavy industry that provided the leading positions for Northeast China in the middle of the XX century that became an obstacle to the economic development of Heilongjiang. In the 1990-ies the reform of state-owned enterprises led to the dismissal of workers who, having lost their jobs, left Heilongjiang province. The decline in the growth rate of the old industrial base in the Northeast of the PRC has had an impact on the fact that Heilongjiang Province has gradually turned from the territory of the main influx of population (1950–1960-ies) into the territory of the largest outflow of population (2010-ies to the present).

Key words: general history; historical demographics; Heilongjiang Province; strategic territory; population depopulation; outflow of labor resources; state enterprises.

Citation. Makeeva S.B. History of demographic development of the Chinese province of Heilongjiang (1970–2020). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 17–23. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-17-23>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Makeeva S.B., 2023

Svetlana B. Makeeva – Candidate of Historical Sciences, leading researcher, Institute for Demographic Research – branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), 13, Borisoglebsky Lane, Moscow, 121069, Russian Federation.

Введение

В последние годы убыль населения в Северо-Восточном Китае превратилась в серьезную демографическую проблему для китайского правительства. Являясь ключевым звеном стратегии регионального скоординированного развития, возрождение старой промышленной базы Северо-Восточного Китая в определенной степени влияет на общее качество экономического развития Китайской Народной Республики, при этом население как важный фактор играет решающую роль. Результаты Седьмой переписи населения КНР (2020 г.) показывают, что темпы убыли населения в провинции Хэйлунцзян самые высокие в стране, а количество стареющего населения – самое большое среди китайских провинций. В 2021 г. население Хэйлунцзяна достигло 31 млн 250 тысяч человек. Провинция Хэйлунцзян является административной единицей провинциального уровня КНР со столицей в городе Харбине. Данная провинция выступает стратегически важной территорией КНР. Хэйлунцзян граничит с Россией на севере и востоке, с Автономным районом Внутренняя Монголия на западе и с провинцией Цзилинь на юге. Общая площадь провинции Хэйлунцзян составляет 473 000 км², занимая шестое место по стране. Провинция Хэйлунцзян не имеет выхода к морю, хотя железная дорога связывает провинцию с Россией. Данная провинция является многонациональной: помимо ханьцев проживает 10 этнических меньшинств, среди них маньчжуры, корейцы, монголы, хуэйцы, дауры, народность сибо, нанайцы, ороочоны, эвенки и киргизы [Фуцзюнь 1957, с. 12–37]. Территория современной провинции Хэйлунцзян всегда в истории Китая считалась отдаленной и непригодной для жизни. По мнению китайской научной общественности, если население продолжит сокращаться, это будет иметь долгосрочные негативные последствия для защиты границ и территориального суверенитета Китая [Цзыци 2020, р. 8–11].

Целью данной статьи является рассмотрение историко-демографических процессов в приграничной с Россией северо-восточной провинции

Хэйлунцзян, чтобы определить исторические причины, условия и особенности депопуляции населения данной территории. В отечественной историографии история Северо-Восточного региона, в том числе провинции Хэйлунцзян находит отражение в фундаментальных исследованиях В.Л. Ларина, С.А. Иванова, И.В. Ставрова, И.Ю. Зуенко, Г.В. Кондратенко, работы которых представляют значительную ценность для китайедов разных стран [История Северо-Восточного Китая... 2021, с. 452; История Северо-Восточного Китая... 2018, с. 356].

Демографическое развитие провинции Хэйлунцзян до начала политики «реформ и открытости»

На историю демографического развития китайской приграничной провинции Хэйлунцзян оказали влияние различные процессы социально-политических, торгово-экономических, внешне-политических и пространственно-региональных трансформаций КНР во второй половине XX в. Во время проведения первой переписи населения КНР в 1953 г. количество жителей приграничной провинции Хэйлунцзян составило 11 млн 897 тыс. человек. В ходе строительства промышленных баз в КНР в 1950–1960-е гг. территория Дунбэя (Северо-Востока КНР) превратилась в локомотив индустриального развития Китая. Все три северо-восточные провинции, включая Хэйлунцзян привлекали трудовых мигрантов из внутренних регионов КНР [Цзиньцзи, Юнцань 1989, с. 23–47].

В период с 1949 по 1978 г. в КНР была принята и реализовывалась стратегия регионального выравнивающего и сбалансированного развития (域均衡发展战略 1949–1978 гг.). Экономическое развитие регионов КНР ориентировалось на цели и задачи построения высокоцентрализованной системы плановой экономики и было обусловлено национальной стратегией формирования регионов с развитой тяжелой промышленностью [Makeeva 2020, с. 196–206]. В стратегии регионального выравнивающего развития Северо-Востоку придавалось большое значение. После от-

крытия Дацинского нефтяного месторождения в 1959 г. этот участок северо-восточной территории стал ключевым районом промышленного развития Китая. Открытие государственных лесхозов, государственных хозяйств (госхозов) и сельскохозяйственных зон вспахивания и засеивания также позволило переселиться в провинцию Хэйлунцзян большому количеству увлеченных молодых людей из ряда центральных и восточных провинций КНР [Цзунлянь 1985, с. 83–91]. Следовательно, реализация стратегии регионального выравнивающего и сбалансированного развития Китая оказала положительное влияние на демографические процессы в провинции Хэйлунцзян, превратив данную территорию в индустриально развитый район, привлекавший множество трудовых ресурсов из внутренних провинций КНР и обеспечивавших благоприятные условия для рождаемости в данной провинции.

За 33 года, с 1949 по 1982 г., среднегодовые темпы прироста населения Хэйлунцзяна достигли 3,63 %, что было значительно выше, чем в целом по стране [Чжитин 2003, с. 321–367]. Быстрый рост населения провинции в основном был связан с расширением индустриальных проектов, успешным функционированием государственных предприятий, запуском и эффективным развитием нефтяного месторождения Дацин и лесного массива Большой Хинган, сельскохозяйственным освоением равнины Саньцзян (Сунгарийская равнина течения трех рек). Сохранялся высокий уровень рождаемости населения. В провинции открывались новые предприятия, обеспечивая более широкий спектр возможностей для трудоустройства, а увеличение доходов сыграло стимулирующую роль в повышении рождаемости.

К началу 1970-х гг. население провинции увеличилось до 25 млн 226 тыс. человек. С 1974 г. рост населения провинции Хэйлунцзян замедлился [Сянлин 1986, с. 33–39]. В этот период провинция осуществляла общегосударственную политику планирования семьи, благодаря которой уровень рождаемости в провинции был ограничен. Низкий уровень рождаемости в провинции Хэйлунцзян приходится на период с 1974 по 1985 г. Если в 1985 г. население провинции составило 33 млн 570 тыс. человек, то в 1990 г. – 35 млн 430 тыс. человек. В 1990 г. в провинции начался третий пик рождаемости, но под влиянием демографической политики государства интенсивность этого пика рождаемости была небольшой, а продолжительность – короткой. С 1995 г. уровень рождаемости снижался из года в год и тенденции к росту не наблюдались [Гуаньюн 2020, с. 101–120].

Стратегия регионального несбалансированного развития и демографические процессы в провинции Хэйлунцзян

На демографические процессы провинции Хэйлунцзян оказала влияние реализация с 1978 г. стратегии регионального несбалансированного раз-

вития (区域非均衡发展战略 1978–1999 гг.), приоритетным направлением которой являлось развитие прибрежного Восточного региона КНР. Значительное место в реализации данной стратегии отводилось Седьмому пятилетнему плану социально-экономического строительства КНР (1986–1990 гг.), в ходе которого градиентное развитие региональной экономики ориентировалось на создание трех экономических зон: прибрежного региона Восточного Китая, внутреннего региона Среднего Китая и Западного Китая. Анализируя исторический опыт КНР в области пространственного развития, необходимо отметить, что весь комплекс мероприятий по экономическому стимулированию восточных районов имел долгосрочный и положительный эффект, несмотря на последующее усиление неравномерности развития регионов КНР. Несбалансированный этап региональной экономики с конца 1970-х гг. способствовал экономическому росту Восточного Китая, повышению уровня национальной экономики в целом, а также содействовал проведению рыночных реформ в КНР. В основу стратегии регионального неравномерного развития 1978–1999 гг. были заложены: ориентация на эффективность региональной промышленной политики; экономический рост прибрежных восточных районов; концентрация средств и ресурсов для определяющего развития ключевых регионов Китая [Макеева 2020, с. 196–206].

С 1983 г. наблюдался отток населения провинции Хэйлунцзян в ближайшие провинции Северо-Востока и восточные провинции в поисках лучшей жизни [Давэй 2012, с. 87–91]. Города Восточного региона отличались удобным расположением вдоль побережья для развития торговли, а прибрежные районы были полностью освоены. Первые два десятилетия реализации политики «реформ и открытости» отразились на демографической ситуации провинции Хэйлунцзян. Данная политика привлекла для развития Востока Китая иностранные и внутренние инвестиции, были построены модернизированные заводы и фабрики, концентрируя для активизации восточных производств трудовых мигрантов со всей страны, в том числе и из провинции Хэйлунцзян.

В начале 1990-х годов, когда Советский Союз распался и экономика соседнего государства находилась в сложных условиях, близость к России не принесла экономического подъема Хэйлунцзяну. Напротив, именно тяжелая промышленность, обеспечивавшая передовые позиции Северо-Восточному Китаю в середине XX века, стала препятствием для экономического развития Хэйлунцзяна. В 1990-е гг. реформа государственных предприятий привела к увольнению рабочих, которые, потеряв работу, покидали провинцию Хэйлунцзян. По данным Статистического ежегодника Китая, количество занятых на государственных предприятиях несильно изменилось с 1995 по 1997 г., составив около 109 млн человек, но начало резко

падать в 1998 г., составив 88 млн 90 тыс., в 1999 г. – 83 млн 360 тыс., в 2002 г. – 69 млн 240 тыс. человек. В период с 2002 по 2012 г. количество работников государственных предприятий сократилось почти на 40 млн человек [Мэнчэнь 2019, с. 83–89].

История демографического развития Китая в конце XX в. показывает, что общая численность населения провинции Хэйлуцзян увеличилась на 9 млн 130 тыс. человек за 26 лет, с 1974 по 2000 г., при среднегодовом темпе роста всего 1,06 %. Снижение темпов рождаемости в конце XX в. сопровождалось трудовой миграцией из провинции Хэйлуцзян. По данным пятой переписи (2000 г.), отток населения провинции Хэйлуцзян происходил в основном в такие ближайшие провинции и автономные районы, как Ляонин, Автономный район Внутренняя Монголия, Цзилинь. К шестой переписи (2010 г.) поток населения из провинции Хэйлуцзян сместился в сторону экономически развитых территорий, таких как города центрального подчинения Китая (Пекин, Тяньцзинь, Шанхай). Население провинции Хэйлуцзян при переселении в другие районы отдавало предпочтение экономически и технологически более развитым регионам.

Серьезный дисбаланс регионального экономического развития в Китае к началу 1990-х гг. вызвал широкую обеспокоенность в академических и политических кругах КНР. В сложившихся условиях китайское правительство приступает к корректированию стратегии регионального развития. Были разработаны руководящие принципы скоординированного экономического развития регионов КНР (区域协调发展战略 1999–2012 гг.) в целях осуществления широкомасштабных планов по экономическому росту Западного и Северо-Восточного регионов Китая. ЦК КПК определяет реализацию основных направлений регионального развития в 1999, 2003 и 2006 гг., которые касались стратегии возрождения старых промышленных баз, стратегии укрепления Центрального региона и стратегии усиления Западного региона КНР.

Возрождение старой промышленной базы на Северо-Востоке КНР и депопуляция населения провинции Хэйлуцзян

В 2003 г. была сформирована стратегия по возрождению старой промышленной базы на Северо-Востоке Китая и поддержанию скоординированного развития северо-восточных провинций КНР (Хэйлуцзян, Цзилинь и Ляонин). Активизация в развитии Северо-Восточного Китая предполагалась за счет комплексной модернизации промышленности, реорганизации государственных промышленных предприятий, трансформации аграрных комплексов Северо-Востока Китая, усвоения опыта экономии городов [Макеева 2020, с. 202–203]. Возрождение провинции Хэйлуцзян происходило за счет отраслей, связанных с нефтехимическим производством и выращиванием зерновых культур. По добыче нефти данная провинция занимала второе место по стране,

а по выращиванию зерна – первое. Нефтяное месторождение Дацин в Хэйлуцзяне являлось вторым по величине нефтяным месторождением в Китае с точки зрения добычи нефти и газа, уступая только нефтяному месторождению Чанцин в Сиане провинции Шэньси. Оценивая уровень индустриального развития провинции Хэйлуцзян, стоит отметить, что отсталость технологий тяжелой промышленности привела к тому, что она превратилась в депрессивный район. Китайские исследователи отмечали, что и сельское хозяйство со временем будет приходить в упадок. Посевная способность черноземов в Северо-Восточном Китае упала более чем на 20 % с момента первоначальной рекультивации. Это могло привести к кризису в сельскохозяйственной отрасли. Являясь важным районом производства зерна в Китае, многие уезды провинции Хэйлуцзян воспринимались как «уезды, производящие зерно», «промышленно слабые уезды» и «уезды, бедные в финансовом отношении». Представленные проблемы оказывали влияние на миграцию рабочей силы из Хэйлуцзяна в другие регионы КНР.

С 2005 г. в провинции Хэйлуцзян начинают отчетливо проявляться процессы старения населения. В 2001 г. доля пожилого населения в возрасте 65 лет и старше в провинции составляла 6 % от общей численности населения, а в 2005 г. – 7,58 %. В 2008 г. эта доля достигала 9,2 %, что свидетельствовало о дальнейшем ускорении темпов старения населения в провинции. С 2001 г. доля населения в возрасте от 0 до 14 лет в общей численности населения провинции сокращалась, доля населения в возрасте 15–64 лет неуклонно росла, а доля населения в возрасте 65 лет и старше быстро увеличивалась. В 2005 г. доля пожилого населения в провинции выросла на 1,58 % по сравнению с 2001 г. при среднегодовом темпе подъема 5,92 %. Если рассматривать пожилое население в 2008 г. по возрастным группам, то население в возрасте 65–69 лет составляло 38,5 %, население в возрасте 70–79 лет – 50,9 %, а пожилое население в возрасте 80 лет и старше – 10,6 %. По сравнению с 2001 г. доля пожилого населения в возрасте 65–69 лет уменьшилась на 8 %, доля пожилого населения в возрасте 70 лет и старше увеличилась тоже на 8 %. В провинции Хэйлуцзян наблюдались существенные различия по степени старения в городской и сельской местности. Из-за различий в экономических условиях и уровне рождаемости процесс старения в городской и сельской местности не был идентичен. В 2008 г. городское и сельское население в возрасте 65 лет и старше составляло 10,66 и 7,32 % соответственно, что на 1,25 и 0,12 % больше, чем в 2005 г., при этом процесс старения городского населения шел значительно быстрее [Цзиньци, Юнцань 2013, с. 556–589].

Демографическое развитие провинции Хэйлуцзян с 2010 г. по настоящее время показывает, что общая численность ее населения достигла наивысшей точки в 2010 г. и составила 38 млн 330 тыс.

человек, а общая численность населения по итогам седьмой переписи населения в 2020 г. – 31 млн 250 тыс. человек. Среднегодовая убыль населения в провинции Хэйлунцзян зафиксирована в 220 тыс. человек. Причинами данного процесса являлись спад региональной экономики, несовершенная региональная инфраструктура, недостаточность предоставления государственных услуг и поддержки промышленности, нехватка рабочих мест [Фан 2019, с. 124–129].

Характеризуя формы убыли населения в провинции Хэйлунцзян, стоит отметить, что было распространено и превышение рождаемости над смертностью, и миграция населения. Рассматривая рождаемость и смертность в провинции Хэйлунцзян, можно увидеть, что естественный прирост населения начал становиться отрицательным с 2015 г. Провинция Хэйлунцзян столкнулась с серьезной проблемой низкой рождаемости, что в дальнейшем привело к острому демографическому кризису в северо-восточных приграничных районах КНР.

Таким образом, сокращение темпов роста старой промышленной базы на Северо-Востоке КНР оказало влияние на то, что провинция Хэйлунцзян постепенно превратилась из территории основного притока населения (в 1950–1960-е гг.) в территорию с наибольшим оттоком населения (2010-е гг. по настоящее время). С 2010 г. по конец 2014 г. численность населения оставалась в основном стабильной, с 2015 по 2018 г. она на конец года демонстрировала тенденцию к значительному спаду, сократившись почти на 599 тысяч человек за три года. Хотя естественный прирост в 2012 и 2014 гг. показал небольшой рост по сравнению с предыдущим периодом, в целом он имел тенденцию к снижению, в то время как естественный прирост с 2015 по 2018 г. показал отрицательную динамику.

В последнее десятилетие за низким коэффициентом рождаемости стоит относительно высокий уровень урбанизации в Хэйлунцзяне. С 55,66 % городского населения в 2010 г. до 60,1 % в 2018 г. доля городского населения в провинции Хэйлунцзян неуклонно росла из года в год, что было связано с углублением процесса урбанизации в Китае и способствовало оттоку населения из сельской местности в большие и малые города. В 2019 г. уровень урбанизации провинции достиг 60,9 %. Помимо отрицательного естественного прироста из года в год, односторонний отток населения является в настоящее время самой большой проблемой сохранения численности населения, которая практически неразрешима. С 2016 г. для провинции Хэйлунцзян был характерен отток населения с высоким образованием. Внутри провинции люди переселяются в крупные центральные города из окрестных небольших уездов и деревень. Демографическому развитию провинции свойственна убыль сельского населения, но за 16 лет, с 2000 по 2015 г., трудовые ресурсы в Хэйлунцзяне сократились на 980 тыс. человек, что свидетельствует о миграции сельского населения в города провинции,

а городского населения – из провинции Хэйлунцзян в другие, более развитые регионы. С 2007 г. более четверти предприятий в Харбине, столице провинции Хэйлунцзян, испытывают нехватку персонала. Что касается Цицикара, Дацина, Муданьцзяна, Цзямусы и других городов, то здесь ситуация еще более серьезная. Существенный отток населения наблюдается и в таких городах провинции Хэйлунцзян, как Ичунь, Хэйхэ. Анализ возраста мигрантов показывает, что в 60 % случаев покидают Хэйлунцзян люди в возрасте 30–49 лет, 19,4 % составляют мигранты 20–29 лет. Данные группы мигрантов имеют высшее образование, опыт работы во вторичном и третичном секторах экономики и стремятся переехать в северо-восточную провинцию Ляонин, города центрального подчинения Пекин, Тяньцзинь и провинцию Хэбэй. Жители провинции Хэйлунцзян после окончания школы стараются поступить в вузы экономически развитых районов юго-восточного побережья и остаются там после окончания учебы. Данные процессы оказывают негативное воздействие на региональную экономику провинции.

Факторы и причины современной депопуляции населения провинции Хэйлунцзян

Характеризуя основные причины депопуляции населения провинции Хэйлунцзян, необходимо остановиться на анализе трех групп факторов демографического развития провинции. Рассматривая природные факторы и условия окружающей среды для демографического развития, стоит отметить, что, с одной стороны, в провинции Хэйлунцзян много гор и полей, что благоприятно для развития лесного и сельского хозяйства. Большая часть населения провинции Хэйлунцзян занята сельскохозяйственным производством. С другой стороны, данная провинция относится к зоне с умеренным и холодным климатом, где ежегодно четыре месяца наблюдается холодная погода. В данный период сельскохозяйственные работники не могут заниматься активной аграрной деятельностью и либо ожидают теплого времени года, либо переселяются в другие районы. Именно холодный климат выступает основной причиной миграции населения провинции Хэйлунцзян в восточные, юго-восточные и центральные провинции Китая. Из-за невыносимо низкой температуры зимой многие люди из Хэйлунцзяна переселяются на зиму на юг, а весной возвращаются на северо-восток. Однако природная среда не является решающим фактором для оттока населения из Хэйлунцзяна и Северо-Восточного региона в целом. Современная миграция населения связана с изменением политической и экономической обстановки в КНР.

Характеризуя институционально-политические факторы оттока населения из провинции Хэйлунцзян, можно заключить, что в первые годы существования КНР в 1950-е гг. повсеместно внедрялась плановая экономика, которая имела разную степень влияния на общество, экономику и поли-

тику [Суйань 2014, с. 326–335]. Провинция Хэйлуцзян при поддержке Советского Союза начала реализовывать крупные промышленные проекты, что привлекло большое количество людей из других провинций КНР (Шаньдун и Хэнань). Развитие тяжелой промышленности значительно улучшило общее экономическое состояние провинции Хэйлуцзян. Однако после начала политики «реформ и открытости» в 1978 г. центральное правительство стало уделять больше внимания рыночному регулированию и быстрому экономическому росту Восточного региона КНР. Ресурсные преимущества провинции Хэйлуцзян перестали быть очевидными. Кроме того, реформа государственных предприятий в провинции Хэйлуцзян привела к внезапному росту безработицы и серьезному оттоку населения.

Анализируя факторы промышленного развития провинции Хэйлуцзян, необходимо подчеркнуть, что первичная и вторичная промышленность занимают относительно высокую долю в промышленной структуре провинции, в то время как третичная отрасль развита относительно слабо. Провинция Хэйлуцзян является крупной сельскохозяйственной провинцией в КНР с большим количеством рабочей силы в сельской местности. В данной провинции относительно мало высокотехнологичных производств, при этом уровень доходов и расходов ниже, чем в развитых регионах, а высокопрофессиональные кадры из других провинций привлекаются недостаточно. Поэтому население провинции Хэйлуцзян продолжает мигрировать в относительно развитые регионы страны.

Историческое развитие провинции последних лет показывает, что в условиях глобализации в КНР произошла модернизация промышленной структуры, но провинция Хэйлуцзян не успела скорректировать свою структуру производства. Согласно статистическим данным (2019 г.), занятое население Хэйлуцзяна составляет всего 17 млн 769 тыс. человек, что является рекордно низким показателем за прошедшие десять лет. Многие молодые люди, которые хотят остаться в провинции Хэйлуцзян, в основном государственные чиновники. Центрами сельскохозяйственного производства являются города Суйхуа, Цзямусы, Хэйхэ, которые привлекают сельское население из ближайших сельских районов. Промышленными центрами выступают города Дацин и Цитайхэ. «Полюсом роста» сферы услуг стал город Харбин. Из перечисленных центров региональной экономики провинции Хэйлуцзян высокопрофессиональные кадры мигрируют в другие

провинции, города КНР. Чтобы решить проблему обеспечения трудовыми ресурсами Хэйлуцзяна, администрация провинции в 2017–2018 гг. приняла два документа «Заключения по реализации усиления группы профессионально-технических талантливых работников в провинции Хэйлуцзян» (关于加强我省基层专业技术人才队伍建设的实施意见), «Предложения по увеличению числа привлекаемых талантливых кадров в провинцию Хэйлуцзян» (关于加大黑龙江省人才引进力度的建议). Местное народное правительство провинции приложило много усилий для решения демографической проблемы, расширив сеть органов по охране здоровья матери и ребенка, охватывающую городскую и сельскую местность, запустив систему обслуживания всех возрастных групп населения, а также комплексное социальное обеспечение новорожденных. На оставшихся предприятиях городских и сельских районов проводят курсы повышения квалификации, привлекаются инвестиции, чтобы стимулировать спрос на рабочие места. Но результаты данной политики можно наблюдать через несколько лет, а пока население провинции Хэйлуцзян сокращается и сохраняется кризисная демографическая ситуация.

Заключение

История демографического развития провинции Хэйлуцзян в период с 1970-х гг. позволяет проследить факторы, особенности и причины депопуляции населения данной северо-восточной территории КНР, находящейся на границе с Россией. Природно-климатические, институционально-политические, модернизационно-промышленные факторы исторического развития провинции Хэйлуцзян сформировали комплекс причин, оказавших влияние на убыль, старение населения, сокращение рождаемости, миграцию трудовых ресурсов провинции во внутренние районы Китая. В ходе реализации стратегий регионального развития, распада Советского Союза, сокращения государственных предприятий, низкой степени инновационно-технологического развития провинции Хэйлуцзян произошли негативные тенденции в демографической эволюции данной провинции. Современная китайская научная общественность определяет демографическую ситуацию в провинции очень сложной, требующей исторического анализа причин, срочной выработки мер и внедрения политической программы, обеспечивающей прирост населения данной стратегической территории Китая на северо-восточных рубежах.

Библиографический список

Гуаньюн 2020 – Гуаньюн У. История строительства Хэйлуцзяна 1949–1999. История Китая. Пекин, 2020. 280 с. = 吴冠勇. 黑龙江工业建设口述史 (1949–1999). 北京, 2020. 280 页. (На кит. яз.)

Давэй 2012 – Давэй Ми. История провинции Хэйлуцзян и история города Харбин. Харбин, 2012. 236 с. = 米大伟. 黑龙江历史附哈尔滨城市史. 哈尔滨, 2012. 236 页. (На кит. яз.)

История Северо-Восточного Китая... 2018 – *История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв.*: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / отв. ред. И.В. Ставров, С.А. Иванов. [авт. кол.: С.А. Иванов, И.В. Ставров, И.Ю. Зуенко, Г.В. Кондратенко, О.Н. Рисухина]. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с. URL: <http://ihafe.org/files/publications/full/svk-5.pdf>.

История Северо-Восточного Китая... 2021 – *История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв.* Кн. 4. Северо-Восточный Китай в 1979–1999 гг. / гл. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 452 с. URL: <http://ihaefe.org/files/publications/full/svk4.pdf>.

Макеева 2020 – *Макеева С.Б.* Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность.* 2020. № 4. С. 196–206. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086919080010846-7>. EDN: <https://elibrary.ru/racsh>.

Мэнчэнь 2019 – *Мэнчэнь Нин.* Дунбэй дифан ши (Местная история Северо-Восточного Китая). Шэньян, 2019. 493 с. = 宁梦辰. 东北地方史. 沈阳, 2019. 493 页. (На кит. яз.)

Суйань 2014 – *Суйань Ли.* История изучения внутренней и внешней политики СССР/РФ в провинции Хэйлунцзян // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность.* 2014. Т. 19, № 19. С. 326–335. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-vnutrenney-i-vneshney-politiki-sssr-rf-v-provintsii-heylyuntszyan>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22653043>. EDN: <https://elibrary.ru/tbsqev>.

Сянлин 1986 – *Сянлин Чжан.* Сорок лет в Хэйлунцзяне. Харбин, 1986. 472 с. = 张向凌. 黑龙江四十年. 哈尔滨, 1986. 472 页. (На кит. яз.)

Фан 2019 – *Фан Ши.* История миграции в провинцию Хэйлунцзян. Пекин, 2019. 596 с. = 石方. 黑龙江移民史. 北京, 2019. 596 页. (На кит. яз.)

Фуцзюнь 1957 – *Фуцзюнь У.* Экономическая география территории рек Амур и Уссури провинции Хэйлунцзян. Пекин, 1957. 98 с. = 吴传钧. 黑龙江省黑龙江及乌苏里江地区经济地理. 北京, 1957. 98 页. (На кит. яз.)

Цзиньци, Юнцян 1989 – *Цзиньци Сунь, Юнцян Фэн.* История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 1989. 416 с. = 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 1989. 416 页. (На кит. яз.)

Цзиньци, Юнцян 2013 – *Цзиньци Сунь, Юнцян Фэн.* История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 2013. 826 с. = 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 2013. 826 页. (На кит. яз.)

Цзунлян 1985 – *Цзунлян Сю.* Очерк Хэйлунцзяна. Харбин, 1985. 161 с. = 徐宗亮. 黑龙江述略. 哈尔滨, 1985. 161 页. (На кит. яз.)

Цзыци 2020 – *Цзыци Лю.* Влияние депопуляции на экономику Северо-Востока Китая // *Чжунго цзита цзинци (Коллективистская экономика Китая).* 2020. № 36. С. 8–11. = 刘子琦. 人口下降对东北经济的影响 // *中国集体经济.* 2020. №36. 页. 8–11. (На кит. яз.)

Чжитин 2003 – *Чжитин Ли.* Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чжэнчжоу, 2003. 670 с. = 李治亭. 东北通史. 郑州, 2003. 670 页. (На кит. яз.)

References

Guan'jun 2020 – *Guan'jun U.* (2020) History of the construction of Heilongjiang 1949–1999. *History of China.* Beijing, 280 p. (In Chinese)

Davjei 2012 – *Davjei Mi* (2012) History of Heilongjiang province and the history of Harbin city. Harbin, 236 p. (In Chinese)

The History of Northeast China 2018 – *The History of Northeast China XVII–XXI Century: in 5 vol.* Vol. 5. Northeast China during the Revival of Old Industrial Base. Vladivostok, 356 p. Available at: <http://ihaefe.org/files/publications/full/svk-5.pdf>. (In Russ.)

The History of North-East China 2021 – *The History of North-East China XVII–XX.* Vol. 4. North-East China in 1979–1999. Vladivostok: IIAE DVO RAN, 452 p. Available at: <http://ihaefe.org/files/publications/full/svk4.pdf>. (In Russ.)

Makeeva 2020 – *Makeeva S.B.* (2020) Historical experience in the implementation of strategies for spatial regional development in China (1949–2019). *Vostok. Afro-Aziatskie obshhestva: istoriia i sovremennost*, no. 4, pp. 196–206. DOI: <http://doi.org/10.31857/S086919080010846-7>. EDN: <https://elibrary.ru/racsh>. (In Russ.)

Mjenchen 2019 – *Mjenchen Nin* (2019) Local history of North-East China. Shenyang, 493 p. (In Chinese)

Sujan 2014 – *Sujan Li* (2014) Studies in the Heilongjiang province of domestic and foreign policy of the USSR / Russian Federation. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, vol. 19, no. 19, pp. 326–335. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-vnutrenney-i-vneshney-politiki-sssr-rf-v-provintsii-heylyuntszyan>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22653043>. EDN: <https://elibrary.ru/tbsqev>. (In Russ.)

Sjanlin 1986 – *Sjanlin Chzhan* (1986) Forty years in Heilongjiang. Harbin, 472 p. (In Chinese)

Fan 2019 – *Fan Shi* (2019) History of migration to Heilongjiang province. Beijing, 596 p. (In Chinese)

Fuczjun' 1957 – *Fuczjun' U.* (1957) Economic geography of the territory of the Amur and Ussuri rivers in Heilongjiang province. Beijing, 1957, 98 p. (In Chinese)

Czin'czi, Juncjan' 1989 – *Czin'czi Sun', Juncjan' Fjen, Van Juncjan'* (1989) History and geography of North-East China. Harbin, 416 p. (In Chinese)

Czin'czi, Juncjan' 2013 – *Czin'czi Sun', Juncjan' Fjen* (2013) History and geography of North-East China. Harbin, 826 p. (In Chinese)

Czunljan 1985 – *Czunljan Sju* (1985) Essay on Heilongjiang. Harbin, 161 p. (In Chinese)

Czyci 2020 – *Czyci Lju* (2020) The Impact of Population Decline on North-East China Economy. *China Collective Economy*, no. 36, pp. 8–11. (In Chinese)

Chzhitin 2003 – *Chzhitin Li* (2003) General history of North-East China. Zhengzhou, 670 p. (In Chinese)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 15.01.2023
рецензирования: 17.02.2023
принятия: 30.05.2023

Кабинет министров Анны Иоанновны как типовое учреждение эпохи абсолютизма

Д.А. Кривова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: dariya4191@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4437-231X>

Аннотация: В статье предпринята попытка рассмотреть аналоги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны (1730–1740 гг.) среди высших органов государственного управления XVI–XVIII вв. Актуальность этого вопроса обусловлена тем, что историки при поиске аналогов Кабинета редко выходили за пределы Российского государства. На основе анализа высших государственных учреждений некоторых европейских стран XVI–XVIII вв. автором определено, что подобные учреждения обладали характерными признаками. Выявлено, что такие государственные учреждения отличались узким составом, неопределенностью компетенции, зачатками специализации в сфере управления. В статье проводится мысль, что появление таких государственных структур отражало рост абсолютной власти монарха. Показано, что истоки таких учреждений находятся в раннем Средневековье, когда при монархе существовали совещательные советы, высокую роль в которых играла аристократия. В XVI–XVIII вв. эти учреждения трансформируются – на смену аристократии в советах постепенно приходят специально обученные чиновники, находящиеся под контролем монарха. На основании привлеченных материалов исследовано, что в различных государствах ситуация складывалась неоднородно. Автор статьи предполагает, что в отличие от Верховного тайного совета, чаще всего называемого историками в качестве основного прообраза Кабинета, высший орган власти при Анне Иоанновне не стремился полностью заменить собой монарха, а был удобным инструментом в его руках. Автор делает вывод, что по ряду признаков Кабинет Анны Иоанновны можно определить как типовое учреждение в рамках классической абсолютистской модели государства.

Ключевые слова: абсолютизм; эпоха дворцовых переворотов; Анна Иоанновна; государственное управление; высшие советы; Верховный тайный совет; Кабинет министров.

Цитирование. Кривова Д.А. Кабинет министров Анны Иоанновны как типовое учреждение эпохи абсолютизма // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-24-29>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривова Д.А., 2023

Дарья Анатольевна Кривова – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.01.2023
Revised: 17.02.2023
Accepted: 30.05.2023

Cabinet of Anna Ioannovna as a typical institution of absolutism

D.A. Krivova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: dariya4191@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0009-4437-231X>

Abstract: The article is an attempt to consider the analogues of the Cabinet of Ministers of the Empress Anna Ioannovna (1730–1740) among the higher bodies of state administration in the XVI–XVIII centuries. The relevance of this issue is due to the fact that historians, when searching for analogues of the Cabinet, rarely go beyond the limits of the Russian state. On the basis of the analysis of higher state institutions of some European countries in XVI–XVIII centuries the author determined that such institutions – secret councils – had characteristic features. It is revealed that such state institutions were characterized by a narrow composition, uncertainty of competence, beginnings of specialization in the sphere of management. The article suggests that the emergence of secret councils reflected the growth of absolute power of the monarch. It is analyzed that the origins of such institutions are in the early Middle Ages, when the monarch had deliberative councils, the high role in which was played by the aristocracy. In the sixteenth and eighteenth centuries, these institutions were transformed – the aristocracy was gradually replaced by specially trained officials under the control of the monarch. On the basis of the involved materials it is investigated that in different states the situation developed in a heterogeneous way. The author suggests that, unlike the Supreme Privy Council, usually referred to by historians as the prototype of the Cabinet, the supreme body of power under Anna Ioannovna did not seek to fully replace the monarch,

but was a convenient tool in his hands. The author concludes that on a number of features the Cabinet of Anna Ioannovna can be defined as a typical institution within the classical absolutist model of the state.

Key words: absolutism; era of palace coups; Anna Ioannovna; state administration; higher councils; Supreme Privy Council; Cabinet of Ministers.

Citation. Krivova D.A. Cabinet of Anna Ioannovna as a typical institution of absolutism. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 24–29. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-24-29>. (In Russ.)

Information about the conflict of interests: the author declares no conflict of interests.

© Krivova D.A., 2023

Daria A. Krivova – postgraduate student of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Как известно, в царствование Анны Иоанновны и краткий период правления Ивана Антоновича действовал Кабинет министров в качестве высшего органа управления. Неоднократно историографическая традиция обращалась к поиску аналогов Кабинета министров среди других государственных учреждений со схожими полномочиями. Стоит отметить, что степень разработанности этой темы не так уж велика. Исследователям было свойственно рассматривать Кабинет Анны Иоанновны как продолжение Кабинета Петра I и Верховного тайного совета 1726–1730 гг., без преодоления территориальных рамок Российской империи. Анализ близких к Кабинетом учреждений и является целью этой работы.

Основная часть

В числе таких органов государственного управления историки часто называли Верховный тайный совет, действовавший незадолго до появления Кабинета Анны Иоанновны – в 1726–1730 гг.

Казалось бы, причины появления Совета и Кабинета носили практически идентичный характер. Возникновение Верховного тайного совета было напрямую связано с кризисом власти – в 1725 г. после смерти Петра I на престоле оказалась его жена Екатерина I, которая была совсем не подготовлена к роли государственного деятеля, как затем и Анна Иоанновна [Анисимов 1994, с. 73]. Таким образом, Верховный тайный совет был учрежден, чтобы помогать государыне в делах управления (ПСЗРИ, т. 7, № 4830, с. 568). Без Верховного тайного совета Екатерина I не могла обойтись в силу нескольких обстоятельств – после смерти Петра императрица стала часто болеть, а кроме того, у нее и не было особого желания заниматься государственными проблемами [Анисимов 1994, с. 73].

Необходимо обратить внимание на такой факт, что функции Совета были относительно четко оговорены. Так, из «Мнения не в указ о новом учрежденном Совете», которое составили сами члены Совета 16 марта 1726 г., можно получить сведения в 13 пунктах, где были изложены права и обязанности участников Верховного тайного совета. Для обсуждения вопросов внутренней политики была предназначена среда, а для иностранных дел – пятница. В случае же чрезвычайной ситуации или при накоплении слишком большого количества

дел была вероятность проведения заседания не по расписанию (СИРИО 1886, т. 55, с. 93–94).

Что касается непосредственно Кабинета Анны Иоанновны, то если обратиться к официальному указу об учреждении от 18 октября 1731 г., то можно заметить, что здесь ситуация другая. В указе было просто объявлено, что «для порядочного отправления всех государственных дел... за благо рассудили учредить Кабинет, и в оный определить несколько особ из наших министров, которые нам обо всех делах... обстоятельно доносить и резолюции отправлять могли». Права и обязанности нового государственного органа не были указаны. Не были конкретно расписаны и дни заседания Кабинета. Министрам просто было нужно приезжать два раза в неделю, а может быть, и больше, если потребуется (СИРИО 1897, т. 103, с. 1).

Недостаточность официального обоснования компетенции Кабинета в последующем оказала прямое воздействие на его дальнейшую эволюцию. Изначально созданный лишь для поддержки императрицы в делах государственного управления, действовавший почти незаметно в первые годы своей деятельности, Кабинет со временем превратился в высший орган государственного управления, обладающий весомым статусом.

Стоит упомянуть и такой момент, что на протяжении всего своего существования Кабинет отличал узкий состав – он всегда включал не более чем три персоны. Притом большинство его представителей являлось либо креатурами А.И. Остермана, либо клиентами фаворита Анны Иоанновны Э.И. Бирона, внедренными в Кабинет в противовес канцлеру.

В то время как в Верховный тайный совет входило около семи-восьми человек, по большей части представлявшие старинных аристократических фамилий, а также герцог Гольштейн-Готторпский Карл-Фридрих – муж дочери Петра I Анны, связанный с правящей династией родственными узами [Филиппов 1898, с. 9].

Нам представляется, что Кабинет Анны Иоанновны действительно является типовым учреждением, реальные аналоги которого можно наблюдать скорее не в лице Верховного тайного совета, а в череде советов эпохи расцвета абсолютизма Западной Европы. Стоит согласиться с Е.Н. Савельевой, утверждавшей, что история государственного строительства в рамках классической абсолютист-

ской модели (на примерах английской, французской и других монархий XVI–XVII столетий) дает обширную информацию для сравнительного анализа (Савельева 2004, с. 29). Хотя предмет нашего исследования находится в первой половине XVIII в., нельзя упускать из виду тот факт, что расцвет российского абсолютизма по времени несколько отстает от ситуации в вышеуказанных государствах.

Достаточно типичным для западноевропейских стран эпохи абсолютизма XVI–XVII вв. было наличие при монархе главного совета, в центре внимания которого находилось обсуждение важнейших государственных вопросов внутренней и внешней политики. Именно возникновение подобных институтов отражало возрастающую единоличную власть монарха в новых исторических условиях. Эти учреждения находят свои истоки на ранних этапах средневековой истории в лице неких королевских советов, наделенных совещательной функцией и представленных аристократией. В эпоху абсолютизма советы начинают дробиться, в их деятельности прослеживаются попытки специализации. Тем не менее о четкости разделения функций этих органов управления говорить пока не приходится. Нередкой могла быть ситуация, когда новые советы брали на себя обязанности старых учреждений, что приводило к путанице при решении вопросов государственного порядка [Властные институты... 2011, с. 11].

Если обратиться к конкретным примерам деятельности вышеуказанных учреждений, например, во Франции, то можно увидеть, что названия советов часто менялись и на первый взгляд не могли дать четкого представления об их компетенции – Королевский совет, Частный совет, Государственный совет. Только при Людовике XIV были четко сформулированы задачи различных советов и определена их структура в соответствии с направлением деятельности – в это время как раз появились Королевский совет по финансовым делам и Военный совет.

Такие советы при монархе изначально имели широкий состав – его участниками по традиции могли быть принцы крови, пэры, высшие должностные лица короны. Помимо них в работе принимали участие и специально обученные чиновники. Однако для более оперативного принятия решений, а возможно, здесь сыграл роль и опыт короны борьбы со знатью в XV–XVI вв., во Французском государстве начали сперва созываться, а потом и создаваться советы уже с более узким составом. Как правило, король возглавлял заседание Совета. Но в случае, когда на заседании обсуждались судебные или административные вопросы, канцлер как высшее должностное лицо имел право возглавлять Совет в отсутствие короля [Властные институты... 2011, с. 105–106].

Новые французские монархи, как правило, внесли изменения в состав Совета. К примеру, был полностью изменен его состав при вступлении на престол Генриха II в 1547 г. Характерная деталь,

что при этом из Совета были выведены принцы крови – король Наваррский Генрих д'Альбре и герцог Вандомский Антуан де Бурбон. При Людовике XIV представители высшей знати, в том числе и королева-мать, не приглашаются в совет. В его работе принимают участие только три государственных министра (Летелье – военный министр, Фуке – суперинтендант финансов, его место вскоре занял Кольбер; Лионн – министр иностранных дел), которых выделил сам государь. Правда, состав совета в последующем мог расширяться – в 1709 г. он состоял уже из семи человек [Властные институты... 2011, с. 108]. Само по себе звание «государственный министр» при Людовике становится званием особо значимым и редким. Его можно было присваивать только избранным лицам, достойным доверия государя. Эта позиция короля была подвергнута критике со стороны вельмож, поскольку знати был закрыт доступ в совет, а сами министры были обозваны «мещанами», так как подлежали дворянству мантии. Сам же Людовик оправдывал свои действия тем, что хоть и мог остановиться на людях, принадлежащих к более высокому сословию, но якобы не нашел бы среди них тех, кто был бы способнее выбранных им троих [Блюш 1998, с. 79].

Схожая ситуация, когда при государе существовал некий властный центр, который имел туманную структуру и неопределенный график заседаний, сложилась и в немецких княжествах. Само начало институционального формирования Тайного совета в немецких княжествах относится к последней трети XVI в., но еще раньше он возник при дворе Габсбургов (1527), затем следует упомянуть курфюршество Саксонское (1574), Баварию (1582), курфюршество Бранденбургское (1604) [Властные институты... 2011, с. 197].

К примеру, в Бранденбурге Тайный совет был основан курфюрстом Иоганном Фридрихом. Этот орган, первоначально созданный как совещательный по вопросам внешней и внутренней политики, со временем превратился в централизованное правительство и инструмент режима абсолютной власти правителя [Gloger 1989].

Интересно, что положение бранденбургского Тайного совета не отличалось стабильностью. После смерти курфюрста Георга Вильгельма в 1640 г. Тайный совет прекратил свое существование, но был вскоре воссоздан при Фридрихе Вильгельме. Обычно два-три раза в неделю Фридрих Вильгельм и в среднем 6–8 тайных советников собирались для рассмотрения различных государственных вопросов: от обсуждения инструкции для посланника в Швеции до составления заявления об освобождении от контрибуции. Чаще всего один из советников докладывал положение дел и предлагал собственное решение. Между членами совета еще не существовало строго разграниченной компетенции, они просто рассматривали порученные им дела и готовили свои доклады. Но уже тогда появились зачатки некой специализации. Так, канцлер

Сигизмунд фон Гетц был советником по внешней политике, вопросами по западным делам занимался Эрасмус Зайдель, а вопросы войны были возложены на Конрада фон Бургсдорфа. Окончательное решение все же оставалось за самим Фридрихом Вильгельмом [Беляев 2019, с. 196]. Можно полагать, что, советники были удобным инструментом в руках Фридриха Вильгельма. Для определенных задач он искал себе подходящих помощников, которые при резких изменениях политического курса могли быть заменены другими. К примеру, пользовавшийся доверием курфюрста Бургсдорф был обвинен в неупорядоченном состоянии финансов и вытекающей отсюда военной и политической слабости Бранденбурга. Ситуацию усугубило то, как Бургсдорф неудачно проявил себя во время дипломатической миссии в переговорах с пфальцграфом Нойбургским. Сказалась и плохая организация военных действий летом 1651 г. Хотя Бургсдорф еще пытался вернуть себе прежнее положение (некоторое время первым подписывал заключения Тайного совета), все равно он был вскоре безжалостно отстранен от дел.

Стремление курфюрста к контролю над деятельностью совета характеризует и тот момент, что относящаяся к ведомству советников тайная корреспонденция обычно представляла собой только то, что сам Фридрих Вильгельм считал целесообразным для ознакомления [Gloger 1989].

Важно отметить, что в придворной иерархии Тайный совет стоял несколько выше, чем другие управленческие структуры. Развитие Тайного совета как института в целом было выражением растущей единоличной власти государя, так как на его заседаниях князь был свободен от влияния сословий и имел возможность получить консультации у специалистов, которым мог довериться [Властные институты... 2011, с. 197].

В данном контексте необходимо отметить, что Анна Иоанновна в начале своего правления предприняла попытку подать себя как реальную фигуру на престоле, которая стремилась сама координировать основные вопросы государственного порядка. Кабинет первоначально не рассматривался как орган, предназначенный для того, чтобы заменить правительницу в делах управления государством. В первые годы он был совершенно не похож на то, что стал представлять собой позднее [Фаизов 2017, с. 53].

Ключевым моментом в работе Кабинета стал указ от 9 июня 1735 г., когда подписи трех кабинет-министров приравнивались к подписи самой императрицы (ПСЗРИ, т. 9, № 6745, с. 529). С 1735 г. количество указов, подписанных Анной Иоанновной, значительно уменьшилось – в это время в резолюциях на многочисленные доношения в Кабинет преобладала форма «подписали гг. министры» (СИРИО 1901, т. 113, с. 36, 112, 143). Тем не менее все равно за императрицей сохранялась роль общего руководства над работой Кабинета. Доводом в пользу этого факта являются многочис-

ленные приписки от лица Анны под резолюциями или доношениями, поступившими в Кабинет в последние годы его работы (СИРИО 1912, т. 138, с. 40, 108).

Любопытная ситуация сложилась в Англии в период правления Генриха VIII, когда в результате административной реформы был сформирован некий Тайный совет, принципиально отличавшийся от предыдущего Большого совета. Если прежний Совет состоял из широкого круга знати, судей и более мелких чинов и представлял собой временный совещательный орган, то новый Совет уже являлся постоянно действующим органом группы важнейших советников, носившим не аристократический, а бюрократический характер [Кондратенко 2009, с. 46].

Особенность данного учреждения заключается в том, что историкам трудно прийти к единому мнению о том, когда именно группа людей, просто помогавшая королю управлять государством, превратилась в орган правительства. Хотя официальная запись о Тайном совете появилась 10 августа 1540 г., когда 19 человек, входящих в его состав, собрались, чтобы назначить секретаря и обеспечить ведение реестра; предполагается, что формирование этого учреждения происходило постепенно, где-то между 1532 и 1540 годами [Elton 1953, с. 317, 324].

Характер деятельности Совета отличался очень большим разнообразием – он занимался иностранными делами, внутренними вопросами, обороной, делами королевских владений за границей, домашним хозяйством, петициями, административными проектами. Необходимо отметить и такую деталь, что уже в 1536 г. Тайный совет укрепился до такой степени, что мог уже регулярно собираться для решения важнейших вопросов и был способен принимать собственные решения. Этот факт доказывают как многочисленные донесения различных лиц, отправленные с предложениями и просьбами на имя Совета, так и ответы на письма, подписанные Советом в целом [Elton 1953, с. 330–331].

Таким образом, в отличие от Совета Франции (способного только рекомендовать какие-либо действия), английский Совет обладал полной исполнительной властью [Elton 1983, с. 23].

Стоит обратить внимание, что в качестве фигуры, занимавшей в Тайном совете первостепенное значение, а также стоявшей во главе проведения целого комплекса административных реформ, исследователь Дж. Элтон выделял личность Томаса Кромвеля – первого советника Генриха VIII в 1532–1540 гг. Как полагал историк, Кромвель был административным гением, стремившимся ввести организованность в порядок управления государством. Исследователь считал, что Кромвель был сторонником нового типа управления, основанного на бюрократических принципах [Кондратенко 2009, с. 48]. Особую роль он придавал и появлению должности главного секретаря, которую занимал Кромвель. По его мнению, та особая эффек-

тивность, которую совет проявил позднее, уже при королеве Елизавете I и ранних Стюартах, зависела от координирующей роли главного секретаря [Elton 1953, с. 368].

Заключение

Итак, обобщение всего вышесказанного позволяет прийти к следующим выводам. На основе опыта изучения системы высших государственных учреждений ряда западноевропейских стран в работе была сделана попытка выявить особенности формирования и деятельности аналогов Кабинета министров Анны Иоанновны в XVI–XVIII вв. Можно предположить, что абсолютистская форма правления предполагала наличие некоего совета – вспомогательного органа власти при монархе, представлявшего собой переходную форму от аристократических средневековых советов к правительственным кабинетам государств современного типа. Подобные учреждения обладали рядом общих признаков, которые стоило бы обозначить. Как можно проследить, появление этих органов власти в первую очередь было связано с практической необходимостью. Кроме того, советы отличала некоторая неопределенность компетенции, отсутствие четко прописанных обязанностей, возложенных на данный орган власти. Тем не менее именно на этом этапе развития государства как раз появляются попытки правительства внести специ-

ализацию в сферу управления данного органа власти. Также советы отличались сравнительно узким составом, который давал им возможность принимать оперативные решения. В качестве одного из важнейших признаков вышеуказанных учреждений следует назвать и постепенный переход от влияния в советах аристократии или же лиц, связанных с властью кровным родством или личными связями, уже к людям-специалистам, обладавшим действительно профессиональным опытом в определенной сфере.

Однако не стоит забывать, что ситуация с полномочиями Совета была все же неодинаковой в различных государствах и зависела от степени вовлеченности государя в дела управления – к примеру, рассмотренный нами во Французском королевстве и Бранденбургском княжестве совет находился практически под полным надзором монарха, в Англии же отличался несколько большей свободой действий.

Таким образом, Кабинет министров Анны Иоанновны соотносится с чередой вышеуказанных учреждений по ряду признаков. В качестве основной особенности российского Кабинета министров стоит назвать то, что он сохранял свою вспомогательную роль на протяжении всего своего существования в отличие от Верховного тайного совета 1726–1730 гг., практически полностью заменившего собой правящего монарха.

Материалы исследования

Савельева 2004 – *Савельева Е.Н.* Кабинет министров Анны Иоанновны: дис. ... канд. ист. наук. Москва, 2004. 189 с.

СИРИО 1886 – *СИРИО*. Т. 55. Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета. 1726–1730 гг. Т. 1. (февраль–июль 1726 г.). Санкт-Петербург, 1886. 538 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/483622>.

СИРИО 1897 – *СИРИО*. Т. 103. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 1. (1731–1732 гг.). Юрьев, 1897. 684 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/484366>.

СИРИО 1901 – *СИРИО*. Т. 113. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 4. (1735 г.). Юрьев, 1901. 664 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/484572>.

СИРИО 1912 – *СИРИО*. Т. 138. Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны 1731–1740 гг. Т. 11. (январь–май 1740 г.). Юрьев, 1912. 664 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9408/485220>.

ПСЗРИ... 1830 – *Полное собрание законов Российской империи*. Санкт-Петербург, 1830. Изд. 1. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=32&regim=3.

Библиографический список

Gloger 1989 – *Gloger B.* Friedrich Wilhelm, Kurfurst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. Рус. пер. Ф. Силонова // Сайт Александра Силонова. URL: <http://silonov.narod.ru/parents/fried/fried0.htm>.

Elton 1953 – *Elton G.R.* The Tudor Revolution in Government. Administrative Changes in the Reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1953. 465 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511561115>.

Elton 1983 – *Elton G.R.* Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Vol. 3, Papers and Reviews 1973–1981. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 522 p. URL: <http://library.lol/main/AEA891204E868AE1947720B1705AC90F>.

Анисимов 1994 – *Анисимов Е.В.* Россия без Петра: 1725–1740. Санкт-Петербург, 1994. 496 с. URL: https://royallib.com/book/anisimov_evgeniy/rossiya_bez_petra_1725_1740.html.

Беляев 2019 – *Беляев М.П.* Власть и управление в Бранденбурге в первой половине XVII в. // Вызов времени: становление централизованных государств на Востоке и Западе Европы в конце XV–XVII в. С. 191–198. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41227211>. EDN: <https://elibrary.ru/mtpglf>.

Блюш 1998 – *Блюш Ф.* Людовик XIV. Москва, 1998. 815 с. URL: https://royallib.com/book/blyush_fransua/lyudovik_xiv.html.

Властные институты... 2011 – *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / отв. ред. Т.П. Гусарова. Москва, 2011. 600 с. URL: <https://uchebnikfree.com/vekov-srednih-istoriya/vlastnyie-institutyi-doljnosti-evrope-srednie.html>.

Кондратенко 2009 – *Кондратенко Т.А.* Концепция «Тюдоровской революции в правительстве» Джеффри Элтона и ее критика в современной британской историографии // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 46–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15244849>. EDN: <https://elibrary.ru/mvprnl>.

Фаизов 2017 – *Фаизов А.В.* Полномочия и компетенция Кабинета министров в 1730–1741 годах: стадии роста // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 1. С. 49–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27682266>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuazj>.

Филиппов 1898 – *Филиппов А.Н.* Кабинет министров и его сравнение с Верховным тайным советом. Юрьев, 1898. 45 с. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/55002>.

References

Gloger 1989 – *Gloger B.* (1989) Friedrich Wilhelm, Kurfurst von Brandenburg: Biographie. Berlin, 1989. Russian translation by F. Silonov. Retrieved from the official website of Alexander Silonov. Available at: <http://silonov.narod.ru/parents/fried/fried0.htm>.

Elton 1953 – *Elton G.R.* (1953) The Tudor Revolution in Government. Administrative Changes in the Reign of Henry VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 465 p. DOI: <http://doi.org/10.1017/CBO9780511561115>.

Elton 1983 – *Elton G.R.* (1983) Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Vol. 3, Papers and Reviews 1973–1981. Cambridge: Cambridge University Press, 522 p. Available at: <http://library.lol/main/AEA891204E868AE1947720B1705AC90F>. (In Russ.)

Anisimov 1994 – *Anisimov E.V.* Russia without Peter: 1725–1740. Saint Petersburg, 496 p. Available at: https://royallib.com/book/anisimov_evgeniy/rossiya_bez_petra_1725_1740.html. (In Russ.)

Belyaev 2019 – *Belyaev M.P.* Power and administration in Brandenburg in the first half of the XVII century. In: *Challenge of time: the formation of centralized states in the East and West of Europe in the late XV–XVII centuries*, pp. 191–198. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41227211>. EDN: <https://elibrary.ru/mtpglf>. (In Russ.)

Blusch 1998 – *Blusch F.* (1998) Louis XIV. Moscow, 815 p. Available at: https://royallib.com/book/blyush_fransua/lyudovik_xiv.html. (In Russ.)

Imperious institutions... 2011 – *Gusarova T.P. (Ed.)* (2011) *Imperious institutions and positions in Europe in the Middle Ages and early Modern Times*. Moscow, 2011, 600 p. Available at: <https://uchebnikfree.com/vekov-srednih-istoriya/vlastnyie-institutyi-doljnosti-evrope-srednie.html>. (In Russ.)

Kondratenko 2009 – *Kondratenko T.A.* (2009) The Geoffrey Elton's conception of the «Tudor revolution in government» and its criticism in contemporary British historiography. *Omsk Scientific Herald*, no. 3 (78), pp. 46–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15244849>. EDN: <https://elibrary.ru/mvprnl>. (In Russ.)

Faizov 2017 – *Faizov A.V.* (2017) The powers and competence of the Cabinet of Ministers in 1730–1741: the growth phases. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 16, no. 1, pp. 49–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27682266>. EDN: <https://elibrary.ru/xhuazj>. (In Russ.)

Filippov 1898 – *Filippov A.N.* (1898) The Cabinet of Ministers and its comparison with the Supreme Privy Council. Yuriyev, 45 p. Available at: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/55002>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 947.072.5

Дата поступления: 17.01.2023
рецензирования: 24.02.2023
принятия: 30.05.2023**Описание географических условий и городов Пензенской губернии
в воспоминаниях военнопленных армии Наполеона в контексте отражения
региональной идентичности****С.В. Белоусов**Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация
E-mail: sergbel_1812@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): Q-1649-2015.
Scopus ID: 56804693200. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1891-8544>

Аннотация: Статья посвящена описанию географических и климатических условий, особенностей городской и сельской инфраструктуры Пензенского края в мемуарах военнопленных Великой армии в контексте формирования региональной идентичности. В качестве основных источников при рассмотрении проблемы послужили воспоминания Ю. фон Зодена, Х.-Л. Йелина, Ф. фон Фуртенбаха, Ф. Баджи, Ф. Пизани, К.Х.Л. Шенка фон Винтерштедта, К.А.В. фон Ведела, А. фон Лейссера, С.Б. Пешке, Бюттнера, Л. Флека. В настоящее время взаимные представления европейских народов в эпоху наполеоновских войн все чаще являются предметом пристального историографического интереса. Формирование образа «другого» у различных социальных, культурных и этнических общностей позволяет понять складывание собственной идентичности. Одним из факторов формирования региональной идентичности является отождествление себя с определенной территорией. В этой связи описание военнопленными армии Наполеона ландшафтных и климатических особенностей региона, его городской инфраструктуры представляется весьма важным, так как дает возможность проследить возникновение и развитие культурных, национальных, религиозных, социально-экономических и политических особенностей организации общества.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 г.; Пензенская губерния; военнопленные армии Наполеона; региональная идентичность.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 22-18-20015: «Власть и общество Пензенского края в XIII–XXI вв.: исторические аспекты территориальной интеграции и формирование региональной идентичности».

Цитирование. Белоусов С.В. Описание географических условий и городов Пензенской губернии в воспоминаниях военнопленных армии Наполеона в контексте отражения региональной идентичности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 30–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-30-38>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

© Белоусов С.В., 2023

Сергей Владиславович Белоусов – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания, Пензенский государственный университет, 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 17.01.2023
Revised: 24.02.2023
Accepted: 30.05.2023**Description of geographical conditions and cities of Penza province
in the memoirs of prisoners of war of Napoleon's army in the context
of reflection of regional identity****S.V. Belousov**Penza State University, Penza, Russian Federation
E-mail: sergbel_1812@mail.ru. Researcher ID (Web of Science): Q-1649-2015.
Scopus ID: 56804693200. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1891-8544>

Abstract: The article is devoted to the description of geographical and climatic conditions, features of urban and rural infrastructure of the Penza Region in the memoirs of prisoners of war of the Great Army in the context of the formation of regional identity. The main sources when considering the problem were the memoirs of Yu. von Soden, H.-L. Yelin, F. von Furtenbach, F. Baggi, F. Pisani, K.H.L. Schenck von Winterstedt, K.A.V. von Wedel, A. von Leisser, S.B. Peszke, Büttner, L. Fleck. Currently, mutual representations of European peoples in the era of the Napoleonic Wars are increasingly the subject of close historiographical interest. The formation of the image of the «other» in various social, cultural and ethnic communities makes it possible to understand the formation of one's own identity. One of the factors in the formation of regional identity is the identification of oneself with a certain territory. In this regard, the description by the prisoners of

war of Napoleon's army of the landscape and climatic features of the region, its urban infrastructure is very important, as it makes it possible to imagine the emergence and development of cultural, national, religious, socio-economic and political features of the organization of society.

Key words: Patriotic War of 1812; Penza province; Napoleon's army prisoners of war; regional identity.

Acknowledgments. The research was funded by the Russian Science Foundation, project number 22-18-20015: «The power and society of the Penza Region in the XIII–XXI centuries: historical aspects of territorial integration and the formation of regional identity».

Citation. Belousov S.V. Description of geographical conditions and cities of Penza province in the memoirs of prisoners of war of Napoleon's army in the context of reflection of regional identity. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 30–38. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-30-38>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Belousov S.V., 2023

Sergey V. Belousov – Doctor of Historical Sciences, professor, head of the Department of General History and Social Studies, Penza State University, 40, Krasnaya Street, Penza, 440026, Russian Federation.

Введение

Одним из факторов формирования региональной идентичности является отождествление себя с определенной территорией. Географические и климатические условия проживания, особенности городской и сельской инфраструктуры непосредственно влияют на возникновение и развитие культурных, национальных, религиозных, социально-экономических и политических особенностей организации общества [Черникова 2014, с. 141]. При этом в восприятии собственной идентичности большую роль приобретает формирование образа «другого» у различных социальных, культурных и этнических общностей. В этой связи интересные обобщения можно сделать на примере воспоминаний военнопленных армии Наполеона, волею судеб оказавшихся в российской глубинке и явившихся сторонними наблюдателями тех процессов, которые происходили в Российской империи начала XIX в.

Взаимные представления европейских народов в эпоху наполеоновских войн в последние годы все чаще привлекают внимание исследователей. Образы противников, нравы и обычаи гражданского населения, географические и климатические условия того или иного региона нередко оказываются предметом пристального историографического интереса [Губина 2012; Рей 2012; Промыслов 2012; Тотфалушин 2012; Белоусов 2014а; Мельникова 2014; Промыслов 2016; Белоусов, Сухова, Ягов 2016]. Интересные обобщения можно сделать на примере Пензенской губернии, которая является местом поистине уникальным. Здесь на протяжении нескольких столетий совместно проживали представители различных национальностей: русские и татары, мордва и чуваш. Безусловно, они имели различные языковые и культурные традиции, на которые еще в начале XIX в. обращали внимание зарубежные мемуаристы. Мемуарные источники позволяют взглянуть на исторические реалии и охарактеризовать жизнь в российской провинции глазами представителей иной, западноевропейской цивилизации. Однако следует помнить, что мемуарный источник относится к источникам личного происхождения. Автор выражает свое видение мира и свое мнение на

различные процессы и явления, свидетелем которых он является.

География и климат Пензенской губернии в воспоминаниях военнопленных армии Наполеона

В своих мемуарах военнопленные армии Наполеона акцентировали внимание на общем состоянии Средневолжского региона, прежде всего выделяя его ландшафтные и климатические особенности. Многие мемуаристы отмечали плодородие почвы, обилие сочных трав, наличие множества рек и небольших речушек, близость Волги, что способствовало развитию земледелия, различных промыслов и торговли у местного населения [Шенк 2004, с. 101; Лейссер 2020, с. 60]. «На долгом пути мы видели огромные леса, необозримые дали плодородных полей, пастбищ и лугов, мало пустых земель, полноводные, богатые рыбой и судоходные реки и озера, цветущие города, многочисленные красивые и зажиточные села и очень мало нищих деревень», – писал лейтенант 9-го шеволежерского полка К.А.В. фон Ведель [Ведель 2009, с. 14]. Однако это поистине восторженное описание увиденного вскоре сменяется на страницах его воспоминаний на прямо противоположное. И он уже отмечает «унылое однообразие русской равнины, сел и городов с их деревянными домами, длинными прямыми улицами, бесконечными башнями церквей и монастырей» [Ведель 2009, с. 14], называет «путешествие» вглубь России утомительным для души из-за отсутствия смысла и цели. Конечно, такое разное восприятие окружающей действительности в короткий промежуток времени одним и тем же человеком было следствием того нестабильного положения, в котором оказывались военнопленные в России, отсутствия какой бы то ни было связи с родными и близкими, что влияло на их морально-психологическое состояние. Ведель не находит объяснения перемещениям пленных во внутренние губернии Российской империи и пытается по-своему ответить на этот вопрос. «Зачем в течение ста дней нас водили вдоль и поперек по Старой России до границ с Азией, если, двигаясь по прямой, мы удалились бы от исходного пункта на вдвое большее расстояние? – вопрошал он. – Почему мы так

часто встречались с другими партиями пленных, пересекавшими Россию во всех возможных направлениях? Зачем в каждом маленьком городке размещали пленных и рассеяли их по всей стране? Если бы целью было удаление от района военных действий, то не было бы никакой необходимости отправлять нас так далеко. Возможно, нас намеревались познакомить с величием и силой империи, с тем чтобы тысячи вернувшихся пленных распространяли затем эти знания по всей Западной Европе» [Веделъ 2009, с. 14–15].

Впрочем, окружающую их действительность военнопленные могли воспринимать лишь во время своего движения вглубь России весной-летом 1813 г. и в ходе возвращения на Родину. Партии, продвигавшиеся по территории внутренних губерний Российской империи зимой 1812–1813 гг., встречали на своем пути холод, голод и безысходность, приводившие к полной апатии. Военнопленные армии Наполеона были обречены на выживание в условиях трудного пути и сурового климата.

Не случайно описание погоды занимало заметное место в воспоминаниях пленных офицеров. Мемуаристы особенно отмечали наступавшие в средней полосе России уже в ноябре сильные морозы, от которых они, непривычные к холодам, сильно страдали. «Иной раз мороз был такой крепкий, – писал итальянский офицер Ф. Баджи, – что капельки слез, падавшие с глаз, замерзали и сковывали веки» [Белоусов 2010, с. 40]. «Наш путь привел нас в губернский город Пензу, и, когда мы дошли до него, климат, и так бывший неважным, начал чередоваться с таким неопишуемым холодом, что мы думали, что испустим дух!» – восклицал капрал баварского 5-го шеволежерского полка Бюттнер [Бюттнер 2020, с. 201]. В декабре 1813 г. в Пензе мороз был так суров, что, как отмечал обер-лейтенант вюртембергского 4-го Франкемонта линейного полка Ю. фон Зоден, «почти невозможно было выглянуть на улицу без риска отморозить нос и уши» [Зоден 2006, с. 32]. Шеф эскадрона 9-го шеволежерского (гамбургского) полка подполковник К.Х.Л. Шенк фон Винтерштедт вспоминал, что однажды в пути их застала такая сильная буря с метелью, что они вынуждены были задержаться в каком-то селении на целых три дня. «Очень опасно в такую погоду ехать по великой степи, – писал он, – так как ветер и снег уничтожили все следы дороги и очень часто путешествующие, которые были застигнуты такой непогодой в степи, лишались своей жизни» [Шенк 2009, с. 143].

Нередко мемуаристы упоминают переменчивость погодных условий. Зимой мороз мог смениться дождем со снегом и оттепелью. Сильный дождь при грозе и понижении температуры в летнюю ночь уже в полдень переходил в жару и зной. Это позволило обер-лейтенанту вюртембергского 2-го герцога Вильгельма линейного полка Х.-Л. Йелину даже сделать вывод: «Лето и зима наступают почти в то время, как и у нас, только с той разли-

цей, что летом теплее, а зимой гораздо холоднее. Переход от жары к холоду происходит быстро, что существенно причиняет боль телу и невыгодно растениям, в частности фруктовым деревьям. Сегодня такая мягкая погода, что можно чуть ли не купаться в реке, а утром следующего дня уже идет снег и чувствительный мороз. Плодовые деревья, правда, сажают. Однако их плоды маленькие, а сами деревья довольно рано обматывают соломой, для того чтобы защитить от замерзания» [Йелин 2009, с. 25].

Описание климата и переменчивости погодных условий на страницах произведений мемуаристов Великой армии весьма интересно в контексте понимания тех особенностей, в которых происходило складывание региональной общности на территории Пензенского края.

Описание российских дорог и движение партий военнопленных по ним у мемуаристов напоминает описание военных маршей и более свидетельствует об интересе к дорогам с практической точки зрения, подтверждая мысль о бескрайности российских просторов. Одновременно пленные пытались подчеркнуть некоторые полезные изобретения, встреченные ими в России. В частности, обер-лейтенант баварского 5-го линейного полка Ф. фон Фуртенбах «полезной идеей» считал установку на дорогах верстовых столбов. «По всей империи, на всех дорогах и перекрестках дорог, – писал он, – на каждой версте установлены 6-футовые четырехугольные столбы серьезной толщины, выкрашенные в национальные цвета. На лицевой и обратной стороне обозначены города и оставшееся до них или пройденное от них количество верст. В глубоком снегу они являются самым надежным указателем пути и действительно берегут время. В морозную зиму на каждом из них обычно восседает ворона, которая голодным взглядом провожает проезжающих. За повреждение или кражу верстовых столбов секут и пожизненно ссылают на Нерчинские горные разработки» [Фуртенбах 2008, с. 20]. Еще одним полезным изобретением он считал металлическую пластину (било), подвешенную на столбе и располагавшуюся в населенных пунктах рядом с домом сотника или сельского старосты. Удар по ней молотком издавал звук, похожий на звон колокола. Било имело различное значение. «У русских есть особый навык передачи сведений с помощью ударов, – отмечал Ф. фон Фуртенбах. – Например, о пожаре, о замеченных волках или медведях. В деревнях, лежащих на большой дороге, где маршрут опасен или проходит рядом с водой, в туманные или снежные дни удары являются ориентиром, по которому можно найти верное направление. Сложно поверить, как далеко слышны эти пронзительные звуки, при хорошей погоде за много верст, нельзя сказать, что это очень благозвучный, зато очень простой и дешевый метод передачи сообщений» [Фуртенбах 2008, с. 20].

Описание Пензы и уездных центров Пензенской губернии в воспоминаниях военнопленных армии Наполеона

Немало строк пленные мемуаристы посвятили описанию городов и иных населенных пунктов Пензенской губернии. На основании этих описаний можно выяснить, в частности, как выглядела Пенза в представлении офицеров Великой армии и какую оценку они давали городской инфраструктуре. Так, обер-лейтенант Х.-Л. Йелин сообщал, что город расположен в живописной местности, на реке того же названия. Он вытянут в длину. Большинство улиц, кроме главной, немощеные и после дождей совершенно непроходимые. Отметил он и наличие извозчиков, которые за небольшую плату могут доставить желающих в любое место города. Йелин обратил внимание также на кафе и бильярдные, которые были «на самом низком уровне и очень простые». Упомянул мемуарист и о том, что жители Пензы более вежливы по сравнению с населением других местностей. Приятное времяпрепровождение здесь пленным обеспечила и проходившая в это время ярмарка. Квартиры в Пензе были хорошие [Йелин 2009, с. 15]. Вюртембергскому обер-лейтенанту Ю. Фон Зодену Пенза также понравилась. Он сообщал, что город расположен на судоходной реке Сура и имел население без малого 20 тыс. человек. Здесь было больше образованных и знакомых с немецкими обычаями людей, а власти показались вежливыми и участливыми. По его мнению, Пенза отличается от всех виденных им ранее русских городов тем, что «похожа на милый немецкий город. Дома на центральной улице были красивы и построены плотно друг к другу». Квартиры в Пензе были просторны [Зоден 2006, с. 12–13]. Ф. фон Фуртенбах также отмечал, что Пенза находится в привлекательной и красивой местности. Город расположен на нескольких величественных холмах. В долине вокруг города раскинулись его пригороды. В речку Суру впадает ручей Пенза, по имени которого и был назван город. Хотя река несудоходна, движение происходило по близлежащей Волге, куда товары доставлялись на легких повозках. В городе много маленьких домов, церквей и монастырей. Он достаточно неплохо выстроен. Дом губернатора, князя Голицына, находится в высшей точке города, и из него можно наблюдать прекраснейший вид, включающий не только весь город и его пригороды, но «и всю чарующе прекрасную местность до самых дальних рубежей». Упомянул Фуртенбах и местный театр, который «просторен, хорош на вид и, что особенно важно, снабжен хорошим оборудованием и декорациями» [Фуртенбах 2008, с. 7]. Врач польского 10-го гусарского полка С.Б. Пешке, наоборот, жаловался на неудобные квартиры. Город же он не рассмотрел по причине плохой погоды [Peszke 1913, S. 34–35]. О плохих и грязных квартирах говорил также К.Х.Л. Шенк фон Винтерштедт. Город у подножия горы показался ему очень маленьким. Кроме губернаторского дома,

мемуарист не заметил ни одного здания, которое показалось бы ему красивым. Здесь Шенк посетил и описал лошадиный рынок [Шенк 2004, с. 101]. Сержант вестфальского егерско-карабинерного батальона А. Флек также отметил почти полное отсутствие в городе красивых зданий, а также подчеркнул дешевизну продуктов на местном рынке [Белоусов 2014 б, с. 107–108]. Рассматривая эти характеристики, следует пояснить, что и Шенк, и Флек оказались в Пензе после Саратова – крупного приволжского торгового города, в сравнении с которым Пенза явно проигрывала. А Йелин, Зоден и Фуртенбах прибыли из переполненного пленными и войсками небольшого Тамбова, выполнявшего роль транзитного пункта на пути пленных, в сравнении с которым Пенза выглядела гораздо более привлекательно.

Сохранилось описание Пензы итальянского офицера Ф. Пизани, который сопровождал его акварельным рисунком, выполненным с натуры. «В Пензе, губернском городе, – писал он, – у нас было плохое жилье [...] Несмотря на сильный ветер, я захотел посмотреть город, который располагается на холме, а на склоне обращен к северу. В городе много каменных домов, с двумя или тремя симметрично построенными этажами, и различные церкви. Вдоль четырех главных, достаточно больших дорог размещены с определенными интервалами кирпичные и деревянные дома с садами, где росли фруктовые деревья, и огородами. На дороге, называемой Московской, находится общественная гимназия, а на другом краю дороги – несколько домов, где обжились из веротерпимости евреи, занимающиеся ремонтом часов и ювелирных изделий. Дорога эта заканчивается на низкой равнине, где каждый день проходит рынок и можно купить необходимые продукты. Торговая площадь на самом вершине холма окружена каменными домами, на первых этажах которых открыты лавки, а в подвалах – склады. Город не имеет никакого ограждения: его план очень прост – город поделен на три квадрата, границей которым служат четыре вышеупомянутые дороги. Слева от наиболее близкой к востоку дороги находится другая часть города, вся из деревянных домов и каменных церквей, которые имеют много позолоченных куполов. Справа от дороги, на западной окраине, дома построены богатым господином, и там есть огромный лес, а также что-то наподобие пригорода с самыми обычными домами. У меня возникло желание нарисовать себе в дневник вид на этот город, и я отправился рано утром попросить об этом господина, у которого был двухэтажный дом с северной стороны и откуда открывался самый красивый вид. Несмотря на разные подозрения со стороны старушки, хозяин дома [...] проводил меня на второй этаж, оставил в полном покое и спустя некоторое время даже принес мне чашку чая. У меня ушел час, чтобы нарисовать вид на город, и, уходя, я рассыпался в комплиментах хозяину дома, который поддержал мою просьбу» [Pisani 2006, p. 118–119; Белоусов 2015].

Образ Пензы, запечатленный иностранными мемуаристами, дает возможность сравнить его с описаниями губернского центра, сделанными российскими авторами. Вот как, например, описывал Пензу известный мемуарист первой половины XIX в. Ф.Ф. Вигель: «...Пенза на горе возвышается гордо над смиренною Сурой. Сия речка, только при устье своем достойная названия реки, в одно только время года, и то самое короткое, бывает судоходна; она робко и медленно приближается к спесивой Пензе и, не смея коснуться подошвы ея, в двух или трех верстах от нее протекает... Некогда слобода, а со времен царствования Алексея Михайловича провинциальный город, Пенза состояла тогда из десятка не весьма больших деревянных господских хором и нескольких сотен обывательских домиков, из коих многие были крыты соломою и имели плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многие сельские храмы, с тех пор построенные, и несколько каменных и деревянных небольших приходских церквей служили единственным ей украшением... Двадцать лет спустя, когда при учреждении губерний Пенза возвышена была на степень губернского города, в ней все переменилось. Правильные улицы и из них иные мощные украсились каменными двумя- и трехэтажными домами и каменными лавками, а в них показались товары, кои прежде, хотя с трудом, можно было только выписывать из Москвы; явилась некоторая опрятность, некоторая бережливость, некоторый вкус – необходимые спутники просвещения...» [Вигель 2003, кн. 1, с. 21–22]. Схожее описание Пензы содержится и в романе М.Н. Загоскина «Искуситель»: «Боже мой, что за дома! Каменные, раскрашенные разными красками, с лавками, балконами, с итальянскими окнами, в два и даже три этажа! Что шаг, то новое удивление: вот зеленый дом с красной кровлею и огромными белыми столбами; вот розовые палаты с палевыми обводами около окон; вот дом совершенно пестрый, на воротах – голубые львы с золотою гривой – какое великолепие!» [Загоскин 1902, стб. 512]

Не менее образным в мемуарах военнопленных выглядит описание уездных городов Пензенской губернии. В этом отношении показательным представляется изображение Саранска, в котором около полугода проживали Ю. фон Зоден и Х.-Л. Йелин. К тому же сохранился рисунок этого города, сделанный с натуры летом 1814 г. итальянским офицером Ф. Пизани. Так, Ю. фон Зоден оставил такое описание Саранска: «Город Саранск лежит на равнине у маленькой речушки с одноименным названием и насчитывает от 4 до 5 тысяч жителей, которые в основном принадлежат к мещанскому и крестьянскому сословию. Вплотную к городу примыкают длинные земляные укрепления, которые тянутся на большое расстояние. Их называют “татарскими”, так как они были воздвигнуты в ходе былых войн с этими на-

родами. В Саранске, как и во всех русских городах, было много церквей и колоколен. Город уже издали имел величественный вид, который приводил нас к догадке, что здесь есть много хороших домов» [Зоден 2006, с. 14]. Ф. Пизани в свою очередь сообщает, что «Саранск расположен в долине, охраняемой квадратным редутом, соединенным с оборонительной линией. Большая часть города расположена на возвышенности, остальные – чуть ниже: некоторые части города с кирпичной застройкой видны издали от центра. В городе 12 церквей. Одна из них – церковь Св. Ильи рядом с монастырем. Чуть повыше городской ратуши находится довольно большая церковь, а ниже нее – арочная галерея со множеством лавок, в которых выставлены скобяные изделия, промышленные товары, фаянс, хрусталь, пряности, краски, шкуры и другие мелкие вещи» [Pisani 2006, p. 116].

Описание Саранска, данное пленными офицерами армии Наполеона, интересно сравнить с тем, как город воспринимался русскими мемуаристами. Так, И.М. Долгорукий, посетивший Саранск летом 1813 г., оставил следующую зарисовку города: «Саранск, город уездной Пензенской губернии и старинной. Он всегда почитался в ней лучшим, что и справедливо, но при всем том был бы самой дурной в подмосковных губерниях... В Саранске нет ни реки знаменитой, ни строения хорошего, церковей мало, несколько каменных домов купеческих старомодной архитектуры. Дворянские дома все деревянные и так обветшали, что, кроме дров, ни на что не годятся; прочие обыватели живут в избах, под соломенными крышами. Но жители города гостеприимством своим и ласкою доказывают истину русской пословицы, что “не красна изба углами, красна пирогами”» [Долгорукий 1870, с. 52].

Большое место в мемуарах военнопленных занимает описание ярмарки, проходившей в Саранске во второй половине августа 1813 г. Причем их воспоминания вполне согласуются с описанием саранской ярмарки, данной Ф.Ф. Вигелем и И.М. Долгоруким, и позволяют воссоздать яркие картины жизни уездного города начала XIX в. Так, Ю. фон Зоден пишет о том, что подготовка к ярмарке шла задолго до ее начала. Уже в первые дни августа на базарной площади начиналось строительство лавок, «похожих на те, какие обычно бывают в Германии». В обычно тихом уездном городе начинались оживление и повышенная активность. Появлялась прислуга дворян, чтобы на время ярмарки снять удобные квартиры и все подготовить для встречи своих господ. По улицам проезжало множество телег и экипажей. Ярмарка продолжалась 14 дней и служила местом встреч дворянства. «Она скорее служила местом для новых знакомств и возобновления старых, – отмечал он. – На ярмарке познакомились молодые люди. Возникли любовные связи, которые зачастую заканчивались свадьбами. Замужние дамы, к которым судьба была жестока из-за пьянства их мужей, на ярмарке через приличные знакомства пытались это как-то

компенсировать. Ярмарка началась в понедельник. Мы не замедлили ее посетить. Множество повозок, расставленных вблизи базара, поразило нас. Мы робко подошли к главному входу. Едва мы вошли, как нашему взору открылся прекрасный вид. Чаще всего в каждой лавке находилось несколько молодых дам, которые все рассматривали с большим вниманием и участием. <...> Из-за бедности мы покупали немного. Все же почти ежедневно мы посещали ярмарку, где нас радовал вид красивых еврейских, арабских и тюркских вещей» [Зоден 2006, с. 19].

Описание саранской ярмарки нашло отражение и в воспоминаниях Х.-Л. Йелина. «16 августа открылась здешняя 8-дневная ярмарка, – писал он. – В городе на свободной площади были сооружены лавки (Stände), в которых обыватели могли закупить все для своих нужд. Лавки были покрыты сукном так, что от возникавшей тени становилось немного темно. Они были построены плохо, однако же товары были хороши и разнообразны. Мне это пришлось по вкусу. Раньше я бы рассмеялся, если бы мне кто-нибудь рассказал об этой великолепной ярмарке. Мы, пленные, рассматривали все, и в течение всего времени ярмарка нас очень занимала. Особенно привлекала нас конская ярмарка, которая была за городом. Лошадей было множество, и лошади так прекрасны, что невозможно отвести взгляд. Среди прочих были целые табуны диких степных коней, которые свободно бегали в ограде. Когда являлся покупатель и облюбовывал одну из этих лошадей, то продавец садился на обремененную лошадь и верхом въезжал в ограду. Табун сбивался в кучу, головами в середину, и бил задними ногами, когда к нему кто-нибудь приближался. Но у продавца на длинном шесте была прикреплена петля. Он ее набрасывал на голову лошади, которую хотел поймать, и спокойно выводил ее к покупателю. Жеребец оказывался тут и, казалось, демонстрировал свою гордость, чтобы все знали, как он красив и что его нельзя продать за бесценно. <...> Покупателей было очень много. Собирались все окрестные помещики. В течение этого времени город оживленно кипел. Так как ярмарка бывала здесь только раз в год, то помещики закупали все необходимое на год вперед, и поэтому ее денежный оборот был очень большой» [Йелин 2009, с. 20–21].

И.М. Долгорукий, также побывавший на саранской ярмарке в 1813 г., оставил ее следующее описание: «Между Макарьевской [в Нижнем Новгороде. – С. Б.] и саранской ярмонок тотчас откроется разница. Та для одних торговых расчетов, другая почти вся для удовольствия; лавки отдаются внаймы городом и расположены все в кучке, среди площади, так точно, как ряды в Москве, поелику она гораздо меньше всех важных ярмонок в государстве, следовательно, все приезжие ежечасно вместе, когда они гуляют по лавкам. К счастью нашему, погода была в то время прекрасная, что, однако

же, по замечанию старожил тамошних, не всегда встречается, и это-то, может быть, привлекло сюда все дворянство Пензенской губернии. Целый день почти все толкуются в лавках, особливо женщины. Не надобно воображать, чтоб товаров или купцов было мало. Совсем нет: вы в Саранске найдете купить все то же, что и в Курске, и у Макарья, только в меньшем числе, цены иногда дешевле, и тут выгоднее запастись можно, чем в другом месте, всем нужным. Между рукодельями российскими вы увидите тут с стеклянного Бахметьевского завода такой хрусталь, какого, кроме Англии, нигде достать нельзя. Стекло превосходно во всех отношениях: и масса его, и рисунки, и отделка равно прелестны. Я столкнулся тут со многими знакомыми, коих очень давно не видал; тутошные коренные обыватели вспоминали мое время в Пензе и оказали мне искреннейшие ласки; живо вспомнил я с ними старину: с иными посмеялся, с другими поплакал. Мы тут прожили четыре дня, кроме того, в который приехали. Ярмонка обыкновенно кончается дни два спустя после Успеньева дни [в XIX в. Успение отмечалось 15 августа. – С. Б.], по прошествии праздника Нерукотворенного Образа, во имя которого выстроен здешний собор» [Долгорукий 1870, с. 53]. Ф.Ф. Вигель, посетивший саранскую ярмарку в 1804 г., так описывал ее: «Она обыкновенно бывает в половине августа, около Успеньева дня, вскоре после Макарьевской, которая от нее была недалеко и оканчивалась тогда к 1 августа. Все на сей последней нераспроданные товары привозились на саранскую, где и продавались дешевле, отчего она была богаче и многолюднее пензенской. Сверх того, в уездных городках, на небольшом пространстве, в хорошее время года ярмарки всегда бывают живее, кипучее, чем в губернских городах; на них что-то похожее на лагерное житье или на ту беззаботную, бесцеремонную жизнь, которую ведут на минеральных водах. Несколько дней, проведенных там с моим семейством, чрезвычайно возвеселили дух мой» [Вигель 2003, кн. 1, с. 299–300].

Заключение

Таким образом, воспоминания военнопленных Великой армии являются важным источником по истории российской провинции «эпохи Отечественной войны 1812 года». Это некий взгляд со стороны, восприятие людьми иной, западноевропейской культуры реалий провинциальной жизни в России. Мемуарные источники весьма информативны и позволяют рассмотреть многие аспекты политического, социально-экономического и культурного развития Пензенского края. Описание же мемуаристами географических и климатических условий, особенностей городской и сельской инфраструктуры региона весьма важно и в контексте понимания тех процессов, в рамках которых происходило складывание региональной общности.

Библиографический список

- Peszke 1913 – *Peszke S.* Moj pobyt w niewoli rosyjskiej w 1812 r. Warszawa, 1913. 66 S.
- Pisani 2006 – In guerra con Napoleone: memorie di *Filippo Pisani*, Russia 1812. Chiari: Nordpress, 2006.
- Белоусов 2010 – *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в воспоминаниях военнопленного итальянского офицера Ф. Баджи // Вестник военно-исторических исследований: международный сборник научных трудов. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып. 2. С. 36–42.
- Белоусов 2014 а – *Белоусов С.В.* Обычаи и нравы населения Германских государств в дневниках и мемуарах офицеров русской армии – участников Заграничных походов 1813–1814 гг. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). Москва, 2014. С. 107–115.
- Белоусов 2014 б – *Белоусов С.В.* Пензенская губерния первой четверти XIX в. в мемуарах сержанта наполеоновской армии Людвиг Флека // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: История и политология. 2014. № 3. С. 105–110. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22026723>. EDN: <https://elibrary.ru/soahcn>.
- Белоусов 2015 – *Белоусов С.В.* Неизвестные рисунки Саранска и Пензы начала XIX в. военнопленного итальянского офицера Филиппо Пизани // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 32–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24248967>. EDN: <https://elibrary.ru/ukqqnt>.
- Белоусов, Сухова, Ягов 2016 – *Белоусов С.В., Сухова О.А., Ягов О.В.* «Гигантское дитя, охваченное стремительным ростом»: мемуары военнопленных армии Наполеона о формировании этнической идентичности поволжских народов // Былые годы. 2016. Т. 42, № 4. С. 1285–1294. URL: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1480334982.pdf.
- Бюттнер 2020 – Описание судьбы и страданий бывшего капрала *Бюттнера*... во время его 19-месячного плена в России // Саксонский кирасир, вестфальский гусар, баварский шеволежер: Воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плена в России. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 194–233.
- Ведель 2009 – *Ведель К.А.В., фон.* История одного офицера в войне против России в 1812 году, в русском плену в 1813–1814 годах, в походе против Наполеона в 1815 году: Воспоминания // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 12–30.
- Вигель 2003 – *Вигель Ф.Ф.* Записки: в 2 кн. Москва: Захаров, 2003. Кн. 1. 608 с.; Кн. 2. 752 с. URL: <https://prussia.online/books/zapiski-vigel>.
- Губина 2012 – *Губина М.В.* Образы противников в восприятии покорителей Европы (1805–1812) // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Москва, 2012. Т. 2012. С. 252–264. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329546>. EDN: <https://elibrary.ru/plctdj>.
- Долгорукий 1870 – *Долгорукий И.М.* Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года. Москва: Университетская тип. (Катков и К°), 1870. 122 с. URL: <http://nnov.ngounb.ru/node/15497?fragment=page-1>.
- Загоскин 1902 – *Загоскин М.Н.* Искуситель // Загоскин М.Н. Полн. собр. соч.: в 2 т. Санкт-Петербург, 1902. Т. 2. Стб. 499–712. URL: http://az.lib.ru/z/zagoskin_m_n/text_0040.shtml.
- Зоден 2006 – *Зоден Ф.Ю.* Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / подгот. публ., предисл., пер. и коммент. к.и.н., доц. С.В. Белоусова. Пенза: ПГПУ, 2006. 64 с. URL: <http://www.adjudant.ru/captive/soden01.htm>.
- Йелин 2009 – *Йелин Х.Л.* Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера / подгот. публ., предисл., пер. и коммент. д.и.н., проф. С.В. Белоусова. Пенза: ГУМНИЦ, 2009. 64 с.
- Лейссер 2020 – *Лейссер А., фон.* Битва у Можайска 7 сентября 1812 и последующие со мной события // Саксонский кирасир, вестфальский гусар, баварский шеволежер: Воспоминания немецких кавалеристов о войне 1812 года и плена в России. Санкт-Петербург: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2020. С. 11–72.
- Мельникова 2014 – *Мельникова Л.В.* Франция и французы глазами русских участников военной кампании 1814 г. // Освободительные походы русской армии 1813–1814 гг. в истории России и Европы: материалы Международной научной конференции (Москва, 25–26 марта 2014 г.). Москва, 2014. С. 116–124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781146>. EDN: <https://elibrary.ru/uakmcp>.
- Промыслов 2012 – *Промыслов Н.В.* Война против пространства и климата: французские воспоминания о кампании 1812 г. // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Москва, 2012. С. 396–414. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Promyslov.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329555>. EDN: <https://elibrary.ru/plctgv>.
- Промыслов 2016 – *Промыслов Н.В.* Французское общественное мнение о России накануне и во время войны 1812 года. Москва: Политическая энциклопедия, 2016. 254 с. URL: http://militera.org/books/pdf/research/promyslov_nv01.pdf.
- Рей 2012 – *Рей М.-П.* Россия и русские глазами пленных французов в 1812 г.: компаративное исследование // Французский ежегодник 2012: 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года. Москва, 2012. Т. 2012. С. 366–382. URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Rey.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329553>. EDN: <https://elibrary.ru/plctgb>.

Тотфалушин 2012 – *Тотфалушин В.П.* Саратовские степи и их обитатели в мемуарах пленных Великой армии // Вклад Башкирии в победу России в Отечественной войне 1812 года: сборник докладов и материалов Межд. науч.-практич. конф. (Уфа, 8–10 июня 2012 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2012. С. 250–254. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39213672&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/vbkcit>.

Фуртенбах 2008 – *Фуртенбах Ф., фон.* Война против России и русский плен. Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / подгот. публ., предисл., пер. и коммент. д.и.н. С.В. Белоусова и к.и.н. С.Н. Хомченко; пер. с нем. А.А. Кузнецова. Пенза: ГУМНИЦ, 2008. 44 с. URL: <http://www.adjudant.ru/captive/furtenbach01.htm>.

Черникова 2014 – *Черникова В.В.* Символическое пространство региональной идентичности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2014. № 4. С. 141–145. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22832876>. EDN: <https://elibrary.ru/ufqylj>.

Шенк 2004 – *Шенк К.Х.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах / пер. Е.В. Ермасова, коммент. В.П. Тотфалушина // Доклады Академии Военных наук (Поволжское отделение). 2004. № 12. С. 84–101. URL: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Shenk_04.pdf.

Шенк 2009 – *Шенк К.Х.Л.* Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах // Саратовская губерния глазами пленных Великой армии. Саратов: ИЦ «Наука», 2009. С. 140–166.

References

Peszke 1913 – *Peszke S.* (1913) *Moj pobyt w niewoli rosyjskiej w 1812 r.* Warszawa, 66 S. (In Polish)

Pisani 2006 – *In guerra con Napoleone: memorie di Filippo Pisani, Russia 1812.* Chiari: Nordpress, 2006.

Belousov 2010 – *Belousov S.V.* (2010) Penza province in the memoirs of the prisoner of war of the Italian officer F. Budgie. *Bulletin of Military Historical Research: International Collection of Scientific Papers.* Penza: GUMNITS, issue 2, pp. 36–42. (In Russ.)

Belousov 2014 a – *Belousov S.V.* (2014 a) Customs and mores of the population of German states in the diaries and memoirs of officers of the Russian army – participants of Foreign campaigns of 1813–1814. In: *Liberation campaigns of the Russian Army of 1813–1814 in the History of Russia and Europe: materials of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014).* Moscow, pp. 107–115. (In Russ.)

Belousov 2014 b – *Belousov S.V.* (2014 b) The Penza province in the Ludwig Fleck memoirs, a sergeant of Napoleon's army. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: History and Political Science Series*, no. 3, pp. 105–110. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22026723>. EDN: <https://elibrary.ru/soahcn>. (In Russ.)

Belousov 2015 – *Belousov S.V.* (2015) Unknown drawings of Saransk and Penza of the early XIX century by officer Filippo Pisani, an Italian prisoner of war. *Center and Periphery*, no. 2, pp. 32–37. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24248967>. EDN: <https://elibrary.ru/ukqqnt>. (In Russ.)

Belousov, Sukhova, Jagov 2016 – *Belousov S.V., Sukhova O.A., Jagov O.V.* (2016) «Giant child covered by the Upturn»: Memoirs of Napoleon's Army Prisoners about the Formation of Ethnic Identity of the Peoples of the Volga. *Bylye Gody*, 2016, vol. 42, issue 4, pp. 1285–1294. Available at: https://bg.cherkasgu.press/journals_n/1480334982.pdf. (In Russ.)

Büttner 2020 – Description of the fate and sufferings of former Corporal Büttner ... during his 19-month captivity in Russia. In: *Saxon cuirassier, Westphalian Hussar, Bavarian chevalier: Memories of German cavalrymen about the War of 1812 and captivity in Russia.* Saint Petersburg: DMITRII BULANIN, pp. 194–233. (In Russ.)

Vedel 2009 – *Vedel K.A.V., von* (2009). The story of an officer in the war against Russia in 1812, in Russian captivity in 1813–1814, in the campaign against Napoleon in 1815: Memoirs. In: *Saratov province through the eyes of prisoners of the Great Army.* Saratov: ITs «Наука», pp. 12–30. (In Russ.)

Vigel 2003 – *Vigel F.F.* (2003) Notes: in 2 books. Moscow: Zaxharov, Book 1, 608 p.; Book 2, 752 p. Available at: <https://prussia.online/books/zapiski-vigel>. (In Russ.)

Gubina 2012 – *Gubina M.V.* (2012) Images of opponents in the perception of the conquerors of Europe (1805–1812). *Annual of French Studies 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812.* Moscow, vol. 2012, pp. 252–264. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329546>. EDN: <https://elibrary.ru/plctdj>. (In Russ.)

Dolgoruky 1870 – *Dolgoruky I.M.* (1870) Travel journal from Moscow to Nizhny Novgorod in 1813. Moscow: Universitetskaya tip. (Katkov i K^o), 122 p. Available at: <http://nnov.ngounb.ru/node/15497?fragment=page-1>. (In Russ.)

Zagoskin 1902 – *Zagoskin M.N.* (1902) Tempter. In: *Zagoskin M.N. Complete works:* in 2 vols. Saint Petersburg, vol. 2, columns 499–712. Available at: http://az.lib.ru/z/zagoskin_m_n/text_0040.shtml. (In Russ.)

Zoden 2006 – *Zoden F.Y.* (2006) Memoirs of a Württemberg officer about his stay in captivity in the Penza province. Preparation of publication, preface, translation and comments by Candidate of Historical Sciences, associate professor S.V. Belousov. Penza: PGPU, 64 p. Available at: <http://www.adjudant.ru/captive/soden01.htm>. (In Russ.)

Yelin 2009 – *Yelin Kh.L.* (2009) Memorable days of my life. Campaign and captivity in Russia. From the diary of a German officer. Preparation of the publication, preface, translation and comments of Doctor of Historical Sciences, professor S.V. Belousov. Penza: GUMNITs, 64 p. (In Russ.)

Leisser 2020 – *Leisser A., von* (2020) The Battle of Mozhaisk on September 7, 1812 and the events that followed with me. In: *Saxon cuirassier, Westphalian Hussar, Bavarian chevalier: Memories of German cavalrymen about the War of 1812 and captivity in Russia*. Saint Petersburg: DMITRII BULANIN, pp. 11–72. (In Russ.)

Melnikova 2014 – *Melnikova L.V.* (2014) France and the French through the eyes of the Russian participants of the military campaign of 1814. In: *Liberation campaigns of the Russian army of 1813–1814 in the history of Russia and Europe: materials of the International scientific conference (Moscow, March 25–26, 2014)*. Moscow, pp. 116–124. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781146>. EDN: <https://elibrary.ru/uakmcp>. (In Russ.)

Promyslov 2012 – *Promyslov N.V.* (2012) War against spaces and climate: French memoirs on the 1812 campaign. *Annual of French Studies 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*. Moscow, vol. 2012, pp. 396–414. Available at: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Promyslov.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329555>. EDN: <https://elibrary.ru/plctgv>. (In Russ.)

Promyslov 2016 – *Promyslov N.V.* (2016) French public opinion about Russia on the eve and during the War of 1812. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya, 254 p. Available at: http://militera.org/books/pdf/research/promyslov_nv01.pdf. (In Russ.)

Rey 2012 – *Rey M.-P.* (2012) Russia and the Russian viewed of the French prisoners of war in 1812: a comparative study. *Annual of French Studies 2012: 200th anniversary of the Patriotic War of 1812*. Moscow, vol. 2012, pp. 366–382. Available at: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/FE2012/Rey.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18329553>. EDN: <https://elibrary.ru/plctgb>. (In Russ.)

Totfalushin 2012 – *Totfalushin V.P.* (2012) Saratov steppes and their inhabitants in the memoirs of prisoners of the Great Army. In: *Bashkiria's contribution to Russia's victory in the Patriotic War of 1812: Collection of reports and materials of the International research and practical conference (Ufa, June 8–10, 2012)*. Ufa: RITs BashGU, pp. 250–254. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39213672&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/vbkcit>. (In Russ.)

Furtenbach 2008 – *Furtenbach F., von* (2008) The war against Russia and Russian captivity. Notes of oberleutnant Friedrich von Furtenbach 1812–1813. Preparation of the publication, preface and comments by Doctor of Historical Sciences S.V. Belousov and Candidate of Historical Sciences S.N. Khomchenko; translated from German by A.A. Kuznetsov. Penza: GUMNITs, 44 p. Available at: <http://www.adjudant.ru/captive/furtenbach01.htm>. (In Russ.)

Chernicova 2014 – *Chernicova V.V.* (2014) Symbolic space of regional identity. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*, no. 4, pp. 141–145. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22832876>. EDN: <https://elibrary.ru/tfqylj>. (In Russ.)

Schenck 2004 – *Schenck K.H.L.* (2004) Messages from the life of a French lieutenant colonel containing the story of his capture in the Battle of Borodino in Russia on September 7, 1812, his transportation to the borders of Asia, as well as his stay and detention there as a prisoner of war in 1813 and 1814. Translated by E.V. Ermasov; commentary by V.P. Totfalushin. *Reports of military sciences academy*, no. 12, pp. 84–101. Available at: http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Shenk_04.pdf. (In Russ.)

Schenck 2009 – *Schenck K.H.L.* (2009) Messages from the life of a French lieutenant colonel containing the story of his capture in the Battle of Borodino in Russia on September 7, 1812, his transportation to the borders of Asia, as well as his stay and detention there as a prisoner of war in 1813 and 1814. In: *Saratov Province through the eyes of prisoners of the Great Army*. Saratov: ITs «Nauka», pp. 140–166. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930 (470.4)

Дата поступления: 11.02.2023
рецензирования: 17.03.2023
принятия: 30.05.2023

Динамика численности и локализация единоверческих приходов Самарской губернии в дореволюционный период

П.К. Соловьев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Аннотация: В статье рассматривается демографический аспект становления и развития единоверия в Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в. Основное внимание уделяется анализу изменения численности единоверческого населения. Демографические данные в совокупности со сведениями о географической локализации приходов дают возможность определить степень распространения единоверия в регионе. Динамика численного и долевого соотношения единоверцев по отношению к общему количеству старообрядцев Самарской губернии представлена в исследовании в качестве одного из ключевых критериев эффективности православной миссии в противодействии местному расколу. Статистические сведения о численности единоверцев приводятся как отдельно по приходам, так и по губернии в целом. Подсчет прихожан единоверческих общин позволил установить, что единоверие, будучи в середине XIX в. незначительной религиозной группой в составе Русской православной церкви, к 1917 г. по численности своих адептов стало в ряд крупнейший старообрядческих «согласий» губернии. При подготовке использованы метод анализа исторических документов, историко-системный, историко-сравнительный и статистический методы. В основу источниковой базы исследования легли данные клировых ведомостей единоверческих приходов, хранящиеся в фондах Центрального государственного архива Самарской области, а также материалы отчетов епархиальных миссионеров и официальных церковных изданий.

Ключевые слова: единоверие; старообрядчество; дореволюционный период; Самарская губерния; история Русской православной церкви.

Цитирование. Соловьев П.К. Динамика численности и локализация единоверческих приходов Самарской губернии в дореволюционный период // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 39–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-39-48>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Соловьев П.К., 2023

Павел Константинович Соловьев – соискатель кафедры истории России и археологии, Институт истории и международных отношений, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, корп. 11, ком. 420.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.02.2023
Revised: 17.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Dynamics of the number and localization of co-religionist parishes of the Samara province in the pre-revolutionary period

P.K. Soloviev

Saratov State University, Saratov, Russian Federation
E-mail: solovjev.pasha2014@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2258-1331>

Annotation: The article examines the demographic aspect of the formation and development of the same faith in the Samara province of the second half of the XIX – early XX century. The main attention is paid to the analysis of changes in the number of the co-religionist population. Demographic data combined with information about the geographical localization of parishes make it possible to determine the extent of the spread of the same faith in the region. The dynamics of the numerical and share ratio of co-religionists in relation to the total number of Old Believers of the Samara province is presented in the study as one of the key criteria for the effectiveness of the Orthodox mission in countering local schism. Statistical data on the number of co-religionists are given in the article both separately by parishes and by the province as a whole. Counting the parishioners of the co-religionist communities allowed us to establish that the co-religionists, being in the middle of the XIX century an insignificant religious group within the Russian Orthodox Church, by 1917 in terms of the number of its adherents, it became one of the largest Old Believer «concordances» of the province. In the preparation the method of analysis of historical documents, historical-system, historical-comparative and statistical methods were used. The source base of the study was based on data from the clerical lists of co-religionist parishes stored in the funds of the Central State Archive of the Samara region, as well as materials from reports of diocesan missionaries and official church publications.

Key words: coreligionists; Old Believers; Samara province; pre-revolutionary period; history of the Russian Orthodox Church.

Citation. Soloviev P.K. Dynamics of the number and localization of co-religionist parishes of the Samara province in the pre-revolutionary period. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 39–48. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-39-48>. (In Russ.)

© Soloviev P.K., 2023

Pavel K. Soloviev – external doctorate student of the Department of Russian History and Archaeology, Institute of History and International Relations, Saratov State University, room 420, bldg. 11, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Введение

Единоверие возникло как миссионерский проект Русской православной церкви (далее в тексте – РПЦ) по преодолению старообрядческого раскола второй половины XVII в. Утвержденные в 1800 г. так называемые правила московского митрополита Платона (Левшина) позволяли старообрядцам присоединиться к РПЦ «на условиях единоверия», сохраняя при этом прежний дониконовский богослужебный уклад. Нельзя не отметить, что в настоящее время после длительного перерыва наблюдается растущий интерес современных исследователей к дореволюционной истории единоверия. Преобладающим направлением в изучении этого уникального конфессионального феномена является региональный аспект, который лежит в основе ряда современных работ [Ильин 2012; Кальниченко 2021; Кауркин, Павлова 2014; Ружицкая 2018; Руфин 2016; Шадрин 2020]. Кроме того, этому вопросу посвящен ряд диссертационных исследований (Ермакова 2011; Павлова 2007). В последнее время также делаются попытки рассмотреть развитие дореволюционного единоверия в общероссийском контексте [Кауркин, Павлова 2011; Палкин 2016].

В связи с этим представляется актуальным проследить динамику численности православных старообрядцев и количества единоверческих приходов Самарской губернии в дореволюционный период. В свою очередь, эти данные в совокупности со сведениями о географической локализации приходов позволят определить эффективность православной миссии в противодействии расколу, установить территории распространения единоверия в регионе, выяснить численное и доленое соотношение единоверцев и остальных старообрядцев губернии.

Состояние источниковой базы по истории численности единоверцев Самарской губернии второй половины XIX – начала XX в.

Следует отметить, что изучение истории православного старообрядчества в Самарской губернии в настоящее время находится в начале своего пути и носит фрагментарный характер. Местное единоверие чаще всего рассматривается либо в общей канве епархиальной хроники и миссионерской деятельности РПЦ в данном регионе [Кокарев 2016, с. 260; Якунин 2011, с. 71–75; Якунин 2019, с. 322; Саралидзе 2021, с. 268–269], либо в связи с историей старообрядчества Самарской губернии [Катькова 2009; Наумлюк 2009 б; Наум-

люк 2009 в] (Катькова 2010 б; Наумлюк 2009 а). При этом единоверцы часто рассматриваются как некое маргинальное староверческое «согласие» с неопределенным статусом, который не позволяет их отнести в полной мере ни к старообрядчеству, ни к РПЦ в качестве особой конфессиональной группы [Катькова 2009, с. 63] (Катькова 2010 б, с. 27). Видимо, по этой причине в отдельных работах, посвященных истории староверия в Самарской губернии, единоверцы даже не упоминаются в качестве отдельного «согласия» [Будкина 2007; Катькова, Мышенцев 2011, с. 47–54]. Признавая определенные успехи противораскольнической проповеди в губернии, некоторые историки делают акцент на административно-репрессивных элементах единоверческого проекта РПЦ, без использования которых у нее «явно не хватало сил для давления» на староверие [Наумлюк 2009 б, с. 67]. Одним из объективных критериев эффективности миссионерской деятельности в борьбе со старообрядческим расколом могли бы стать статистические сведения, касающиеся единоверческих приходов Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX в.

В тех исследованиях, где так или иначе затрагивался вопрос о численности единоверцев в Самарской губернии, данные не синхронизированы, привязаны к отдельным локациям, что не позволяет установить целостную картину распространения единоверия в регионе [Архангельский 1923, с. 14; Соловьев 2020, с. 257–258]. В диссертации В.В. Катьковой приведен список единоверческих церквей Самарской губернии начала XX в., однако он неполон и дает представление о географии единоверия только в общих чертах, поскольку в нем не упоминаются те населенные пункты, в которых проживали общины, приписанные к «главному» приходскому храму (Катькова 2010 а, с. 266–267).

Выявление численности и локализации единоверческого населения представляет собой довольно сложную задачу. В таких официальных источниках, как обер-прокурорские отчеты или данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., единоверцы за редким исключением включались в число «новообрядных» православных [Шадрин 2020, с. 81]. В отчетах обер-прокурора Святейшего синода начала XX в. статистические данные о численности единоверцев приводятся, но в случае с Самарской губернией они не отражают местной специфики церковно-административно-территориального устройства. Некоторые статистические сведения о единовер-

цах можно почерпнуть в разных изданиях «Списков населенных мест Самарской губернии», где указано общее количество православных старообрядцев за определенные годы (Список 1890, с. XII; Список 1900, с. XX–XXI; Список 1910, с. XI). При этом необходимо учитывать, что в «Списках», как правило, не приводятся количественные данные о единоверческих общинах по местам их непосредственного географического расположения; иногда отсутствует информация о единоверцах в том или ином населенном пункте. Так, например, в издании 1890 г. не указано наличие в с. Криволучье Николаевского уезда единоверческой общины (Список 1890, с. 189), численность которой в 1890 г. составляла 570 чел. (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Л. без нумерации).

Поэтому наиболее точным и информативным источником по исследованию численности и локализации единоверцев в Самарской губернии остаются клировые ведомости. В них обязательно приводились основные сведения о храме, духовенстве, указывались общее число прихожан, местонахождение и численность приписных общин, а также количество старообрядцев-раскольников, проживавших на территории прихода. В исследовании А.В. Шадринной клировые ведомости также используются в качестве источниковой базы для исчисления единоверческого населения Области Войска Донского, при этом исходной точкой подсчета является церковь, а не приход [Шадринна 2020, с. 80–86]. Такая методика не вполне подходит для Самарской губернии. Во-первых, в много-составном приходе могло быть два или три храма, как, например, в Криволучье в 1860–1880-е гг. или Средне-Никольском иргизском монастыре в конце 1890-х гг. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 259. Л. 4 об.). Во-вторых, что касается локализации единоверческого населения, из поля зрения выпадают те приписные общины, которые могли находиться на расстоянии нескольких десятков верст от приходской церкви. Решение поставленных задач затрудняет также и состояние источниковой базы. Имеющийся в ЦГАСО массив единоверческих клировых ведомостей содержит большие хронологические лакуны, относящиеся к 1850-м и второй половине 1870-х – 1880-м гг.

Становление единоверия и места проживания православных старообрядцев Самарской губернии в 1850-х – 1860-гг.

Самарская губерния была сформирована в 1851 г. из уездов трех губерний – Симбирской, Саратовской и Оренбургской. От каждой из них она «унаследовала» единоверческие приходы в Самарском, Бугурусланском и Николаевском уездах. Борьба с расколом и распространение единоверия стало одной из актуальных задач для епархиальных властей вновь образованной губернии, поскольку здесь проживало значительное количество старообрядцев всех согласий. Особенно раскол был распространен в Николаевском уезде, где иргизские монастыри являлись одним из главных духовных

центров российского староверия. Становление единоверческих общин Самарского региона в «до-губернский» период происходило при разных обстоятельствах.

В Николаевском уезде, где проживала большая часть раскольников губернии, обращение старообрядцев в единоверие приобрело систематический характер в конце 1820-х – начале 1840-х годов, когда в административном порядке были закрыты иргизские Средне-Успенский и Верхне-Покровский монастыри, а Нижне-Воскресенский, Верхне-Спасо-Преображенский и Средне-Никольский преобразованы в единоверческие обители [Наумлюк 2009 в, с. 56–89]. Далее по инициативе губернской власти и чиновников Саратовской удельной конторы начался процесс создания «мирских» единоверческих общин. В 1843 г. местные старообрядцы приняли на съезде в Криволучьей слободе свои условия перехода в единоверие, которые предоставляли им значительную церковно-административную автономию. В списки единоверцев криволучьего прихода были занесены 5119 старообрядцев селений Балаковского и Каменского уездных приказов Николаевского уезда: Криволучья (1337 чел.), Балакова (209), Красного Яра (53), Маянги (211), Быкова Отрога (121), Малого Кушума (38), Кормежи (281), Ивanteeвки (61), Большого Кушума (56), Перекопной Луки (116), Березового Яра (83), Толстовки (42), Белинской (150), Каменки (505), Пузановки (98), Таволожки (544), Яблонового Гая (635), Мостов (457) и Тягло-го Озера (57) [Архангельский 1923, с. 14]. Кроме того, в течение 1850-х гг. к приходу также были причислены единоверцы Константиновки, Большой Глушицы, Сухого Отрога, Куньей Сармы и Сулака (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 11. Л. 5). В 1845 г. возник единоверческий приход в с. Теликовка Николаевского уезда (569 чел.), к которому были приписаны единоверцы деревень Березовой Луки (59 чел.), Дураковки (168), Острой Луки (443) и Ливенки (36) (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 52. Л. без нумерации).

Таким образом, единоверческое население Николаевского уезда к началу 1850-х гг., по официальным данным, насчитывало около 6,5 тыс. чел. Однако эта статистика не соответствовала реальному положению дел, поскольку обращение подавляющей части старообрядцев в единоверие оказалось фикцией. Подобная ситуация, которая привела к повторному отпадению в раскол новообращенных старообрядцев уезда, сложилась вследствие многих факторов: отсутствия систематической миссионерской деятельности со стороны епархиальных властей, фиктивной записи раскольников в единоверцы с целью легализации традиционного религиозного уклада, противодействия единоверию со стороны старообрядческих «наставников» и начетчиков и т. д. Все эти явления сопровождалась административно-бюрократическим произволом со стороны гражданских властей, когда местные чиновники часто без согласия самих старообрядцев вносили в списки единоверцев целые села [Соловьев 2021, с. 143].

В связи с этим весьма сложно определить достоверность данных по количеству единоверческого населения Николаевского уезда в середине XIX в. Так, в 1852 г. священник Алексей Надеждинский, назначенный в приход Теликовки, сообщал самарскому епископу Евсевию (Орлинскому), что «записные» единоверцы деревень Острой Луки и Дураковки отказывались давать ему «должную отчетливость в поверке их семейств по духовным ведомостям»: «Мы, де, отец, твои не прихожане, а ты не наш священник, для чего же нам в твои книжки писаться» (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 598. Л. 1–1 об.). Если в 1847 г. в приходе числилось 1275 чел., то в 1852 г. он насчитывал около 400 прихожан. Служение теликовских единоверческих священников проходило в постоянном противоборстве с миссионерской деятельностью беглопоповских и поморских проповедников. Это обстоятельство во многом определяло существенные колебания численности прихода: в 1861 г. – 323 чел., в 1872 г. – 545, в 1873 г. – 403 прихожанина (ФГАСОП. Ф. 21. Оп. 1. Д. 52. Л. без нумерации; ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 598, Л. 1; Оп. 11. Д. 12. Л. 2 об.; Оп. 23. Д. 410. Л. 5 об.; Оп. 23. Д. 411. Л. 4 об.).

Более масштабный исход старообрядцев из единоверия произошел в Криволучье. Численность прихожан в слободе, по сведениям священника Григория Ильменского, на 1850 г. составляла 1390 чел. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 29 Д. 42. Л. 17 об.) Впоследствии выяснилось, что Ильменский предоставлял в епархию заведомо ложную информацию: священник еще в 1843 г. был принят в приход старообрядцами через раскольнический обряд «справы», подпал под влияние местных «наставников», и через несколько лет в Криволучье осталось не более 50 прихожан единоверческой церкви. В конце 1850-х гг. ситуация в криволучском приходе приобрела катастрофический характер. Из 23 приписных общин в составе прихода осталось 5, оставшиеся находились на грани исчезновения: в Балаково проживал 21 единоверец, в Сухом Отроге – 6, в Быковом Отроге – 5, в Большом Кушуме – 2, в Ивантеевке – 8. Другими словами, из 5509 «записных» единоверцев криволучского прихода реальных прихожан осталось всего 110 чел. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 11. Л. 4 об.–5). И все же, благодаря значительным усилиям епархиальной власти и единоверческого священства Самарской губернии, в дальнейшем удалось остановить сокращение численности иргизских приходов в Криволучье и Теликовке, а также фактически заново возродить общину в Балакове [Соловьев 2022, с. 239].

Становление единоверческих приходов в с. Сосновка Бугурусланского уезда и Самаре происходило в других обстоятельствах. Таким же образом, как и на Иргизе, приходы на севере губернии формировались в качестве многосоставных образований, которые объединяли единоверческие общины, достаточно далеко расположенные друг от друга в разных уездах. Однако здесь общины появлялись по инициативе «снизу» – согласно

прошениям местных старообрядцев. Возникший в 1831 г. сосновский приход через сорок лет объединял 1114 прихожан 13 единоверческих общин на территории трех уездов: Бугурусланского, Бугульминского (д. Балахоновка) и Ставропольского (д. Гуляевка) (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 9 об.). Как и в случае с криволучским приходом, количество единоверцев в некоторых населенных пунктах исчислялось единицами, и эти общины впоследствии исчезали, но другие впоследствии вырастали в самостоятельные приходы (например, в Саврушской слободе).

В 1848 г. был образован единоверческий приход в Самаре общей численностью 546 чел. Он объединял 123 жителя будущей губернской столицы и 422 крестьянина из Колывана, Малой Кандалы, Сырейки Ставропольского уезда и других «разных селений» (ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 8. Л. 27, 29, 42–42 об.). В Сосновке и Самаре за короткий период была налажена стабильная приходская жизнь. Численность единоверцев здесь постоянно росла, в том числе и благодаря миссионерской проповеди приходского духовенства. Особенно заметна была деятельность самарского священника Павла Кустова: за период с 1849 по 1860 г. он присоединил к единоверию в общей сложности 346 старообрядцев, и численность самарского прихода составила 1022 чел. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 4, Л. 2 об., 3 об.). Другим заметным успехом в деле распространения единоверия в губернии стало образование в 1858 г. прихода в с. Красный Яр Новоузенского уезда, который в 1866 г. насчитывал 572 чел. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 41. Л. 3).

Необходимо отметить, что численность единоверческого населения Самарской губернии в 1850–1870-х гг. «плавала» не только в результате повторного отпадения православных старообрядцев в раскол. Например, единоверцы д. Солянки и Колыван в разное время (начало 1850-х и начало 1870-х гг.) приняли решение стать прихожанами «новообрядных» церквей РПЦ. И наоборот, в конце 1870-х гг. в с. Балакове, по разным сведениям, от 50 до 100 «новообрядных» верующих записались в приход единоверческого храма. В этом большом торговом селе находилось множество «иногородних» жителей, в том числе и единоверцев, поэтому количество прихожан местной Никольской церкви ежегодно менялось как в сторону увеличения, так и уменьшения [Соловьев 2020, с. 183–185].

Первую половину 1870-х гг. можно назвать периодом относительной стабилизации в распространении единоверия в Самарской губернии: динамика прироста численности приобрела относительно устойчивый характер, и определились основные географические ареалы проживания единоверческого населения. На рубеже 1860–1870-х гг. численность и локализация единоверцев, по сведениям клировых ведомостей, выглядели следующим образом. Самарский приход Казанской единоверческой церкви включал в себя общины деревень Малой Кандалы, Колыван и с. Сырейка (Ставро-

польский уезд) и насчитывал 1103 чел. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 13. Д. 13. Л. 4 об.). Самым большим в губернии являлся приход Покровской церкви в с. Сосновка Бугурусланского уезда. В его состав входили общины г. Бугуруслана, Саврушской слободы, деревень Ключовки, Алешкино, Боровки, Кологреевки, Коржевки, Борисовки, Абдуловского завода, Балахоновки (Бугульминский уезд), Гуляевки (Ставропольский уезд) и Аманакской слободы – всего 1114 прихожан (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 15. Д. 91. Л. 9 об.). В Николаевском уезде было два прихода: Ильинской церкви в Криволучье с приписанной к ней балаковской общиной (всего 284 чел.) и Казанского храма в Теликовке, к которому относились немногочисленные единоверцы деревень Дураковки, Острой Луки и Ливенки (592 чел.) (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 11. Д. 137. Л. 7; Оп. 23. Д. 410. Л. 5 об.). В приходе Духосшественской церкви Красного Яра Новоузенского уезда числилось 622 прихожанина, включая верующих д. Белокаменки (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 19. Д. 59. Л. без нумерации). Таким образом, в начале 1870-х гг. численность единоверцев в пяти приходах губернии составляла не менее 3615 чел., а с учетом насельников иргизских единоверческих монастырей она могла превышать 3700 чел.

Динамика численности и локализация единоверческого населения Самарской губернии в конце XIX – начале XX в.

До конца 1880-х гг. новых единоверческих приходов в Самарской губернии не появлялось. Это время можно назвать этапом «созревания» новых приходов внутри старых. Так, например, балаковская община, формально оставаясь частью криволуцкого прихода, фактически представляла собой самостоятельную церковно-административную единицу. В 1865 г. она построила в селе свой храм, в котором служил собственный причт, в конце 1870-х гг. в церковь был назначен священник, который вел метрические книги для прихожан Никольской церкви отдельно от криволуцких (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 4565. Л. 10–11 об.). Количество единоверцев в губернии неуклонно росло как за счет естественного прироста, так и в результате миссионерской деятельности среди старообрядцев. В 1887 г. оно достигло 4930 чел. (Епархиальные известия 1888, с. 642).

Последнее десятилетие XIX и начало XX столетия отмечены бурным ростом численности единоверцев Самарской губернии более чем в два раза, что стало прямым следствием служения самарского епископа Гурия (Бургасовского) (1892–1904). Гурий много внимания уделял деятельности православной миссии в подведомственной ему епархии. Архиерей официально подчеркивал «равночестность» и тождественность единоверия православию и видел в нем важнейший инструмент противодействия старообрядческому расколу [Саралидзе 2021, с. 268–269]. Помимо активизации самой миссионерской деятельности единоверческого духовенства среди старообрядцев, Гурий предпринял ряд мер в отношении раз-

вития приходов православного старообрядчества. Он отказался от практики создания единоверческих «суперприходов» наподобие криволуцкого или сосновского, которые объединяли множество общин, разбросанных друг от друга на расстоянии десятков верст. Из их состава выделялись самостоятельные приходы. Даже малочисленные единоверческие общины в кратчайшие сроки получали приходской статус. Гурий оказывал вновь образованным приходам всяческое содействие, изыскивая средства на содержание причта, строительство храмов и церковно-приходских школ. Такая миссионерская стратегия за короткий срок дала ощутимые результаты. Если в начале 1890-х гг. в епархии проживало 5280 единоверцев в 7 приходах (Отчет 1892, с. 391–392), то в 1903 г. их было уже 11 561 чел. в 20 приходах (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 18. Д. 210. Л. 6 об.–129 об.). В предреволюционные годы тенденция роста численности единоверческого населения и количества приходов в Самарской губернии сохранилась, что отражено в таблице, приведенной ниже.

Как видим, единоверцы 27 приходов проживали в 39 населенных пунктах пяти уездов Самарской губернии. Наибольшее количество единоверцев проживало в Николаевском уезде 9337 чел. (15 приходов); в Бугурусланском – 2546 (5), Самарском – 2154 (4), Новоузенском 1484 (2) и Бугульминском – 198 (1). География распространения единоверия несколько изменилась. В 1851 г. в губернии был только один городской приход в Самаре, перед революцией их стало пять: в Новоузенске, Бугуруслане, Николаевске и Балакове (с 1911 г. – безуездный город). Несмотря на то что основная масса православных старообрядцев по-прежнему проживала в сельской местности, доля горожан выросла значительно – до 16–17 %.

Согласно вышеприведенным сведениям, всего в губернии проживало не менее 15 719 единоверцев. Исходя из того, что использованные клировые ведомости не синхронизированы и имеют временной разрыв в 5–7 лет, в рамках данного периода необходимо учесть естественный прирост прихожан в некоторых приходах. К этому следует добавить, что к 1915 г. численность монашествующих и насельников иргизских единоверческих монастырей доходила до 270 чел. (Монастыри 2002, с. 104–106, 109, 111). Следовательно, в середине 1910-х гг. общая численность единоверческого населения составляла более 16 тыс. чел.

Правда, в обер-прокурорском отчете в сведениях по количеству единоверцев в Самарской губернии за 1910 г. приводится другая цифра – 23 338 чел. (Отчет 1913, с. 29). Противоречие между данными обер-прокурорских отчетов и клировых ведомостей вполне объяснимо. В начале XX в. на территории Николаевского и Новоузенского уездов в составе Самарской епархии было образовано Николаевское викариатство. В 1908 г. оно было переименовано в Уральское викариатство с присоединением Уральской области. Каноническая территория Самарской епархии дополнительно

Таблица

Численность и локализация единоверцев по клировым ведомостям единоверческих церквей Самарской губернии к середине 1910-х гг.¹

Table

The number and identification of co-religionists according to the clergy list of co-religious churches in the Samara province by the mid-1910s

Приходская церковь (приписные общины)	Количество прихожан	Количество старообрядцев, числившихся в приходе		
		бегло-поповцы	«австрийцы»	беспоповцы
Бугульминский уезд				
Космо-Дамианская, с. Евфановка (д. Балахоновка, пос. Родничковский, пос. Зябейский)	198	168 раскольников без указания «согласия»		
Бугурусланский уезд				
Введенская, г. Бугуруслан (с. Кирюшкино)	536	20 раскольников без указания «согласия»		
Михаило-Архангельская, с. Елатмонка (д. Старовровка, д. Заглядино)	178	1541	–	–
Михаило-Архангельская, с. Кабаевка	501	660	–	–
Димитриевская слобода Саврушская	80	6 раскольников без указания «согласия»		
Покровская, с. Сосновка (д. Аманак)	1251	935	–	7
Николаевский уезд				
Рождество-Богородицкая, г. Николаевск	678	Сведения отсутствуют		
Михаило-Архангельская, с. Алексеевка (хутора Плеханы и Бителяк)	1953	727	–	–
Никольская, г. Балаково	787	1 раскольник без указания «согласия»		
Михаило-Архангельская, с. Богородское	93	290	310	200
Михаило-Архангельская, с. Большой Красный Яр	429	712	53	–
Михаило-Архангельская, с. Большой Кушум	517	270	22	–
Ильинская, с. Криволучье (д. Ивантеевка)	958	683	114	7
Михаило-Архангельская, с. Малая Таволожка	52	–	591	643
Казанская, с. Малый Красный Яр	143	310	125	373
Казанская, с. Малый Кушум	1255	237	7	170
Никольская, с. Озерки (д. Теребиловка)	257	333	1000	163
Косьмо-Дамианская, с. Озинки (д. Чирковка)	884	–	180	170
Никольская, с. Преображенка	204	24	108	2986
Казанская, с. Теликовка	1065	–	205	2125
Покровская, с. Яблонный Гай	62	Сведения отсутствуют		
Новоузенский уезд				
Духосошестввенская, с. Красный Яр	1247	Сведения отсутствуют		
Введенская, г. Новоузенск	237	2 раскольника без указания «согласия»		
Самарский уезд				
Казанская, г. Самара	395	Сведения отсутствуют		
Покровская, с. Луговая Александровка	356	Сведения отсутствуют		
Никольская, с. Нижне-Печерское	292	297	52	176
Косьмо-Дамианская, с. Троицкое	1111	–	–	43

¹ Данные приведены по клировым ведомостям за 1908, 1913 и 1915 гг. (ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 17. Д. 315. Л. 16, 36, 88; Д. 342. Л. 8, 12, 20, 28, 36, 40, 68, 74, 76, 90, 98; Д. 354. Л. 10, 18, 26, 34, 44, 52; Оп. 18. Д. 253. Л. 8, 16, 26, 36, 44, 54, 62).

включала в себя территорию, не входившую в состав Самарской губернии. В сведениях о количестве единоверцев Самарской губернии за 1907 г. в обер-прокурорском отчете было указано число в 13 533 чел. (Отчет 1910, с. 35). Поэтому совершенно очевидно, что демографический «взрыв», за

два года увеличивший численность православных старообрядцев на 10 тыс. чел., может быть объяснен только тем обстоятельством, что с 1908 года обер-прокурорские отчеты включали сведения по уральским единоверцам в статистику по единоверцам Самарской губернии.

Сравнительный анализ численности и долевого соотношения единоверцев и старообрядцев Самарской губернии 1870-х – середины 1910-х гг.

Как было сказано выше, количественные показатели роста единоверческих общин и изменение численности единоверцев по отношению к общей массе старообрядчества могут стать важным критерием эффективности противораскольнической деятельности в Самарской губернии. Клировые ведомости в сведениях, касающихся численности раскольников, проживавших на территории единоверческих приходов, не дают объективной картины. Исходя из выше приведенной таблицы, к середине 1910-х гг. в населенных пунктах с единоверческим населением проживало не менее 17 046 раскольников (7019 беглопоповцев, 2767 «австрийцев», 7063 беспоповца, конфессиональная принадлежность 197 старообрядцев неизвестна). Очевидно, что эти сведения неполные: в некоторых ведомостях раскольники записывались без указания принадлежности к какому-либо «согласию», в городских приходах количество старообрядцев не указывается вообще либо оно носит заведомо условный характер и так далее. Отсутствие сведений по старообрядцам также объясняется тем, что обязанность по учету раскольников возлагалась прежде всего на священство «новообрядных» церквей, если таковые имелись в населенном пункте [Шадрина 2020, с. 84].

Более объективную картину демографического роста единоверческого населения в соотношении с общей численностью старообрядцев показывают отчеты епархиальных властей и миссионеров. Требуемое сопоставление численности единоверцев и раскольников следует, видимо, с начала 1870-х гг. – времени, когда появляется адекватная возможность определить общее количество православных старообрядцев Самарской губернии. Предлагаемый временной рубеж удобен для исследователя в качестве точки отсчета и в другом отношении: с этого времени в епархии начинается систематическая миссионерская деятельность [Якунин 2019, с. 319].

Итак, в 1872 г. старообрядцев в губернии насчитывалось 55 442 чел., в 1892 г. – 81 282 [Катькова, Мышенцев 2011, с. 51], в 1911 г. – 87,5 тыс. чел. [Наумлюк 2009 б, с. 67]. Некоторые исследователи выражают сомнения в достоверности миссионерских отчетов, утверждая, что данные об активности и численности раскола занижались, а деятельность православных миссионеров представлялась в выгодном свете. Поскольку, например, по официальным данным, старообрядцев в 1914 г. почти столько же, сколько и в 1911-м, – 88 тыс., хотя по отчетам оно должно было уменьшаться [Наумлюк 2009 б, с. 67]. Во-первых, несмотря на то, что эти цифры действительно носят условный, приблизительный характер, их нельзя не принимать во внимание, поскольку другой статистики в распоряжении исследователей пока не имеется. Во-вторых, подозрения в недобросовестности епархиальных

миссионеров вряд ли имеют под собой основания, поскольку они сами публично выражали сомнения в достоверности имеющейся статистики, утверждая, что точную цифру раскольников в губернии установить невозможно. В ряду главных причин статистической проблемы назывались сложность идентификации раскольников, скрывавших свою конфессиональную принадлежность, небрежное отношение приходского священства к сбору данных, когда из года в год в ведомостях указывались одни и те же цифры, некорректный учет старообрядцев в общем числе неправославных, живущих на приходской территории [Отчет 1901, с. 561; Отчет 1906, с. 421; Отчет 1917, с. 63]. И все же, по крайней мере незадолго до революции 1917 г., в результате кропотливой статистической работы епархиальных миссионеров удалось установить более или менее точную численность старообрядцев-раскольников. В 1915 г. в Самарской губернии поповские «согласия» были представлены 30 945 беглопоповцами, 18 739 «австрийцами» (белокриницкая иерархия), 7425 часовенными; такие староверческие толки, как «аркадиевщина» и «герасимовщина», насчитывали 164 и 105 чел. соответственно. Среди беспоповцев преобладали поморцы – 25 171 чел., затем следовали спасовцы – 13 333, федосеевцы – 2386, нетовцы – 934, странники – 108 и никудышники – 18 чел. Всего же в губернии в 1915 г. насчитывалось 99 250 старообрядцев «обоего пола». При этом в населенных пунктах, где находились единоверческие общины, проживало в общей сложности 20 820 раскольников (56,5 %) (Отчет 1917, с. 64). В то время как начиная с 1870-х гг., за сорок лет, численность старообрядцев-раскольников возросла в 1,8 раза, численность единоверческого населения за тот же период увеличилась почти в 4,5 раза, и долевого соотношение к общей массе старообрядчества изменилось с 6 до 14–15 %.

Заключение

Таким образом, исследование динамики численности и географического распространения, а также демографических процессов, происходивших в среде единоверия, позволяет определить этапы развития этого конфессионального феномена в дореволюционной Самарской губернии. В 1850–1860-е гг. происходит становление единоверческих приходов, сопровождавшееся обвальным сокращением численности единоверцев Николаевского уезда за счет повторного уклонения старообрядцев в раскол. 1870–1880-е гг. характеризуются определенной стабилизацией приходской жизни и некоторым устойчивым ростом единоверческого населения. И наконец, с 1890-х гг. в Самарской губернии наблюдается взрывной рост численности православных старообрядцев, который стал следствием активной поддержки единоверия епархиальной властью и результатом систематической миссионерской деятельности среди раскольников. При этом темпы демографического роста единоверческого населения до революции

1917 г. кратко превышали аналогичные показатели местного старообрядчества. К середине 1910-х гг. единоверие из маргинального старообрядческого «согласия» в «лоне господствующей Церкви» превратилось в устойчивую конфессиональную группу, по числу своих приверженцев сопоставимую с крупнейшими староверческими объединениями губернии. Другими словами, единоверие как миссионерский проект РПЦ показало в Самарской губернии свою эффективность.

Материалы исследования

Епархиальные известия 1888 – *Епархиальные известия* // Самарские епархиальные ведомости (далее – СЕВ). 1888. № 21. С. 639–642.

Ермакова 2011 – *Ермакова Д. С.* Единоверческая церковь в Зауралье: XIX – первая треть XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2011. 22 с.

Катькова 2010 а – *Катькова В.В.* Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010. 311 с.

Катькова 2010 б – *Катькова В.В.* Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2010. 34 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19317081>. EDN: <https://elibrary.ru/qgspqj>.

Монастыри 2002 – *Монастыри Самарского края (XVI–XX вв.)*: справочник / сост.: В.С. Блок, К.А. Катренко. Самара: Самар. Дом печати, 2002. 213 с.

Наумлюк 2009 а – *Наумлюк А.А.* Государственная конфессиональная политика по отношению к старообрядчеству в Саратово-Самарском Поволжье во второй половине XVIII – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 26 с.

Отчет 1892 – *Отчет Самарского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1891 год* // СЕВ. 1892. № 5. Часть неофициальная. С. 195–232.

Отчет 1901 – *Из отчетных сведений епар. миссионера священника Димитрия Александрова за 1900 год* // СЕВ ЧН. 1901. № 10. С. 554–561.

Отчет 1906 – *Отчет о состоянии раскола в Самарской епархии за 1906 год* // СЕВ. 1907. № 17. Часть официальная. С. 421–436.

Отчет 1910 – *О числе единоверцев к 1 января 1908 года / Приложения* // Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 годы. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1910. 268 с.

Отчет 1913 – *О числе лиц православного исповедания и единоверцев / Приложения* // Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего синода по ведомству православного исповедания за 1910 год. Санкт-Петербург: Синодальная типография, 1913. 131 с.

Отчет 1917 – *Отчет о состоянии и действиях противостарообрядческой миссии за 1915 год* // СЕВ. 1917. № 3. Неофициальная часть. С. 63–64. URL: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/media/priestdb/materialattachment/attachment/db/33/db33fa11-d210-42d7-8d1b-2865ecd10568> (дата обращения: 16.08.2022). Заглав. с экрана.

Павлова 2007 – *Павлова О.А.* Единоверие в контексте правительственной и церковной политики России в XVIII в. – начале XX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2007. 29 с.

Список 1890 – *Список населенных мест Самарской губернии по сведениям 1889 года* / сост. П. В. Кругликов. Самара: Тип. И.П. Новикова, 1890. 243 с.

Список 1900 – *Список населенных мест Самарской губернии* / сост. И.А. Протопопов. Самара: Губернская типография, 1900. 520 с.

Список 1910 – *Список населенных мест Самарской губернии* / сост. Н.Г. Подковыров. Самара: Губернская типография, 1910. 425 с.

ФГАСОП – *Филиал Государственного архива Саратовской области в г. Пугачеве.*

ЦГАСО – *Центральный государственный архив Самарской области.*

Библиографический список

Архангельский 1923 – *Архангельский Н.А.* К истории единоверия в Николаевском уезде. Самара: Издание Сам. гос. ун-та, 1923. 52 с.

Будкина 2007 – *Будкина И.Г.* История старообрядчества в Самарской губернии. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-854> (дата обращения: 16.08.2022).

Ильин 2012 – *Ильин В.Н.* Единоверие в XIX в. на территории Томской губернии // Известия Алтайского государственного университета. История. 2012. № 4–2 (76). С. 85–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18766984>. EDN: <https://elibrary.ru/purqct>.

Кальниченко 2021 – *Кальниченко В.Н.* Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе // XXVII Сретенские чтения: материалы Всероссийской (национальной) научно-богословской конференции с международным участием. Санкт-Петербург: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С. 211–216. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45070383>. EDN: <https://elibrary.ru/sddhsv>.

Каткова 2009 – Каткова В.В. Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви среди старообрядцев в Самарской епархии последней трети XIX века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11, № 2. С. 60–63. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11789852>. EDN: <https://elibrary.ru/iyfdmp>.

Каткова, Мышенцев 2011 – Каткова В.В., Мышенцев Н.П. Старообрядческие общины Самарской губернии: численность, структура, динамика развития // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 3. С. 47–54. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16514866>. EDN: <https://elibrary.ru/nxkgtn>.

Кауркин, Павлова 2014 – Кауркин Р.В., Павлова О.А. Единоверие в Нижегородской губернии в конце XVIII – начале XXI веков // Вестник Череповецкого государственного университета. Исторические науки. 2014. № 7. С. 35–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23237118>. EDN: <https://elibrary.ru/tomyjb>.

Кауркин, Павлова 2011 – Кауркин Р.В., Павлова О.А. Единоверие в России от зарождения идеи до начала XX века / Институт российской истории РАН. Санкт-Петербург: Алетей, 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22330339>. EDN: <https://elibrary.ru/suralx>.

Кокарев 2016 – Кокарев М.С., протоиерей. Система управления Самарской епархии в предсоборный период (1894–1917). Москва: Спасское дело, 2016. 456 с.

Наумлюк 2009 б – Наумлюк А.А. Самарское старообрядчество в начале XX века // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 1 (67). С. 66–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17300353>. EDN: <https://elibrary.ru/oopejx>.

Наумлюк 2009 в – Наумлюк А.А. Центр старообрядчества на Иргизе: появление, деятельность, взаимоотношения с властью. Саратов: Научная книга, 2009. 100 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19965555>. EDN: <https://elibrary.ru/quxolp>.

Палкин 2016 – Палкин А.С. Единоверие в середине XVIII – начале XX в.: общероссийский контекст и региональная специфика. Екатеринбург: Издательство Уральского университета; Университетское издательство, 2016. 338 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28000420>. EDN: <https://elibrary.ru/xotbkh>.

Ружинская 2018 – Ружинская И.Н. Единоверие в религиозном ландшафте Европейского Севера России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. Отечественная история. № 2 (171). С. 54–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32504009>. EDN: <https://elibrary.ru/yqebrr>. DOI: <http://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.88>.

Руфин 2016 – Руфин С.М. Роль единоверия в борьбе со старообрядством во второй половине XIX в. (по материалам Саратовской области) // Актуальные проблемы современного социогуманитарного знания: межвуз. сб. науч. тр. Саратов: Саратовский источник, 2016. С. 27–33. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25748848>. EDN: <https://elibrary.ru/vrmadb>.

Саралидзе 2021 – Саралидзе Мераб, свящ. Сравнительный анализ форм и результатов миссионерской и просветительской деятельности епископа Гурия (Буртасовского) на Дальнем Востоке и в Поволжье // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 262–272. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=flecvx>. EDN: <https://elibrary.ru/flecvx>. DOI: http://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_2_262.

Соловьев 2020 – Соловьев П.К. История православных храмов г. Балаково (1762–1917). Саратов: ИП Кирсанова М.В., 2020. 300 с. URL: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?id=8667640>.

Соловьев 2021 – Соловьев П.К. О «криптораскольничестве» единоверцев Николаевского уезда Самарской губернии в 40-х – 70-х годах XIX столетия // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 139–153. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47416210>. EDN: <https://elibrary.ru/telzxx>.

Соловьев 2022 – Соловьев П.К. «Раскольники криволицкие больше всех употребляют насилия...»: о становлении единоверия в Николаевском уезде Самарской губернии (1850–1860-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 234–242. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48613559>. EDN: <https://elibrary.ru/smslyw>. DOI: <http://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>.

Шадрин 2020 – Шадрин А.В. Единоверческое население Области войска Донского в начале XX века: численность и локализация // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 2. С. 80–86. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43080431>. EDN: <https://elibrary.ru/bhvzzi>. DOI: <http://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-2-80-86>.

Якунин 2011 – Якунин В.Н. История Самарской епархии. Тольятти: Издательско-полиграфический центр Поволжского государственного университета сервиса, 2011. 625 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii_\(2011\).\[djv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii_(2011).[djv-fax].zip).

Якунин 2019 – Якунин В.Н. Миссионерская деятельность в Самарской епархии Русской Православной Церкви: история и современность // Макарьевские чтения: материалы XIV Международной научно-практической конференции / отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2019. С. 316–329. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41461847>. EDN: <https://elibrary.ru/hszskh>.

References

Archangelsky 1923 – Archangelsky H.A. (1923) To the history of the Same Faith in the Mykolaiv district. Samara: Edition of the Sam. state University, 52 p. (accessed 16.08.2022). (In Russ.)

Budkina 2007 – Budkina И.Г. (2007) The history of the Old Believers in the Samara province. Available at: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/44-1-0-854>. (In Russ.)

- Ilyin 2012 – *Ilyin B.H.* (2012) Co-religionism in the XIX century on the territory of the Tomsk province. *News of the Altai State University. History*, no. 4–2 (76), pp. 85–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18766984>. EDN: <https://elibrary.ru/purqct>. (In Russ.)
- Kalnichenko 2021 – *Kalnichenko B.H.* (2021) Co-religionism on the territory of the Don Army Region in 1840–1905: from education to functioning in the region. In: *XXVII Sretensky readings: materials of the All-Russian (national) Scientific and Theological Conference with international participation*. Saint Petersburg: St. Filaret Orthodox Christian Institute, pp. 211–216. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45070383>. EDN: <https://elibrary.ru/sddhsv>.
- Katkova 2009 – *Каткова В.В.* (2009) Missionary activity of the Russian Orthodox Church among the Old Believers in the Samara Diocese of the last third of the XIX century. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 11, no. 2, pp. 60–63. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11789852>. EDN: <https://elibrary.ru/iyfdmp>. (In Russ.)
- Katkova, Myshentsev 2011 – *Katkova V.V., Myshentsev N.P.* (2011) Old Believer communities of Samara province: number, structure, dynamics of development. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, vol. 13, no. 3, pp. 47–54. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16514866>. EDN: <https://elibrary.ru/nxkgtn>. (In Russ.)
- Kaurkin, Pavlova 2014 – *Kaurkin R.V., Pavlova O.A.* (2014) Co-belief in the Nizhny Novgorod province at the end of the XVIII – beginning of the XXI centuries. *Bulletin of the Cherepovets State University. Historical sciences*, no. 7, pp. 35–39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23237118>. EDN: <https://elibrary.ru/tomyjb>. (In Russ.)
- Kaurkin, Pavlova 2011 – *Kaurkin R.V., Pavlova O.A.* (2011) Co-belief in Russia from the origin of the idea to the beginning of the twentieth century / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Saint Petersburg: Aleteya. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22330339>. EDN: <https://elibrary.ru/suralx>. (In Russ.)
- Kokarev 2016 – *Kokarev M.S., Archpriest.* (2016) The management system of the Samara Diocese in the pre-council period (1894–1917). Moscow: Spasskoye delo, 456 p.
- Naumlyuk 2009 б – *Naumlyuk A.A.* (2009) Samara Old Believers at the beginning of the XX century. *Bulletin of Samara State University*, no. 1 (67), pp. 66–70. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17300353>. EDN: <https://elibrary.ru/oopejx>. (In Russ.)
- Naumlyuk 2009 в – *Naumlyuk A.A.* (2009) The Center of Old Believers on Irgiz: appearance, activity, relationship with the authorities. Saratov: Scientific book, 100 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19965555>. EDN: <https://elibrary.ru/quxolp>.
- Palkin 2016 – *Palkin A.S.* (2016) Co-belief in the middle of the XVIII – early XX century: the All-Russian context and regional specifics. Yekaterinburg: Ural University Publishing House; University Publishing House, 338 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28000420>. EDN: <https://elibrary.ru/xotbkh>. (In Russ.)
- Ruzhinskaya I.N. 2018 – *Ruzhinskaya I.N.* (2018) Co-belief in the religious landscape of the European North of Russia. *Scientific Notes of Petrozavodsk State University. Domestic History*, no. 2 (171), pp. 54–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32504009>. EDN: <https://elibrary.ru/yqebns>. DOI: <http://doi.org/10.15393/uchz.art.2018.88>. (In Russ.)
- Rufin 2016 – *Rufin S.M.* (2016) The role of co-religionism in the fight against Old Believers in the second half of the XIX century (based on the materials of the Saratov region). In: *Actual problems of modern socio-humanitarian knowledge: inter-university collection of scientific tr.* Saratov: Saratov source, pp. 27–33. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25748848>. EDN: <https://elibrary.ru/vrmadb>. (In Russ.)
- Saralidze 2021 – *Saralidze Merab, holy.* (2021) Comparative analysis of the forms and results of the missionary and educational activities of Bishop Guriy (Burtasovsky) in the Far East and in the Volga region. *Christian Reading*, no. 2, pp. 262–272. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?edn=flecvx>. EDN: <https://elibrary.ru/flecvx>. DOI: http://doi.org/10.47132/1814-5574_2021_2_262. (In Russ.)
- Soloviev 2020 – *Soloviev P.K.* (2020) History of Orthodox churches in Balakovo (1762–1917). Saratov: IP Kirsanova M.V., 300 p. Available at: <https://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookInfo.aspx?Id=8667640>. (In Russ.)
- Soloviev 2021 – *Soloviev P.K.* (2021) About the «crypto-schism» of the co-religionists of the Nikolaevsky district of the Samara province in the 40s – 70s of the XIX century. *Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary*, no. 15, pp. 139–153. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47416210>. EDN: <https://elibrary.ru/telzxs>. (In Russ.)
- Soloviev 2022 – *Soloviev P.K.* (2022) «The Krivolutsky schismatics use violence the most...»: on the formation of the same faith in the Nikolaevsky district of the Samara province (1850–1860-yegody. *Izvestiya Saratov University. A new series. Series: History. International relations*, vol. 22, issue 2, pp. 234–242. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48613559>. EDN: <https://elibrary.ru/smslyw>. DOI: <http://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-234-242>. (In Russ.)
- Shadrina 2020 – *Shadrina A.V.* (2020) The Co-religionist population of the Donskoy Army Region at the beginning of the XX century: number and localization. *News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*, no. 2, pp. 80–86. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43080431>. EDN: <https://elibrary.ru/bhvzsi>. DOI: <http://doi.org/10.18522/2687-0770-2020-2-80-86>. (In Russ.)
- Yakunin 2011 – *Yakunin V.N.* (2011) History of the Samara Diocese. Togliatti: Publishing and Printing Center of the Volga State University of Service, 625 p. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.\(2011\).\[djuv-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/YA/YAKUNIN_Vadim_Nikolaevich/Yakunin_V.N._Istoriya_Samarskoy_eparhii.(2011).[djuv-fax].zip). (In Russ.)
- Yakunin 2019 – *Yakunin V.N.* (2019) Missionary activity in the Samara Diocese of the Russian Orthodox Church: history and modernity. In: *Makariyev Readings: materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. The responsible editor is V.G. Babin.* Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University, pp. 316–329. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41461847>. EDN: <https://elibrary.ru/hszskh>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

Дата поступления: 10.02.2023
рецензирования: 27.03.2023
принятия: 30.05.2023

Исследовательские парадигмы в изучении детского движения в Советской России и проблема «детских текстов»

О.А. Титова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: karevaolga.smr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3083-4831>

Аннотация: В статье на основе историографических источников анализируются современные подходы в изучении детского движения, а на основе архивных источников рассмотрена проблема интерпретации «детских текстов» в современных исследованиях, в том числе и на региональном уровне. Научная направленность – историческая антропология. Ведущими являются принципы историзма и объективности. В связи с проблематикой исследования необходимым стало обращение к микроисторическому, политико-правовому, а также системному подходам. Научная новизна исследования определяется новой постановкой проблемы в изучении детского движения, а также тем, что на провинциальном уровне в границах Самарского края к теме «детского движения» первых лет советской власти на новом историографическом этапе никто не обращался. Целью исследования является изучение современных подходов в исследовании детского движения в первые года советской власти, а также рассмотрение «детских текстов» на провинциальном уровне. В ходе исследования были получены следующие результаты: 1) современные исследователи стремятся избавиться советское детство от мифологизации и анализируют методы, пути и средства, используемые советской властью с целью имплантации новых «советских» ценностей в детское сознание; 2) в отдельных исследованиях рассмотрена система воспитания «нового человека» посредством детской художественной и учебной литературы, периодической печати, а также кинематографа; 3) авторы обращаются к анализу процесса генерации художественного образа на базе реальных исторических событий; 4) основу большинства исследований составляют директивно-распорядительные и отчетные документы, а «детские» источники занимают значительно меньшее место. Вывод, согласно результатам, состоит в следующем: «детские тексты» позволяют расширить границы исторического видения проблемы обретения советскости. Привлечение источников личного происхождения способствует решению вопроса о выявлении архетипа детей в условиях сильнейшей зависимости и давления на них со стороны государства.

Ключевые слова: история детства; советское общество; детские тексты; историография; пионерское движение; скауты, идеология.

Цитирование. Титова О.А. Исследовательские парадигмы в изучении детского движения в Советской России и проблема «детских текстов» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 49–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-49-57>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Титова О.А., 2023

Титова Ольга Андреевна – аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.02.2023

Revised: 27.03.2023

Accepted: 30.05.2023

Research paradigms in the study of the children's movement in Soviet Russia and the problem of «children's texts»

O.A. Titova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: karevaolga.smr@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-3083-4831>

Abstract: The article analyzes modern approaches to the study of the children's movement on the basis of historiographical sources, and the problem of interpretation of «children's texts» in modern research, including at the regional level, is considered on the basis of archival sources. The scientific focus is historical anthropology. The leading principles are historicism and objectivity. In connection with the problems of research, it became necessary to turn to a micro-historical approach, political and legal, as well as systemic approaches. The scientific novelty of the research is determined by the new formulation of the problem in the study of the children's movement, as well as by the fact that at the provincial level within the borders of the Samara Region, no one addressed the topic of the «children's movement» of the first years of Soviet power at the new historiographical stage. The aim of the study is to study modern approaches in the study of the children's movement in the first years of Soviet power, as well as the consideration of «children's texts» at the provincial level. In the course of the study, the following results were obtained: 1) modern researchers strive to rid Soviet childhood

of mythologization and analyze the methods, ways and means used by the Soviet government to implant new «Soviet» values in children's consciousness; 2) in separate studies, the system of educating a «new person» through children's fiction and educational literature, periodicals, as well as cinematography is considered; 3) the authors turn to the analysis of the process of generating an artistic image based on real historical events; 4) the basis of most studies are directive and administrative and accounting documents, and «children's» sources occupy a much smaller place. The conclusion, according to the results, is as follows: «children's texts» allow us to expand the boundaries of the historical vision of the problem of acquiring Sovietism. The involvement of sources of personal origin helps to resolve the issue of identifying the archetype of children in conditions of extreme dependence and pressure on them from the state.

Key words: history of childhood; Soviet society; children's texts; historiography; pioneer movement; scouts; ideology.

Citation. Titova O.A. Research paradigms in the study of the children's movement in Soviet Russia and the problem of «children's texts». *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 49–57. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-49-57>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Titova O.A., 2023

Olga A. Titova – post graduate of the Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение. Постановка проблемы и степень ее разработанности

На протяжении всей российской истории XX века, насыщенной крупными событиями, политическими экспериментами, происходила кардинальная трансформация ценностей, в том числе связанных и с миром детства. Детство и дети имманентно присутствуют везде, и без учета их участия невозможно изучать историю общества в целом. Благодаря особой роли воспитания, образования, трансляции социальных ценностей посредством семьи, история детства способна предоставить ценные сведения для анализа формирования «нового» человека под воздействием прямых репрессивных и дискурсивных идеологических практик, осуществляемых в первую очередь государством. Необходимость в изучении истории детства была осознана исторической наукой не сразу. Российский «детский мир» был практически исключен из сферы исторического знания и историографической практики [Сальникова 2007, с. 12]. Это было связано с тем, что историческая наука ориентирована прежде всего на изучение «истории сверху», а также традиционное отношение общества к ребенку как к «неполноценному и несостоявшемуся» взрослому приводило к исключению его из поля исследования. Недостаточное внимание к детям в исторической науке привело к складыванию ложного впечатления о том, что в мире жили и действовали только взрослые.

Действительно, кажется, что дети неочевидны в истории: не оказывали активного влияния на «главные» исторические события, оставили мало «следов», в том числе и источников. Реально же детей в историческом прошлом было «просто много»: в разные исторические периоды, как считает английская исследовательница Катриона Келли, они составляли предположительно от 40 до 65 % населения [Келли 2003, с. 207–208]. В силу своей массовости и предначертанной им миссии трансляторов человеческого опыта они не могли не оказать существенного воздействия на развитие общества. Детей следует рассматривать не только как «активных социальных конструкторов» их

собственных жизней, но и жизней всех тех, кто их окружает и самих тех обществ, в которых они живут. Изучение «детского опыта» вполне может быть применено при реконструкции «взрослой» повседневности той или иной эпохи, в частности периода первых лет советской власти.

Таким образом, целью данной работы является изучение современных подходов в исследовании детского движения в первые годы советской власти, а также рассмотрение так называемых «детских текстов» на провинциальном уровне в границах Самарского края.

Научная направленность исследования – историческая антропология. Ведущим в данной работе является принцип историзма, то есть рассмотрение обозначенной темы в ее историческом развитии и с учетом всех обстоятельств. Принцип объективности подразумевает изучение источников по исследуемой теме без каких-либо заданных оценочных суждений. В связи с проблематикой исследования необходимым стало обращение к микроисторическому подходу, политико-правовому – для анализа документов Самарского губернского комитета Всесоюзного Ленинского коммунистического союза молодежи (ВЛКСМ) (СОГАСПИ. Ф. 53), а также системному подходу. В исследовании были также использованы следующие методы: терминологический анализ, описательный, содержательный анализ, проблемно-хронологический.

Научная новизна исследования определяется тем, что на провинциальном уровне в границах Самарского края к теме «детского движения» первых лет советской власти на новом историографическом этапе никто не обращался.

Историография

Как известно, к данной проблеме можно подходить «сверху», с позиций социального конструирования мира детства властью, и «снизу», анализируя детскую повседневность и ее реакцию на изменяющийся «взрослый» мир. На сегодняшний день больше появилось работ, анализирующих эту проблему «сверху», что вполне объяснимо. Основные источники по данной проблеме как

раз и исходят из взрослой аудитории, отражают все практики и стратегии власти, мира взрослых в отношении детей. Проблема «вписывания» детей в советский политический контекст – одна из центральных проблем, которой на сегодняшний день посвящено большинство работ отечественных исследователей в области children's studies, например труды Т.М. Смирнова, С.В. Журавлева, А.К. Соколова, А.А. Сальниковой и др. [Смирнова 2003; Журавлев, Соколов 1998; Сальникова 2007]. В них представлены и рассмотрены различные методы, способы, пути и средства, используемые советской властью с целью социализации детей и имплантации новых «советских» ценностей в детское сознание.

Содержание, методы, формы и условия воспитания детей и подростков изучили: Л.В. Алиева, М.В. Богуславский, М.Е. Кульпединова [Алиева 2010; Богуславский 2007; Кульпединова 2002]. Влияние партийных органов на детские и молодежные организации проследили в своих работах В.А. Кудинов (Кудинов 1994), Ю.В. Кудряшов [Кудряшов 2005] и др.

Среди переведенных на русский язык работ, поднимающих важные историографические и методологические вопросы изучения детства на российском материале, следует назвать статью К. Келли в сборнике «Об изучении истории детства в России XIX–XX веков» [Келли 2008]. Опираясь на результаты разных междисциплинарных исследований, К. Келли обосновывает свой выбор направлений изучения российского детства: идеология и конструкты детства, социально-экономические процессы, жизненный опыт и повседневные практики. К. Келли стремится уйти от традиционного подхода к изучению истории советского детства «сверху вниз» и заменить его изучением советской «детской» истории «изнутри», т. е. «внизу». Такой подход позволит избавиться от стереотипного представления о советском детстве как о «трудовом лагере» для детей, который имеет специфические национальные цели и задачи, а также станет возможным выявить разрыв между советской символической реальностью и повседневными поведенческими практиками, которые сосуществовали на разных уровнях.

Большое значение имеют работы Р. Коу «Воспоминания детства: Подход к компаративной мифологии» и «Когда трава была выше: Автобиография и опыт детства» [Сое 1984 а; Сое 1984 б]. В работах автор представляет концепцию о том, что у каждого национального детства есть свой собственный национальный детский миф. Теория «мифологизации детства» также была развита в работе Э. Уочтела «Битва за детство: Создание русского мифа» [Wachtel 1990].

Демифологизация представления о российских детях и российском детстве выступает в качестве одной из сложнейших познавательных проблем, так как способствует четкому разграничению «реальных детей» и приписываемого им взрослыми

метафорического смысла их существования. История детского движения в контексте более общей проблемы детского движения на современном этапе методологического плюрализма представляет несомненный научный интерес.

Источники

В преддверии ключевых изменений или скорее веры в их возможность и необходимость в российском обществе в начале XX века особое значение приобретала проблема формирования новой личности, а значит, происходило значительное вмешательство «взрослого мира» в мир детства. В связи с таким исследовательским ракурсом важным источником становятся работы теоретиков пионерского движения. К формированию субъекта строительства «нового мира» были привлечены различные структуры, в том числе детская коммунистическая организация. Идея создания коммунистической организации для работы с детьми была сформулирована Н.К. Крупской, которая в 1921 г. несколько раз в разных местах выступила с докладом «О бойскаутизме», в котором предложила комсомолу взять на вооружение скаутские методы и создать детскую организацию, «скаутскую по форме и коммунистическую по содержанию» (Крупская 1923, с. 20). Крупская негативно оценила цели бойскаутов: «пропитать подрастающую молодежь... религиозными настроениями, чувствами покорности перед королем, родителями, хозяевами», а также чувством шовинизма (выдаваемого за патриотизм) (Крупская 1923, с. 21). Но при этом она весьма позитивно высказалась о технологической стороне опыта бойскаутов. Она заключала: в «связывании идеала и практического поведения – громадная сила бойскаутизма» (Крупская 1923, с. 22). Н.К. Крупская размышляла: «Что дает бойскаутизм подростку? Прежде всего, он дает пищу для его активности, ставит ему ряд постепенно усложняющихся целей, которые он достигает самостоятельно» (Крупская 1923, с. 25). После выступления Крупской 14 сентября 1922 года орган по работе среди детей получил двойное название «Центральное бюро детских групп – Главквартира юных пионеров» [Помелов 2022, с. 3]. Организацию возглавил О. Тарханов, в состав вошли известные государственные деятели А.В. Луначарский, Н.К. Крупская и бывшие скаутмастера – И. Жуков, А. Брюшков, А. Самцов, которые и занимались поиском новых форм, методов и содержания воспитания «нового человека» [Помелов 2022, с. 3].

Идеологическая концепция пионерской организации может быть реконструирована на основании главного документа пионерской организации – ее Устава. Тест Устава представляет собой самостоятельные устойчивые тексты, такие как: призыв, обещание, законы и обычаи пионеров. Именно в них в лаконичной форме изложены основные принципы организации и заключена система идеологических ценностей и приоритетов пионерского

движения. Уставные тексты призваны сконструировать идеальный образ члена организации. Статистический анализ словоупотреблений позволяет определить, что наиболее частотны слова, образующие гнезда однокоренных слов к лексемам: «пионер», «работа», «труд», «дело», «кванторы всеобщности». Выявленная сочетаемость этих слов эксплицирует наиболее существенные идеологические ценности: классовое деление (рабочий класс), труд, коллективность, верность коммунистической идеологии (дело рабочего класса и т. п.) (Леонтьева 2006, с. 9).

Содержание советской идеологической программы воспитания вполне адекватно передается тезисом К. Поппера о том, что «требование построения нового общества, пригодного для того, чтобы в нем жили мужчины и женщины, подменяется требованием “формирования” этих мужчин и женщин с тем, чтобы они “подходили” этому новому обществу» [Поппер 1993, с. 82].

Индивидуальный детский опыт, интерпретациям которого уделяется ныне столь много внимания, оказывается лишен такого важнейшего «измерения» советского детства, как коллективный пионерский опыт советских детей. Не учитывается, например, что для многих советских детей пионерская организация не была «тоталитарным монстром», а, напротив, стала сообществом, в котором мирно и неконфликтно протекали их детские годы. Воспоминаниями о пионерских галстуках и сборах пестрят разнообразные ностальгические сайты, ускользающие от взгляда современного исследователя. Но воспоминания о том, как кого-то на Красной площади или у памятника Ленину на вокзальной площади малого города принимали в пионеры, как пионер забывал носить галстук, как собрал кучу макулатуры и участвовал в конкурсе инсценированной политической песни, – остаются в стороне от научного обсуждения [Учебный текст в советской школе 2008, с. 46]. Личные свидетельства о пионерии, ее буднях и праздниках еще нуждаются в анализе, как среди прочего и бортжурналы советов друзей октябрят, и летописи пионерских дружин, отдельные экземпляры которых чудом сохраняются в личных и реже школьных архивах.

Социальное воспитание советских детей заслуживает отдельного внимания. Ребенок неизменно расценивался как воплощение будущего революции, а «счастливое детство» – как результат социалистических преобразований [Сальникова 2007, с. 52]. Государство становилось «большой семьей», политические лидеры – «отцами», мужчины и женщины – «сыновьями и дочерьями», дети – «внуки октября». К. Кларк отмечает, что в 1920-е гг. преобладала горизонтальная ось – «братья и сестры» [Кларк 2002, с. 153]. Данная символика активно использовалась в советской педагогике, так как была проста и понятна ребенку, ведь в первую очередь для него важен его микромир – мир его семьи. Модель микромира помогает ему осмыслить

макромир. Каждый советский ребенок обучался и воспитывался в духе известного плаката «Мечта стала явью!», в каждом классе висел лозунг со словами: «Мы рождены, чтобы сказку сделать былью!» [Кларк 2002, с. 155].

Помочь детям уяснить, что представляет собой «настоящий пионер», должна была периодическая печать. В стране издавали газету «Пионерская правда», журналы «Барабан», «Вожатый», «Пионер» и др. Для пионерских работников оперативно публиковались различного рода методические материалы, обобщавшие первый опыт пионерских отрядов и информировавшие о детском коммунистическом движении за рубежом. Например, в 1923 г. в свет выходит серия книг «Беседы у костра». В вышедшей в том же году брошюре «Памятка юного пионера» содержался информационный материал, необходимый как пионерам, так и их вожатым (Памятка юного пионера 1923). Один из ее разделов назывался «Кто боролся и борется как Спартак». Список содержал имена К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Либкнехта и Р. Люксембург, В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, М.И. Калинина, Г.Е. Зиновьева, А.В. Луначарского, Коли Фатьянова – одного из организаторов пионерии и бывшего скаутмастера Москвы (Памятка юного пионера 1923, с. 54–57).

Кроме государственной печати были и местные издания, которые выпускали сами пионеры. В фонде Самарского Губкома ВЛКСМ (СОГАСПИ. Ф. 53) сохранился журнал детского поселка им. товарища М.И. Калинина «Красный городок», выпущенный в 1923 г. Под заголовком «Руководительница» содержится рассказ от имени пионеров о работе местного кружка: «Зимой у нас организовался кружок природоведения. Кружок интересный, в котором было 6 человек. Им руководила одна руководительница. Сперва работа шла хорошо и усердно. Когда же приехали на дачу, когда должна идти работа самая интересная и необходимая, то руководительница кружка чего-то придремнула и залежалась, чтобы начать летнюю работу, она и ухом не повела. И вот прошло полтора месяца, а руководительница не сделала ни одного собрания, ни одной беседы, ни одной экскурсии. О нашем кружке все забыли» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 82). Юные пионеры буквально возмущены тем, что местный кружок прекратил свою работу, а в заключение делают вывод: «Так вот, товарищи руководители, взявшись за гуж, не говорите, что не дюж» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 82). Дети демонстрируют свой «детский опыт» восприятия событий.

На страницах журнала публиковался развлекательный материал, так, например пионерская песня «Картошка»: «Расскажите-ка ребята, / Жили в лагере мы как, / И нас солнце, как котят, / Грелись эдак, грелись так. / Наши бедные желудки / Были вечно голодны, / И считали мы минутки / До обеденной поры...» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 88). Или встречаем тексты частушек: «На ряби-

нушке сижу / И в «Известия» гляжу, / День читаю напролет / Про воздушный Красный флот», «Коммуниста полюбить, / Надо перемениться, / Крест на шее не носить / И богу не молиться», «У нас нет царя – не надо, / Без него мы сможем жить. / Мы пойдем в красноармейцы / За республику служить» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 93). Частушкам свойственны злободневность тематики, афористичность, как отражение повседневной жизни «детского сообщества».

О пропаганде пионерского движения среди и детского, и взрослого населения свидетельствует заметка «Жизнь поселка». Так, на страницах журнала изложен отчет о проведении массовой Первой детской конференции 5 июля 1923 г. Удалось собрать около 200 делегатов. В качестве докладов были представлены: «Детское движение пионеров», «О работе всех объединений», «О посылке приветственной телеграммы т. Калинин и т. Ленину», «О работе пионеров за предшествующий период» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 93). Особое внимание авторов заметки обращено на подведение итогов конференции: «По каждому докладу были оживленные прения, из которых видно было, что ребята интересуются жизнью наших центральных организаций, желают втянуться в работу и во всяком случае безразлично относятся к тому или другому вопросу. Побольше таких конференций, и тогда мы научимся строить свою жизнь» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 93). О приветствии пропаганды и агитации среди населения свидетельствует и заметка с названием «Картина будущего», которая содержит рассказ о двух старцах, которые ведут беседу на улице Москвы у Дворца труда и вспоминают, как они были мальчишками. Одно из их воспоминаний о том, как они брали церкви под клубы и школы, о том, как ходили по деревням и вели «активную пропаганду коммунистических идей и призывали всех вступать в ряды РКСМ» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 93).

Внедрение новых, советских ценностей в детское сознание происходило и посредством «новой» детской литературы и сказки, учебников и учебных пособий, а также детского кино для подрастающего поколения. Литературные произведения, создаваемые для детского сообщества в 1900–1930-е гг., представляли собой один из наиболее идеологизированных видов текста. Более всего это проявлялось в специальной литературе, которая предназначалась для массового обязательного прочтения. Д. Мамедова отмечает, что в подобной литературе для детей советского времени большое значение имели «персонажи власти»: вожди, деятели науки и искусства, герои войны, т. е. люди, наделенные властью авторитетом и говорящие от ее имени. Художественная литература в отличие от учебников не была столь однозначной, хотя существовала идеологизированная детская литература, которая примитивно и грубо «вдалбливала» в сознание детей новые принципы

[Мамедова 2002, с. 131]. Наравне с идеологизированной существовала «великая» детская литература, где допускалась большая свобода жанра и слова [Майофис, Кукулин 2002, с. 7]. Однако литературное наследие даже безыдейных (по мнению литературных критиков) детских авторов содержало вполне советские идеалы и образцы (стихи Д. Хармса «Новый город», «Первомайская песня», «Миллион»). Например, в стихотворении «Игра» Даниила Хармса существительное «самолет» употребляется с прилагательным «советский» [Сальникова 2007, с. 55]. Игра в «лечиков» была одной из любимых игр советский детей, а образ «советского героя» часто отождествлялся с образами пилотов, на которых дети должны были равняться. Детское чтение было инструментом пропаганды и претворении в жизнь культурной стратегии насаждения «воображаемого», когда «социалистическая фантазия» активно навязывалась детям.

Мифологизация являлась основой для оценки детьми различных исторических личностей. Так, в книге Н. Тумаркина «Ленин жив!» очень обстоятельно и источниковедчески доказательно рассматривается превращение имени Ленина в ключевую фигуру ценностно-семантического поля массового детского сознания в 1920-е гг. [Тумаркин 1999]. Это имя-символ, имя-миф служило важнейшим аффективным инструментом приобщения советской молодежи и детей к новой советской действительности.

Состав песен, публиковавшихся в пионерских песенниках, отчетливо различается по двум периодам: первый – 1920-е, второй – начиная с 1930-х гг. Для первого периода (1920-е) наиболее употребительны слова со значением движения/хождения и политической принадлежности к пионерам. Также задаются идеологические приоритеты: труд, наш, дружба, борьба, работа. Словами «барабан», «лагерь», «песня», «знамя», «ряд» создается контекстное окружение для субъектов действия. Важное место в песенных текстах 1930-х гг. стала занимать тема государственности, единой советской страны. Об этом свидетельствует высокая частотность слов «страна» и «Родина». В этот же период в песенных текстах появляется еще один новый мотив: «широта родных просторов, красота родной земли». Совокупность лексем «страна», «Родина» и «земля», «край» в сочетании с прилагательными «родной», «большой», «широкий» составляет новый образ советского государства (в отличие от революционно-военного 1920-х годов) (Леонтьева 2006, с. 11)].

Однако это не значит, что идея единства советского народа, тема построения советского будущего и т. п. не встречается в песенных текстах предыдущего десятилетия. Так, например, в своем дневнике юная пионерка записала песни «В единенье сила» и «Гимн пионеров». В тексте песни «В единенье сила» четко прослеживается идея единения советского народа, и именно в единстве видится мощь и сила: «Будите спящих, ночь про-

ходит, / Утро вдали, забрезжил день, / И он сердца облагородит, / И он стяхнет ночную лень. / В единенье, в единенье, / Наша сила, наша мощь!...» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 37). Или в тексте «Гимн пионеров» именно на юных деятелей возлагается миссия строительства светлого коммунистического будущего: «Пионер, готовься к делу честному, / Трудный путь лежит перед тобой. / Глянь же в очи неизвестному, / Бодрый телом, мыслей и душой. / Завязалась страшная борьба. / Не забудь святого назначения, / В мире много горя и мученья... / Стой на страже правды и труда!» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 56. Л. 40).

Заслуживают внимания клубная работа, детские профильные кружки и воспитательные игры при организации детского движения. Так, в Самарской губернии были распространены «драматическая, музыкальная, художественная, спортивная секции, школы грамоты, а также хор» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15. Л. 32). Клубная работа предполагала в себя проведение тематических лекций и встреч, трудовую деятельность. Литературный вечер мог включать не только проведение лекций, но и беседы на политические темы (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15. Л. 34). Работа в клубе могла быть с творческим и трудовым уклоном. Дети проводили время в специальной мастерской клуба: «Например, нужен стол, сделанный на станке, который делали дети», – используя творческий подход (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15, Л. 30). Праздники и спектакли должны быть средствами воспитания. Для этого требовалась работа до праздника, во время него и после. Если праздник пионерский, то требовалась более серьезная подготовка. «На празднике необходимо, чтобы вся масса детей вовлекалась в работу, после спектакля необходимо сделать живые игры» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15. Л. 30).

Игры юных пионеров предполагали трату энергии и тесное переплетение с трудовой деятельностью и производством. Игры необходимо было рассматривать в гимнастических смыслах, выбирать место, также возраст детей и пр. Игра должна проводиться под четким руководством и иметь не более 25–30 участников. «В пионерской организации был взят метод длительной массовой игры. Пионеров будущего, пионеров коммунизма. Цель игры юных пионеров – достижение коммунизма. Средство достижения игры – активно участвовать в достижении цели и его готовить. Ребята же непосредственно участвуют в достижении, соприкасаясь с партией» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15. Л. 29). Важно отметить разный подход к играм у пионерских организаций и их предшественников, скаутов. Так, в скаутских организациях цель достигалась с помощью конкретных заданий и инструкций, которые предполагали постепенное развитие сил. Дети были оторваны от жизни, от трудовой деятельности. «В отличие от скаутов в пионерских организациях существуют периоды работы, примененные к революционным праздни-

кам» (СОГАСПИ. Ф. 53. Оп. 1. Д. 15. Л. 30). Игра обретала четкие смыслы, цели и задачи, становилась средством воспитания будущих коммунистов и верных граждан советского государства.

Детские социокультурные практики начала XX в. породили особые, очень специфические «детские» тексты-воспоминания. Данный источник обладает высокой эмоциональностью, фантазийностью представлений, символичностью образов, а также «плохостью», то есть несовершенством письма вне зависимости от происхождения источника. Скучность языка в полной мере окупается внутренней достоверностью и предельной честностью ребенка: «Я пишу теми словами, какими мне все это казалось» или «Я не умею врать, а пишу, что правда» [Сальникова 2007, с. 78]. Отношение детей к происходящим событиям отслеживается в их личных дневниках. Например, в дневнике сельского пионер П.М. Квалтырев (1929 г.), восторженно отзываясь о советском строе, неожиданно приходит к выводу: ему нужна не красная, а зеленая власть. В стихах же собственного сочинения задается вопросом: «Когда разметает ветром эти красные дни?» Возможно, такая противоречивая рефлексия на окружавшую его действительность связана с переоценкой «старой» и формированием «новой» традиции, а также первыми неоднозначными результатами социалистических преобразований (Дневник сельского пионера П.М. Квалтырева 1929, с. 81, 83). В центре внимания автора дневника – сюжеты, связанные со становлением советской школы, нацеленной не только на получение знаний, но и на формирование негативного, даже нигилистического отношения к прошлому, героизацию социалистической действительности. В данном плане показателен политизированный подтекст математических задач, когда их содержанием выступали события империалистической войны или судьба семьи Николая II. При изучении гуманитарных предметов ученикам неизменно давались темы докладов, посвященные революционной борьбе. Настольными изданиями юного пионера были книги: «Вчера и завтра», «В борьбе за лучшую жизнь», «Новая деревня» и др. Размещенные на страницах дневника стихи собственного сочинения, рисунки акварелью и карандашом на бытовые и военно-исторические сюжеты, схемы и диаграммы, иллюстрирующие политические и демографические процессы в СССР, раскрывают незаурядные творческие способности Петра Квалтырева (Дневник сельского пионера П.М. Квалтырева 1929, с. 84).

Картина детского мира была представлена и в советском художественном кинематографе, особенно в фильмах, созданных конкретно для детей. Особого внимания заслуживает специфика советского детского «тоталитарного» кино, утвердившегося к концу 1920-х гг. в советском кинематографе на правах особого жанра. Например, в 1924 г. был снят фильм «Как Петюнька ездил к Ильичу»

(реж. М.И. Доронин), который утвердился в кинематографе на правах особого жанра: спасенные от голода в Поволжье Петюнька и его сестра, став детдомовцами, связывают свое наступившее благополучие с именем Ильича (Ленина) и поэтому воспринимают его смерть как личное горе. Сам кинематограф тоталитарной эпохи был по существу превращен в «футурологию оруэлловского типа, где дети представляли как взрослые маленького роста, своего рода пришельцы из прекрасного мира коммунизма в пока еще несовершенный взрослый мир строящегося социализма» [Нусинова 2003, с. 23], но отношение самих детей к советским детским фильмам было далеко не однозначным, не все дети высказывали восторг по поводу революционного кино.

Заключение

Современные отечественные исследователи стремятся показать советское детство таким, каким оно было в действительности, тем самым избавить его от мифологизации, которая традиционно присутствовала при обращении к истории детского движения в советской историографии. В современных работах, посвященных детскому движению с позиций социального конструирования мира детства властью, рассмотрены различные методы, способы, пути и средства, используемые советской властью с целью социализации детей и имплантации новых «советских» ценностей в детское сознание. В отдельных исследованиях рассмотрены система воспитания «нового человека» через детские организации посредством детской

художественной и учебной литературы, периодической печати, а также кинематографа. Как отечественные, так и зарубежные авторы обращаются к анализу процесса генерации художественного образа на базе реальных исторических событий, ведь именно мифологизация являлась основой для оценки детьми различных исторических личностей и событий.

Основу большинства исследований, посвященных детскому движению, составляют источники «сверху» – директивно-распорядительные и отчетные документы, сочинения большевистских лидеров и пр. «Детские» источники занимают значительно меньшее место в сравнении с источниками «взрослого» авторства. Возможная причина этого заключается в слабой степени сохранности и доступности «детских» источников первых лет советской власти. Привлечение источников личного происхождения, например детских воспоминаний и дневников, способствует решению важнейшей задачи – вопроса о выявлении архетипа детей в условиях сильнейшей зависимости и давления на них со стороны государства. Многие вопросы о путях и способах обретения советскости еще не решены. «Детские тексты» позволяют расширить границы исторического видения проблемы и приблизиться к пониманию детства настолько, насколько это было бы возможным без преувеличений, недомолвок и пр. Кроме того, обращение к «детским текстам» позволяет показать неоднозначность представлений о действительности и ответить на вопрос о том, как дети воспринимали новую «советскую» реальность.

Материалы исследования

СОГАСПИ – Самарский областной государственный архив социально-политической истории.

Дневник сельского пионера П.М. Квалтырева 1929 – *Дневник сельского пионера П.М. Квалтырева. 1–28 декабря 1929 г.* URL: <https://rusarchives.ru/publikacii/otechestvennye-arhivy/7171/dnevnik-selskogo-pionera-kvaltyreva-1929> (дата обращения: 07.02.2023).

Крупская 1923 – *Крупская Н.К.* РКСМ и бойскаутизм. Москва: Красная новь, 1923. 54 с.

Кудинов 1994 – *Кудинов В.А.* Общественные движения и организации детей и молодежи в России в XX веке: дис. ... д-ра ист. наук. Санкт-Петербург, 1994. 367 с. <https://elibrary.ru/item.asp?id=15963848>. EDN: <https://elibrary.ru/nlitpn>.

Леонтьева 2006 – *Леонтьева С.Г.* Литература пионерской организации: идеология и поэтика: автореф. дис. ... канд. фил. наук: 10.01.08 / Леонтьева Светлана Геннадьевна; Тверской гос. ун-т. Тверь, 2006. 24 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16081639>. EDN: <https://elibrary.ru/nnxubt>.

Памятка юного пионера 1923 – *Памятка юного пионера* / под ред. В. Зорина. Москва: Новая Москва, 1923. 96 с.

Библиографический список

Сое 1984 а – *Coe R.* Reminiscences of Childhood: An Approach to a Comparative Mythology. Leeds, 1984. 94 с.

Сое 1984 b – *Coe R.* When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood. Leeds, 1984. 320 p. URL: <https://archive.org/details/whengrasswastall0000coer/page/n5/mode/2up>.

Wachtel 1990 – *Wachtel A.* The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth. Stanford, Calif., 1990. 262 p. URL: <https://archive.org/details/battleforchildho0000wach/mode/2up>.

Алиева 2000 – *Алиева Л.В.* Детские общественные объединения в воспитательном пространстве социума // Педагогика. 2000. № 7. С. 48–52. URL: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=191928774&archive=&start_from=&ucat=&&ysclid=liyfc01bfh83823806.

Богуславский 2007 – *Богуславский М.В.* Детское движение в России: между прошлым и будущим: монография. Тверь: Научная книга, 2007. 112 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21199095>. EDN: <https://elibrary.ru/rvxkcb>.

Журавлев, Соколов 1998 – *Журавлев С.В., Соколов А.К.* Счастливое детство // Социальная история: Ежегодник 1997. Москва: РОССПЭН, 1998. С. 159–203.

Келли 2003 – *Келли К.* «Маленькие граждане большой страны»: Интернационализм, дети и советская пропаганда // Новое литературное обозрение. 2003. № 60. С. 218–251. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8817353>. EDN: <https://elibrary.ru/hkysfp>.

Келли 2008 – *Келли К.* Об изучении истории детства в России XIX–XX веков // Какорея. Из истории детства в России и других странах: сб. статей и материалов; сост. Г.В. Макаревич. Москва; Тверь: Научная книга, 2008. 384 с.

Кларк 2002 – *Кларк К.* Советский роман: История как ритуал / пер. с англ.; ред. М.А. Литовской. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2002. 262 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9146398>. EDN: <https://elibrary.ru/hsdxjtj>.

Кобозева, Кабытов 2021 – *Кобозева З.М., Кабытов П.С.* «Все берите в руки молот, жизни новой куйте строй!»: реализация советского проекта в провинции в 1920-е гг. (на примере Самарской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при правительстве республики Мордовия. 2021. № 3 (59). С. 38–51. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46709283>. EDN: <https://elibrary.ru/xdywkc>.

Кудряшов 2005 – *Кудряшов Ю.В.* Российское скаутское движение: монография. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та им. М.В. Ломоносова, 2005. 593 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002773809/?ysclid=liygeokvmj116871545.

Кульпединова 2002 – *Кульпединова М.Е.* Воспитание личности в деятельности детских общественных объединений: концептуальный подход // Теория, история, методика детского движения. Кострома, 2002. С. 119–124.

Майофис, Кукулин 2002 – *Майофис М., Кукулин И.* Семиотика детства: Вступительная заметка // Новое литературное обозрение. 2002. № 58. С. 279–281.

Мамедова 2002 – *Мамедова Д.* Персонажи власти в литературе для детей советского времени // Культура и власть в условиях коммуникационной революции XX века: форум нем. и рос. исследователей / Ин-т рус. и совет. культуры им. Ю.М. Лотмана Рурского ун-та [и др.]. Москва, 2002. С. 131–157. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=75026>.

Нусинова 2003 – *Нусинова Н.* «Теперь ты наша». Ребенок в советском кино. 20–30-е годы // Искусство кино. 2003. № 12. С. 154–159. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/2003/12/n12-article12>.

Помелов 2022 – *Помелов В.Б.* «Взвейтесь кострами синие ночи...». К 100-летию всесоюзной пионерской организации имени В.И. Ленина // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 150–160. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.22.029>. EDN: <https://elibrary.ru/jhvsyw>.

Поппер 1993 – *Поппер К.Р.* Ницета историцизма: пер. с англ. Москва: Прогресс – ВИА, 1993. 187 с.

Сальникова 2007 – *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: История, теория, практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=jtrsbf>. EDN: <https://elibrary.ru/jtrsbf>.

Смирнова 2003 – *Смирнова Т.М.* «В происхождении своем никто не повинен...?» Проблемы интеграции детей «социально чуждых элементов» в послереволюционное российское общество (1917–1936 гг.) // Отечественная история. 2003. № 4. С. 28–42. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662018>. EDN: <https://elibrary.ru/owmylv>.

Тумаркин 1999 – *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. С.Л. Сухарева. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. 285 с. URL: http://www.plam.ru/hist/lenin_zhiv_kult_lenina_v_sovetskoj_rossii/p1.php?ysclid=liyhg0znsr372065369.

Учебный текст в советской школе 2008 – *Учебный текст в советской школе*: сб. статей / сост. С.Г. Леонтьева, К.А. Маслинский. Санкт-Петербург; Москва: Институт логики, когнитологии и развития личности, 2008. 472 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20047290>. EDN: <https://elibrary.ru/qwsbod>.

References

Coe 1984 a – *Coe R.* (1984) *Reminiscences of Childhood: An Approach to a Comparative Mythology*. Leeds, 1984, 94 p.

Coe 1984 b – *Coe R.* (1984) *When the Grass was Taller: Autobiography and the Experience of Childhood*. Leeds, 1984, 320 p. Available at: <https://archive.org/details/whengrasswastall0000coer/page/n5/mode/2up>.

Wachtel 1990 – *Wachtel A.* (1990) *The Battle for Childhood: Creation of a Russian Myth*. Stanford, Calif., 1990, 262 p. Available at: <https://archive.org/details/battleforchildho0000wach/mode/2up>.

Alieva L.V. 2010 – *Alieva L.V.* (2010) *Children’s public associations in the educational space of society*. *Pedagogy*, 84 p. Available at: https://portalus.ru/modules/shkola/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1191928774&archive=&start_from=&ucat=&ysclid=liyfc01bfh83823806. (In Russ.)

Boguslavsky 2007 – *Boguslavsky M.V.* (2007) *Children’s Movement in Russia: between the Past and the Future*: monograph. Tver: A scientific book, 2007. 112 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21199095>. EDN: <https://elibrary.ru/rvxkcb>. (In Russ.)

Zhuravlev, Sokolov 1998 – *Zhuravlev S.V. and Sokolov A.K.* (1998) Happy childhood. *Social History: Yearbook 1997*. Moscow: ROSSPEN, pp. 159–203. (In Russ.)

Kelly 2003 – *Kelly K.* (2003) «Little citizens of a big country»: Internationalism, children and Soviet propaganda. *New Literary Review*, no. 60, pp. 218–251. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=8817353>. EDN: <https://elibrary.ru/hkysfp>. (In Russ.)

Kelly 2008 – *Kelly K.* (2008) About the study of the history of childhood in Russia of the XIX–XX centuries. *Kakoreya. From the history of childhood in Russia and other countries: collection of articles and materials. Comp. G.V. Makarevich*. Moscow;Tver: A scientific book, 2008, 384 p. (In Russ.)

Clark 2002 – *Clark K.* (2002) The Soviet Novel: History as a Ritual. Translated from English. Edited by M.A. Litovskaya. Yekaterinburg: Ural Publishing House. un-ta, 262 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9146398>. EDN: <https://elibrary.ru/hsdxtj>. (In Russ.)

Kobozeva, Kabytov 2021 – *Kobozeva Z.M., Kabytov P.S.* (2021) «Take the hammer in your hands, forge a new life!»: the implementation of the Soviet project in the province in the 1920s (on the example of the Samara province). *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*, no. 3 (59), pp. 38–51. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46709283>. EDN: <https://elibrary.ru/xdywkz>. (In Russ.)

Kudryashov 2005 – *Kudryashov Yu.V.* (2005) The Russian Scout Movement: monograph. Arkhangelsk: Publishing House of the Pomor State University named after M.V. Lomonosov, 593 p. Available at: <https://search.rsl.ru/record/01002773809>. (In Russ.)

Kulpedinova 2002 – *Kulpedinova M.E.* (2002) Personality education in the activities of children's public associations: a conceptual approach. *Theory, history, methods of children's movement*. Kostroma, pp. 119–124. (In Russ.)

Mayofis, Kukulin 2002 – *Mayofis M., Kukulin I.* (2002) Semiotics of childhood: Introductory note. *New Literary Review*, no. 58, pp. 279–281. (In Russ.)

Mamedova 2002 – *Mamedova D.* (2002) Characters of power in literature for children of the Soviet time. In: *Culture and power in the context of communication revolution of the XX century: forum of German and Russian researchers*. Moscow, pp. 131–157. Available at: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=75026>. (In Russ.)

Nusinova 2003 – *Nusinova N.* (2003) «Now you are ours» Child in Soviet cinema. 20–30 years. *The Art of Cinema*, no. 12, pp. 154–159. Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/2003/12/n12-article12>. (In Russ.)

Pomelov 2022 – *Pomelov V.B.* (2022) «Light up the blue nights with bonfires...». To the 100th anniversary of the All-Union Pioneer Organization n.a. V.I. Lenin. *Herald of Vyatka State University*, no. 2 (144), pp. 150–160. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.22.029>. EDN: <https://elibrary.ru/jhvsyw>. (In Russ.)

Popper 1993 – *Popper K.P.* (1993) The poverty of historicism. Trans. from English. Moscow: Progress – VIA, 187 p. (In Russ.)

Salnikova 2007 – *Salnikova A.A.* (2007) Russian childhood in the XX century: History, theory, research practice. Kazan: Kazan State University named after V.I. Ulyanov-Lenin, 2007, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=jtrsbf>. EDN: <https://elibrary.ru/jtrsbf>. (In Russ.)

Smirnova 2003 – *Smirnova T.M.* (2003) «No one is guilty of their origin...?» Problems of integration of children of «socially alien elements» into post-revolutionary Russian society (1917–1936). *Domestic History*, no. 4, pp. 28–42. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17662018>. EDN: <https://elibrary.ru/owmylv>. (In Russ.)

Tumarkin 1999 – *Tumarkin N.* (1999) Lenin Lives! The Lenin Cult in Soviet Russia. Translation from English by Sukharev S.L. Saint Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskii proekt», 285 p. Available at: http://www.plam.ru/hist/lenin_zhiv_kult_lenina_v_sovetskoi_rossii/p1.php?ysclid=liyhg0znsr372065369. (In Russ.)

Educational text in the Soviet school 2008 – *Educational text in the Soviet school* (2008). Collection of articles. Compilers Leontieva S.G., Maslinsky K.A. Saint Petersburg; Moscow: Institut logiki, kognitologii i razvitiya lichnosti, 472 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20047290>. EDN: <https://elibrary.ru/qwsbod>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 9.94

Дата поступления: 15.12.2022
рецензирования: 22.01.2023
принятия: 30.05.2023

Советско-японская война 1945 года на страницах учебных пособий основного среднего образования

А.П. Артюков

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: artiuikov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1391-6969>

А.Е. Амелин

Самарский филиал Московского городского педагогического университета, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: luis.unepic@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5816-2008>

Аннотация: В статье рассматривается проблема изучения Советско-японской войны в системе основного общего образования через комплексный анализ информационного материала в школьных учебных пособиях с 1952 года по настоящее время. Актуальность данной темы объясняется определенной спецификой российско-японских отношений, которые можно охарактеризовать как сдержанные ввиду ряда территориальных, экономических и политических противоречий. Практически ежегодно Япония поднимает вопрос о территориальной принадлежности некоторых островов Курильской гряды, выдвигая претензии и призывы к пересмотру решений, принятых по итогам Второй мировой войны. Но японская дипломатия сталкивается с твердой позицией Российской Федерации по данному вопросу. Подобные дипломатические баталии продолжаются с середины прошлого века по сей день и являются причиной того, что мирный договор между странами не заключен до сих пор. В современных условиях обострения международных отношений темы Советско-японской войны 1945 года и итогов Второй мировой войны в системе образования становятся одними из ключевых. При исследовании образовательных материалов учебных пособий по теме Советско-японской войны основное внимание обращалось на объем исторического материала, представленного для изучения обучающимся, иллюстративный материал, содержательную часть, то есть насколько максимально полно и детально раскрыта тема, а также карты-схемы. Так, анализ содержания текстового материала учебных пособий позволил выявить волнообразную динамику информационного объема, от количественного и качественного роста исторической информации, особенно в начале 1980-х годов, до резкого сокращения ее в материалах современных учебных пособий.

Ключевые слова: Советско-японская война; Вторая мировая война; Великая Отечественная война; учебное пособие; историко-культурный стандарт.

Цитирование. Артюков А.П., Амелин А.Е. Советско-японская война 1945 года на страницах учебных пособий основного среднего образования // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 58–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-58-66>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Артюков А.П., Амелин А.Е., 2023

Антон Петрович Артюков – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 129226, Российская Федерация, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4.

Андрей Евгеньевич Амелин – студент магистратуры II курса, профиль: «Историческое образование», Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443081, Российская Федерация, г. Самара, ул. Стара-Загора, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.12.2022
Revised: 22.01.2023
Accepted: 30.05.2023

The Soviet-Japanese War of 1945 on the pages of textbooks of basic secondary education

A.P. Artyukov

Moscow City University, Moscow, Russian Federation
E-mail: artiuikov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1391-6969>

A.E. Amelin

Samara branch of the Moscow City University Samara, Samara, Russian Federation
E-mail: luis.unepic@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5816-2008>

Abstract: The article deals with the problem of studying the Soviet-Japanese War in the system of basic general education, through a comprehensive analysis of information material in school textbooks from 1952 to the present. The relevance of this topic is explained by certain specifics of Russian-Japanese relations, which can be described as restrained, due to a number of territorial, economic and political contradictions. Almost every year, Japan raises the issue of the territorial

affiliation of some islands of the Kuril ridge, putting forward claims and calls for a revision of decisions taken following the Second World War. But Japanese diplomacy faces a firm position of the Russian Federation on this issue. Such diplomatic battles have been going on since the middle of the last century to this day and are the reason that a peace treaty between the countries has not been concluded yet. In modern conditions of aggravation of international relations, the topic of the Soviet-Japanese war of 1945 and the results of the Second World War in the education system are becoming one of the key topics. In the study of educational materials of textbooks on the topic of the Soviet-Japanese war, the main attention was paid to the volume of historical material presented to students for study, illustrative material, the content part, that is, how much the topic is disclosed as fully and in detail as possible, as well as schematic maps. Thus, the analysis of the content of the text material in textbooks revealed the wave-like dynamics of the information volume, from the quantitative and qualitative growth of historical information, especially in the early 1980s, to its sharp reduction in the materials of modern textbooks.

Key words: Soviet-Japanese War; World War II; Great Patriotic War; textbook; Historical and Cultural Standard.

Citation. Artyukov A.P., Amelin A.E. The Soviet-Japanese War of 1945 on the pages of textbooks of basic secondary education. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 28, no. 2, pp. 58–66. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-58-66>. (In Russ.)

Conflict of interest information: authors declare no conflict of interest.

© Artyukov A.P., Amelin A.E., 2023

Anton P. Artyukov – Candidate of Historical Sciences, associate professor of the Department of History, Moscow City University, 4, 2nd Agricultural Passage, Moscow, 129226, Russian Federation.

Andrey E. Amelin – 2nd year master's degree student, profile: «Historical education», Samara branch of the Moscow City University, 76, Stara-Zagora Street, Samara, 443081, Russian Federation.

Введение

В условиях современных политических реалий отмечается усиленный интерес к событиям периода середины прошлого века. И это неудивительно, ведь заложенные в то время процессы непосредственно влияют на современные события международной дипломатии двух стран. Поэтому темы Великой Отечественной войны и Второй мировой войны сегодня являются объектами интересов не только многих профессиональных исследователей, но и простых любителей истории. Этот факт подтверждает и внушительная информационная база, которая с каждым днем пополняется исследовательскими и научно-исследовательскими монографиями, статьями, блогами и т. д. [Григорькин 2015; Крючек 2022].

Во многом этому способствуют не только материалы СМИ, но и сфера образования. На изучение темы «Вторая мировая война» отведено несколько полноценных занятий, следовательно, именно в рамках получения среднего общего образования происходит системное ознакомления с данными историческими событиями.

Но, к сожалению, такого нельзя сказать о теме «Советско-японская война 1945 года», которая также является частью мирового военного конфликта середины XX века. Отметим тот факт, что историческая часть военного конфликта представлена крайне слабо на страницах учебных пособий. А ведь именно данный военный конфликт заложил важные исторические процессы, которые мы можем наблюдать и по сей день, что отражается на современных геополитических отношениях Российской Федерации и Японии. Из-за претензий с японской стороны по вопросу о принадлежности четырех Курильских островов¹ и твердой позиции советской дипломатии мирный договор не был подписан еще с середины прошлого века². Это и обуславливает актуальность исследования.

Целью работы является анализ исторических материалов по теме Советско-японской войны на

страницах учебных пособий СССР и современной Российской Федерации. К задачам исследования следует отнести рассмотрение исторических материалов по исследуемой теме, представленных в учебных пособиях, их объем, содержательную часть карт-схем и иллюстративного материала. **Научная новизна** исследования заключается в том, что впервые поднята проблема изучения исторических материалов по теме Советско-японской войны в рамках среднего общего образования. Впервые проведен комплексный анализ учебных пособий советского и современного периодов по качеству исторического содержания, объему представленной информации, карт-схем и иллюстративного материала.

Удалось выявить восходящую и нисходящую динамику освещения истории советско-японского военного конфликта 1945 года на страницах учебных пособий за период более чем семидесяти лет. Анализировалось специальное периодическое издание, на страницах которого предлагались различные дидактические материалы и рекомендации по изучению или раскрытию отдельных тем в рамках образовательного исторического процесса.

Основная часть

Анализ учебных пособий по предмету «История России» проводился с учетом критериев, обозначенных в задачах (объем, содержание, иллюстрации и карты).

Отправной точкой к анализу учебного материала является советское учебное пособие 1952 года издания под редакцией А.М. Панкратовой «История СССР» в трех частях. Учебный материал по теме Советско-японской войны 1945 года опубликован на целых трех страницах учебного пособия в главе XVII «Великая Отечественная война советского народа против немецко-фашистских захватчиков». В содержательном аспекте достаточно подробно представлены причины и пред-

посылки советско-японского военного конфликта, прослеживается четкая взаимосвязь исторических событий начала XX века, интервенции иностранных держав, Гражданской войны 1918–1922 гг., а также событий 1930-х гг. Приведем подробную цитату из данного издания: *«Японские империалисты были исконным врагом русского народа. Они неоднократно пытались захватить наши территории на Дальнем Востоке. Еще в 1904 г., в период Русско-японской войны, Япония попыталась отрезать нашу страну от Тихого океана, от выхода к портам Камчатки и Чукотки. В 1918–1922 гг., когда Советская республика отбивалась от интервентов, отстаивая свою независимость, японские империалисты пытались захватить советский Дальний Восток. Молодая Красная армия в тяжелой борьбе изгнала японских захватчиков с советской земли. Новое нападение на Советский Союз японцы организовали в районе озера Хасан в 1938 г. В 1939 г. японцы напали в районе Халхин Гола на Монгольскую Народную Республику, с которой у Советского Союза был договор о взаимопомощи. Эти попытки тоже были ликвидированы доблестной Советской Армией. Во время Великой Отечественной войны Советского Союза с Германией японцы держали на советской границе отборную Квантунскую армию, угрожая в любой момент перейти границу. Советское государство не могло долгие терпеть постоянной угрозы на Востоке. Чтобы обеспечить нашей стране безопасность не только на западе, но и на востоке, содействовать скорейшему установлению мира во всем мире, Советский Союз 9 августа 1945 г. включился в войну против японских захватчиков»* (История СССР... 1952, с. 400).

Достаточный объем информации отводится итогам, причем итогам не только Второй мировой войны, но и итогам по окончании советско-японского конфликта 1945 года, которые в тексте учебного пособия оформлены как цитата из речи И.В. Сталина: *«Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня, – говорил товарищ Сталин по поводу капитуляции империалистической Японии. – И вот этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии. Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжелые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу Отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира»* (История СССР... 1952, с. 400–401).

Отметим наличие учебной карты-схемы, на которой достаточно подробно изображены основные направления действий советских войск на Дальневосточном театре военных действий.

Но, несмотря на некоторые вышеуказанные пункты, материал, излагаемый в данном учебном пособии, с исторической точки зрения недостаточно подробен. Так, например, отсутствуют названия фронтов; нет количества дивизий, бригад и армий, принимавших участие в советско-японском конфликте; отсутствуют фамилии и имена главных командующих фронтов и Военно-морского флота, а также цифры потерь сторон данного военного конфликта; нет ни одного имени героя данного военного конфликта; отсутствует информация о проведении морских и десантных операций на о. Сахалин и островах Курильской гряды. Не прослеживается взаимосвязь участия войсковых соединений и армий, разгромивших германский вермахт на западе и принявших участие в разгроме японской армии на востоке. Следует констатировать, что из-за небольшого объема исторической информации тема Советско-японской войны не была раскрыта в должной степени.

Отметим, что в целом достаточно странно наблюдать подобные недоработки авторами учебного пособия, которое было издано спустя семь лет после Второй мировой войны и советско-японского военного конфликта. Таким образом, уже в самом начале было задано направление на второстепенность освещения данного военного конфликта в сравнении с историческими материалами по Великой Отечественной войне.

Смерть И.В. Сталина в марте 1953 года положило начало осторожным изменениям в средствах массовой информации как по пересмотру исторической роли умершего лидера, так и в связи с изменениями в системе идеологической пропаганды, которые были вызваны отказом от многолетней практики создания персонифицированного культа лидера партии и страны. Совокупность происшедших изменений привела к необходимости изменений содержания исторических материалов в учебных пособиях по многим образовательным предметам, включая и историю [Артюков 2022].

После XX съезда КПСС, на закрытом заседании которого первым секретарем ЦК КПСС Н.С. Хрущевым был зачитан секретный доклад «О культе личности и его последствиях», исторический образовательный материал в учебных пособиях был подвергнут кардинальному пересмотру. Так, уже 27 марта 1956 года заведующим отделом школ ЦК КПСС Н.Д. Казьминим, в Центральный Комитет КПСС было отправлено предложение о снятии в 1956 году для выпускников 10 классов средней школы экзамена на аттестат зрелости по истории СССР, так как учебные пособия под редакцией А.М. Панкратовой, «буквально пропитаны культом личности» и ряд выводов несостоятельны в свете решений XX съезда КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Л. 31).

Данный вопрос решили в положительном ключе секретари ЦК КПСС Д.Т. Шепилов, М.А. Сулов, П.Н. Поспелов, А.Б. Аристов, Н.И. Беляева, Л.И. Брежнев, Е.А. Фурцева которые данное предложение поддержали (РГАНИ. Ф. 5. Л. 31).

Отметим, что вопрос о снятии экзамена был поднят на собрании учителей истории и Конституции СССР гор. Москвы, которое состоялось 26 марта 1956 года. В документе также отмечались и предпринятые меры по изменению материалов и направлению рекомендаций в образовательные учреждения. В частности, не следовало изучать последние главы учебника истории СССР для 10 класса об Отечественной войне и введено изучение материалов XX съезда КПСС (РГАНИ. Ф. 5. Л. 31).

Начавшиеся масштабные изменения в историческом материале в учебных пособиях коснулись и темы Советско-японской войны, но в самом минимальном виде. Цитата речи И.В. Сталина, в которой содержались оценки итогов Второй мировой войны и Советско-японской, в новой редакции учебника «Истории СССР» А.М. Панкратовой и К.В. Базилевича была заменена на простое перечисление военных итогов (История СССР... 1959, с. 286). Важно отметить, что по своему основному содержанию основной исторический материал в учебном пособии по теме советско-японского военного конфликта изменений не претерпел, что позволяет сделать вывод о том, что уже на протяжении нескольких лет была заложена устойчивая форма восприятия и отношения населения СССР к событиям и итогам Советско-японской войны 1945 года как малозначительному событию.

Этот вывод подтверждается интересным наблюдением. В СССР выходило специализированное периодическое издание для учителей, преподававших предмет «история» в школе. На страницах данного издания обсуждались не только научно-теоретические вопросы, но и методическая часть по изучению различных тем. За более чем 30-летний период на страницах этого периодического издания ни разу не был поднят вопрос о теме советско-японского военного конфликта 1945 года [Преподавание истории в школе 1956; 1969; 1973; 1978].

После снятия в октябре 1964 года Н.С. Хрущева с поста первого секретаря ЦК КПСС и Председателя Совета министров СССР изменения в системе образования продолжились. В 1965 году вышло Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР об увеличении объема часов на современные темы по истории (Народное образование в СССР... 1974, с. 59).

В августе 1966 году было создано новое союзно-республиканское министерство народного просвещения, одной из задач которого стало дальнейшее совершенствование учебных планов и программ и издание новых образовательных учебных пособий (Народное образование в СССР... 1974, с. 76). В 1970-х годах в СССР было введено 10-летнее образование в школах и внедрены новые

учебные программы, что еще острее поставило вопрос о новых учебных пособиях.

Процесс подготовки нового учебного пособия затянулся. От издательства «Просвещение» учебник по истории СССР для средней школы вышел только в 1980 году под редакцией И.Б. Берхина, М.П. Кима, П.И. Потемкина. Авторы очень ответственно и скрупулезно отнеслись к написанию исторического материала, посвященного Советско-японской войне. Сразу же можно отметить увеличенный по сравнению с прошлым учебным пособием объем исторической информации. Так, на тему военного конфликта 1945 года между СССР и Японией был выделен полноценный параграф, который содержит шесть страниц.

В начале содержания параграфа в наибольшей степени представлена историческая информация о ситуации на восточной границе в 30-е годы XX века и в период Великой Отечественной войны. В данной исторической информации отражалась перманентность нарушения государственной границы СССР Японскими вооруженными силами, что способствовало военной эскалации конфликта: *«На дальневосточных границах Советского Союза японские милитаристы не прекращали военных провокаций. Только в 1944 г. было около 200 таких нарушений, в том числе много случаев обстрела советской территории. А на море военные корабли агрессора задерживали и даже топили наши торговые суда. Чтобы защитить свои границы, СССР в 1941–1945 гг. вынужден был держать на Дальнем Востоке до 47 дивизий и 50 бригад. На защите дальневосточных границ стоял Тихоокеанский флот»* (История СССР... 1980, с. 111).

Также в содержании параграфа последовательно представлена информация об этапах и ходе военного конфликта. В частности, подробно изложена хроника наступления первого и второго Дальневосточного и Забайкальского фронтов. Помимо этого, представлены главнокомандующие трех фронтов: маршал Р.Я. Малиновский (Забайкальских фронт), генерал М.А. Пуркаев (2-й Дальневосточный фронт) и К.А. Мерецков (1-й Дальневосточный фронт), а также указан главнокомандующий Военно-морскими силами адмирал Н.Г. Кузнецов (История СССР... 1980, с. 113).

Информация, касающаяся итогов войны, также имеет внушительный объем. В учебном пособии изложена информация о передаче южной части острова Сахалин и островов Курильской гряды СССР.

Представлен материал об учреждении новой наградной медали «За победу над Японией», которую получили все участники Советско-японской войны: *«Советская Родина высоко оценила боевые подвиги своих сынов. Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль “За победу над Японией”; ею были награждены все участники боев. Десятки соединений получили почетные наименования Хинганских, Амурских, Мукденских, Сахалинских, Курильских. Более 300 тыс. советских*

воинов были награждены боевыми орденами и медалями, а наиболее отличившиеся удостоены звания Героя Советского Союза» (История СССР... 1980, с. 115–116).

Текстовый материал учебного пособия дополнен двумя иллюстрациями. На первой иллюстрации содержится фотография маршалов Советского Союза, среди которых запечатлен маршал Р.Я. Малиновский, командовавший Забайкальским фронтом. На второй иллюстрации – изображение встречи советских войск с населением порта Дальний (современный Далянь). Но стоит подчеркнуть, что данные иллюстрации представлены не в самом качественном исполнении, что снижает их информационно-образовательную значимость в условиях учебного пособия как единственного источника знаний для учащихся советских школ.

Важно отметить тот факт, что в новом учебном пособии 1980 года, в сравнении с предыдущим учебником 1952 года редакции, нет картографического материала. Можно предположить, что карты не были представлены вследствие немалого объема информации в самом учебном пособии, а данный элемент был отражен в атласах и контурных картах.

Но, несмотря на некоторые нюансы, можно сделать вывод, что данное учебное пособие в полной мере раскрывает суть проблемы советско-японского военного противостояния 1945 года и позволяет сформировать целостную картину исторического события у обучающегося. Так, информация, изложенная в учебном пособии, позволяла учащимся анализировать материал и задавать проблемные вопросы, проводить взаимосвязь тех событий с современностью и Великой Отечественной войной.

К учебному пособию 1980 года прилагалось методическое пособие. Впервые в его содержании содержался план проведения полноценного урока по теме «Разгром империалистической Японии» с несколькими вариантами: *«Первый вариант: учитель излагает причины вступления СССР в войну с Японией, затем учащиеся смотрят учебно-документальный фильм “Разгром империалистической Японии” (две части). В роли комментаторов выступают заранее подготовленные ученики. После просмотра фильма учитель продолжает свой рассказ. Излагается значение победы Красной армии на Дальнем Востоке.*

Второй вариант: учитель рассказывает первый вопрос. По остальным двум вопросам можно подготовить краткие сообщения учащихся о боевых действиях войск всех трех фронтов и отдельно – сообщение о боевом содружестве с воинами МНР. Урок заканчивается выводами учителя.

Третий вариант: после рассказа учителя по первому вопросу учащиеся самостоятельно изучают в классе по учебнику материал, относящийся к данному уроку. В процессе самостоятельной работы наносят на контурной карте главные направления ударов советских войск по Квантунской армии Японии в Маньчжурии. Затем проводятся

беседы по вопросам плана урока» (Берхин 1981, с. 346). Также в пособии учителю была дана рекомендация о необходимости преподнесения исторической информации по теме Советско-японской войны для учащихся с обязательной взаимосвязью с дипломатическими и военными конфликтами первой половины XX века. Кроме того, в методическом пособии были представлены все основные даты военного конфликта с Японией 1945 года и домашние задания для учащихся (Берхин 1981, с. 346–348).

Следует отметить любопытный факт, что в последующих изданиях учебно-методических пособий для учителей к учебникам истории СССР внимание теме Советско-японской войны 1945 года более не уделялось вплоть до современных учебных пособий для образовательных организаций Российской Федерации (История Отечества... 2004).

В 1983 году вышел новый учебник для средней школы под редакцией В.К. Фураева, П.М. Кузьмичева и Ю.С. Гиренко. В его содержании объем учебной информации по теме советско-японского военного конфликта, в сравнении с учебником 1980 года, значительно сокращен, всего лишь до нескольких абзацев, и занимает половину страницы в рамках темы посвященной Великой Отечественной войне. В содержательной части абзацев, представлены только исторические факты, несколько дат и событий. Причины, этапы, участники и итоги советско-японского военного конфликта полностью отсутствуют. Уделяется внимание только итогам Второй мировой войны (Новейшая история... 1983, с. 39–40).

Таким образом, следует отметить, что тему Советско-японской войны просто вычеркнули из исторического образовательного материала для школьников. Однако в конце учебного пособия размещены карты, в их числе прилагается и карта действий советских войск на дальневосточном направлении (Новейшая история... 1983, с. 295). Отметим любопытный факт, что остальная часть текста экстраполирует к обозначению внешнеполитических угроз со стороны США.

Именно с этого учебного пособия можно проследить динамику регресса объема информации в советских школьных учебных пособиях, которые издавались вплоть до окончания существования СССР. Притом сокращение объема неизменно привело к снижению качества исторической информации и пробелам в знаниях выпускников истории Отечества и Второй мировой войны.

Очередное реформирование системы образования в период Перестройки, введение 11-летнего образования в школе, а также изменение внутренней и внешнеполитической конъюнктуры, связанное с окончанием холодной войны, демократизацией советского общества, и политическая гласность меняли и содержание исторического образования. Так, в учебном пособии 1990 года издания под редакцией В.П. Островского, В.И. Старцева,

Б.А. Старкова, Г.М. Смирнова по предмету «История СССР» для 11 класса средней школы историческая информация по теме советско-японского конфликта незначительно увеличилась в объеме по сравнению с учебником 1983 года. Сохранившийся исторический минимализм материала по Советско-японской войне был дополнен моментом обсуждения японской проблемы на международных конференциях: *«С конца 1943 г., со времени встречи в Тегеране, США и Великобритания настойчиво добивались от Советского Союза обязательства вступления в войну с Японией. События на тихоокеанском театре военных действий развивались неравномерно: от успехов Японии в войне до постепенного достижения превосходства американских и английских войск и захвата ими важных стратегических пунктов. Хотя военно-экономический потенциал Японии и начал истощаться, она была еще в состоянии оказывать длительное, упорное сопротивление. Вступление в войну на Дальнем Востоке Советского Союза представлялось союзникам по антигитлеровской коалиции обязательным. Г. Трумэн в мемуарах писал: “Было много причин для моей поездки в Потсдам, но наиболее срочным, с моей точки зрения, являлось то, чтобы получить от Сталина личное подтверждение вступления России в войну против Японии, в чем наши военные руководители были больше всего заинтересованы”. В Потсдаме Сталин подтвердил готовность СССР вступить в военные действия против Японии ровно через три месяца после окончания войны с Германией»* (История СССР... 1990, с. 92).

Данная историческая информация ранее в учебных пособиях советского периода не встречалась, что можно считать новшеством в освещении данной темы. Также следует отметить факт, что учебная информация, касающаяся Советско-японской войны, представлена только в самом конце параграфа об окончании Второй мировой войны. (История СССР... 1990, с. 92–93).

Возможно, появление материала связанного с обсуждением японского вопроса на международных конференциях был связан или с изменившейся внешнеполитической конъюнктурой, или попыткой все-таки определить оптимальные знания по этой теме у обучающихся.

Таким образом, можно подвести небольшой итог по советскому периоду. Первоначальные границы по изучению темы советско-японского конфликта в рамках получения среднего образования были заданы учебным пособием 1952 года под редакцией А.М. Панкратовой. Объем и качество исторического материала оставались неизменными на протяжении более чем тридцати лет. Это позволило, с одной стороны, сформировать целостную картину знаний у нескольких поколений учащихся, но, с другой стороны, заложить второстепенное отношение к событиям советско-японского конфликта по сравнению с Великой Отечественной

войной. О второстепенности говорит и тот факт, что на страницах одного из ведущих периодических изданий по методической помощи учителю так и не представлен материал, рассматривавший тему советско-японского конфликта.

Принципиально освещение темы советско-японского конфликта изменилось с выходом нового учебного пособия «История СССР» в 1980 году. Освещению этой проблемы был отведен целый параграф. В содержании методического пособия к данному учебнику было предложено несколько вариантов поурочных разработок по теме советско-японского конфликта. Такое внимание к данной теме, скорее всего, связано с изменением внешнеполитической конъюнктуры, переходом от разрядки к очередному обострению международных отношений между СССР и США, где Япония выступала союзницей США, на ее территории были размещены военные базы. Отметим, что подробное освещение изучаемой нами темы в учебнике 1980 года можно считать высшей точкой в динамике объема и качества информации для учащихся.

Но уже через три года, в новом учебнике «Новейшая история 1939–1982 гг.» происходит резкое сокращение количества (с целого параграфа до половины страницы), а соответственно и качества исторической информации по изучаемой теме. Данное сокращение информации может быть вызвано происходящими в тот период внешнеполитическими процессами. С учетом нормализации советско-японских отношений авторы данного учебника решили заложить более нейтральный по характеру образ Японии и Советско-японской войны во избежание претензий.

Это можно считать самой низкой точкой динамики освещения темы советско-японского конфликта 1945 года.

Распад СССР и новые международные реалии, в которых оказалась Российская Федерация, особо не повлияли на количественное, качественное, картографическое и иллюстративное отражение событий Советско-японской войны на страницах учебных пособий. Например, в учебных пособиях А.А. Левандовского (Левандовский, Щетинов 1997, с. 142), 1997 года издания, В. П. Дмитриенко 2002 года (История Отечества... 2002, с. 345–346), А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной 2007 года (История России... 2007, с. 245–246), информация по советско-японскому конфликту представлена в максимально сокращенном виде.

В учебном пособии А.А. Левандовского в рамках изучения темы Великой Отечественной войны целый абзац посвящен деятельности «союзников» 1944–1945 гг. на Тихом океане: *«К тому времени западные союзники СССР провели ряд успешных наступательных операций против Японии на Тихом океане. В течение 1944 г. англо-американские экспедиционные силы, нанеся поражение японскому флоту, заняли Марианские и Маршалловы*

острова. К лету 1945 г. они освободили Филиппины, Бирму, часть Индонезии. Боевые действия переносятся на территорию самой страны-агрессора. Но сопротивление японских милитаристов еще не было сломлено. В их руках оставались ресурсы Северо-Восточного Китая и Кореи» (Левандовский, Щетинов 1997, с. 142), чего ранее в советских учебниках по истории СССР просто не наблюдалось. А в отношении темы советско-японского военного конфликта указана численность, главнокомандующие и планы наступления советской армии. Приведены и две исторические даты, что военные действия Квантунская армия прекратила 19 августа 1945 года, а второго сентября 1945 года Япония подписала капитуляцию (Левандовский, Щетинов 1997, с. 142).

Историческая информация о взаимосвязи советско-японского военного конфликта 1945 года с предыдущими историческими событиями первой половины XX века отсутствует; нет исторических персоналий, проявивших себя во время данного военного конфликта, количество погибших солдат не упоминается. В забвении и военно-морские операции по освобождению южной части острова Сахалин и гряды Курильских островов.

Поверхностное освещение темы Советско-японской войны имеет место и в более современных учебных пособиях (История России... 2018; История России и мир... 2013; История России... 2021).

Важно отметить, что тема Советско-японской войны не нашла своего отражения в полном объеме и на страницах историко-культурного стандарта 2013 года. Данной теме посвящена только пара предложений: «Советско-японская война 1945 г. Разгром Квантунской армии. Боевые действия в Маньчжурии, на Сахалине и Курильских островах. Освобождение Курильской гряды. Ядерные бомбардировки японских городов американской авиацией и их последствия» (Историко-культурный стандарт 2013, с. 50). В нем не представлены понятия по этой теме, а дата, которая хоть как-то соприкасается с Советско-японской войной, относится лишь к окончанию Второй мировой войны.

Заключение

Подводя итоги, можно сказать, что информационная динамика исторических материалов по теме Советско-японской войны в школьных учебных пособиях имеет противоречивый характер. С одной стороны, следует отметить стабильность объема на протяжении нескольких лет, который не особо изменился даже с учетом процесса десталинизации и череды реформирования системы школьного образования в СССР. С другой стороны, после резкого увеличения исторического материала по исследуемой теме в 1980 году наблюдается такая же резкая динамика сокращения до нескольких абзацев, что меньше первоначального

объема исторической информации, заложенной в учебном пособии 1952 года. Четко прослеживается закономерность процессов стагнации и регресса текстового материала, которая взаимосвязана с изменениями внутривнутриполитической и внешнеполитической конъюнктуры.

Восходящая и нисходящая динамика объема исторической информации по исследуемой теме от раздела в рамках темы Великой Отечественной войны до полноценного параграфа и снова сокращения до нескольких абзацев сказывалась на отсутствии нормальных знаний у подрастающего поколения по данной проблематике. Заданная второстепенность не лучшим образом сказывается и на отношении к сохранности воинских мемориалов участниками Советско-японской войны 1945 года [Амелин 2022].

С точки зрения иллюстрационных и картографических материалов следует отметить неоднозначную картину, поскольку в некоторых учебных пособиях присутствуют действительно качественные иллюстрации и порой хорошо проиллюстрированные и информативные карты. Но, несмотря на некоторые положительные стороны, тема Советско-японской войны в целом имеет очень стремительную и резкую динамику сокращения содержательного объема в образовательной среде.

Здесь возникает вполне закономерный вопрос: почему произошло сокращение информации по этой теме? Что ж, стоит предположить, что ввиду налаживания внешнеполитических отношений с Японией авторы учебных пособий хотели сгладить информацию по данной тематике, поэтому часть информации была вычеркнута из учебных пособий.

В изучении истории России XX века главный акцент делается именно на Великую Отечественную войну. На фоне такой колоссальной и масштабной темы Советско-японская война не рассматривается как отдельный конфликт, и ее вписывают в тему Второй мировой войны. Она будто находится в тени между двух больших тем и уходит в забвение.

Не нужно забывать и о методологических подходах к материалу по Советско-японской войне. С учетом проведенного анализа открытых источников, касающихся методических разработок, можно сделать вывод, что данная тема подробно рассматривалась лишь в 1981 году. Любые дальнейшие упоминания, обсуждения данной темы в дискурсе школьного образования не наблюдались.

С учетом всего вышеуказанного хочется задать вопрос: а может ли обучающийся по современным учебно-методическим комплексам ответить на проблемный вопрос или провести анализ проблемы взаимосвязи событий окончания Великой Отечественной войны и Советско-японской войны 1945 году с современностью? Очевидно, информация по Советско-японской войне требует уточнения и большего объема.

Примечания

¹ Япония претендует на четыре острова Курильской гряды: Кунашир, Шикотан, Итуруп и Хабомаи, – называя их своими «северными территориями».

² Мирный договор между СССР и Японией не был подписан в 1951 году из-за подписания Японией Сан-Францисского договора со странами антигитлеровской коалиции. Глава советской делегации, первый заместитель министра иностранных дел СССР А.А. Громыко расценил договор как сепаратный мир и сделал упор на то, что на конференцию не пригласили представителей КНР и в тексте договора не закреплены территориальные права Китая на Тайвань, Пескадорские и Парасельские острова, а также суверенитет СССР над Южным Сахалином и Курильскими островами (Сборник документов... 1954, с. 89–104).

Материалы исследования

Берхин 1981 – *Берхин И.Б.* Методическое пособие по истории СССР: (советский период). IX–X кл.: пособие для учителей / И.Б. Берхин [и др.]; под ред. И.Б. Берхина. 2-е изд., перераб. Москва: Просвещение, 1981. 447 с.

Историко-культурный стандарт 2013 – *Историко-культурный стандарт*. Москва, 2013. 65 с.

История Отечества... 2002 – *История Отечества. XX век. 11 класс* / В.П. Дмитренко, В.Д. Есаков, В.А. Шестаков. Москва: Просвещение, 2002. 608 с.

История Отечества... 2004 – *История Отечества. XX – начало XXI века. 11 класс: учебник* / Н.В. Загладин, С.И. Козленко, С.Т. Минаков, Ю.А. Петров. 2-е изд. Москва: ТИД «Русское слово-РС», 2004. 480 с.

История России... 2007 – *История России, XX – начало XXI века: учеб. для 9 кл. общеобразоват. учреждений* / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, М.Ю. Брандт. 4-е изд. Москва: Просвещение, 2007. 433 с.

История России... 2018 – *История России. 10 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 3 ч.* / [М.М. Горин, А.А. Данилов, М.Ю. Моруков и др.]; под ред. А.В. Торкунова. Москва: Просвещение, 2018. 178 с.

История СССР... 1952 – *История СССР. Часть 3. 10 класс: учебник* / К.В. Базилевич, С.В. Бахрушин, А.М. Панкратова, А.В. Фохт; Институт истории Академии наук СССР. 11-е изд. Москва: Учпедгиз, 1952. 424 с.

История СССР... 1959 – *История СССР: учебник для средней школы* / Институт истории АН СССР; проф. К.В. Базилевич, проф. С.В. Бахрушин, проф. А.М. Панкратова, доц. А.В. Фохт; под ред. проф. А.М. Панкратовой. 18-е изд. Москва: Учпедгиз, 1959. Ч. 3: 1959. 286 с.

История СССР... 1980 – *История СССР (1938–1981). 10 класс: учебник* / В.М. Балев, И.Б. Берхин, М.П. Ким, П.И. Потемкин. 12-е изд. Москва: Просвещение, 1980. 256 с.

История СССР... 1990 – *История СССР: учеб. для 11 кл. сред. шк.* / В.П. Островский, В.И. Старцев, Б.А. Старков, Г.М. Смирнов. Москва: Просвещение, 1990. 224 с.

История. Россия и мир... 2013 – *История. Россия и мир. 11 кл. Базовый уровень: учебник для общеобразовательных учреждений* / О.В. Волобуев, В.А. Клоков, М.В. Пономарев, В.А. Рогожкин. 12-е изд. Москва: Дрофа, 2013. 351 с.

История России... 2021 – *История России. 1914 г. – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 1. 1914–1945* / В.А. Никонов, С.В. Девятов; под науч. ред. С.П. Карпова. 2-е изд. Москва: ООО «Русское слово – учебник», 2021. 258 с.

Левандовский, Щетинов 1997 – *Левандовский А.А., Щетинов Ю.А.* Россия в XX веке: учеб. для 10–11 кл. общеобразоват. учреждений. Москва: Просвещение, 1997. 384 с.

Народное образование в СССР... 1974 – *Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов 1917–1973 гг.* / сост.: А.А. Абакумов, П.Н. Кузин, Ф.И. Пызырев, Л.Ф. Литвинов. Москва: Педагогика, 1974. 560 с.

Новейшая история... 1983 – *Новейшая история (1939–1982): учеб. пособие для 10 кл. сред. шк.* / [В.К. Фураев, П.М. Кузьмичев, Ю.С. Гиренко и др.]; под ред. В.К. Фураева. 14-е изд., испр. и доп. Москва: Просвещение, 1983. 300 с.

РГАНИ – *Российский государственный архив новейшей истории.*

Сборник документов... 1954 – *Сборник документов и материалов по Японии (1951–1954 гг.)*. Москва: ДПО МИД СССР, 1954. 1004 с.

Библиографический список

Амелин А.Е. 2022 – *Амелин А.Е.* Внешнее состояние братских захоронений участников Советско-японской войны 1945 года // Дни науки: сборник статей XXIII студенческой научной конференции. Самара, 2022. С. 16–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49377739>. EDN: <https://elibrary.ru/ucigcr>.

Артюков 2022 – *Артюков А.П.* Преобразования учебных материалов 1953–1956 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 77. С. 107–114. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49333099>. DOI: 10.17223/19988613/77/13. EDN: : <https://elibrary.ru/eqpvgy>.

Григорькин 2015 – *Григорькин В.А.* Великая Отечественная война в современных интерпретациях // Гуманитарий: альманах о человеке, гуманитарной науке и образовании: научный ежегодник Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. 2015. № 3 (31). С. 26–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25014977>. EDN: <https://elibrary.ru/vbkmaz>.

Крючек 2022 – *Крючек П.С.* Великая Отечественная война в представлениях российской и белорусской молодежи: сравнительный анализ // Общественные и гуманитарные науки: материалы 86-й Научно-технической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов, Минск, 31 января – 12 февраля 2022 г. Минск: БГТУ, 2022. С. 64–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49283224>. EDN: <https://elibrary.ru/wzshwr>.

Преподавание истории... 1956 – *Преподавание истории* в школе. 1956. № 2. URL: <http://pish.ru>.

Преподавание истории... 1963 – *Преподавание истории* в школе. 1963. № 3. URL: <http://pish.ru>.

Преподавание истории... 1969 – *Преподавание истории* в школе. 1969. № 1. URL: <http://pish.ru>.

Преподавание истории... 1973 – *Преподавание истории* в школе. 1973. № 6. URL: <http://pish.ru>.

Преподавание истории... 1978 – *Преподавание истории* в школе. 1978. № 5. URL: <http://pish.ru>.

References

Amelin A.E. 2022 – *Amelin A.E.* (2022) The external state of the mass graves of participants in the Soviet-Japanese War of 1945. In: *Days of Science: collection of articles of the XXIII student scientific conference*. Samara, pp. 16–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49377739&pf=1>. EDN: <https://elibrary.ru/ucigcr>. (In Russ.)

Artyukov 2022 – *Artyukov A.P.* (2022) Transformation of the educational materials content in 1953–1956. *Tomsk State University Journal of History*, no. 77, pp. 107–114. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49333099>. DOI: 10.17223/19988613/77/13. EDN: <https://elibrary.ru/eqpvgy>. (In Russ.)

Grigorkin 2015 – *Grigorkin V.A.* (2015) The Great Patriotic War in modern interpretations. *Humanities: almanac about man, humanities and education: scientific yearbook of the Historical and Sociological Institute of N. P. Ogarev Mordovian State University*, no. 3 (31), pp. 26–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25014977>. EDN: <https://elibrary.ru/vbkmaz>. (In Russ.)

Kryuchek 2022 – *Kryuchek* (2022) The Great Patriotic War in the views of Russian and Belarusian youth: comparative analysis. In: *Social and Humanitarian Sciences: materials of the 86th Scientific and Technical Conference of faculty, researchers and postgraduates, Minsk, January 31 – February 12, 2022*. Minsk: BSTU, pp. 64–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49283224>. EDN: <https://elibrary.ru/wzshwr>. (In Russ.)

Teaching History... 1956 – *Teaching history* at school (1956), no. 2. URL: <http://pish.ru>. (In Russ.)

Teaching History... 1963 – *Teaching history* at school (1963), no. 3. URL: <http://pish.ru>. (In Russ.)

Teaching History... 1969 – *Teaching history* at school (1969), no. 1. URL: <http://pish.ru>. (In Russ.)

Teaching History... 1973 – *Teaching history* at school (1973), no. 6. URL: <http://pish.ru>. (In Russ.)

Teaching History... 1978 – *Teaching history* at school (1978), no. 5. URL: <http://pish.ru>. (In Russ.)

ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-67-72

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 17.12.2022
рецензирования: 22.01.2023
принятия: 30.05.2023

Формирование профессионального самоотношения у студентов – спортивных педагогов

И.Ю. Бурханова

Нижегородский государственный педагогический университет
имени Козьмы Минина, г. Нижний Новгород, Российская Федерация
E-mail: irina2692007@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7954-2341>

Е.В. Быстрицкая

Московский государственный университет спорта и туризма, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: oldlady@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1613-1035>

Аннотация: В статье рассматривается проблема формирования профессионального самоотношения у студентов-спортсменов в процессе профессиональной подготовки. Представлена суть понятия «самоотношение», раскрыты структурные его компоненты профессионального самоотношения спортивного педагога. Определены функции и принципы формирования профессионального самоотношения на стадии смыслового перехода от статуса спортсмена к тренеру. Отобраны образовательные технологии, способствующие развитию профессионального самоотношения спортивного педагога. Отмечается специфика деятельности будущих спортивных педагогов, предполагающая осознание себя посетителем определенной культуры. Представляются две подсистемы самоотношения в сравнении по его аспектам. Доказывается, что профессионально ориентированное мышление связано с самоотношением и позволяет проявлять индивидуальность для достижения позитивных спортивных результатов.

Ключевые слова: спортивный педагог; самоотношение как система; профессиональное образование; технологии формирования самоотношения.

Цитирование. Бурханова И.Ю., Быстрицкая Е.В. Формирование профессионального самоотношения у студентов – спортивных педагогов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 67–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-67-72>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бурханова И.Ю., Быстрицкая Е.В., 2023

Ирина Юрьевна Бурханова – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теоретических основ физической культуры, Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина, 603000, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 1.

Елена Витальевна Быстрицкая – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии, Московский государственный университет спорта и туризма, 117519, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кировоградская, 21, корп. 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.12.2022
Revised: 22.01.2023
Accepted: 30.05.2023

Formation of professional self-attitude among students – sports teachers

I.Yu. Burkhanova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), Nizhny Novgorod, Russian Federation
E-mail: irina2692007@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7954-2341>

E.V. Bystritskaya

Moscow State University of Sport and Tourism, Moscow, Russian Federation
E-mail: oldlady@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-1613-1035>

Abstract: The article deals with the problem of formation of professional self-attitude among student-athletes in the process of professional training. The essence of the concept of «self-relationship» is presented, its structural components of the professional self-relationship of a sports teacher are revealed. Functions and principles of formation of professional self-attitude at the stage of semantic transition from the status of an athlete to a coach are determined. Selected educational technologies that contribute to the development of professional self-attitude of a sports teacher. The specificity of the activity of future sports teachers is noted, which implies awareness of oneself as a visitor to a certain culture. Two

subsystems of self-attitude are presented in comparison according to its aspects. It is proved that professionally oriented thinking is associated with self-attitude and allows you to show individuality to achieve positive sports results.

Key words: sports teacher; self-attitude as a system; professional education; technologies of formation of self-attitude.

Citation. Burkhanova I.Yu., Bystritskaya E.V. Formation of professional self-attitude among students – sports teachers. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 67–72. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-67-72>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Burkhanova I.Yu., Bystritskaya E.V., 2023

Irina Yu. Burkhanova – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theoretical Foundations of Physical Education, Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University), 1, Ulyanova Street, Nizhny Novgorod, 603000, Russian Federation.

Elena V. Bystritskaya – Doctor of Pedagogy, professor, professor of the Department of Psychology, Moscow State University of Sport and Tourism, 21, building 1, Kirovogradskaya Street, Moscow, 117519, Russian Federation.

Введение

Образование, являясь родовым понятием, соединяет в себе характеристики субъекта (образование личности и образование деятельности), процессуальные характеристики целевого изменения субъекта, а также «целенаправленного процесса вращивания человека в культуру и произрастание культуры в человеке» [Дмитриев 2021]. Процесс формирования самоотношения субъекта в ситуации развития может быть представлен как образование.

В психологической науке [Визгина, Столин 1989] самоотношение представляет собой сформированный в онтогенезе осмысленный образ «Я», включающий в себя специфическое отношение к собственному «Я», осуществляемое на фоне ситуации развития субъекта [Горбунова, Филиппова 2005]. Однако самоотношение осуществляется не на фоне образовательной среды, а при ее непосредственном участии [Брушлинский 1996]. Чтобы сформировать адекватное самоотношение, необходимо знать и относиться и к «искусству в себе», и к «себе в искусстве»: любое отношение человека формируется в координатах объективных и субъективных факторов образовательной среды [Дмитриев, Неверкович, Быстрицкая 2011]. Так, студент, оказавшись в среде спортсменов, относится к себе как к представителю вида спорта и обладателю определенных спортивных достижений, а находясь в среде профессиональных педагогов, тренеров, начинает относиться к себе как к профессионалу. Разные модели самоотношения характеризуются принципиально различными целями, методами деятельности, паттернами поведения и общения и по-разному эмоционально окрашиваются [Андреев 2006]. Задачей высшего образования становится трансформация одной из указанных систем самоотношений в другую с помощью интерактивных образовательных технологий и активных методов обучения.

Основная часть

По утверждению Э.В. Сайко, разница между отношением и самоотношением не состоит в одном предлоге. Отношение – это «взаимоотношения с» и «отношения между», а самоотношение – это «отношение к»: себе в деятельности, своим действиям в поведении и деятельности, своим действиям

в отношении других объектов, ситуации развития, требованиям социума [Деркач, Сайко 2010]. Профессиональное самоотношение в этом смысле выражает отношение спортивного педагога к себе как к носителю определенной профессиональной культуры, в том числе и культуры профессионального мышления; к себе как к представителю вида спорта и носителю опыта успешной спортивной деятельности; к себе как к личности, отличающейся от других педагогов своей яркой индивидуальностью; к ситуации спортивной деятельности и к ситуации профессиональной деятельности; к своим действиям и к действиям других людей в рамках этой деятельности; к социокультурным требованиям к себе и к результатам своей профессиональной и спортивной деятельности [Дмитриев, Быстрицкая 2012]. В итоге отмечается принципиальный дуализм профессионального самоотношения спортивного педагога в виде двух подсистем, согласование которых является одной из задач профессионального образования (см. таблицу).

Проведено исследование самоотношения бакалавров и магистров факультета физической культуры, которые уже работают спортивными педагогами, а бакалавры в большинстве своем являются действующими спортсменами, активно участвующими в спортивных соревнованиях.

Выявлено в ходе исследования, что у бакалавров преобладают следующие компоненты самоотношения: ожидание одобрения со стороны окружающих на основании множества зеркальных рефлексивных оценок; самоуважение, которое находится в прямой зависимости от успешности спортивной и учебной деятельности как исполнительской в соответствии с формулой У. Джеймса. Профессия педагога требует высокого уровня развития исследовательской культуры, базисом которой являются самэмпатия и интерес к самоизучению, которые, как показало исследование, у бакалавров развиты в незначительной степени. У магистров, которые в своем большинстве закончили выступления на соревнованиях и спортивную карьеру, самоотношение имеет профессиональную направленность и включает в себя следующие компоненты: целевую направленность на изменение самого субъекта профессиональной деятельности, опирающуюся на прагматические и эмоциональные аспекты самовосприятия педагога; самоуверенность, явля-

Подсистемы самоотношения спортивного педагога

Subsystems of self-attitude of a sports teacher

Аспекты самоотношения	Подсистемы самоотношения спортивного педагога	
	Самоотношение студента как спортсмена	Самоотношение студента как педагога
К себе на биотелесном уровне	Установка на свой спортивный результат	Отношение к своему организму как к средству организации образовательного процесса
К себе на эмоционально-психическом уровне	Установка на свою стрессоустойчивость и спортивную конкурентоспособность	Отношение к своей психологической структуре как к инструменту эффективной организации образовательного процесса
К себе на социально-личностном уровне	Восприятие себя в социальном статусе спортсмена	Восприятие себя в социальном статусе педагога-тренера
К действиям деятельности	Восприятие себя как исполнителя деятельности	Восприятие себя как организатора деятельности
К действиям поведения	Восприятие себя в контексте общественных требований	Восприятие себя в контексте педагогического авторитета
К ситуации развития	Дискретно-результативное самовосприятие	Системно-логическое самовосприятие
К требованиям деятельности и социума	Самоуправление на основании ожидания внешнего одобрения	Самоуправление на основании рефлексивного самоанализа
К культуре	Самоотношение к культуре через призму физической культуры	Самоанализ соответствия мировосприятия творческим задачам профессиональной деятельности

ющуюся основой педагогического оптимизма и позволяющую решать профессиональные задачи на основании позитивной оценки собственных способностей, опыта и построения репертуара успешных моделей поведения и деятельности; самопривязанность отраженного самоотношения в контексте устойчивой структуры его субъектности в меру ее ригидности; внутренние конфликты как управляющую форму самоотношения педагога, заключающуюся в самоосуждении и обсуждении ситуации развития на основании полиаспектной рефлексивной базы.

Следует отметить, что спортивные педагоги на стадии перехода самоотношения с позиции «Я как спортсмен» к позиции «Я как педагог» сохраняют и трансформируют устойчивые модели самоотношения и деятельности, а также поведенческие паттерны [Хозяинов, Кузьмина, Варфоломеева 2007]. У студентов-педагогов, в отличие от студентов-спортсменов, пролонгированные формы самоотношения несут на себе иные функции. В меньшей степени у них выражены следующие компоненты:

– самопринятие в отличие от самопривязанности представляет собой безальтернативное и безусловное принятие себя как данности. При этом эмоциональный отклик на проявление своих качеств может различаться в широких пределах (студент может быть недоволен или доволен собой, но при этом не делает попыток поставить новые цели для закрепления в себе позитивных моделей или отказа от травмирующих). Спортивные педагоги, обучающиеся в магистратуре, проявляют самоотношение индивидуальными стилевыми характеристиками рефлексивного характера;

– рефлексивный суверенитет студента-спортсмена может привести к неполноте и неправильности самоанализа в связи с дефицитным характером его личной критериальной базы самооценки. У магистров этот суверенитет имеет ситуативный характер и проявляется тогда, когда действующие педагоги желают дообосновать или переобосновать свой выбор определенных действий или решений, что позитивно влияет на рефлексивную культуру педагога;

– самоуправление как форма самоотношения у студентов выражается в семантической эволюции управленческих решений на основании внешнего самоуправления, что определяет уровень автономности деятельности студента-спортсмена. Мыследеятельность, направленная на управление знаниями, создает концептуальный каркас внутреннего диалога для восприятия проблемы и поиска средств к его разрешению;

– самообвинение является распространенной формой самоотношения студентов-спортсменов и начинающих педагогов, хотя неуспешность деятельности не всегда служит прямым следствием ошибок самого субъекта. Спорт, в котором победитель всегда один, а проигравших множество, способствует преувеличению негативных последствий своих поступков. У опытных спортивных педагогов самоанализ начинается с позитивных результатов деятельности и методов их достижения, а самопорицание становится способом самосовершенствования и трактуется через призму общего положительного впечатления о деятельности и о себе в этой деятельности.

Отрефлексированное самоотношение способствует формированию профессионально ориен-

тированного мышления и трансляции его профессиональной индивидуальности [Быстрицкая, Неверкович, Воронин 2017].

Формирование самоотношения спортивного педагога подчинено ряду принципов: так, принцип единства движения от конкретно-чувственного самопознания отдельных компонентов самовосприятия к целостному и системному самоотношению на основании функциональных характеристик отношения к собственной учебно-спортивной деятельности студента. В итоге формируется обобщенная абстрактная характеристика образа спортивного педагога. Далее осуществляется восхождение от абстрактного представления о системе профессиональной деятельности и себе как субъекте функционирования данной системы к конкретному, персонифицированному самоопределению в профессии [Дмитриев, Воронин, Кузнецов 2014].

Принцип выявления в исследуемом объекте разноплановых связей и отношений на основании соотнесения структурно-функциональных и генетических представлений о нем: в случае совпадения субъекта и объекта познания и преобразования этот принцип предполагает самоисследование студента в контексте актуальной ситуации и в динамике развития. При этом в каждом случае выявляются принципиально различающиеся, но взаимодополняющие закономерности.

Принцип творческой самодеятельности студентов, сформулированный С.Л. Рубинштейном, подразумевает обязательное проявление активности личности в целях ее самоизменения [Рубинштейн 1986]. Прин-

цип самодетерминации деятельности (А.А. Ухтомский) предполагает в этом процессе свободу выбора в целях создания «полносвязной системы с единственной степенью свободы».

Принцип контекстного обучения (А.А. Вербицкий) содержит требования проблемности содержания обучения и логической последовательности моделирования профессиональной деятельности в структуре учебного процесса [Вербицкий 2013]. Исходя из многогранности сущности самоотношения, многие авторы предлагают использование активных методов обучения для развития профессионального самоотношения у студентов [Дмитриев, Неверкович, Быстрицкая 2011; Новикова 2013], которые создают условия для участия студентов в разрешении актуальных проблем профессиональной деятельности в сфере спорта, расширения представления о структуре и сущности отдельных видов профессиональной деятельности. Включение студентов в квазипрофессиональную деятельность с функциями управляющего субъекта обеспечивает развитие лидерских качеств. Значимыми становятся создание условий для интеллектуального, нравственного и эмоционального самовыражения личности студента, уточнения и коррекции его социокультурных установок на профессиональную деятельность; развитие продуктивного произвольного воображения, культуры и опыта творческой деятельности, раскрытие индивидуальных креативных способностей и склонностей; обогащение семантической структуры спорта за счет освоения смысловой структуры педагогического процесса в сфере физической культуры (см. рисунок).

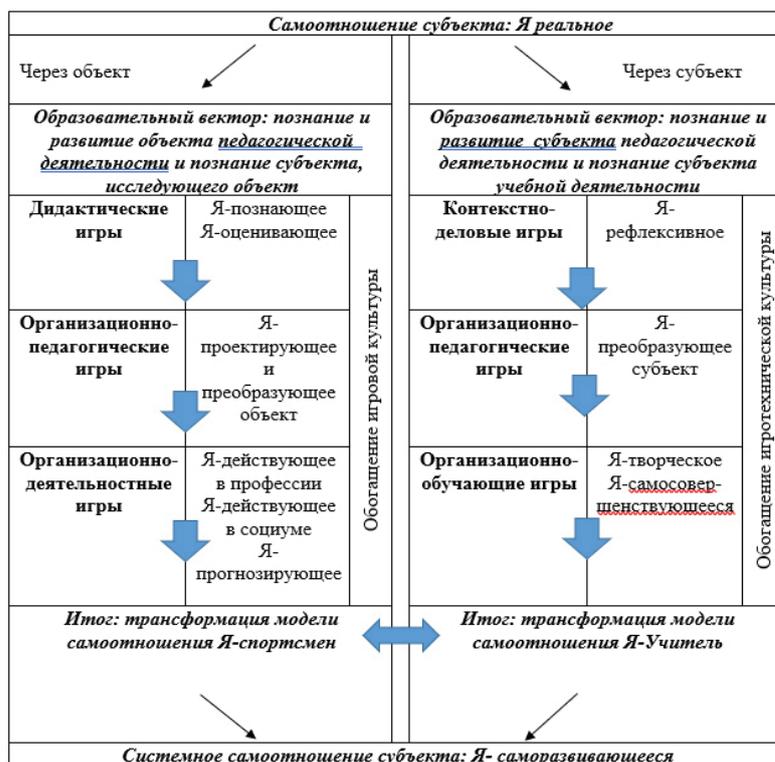

Рисунок 1 – Игровые образовательные технологии в процессе трансформации профессионального самоотношения
Figure 1 – Game educational technologies in the process of transforming professional self-attitude

Важно создать условия для уточнения и совершенствования вербальной и невербальной подсистем педагогического общения и взаимодействия на основании целенаправленного структурирования внутреннего диалога в координатах профессионального самоотношения. Формирование интернального локуса контроля студента становится основой для расширения спектра задач, проектируемых будущим педагогом с учетом распределения зон ответственности в коллективных формах профессиональной деятельности. А развитие эмоциональной сферы педагога становится основой для формирования культуры чувств (см. рисунок).

На рисунке представлены игровые образовательные технологии в процессе формирования и совершенствования профессионального самоотношения спортивного педагога.

Игровые образовательные технологии в ходе профессионального образования создают возможности для формирования и развития самоотношения спортивного педагога в двух направлениях: познание и преобразование себя через объекты профессиональной и учебной деятельности, а также самосовершенствование в результате внутреннего диалога и взаимодействий субъектов образовательного процесса. Таким образом формируется мотивация и потребность субъекта к мыследеятельности в проблемном профессиональном поле.

Заключение

В онтогенезе самоотношение спортивного педагога формируется под влиянием спортивной и педагогической деятельности, согласование которых является одной из задач профессионального образования.

Формирование самоотношения спортивного педагога подчинено принципам единства движения от конкретно-чувственного самопознания отдельных компонентов самовосприятия к целостному и системному самоотношению; единства логического и исторического в исследовании системы; творческой самодетальности студентов и контекстного характера обучения.

Игровые образовательные технологии как способ формирования самоотношения спортивного педагога способствуют раскрытию и совершенствованию профессиональных позиций, позволяющих взглянуть на себя в различных социокультурных ситуациях, что дает возможность выстроить уникальную систему эмоциональных оценок, критериев рефлексии, отношений и суждений. Применение игровых образовательных технологий в целях формирования самоотношения позволяет студентам проявить свою индивидуальность и на осознанном уровне управлять ее развитием.

Библиографический список

- Андреев 2006 – *Андреев В.И.* Педагогика творческого саморазвития. Инновационный курс. Москва: Спутник+, 2006. 100 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20011707>. EDN: <https://elibrary.ru/qvxxvej>.
- Брушлинский 1996 – *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение: избранные психологические труды. Москва: Изд-во «Институт практической психологии»; Воронеж: НИПЦ «Модек», 1996. 392 с. URL: https://www.studmed.ru/view/brushlinskiy-av-subekt-myshlenie-uchenie-voobrazhenie_3dec5dc917b.html.
- Быстрицкая, Неверкович, Воронин 2017 – *Быстрицкая Е.В., Неверкович С.Д., Воронин Д.И.* Тезаурус антропных образовательных технологий: монография. Москва: ФЛИНТА; Нижний Новгород: Мининский университет, 2017. 280 с. URL: http://book.mininuniver.ru/books/Bistrickaya_Tezaurus_antroponih_obrazovatelnih_tehnologii/index.html#4; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28387890>. EDN: <https://elibrary.ru/xxfnff>.
- Визгина, Столин 1989 – *Визгина А.В., Столин В.В.* Внутренний диалог и самоотношение // Психологический журнал. 1989. Т. 10, № 6. С. 50–57. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1217628>.
- Вербицкий 2013 – *Вербицкий А.А.* Деловая игра в компетентностном формате // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9, № 3–2. С. 140–144. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-v-kompetentnostnom-formate>; <https://istina.msu.ru/publications/article/53650699/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19136038>. EDN: <https://elibrary.ru/qctpmp>.
- Горбунова, Филиппова 2005 – *Горбунова О.В., Филиппова Л.В.* Самоотношение как показатель субъектной включенности студентов в профессионально-образовательную деятельность // Мир психологии. 2005. № 3 (43). С. 67–74. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46452931>. EDN: <https://elibrary.ru/iioihd>.
- Деркач, Сайко 2010 – *Деркач А.А. Сайко Э.В.* Самореализация – основание акмеологического развития. Москва: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2010. 224 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20110516>. EDN: <https://elibrary.ru/qycavv>.
- Дмитриев 2021 – *Дмитриев С.В.* Модернизация предметного содержания дидактических принципов в контексте развития сознания, конструктивного мышления и продуктивной деятельности субъекта обучения двигательными действиями // Евразийское научное объединение, 2021. № 1–7 (71) С. 517–525 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44788343>. EDN: <https://elibrary.ru/gwmlch>.
- Дмитриев, Быстрицкая 2012 – *Дмитриев, С.В., Быстрицкая Е.В.* Формирование сознания и самосознания магистрантов на основе предметно-смыслового содержания образовательных технологий: монография. Нижний Новгород, 2012. 285 с.
- Дмитриев, Воронин, Кузнецов 2014 – *Дмитриев С.В., Воронин Д.И., Кузнецов В.А.* Инновационные методы в вузовских образовательных технологиях в сфере физической культуры // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 34. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14643> (дата обращения: 20.11.2022);

<https://s.science-education.ru/pdf/2014/5/204.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22566357>. EDN: <https://elibrary.ru/szvhwb>.

Дмитриев, Неверкович, Быстрицкая 2011 – *Дмитриев С.В., Неверкович С.Д., Быстрицкая Е.В.* Образовательные технологии – от логики взаимодействия к логике сотворчества // Мир психологии. 2011. № 2 (66). С. 175–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17332596>. EDN: <https://elibrary.ru/opnhjb>.

Новикова 2013 – *Новикова Е.Г.* Использование активно-игровых технологий в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей // Наука и современность. 2013. № 24. С. 118–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-aktivno-igrovyyh-tehnologiy-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-sposialnostey> (дата обращения: 21.11.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=20695724>. EDN: <https://elibrary.ru/rkwzvtv>.

Рубинштейн 1986 – *Рубинштейн С.Л.* Принцип творческой самодеятельности // Вопросы философии. 1989. № 4. С. 88–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32831350>. EDN: <https://elibrary.ru/lbjwix>.

Хозяинов, Кузьмина, Варфоломеева 2007 – *Хозяинов Г.И., Кузьмина Н.В., Варфоломеева Л.Е.* Акмеология физической культуры и спорта. Москва: Академия, 2007. 208 с. URL: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/akmeologia/akmeologia.pdf>.

References

Andreev 2006 – *Andreev V.I.* (2006) Pedagogy of creative self-development. Innovative course. Moscow: Sputnik+, 100 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20011707>. EDN: <https://elibrary.ru/qvxvej>. (In Russ.)

Brushlinsky 1996 – *Brushlinsky A.V.* (1996) Subject: thinking, learning, imagination: selected psychological writings. Moscow: Izd-vo «Institut prakticheskoi psikhologii»; Voronezh: NPSHch «Modek», 392 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/brushlinskiy-av-subekt-myshlenie-uchenie-voobrazhenie_3dec5dc917b.html. (In Russ.)

Bystritskaya, Neverkovich, Voronin 2017 – *Bystritskaya E.V., Neverkovich S.D., Voronin D.I.* (2017) Thesaurus of anthropic educational technologies: monograph. Moscow: FLINTA; Nizhny Novgorod: Mininskii universitet, 280 p. Available at: http://book.mininuniver.ru/books/Bistrickaya_Tezaurus_antropnih_obrazovatelnih_tehnologii/index.html#4; <https://elibrary.ru/item.asp?id=28387890>. EDN: <https://elibrary.ru/xxfnff>. (In Russ.)

Vizgina, Stolin 1989 – *Vizgina A.V., Stolin V.V.* (1989) Internal dialogue and self-attitude. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 10, no. 6, pp. 50–57. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/1217628>. (In Russ.)

Verbitsky 2013 – *Verbitskiy A.A.* (2013) Business game as a means of forming competences. *Bulletin of Voronezh State Technical University*, vol. 9, no. 3–2, pp. 140–144. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/delovaya-igra-v-kompetentnostnom-formate>; <https://istina.msu.ru/publications/article/53650699>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19136038>. EDN: <https://elibrary.ru/qctmpm>. (In Russ.)

Gorbunova, Filippova 2005 – *Gorbunova O.V., Filippova L.V.* (2005) Self-relation as an index of the subject inclusion of students into the professional educational activity. *The World of Psychology*, no. 3 (43), pp. 67–74. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46452931>. EDN: <https://elibrary.ru/iioidh>. (In Russ.)

Derkach, Saiko 2010 – *Derkach A.A., Saiko E.V.* (2010) Self-realization is the basis of acmeological development. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 224 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20110516>. EDN: <https://elibrary.ru/qycavv>. (In Russ.)

Dmitriev 2021 – *Dmitriev S.V.* (2021) Modernization of the subject content of didactic principles in the context of development of consciousness, constructive thinking and productive activity of the subject of learning motor actions. *Evrasiiskoe nauchnoe ob"edinenie*, no. 1–7 (71), pp. 517–525. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44788343>. EDN: <https://elibrary.ru/gwmlch>. (In Russ.)

Dmitriev, Bystritskaya 2012 – *Dmitriev S.V., Bystritskaya E.V.* (2012) Formation of consciousness and self-awareness of undergraduates on the basis of subject-semantic content of educational technologies: monograph. Nizhny Novgorod, 285 p. (In Russ.)

Dmitriev, Voronin, Kuznetsov 2014 – *Dmitriev S.V., Voronin D.I., Kuznetsov V.A.* (2014) Innovative methods in high school educational technologies in the sphere physical culture. *Modern problems of science and education*, no. 5, p. 34. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=14643> (accessed 20.11.2022); <https://s.science-education.ru/pdf/2014/5/204.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22566357>. EDN: <https://elibrary.ru/szvhwb>. (In Russ.)

Dmitriev, Neverkovich, Bystritskaya 2011 – *Dmitriev S.V., Neverkovich S.D., Bystritskaya E.V.* (2011) Educational technologies – from the logic of interaction to the coauthorship logic. *The World of Psychology*, no. 2 (66), pp. 175–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17332596>. EDN: <https://elibrary.ru/opnhjb>. (In Russ.)

Novikova 2013 – *Novikova E.G.* (2013) The use of active gaming technologies in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. *Nauka i sovremennost'*, no. 24, pp. 118–123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-aktivno-igrovyyh-tehnologiy-v-protsesse-obucheniya-inostrannomu-yazyku-studentov-neyazykovykh-sposialnostey> (accessed 21.11.2022); <https://elibrary.ru/item.asp?id=20695724>. EDN: <https://elibrary.ru/rkwzvtv>. (In Russ.)

Rubinstein 1986 – *Rubinstein S.L.* (1986) The principle of creative amateur performance. *Voprosy filosofii*, no. 4, pp. 88–95. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32831350>. EDN: <https://elibrary.ru/lbjwix>. (In Russ.)

Khozyainov, Kuzmina, Varfolomeeva 2007 – *Khozyainov G.I., Kuzmina N.V., Varfolomeeva L.E.* (2007) Acmeology of physical culture and sports. Moscow: Akademiya, 208 p. Available at: <https://www.bsu.ru/content/page/1415/hecadem/akmeologia/akmeologia.pdf>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 15.02.2023
рецензирования: 24.03.2023
принятия: 30.05.2023

Развитие устойчивости волевой регуляции у курсантов военных вузов Росгвардии

С.Н. Филипченко

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: svetlana-prof@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2769-7220>

П.В. Мельничук

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: melnichukpv@rosgvard.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3287-7110>

О.В. Сыромятников

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск
национальной гвардии Российской Федерации, г. Саратов, Российская Федерация

E-mail: syromyatnikovov@rosgvard.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Аннотация: В статье рассматриваются способы развития волевой регуляции у курсантов военных институтов Росгвардии. На основе анализа научных исследований дается определение понятиям «волевое усилие» и «волевые качества» как составной части волевой регуляции; называются основные условия учебно-воспитательного процесса для развития устойчивости волевой регуляции курсантов. Рассматриваются задачи определения специфики развития произвольных действий курсантов в ходе обучения и военно-профессиональной деятельности; обоснования критериев психического утомления (пресыщения) в процессе выполнения действий с многократным их повторением.

Ключевые слова: курсанты; военные вузы; Росгвардия; волевая регуляция; физическая подготовка; сила воли; физические упражнения; волевые качества.

Цитирование. Филипченко С.Н., Мельничук П.В., Сыромятников О.В. Развитие устойчивости волевой регуляции у курсантов военных вузов Росгвардии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 73–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-73-77>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Филипченко С.В., Мельничук П.В., Сыромятников О.В., 2023

Светлана Николаевна Филипченко – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики факультета психологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, 410012, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Павел Вячеславович Мельничук – кандидат педагогических наук, начальник кафедры физической подготовки и спорта, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 410023, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, 158.

Олег Валерьевич Сыромятников – кандидат педагогических наук, заместитель начальника кафедры физической подготовки и спорта, Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 410023, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Московская, 158.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2023

Revised: 24.03.2023

Accepted: 30.05.2023

Development of stability of volitional regulation among cadets of military universities of the Russian national guard

S.N. Filipchenko

Saratov State University, Saratov, Russian Federation

E-mail: svetlana-prof@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2769-7220>

P.V. Melnichuk

Saratov military Red Banner order Institute of National Guard Troops, Saratov, Russian Federation

E-mail: melnichukpv@rosgvard.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3287-7110>

O.V. Syromyatnikov

Saratov military Red Banner order Institute of National Guard Troops, Saratov, Russian Federation

E-mail: syromyatnikovov@rosgvard.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-3857>

Abstract: The presented article discusses ways to develop volitional regulation among cadets of the military institutions of the Russian national guard, substantiates the relevance of the problem under consideration. Based on the analysis of scientific research, the definitions of the terms «volitional regulation», «volitional effort» and «volitional qualities» are given, the main conditions for the use of the academic discipline «Physical training», its means, among which the main ones are physical exercises and available forms to solve the problem of development stability of volitional regulation of cadets. Based on the understanding of volitional qualities as an integral part of volitional regulation, the main provisions of pedagogical models for their development are presented, as well as directions for achieving the goals of such experiments: determining the specifics of the development of arbitrary actions of cadets in the course of training and military professional activity; the study of the criteria of mental fatigue (satiety) in the process of performing actions with their repeated repetition and the dynamics of the manifestation of volitional efforts during their implementation.

Key words: soldier; volitional regulation; physical training; willpower; physical exercises; cadet; volitional qualities.

Citation. Filipchenko S.N., Melnichuk P.V., Syromyatnikov O.V. Development of stability of volitional regulation among cadets of military universities of the Russian national guard. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 73–77. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-73-77> (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Filipchenko S.N., Melnichuk P.V., Syromyatnikov O.V., 2023

Svetlana N. Filipchenko – Doctor of Pedagogical Sciences, professor, professor of the Department of Pedagogy, Faculty of Psychology, Saratov State University, 83, Astrakhanskaya Street, Saratov, 410012, Russian Federation.

Pavel V. Melnichuk – Candidate of Pedagogical Sciences, head of the Department of Physical Training and Sports, Saratov military Red Banner order Institute of National Guard Troops, 158, Moscow Street, Saratov, 410023, Russian Federation.

Oleg V. Syromyatnikov – Candidate of Pedagogical Sciences, deputy head of the Department of Physical Training and Sports, Saratov military Red Banner order Institute of National Guard Troops, 158, Moscow Street, Saratov, 410023, Russian Federation.

Введение

Военнослужащий Росгвардии, кадровый офицер, получает необходимое образование, которое позволяет успешно осуществлять профессиональную деятельность в боевой обстановке [Буриков 2019]. Учебный процесс военного вуза направлен на воспитание социально значимых нравственных качеств, среди которых наиболее важное значение имеют чувство патриотизма и любви к Родине. Для решения воспитательных задач и достижения цели профессиональной подготовки курсантов в условиях влияния негативных факторов социальной среды необходимо развитие волевых качеств в процессе обучения [Васильев, Милованова 2016].

В ходе исследования были использованы теоретические методы анализа научных трудов, раскрывающих основы развития устойчивости волевой регуляции курсантов военных вузов Росгвардии. Рассмотрены современные педагогические технологии, ориентированные на совершенствование произвольной деятельности курсантов в ходе учебно-воспитательного и учебно-тренировочного процесса.

Результаты исследования

Рассмотрены основные положения современной психологии и педагогики о развитии устойчивости волевой регуляции для реализации военно-профессиональной деятельности. На основе задачи исследования после теоретического анализа научной литературы определены суть и структура основных понятий; рассмотрены современные педагогические технологии профессиональной подготовки курсантов военных вузов.

Волевая регуляция является объектом исследований по общей психологии и связана с преодолением внешних и внутренних трудностей. Это один из видов произвольного управления человеком своей деятельностью, который характеризуется

использованием личностных волевых усилий для преодоления препятствий на пути к достижению поставленной цели, в психологии это механизм самомобилизации.

Ученые (А.Ц. Пуни, В.И. Селиванов, Ф.Н. Гобнолин) доказывают, что необходимо развивать не абстрактную силу воли, а именно волевые качества, полагая, что они формируются в процессе деятельности, в специальных условиях преодоления препятствий, что обусловлено нравственными установками.

Психологи волевою регуляцию соотносят с «силой воли», со способностями человека заставить себя осуществить необходимую деятельность в ситуации, требующей ее проявления. Базируясь на суждениях отечественных психологов, будем устойчивостью волевой регуляции военнослужащих Росгвардии в профессиональной деятельности рассматривать в виде волевых качеств личности [Иванников 2006; Ильин 2009].

Устойчивая волевая регуляция позволяет стабильно реагировать на негативные факторы профессиональной деятельности [Белоусов 2005; Батищев 2005], адаптироваться к опасной ситуации. Снижение отрицательных эмоциональных состояний, овладение приемами самостимулирования и преодоления препятствий различного характера будут способствовать успешной деятельности.

Обратимся к условиям формирования устойчивости волевой регуляции. Во-первых, самовоспитание силы воли происходит освоением программы самосовершенствования: перспективной, годичной, очередной и ближайшей. Содержание представляется системой препятствий, требующих проявления одного или определенного набора волевых качеств; индивидуальных приемов самостимуляции, мобилизующих приемов для выполнения запланированного [Шабанов, Мазурин 2020].

Во-вторых, требуется психорегулирующая тренировка для высокой реактивности и мобилизации имеющихся ресурсов. В итоге повышаются скорость интеллектуальной работы с уменьшением количества ошибок и концентрация и устойчивость внимания.

В-третьих, воспитание волевых качеств обусловлено нравственным воспитанием, так как профессионально значимыми качествами офицера являются чувство долга, осознание необходимости в совершении героического поступка в экстремальных условиях выполнения служебно-боевых задач, преодоления многих лишений во имя справедливости. Достижению такого результата способствует развитие морального компонента воли [Утюганов 2017; Шабанов, Марков 2016].

В-четвертых, воспитание чувства коллективизма является необходимой предпосылкой для проявления волевых качеств, так как командный мотив запускает необходимые механизмы волевой регуляции.

В итоге воспитание курсанта в ходе учебного процесса требует формирования целостной личности, у которой мотивы имеют общественно значимую направленность.

Содержание воспитания направляется на задачу волевым усилиям вектора, позволяющего в будущей профессиональной деятельности совершать нравственный поступок или подвиг. Морально-нравственная составляющая любого социально значимого поступка способствует эмоциональному подъему и в перспективе позволяет с наименьшими внутриличностными противоречиями совершить очередной поступок.

Волевые качества – это особенности волевой регуляции, проявляющиеся в конкретных специфических условиях, обусловленных характером преодолеваемой трудности. Основными профессионально значимыми и необходимыми волевыми качествами, присущими каждому военнослужащему, являются: выдержка, решительность, смелость, инициативность, дисциплинированность, настойчивость, мужество, целеустремленность.

Утверждается, что развитие и совершенствование волевой сферы личности происходит в процессе физической деятельности, при освоении учебной дисциплины «Физическая подготовка».

Анализ существующих педагогических систем, способствующих волевым проявлениям курсантов ВООВО ВНГ РФ, показывает, что в них задействованы методы, формы, средства физической подготовки с учетом индивидуальных показателей проявления личностных качеств каждого военнослужащего в различных ситуациях профессиональной деятельности на фоне больших физических и психоэмоциональных нагрузок [Славко, Платонов 2019].

Развитие волевых качеств военнослужащих предполагает учет специфики развития произвольных действий курсантов в ходе обучения и военно-профессиональной деятельности [Суслов, Лопуха, Страбыкин 2017]; требует изучения кри-

териев психического утомления (пресыщения) в процессе выполнения действий с многократным их повторением и динамики проявления волевых усилий при их выполнении; изучения особенностей мотивов волевых действий; обоснования критериев прогнозирования успешности использования физических упражнений в ходе применения всего комплекса форм физической подготовки; выявления индивидуальных особенностей проявления волевых качеств в различных видах физической подготовки [Васильев 2017].

Заключение

Представленные в научной литературе разнонаправленные педагогические технологии имеют схожую структуру и направленность на развитие волевых качеств, а следовательно, и устойчивости волевой регуляции. Их использование способствует саморазвитию и самосовершенствованию курсантов [Хусаинов 2017].

Достижение необходимого уровня устойчивой регуляции произвольной деятельности военнослужащих возможно при соблюдении основных условий в ходе занятий по физической подготовке:

- выполнение заданий по всем разделам физической подготовки: применение стандартных разделов «Гимнастика и атлетическая подготовка», «Преодоление препятствий», «Боевые приемы», «Ускоренное передвижение и легкая атлетика», «Специальная функциональная подготовка», «Подвижные и спортивные игры», «Лыжная подготовка», «Прикладное плавание» и отработка наибольшего варианта учебных заданий как по стандартной (установленной) форме одежды, так и в полной экипировке и с оружием [Белюсов 2005];

- комплексирование учебно-тренировочных занятий по физической подготовке с другими учебными дисциплинами военного вуза Росгвардии: «Огневая подготовка», «Тактика служебно-боевого применения подразделений», «Основы служебно-боевой деятельности». Доказано, что наибольшую результативность и широкие возможности по развитию волевых качеств в ходе комплексирования занятий предоставляет учебная дисциплина «Огневая подготовка» (разделы «Лыжная подготовка», «Ускоренное передвижение и легкая атлетика»), что предполагает выполнение действий и приемов с экипировкой и оружием. Учебная дисциплина «Тактика служебно-боевого применения подразделений» комплексировается по некоторым учебным вопросам с разделом «Боевые приемы», куда входят действия военнослужащих по связыванию, пленению, досмотру, конвоированию, применению имитационных средств. Все приемы и действия в ходе комплексирования занятий по различным разделам учебных дисциплин выполняются и осуществляются для развития волевых качеств в усложненных условиях, особо приближенных к боевым действиям;

- проведение учебных занятий по боевым приемам, преодолению препятствий, ускоренному

передвижению и легкой атлетике, а именно при выполнении действий и приемов в условиях психоэмоционального стресса, достигаемого в ходе подачи звуковых и световых сигналов, в процессе применения пиротехнических средств. Повышение уровня стабильности произвольной деятельности военнослужащего, а именно устойчивости

его волевой регуляции, достигается путем систематического проведения занятий в данных условиях и психоэмоциональной устойчивости курсантов при выполнении приемов и действий как в ходе многократного выполнения на фоне усталости, так и с усложнением вариантов выполнения поставленной задачи.

Библиографический список

Алещенко 2017 – *Алещенко М.В.* Дисциплинированность как свойство характера военнослужащих войск национальной гвардии Российской Федерации // *Современные исследования социальных проблем.* 2017. Т. 8, № 2–2. С. 12–15. DOI: <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-2-12-15>. EDN: <https://elibrary.ru/xxmtyn>.

Аронова 2005 – *Аронова Е.А.* Содержательные аспекты саморегуляции произвольной активности // *Ежегодник Российского психологического общества.* 2005. Т. 1. С. 111–135.

Батищев 2005 – *Батищев В.Н.* Психологическая готовность и профессиональная способность военнослужащего к боевой деятельности // *Право в Вооруженных Силах.* 2005. № 9 (99). С. 102–106. URL: <https://dogmon.org/psihologicheskaya-gotovnoste-i-professionalenaya-sposobnoste-v.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25874022>. EDN: <https://elibrary.ru/vuffux>.

Белоусов 2005 – *Белоусов А.В.* Воспитание волевых качеств у офицеров методом создания игровых ситуаций в ходе практических занятий // *Инновации в образовании.* 2005. № 4. С. 104–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228225>. EDN: <https://elibrary.ru/htymfh>.

Буриков 2019 – *Буриков А.В.* Физическая подготовка курсантов в военном учебном заведении // *Эпоха науки.* 2019. № 19. С. 114–118. DOI: <http://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1928>. EDN: <https://elibrary.ru/lnozfg>.

Васильев, Милованова 2016 – *Васильев Б.Ю., Милованова Н.Г.* Возможности учебных дисциплин в формировании морально-волевых качеств у курсантов военного вуза // *Вестник Нижневартковского государственного университета.* 2016. № 1. С. 33–40. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25681642>. EDN: <https://elibrary.ru/vpztyt>.

Васильев 2017 – *Васильев Б.Ю.* Методы формирования морально-волевых качеств у курсантов военных вузов // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2017. № 1 (25). С. 77–83. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-formirovaniya-moralno-volevyh-kachestv-u-kursantov-voennyh-vuzov>; [http://www.prof-obr42.ru/Archives/1\(25\)2017.pdf](http://www.prof-obr42.ru/Archives/1(25)2017.pdf).

Иванников 2006 – *Иванников В.А.* Психологические механизмы волевой регуляции. Санкт-Петербург: Питер, 2006. 208 с. URL: <https://djvu.online/file/Usv5bhb0qG0C7>.

Ильин 2009 – *Ильин Е.П.* Психология воли. Санкт-Петербург: Питер, 2009. 368 с. URL: https://4sport.ua/_upl/2/1401/105_Ilin_E_P_Psikhologia_voli.pdf.

Славко, Платонов 2019 – *Славко А.Л., Платонов Д.А.* Аналитико-теоретические подходы к концептуальному определению места и роли физической культуры и спорта в нравственном развитии личности курсанта // *Вестник экономической безопасности.* 2019. № 2. С. 365–367. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10123>.

Суслов, Лопуха, Страбыкин 2017 – *Суслов Д.В., Лопуха Т.Л., Страбыкин А.Г.* Развитие профессиональной ответственности курсантов младших курсов военного вуза // *Профессиональное образование в России и за рубежом.* 2017. № 1 (25). С. 111–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28876299>. EDN: <https://elibrary.ru/yhxkev>.

Утюганов 2017 – *Утюганов А.А.* Место и роль ценностно-смысловых ориентаций личности в системе профессионально важных качеств офицеров войск национальной гвардии // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева.* 2017. С. 115–123. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-tsennostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti-v-sisteme-professionalno-vaznyh-kachestv-ofitserov-voysk-natsionalnoy-gvardii>.

Хусаинов 2017 – *Хусаинов А.Я.* Методологические подходы процесса воспитания дисциплинированности у курсантов военного вуза как нравственного качества личности // *Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки.* 2017. № 2–2. С. 147–151. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32423217>. EDN: <https://elibrary.ru/yoosbg>.

Шабанов, Мазурин 2020 – *Шабанов А.Г., Мазурин А.Е.* О структуре профессиональных качеств офицеров // *Инновации в образовании.* 2020. № 1. С. 65–78. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41868707>. EDN: <https://elibrary.ru/bmqoas>.

Шабанов, Марков 2016 – *Шабанов А.Г., Марков А.М.* Педагогические условия процесса формирования эмоционально-волевых качеств курсантов военных институтов // *Проблемы современного педагогического образования.* 2016. № 52–4. С. 103–109. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26099508>. EDN: <https://elibrary.ru/vzdnkh>.

References

- Aleshchenko 2017 – *Aleshchenko M.V.* (2017) Discipline as a property of the character of the military forces of the Russian Federation of the National Guard. *Modern Studies of Social Issues*, vol. 8, no. 2–2, pp. 12–15. DOI: <http://doi.org/10.12731/2218-7405-2017-2-2-12-15>. EDN: <https://elibrary.ru/xxmtyn>. (In Russ.)
- Aronova 2005 – *Aronova E.A.* (2005) Content aspects of self-regulation of voluntary activity. *Ezhegodnik Rossiiskogo psikhologicheskogo obshchestva*, vol. 1, pp. 111–135. (In Russ.)
- Batishchev 2005 – *Batishchev V.N.* (2005) Psychological readiness and professional ability of a serviceman to combat activity. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh*, no. 9 (99), pp. 102–106. Available at: <https://dogmon.org/psihologicheskaya-gotovnoste-i-professionalenaya-sposobnoste-v.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25874022>. EDN: <https://elibrary.ru/vuffux>. (In Russ.)
- Belousov 2005 – *Belousov A.V.* (2005) Formation of volitional qualities in officers by creating game situations in the course of practical exercises. *Innovation in Education*, no. 4, pp. 104–109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9228225>. EDN: <https://elibrary.ru/htymfh>. (In Russ.)
- Burikov 2019 – *Burikov A.V.* (2019) Physical preparation of courses in military education. *Era of Science*, no. 19, pp. 114–118. DOI: <http://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1928>. EDN: <https://elibrary.ru/lnozfg>. (In Russ.)
- Vasilev, Milovanova 2016 – *Vasilev B.Yu., Milovanova N.G.* (2016) Developing personal moral and volitional qualities of military students through academic courses. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, no. 1, pp. 33–40. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25681642>. EDN: <https://elibrary.ru/vpztyp>. (In Russ.)
- Vasilev 2017 – *Vasilev B.Yu.* (2017) Methods of formation of military high schools cadets' moral qualities and volitional powers. *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 1 (25), pp. 77–83. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metody-formirovaniya-moralno-volevyh-kachestv-u-kursantov-voennyh-vuzov>; [http://www.prof-obr42.ru/Archives/1\(25\)2017.pdf](http://www.prof-obr42.ru/Archives/1(25)2017.pdf). (In Russ.)
- Ivannikov 2006 – *Ivannikov V.A.* (2006) Psychological mechanisms of volitional regulation. Saint Petersburg: Piter, 208 p. Available at: <https://djvu.online/file/Usv5bhb0qG0C7>. (In Russ.)
- Ilyin 2009 – *Ilyin E.P.* (2009) Psychology of the will. Saint Petersburg: Piter, 368 p. Available at: https://4sport.ua/_upl/2/1401/105_Ilin_E_P_Psikhologia_voli.pdf. (In Russ.)
- Slavko, Platonov 2019 – *Slavko A.L., Platonov D.A.* (2019) Analytical and theoretical approaches to the conceptual determination of the place and the role of physical culture and sport in the moral development of a personality. *Vestnik of economic security*, no. 2, pp. 365–367. DOI: <http://doi.org/10.24411/2414-3995-2019-10123>. (In Russ.)
- Suslov, Lopoukha, Strabykin 2017 – *Suslov D.V., Lopoukha T.L., Strabykin A.G.* (2017) Professional responsibility development among the junior cadets of the higher military establishment. *Professional Education in Russia and Abroad*, no. 1 (25), pp. 111–118. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28876299>. EDN: <https://elibrary.ru/yhxkev>. (In Russ.)
- Utyuganov 2017 – *Utyuganov A.A.* (2017) The place and role of axiological orientations of the individual in the system of professionally important qualities of the National Guard military officers. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, no. 1 (39), pp. 115–123. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-i-rol-tsennostno-smyslovyh-orientatsiy-lichnosti-v-sisteme-professionalno-vazhnyh-kachestv-ofitserov-voysk-natsionalnoy-gvardii>. (In Russ.)
- Khusainov 2017 – *Khusainov A.Ya.* (2017) The methodological approaches of the processes of education discipline of students of the military institution as a moral personality. *Humanitarian Studies. Pedagogy and Psychology*, no. 2–2, pp. 147–151. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32423217>. EDN: <https://elibrary.ru/yoosbg>. (In Russ.)
- Shabanov, Mazurin 2020 – *Shabanov A.G., Mazurin A.E.* (2020) The structure and essence of professional qualities of officers of national guard troops of the Russian Federation. *Innovation in Education*, no. 1, pp. 65–78. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41868707>. EDN: <https://elibrary.ru/bmqoas>. (In Russ.)
- Shabanov, Markov 2016 – *Shabanov A.G., Markov A.M.* (2016) Pedagogical conditions of process of formation of the emotional-volitional qualities of students of military institutions. *Problems of modern pedagogical education*, no. 52–4, pp. 103–109. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26099508>. EDN: <https://elibrary.ru/vzdnkh>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 15.01.2023
рецензирования: 20.02.2023
принятия: 30.05.2023**Эвристическая составляющая в структуре профессиональных компетенций переводчика****А.Н. Крюков**Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская ФедерацияE-mail: anatolikryukov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6050-9568>

Аннотация: В статье рассматривается проблема профессиональной подготовки переводчиков в новых реалиях. В основе теоретической базы для создания адекватной методики перевода предлагается модель перевода как процесса перманентного выдвижения смысловых гипотез с их одновременной верификацией. В качестве же рабочей модели верификации смысловой гипотезы предложен четырехшаговый эвристический «алгоритм»: смысловая гипотеза перепроверяется на ее логическую и фактологическую непротиворечивость другим высказываниям; первоначальная смысловая гипотеза на ее соответствие здравому смыслу; первоначальная смысловая гипотеза – на ее соответствие научной картине мира; смысловая гипотеза – проверяется на соответствие реальному знаковому продукту.

Ключевые слова: профессиональные компетенции; электронные ресурсы; переводчик; эвристическая составляющая; автоматизированный перевод; смысловые гипотезы; научная картина мира; модель верификации смысловых гипотез.

Цитирование. Крюков А.Н. Эвристическая составляющая в структуре профессиональных компетенций переводчика // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 78–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-78-82>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Крюков А.Н., 2023

Анатолий Николаевич Крюков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и переводоведения (И-12), Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.01.2023

Reviewed: 20.02.2023

Accepted: 30.05.2023

Heuristic component in the translator's professional competences structure**A.N. Kryukov**

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

E-mail: anatolikryukov@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6050-9568>

Abstract: The article deals with the problem of professional training of translators in the new realities. At the heart of the theoretical basis for creating an adequate translation methodology, a model of translation is proposed as a process of permanent promotion of semantic hypotheses with their simultaneous verification. As a working model for verifying the semantic hypothesis, a four-step heuristic “algorithm” is proposed: the semantic hypothesis is rechecked for its logical and factual consistency with other statements; the initial semantic hypothesis is tested for its compliance with common sense; the initial semantic hypothesis is checked for its compliance with the scientific picture of the world; the semantic hypothesis is checked for compliance with the real sign product.

Key words: professional competencies; electronic resources; translator; heuristic component; automated translation; semantic hypotheses; scientific picture of the world; model of verification of semantic hypotheses.

Citation. Kryukov A.P. Heuristic component in the translator's professional competences structure. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 78–82. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-78-82>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Kryukov A.N., 2023

Anatoly N. Kryukov – Doctor of Philological Sciences, associate professor of the Department of Linguistic and Translation Practice and Theory (I-12), Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoye shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Введение

В последние годы мы являемся свидетелями серьезных перемен, происходящих в «рабочей мастерской» переводчика, изменяющих сам облик профессии переводчика и, следовательно, требования к его компетенции и подготовке в высшей школе. Речь идет о широком внедрении в переводческий процесс все более и более прогрессирующих и становящихся все более доступными электронных ресурсов и компьютерных программ [Шевчук 2013; Троицкая 2021]. Эта новая реальность влечет за собой два следствия: все больший объем механических операций и функций передается от переводчика машине. Если еще совсем недавно, к примеру, лексический запас письменного переводчика был его неоспоримым конкурентным преимуществом, то сегодня это далеко не так очевидно. Если раньше переводчик, овладевший в определенной степени иностранным языком и минимальным стандартным набором переводческих операций в какой-либо конкретной сфере деятельности, уже мог соответствовать своему профессиональному предназначению, то теперь такой переводчик может уже и не выдержать конкуренции со стороны имеющихся коммерческих средств автоматизированного перевода. А ведь именно эта «механическая» составляющая в компетенции переводчика требует больше всего сил и времени на свое формирование как от самого переводчика, так и от его обучающихся.

Постановка проблемы

Взяв на себя рутинные операции и функции, которые раньше выполнялись переводчиком и были его «хлебом», машина тем не менее оказалась не в состоянии заменить его полностью. Средства автоматизированного перевода не могут решать задачи эвристического характера. Переводчики, подготовленные и все еще готовые по методикам традиционной школы, зачастую не могут эффективно решать задачи эвристического характера, теряя свое конкурентное преимущество в соревновании с машиной в решении механических задач [Кушнина 2012]. Но если раньше удельный вес эвристических задач в деятельности переводчика существенно уступал удельному весу задач механического характера, то сейчас проблема эвристики перевода выходит на передний план как в практике, так и в теории и методике перевода.

Целью настоящей статьи является привлечение внимания научной и педагогической общественности к данной проблеме. Статья посвящена выявлению и описанию эвристических процедур, позволяющих переводчику отклонять ошибочные смысловые гипотезы и находить верные (соответствующие интенции автора текста), опыту кафедры лингвистики и переводоведения Московского авиационного института.

На недостаточность субститутивно-трансформационных процедур в деятельности переводчика так или иначе обращали внимание исследователи культурологических (Snell-Hornby 1988; Qian Ho 1994), герменевтических (Seleskovitch 1976; Семко; Рябов 1998; Брандес 1988), информационных (Миньяр-Белоручев 1980) и художественно-эстетических (Кашкин 1968; Левый 1974; Попович 1980; Гачечиладзе 1980) аспектов перевода. Однако, на наш взгляд, методологической платформой, на базе которой можно успешно решать в теории и методике перевода проблему понимания вообще и эвристических процедур в частности, является теория речевой деятельности, разработанная А.А. Леонтьевым (Леонтьев 1969) и его учениками.

Речедетельностный тип онтологии перевода [Чернов 1987] исходит из того, что при понимании переводчиком исходного текста происходит упреждающее смысловое прогнозирование высказывания, а по мере поступления реального знакового продукта осуществляется верификация, или проверка прогноза, на достоверность, результатом которой может оказаться: подтверждение смысловой гипотезы; внесение в смысловую гипотезу корректив; отклонение первоначальной смысловой гипотезы как ложной; выдвижение новой смысловой гипотезы и ее последующая верификация.

В качестве рабочей модели, или «алгоритма», перепроверки выдвигаемой в ходе перевода смысловой гипотезы на ее адекватность предлагается следующая схема, которая апробирована нами при подготовке переводчиков на учебных занятиях по практике перевода английского языка.

Модель верификации смысловых гипотез переводчиком

Смысловая гипотеза прежде всего перепроверяется на ее логическую и фактологическую непротиворечивость другим высказываниям, содержащимся в данном исходном тексте. Так, статья из *Financial Times* была озаглавлена *France invites some 80 Percent of the World to G-8*. Одна часть студентов, составляющая большинство, перевела эту фразу буквально: «Франция приглашает около 80 % мира в “Большую Восьмерку”». Мы видим, что данный перевод осуществлен в рамках субститутивно-трансформационного типа онтологии и не предусматривал понимания исходного текста. Такой перевод вполне доступен компьютеру. В результате был получен текст перевода, который следует признать одновременно несемантизируемым (бессмысленным), так как мир не измеряется в процентах и его нельзя куда-либо пригласить, и ложным, так как «Большая Восьмерка» не проводит политику открытых дверей и не может позволить себе раствориться в «80 % мира».

Другая часть студентов, представляющая собой меньшинство, предприняла попытку понима-

ния высказывания на исходном языке и перевела: «Франция пригласила около 80 % стран мира на саммит “Большой Восьмерки”». Безусловно, данный перевод является шагом вперед по сравнению с предыдущим: во-первых, бессмысленное словосочетание «80 % мира» превратилось в «80 % стран мира»; во-вторых, эти страны приглашены не в «Большую Восьмерку», а на ее саммит; в-третьих, английский глагол в настоящем времени (*invites*) поставлен в прошедшее в соответствии со стилистическими особенностями газетного заголовка на русском языке. Однако смысловая гипотеза, опредмеченная в данном варианте перевода, не была перепроверена на ее логическую и фактологическую непротиворечивость другим высказываниям текста. А между тем второй абзац исходного текста начинается фразой: *In a break with tradition, 11 leaders from emerging and developing nations will meet Sunday with their counterparts from the G-8 club*. Из этого высказывания однозначно явствует, что «вопреки традиции в воскресенье лидеры 11 развивающихся стран и стран с быстро растущей экономикой встретятся со своими коллегами из “клуба” “Большой Восьмерки”». Таким образом, приглашены были руководители 11 развивающихся стран и стран с быстро растущей экономикой, но никак не 80 % стран мира. Следовательно, первоначальная смысловая гипотеза должна была быть отвергнута как противоречащая эксплицитно выраженной в последующем тексте информации.

Первоначальная смысловая гипотеза проверяется на ее соответствие здравому смыслу. Допустим, что в анализируемом нами тексте нет прямого упоминания конкретного количества приглашенных стран. Зато в тексте содержится информация о том, что саммит проходил в небольшом французском курортном городке Эвиане. Если на сегодняшний день 80 % стран мира составляют порядка 200 стран, а руководители стран ездят на такие форумы не одни, а целыми делегациями, то возникает законный вопрос: где и как разместить несколько тысяч высокопоставленных гостей вместе с хозяевами в небольшом курортном городке? И где найти помещение для совместных заседаний и как обеспечить логистику? Совершенно очевидно, что данная смысловая гипотеза не выдерживает проверки здравым смыслом и на этом основании также должна быть отвергнута как несостоятельная.

Первоначальная смысловая гипотеза проверяется на ее соответствие научной картине мира. Нередко бывает так, что та или иная смысловая гипотеза не противоречит здравому смыслу, но не выдерживает проверки научной картиной мира. В этом случае она также должна быть отвергнута либо скорректирована с учетом научной картины мира. К научной картине мира как источнику или «подсказке» адекватной смысловой гипотезы сле-

дует прибегнуть для эквивалентного перевода и анализируемого нами высказывания. Если «80 % мира» – это не «80 % стран мира», то что же это тогда такое? Для правильного ответа на данный вопрос потребуется экскурс в мировую экономику и демографию и, в частности, экономику и демографию стран с быстрорастущими рынками, входящими в организацию БРИКС, в которую входят Бразилия, Россия, Индия, Китай и ЮАР, которые и были наряду с еще несколькими неназванными развивающимися странами приглашены на саммит «Большой Восьмерки». Обращение к экономике этих стран позволит выяснить, что на их долю приходится порядка 80 % мировых людских и материальных ресурсов. Следовательно, высказывание на исходном языке в переводе должно выглядеть так: «Франция пригласила на саммит “Большой Восьмерки” лидеров стран, на долю которых приходится около 80 % мировых людских и материальных ресурсов». Никто из студентов не перевел так или хотя бы приблизительно так, что со всей очевидностью свидетельствует о необходимости обучения переводчиков умению думать и размышлять.

Если смысловая гипотеза успешно прошла проверку на логическую и фактологическую непротиворечивость, ее соответствие здравому смыслу и научной картине мира, она затем перепроверяется на соответствие реальному знаковому продукту, т. е. лексическому и грамматическому значению конкретного фрагмента текста. Данный этап перепроверки выдвигаемых смысловых гипотез позволяет отвергать хотя и логически непротиворечивые, соответствующие здравому смыслу и даже научной картине мира сужения, но не соответствующие коммуникативному намерению автора исходного текста. Авторство таких высказываний на языке перевода можно приписать самому переводчику, поскольку они существуют вне и помимо исходного текста, никак с ним не связаны и не вытекают из его семантики и грамматики, поэтому не могут считаться переводом.

Если вернуться к нашему примеру, то как бы текст перевода формально ни отличался от текста оригинала, семантика английского существительного *world* и словосочетания на русском языке «мировые людские и материальные ресурсы» относится как общее к частному. Ведь мир состоит из людей, его населяющих, и тех материальных ресурсов, которые созданы этими людьми или которые находятся на земле и в ее недрах.

Выводы

Предлагаемая в статье модель верификации смысловых гипотез переводчика апеллирует как к его языковой, так и неязыковой компетенции, акцентирует внимание на творческой составляющей в работе переводчика, позволяет в практических целях операционализировать эвристическую со-

ставляющую в структуре профессиональных компетенций переводчика и представить перевод как процесс решения в первую очередь интеллектуальных, а уже затем лингвистических задач.

По мере дальнейшего усиления конкуренции для «человеческого» перевода со стороны компьютерных (автоматических) программ (редакторов) перевода роль и значение переводчика, понимающего, в чем дело, а не ограничивающегося субститутивно-трансформационными технологиями, будет неуклонно повышаться. Высшая школа подготовки переводческих кадров должна быть готова к этому вызову времени.

Уже сейчас большая часть рутинной работы по поиску и установлению межъязыковых лексико-синтаксических соответствий успешно выполняется программами автоматического перевода. На долю же переводчика выпадет решение интеллектуально емких задач, подобно той, которая анализировалась в нашей статье. Как правило, на страницу стандартного текста таких интеллектуально

емких задач, связанных с глубоким пониманием текста в одной системе социально-психологических координат и перевыражением понятого в другой системе социально-психологических координат, приходится от одной до трех. Вслед за известным отечественным психологом Н.И. Жинкиным [Жинкин 1982] для обозначения таких мест в тексте, в которых информация дается имплицитно, или неявно, а не представлена вербально, мы предлагаем использовать термин «смысловые скважины». Смысловая реконструкция подобного рода «скважин» представляет собой наибольший научный и практический интерес. Но на страницу стандартного текста приходится и не менее десятка других интеллектуальных задач, требующих от переводчика выдвижения и последующей верификации смысловых гипотез, когда предлагаемая модель работает в той или иной мере редуцированном виде. Впрочем, плотность интеллектуально емких задач для разных типов текста требует дополнительного исследования.

Библиографический список

- Qian Ho 1994 – *Qian Ho*. Looking at Interpretation from a Communicative Perspective // *Babel*. 1994. Vol. 40, issue 4. P. 214–221. DOI: <http://doi.org/10.1075/babel.40.4.04qia>.
- Snell-Hornby 1988 – *Snell-Hornby Mary*. Translation Studies: An Integrated Approach. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1988. P. 39–40. URL: <https://books.google.ru/books?id=KTNUlvsvxcgC&printsec=fro ntcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Брандес 1988 – *Брандес М.П.* Стиль и перевод (на материале немецкого языка). Москва: Высшая школа, 1988. 130 с. URL: https://imwerden.de/pdf/brandes_stil_i_perevod_1988_text.pdf.
- Гачечиладзе 1980 – *Гачечиладзе Г.* Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Москва: Сов. Писатель, 1980. 255 с.
- Жинкин 1982 – *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. Москва: Наука, 1982. 273 с. URL: https://archive.org/details/1982_20220420.
- Кашкин 1968 – *Кашкин И.А.* Ложный принцип и неприемлемые результаты // Для читателя-современника. Москва, 1968. 385 с. URL: https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/25856/fulltext.htm.
- Кушнина 2012 – *Кушнина Л.В.* Переводческая деятельность как эвристический процесс // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7446>.
- Левый 1974 – *Левый И.* Искусство перевода / пер. с чешск. Москва: Прогресс, 1974. 398 с. URL: https://vk.com/doc100551433_479033918?hash=D9HRCpJZWZmEzkuKzVrCn9CiQvptwnlEL6b4z02OL0&dl=S4nSdsij5NvmsjxwZkDTAsR3VzZE11Z5DZ87PFjua8g.
- Леонтьев 1969 – *Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. Москва: Просвещение, 1969. URL: https://studylib.ru/doc/180483/leont_ev-a.a.--yazyk--rech.--rechevaya-deyatel._nost._
- Миньяр-Белоручев 1980 – *Миньяр-Белоручев Р.К.* Общая теория перевода и устный перевод. Москва: Воениздат, 1980. 237 с. URL: <https://djvu.online/file/l0xM5hSGi3sTd>.
- Попович 1980 – *Попович Антон.* Проблемы художественного перевода. Москва: Высшая школа, 1980. 194 с. URL: <https://www.rulit.me/author/popovich-anton/problemy-hudozhestvennogo-perevoda-download-583074.html>.
- Семко, Рябов 1998 – *Семко С.А., Рябов Г.П.* О герменевтическом аспекте перевода // Информационно-коммуникативные аспекты перевода: Сб. науч. Трудов. Часть II. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1998. 113 с.
- Троицкая 2021 – *Троицкая Ю.В.* Дистанционное развитие коммуникативной компетенции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-70-76>. EDN: <https://elibrary.ru/gcunms>.
- Чернов 1987 – *Чернов Г.В.* Основы синхронного перевода. Москва: Высшая школа, 1987. 256 с. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=66928&object_type=pdf.
- Шевчук 2013 – *Шевчук В.Н.* Информационные технологии в переводе. Москва: Зебра Е, 2013. 384 с.

References

- Qian Ho 1994 – *Qian Ho* (1994) Looking at Interpretation from a Communicative Perspective. *Babel*, vol. 40, issue 4, pp. 214–221. DOI: <https://doi.org/10.1075/babel.40.4.04qia>.
- Snell-Hornby 1988 – *Snell-Hornby Mary* (1988) *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, pp. 39–40. Available at: <https://books.google.ru/books?id=KTNuIzvsxcgC&prints ec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
- Brandes 1988 – *Brandes M.P.* (1988) *Style and translation (based on the German language)*. Moscow: Vysshaya shkola, 130 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/brandes_stil_i_perevod_1988_text.pdf. (In Russ.)
- Gachechiladze 1980 – *Gachechiladze G.* (1980) *Literary translation and literary relationships*. Moscow: Sov. Pisatel', 255 p. (In Russ.)
- Zhinkin 1982 – *Zhinkin N.I.* (1982) *Speech as a conductor of information*. Moscow: Nauka, 273 p. Available at: https://archive.org/details/1982_20220420. (In Russ.)
- Kashkin 1968 – *Kashkin I.A.* (1968) False principle and unacceptable results. In: *For the contemporary reader*. Moscow, 385 p. Available at: https://4italka.su/dokumentalnaya_literatura_main/publitsistika/25856/fulltext.htm. (In Russ.)
- Kushnina 2012 – *Kushnina L.V.* (2012) Translation activity as a heuristic process. *Modern problems of science and education*, no. 6. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=7446>. (In Russ.)
- Levy 1974 – *Levy I.* (1974) *The Art of Translation. Translation from Czech*. Moscow: Progress, 398 p. Available at: https://vk.com/doc100551433_479033918?hash=D9HRCpJZWZrnEzkuKzVrCn9CiQvptwnlEL6b4z02OL0&dl=S4nSd sij5NvmsjxwZkDTAsR3VzZE11Z5DZ87PFjua8g. (In Russ.)
- Leontiev 1969 – *Leontiev A.A.* (1969) *Language, speech, speech activity*. Moscow: Prosveshchenie. Available at: https://studylib.ru/doc/180483/leont._ev-a.a.--yazyk--rech._--rehevaya-deyatel._nost._. (In Russ.)
- Minyar-Beloruhev 1980 – *Minyar-Beloruhev R.K.* (1980) *General translation theory and interpretation*. Moscow: Voenizdat, 237 p. Available at: <https://djvu.online/file/10xM5hSGi3sTd>.
- Popovich 1980 – *Popovich Anton* (1980) *Problems of literary translation*. Moscow: Vysshaya shkola, 194 p. Available at: <https://www.rulit.me/author/popovich-anton/problemy-hudozhestvennogo-perevoda-download-583074.html>. (In Russ.)
- Semko, Ryabov 1998 – *Semko S.A., Ryabov G.P.* (1998) On the hermeneutical aspect of translation. In: *Information and communication aspects of translation: collection of scientific works. Part II*. Nizhny Novgorod: NGLU im. N.A. Dobrolyubova, 113 p. (In Russ.)
- Troitskaya 2021 – *Troitskaya Yu.V.* (2021) Development of communicative competence through distance learning. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 70–76. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-70-76>. EDN: <https://elibrary.ru/gcunms>. (In Russ.)
- Chernov 1987 – *Chernov G.V.* (1987) *Fundamentals of simultaneous interpretation*. Moscow: Vysshaya shkola, 256 p. Available at: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=66928&object_type=pdf. (In Russ.)
- Shevchuk 2013 – *Shevchuk V.N.* (2013) *Information technology in translation*. Moscow: Zebra E, 384 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378

Дата поступления: 19.12.2022
рецензирования: 21.01.2023
принятия: 30.05.2023

Развитие технологий E-learning в смешанном обучении

М.Т. Акчурина

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: akchurina.maria@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5665-2361>

Аннотация: В данной статье представлен обзор технологий электронного обучения, отмечается результативность смешанного обучения по сравнению с традиционными методами преподавания. Приводятся результаты исследований, которые подтверждают эффективность смешанного обучения по сравнению с традиционными методами, а также новые технологии E-learning, которые могут значительно улучшить результаты обучения, отмечаются дидактические функции цифровых образовательных ресурсов. Материалы статьи будут полезны обучающимся, всем интересующимся новыми технологиями в образовании. В статье отмечается важность инновационных подходов к организации современного образования.

Ключевые слова: смешанное обучение; образовательный процесс; технология; гибкость; электронное обучение; методологические подходы; цифровые ресурсы.

Цитирование. Акчурина М.Т. Развитие технологий E-learning в смешанном обучении // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-83-86>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Акчурина М.Т., 2023

Мария Тимуровна Акчурина – старший преподаватель кафедры «Лингвистика и переводоведение», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 19.12.2022
Revised: 21.01.2023
Accepted: 30.05.2023

Development of E-learning technologies in blended learning

M.T. Akchurina

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: akchurina.maria@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5665-2361>

Abstract: This article provides an overview of e-learning technologies, highlights the effectiveness of blended learning compared to traditional teaching methods. The results of studies that confirm the effectiveness of blended learning compared to traditional methods are presented, as well as new E-learning technologies that can significantly improve learning outcomes, the didactic functions of digital educational resources are noted. The materials of the article will be useful to students who are interested in new technologies in education. The article notes the importance of innovative approaches to the organization of modern education.

Key words: blended learning; educational process; technology; flexibility; e-learning; methodological approaches; digital resources.

Citation. Akchurina M.T. Development of E-learning technologies in blended learning. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 83–86. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-83-86>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Akchurina M.T., 2023

Maria T. Akchurina – senior lecturer of the Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, 125993, Russian Federation.

Введение

Интеграция технологий в обучение вызвала большой интерес и предоставила множество возможностей для исследований. Смешанный режим обучения принят большинством учебных заведений в эпоху COVID-19, поскольку это настраивает

и гибкий метод, предполагающий как традиционные, так и электронные средства обучения. Преподавание по схеме Blended Learning предполагает чередование очных занятий и самостоятельной дистанционной подготовки студентов. При этом в обоих случаях преподавателем осу-

ществляется контроль полученных знаний и степень индивидуального усвоения материала. Одной из ключевых особенностей образовательного процесса сегодня является смешанное обучение, сочетающее классическое и цифровое обучение, создающее возможность эффективного усвоения учебного материала.

Основная часть

Смешанное обучение (англ. Blended Learning) стало популярным в связи с пандемией COVID-19, переходом на дистанционное обучение образовательных учреждений. Смешанное обучение сочетает традиционную очную форму обучения с онлайн-обучением, позволяя студентам получать доступ к учебным материалам и взаимодействовать с участниками образовательного процесса из любого места в любое время (Graham 2013).

Мировая практика свидетельствует о востребованности смешанного обучения в связи с активным развитием информационных технологий, перемещением интересов молодежи в интернет-пространство, совмещением учебы и работы, ростом интереса к получению второго и третьего образования без отрыва от основной трудовой деятельности. Одним из преимуществ смешанного обучения является его гибкость. Студенты могут работать в своем собственном темпе и по своему графику, что позволяет им сбалансировать свои учебные обязательства с другими обязанностями.

В сфере электронного обучения появился отдельный сектор со своим кругом задач и специалистами по созданию и использованию систем смешанного обучения. Смешанное обучение позволило преподавателям интегрировать в свои курсы более широкий спектр учебных инструментов и технологий. Преподаватели используют онлайн-платформы (Zoom, Webinar, Microsoft Teams, Google Meet), чтобы проводить виртуальные дискуссии в классе, создавать интерактивные онлайн-викторины, разрабатывать задания, чтобы поддерживать интерес студентов к учебному материалу.

Методика, предусматривающая дистанционные образовательные модули, во многом облегчает работу педагога по контролю уровня усвоения материала. Для сдачи экзамена, курсовой, ВКР, лабораторной, практической работы, отчета требуется провести работу в личном кабинете самостоятельно, на базе полученных знаний, зачастую в виде теста [Андреева 2018, с. 22]. Во многом облегчается информационно-методическая деятельность преподавателей: перечень тем ВКР, список литературы для самостоятельной подготовки, вопросы к экзамену рассылаются централизованно и в то же время персонализированно.

Качество смешанного обучения в первую очередь зависит от правильной постановки целей электронного обучения и от возможностей достичь этих целей с помощью конкретной системы дистанционного обучения (далее – СДО) с опорой на теорию обучения.

Наиболее популярной у преподавателей и разработчиков СДО является бихевиористская (по-

веденческая) теория обучения, в которой от учащегося ожидается четко определенная реакция на ту или иную ситуацию, а если она отклоняется от «нормы», то ставятся дополнительные условия (подкрепление), которые должны привести к ожидаемому результату [Воровщиков 2020, с. 158–160].

Несмотря на почти столетнюю историю успешного развития данной технологии, исследователи указывают на сложность создания тестов, проверяющих не столько наличие в памяти учащегося фактов, определений и правил, сколько умение выстраивать на их основе план решения предложенной задачи. Это противоречие может разрешается: в фазу электронного обучения выносятся тестовая проверка знаний, а преподаватель только измеряет уровень творческого потенциала учащегося. Чтобы полностью реализовать в фазе электронного обучения главную формулу поведенческой теории С–Р–П (Ситуация→Реакция→Подкрепление), к каждому тесту фазы, состоящему из «Ситуаций», нужно добавить «Подкрепление», а также правила ее предоставления в случае неудовлетворительных результатов тестирования (т. е. «Реакции») [Маторина, Нуриева 2020, с. 37]. Таким образом, создание модулей Ситуация→Реакция→Подкрепление является главной задачей СДО в рамках Blended Learning. Синергия образовательных технологий такого порядка интегрирует преимущества традиционного очного и дистанционного обучения, которые взаимно компенсируют недостатки друг друга своими неоспоримыми достоинствами [Райхлина, Громова, Колесов 2022].

В 2021 году ученые из Университета Стэнфорда провели исследование, в котором был использован новый метод обучения нейронных сетей, называемый смешанным обучением (mixup). В исследовании ученые использовали смешанное обучение для обучения нейронных сетей на изображениях рукописных цифр и получили результаты, которые превзошли результаты, полученные с помощью традиционных методов обучения.

Обнаружено, что смешанное обучение дает лучшие результаты, чем другие методы обучения, даже при использовании меньшего количества обучающих данных [Li, Yu, Szegedy, Baldi 2021, p. 1665]; оно может улучшать результаты обучения нейронных сетей на различных типах данных.

Цифровые образовательные ресурсы отличаются от традиционных бумажных носителей информации: им присущи свои отличительные черты.

Технологическими преимуществами цифровых образовательных ресурсов и их отличиями от традиционных носителей информации являются:

1) Неограниченные емкости для хранения данных в электронном виде: возможность предоставить студентам максимальный объем данных по изучаемой тематике для реализации их права на углубленное изучение предмета при возникновении в этом индивидуальной потребности, при этом доступ к данным не предполагает походов в

библиотеку и физического контакта с большим количеством бумажных источников;

2) Многообразие информационных форматов: текстовые данные могут интерактивно сопровождаться графикой, видео, музыкой;

3) Гипертекстовая структура представления информации (компактность данных обеспечивается иерархией уровней вложенности гипертекста, перекрестными ссылками, навигацией, поиском, фильтрами, контекстными подсказками);

4) Интерактивность (работа с текстом позволяет делать электронные пометки, копировать данные, формировать свои графические отчеты, визуализировать данные). Управление образовательным процессом автоматизируется (программное обеспечение онлайн оценивает качество прохождения теста, заносит данные в электронный журнал, уведомляет об оценке в личном кабинете студента, сообщает преподавателю о многократном непрохождении теста и проч.)

Преимущества цифровых образовательных технологий заключаются в том, что мультимедийность позволяет доносить материал визуализированно и максимально доходчиво; цифровая форма предполагает разноплановость форматов и, как следствие, вариативность; возможно интерактивное взаимодействие участников образовательного процесса с обучающей системой; происходит приспособляемость к быстро меняющейся технологической действительности, появляется возможность адаптировать учебный процесс гибко и оперативно под любую ситуацию и любого пользователя [Григорьева 2021, с. 35].

При этом дистанционные технологии, реализуемые современными инновационными и программными инструментами, впоследствии сохраняют приверженность классическим принципам фундаментального образовательного процесса (научность, наглядность, системность), выполняя новые дидактические функции цифровых образовательных ресурсов:

– многоформатность и мультимедийность (индивидуализацию материала с учетом личных способностей конкретного студента, наглядность благодаря визуализации, реалистичность процессов и объектов);

– интерактивный характер взаимодействия объекта и субъекта (сочетание линейного и нелинейного образовательного процесса, практику моделирования ситуаций благодаря реализованным функциям пользователя, направленным на изменения определенных форматов системы);

– вариативность и адаптируемость (доступ к образовательным ресурсам по запросу, возможность осознанного индивидуализированного выбора интересующего материала из многообразия совокупности вариантов, изучение материала в разноформатном представлении с возможностью его аналитики, дифференцированность образовательных модулей) [Монахов 2018, с. 40].

Избыточность и вариативность как формы, так и уровневости цифрового формата обучения (структурирование образовательного контента на

разных уровнях сложности и доступность для обучаемых в соответствии с их знаниями и умениями) позволяют характеризовать такой образовательный процесс как максимально ориентированный на удовлетворение интересов пользователей, их самообразование и индивидуализацию.

При выборе базовых ресурсов для реализации учебного курса представляется целесообразным комплексный подход, позволяющий использовать как готовые продукты, так и авторские педагогические наработки. При этом образовательные модули должны совершенствоваться, чтобы не отставать от общего уровня динамично развивающейся инновационной цифровой среды. Технология E-learning имеет особое преимущество:

– глобальность образовательной среды с неограниченным доступом к компетентным источникам информации профессиональной направленности;

– гибкость образовательной цифровой среды и ее инструментария, что позволяет студенту при помощи куратора / преподавателя настроить учебный модуль под свои возможности, соотнеся учебную программу со своими интересами и способностями в индивидуальном порядке, хотя и в рамках образовательного стандарта [Дементьева 2022; Козырева 2021];

– прозрачность и отсутствие коррупционной составляющей (алгоритм оценивания промежуточных и итоговых результатов испытаний понятен, однозначен и объективен, поскольку не зависит от человеческого фактора и личностных восприятий друг другом студента и педагога);

– контроль обучающих мероприятий через интерфейс СДО Moodle.

Однако смешанное обучение не является универсальным решением для всех образовательных учреждений и не подходит для всех типов учебных программ. Кроме того, необходимо учитывать, что при внедрении данной методики требуется инвестировать средства в соответствующее оборудование и обучение преподавателей.

Заключение

Преподаватель, задействованный в смешанном формате учебного процесса, должен не только понимать преимущества и слабые места E-learning, но и сам в совершенстве оперировать возможностями цифровых программных образовательных сред. Blended Learning становится все более популярным и эффективным методом обучения в современном мире. Ключевой фактор успеха данной методики в правильном балансе между традиционными методами преподавания и цифровыми технологиями. Цифровые технологии требуют ответственности обучаемых, самодисциплины и самоорганизации. Педагог становится наставником, при этом пополняя свой профессиональный багаж новыми знаниями и умениями работать в электронной среде. Учебная аудитория теряет территориальную очерченность и становится глобальной коммуникативно-образовательной средой.

Библиографический список

Graham 2013 – *Graham C.R.* Emerging practice and research in blended learning // M.G. Moore (Ed.) *Handbook of Distance Education*. 3rd ed. P. 333–350. New York, NY: Routledge, 2013. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203803738.CH21>.

Li, Yu, Szegedy, Baldi 2021 – *Li H., Yu E., Szegedy A., Baldi P.* Mixup: Beyond Empirical Risk Minimization // *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*. 2021. Vol. 32, issue 5. P. 1663–1677. DOI: <http://doi.org/10.1109/TNNLS.2020.3019723>.

Андреева 2018 – *Андреева Н.В.* Практика смешенного обучения: история одного эксперимента // *Психологическая наука и образование*. 2018. Т. 23, № 3. С. 20–28. DOI: <http://doi.org/10.17759/pse.2018230302>. EDN: <https://elibrary.ru/xrvhwh>.

Воровщиков 2020 – *Воровщиков С.Г.* В поиске метапредметности: опыт разработки концепции // *Народное образование*. 2020. № 6 (1483). С. 155–165. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2020-6/v-poiske-metapredmetnosti-opit-razrabotki-koncepcii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44691518>. EDN: <https://elibrary.ru/dzguol>.

Григорьева 2021 – *Григорьева И.В.* Развитие и внедрение технологии смешанного обучения (blended learning) и онлайн-обучения как важной составляющей цифровизации образования // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2021. № 3. С. 34–45. DOI: <http://doi.org/10.24411/2072-5833-2020-10080>. EDN: <https://elibrary.ru/ncjjns>.

Дементьева 2022 – *Дементьева А.С.* Понятие смешанного обучения, преимущества и некоторые сложности в его реализации // *Вопросы устойчивого развития общества*. 2022. № 3. С. 910–914. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48251242>. EDN: <https://elibrary.ru/upnetp>.

Козырева 2021 – *Козырева М.П.* Технология смешанного обучения (Blended Learning) иностранному языку студентов-филологов // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2021. Т. 27, № 1. С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-39-45>. EDN: <https://elibrary.ru/dhedth>.

Маторина, Нуриева 2020 – *Маторина И.Н., Нуриева Н.С.* Смешанное обучение как средство оптимизации образовательного процесса в вузе // *Актуальные проблемы современности: наука и общество*. 2020. № 3 (28). С. 36–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44198101>. EDN: <https://elibrary.ru/crlvxc>.

Монахов 2018 – *Монахов В.М.* О фундаментализации дидактики как науки в соответствии с требованиями цифрового общества // *Педагогика*. 2018. № 7. С. 34–42. URL: <http://pedagogika-rao.ru/journals/2018/07>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35303022>. EDN: <https://elibrary.ru/uuudvt>.

Райхлина, Громова, Колесов 2022 – *Райхлина А.В., Громова М.В., Колесов Р.В.* Комплексный подход к внедрению смешанного обучения в высшей школе // *Открытое образование*. 2022. Т. 26, № 4. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-4-55-65>.

References

Graham 2013 – *Graham C.R.* (2013). Emerging practice and research in blended learning. In: *M.G. Moore (Ed.) Handbook of Distance Education*, 3rd ed., pp. 333–350. New York, NY: Routledge. DOI: <http://doi.org/10.4324/9780203803738.CH21>.

Li, Yu, Szegedy, Baldi 2021 – *Li H., Yu E., Szegedy A., Baldi P.* (2021) Mixup: Beyond Empirical Risk Minimization. *IEEE Transactions on Neural Networks and Learning Systems*, 2021, vol. 32, issue 5, pp. 1663–1677. DOI: <http://doi.org/10.1109/TNNLS.2020.3019723>.

Andreyeva 2018 – *Andreyeva N.V.* (2018) Blended learning practice in Russia: the history of one experiment. *Psychological Science and Education*, vol. 23, no. 3, pp. 20–28. DOI: <http://doi.org/10.17759/pse.2018230302>. EDN: <https://elibrary.ru/xrvhwh>. (In Russ.)

Vorovschikov 2020 – *Vorovschikov S.G.* (2020) In search of metasubject: the experience of concept development. *Narodnoe obrazovanie = National Education*, no. 6 (1483), pp. 155–165. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2020-6/v-poiske-metapredmetnosti-opit-razrabotki-koncepcii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44691518>. EDN: <https://elibrary.ru/dzguol>. (In Russ.)

Grigorieva 2021 – *Grigorieva I.V.* (2021) Development and implementation of blended learning and online learning as an important component of the digitalization of education. *Herald of the University of Russian Academy of Education*, no. 3, pp. 34–45. DOI: <http://doi.org/10.24411/2072-5833-2020-10080>. EDN: <https://elibrary.ru/ncjjns>. (In Russ.)

Dementieva 2022 – *Dementieva A.S.* (2022) The concept of blended learning, its advantages, and some difficulties in its implementation. *Voprosy ustoychivogo razvitiya obshchestva*, no. 3, pp. 910–914. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48251242>. EDN: <https://elibrary.ru/upnetp>. (In Russ.)

Kozyreva 2021 – *Kozyreva M.P.* (2021) Blended learning technology for philology students' foreign language teaching. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 1, pp. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-1-39-45>. EDN: <https://elibrary.ru/dhedth>. (In Russ.)

Matorina, Nurieva 2020 – *Matorina I.N., Nurieva N.S.* (2020) Blended learning as a means of optimizing the educational process in higher education. *Actual issues of modern science and society*, no. 3 (28), pp. 36–39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44198101>. EDN: <https://elibrary.ru/crlvxc>. (In Russ.)

Monakhov 2018 – *Monakhov V.M.* (2018) Making didactics fundamental according to the demands made by digital society. *Pedagogika*, 2018, no. 7, pp. 34–42. Available at: <http://pedagogika-rao.ru/journals/2018/07>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=35303022>. EDN: <https://elibrary.ru/uuudvt>. (In Russ.)

Rajkhlina, Gromova, Kolesov 2022 – *Rajkhlina A.V., Gromova M.V., Kolesov R.V.* (2022) Integrated Approach to the Introduction of Blended Learning in Higher Education. *Open Education*, 2022, vol. 26, no. 4, pp. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.21686/1818-4243-2022-4-55-65>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 37.035.6

Дата поступления: 21.12.2022

рецензирования: 23.01.2023

принятия: 30.05.2023

**Лингвокультурные личностные проявления студентов
в поликультурной среде российских вузов****Е.Ю. Варламова**Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская ФедерацияE-mail: ev302@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9927-8827>

Аннотация: Перед российским вузом ставятся задачи по актуализации национальной самоидентификации и укреплению гражданской позиции личности. Лингвокультурная личность, вовлеченная в образовательный процесс российского вуза в поликультурной образовательной среде, подвергается воздействию этой среды и может приобретать как те качества, которые характеризуют ее как носителя своей национальной культуры, так и те особенности, которые типичны для носителей других (иноязычных) культур. Отмеченные факты обусловили выбор темы, проблема которой заключается в следующем: какие особенности проявляет личность как носитель родной национальной культуры и каким образом следует организовывать языковую подготовку студентов в условиях поликультурности с целью актуализации их национальной самоидентификации? В исследовании применялся комплекс методов: теоретические (анализ и синтез, систематизация) и эмпирические (анкетирование, обобщение опыта). Анализ теоретических исследований позволил определить особенности поликультурной образовательной среды, оказывающей влияние на становление лингвокультурной личности в вузе, формирование осознанной гражданской позиции студента и проявление им качеств, характеризующих личность как носителя родной национальной культуры. С учетом результатов, изложенных в научных работах, посвященных классификациям и описанию различных культур (в том числе культуры России и русской культуре), проведено анкетирование студентов московских вузов. Обобщение результатов анкетирования показало, что студенты проявляют как типичные, так и нетипичные качества носителей родной национальной культуры. На основе полученных эмпирических данных определены направления образовательной деятельности, реализуемой в рамках профессионального воспитания, обогащения содержания языковой подготовки, разработки технологических аспектов (поведенческих тактик и стратегий).

Ключевые слова: лингвокультурная личность; поликультурная среда; национальная культура; гражданская позиция; диалог культур; образовательная деятельность; профессиональная языковая подготовка.

Цитирование. Варламова Е.Ю. Лингвокультурные личностные проявления у студентов в поликультурной среде российских вузов // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 87–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-87-92>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Варламова Е.Ю., 2023

Елена Юрьевна Варламова – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры «Лингвистика и переводоведение», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 21.12.2022

Revised: 23.01.2023

Accepted: 30.05.2023

**Language-and-culture personal features of students in multicultural
environment of Russian universities****E.Yu. Varlamova**

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation

E-mail: ev302@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9927-8827>

Abstract: The purposes of educational activities at Russian universities include development of the students' national self-identity and influence on their personal civic citizenship. Being involved in the educational activities at a Russian university, a person is under the influence of multicultural environment. The language-and-culture personalities can be represented with both the qualities, which are typical for bearers of the host national culture, and the features that are typical for bearers of foreign cultures. The mentioned facts have led to the scientific theme with the following problem: what are the features which a person as a bearer of their host national culture possesses, and what are the directions of the foreign-language teaching of students in the multicultural environment, created for development of the personal national self-identity? The following groups of research methods have been applied: theoretical methods (analysis and synthesis, systematization) and empirical ones (questionnaire, generalization of experience). Based on the analysis of theoretical

studies we have determined the features of multicultural educational environment, influencing the language-and-culture personalities at a university, the students' civic citizenship and the qualities, which are typical for a bearer of the host national culture. Taking into account the results of scientific researches, devoted to the classifications and descriptions of cultures (including the Russian culture), we have conducted a survey with a questionnaire, in which the students of Moscow universities participated. The summarized results of the survey have confirmed that the students possess features, which are both typical of the bearers of the host native national culture and also ones that describe bearers of other (or foreign) cultures. The analysis of empirical data has made it possible to define the directions of educational activities, applied in professional up-bringing, realizing the content of foreign-language teaching, developing the technological issues (tactics and strategies of professional behavior).

Key words: language-and-culture personality; multicultural environment; national culture; civic citizenship; dialogue between cultures; educational activities; foreign-language teaching.

Citation. Varlamova E.Yu. Language-and-culture personal features of students in multicultural environment of Russian universities. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 87–92. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-87-92>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Varlamova E.Yu., 2023

Elena Yu. Varlamova – Doctor of Pedagogical Sciences, associate professor, professor of the Department of Linguistics and Translation Studies, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Введение

В условиях российской действительности языковая подготовка студентов организуется и осуществляется в поликультурной образовательной среде вуза. Данная среда оказывает свое влияние на становление личности каждого студента, вовлеченного в процесс языковой подготовки: иностранный язык в единстве с иноязычной культурой изучается на основе овладения родным языком и культурой – этнолингвокультурного опыта, предполагающего, что в качестве родной культуры может выступать как национальная, так и этническая культура личности. Образовательная деятельность осуществляется в условиях поликультурной образовательной среды, выступая фактором, актуализирующим принцип диалога культур:

1) с одной стороны, личность выступает в качестве лингвокультурной и с позиции гражданина своего государства проявляет те национальные черты, которые характеризуют ее осознанную гражданскую позицию в будущей профессиональной деятельности (в рамках профессиональных действий и поведения в интересах своей страны);

2) с другой стороны, под воздействием межкультурной коммуникации с участниками образовательного процесса в поликультурной среде вуза личность может не только обогащаться знаниями о других лингвокультурах и специфике носителей иноязычных культур, но и приобретать (заимствовать) те личностные качества, которые нетипичны для родной (национальной, этнической) культуры и ее носителей, так как характеризуют другую культуру.

В то же время в число задач образовательной деятельности любого российского вуза входят актуализация национальной самоидентификации каждого студента, сохранение и укрепление гражданской позиции личности. Таким образом, возникающее противоречие между потенциальным воздействием поликультурной образовательной среды вуза и нацеленностью образовательной политики на сохранение и укрепление личностных

качеств, характеризующих гражданскую позицию и лингвокультурность студента, обуславливают актуальность проблемы проявлений личности как носителя родной национальной культуры под влиянием поликультурной образовательной среды вуза. Целью данной работы является описание лингвокультурных личностных проявлений и определение направлений образовательной деятельности, связанной с применением технологии профессиональной языковой подготовки студентов. Ставились следующие задачи:

– охарактеризовать особенности поликультурной образовательной среды, оказывающей влияние на лингвокультурные проявления студентов вуза;

– провести анализ лингвокультурных проявлений студентов (на примере вузов Москвы) на основе сопоставления полученных данных с чертами, характеризующими российскую национальную культуру и ее носителей (граждан России);

– определить направления образовательной деятельности в ходе применения образовательной технологии для укрепления лингвокультурной национальной самоидентификации в профессиональной языковой подготовке; сформулировать выводы.

Применялись теоретические (анализ научных источников, систематизация, проектирование направлений образовательной деятельности) и эмпирические (анкетирование, обобщение опыта) методы.

Особенности поликультурной образовательной среды как фактора, воздействующего на личность студента

Под влиянием поликультурной среды студент приобретает и проявляет определенные качества, характеризующие его с позиции гражданина, носителя родной национальной культуры. Выявление особенностей поликультурной образовательной среды позволяет не только определять специфику личности студента, но и управлять влиянием этой

среды, ее воздействием на личность студента. Обратимся к данным особенностям на основе анализа накопленного научного и методического опыта, а также наблюдений за ходом профессиональной языковой подготовки студентов.

Вопросы поликультурной среды вуза представлены в работах исследователей в разных аспектах:

– ученые [Белозерцев 2008; Дмитренко 2021; Мардахаев 2016; Набок 2011] отмечают, что культурный характер образовательной среды, в единстве ее компонентов (исторического, духовно-нравственного, экзистенциального) предопределяет направленность рассматриваемой среды вуза на профессиональное, социальное и личностное развитие субъектов обучения;

– в работах исследователей (Борисова 2006; Гладких 2011; Жиров 2001; Панькин 2002) дифференцированы монокультурная и поликультурная среда как виды, в которых монокультурность с ее этнокультурным содержанием (иногда совпадающим с содержанием национальной культуры) выступает основой для развития поликультурности и реализации содержания различных иноязычных культур;

– отмечается, что в своих разнообразных проявлениях и видах (в том числе в цифровом формате) языковая образовательная среда выступает в качестве интегрированной (с интеграцией не только языка и культуры, но и различных культур между собой) [Меркиш 2021].

Обобщение изложенных положений позволило нам выделить значимые особенности создаваемой в вузе образовательной поликультурной среды, в которой реализуется языковая подготовка студентов.

1. *Комплексность лингвокультурного и профессионально направленного содержания* определяет ее ориентированность на овладение студентами профессиональным иностранным языком и культурой, профессиональными действиями, реализуемыми в будущей профессиональной деятельности с использованием иностранного языка. Отмеченная особенность поликультурной образовательной среды предполагает в своем содержании также информативность, которая выступает во взаимосвязи с культурой [Раицкая 2012, с. 70, 110, 124].

2. *Доминирование поликультурности образовательной среды при основополагающей роли факторов, характеризующих монокультурную среду*, предполагает последовательное изучение иностранного языка и иноязычной культуры личностью с опорой на ее этнолингвокультурный опыт по усвоению национальной культуры (этнокультуры), родного языка как показателя культуры.

3. *Диалогичность культурного содержания среды* обусловлена необходимостью опоры на принцип диалога культур, что определяет логику в построении содержания профессиональной языковой подготовки. Образовательный процесс становится ориентированным на осознание личностью сходств и различий в культурах на основе

сопоставления изучаемой иноязычной культуры с родной (национальной) культурой. Такая организация языковой подготовки студентов в вузе влияет на личностный рост, развивает способности личности учитывать особенности культур при осуществлении межкультурной коммуникации и профессиональной деятельности.

4. *Открытость и динамичность функционирования среды как системы* в зависимости от социокультурных процессов и явлений.

Отмеченные особенности поликультурной среды российского вуза обуславливают этнолингвокультурный опыт как основу для изучения личностью иностранного языка в процессе языковой подготовки; воздействием на содержание обучения (например, усиления значимости содержания национальной культуры в ее диалоге с иноязычной культурой) определяется возможность оказания образовательного влияния на гражданскую позицию студента.

С опорой на выделенные нами особенности динамично развивающейся поликультурной образовательной среды при обращении к проблемам языковой подготовки студентов в качестве основополагающего принято положение о том, что в условиях поликультурности гражданская позиция личности студента становится осознанной. Осознанность проявляется следующим образом:

– студент воспринимает иноязычные культуры как уникальные феномены, которые отличаются от родной культуры своими особенностями, так как каждая культура характеризуется своей уникальной спецификой;

– иностранный язык дифференцируется от родного (национального) и осознается как выразитель особенностей иноязычной культуры. Носители иностранного языка и иноязычной культуры воспринимаются студентом как субъекты, отличающиеся от субъектов родной нации чертами лингвокультурного и социального характера (проявляющимися в мировосприятии и мировоззрении, взглядах и суждениях, отношении к окружающему, поведении и др.).

На основе такого осознанного восприятия иностранного языка, иноязычных культур и их носителей в межкультурной и профессиональной коммуникации личность становится ориентированной на культуру социальной среды и культурные особенности субъектов этой среды, однако при этом сохраняет уникальную специфику личности как гражданина своего государства.

С позиции гражданина государства студент, во-первых, осознает свою принадлежность к определенной нации, свою причастность к культуре родной страны; во-вторых, средствами иностранного языка личность обогащается знаниями о родной национальной культуре, дифференцируя ее от иноязычной. В процессе усвоения учебного содержания на основе сформированного осознанного отношения к нациям и культурам личность идентифицирует себя с носителем национальной куль-

туры (гражданином своего государства) и выстраивает собственные взаимодействия с носителями других (иноязычных) культур и их носителями – гражданами других государств в профессиональной сфере, защищая интересы своей страны.

Итак, поликультурная среда воздействует на личность, и этим влиянием можно управлять. Осознанная гражданская позиция личности с проявлением ею качеств, характерных для носителей национальной культуры, проявляется при организованной образовательной деятельности, учитывающей специфику поликультурной образовательной среды, в которой происходит языковая подготовка студентов в вузе.

Результаты исследования

Анкетирование базировалось на разработанных зарубежными исследователями (Ф. Тромпенаарс и Ч. Хэмпден-Тернер, Э. Холл, Г. Хофстеде) классификациях культур [Hall 1981; Hofstede 2002; Trompenaars 2012], а также на основе отмеченных классификаций и выявленных Е.В. Воеводой особенностей, характеризующих русскую культуру: ее высокой контекстности, полихронности, коллективистской направленности, маскулинности, значительной дистанцированности от власти со стремлением избежать неопределенности [Воевода 2019, с. 49–50].

Для подтверждения отмеченных осознанных проявлений гражданской позиции было проведено анкетирование студентов, обучающихся в московских вузах: МГИМО, Академии труда и социальных отношений (АТиСО). Выборку составили 86 респондентов. Вопросы анкеты были сгруппированы в три блока:

– блок А – личная информация о студенте, с указанием родной культуры студента;

– блок В – утверждения на выражение согласия/несогласия с фактами, содержание которых отражает специфику поведения личности в ситуациях межкультурной коммуникации и при коммуникативных взаимодействиях с носителями иноязычных культур;

– блок С – утверждения описательного характера, основанные на обобщенных взглядах личности о качествах, присущих носителям своей национальной культуры.

Отметим вопросы, посредством которых выявлены проявления личности как носителя национальной культуры (то есть как гражданина государства):

– блок В («в иноязычной коммуникации я основываюсь на своих гражданских взглядах и позиции»; «в межкультурной коммуникации собеседникам обычно нетрудно догадаться о моей национальной принадлежности, так как я проявляю качества носителя культуры моего народа»);

– блок С («в межкультурной коммуникации носители культуры моего народа часто проявляют... (терпеливость/нетерпеливость, др.)»).

Анализ результатов анкетирования показал, что в исследованных группах большинство бака-

лавров – 83,15 % в МГИМО и 63,18 % в АТиСО – являются носителями русской культуры, преобладающего компонента российской национальной культуры. Участники исследования проявили следующие признаки русской культуры:

– высокий контекст (из общего числа носителей русской культуры подтверждено в 65,75 % ответах студентов МГИМО и 55 % – АТиСО. Признаки культуры низкого контекста проявились у 34,25 % в МГИМО и 45% в АТиСО у студентов, являющихся носителями русской культуры);

– полихронность (подтверждено в ответах 78,08 и 85 % участников МГИМО и АТиСО соответственно);

– коллективистская направленность (71,23 и 70 % респондентов-носителей русской культуры МГИМО и АТиСО соответственно);

– значительная дистанцированность от власти (97,75 % опрошенных студентов МГИМО и 90 % студентов АТиСО);

– маскулинность отмечена лишь у 24,65 % респондентов МГИМО и 45 % студентов АТиСО;

– как культура с высоким показателем стремления избежать неопределенности русская культура проявилась у 76,14 % студентов МГИМО и 85 % студентов АТиСО – носителей этой культуры.

Результаты анкетирования показывают, что студенты проявляют не все качества, которые характеризуют личность как носителя родной национальной культуры. Некоторые черты, которые проявили участники анкетирования, могут быть детерминированы фактором многонациональности России. Однако отметим, что высокая/низкая контекстуальность и маскулинность/феминность культуры были проявлены студентами недостаточно; культурные признаки полихронности, коллективистской направленности и стремления избежать неопределенности не оказались абсолютно доминирующими. Таким образом, имеется потенциал для организации воспитательной работы со студентами средствами ознакомления с особенностями национальной культуры средствами иностранного языка, актуализации и развития у студентов качеств, характерных для носителей национальной культуры.

Заключение

Анализ и обобщение результатов анкетирования студентов позволили сформулировать значимые положения, касающиеся реализации образовательных задач. В профессиональной языковой подготовке студентов организация и осуществление системной образовательной деятельности по актуализации качеств лингвокультурной личности как носителя родной национальной культуры являются важными, так как осознание специфики родной национальной культуры позволит личности:

– во-первых, осознать особенности иноязычной культуры и ее носителей путем их дифференцирования (на основе принципа диалога культур)

от родной национальной культуры и специфики носителей культуры своей нации;

– во-вторых, овладеть лингвокультурным содержанием и поведенческими техниками, которые будут способствовать актуализации и развитию качеств, свойственных носителям национальной культуры;

– в-третьих, на основе усвоения образовательного содержания осознанно идентифицировать, отождествить себя с группой людей, являющихся носителями родной национальной культуры, и проявить качества, присущие носителям культуры нации;

– в-четвертых, выстраивать логику и стратегию своего поведения в межкультурной и профессиональной коммуникации с учетом особенностей собеседников, но сохраняя свое национальное своеобразие и уникальную специфику личности как гражданина государства.

В результате исследования были определены следующие направления образовательной деятельности в ходе профессиональной языковой подготовки студентов:

– реализация концептуальной идеи профессионального воспитания студентов как граждан своей

страны: комплексное образовательное воздействие на когнитивную, сознательную и поведенческую сферы личности для решения задач по развитию качеств, позволяющих выпускнику вуза проявлять себя носителем национальной культуры, осознанной гражданской позиции в профессиональной иноязычной коммуникации;

– пересмотр образовательного содержания языковой подготовки и его наполнение лингвокультурными материалами, имеющими информативную, профессионально ориентированную и воспитательную значимость;

– разработка тактик и стратегий профессионально направленного поведения личности в профессиональной деятельности с позиции гражданина своей страны на основе проявления качеств, характеризующих личность как носителя национальной культуры.

Влияние поликультурной среды на личность и ее культурные проявления являются очевидным фактом. Воздействием этой среды на становление лингвокультурной личности можно управлять в ходе специальной организации образовательного процесса и реализации направлений профессионального воспитания.

Материалы исследования

Борисова 2006 – *Борисова У.С.* Этнокультурное образование: историко-социологический анализ: На материалах Республики Саха (Якутия): дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.06. Санкт-Петербург, 2006. 318 с.

Гладких 2011 – *Гладких В.В.* Гражданско-патриотическое воспитание молодежи в поликультурной среде вуза: системно-деятельностный подход: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05. Тамбов, 2011. 51 с.

Жиров 2001 – *Жиров М.С.* Региональная система сохранения и развития традиций народной художественной культуры: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.05. Москва, 2001. 486 с.

Панькин 2002 – *Панькин А.Б.* Проектирование национально-региональных образовательных систем на основе принципа этнокультурной коннотации: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Элиста, 2002. 343 с.

Библиографический список

Hall 1981 – *Hall E.T.* Beyond Culture. Garden City, NY: Anchor Books Editions, 1981. 298 p. URL: <https://archive.org/details/beyondculture0000hall>.

Hofstede 2002 – *Hofstede G.J.* Exploring Culture: Exercises, Stories and Synthetic Cultures. Yarmouth, Me.: Intercultural Press, 2002. 234 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=VvN8DAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Trompenaars 2012 – *Trompenaars A.* Riding the waves of culture: understanding diversity in modern business / by Fons Trompenaars and Charles Hampden-Turner. 3rd ed. London: McGraw Hill, 2012. 561 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=ixF9DAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Белозерцев 2008 – *Белозерцев Е.П.* Культурно-образовательная среда – миф или реальность, традиция или инновация // Гуманитарий: актуальные проблемы науки и образования. 2008. № 7. С. 182–189. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15515573>. EDN: <https://elibrary.ru/nbnsib>.

Воевода 2019 – *Воевода Е.В.* Профессиональная подготовка студентов международного профиля к межкультурной коммуникации: лингвосоциокультурные и психологические аспекты: монография. Москва: Перспектива, 2019. 198 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42674930>. EDN: <https://elibrary.ru/grevij>.

Дмитренко 2021 – *Дмитренко Т.А.* Инновационные тренды в системе языкового образования в XXI веке // Дискурс профессиональной коммуникации. 2021. Т. 3, № 4. С. 73–83. DOI: <http://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-73-83>. EDN: <https://elibrary.ru/oufyzn>.

Мардахаев 2016 – *Мардахаев Л.В.* Социальное здоровье подрастающего поколения и необходимость его формирования // Педагогическое образование и наука. 2016. № 5. С. 67–71. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27509667>. EDN: <https://elibrary.ru/xdzvtd>.

Меркиш 2021 – *Меркиш Н.Е.* Моделирование культурно-языковой среды как фактор подготовки специалистов к межкультурной коммуникации // Филологические науки в МГИМО. 2021. Т. 7, № 2 (26). С. 119–127. DOI: <http://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-119-127>. EDN: <https://elibrary.ru/dnezlu>.

Набок 2011 – *Набок И.Л.* Культурно-образовательная среда вуза как фактор модернизации педагогического образования // Вестник Герценовского университета. 2011. № 5. С. 15–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16461762>. EDN: <https://elibrary.ru/mmflmf>.

Раицкая 2012 – *Раицкая Л.К.* Самостоятельная учебно-познавательная деятельность в информационно-образовательной среде Интернет: дидактическая концепция: монография. Москва: МГОУ, 2012. 268 с. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18763265>. EDN: <https://elibrary.ru/pupncj>.

References

Hall 1981 – *Hall E.T.* (1981) *Beyond Culture*. Garden City, NY: Anchor Books Editions, 298 p. URL: <https://archive.org/details/beyondculture0000hall>.

Hofstede 2002 – *Hofstede G.J.* (2002) *Exploring Culture: Exercises, Stories and Synthetic Cultures*. Yarmouth, Me.: Intercultural Press, 234 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=VvN8DAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Trompenaars 2012 – *Trompenaars A.* (2012) *Riding the waves of culture: understanding diversity in modern business*. By Fons Trompenaars and Charles Hampden-Turner. 3rd ed. London: McGraw Hill, 561 p. URL: <https://books.google.ru/books?id=ixF9DAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Belozertsev 2008 – *Belozertsev E.P.* (2008) Cultural and educational space – myth or reality, tradition or innovation. *Humanitarian: actual problems of the humanities and education*, no. 7, pp. 182–189. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15515573>. EDN: <https://elibrary.ru/nbnsib>. (In Russ.)

Voevoda 2019 – *Voevoda E.V.* (2019) *Professional training of international students for intercultural communication: linguo-socio-cultural and psychological aspects: monograph*. Moscow: Perspektiva, 198 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42674930>. (In Russ.)

Dmitrenko 2021 – *Dmitrenko T.A.* (2021) Innovative trends in the system of Language Education in the XXIst Century. *Professional Discourse & Communication*, vol. 3, no. 4, pp. 73–83. DOI: <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2021-3-4-73-83>. EDN: <https://elibrary.ru/oufyzn>. (In Russ.)

Mardakhaev 2016 – *Mardakhaev L.V.* (2016) Social health of the younger generation and the necessity of its formation. *Pedagogical education and science*, no. 5, pp. 67–72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27509667>. EDN: <https://elibrary.ru/xdzvtd>. (In Russ.)

Merkish 2021 – *Merkish N.E.* (2021) Modeling cultural and language environment as a factor of preparing specialists for intercultural communication. *Linguistics & Polyglot Studies*, vol. 7, no. 2 (26), pp. 119–127. DOI: <http://doi.org/10.24833/2410-2423-2021-2-26-119-127>. EDN: <https://elibrary.ru/dnezlu>. (In Russ.)

Nabok 2011 – *Nabok I.L.* (2011) Cultural and educational environment of university as factor in modernization of pedagogical education. *Universum: Bulletin of Herzen University*, no. 5, pp. 15–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16461762>. EDN: <https://elibrary.ru/mmflmf>. (In Russ.)

Raitskaya 2012 – *Raitskaya L.K.* (2012) Independent educational and cognitive activity in information and educational space of the Internet: didactic concept: monograph. Moscow: MGOU, 268 p. Available at: <http://elibrary.ru/item.asp?id=18763265>. EDN: <https://elibrary.ru/pupncj>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.111.1

Дата поступления: 12.01.2023
рецензирования: 17.02.2023
принятия: 30.05.2023

Развитие навыков критического мышления студентов неязыковых специальностей

Н.Л. Журбенко

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: njurbenko@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5611-9850>

О.А. Шейпак

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: oasheypak@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1038-950X>

Г.Г. Артюшина

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: gartyushina@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9015-7869>

Е.В. Судилина

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет),
г. Москва, Российская Федерация
E-mail: hitechsun@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-1751>

Аннотация: Владение навыками критического мышления является таким же обязательным для современного молодого конкурентоспособного специалиста, выпускника нелингвистического вуза, как и умение вести профессиональную деятельность на иностранном языке и компьютерная грамотность. Отсутствие методик развития навыков критического мышления обуславливает актуальность исследований, связанных с разработкой методического обеспечения развития навыков критического мышления в ходе профессионально ориентированного иноязычного обучения в неязыковых вузах. Критическое мышление – это особый вид познавательной активности, которая тесно связана с применением практического разума и интеллекта. Это владение системой суждений, которая применяется для анализа явлений, информации и событий и позволяет давать обоснованные оценки и интерпретации, использовать экстраполяцию, делать выводы, а также корректно применять полученные результаты к различным ситуациям и решению конкретных проблем. Авторы предлагают рассматривать критическое мышление как совокупность навыков высказывать суждения, приводить доказательства, делать индуктивные умозаключения, делать дедуктивные умозаключения, силлогизмы, интерпретировать информацию, выдвигать гипотезы. Предполагается, что развитие каждого навыка в отдельности должно привести к формированию комплексного навыка критического мышления. Формирование и развитие вышеупомянутых навыков может быть интегрировано в обучение иностранным языкам в процессе подготовки технических специалистов в рамках формирования иноязычной коммуникативной компетенции. После тестирования, которое выявило уровень сформированности различных навыков, составляющих комплексный навык критического мышления, авторами был разработан комплекс упражнений, направленных на формирование и развитие навыков критического мышления. Апробация показала интерес студентов к новым типам упражнений на занятиях по иностранному языку. Результаты данной работы могут быть использованы в рамках обучения иностранным языкам в неязыковых вузах.

Ключевые слова: неязыковой вуз; профессионально ориентированный иностранный язык; коммуникативная компетенция; навыки критического мышления; суждение; индуктивное умозаключение; силлогизм; интерпретация информации.

Цитирование. Журбенко Н.Л., Шейпак О.А., Артюшина Г.Г., Судилина Е.В. Развитие навыков критического мышления студентов неязыковых специальностей // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 93–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-93-98>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Журбенко Н.Л., Шейпак О.А., Артюшина Г.Г., Судилина Е.В., 2023

Наталья Леонидовна Журбенко – кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Иностранный язык для технологических специальностей», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Ольга Анатольевна Шейпак – кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранный язык для технологических специальностей», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Галина Георгиевна Артюшина – кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранный язык для технологических специальностей», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Елена Владимировна Судилина – старший преподаватель кафедры «Иностранный язык для технологических специальностей», Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), 125993, Российская Федерация, г. Москва, Волоколамское шоссе, 4.

Development of critical thinking skills of students of non-linguistic specialties

N.L. Zhurbenko

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: njurbenko@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5611-9850>

O.A. Sheypak

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: oasheypak@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-1038-950X>

G.G. Artyushina

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: gartyushina@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9015-7869>

E.V. Sudilina

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation
E-mail: hitechsun@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-9894-1751>

Abstract: Critical thinking skills are as mandatory for a modern young competitive specialist, a graduate of a non-linguistic university, as the ability to conduct professional activities in a foreign language and computer literacy. The lack of critical thinking skills development methods determines the relevance of the research related to the development of methodological support of the critical thinking skills development in the framework of professionally oriented foreign-language education/ESP teaching in non-linguistic universities. Critical thinking is a special kind of cognitive activity that is closely related to the use of practical reasoning and intelligence. This is the possession of a system of assumptions that is used to analyze phenomena, information and events, and allows you to make grounded assessments and interpretations, to use extrapolation, to draw conclusions, and to correctly apply the obtained results to various situations and solve specific problems. The authors propose to consider critical thinking as a set of skills such as making assumptions, analyzing arguments, drawing inferences, deduction, interpreting information and making hypotheses. We assume that the development of each skill separately should lead to the formation of a complex skill of critical thinking. The formation of the development of the above-mentioned skills can be integrated into the foreign languages teaching in the process of training technical specialists, as part of the formation of foreign language communicative competence. After testing, which revealed the level of formation of various skills that make up the complex skill of critical thinking, the authors developed a set of exercises aimed at the formation and development of critical thinking skills. The approbation showed students' interest in new types of exercises in foreign language classes. The results of this work can be used in the framework of teaching foreign languages (ESP) in non-linguistic universities.

Key words: non-linguistic university; English for Specific Purposes; communicative competence; critical thinking skills; assumption; inference; syllogism; interpretation of information.

Citation. Zhurbenko N.L., Sheypak O.A., Artyushina G.G., Sudilina E.V. Development of critical thinking skills of students of non-linguistic specialties. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 93–98. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-93-98>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Zhurbenko N.L., Sheypak O.A., Artyushina G.G., Sudilina E.V., 2023

Natalia L. Zhurbenko – Candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Foreign language for technological specialties, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Olga A. Sheypak – Candidate of Biological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Foreign language for technological specialties, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Galina G. Artyushina – Candidate of Chemical Sciences, associate professor, the Chair of the Department of Foreign language for technological specialties, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Evena V. Sudilina – senior lecturer of the Department of Foreign language for technological specialties, Moscow Aviation Institute (National Research University), 4, Volokolamskoe shosse, Moscow, 125993, Russian Federation.

Введение

В XXI веке с развитием науки и технологий, что происходит достаточно быстро, «гибкие» навыки приобретают все более значимую роль. Чтобы человеку преуспеть, помимо обладания знаниями в своей узкой специализированной области, необходимо подстраиваться под постоянно меняющийся, развивающийся мир с его быстрым ритмом, а также с большим объемом информа-

ции, с которым современный человек сталкивается ежедневно. Сейчас востребованными становятся такие навыки, как умение обрабатывать информацию, оценивать ее, делать правильные выводы, принимать решения, выдвигать новые идеи, четко аргументировать свою позицию по какому-либо вопросу, смотреть на ситуацию с разных сторон, то есть подходить к ней объективно, критически. Парадокс заключается в том,

что у студентов отсутствуют навыки критического мышления.

Этот термин применительно к образованию впервые использовал в 1910 году американский философ-педагог Джон Дьюи в книге «Как мы думаем» (How We Think), в которой изложил пятиступенчатую процедуру решения жизненных или профессиональных проблем с помощью эффективного мышления, но при этом автор термина не дает в своей книге определение новому термину [Dewey 1910].

Очевидно, что социальный заказ общества на конкурентоспособных специалистов, способных вести профессиональную деятельность на иностранном языке и обладающих навыками критического мышления, предполагает разработку и внедрение методического обеспечения процесса развития навыков критического мышления у студентов лингвистических вузов в рамках преподавания гуманитарных дисциплин.

Целью нашего исследования стало внедрение в процесс обучения средств развития навыков критического мышления. Соответственно цели были поставлены следующие задачи: анализ навыков, которые составляют понятие «навыки критического мышления»; тестирование уровня сформированности выделенных навыков критического мышления; создание системы упражнений на развитие выделенных навыков критического мышления.

Определение понятия «критическое мышление»

Понятие «критическое мышление» включает много различных параметров как особый вид познавательной активности. Это владение системой суждений, которая применяется для анализа явлений, информации и событий, позволяющая давать обоснованные оценки и интерпретации, использовать экстраполяцию, делать выводы, а также корректно применять полученные результаты к различным ситуациям и решению конкретных проблем. Следовательно, человек, который умеет критически мыслить, должен: быть открыт для любых альтернативных предложений своей точки зрения; проявлять интерес к новой информации, быть информированным и при этом разбираться в том, каким источникам информации доверять, а каким – нет; отличать следствия от причин, а предположения от фактов; уметь оценивать качество высказывания и обоснованность приводимых аргументов; уметь приводить свои аргументы и опровергать аргументы оппонентов в соответствующем контексте; делать заключения, но не безапелляционно.

Согласно определению Халперн [Halpern 2013], критическое мышление – это направленное мышление, которое отличается логичностью и целенаправленностью. Отличительной чертой данного мышления является использование определенных навыков, умений и стратегий, приводящих к логически обоснованному суждению после честной

оценки альтернативных доводов с учетом имеющихся доказательств и аргументов.

Данное определение стало основой интерпретации термина «критическое мышление» в рамках нашего исследования, которое подразумевает развитие таких навыков, как: высказывание суждения, приведение доказательства, индуктивные умозаключения, дедуктивные умозаключения, силлогизмы, интерпретирование информации, выдвижение гипотезы. Предполагаем, что овладение всеми навыками, включенными в комплексное понятие «навыки критического мышления», требует разработки упражнений для их развития.

Результаты исследования

Для определения уровня сформированности различных навыков критического мышления была использована система, предложенная платформой AssessmentDay (<https://www.assessmentday.co.uk/watson-glaser-critical-thinking.htm>). Важным ограничением, учитывая язык тестирования – английский, явился уровень сформированности языковых умений. Уровень сформированности языковых умений определялся по шкале Европейской системы уровней владения иностранным языком и не мог быть менее B1 у студентов, участвующих в исследовании. Всего в исследовании приняли участие 20 студентов (бакалавриат, специалитет, магистратура), гендерная принадлежность и возраст не учитывались. Тестирование проводилось не для получения статистических данных, а с целью разработки индивидуальной траектории обучения для конкретного студента.

Приведем пример результатов тестирования отдельных студентов: бакалавр закончил школу с углубленным изучением иностранного языка, однако допускает много ошибок в лексике и грамматике; уровень владения языком B1; переоценивает свои умения и возможности во владении иностранным языком; навыки высказывания суждения и приведения доказательства развиты менее других. В рамках индивидуальной траектории обучения иностранному языку студенту будут предложены упражнения для развития «слабых» навыков.

Студент учится в магистратуре; у студента достаточно высокий уровень знаний английского языка (B2); он легко выполняет задания, связанные с разговорной речью. Есть понимание того, что представляет собой критическое мышление. Ниже развит навык интерпретации информации при высоком уровне сформированности навыка построения дедуктивных умозаключений.

При анализе полученных результатов тестирования студентов бакалавриата, магистратуры и специалитета пришли к следующим выводам:

– развитие навыков критического мышления не носит линейный характер «от простого к сложному», умение строить дедуктивные умозаключения не приводит автоматически к облегчению задачи овладения навыками построения индуктивных умозаключений;

– у каждого студента, вне зависимости от специальности, уровня образования, уровня сформированности языковых умений, навыки критического мышления развиты в разном объеме. Следовательно, применение разработанной системы упражнений в первую очередь необходимо апробировать и применять в рамках технологии создания индивидуальной траектории обучения;

– не была выявлена корреляция уровня сформированности навыков критического мышления с уровнем сформированности иноязычных языковых умений.

Развитие навыков критического мышления

Преподаватели Самарского государственного технического университета Н.С. Евстропова и Х.А. Шайхутдинова [Евстропова, Шайхутдинова 2018, с. 90–92] в поисках эффективной инновационной технологии предлагают использовать в образовательном процессе по иностранному языку таксономию педагогических целей американского ученого Блума [Bloom 1956], созданную им в 1956 году. Таксономия включает в себя шесть навыков мышления, необходимых для научно-исследовательской деятельности, начиная от базового до самого продвинутого уровня: 1 – знание; 2 – понимание; 3 – применение; 4 – анализ; 5 – синтез и 6 – оценка. Несмотря на то что таксономия Б. Блума подвергалась изменениям с учетом современных требований, она и сегодня успешно применяется в различных областях учебного процесса. Применительно к методике преподавания иностранного языка исследователи предлагают такую организацию учебной деятельности, в которой каждый последующий шаг сложнее предыдущего и требует выполнения более сложных когнитивных функций. Авторы разработали упражнения на развитие критического мышления, используя шесть последовательных категорий заданий: Remember – Understand – Apply – Analyze – Evaluate – Create. Использование этой авторской технологии позволило студентам через два года повысить языковой уровень с B1 до C1.

Исследователи отмечают важность развития критического мышления [Лукьянова, Гмызина, Старостина 2019; Корсакова, Попадина 2020], поскольку оно способствует лучшему освоению иностранного языка. Для этого применяется модель «Вызов – Осмысление – Рефлексия». Итак, преподаватели применяют различные методы на каждой из трех ступеней.

На этапе «Вызов» активизируются имеющиеся у студентов знания по теме, а также они мотивируются на ее изучение. На данном этапе студенты могут сформулировать свою точку зрения по вопросу, причем каждое мнение является ценным и не существует понятия «правильное» и «неправильное» мнение. Для этого используются следующие методы и подходы: кластеры, ассоциации, prediction [Лукьянова, Гмызина, Старостина 2019], PBL (problem based learning)-подход [Соснина,

Старостина 2019]. Отмечается [Корсакова, Попадина 2020] особая роль преподавателя на данном этапе.

На этапе «Осмысление» студенты получают, осмысливают и прорабатывают новую информацию, соотнося ее со своими уже имеющимися знаниями. Они осваивают [Лукьянова, Гмызина, Старостина 2019] ментальные карты, диаграммы связей, fish bone и мозговой штурм. Некоторые авторы предлагают для развития навыков критического мышления решить задачу, или кейс, по теме [Соснина, Старостина 2019]. Следует отметить, что на данном этапе весьма полезны различные методы визуализации, позволяющие максимально эффективно обработать новую информацию, проанализировать ее, оценить, выявить взаимосвязи между объектами и структурировать ее.

На этапе «Рефлексия» происходит осмысление полученной информации, проясняется ее смысл, студенты соотносят информацию изначальную, которой они обладали на первом этапе, с информацией, полученной на втором этапе («Осмысление») и формируют новые представления по данному вопросу, опираясь на новые полученные знания. На данном этапе происходят критическое осмысление своих собственных суждений, формирование своей позиции по поставленному вопросу. Он нацелен на формирование творческих навыков [Корсакова, Попадина 2020] следующими методами: дискуссией, эссе, контрастивными таблицами выводов, презентацией своего решения, критикой чужих решений, мозговым штурмом, многоуровневой каскадной картой знаний [Лукьянова, Гмызина, Старостина 2019].

Для развития критического мышления в процессе обучения иностранному языку предлагается следующее [Галивец, Иванова 2019]: парное общение для развития коммуникативных навыков; краткое сочинение, чтобы структурировать полученную информацию, а также оценить внимательность студентов; мозговой штурм для более глубокой проработки темы. Отмечается важная роль преподавателя в процессе овладения студентами навыком критического мышления [Галивец, Иванова 2019]. Все авторы утверждают, что критическое мышление развивается в творчестве.

В ходе исследования критическое мышление рассматривалось как совокупность навыков. Подразумевалось, что развитие каждого навыка отдельно должно привести к формированию комплексного навыка критического мышления. Применялись иноязычные упражнения на основе профессионально ориентированной лексики (исследование проводилось с участием студентов, обучающихся по специальностям: материалovedение, энергосервис и управление энергоресурсами, инноватика, – а также по специальностям, связанным с авиастроением, уровень сформированности языковых умений B1–B2).

Комплекс заданий включал в себя упражнения на развитие навыков: работы с понятием; выска-

звания суждения приведения доказательства; индуктивного и дедуктивного умозаключений; интерпретирования информации, выдвижения гипотезы.

Применялись упражнения на развитие навыков работы с понятием: обобщение понятий; различие родовых и видовых понятий; идентификация собирательных понятий; понимание взаимоотношений между понятиями (тождественность, синонимия, антонимия); понимание соотношения объемов понятий (синонимия, паронимия).

Упражнения могут быть использованы на этапе введения новой лексики, отработки лексики урока в рамках аудиторной работы и в ходе самостоятельной работы. Упражнения для отработки понимания тождественности или нетождественности могут быть представлены не только на уровне понятия (слова или словосочетания), но и на уровне предложения, абзаца.

Использовались упражнения, развивающие навык высказывания суждения: на основе одного небольшого текста формулировалось несколько суждений (мысль утверждающая или отрицающая что-либо); студенту предлагалось ответить, может ли конкретное суждение быть сделано на основе имеющейся в тексте информации; на основе одного небольшого текста формулировалось несколько суждений; студенту предлагалось ответить, может ли конкретное суждение быть сделано на основе имеющейся в тексте информации, если среди суждений есть факты объективной действительности, однако информации о них в тексте нет.

Упражнения, развивающие навык приведения доказательства, анализа аргументов, включали: перифраз предложения; поиск разницы в двух представленных предложениях; поиск разницы в двух представленных переводах одного и того же иноязычного высказывания; подтверждение аргументом высказывания.

Упражнения, развивающие навык индуктивного умозаключения, включали: умозаключение по аналогии, оценку истинности умозаключения; указание на возможность сделать умозаключение полной/неполной индукции.

Упражнения, развивающие навык дедуктивного умозаключения, содержали: силлогизмы от общих положений к частным выводам: дедуктивное умозаключение на основе предлагаемых утверждений; оценку истинности предлагаемых утверждений, возможности на их основе дедуктивного умозаключения и возможности силлогизма на основе данного утверждения; поиск ошибки в предложенном дедуктивном умозаключении.

Упражнения, развивающие навык интерпретирования информации, выдвижения гипотезы: на основе текста, описывающего проблему, требуется сформулировать эту проблему; на основе текста, описывающего проблему и пути решения, требуется сформулировать гипотезу исследования.

Представленные типы упражнений можно использовать изолированно или в комплексе. В рамках нашего исследования мы использовали профессионально ориентированную лексику для реализации упражнений.

Заключение

В результате проведенного нами исследования пришли к выводу, что развитие навыков критического мышления не носит линейный характер и не зависит от уровня сформированности иноязычных умений. Предложенная нами система упражнений может быть использована для создания индивидуальной траектории обучения.

Доказана необходимость разработки теста на определение уровня сформированности навыков критического мышления, который позволял бы в более короткое время приходиться к выводам (тест, который использовался в рамках исследования, занимал более 60 минут). Следует проверить отсутствие связи между уровнем сформированности умений критического мышления и уровнем сформированности языковых умений не только второго, иностранного языка, но и родного языка, вероятно, путем привлечения к исследованию больших групп студентов. Одним из перспективных направлений создания методического обеспечения для развития навыков критического мышления может быть создание методического обеспечения для всех уровней языковой компетентности.

Библиографический список

- Bloom 1956 – Bloom S.B. The Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals, Handbook I: Cognitive Domain. New York: David McKay Company, 1956. 207 p. URL: https://www.ifeet.org/files/-Benjamin_S._Bloom-_Taxonomy_of_Educational_Object.pdf.
- Dewey 1910 – Dewey J. How we think. Chicago: D.C Heath & Co Publishers, 1910. URL: <https://bef632.files.wordpress.com/2015/09/dewey-how-we-think.pdf>.
- Halpern 2013 – Halpern J. Defining critical thinking // Literature Review on critical thinking and its instructional approaches. London, 2013.
- Галивец, Иванова 2019 – Галивец И.Н., Иванова О.В. Критическое мышление как средство коммуникации на занятиях иностранного языка // Цивилизация знаний: российские реалии: труды XX Международной научной конференции, Москва, 19–20 апреля 2019 года. Москва: Российский новый университет, 2019. С. 733–737. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41262342>. EDN: <https://elibrary.ru/ebyuur>.

Евстропова, Шайхутдинова 2018 – *Евстропова Н.С., Шайхутдинова Х.А.* Развитие критического мышления в процессе самостоятельной работы по английскому языку студентов технического вуза // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2018. № 2. С. 89–100. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35289124>. DOI: 10.18384/2310-7219-2018-2-89-100.

Корсакова, Попадина 2020 – *Корсакова Г.Г., Попадина Ж.П.* Использование технологии развития критического мышления в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 5. С. 687–692 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44122666>. EDN: <https://elibrary.ru/wkqcen>.

Лукьянова, Гмызина, Старостина 2019 – *Лукьянова М.И., Гмызина Г.Н., Старостина Н.Н.* Развитие критического мышления студентов в процессе изучения иностранного языка // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2019. Т. 8, № 2. С. 104–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39209008>. EDN: <https://elibrary.ru/upcfkr>. DOI: <http://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-104-112>.

Соснина, Старостина 2019 – *Соснина Е.П., Старостина Н.Н.* О влиянии критического мышления на качество освоения иностранного языка для специальных целей // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2019. Т. 21, № 67. С. 29–37 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39545142>. EDN: <https://elibrary.ru/ioipzu>.

References

Bloom 1956 – Bloom S.B. (1956) *The Taxonomy of Educational Objectives: The Classification of Educational Goals, Handbook I: Cognitive Domain*. New York: David McKay Company, 207 p. Available at: https://www.ifect.org/files/-Benjamin_S._Bloom-_Taxonomy_of_Educational_Object.pdf.

Dewey 1910 – *Dewey J.* (1910) *How we think*. Chicago: D.C Heath & Co Publishers. Available at: <https://bef632.files.wordpress.com/2015/09/dewey-how-we-think.pdf>.

Halpern 2013 – *Halpern J.* (2013) *Defining critical thinking*. In: *Literature Review on critical thinking and its instructional approaches*. London.

Galivets, Ivanova 2019 – *Galivets I.N., Ivanova O.V.* (2019) *Critical thinking as a means of communication in foreign language lessons*. In: *Civilization of knowledge: Russian realities: Proceedings of the XX International scientific conference, Moscow, April 19–20*. Moscow: Russian New University, 2019, pp. 733–737. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41262342>. EDN: <https://elibrary.ru/ebyuur>. (In Russ.)

Evstropova, Shaykhutdinova 2018 – *Evstropova N., Shaykhutdinova Kh.* (2018) *Development of the critical thinking skills in the course of students' individual work in English at a technical university*. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, no. 2, pp. 89–100. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35289124>. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-7219-2018-2-89-100>. EDN: <https://elibrary.ru/xtuktz>. (In Russ.)

Korsakova, Popadina 2020 – *Korsakova G.G., Popadina J.P.* (2020) *The use of technology for the development of critical thinking in the process of teaching a foreign language in a non-linguistic university*. *Pedagogy. Questions of theory and practice*, vol. 5, no. 5, pp. 687–692. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44122666>. EDN: <https://elibrary.ru/wkqcen>. (In Russ.)

Lukyanova, Gmyzina, Starostina 2019 – *Lukyanova M.I., Gmyzina G.N., Starostina N.N.* (2019) *Development of critical thinking of students in the process of learning a foreign language*. *Proceedings of the Saratov University. A new series. Series: Acmeology of Education. Psychology of development*, vol. 8, no. 2, pp. 104–112. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39209008>. EDN: <https://elibrary.ru/upcfkr>. DOI: <http://doi.org/10.18500/2304-9790-2019-8-2-104-112>. (In Russ.)

Sosnina, Starostina 2019 – *Sosnina E. P., Starostina N. N.* (2019) *On the influence of critical thinking on the quality of learning a foreign language for special purposes*. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, medical and biological sciences*, vol. 21, no. 67, pp. 29–37. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39545142>. EDN: <https://elibrary.ru/ioipzu>. (In Russ.)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

DOI: 10.18287/2542-0445-2023-29-2-99-106

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 14.02.2023
рецензирования: 17.03.2023
принятия: 30.05.2023

Новый риторический формат жанра университетской лекции

С.В. Дечева

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: dechevasv@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5612-1782>

Д.Д. Аристова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: daria.aristova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2297-9198>

Аннотация: Цель статьи – исследовать, как в новых условиях функционирования английского языка меняется и прежний фоностилистический формат жанра университетской лекции. В центре внимания оказывается вопрос о риторическом разнообразии интеллективного общения в поликультурном англоговорящем сообществе. Материал убедительно свидетельствует о том, что лидирующие позиции американского варианта во многих сферах языкового общения в жанре лекции вытесняются и подавляются лингвокультурными стереотипами передачи знания в том или ином национальном коллективе. В британском варианте всевозможные проявления американского влияния немногочисленны и в основном прослеживаются во вступительной и заключительной частях лекции, а также в случае разного рода отступлений, иллюстрирующих ключевые идеи говорящего. На первый план нередко выходят в целом присущие британским англофонам средства недосказанности или хеджирования, позволяющие избежать прямолинейности и дидактики в процессе передачи знания и придать научному общению в университетской среде сниженную тональность. В основной части лекции наблюдается перераспределение просодических параметров, позволяющее как приспособить речь к ожиданиям целевой аудитории, так и сохранить общую установку на информативность и ясность изложения. Становится очевидным, что для русскоговорящих филологов-англистов целесообразно пополнение и обновление предложенных ранее риторического и просодического минимумов за счет особенностей еще одного – искусственного – фонетического стиля, который соответствует новым веяниям в научном общении и в то же время позволяет продуктивно использовать его в профессиональных целях.

Ключевые слова: фоностилистический формат; риторика интеллективного общения; лингвокультурные стереотипы научного общения; искусственный стиль произношения; британская лекция.

Цитирование. Дечева С.В., Аристова Д.Д. Новый риторический формат жанра университетской лекции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 99–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-99-106>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Дечева С.В., Аристова Д.Д., 2023

Светлана Владимировна Дечева – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Дарья Дмитриевна Аристова – аспирант кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.02.2023
Revised: 17.03.2023
Accepted: 30.05.2023

A new format of the rhetoric of university lecturing

S.V. Decheva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: dechevasv@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5612-1782>

D.D. Aristova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: daria.aristova@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2297-9198>

Abstract: This article is meant to highlight the latest changes in the phonostylistic format of the genre of university lecturing. The focus is on the rhetorically diverse nature of intellectual communication in the present-day multicultural English-speaking community. Our material shows that the manifestations of the innovative tendencies in American public speaking (and scientific discourse at large) are not numerous in British academic English. Not infrequently they are ousted by the linguocultural stereotypes, as well as aesthetic and ethical principles of scientific communication established in their own linguistic community. It is only in the opening and the closing part of the lecture, as well as in all kind of illustrative or explanatory digressions in its Main Body, that the American influence can be more or less clearly observed. More often than not, typically British English manner of exposition, such as understatement or hedging, comes to the fore and plays the major part in the transfer to the new, friendly and unbuttoned mode of the genre of lecturing. There are all kind of prosodic transformations in the main part of the lecture, which enable the speaker to accommodate and satisfy the tastes and demands of the new generation of university audience. This, however, is by no means to the detriment of the scientific message or information, which any lecture by definition, as it were, is designed to impart. It transpires that the well-established requirements of the prosodic and rhetorical minimums, which Russian anglicists have so far adhered to, should also be replenished, reorganized and renovated with respect to the new requisites for scientific communication in the English-speaking world. The methodology of the learner-oriented English language acquisition, however, should remain undisturbed, and the traditional stereotypes of the genre of lecturing should be reckoned with to fit the ethics of academic discourse in this country.

Key words: phonostylistics; rhetoric of intellectual communication; linguocultural stereotypes of academic discourse; artificial pronunciation; British lecture.

Citation. Decheva S.V., Aristova D.D. A new format of the rhetoric of university lecturing. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 99–106. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-99-106>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Decheva S.V., Aristova D.D., 2023

Svetlana V. Decheva – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Daria D. Aristova – postgraduate student, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Стремительное развитие наукоемких технологий на протяжении последних нескольких десятилетий предоставляет пользователям языка неограниченные возможности для осуществления общения в различных коммуникативных целях. Расширяются профессиональные контакты и возрастает потребность как в обмене специальными знаниями, так и оптимизации процесса межкультурной коммуникации в целом.

Неудивительно, что наблюдается и повышенный интерес к английскому языку, которому в настоящее время в научном взаимодействии, как правило, отводится ведущая роль. В центре внимания оказывается способность участников речевого акта к выбору и организации различных языковых средств, позволяющих не только успешно передавать, но и правильно воспринимать адресованное им сообщение или более общее содержание-намерение высказывания (rnpport).

Необходимо подчеркнуть в этой связи, что в университетском образовании несомненные преимущества и методологическая целесообразность обучения языку в специальных целях (Language for Special Purposes) уже получили в литературе вопроса настолько глубокое и всестороннее разъяснение и обоснование [Akhmanova, Idzelis 1973], что сегодня они принимаются безоговорочно и не вызывают ни тени сомнения.

Тем не менее последние исследования в области когнитивной лингвистики и научного дискурса, корпусного анализа и коммуникативистики [Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017; Гвишиани 2015; Назарова 2022] свидетельствуют о

том, что и в наши дни данная проблематика все еще остается в поле зрения специалистов и приобретает несвойственное ей прежде звучание. Раскрываются ранее не учтенные ее грани, связанные с коммуникативными предпочтениями и лингвокультурными реалиями сегодняшнего дня.

Так, основной упор делается на происходящие в устной форме речи фоностилистические изменения [Дечева, Копанева 2021; Магидова 2015; Фрейдина 2019] и риторические преобразования в интеллектуальном общении и, главным образом, таких наиболее важных для филологической специальности категориях текста, как жанр университетской лекции. Считается, что важно не только быть в курсе последних веяний в фонационном оформлении научной речи, но и сознательно перестраивать и пополнять лекционный формат с учетом привычных для поликультурного академического сообщества этических и эстетических стереотипов выступления с университетской лекцией.

Поясним сказанное. Дело в том, что наличие центрального (или единого) для всех пользующихся английским языком коммуникативного ядра (Lingua Franca Core) [Jenkins, Leung 2014], включающего в себя наиболее существенные для образованных британских и американских англофонов произносительные характеристики, никоим образом не гарантирует единообразия в типичной для различных национальных коллективов риторической организации лекции. Их представления о передаче знания в академической среде во многом основываются на их собственных лингвокультурных особенностях научного взаимодействия.

Для филологов-языковедов это обстоятельство имеет принципиальное значение. Оно еще раз убеждает нас в том, что в контексте глобальной англоязычной коммуникации невозможно обойтись без особого знания и понимания некоторых фундаментальных положений обучения языку в специальных целях. Имеется в виду, например, необходимость различать между собой две основные составляющие современной англистики, которые в равной степени важны для филологической специальности.

С одной стороны, это так называемый *the English We Speak With*, т. е. тот английский язык, который соответствует нашим профессиональным устремлениям и которым мы активно пользуемся в разных ситуациях общения. С другой стороны, это то, что можно обозначить как *the English We Speak About*, т. е. то, что относится к более общему, фоновому (*background*) знанию о языке, без которого истинно филологическое владение предметом было бы неполным [Akhmanova, Idzelis 1973]. Дифференциация такого рода не только расширяет наш профессиональный кругозор, но и позволяет обогатить и разнообразить имеющийся в нашем распоряжении арсенал фонетических и риторических средств.

Иными словами, при использовании английского языка в специальных (филологических) целях осуществление эффективной коммуникации, с одной стороны, предполагает использование одного из его наиболее влиятельных вариантов; с другой стороны, требуется и наличие дополнительного знания и понимания коммуникативных особенностей адресата, пользующегося английским языком в качестве *Lingua Franca*. Похоже, что именно эти два основных фактора составляют основу современного понимания риторики интеллективного общения [Anderson 2016, p. X].

Таким образом, риторический формат университетской лекции и привычные фоностилистические стереотипы научного взаимодействия представителей разных англоговорящих сообществ далеки от единообразия. Однако вряд ли можно отрицать и то, что инновационные процессы, которые проявляются при выступлении с лекцией, главным образом предопределяются лидирующей позицией американского варианта во многих сферах человеческой деятельности. Использование британского варианта в различных коммуникативных целях также несвободно от большого количества американских вкраплений [Дечева, Ильина 2018].

Этим объясняется и то, что современное поколение студентов (*Net Gen*) [Prensky 2001], воспитанное на возможностях осуществления коммуникации в мультимедийной среде, имеет собственные требования к представлению лекционного материала, которые складываются под влиянием американской образовательной модели.

Ее основные характеристики сводятся к следующему [Decheva, Aristova 2018]:

- акценты смещаются с дидактики на дружеское обсуждение научных вопросов, предполагающее эмоциональное вовлечение аудитории в процесс постижения знания;
- лекция становится фоностилистически сниженной, и в ней преимущественно используется разговорный (или *colloquial*), а иногда даже небрежный (или *casual*) стиль произношения;
- меняется соотношение функциональных стилей, т. е. на первый план выходят функция воздействия и различные элементы развлекательного характера (*infotainment*);
- первостепенное значение приобретает понятие интерактивности, когда студентам предоставляется возможность принять участие в совместном рассуждении на избираемую лектором проблематику.

Таким образом, риторический формат лекции подвергается значительным изменениям как в плане функциональной стилистики, так и сегментной и сверхсегментной организации звучания, и на первый план выходят представление о так называемой *риторической грамотности* (*presentation literacy*) [Anderson 2016, p. XI] выступающего и наличие умений оформления речи в соответствии с ожиданиями целевой аудитории.

Основная часть

Подчеркнем в этой связи, что в первую очередь нам представляется необходимым остановиться на лекционном формате британского варианта, который традиционно принимается за основу в университетском фонетическом курсе. Задача заключается в том, чтобы проследить, как в зависимости от лингвокультурных представлений о научном общении в Великобритании видоизменяются и перечисленные выше требования к публичному выступлению в академической среде. Материалом исследования послужили лекции известных британских ученых, имеющих большой опыт публичных выступлений перед студенческой аудиторией.

Сразу обращает на себя внимание тот факт, что новые веяния в риторическом оформлении выступления, и прежде всего фоностилистическое снижение произношения, в основном проявляются в британском варианте во **вступительной** (отрывки **1, 2, 3**) и **заключительной** (отрывки **6, 7**) частях лекции, а также в случае всевозможных парентетических **внесений** (отрывки **4, 5**), иллюстрирующих ключевые идеи говорящего, например:

1. *...by that time I was on the second bottle of Shiraz. And to my horror [...] you hear your name called out and you realize you're going to have to speak...* (Susan Greenfield 2010)

2. *...Well, I hate to correct here on such a charming introduction but it's over 50 books, actually. I don't know why I even mention that, just came to mind...* (Terry Eagleton 2019)

3. ... *I'm the kind of person that, you know, goes out and buys green tea when they see that kind of headline...* (Mary Beard 2012)

4. ...*I have one last quotation (I agree with that, but then I would because I wrote it 20 years ago)...* (Tony Lynch 2012)

5. ...*despite fewer people with a right to vote (nobody's ever gone to Hampshire and said why did you do it)...* (Danny Dorling 2019)

6. ...*But at the heart of that whole, those driving forces towards science and the brain, there is the conundrum that it is the organ that...* (Colin Blakemore 2015)

7. ...*When a few years ago I had an amazing opportunity to work with [...] the Islington community theatre...* (Sarah-Jayne Blakemore 2018).

Так, в отрывке 1 во вступительной части лекции наблюдается значительное повышение темпа (≈ 220 слов/мин. или ≈ 5 слогов/сек.), когда с целью установить контакт с аудиторией говорящий с юмором вспоминает эпизод из своего публичного выступления прежних лет. Слоговая и словесная артикуляция реализуется не в полной мере, и в лексической последовательности *called out and you realize* [kɔ:ləʊdən jəriəlaɪz] наблюдается явление элизии, а именно: слоговой отступ [ld] в *called* сливается с начальным гласным моносиллаба *out*: [kɔ:ld aʊt] → [kɔ:ləʊd]; сильный взрывной согласный [t] в стадии слоговой рекурсии в *out* произносится как слабый согласный *d* и сливается с гласным последующего слога *and*: [aʊt ən] → [aʊdən]. Кроме того, в *you're going to have to speak* [jə ɡəʊə hæv tə spi:k] происходит компрессия слогов [ɡəʊ-], [-ɪŋ] и [tə] → [ɡəʊə], что характерно в первую очередь для американского варианта.

Аналогичные процессы американизации прослеживаются и в остальных случаях, где на фоне значительного повышения темпа от среднего (≈ 140 – 150 слов/мин, или $\approx 3,5$ слога/сек) до ускоренного (≈ 200 – 220 слов/мин, или $\approx 4,5$ – 5 слогов/сек) слогостыки представлены нечетко. Наблюдаются явления элизии, компрессии слогов, а также элементы фонетической ассимиляции или сращения, а именно:

- выпадение сильного взрывного [t] или его переход в слабый [d] в отрывке 2 в лексических последовательностях *but it's over* [bət its əʊvə] → [bədɪts əʊvə], *I don't know why* [aɪ dəʊnt nəʊ waɪ] → [aɪ dəʊn⁽ⁿ⁾əʊ waɪ] и *just came to mind* [dʒəst keɪm tə maɪnd] → [dʒəs⁽ⁿ⁾keɪm tə maɪnd], а также в отрывке 4 в *but then I would* [bət ðen aɪ wʊd] → [bəd ðen aɪ wʊd];
- замена сильного взрывного [t] на гортанную смычку на конце слога перед последующей гласной в отрывке 3 в *I'm the kind of person that, you know, goes out and* [aɪm ðə kaɪnd əv pɜ:sn ðæt jə nəʊ ɡəʊz aʊt ən] → [aɪm ðə kaɪnd əv pɜ:sn ðəʔ jə nəʊ ɡəʊz aʊʔən], а также в отрывке 4 в *I agree with that* [aɪ əɡri: wɪð ðæt] → [aɪ əɡri: wɪð ðæʔ];

- сращение звуков [d] и [j] в аффрикату [dʒ], а также появление скользящего призвука [w] после гласного [ʊ] в отрывке 5 в *why did you do it* [waɪ dɪd ju doʊ it] → [waɪ dɪdʒ ʊ do^(w)ɪt], что в отличие от классического RP более соответствует так называемому обновленному (modernized) RP, который разделяет общие черты с американским вариантом [Lindsey 2019, p. 105] (Wells 2008, p. XIX). Ассимиляция наблюдается и в отрывке 7, где происходит сращение [t] и [j] в аффрикату [tʃ] в слове *opportunity* [ˌɒpə'tju:nɪti] → [ˌɒpə'tʃu:nɪti];
- монофтонгизация дифтонга [aɪ] в отрывке 6 в *science and the brain* [saɪəns ən ðə breɪn] → [saəns ən ðə breɪn], а также появление призвука [j] на стыке двух гласных после [i] в сочетании *the organ*, где гласный [ɔ:] характеризуется расслабленной артикуляцией: [ði ɔ:ɡən] → [ði⁽ⁱ⁾ɔɡən].

Общая тональность речи является непринужденной или дружеской, т. е. нейтральный тембр стиля научного сообщения уступает место маркированному или развлекательному, здесь особое сочетание основных просодических параметров, а именно:

- уровень громкости понижается (≈ 55 – 65 дБ);
- в терминальных синтагмах используется восходящее движение тона (или upspeak), которое является средством интерактивности;
- ритм представляется более сложным, т. е. изохронность сменяется выровненностью всех слогов (ср. с особенностями Estuary English, а также General American);
- паузы между предложениями нивелируются, и фразировка не поддается однозначной интерпретации в письменной форме речи.

Тем не менее при переходе к **основной части** лекции сочетание основных слоговых параметров, характерное для немаркированной фонации, также несколько отличается от традиционной логичной и рациональной манеры изложения прежних лет. Их соотношение более не укладывается в привычную дихотомию полного и разговорного (full и conversational) или официального и неофициального (formal и informal) фонетических стилей и требует отдельного разъяснения.

В фоностилистическом плане оно более соотносится с так называемым **искусственным произношением** (artificial pronunciation style) [Jones 1960, p. 37] (Трахтеров 1962, с. 14), которое специально приобретает актерами при выступлении со сцены. Этот фонетический стиль предполагает тесное переплетение разговорной манеры речи и ее максимальной слышимости и разборчивости, благодаря чему обеспечивается сиюминутный отклик со стороны театральной аудитории.

С одной стороны, это осуществляется за счет так называемой дикционной и орфоэпической чистоты [Петрова 1981, с. 41], являющейся необ-

ходимым и нейтральным фоном для выступления перед публикой. С другой стороны, предполагается перераспределение основных голосовых параметров, когда скорость изложения превышает темпоральные характеристики полного фонетического стиля, но семантико-синтаксическое построение высказывания не претерпевает каких-либо изменений благодаря наличию синтаксических пауз и изменениям высоты тона (Запорожец 1974, с. 17). Иными словами, за счет целенаправленного использования этих языковых средств достигается эффект стилизации разговорной речи и происходит синтез так называемого обиходно-бытового и художественного начала сценического выступления [Петрова 1981, с. 30].

Неудивительно, что подобное звучащее оформление речи во многом присуще и современной лекции, где выступающий стремится как передать научную информацию в соответствии с функциональным стилем сообщения, так и достичь желаемого эффекта непринужденности общения и эмоциональной вовлеченности слушателей в соответствии со стилем воздействия [Липгарт 2001].

Например, в следующих отрывках из основной части лекции, несмотря на то, что скорость изложения превышает средние показатели (≈ 165 – 190 слов/мин), а громкость оказывается пониженной (≈ 65 – 70 дБ), лексическая и слоговая артикуляция получают наиболее полное воплощение. Это становится возможным главным образом за счет особенностей британского слогового стереотипа, т. е. усеченности гласного элемента и интенсивности согласных фонем, а именно:

1. *...the same visual pattern | time and time again [...] sooner or later you will shift | from that sensory & environment...* [темп: ≈ 170 слов/мин, или $\approx 4,4$ слога/сек; громкость: ≈ 70 дБ];

2. *...So, by taking some lowly thing and putting it through death and self-dispossession | it acquires a formidable & power...* [темп: ≈ 170 слов/мин, или $\approx 4,4$ слога/сек; громкость: ≈ 70 дБ];

3. *...And indeed, ancient philosophers did busy themselves frightfully | about making fine distinctions between chance | and fate | and Providence...* [темп: ≈ 165 слов/мин, или $\approx 4,3$ слога/сек; громкость: ≈ 65 дБ];

4. *...there are psychological effects of poor listening: | you lose confidence, | you become anxious...* [темп: ≈ 165 слов/мин, или $\approx 4,3$ слога/сек; громкость: ≈ 65 дБ];

5. *...to absolutely believe that they're special | and to go out and run entire countries. || And it's very, very useful, | it's a brilliant education system | if you have an empire...* [темп: ≈ 180 слов/мин, или $\approx 4,5$ слога/сек; громкость: ≈ 70 дБ];

6. *...But & there are two key factors you have to keep in mind | if you & ask what it could contribute to understanding the brain...* [темп: ≈ 190 слов/мин, или $\approx 4,7$ слога/сек; громкость: ≈ 70 дБ];

7. *...the brain doesn't grow | but the amount of white matter & it contains & increases...* [темп: ≈ 180 слов/мин, или $\approx 4,2$ слога/сек; громкость: ≈ 70 дБ].

Во всех случаях повышение темпа, соответствующее разговорному стилю произношения, не влияет на безупречность дикции, что способствует ясности изложения и адекватности восприятия сказанного. Кроме того, сохраняется и типичная для британского произносительного стандарта интонационная изрезанность высказывания. За счет реализации синтаксических пауз или использования средств прекращения фонации наблюдается также и достаточно строгая логико-синтаксическая организация речи.

Следует отметить, что здесь имеют место и присущие британскому языковому коллективу элементы хеджирования и ухода от категоричности и прямолинейности высказывания [Fox 2004]. Об этом свидетельствует появление пауз хезитации, а также использование элементов upspeak и акцентной выделенности так называемых слов-ограничителей (classifiers), а именно:

1. *...you're born & in the words of the great psychologist William James | into a booming buzzing confusion | What else is there? You're a little baby | What else can you do & You just evaluate the world...*

2. *...Yet by seeing the human ↑ at its most & frightfully dis/figured | (you \might /say at its most & \in/human) | you \also see | \paradoxically | what's most \human & about it | So...*

3. *...Now & part of that is \no \doubt \not \wholly wrong | And indeed...*

4. *...Secondly I & \know & from what students have & \told \me \and & my own experience in & \Spanish \that...*

5. *...if you have an \empire | It's not such a \great education system in this country | if you & if you \don't...*

6. *...knowing crudely \where things are & \happening \and \roughly when they're happening in relation to & stimuli \it will \never give us the detail of & of \knowledge & that \one can gain from...*

7. *...decreases | Perhaps not sur\prisingly & the whole brain isn't \growing \so \something has to decrease \and that's & \grey \matter \and \that's what you can see \ here | So this is...*

Заключение

Материал современных британских лекций свидетельствует о том, что звучащее оформление научной речи в основном осуществляется благодаря лингвокультурным реалиям и национальным стереотипам передачи знания, присущим британскому языковому коллективу. Процессы американизации многочисленны и прослеживаются в основном во вступительной и заключительной частях лекции. Их риторическое использование ограничивается контактоустанавливающей функцией, когда в соответствии с предпочтениями студенческой аудитории прежняя авторитарная манера передачи знания сменяется дружеской тональностью и установкой на совместное постижение научной проблематики.

Для русскоговорящих филологов-англистов такого рода наблюдения представляются немаловаж-

ными, поскольку в центре внимания оказывается вопрос о необходимости обновления и значительного пополнения того риторического и просодического инструментария, который выстраивался в соответствии с ранее принятыми канонами интеллективного общения и выступления с лекцией на английском языке (Юрышева 1982). Становится очевидным, что сегодня уже невозможно ограничиться прежним минимумом языковых средств, тем более что именно в университетской среде любые инновационные процессы, которые наблюдаются как в обществе, так и языке, проявляются в первую очередь и всегда наиболее очевидны.

Понятно, что предстоит сделать еще очень много, прежде чем у нас появится полная уверенность в том, что фоностилистические преобразования в англоязычной лекции соответствуют нашим профессиональным устремлениям и не противоречат методологическим основам обучения языку, разработанным в отечественном языкознании. Требуется всестороннее, взвешенное и

поистине когнитивное отношение к происходящим процессам с учетом традиционных этических и эстетических представлений о принятом способе передачи знания как в нашей стране, так и за рубежом.

Однако уже сейчас можно предположить, что новая тональность современной лекции главным образом предопределяется значительным ускорением темпа, который способствует созданию эффекта сниженности и разговорности в научном взаимодействии и в то же время не расходится с требованиями разборчивости и вариативности речи. Поэтому к овладению полным и разговорным стилями произношения, которые составляют основу университетского курса английской фонетики, требуется добавить и так называемый искусственный фонетический стиль, который может способствовать расширению риторического и просодического минимумов и приобретению ключевых навыков научного общения в поликультурном англоговорящем сообществе.

Материалы исследования

Colin Blakemore 2015 – *Professor Colin Blakemore: Four Stories about the Brain* // Youtube. 2015. URL: <https://youtube.com/watch?v=H8WMmd-9mrg&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Danny Dorling 2019 – *Professor Danny Dorling: Brexit and the End of the British Empire* // Youtube. 2019. URL: <https://youtube.com/watch?v=AM5-Ihrztc4&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Mary Beard 2012 – *Professor Mary Beard: Risk and Humanities* // Youtube. 2012. URL: <https://youtube.com/watch?v=HApOSJRAVfU&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Sarah-Jayne Blakemore 2018 – *Professor Sarah-Jayne Blakemore: The Neuroscience of the Teenage Brain* // Youtube. 2018. URL: <https://youtube.com/watch?v=yQXhFa8dRCI&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Susan Greenfield 2010 – *Dr. Susan Greenfield: Tomorrow's People* // Youtube. 2010. URL: <https://youtube.com/watch?v=Y1yGICXGqRQ&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Terry Eagleton 2019 – *Professor Terry Eagleton: Sacrifice and Revolution* // Youtube. 2019. URL: <https://youtube.com/watch?v=tDi74d3xWPM&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Tony Lynch 2012 – *Professor Tony Lynch: The Importance of Listening to International Students* // Youtube. 2012. URL: <https://youtube.com/watch?v=6Q15mQdxeWk&si=EnSIkaIECMiOmarE>.

Wells 2008 – *Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary* (3rd edition). Harlow: Pearson Education Limited, 2008. 922 p.

Запорожец 1974 – *Запорожец Т.И.* Логика сценической речи: учебное пособие для театральных и культурно-просветительных учебных заведений. Москва: Просвещение, 1974. 128 с.

Трахтеров 1962 – *Трахтеров А.Л.* Английская фонетическая терминология. Справочное пособие для студентов и преподавателей вузов иностранных языков. Москва: Изд. лит. на иностр. яз., 1962. 348 с.

Юрышева 1982 – *Юрышева Н.Г.* Просодический минимум научного регистра речи (на материале современного английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Юрышева Надежда Григорьевна. Москва, 1982. 165 с.

Библиографический список

Akhmanova, Idzelis 1973 – *Akhmanova O.S., Idzelis R.F.* What is the English we use? Moscow: Moscow University Press, 1973. 159 p.

Anderson 2016 – *Anderson C.* TED Talks: The official TED guide to public speaking. London; Boston: Nicholas Brealey Publishing, 2016. 269 p.

Decheva, Aristova 2018 – *Decheva S.V., Aristova D.D.* The Changing Format of American Lecturing in the Technologically Advanced English-speaking Community // *Akhmanova Readings* 2017. Moscow: Nauka, 2018. P. 27–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36892722>. EDN: <https://elibrary.ru/vtdhfx>.

Fox 2014 – *Fox K.* Watching the English. London: Hodder and Stoughton, 2004. 157 p.

Jenkins, Leung 2014 – *Jenkins J., Leung C.* English as a lingua franca // The companion to language assessment. 2014. Vol. 4. P. 1607–1616. URL: https://www.researchgate.net/publication/303371859_Assessing_English_as_a_Lingua_Franca.

Jones 1960 – *Jones D.* An outline of English Phonetics. 9th edition. Cambridge: Heffer, 1967. 246 p.

Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017 – *Kharkovskaya A.A., Ponomarenko E.V., Radyuk A.V.* Minitexts in Modern Educational Discourse: Functions and Trends // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1, no. 1. P. 62–76. URL: [https://rudn.tljournal.org/archive/1\(1\)/1\(1\)-04.pdf](https://rudn.tljournal.org/archive/1(1)/1(1)-04.pdf). DOI: <http://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4>.

Lindsey 2019 – *Lindsey G.* English after RP: Standard British Pronunciation Today. Cham: Springer, 2019. 169 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-04357-5>.

Prensky 2001 – *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // On the Horizon. Vol. 9, no. 5. NCB University Press, 2001. P. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>.

Гвишиани 2015 – *Гвишиани Н.Б.* Регистры, жанры и дисциплины в составе предметного дискурса // Вестник Самарского государственного университета. 2015. №. 4 (126). С. 38–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23495190>. EDN: <https://elibrary.ru/tudtzn>.

Дечева, Ильина 2018 – *Дечева С.В., Ильина К.А.* Фонетическая интерференция в дикторской речи BBC. Москва: ИД «Международные отношения», 2018. 212 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35147822>. EDN: <https://elibrary.ru/xricol>.

Дечева, Копанева 2021 – *Дечева С.В., Копанева А.В.* Своеобразие английской акцентуации в жанре лекции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 2. С. 89–94. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/8611>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46397561>. EDN: <https://elibrary.ru/cihdyz>. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-89-94>.

Липгарт 2001 – *Липгарт А.А.* Функции языка: классификационный и категориальный подход // Философия языка. Функциональная стилистика. Лингвопоэтика: сборник научных статей / под ред. А.А. Липгарта и М.Э. Конурбаева. Москва: МАКС Пресс, 2001. Вып. 1. С. 6–13.

Магидова 2015 – *Магидова И.М.* «Hedging» в академической английской речи: прагмафонетический аспект // LATEUM-2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse: conference proceedings. Москва: ИД Университетская книга, 2015. С. 334–340. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27553129>. EDN: <https://elibrary.ru/xeuorh>.

Назарова 2022 – *Назарова Т.Б.* Методика преподавания английского языка как иностранного: Ключевые понятия и соотношения // Александровский сборник: сб. науч. ст. к юбилею д-ра филол. наук, проф. О.В. Александровой. Москва: Наука, 2022. С. 226–235. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50072268>. EDN: <https://elibrary.ru/wesvjt>.

Петрова 1981 – *Петрова А.Н.* Сценическая речь. Москва: Искусство, 1981. 191 с.

Фрейдина 2019 – *Фрейдина Е.Л.* Роль встроенных жанров и регистров в обеспечении контакта в англоязычной лекции // Преподаватель XXI век. 2019. № 3–1. С. 94–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41117262>. EDN: <https://elibrary.ru/irrzvs>.

References

Akhmanova, Idzelis 1973 – *Akhmanova O.S., Idzelis R.F.* (1973) What is the English we use? Moscow: Moscow University Press, 159 p.

Anderson 2016 – *Anderson C.* (2016) TED Talks: The official TED guide to public speaking. London; Boston: Nicholas Brealey Publishing, 269 p.

Decheva, Aristova 2018 – *Decheva S.V., Aristova D.D.* (2018) The Changing Format of American Lecturing in the Technologically Advanced English-speaking Community. In: *Akhmanova Readings 2017*. Moscow: Nauka, pp. 27–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36892722>. EDN: <https://elibrary.ru/vtdhfx>.

Fox 2014 – *Fox K.* (2004) Watching the English. London: Hodder and Stoughton, 157 p.

Jenkins, Leung 2014 – *Jenkins J., Leung C.* (2014) English as a lingua franca. *The companion to language assessment*, vol. 4, pp. 1607–1616. Available at: https://www.researchgate.net/publication/303371859_Assessing_English_as_a_Lingua_Franca.

Jones 1960 – *Jones D.* (1967) An outline of English Phonetics. 9th edition. Cambridge: Heffer, 246 p.

Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017 – *Kharkovskaya A.A., Ponomarenko E.V., Radyuk A.V.* (2017) Minitexts in Modern Educational Discourse: Functions and Trends. *Training, Language and Culture*, vol. 1, no. 1, pp. 62–76. Available at: [https://rudn.tlcjournal.org/archive/1\(1\)/1\(1\)-04.pdf](https://rudn.tlcjournal.org/archive/1(1)/1(1)-04.pdf). DOI: <http://doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4>.

Lindsey 2019 – *Lindsey G.* (2019) English after RP: Standard British Pronunciation Today. Cham: Springer, 169 p. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-04357-5>.

Prensky 2001 – *Prensky M.* (2001) Digital Natives, Digital Immigrants. *On the Horizon*, vol. 9, no. 5, pp. 1–6. URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>.

Gvishiani 2015 – *Gvishiani N.B.* (2015) Registers, Genres and Disciplines in the Composition of Subject Discourse. *Vestnik of Samara State University*, no. 4 (126), pp. 38–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23495190>. EDN: <https://elibrary.ru/tudtzn>. (In Russ.)

Decheva, Il'ina 2018 – *Decheva S.V., Il'ina K.A.* (2018) Phonetic Interference in BBC News Programmes. Moscow: International Relations Publishing House, 212 p. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35147822>. EDN: <https://elibrary.ru/xricol>. (In Russ.)

Decheva, Kopaneva 2021 – *Decheva S.V., Kopaneva A.V.* (2021) Specificities of English Accentuation in the Genre of Lecturing. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 27, no. 2, pp. 89–94. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/8611>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46397561> EDN: <https://elibrary.ru/cihdyz>. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2021-27-2-89-94>. (In Russ.)

Lipgart 2001 – *Lipgart A.A.* (2001) Functions of language: classification and categorical approach. In: *Philosophy of language. Functional Stylistics. Linguopoetics: collection of scientific articles*. Moscow: MAKS Press, vol. 1, pp. 6–13. (In Russ.)

Magidova 2015 – *Magidova I.M.* (2015) «Hedging» in Academic English Speech: the Pragmaphonetic Aspect. In: *LATEUM-2015. Research and Practice in Multidisciplinary Discourse: conference proceedings*. Moscow, pp. 334–340. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27553129>. EDN: <https://elibrary.ru/xeyorh>. (In Russ.)

Nazarova 2022 – *Nazarova T.B.* (2022) Teaching English as a Foreign Language (TEFL): Revisiting Some of the Key Concepts and Correlations. In: *Alexandrovsky Collection: collection of scientific articles to the anniversary of doctor of philological sciences, professor O.V. Aleksandrova*. Moscow: Nauka Publisher, pp. 226–235. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=50072268>. EDN: <https://elibrary.ru/wesvjt>. (In Russ.)

Petrova 1981 – *Petrova A.N.* (1981) Stage speech. Moscow: Iskusstvo, 191 p. (In Russ.)

Freidina 2019 – *Freidina E.L.* (2019) The Role of Embedded Genres and Registers in Providing Contact in an English Lecture. *Prepodavatel XXI vek*, no. 3–1, pp. 94–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41117262>. EDN: <https://elibrary.ru/irrvsv>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-23

Дата поступления: 17.03.2023
рецензирования: 14.04.2023
принятия: 30.05.2023**От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности****Т.Б. Назарова**Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская ФедерацияE-mail: tamara_nazarova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6352-988X>

Аннотация: В статье рассматриваются типы коммуникантов, выделенные специалистами в ходе углубленного изучения процессов устной и письменной коммуникации. Одна из наиболее известных классификаций детализируется и уточняется с опорой на современное состояние науки и преимущества актуальных коммуникативных практик. Последовательно обосновывается целесообразность расширения традиционного перечня коммуникантов, вводятся и подробно обсуждаются новые типы коммуникантов, дающие представление о многообразии проявлений коммуникативной личности и коммуникативного поведения индивидов, вовлеченных в межличностную, групповую, массовую, диалогическую, полилогическую, моно- и мультикультурную коммуникацию в глобальном экономическом, финансовом, образовательном и интеллектуальном коммуникативном пространстве. В изучении сформулированной научной проблематики применяется комплексный подход, сочетающий когнитивный, коммуникативный, функциональный и семиотический подходы, а также методы наблюдения, сравнения, сопоставления, классификации и категоризации; учитываются результаты апробации принятого подхода через систему практикумов по курсу коммуникативистики, что позволяет уточнять предлагаемые линии дифференциации и тем самым вносить вклад в системное представление типологии коммуникантов.

Ключевые слова: общение; коммуникация; коммуникант; типология; классификация; категоризация; методология; подход(ы); метод(ы); прием(ы); теория; практика; принципы общения; законы общения.

Цитирование. Назарова Т.Б. От типологии видов общения к типологии коммуникантов: динамика коммуникативного поведения и коммуникативной личности // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 107–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-107-115>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Назарова Т.Б., 2023

Тамара Борисовна Назарова – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языкознания, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE Submitted: 17.03.2023
Revised: 14.04.2023
Accepted: 30.05.2023**From typology of communication to typology of communicators:
communicative behaviour and communicative identity****T.B. Nazarova**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

E-mail: tamara_nazarova@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6352-988X>

Abstract: The present article revisits and revises one of the traditional classifications of communicators which centres on the four generally acknowledged types – the mobile, the dominant, the rigid, and the introvert communicator(s). The methodology elaborated and adhered to in the article goes beyond these clear-cut distinctions and accounts for the need to add ten new types of communicators to the traditional four types. This allows to arrive at a more comprehensive view of both the process of communication and the range of individuals participating in varying and varied communicative events across national, organizational, and corporate cultures. The complex approach prioritized in this study is based on the integration of several methods (observation, comparison, confrontation, conceptualization, categorization) as ways of ordering activity and is effected through sets of techniques that encourage the researcher to subject the new correlations to ongoing testing as they are presented at lectures, identified and observed in real communicative settings, discussed at practical seminars and gradually organized and, if need be, reorganized for better functional use in the teaching of the essentials of communication at university level across departments and specializations.

Key words: communication; communicator; typology; classification; categorization; methodology; approach(es); method(s); technique(s); theory; practice; principles of communication; laws of communication.

Citation. Nazarova T.B. From typology of communication to typology of communicators: communicative behaviour and communicative identity. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 107–115. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-107-115>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Nazarova T.B., 2023

Tamara B. Nazarova – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of English Linguistics, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

Введение

Вопросы, связанные с общением, и проблемы, возникающие в общении индивидов, организаций и культур, все чаще привлекают внимание отечественных и зарубежных специалистов – как теоретиков, так и практиков – в разных областях знания. Авторитетный научный журнал «Современная коммуникативистика» (выходит с 2012 года) вносит вклад в определение объекта и предмета коммуникативистики, уточняет ее границы и содержание, информирует о развиваемых направлениях науки об общении. Российская коммуникативная ассоциация (РКА), созданная в декабре 2000 года, содействует обмену результатами научных исследований, поддерживает такие направления, как интегрированные коммуникации, межкультурная коммуникация, организационная коммуникация, речевая коммуникация. Авторы учебных курсов и научных работ [Кашкин 2007; Чарыкова, Попова, Стернин 2012; Кулинич, Кострова 2017; Назарова 2022] прилагают усилия для сближения теории и практики, разъясняя ключевые понятия теории коммуникации и развивая в обучаемых ими бакалаврах, магистрантах и аспирантах столь необходимую совокупность навыков и умений для целей эффективного участия в коммуникативных событиях через многообразие устной и письменной, непосредственной и опосредованной, прямой и косвенной, диалогической и полилогической, межкультурной и межкультурной коммуникации.

В свете вышесказанного представляется целесообразным от типологии видов общения, обсуждавшейся с точки зрения традиционных линий дифференциации и дополненной новыми соотношениями [Назарова 2022], обратиться к типологии коммуникантов, что позволит коротко охарактеризовать существующие подходы и классификации с особым вниманием к обоснованию новых типов коммуникантов, углубленное представление о которых может стать частью учебных программ российских университетов, направленных на повышение уровня обученности и расширение объема сведений о процессуальности общения, о нормах и правилах общения, о принципах и законах общения, о роли коммуникативной личности и основных составляющих коммуникативного поведения разных поколений коммуникантов, вовлекаемых в глобальное коммуникативное пространство.

Методологические принципы, основные подходы, методы и приемы

В методологическом плане наиболее существенны следующие принципы: неразрывная связь теории и практики, преемственность в изучении и исследовании разных аспектов коммуникации, динамика глобальности и расчлененности, единство общего и особенного. Подход, применяемый для изучения сформулированной проблематики, является комплексным и представляет собой сочетание нескольких подходов: когнитивного, коммуникативного, функционального и семиотического. В статье важны и такие взаимосвязанные методы, как сравнение, сопоставление, классификация, категоризация, дискурс-анализ, функциональная текстология, филологическая герменевтика, филологическая семиотика. Названным подходам и методам подчинены разнообразные приемы в тех или иных соотношениях и сочетаниях: систематизация конкретных образцов типичных проявлений коммуникативного поведения и коммуникативной личности в опосредованных отражениях реальности (художественная литература, кино, театр); отбор и систематизация фрагментов статей из печатных средств массовой информации, в которых обсуждаются реально существующие коммуникативные личности с присутствующими им моделями коммуникативного поведения; обобщение опыта выполнения магистрантами нескольких потоков практикумов по идентификации и описанию разных типов коммуникантов с уточнением их основных особенностей и характеристик, проявляющихся в ситуациях профессионального и межличностного общения, на основе системных знаний, приобретенных в курсе по выбору (КПВ) «Коммуникативистика», разработанном автором статьи на кафедре английского языкознания филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в 2013 году для магистрантов нескольких кафедр филологического факультета.

Традиционные типы коммуникантов в современной интерпретации

Типологическое описание коммуникантов неизменно и продолжительное время привлекало внимание исследователей разных стран и разных научных школ. В одной из наиболее известных классификаций, как подчеркивается в авторитетном курсе теории коммуникации В.Б. Кашкина

[Кашкин 2007, с. 189–190], представлено 4 типа коммуникантов: мобильный, доминантный, ригидный и интровертный. Позволю себе коротко охарактеризовать каждый из названных типов коммуникантов с учетом современных условий общения и необходимости уточнения того, что говорит в пользу конкретного типа («ЗА»), и того, что помогает распознать его отрицательные черты («ПРОТИВ»), формулируя при этом некоторые рекомендации, вытекающие из обозначенного соотношения «ЗА» и «ПРОТИВ».

Мобильный коммуникант воспринимает окружающий его мир как подлинное безбарьерное пространство. Он легко вступает в диалог и не испытывает коммуникативных затруднений при включении в полилогическое общение. Он общается с возрастающим числом людей не только в своей профессии и в привычной среде, но и далеко за пределами организации и сферы, в которой работает, и страны, в которой проживает. Расширяется круг затрагиваемых тем, пополняются ряды связанных с мобильным коммуникантом индивидов. Его вовлечение в межличностную, групповую и нередко массовую коммуникацию носит перманентный характер, так как его коммуникативный потенциал неисчерпаем. Перечисленные черты мобильного коммуниканта можно разместить под рубрикой «ЗА», не забывая, однако, о том, что некоторые особенности этого типа коммуниканта могут вполне обоснованно оказаться под рубрикой «ПРОТИВ».

Следует сказать об этом более подробно, так как весьма часто исследователи и практики ограничиваются перечнем положительных характеристик мобильного коммуниканта и не упоминают о явных проявлениях его отрицательных черт и менее привлекательных особенностях. Во-первых, мобильный коммуникант всегда спешит, а значит, у него нет возможности сосредоточиться на собеседнике, которого он, как правило, не индивидуализирует, а руководствуется главным образом сиюминутными прагматическими соображениями. Во-вторых, он, заговорив с вами и даже заинтересовав вас, редко возвращается к тому, о чем вы столь заинтересованно разговаривали (и, возможно, даже договорились). В-третьих, мобильный коммуникант, как правило, далек от моноактивности и монокронности, так как «по природе» он полиактивен и полихронен [Кулинич, Кострова 2017, с. 81–82, с. 84–85; Pilbeam 1998], т. е. занимается сразу несколькими делами, связывающими его с другими организациями, учреждениями, проектами и замыслами, отвлекающими его от конкретных индивидов и собеседников в рамках конкретной профессии и/или конкретного коммуникативного события.

В связи со сказанным выше вполне уместны некоторые рекомендации на случай, если вы повстречались (познакомились, разговорились) с мобильным коммуникантом: не принимайте

всего сказанного и обещанного им всерьез (т. е. за чистую монету); не стройте планов; не рассчитывайте на преемственную коммуникацию; не принимайте близко к сердцу проявления его забывчивости. Представляется целесообразной еще одна рекомендация, если вы задумались над положительными свойствами этого типа коммуниканта: кое-что из перечисленного в графе «ЗА» можно взять на вооружение, преодолевая психологические барьеры и обучаясь беспрепятственному погружению в процесс общения, становясь на ограниченный промежуток времени мобильным коммуникантом, но не давая ему затмить и заместить в вас как индивиде других коммуникативных личностей. Здесь вполне уместны определения двух терминов: коммуникативная личность – «совокупность разноуровневых характеристик коммуникативного поведения отдельного коммуниканта или типа коммуниканта» [Кашкин 2007, с. 175]; коммуникативное поведение – «совокупность актов общения, свойственных индивиду или обществу» [Кашкин 2007, с. 13]. Рассматриваемый тип коммуниканта, сам того не подозревая, убедительно демонстрирует одну из наиболее существенных социально-психологических функций общения, связанных с общественными потребностями отдельной личности. Речь идет о функции коммуникативного самовыражения (или функции коммуникативной самореализации): «...человеку нужно, чтобы его выслушали, его мнением заинтересовались, поняли его позицию» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 232–233]. Эта функция, как нам кажется, важна и для второго типа коммуникантов, о котором говорится ниже.

Доминантный коммуникант, в отличие от мобильного коммуниканта, как будто бы не нуждается в собственно диалоге и/или полилоге: он «по природе» монологичен и настроен на то, чтобы высказать наболевшее и, шире, высказаться развернуто без особого внимания к собеседнику и собеседникам. Иначе говоря, доминантный коммуникант нуждается не столько в собеседнике, сколько в слушателе. Очевидная (и явно демонстративная) монологичность доминантного коммуниканта во многом обусловлена его самоуверенностью, самоуверенностью и ощущением личного превосходства над окружающими. Создается такое впечатление, что доминантный коммуникант выполняет какую-то программу и обязательно должен вербализовать, сформулировать, высказать все, что он задумал. Здесь мы имеем дело с интересным переплетением одной из наиболее существенных общественно-психологических функций общения (функции коммуникативной самореализации) с нарушением нескольких принципов общения: «максимы количества» (the Maxim of Quantity), по Полу Грайсу [Grice 1975], и «принципа вежливости» (the Principle of Politeness), по Джеффри Личу [Leech 2002]. В связи с коммуникативным поведением доминантного коммуниканта неизбежно

возникает целый ряд вопросов, ответы на которые зависят от того, насколько хорошо вы знаете конкретного человека, которого воспринимаете как (или категоризируете в качестве) доминантного коммуниканта: 1) Действует ли этот коммуникант осознанно? 2) Действует ли этот тип коммуниканта с пониманием законов общения? 3) Осознает ли он факт нарушения принципов общения?

Если вы попали в сети доминантного коммуниканта, вам поневоле придется его выслушать. В одном из авторитетных курсов [Кашкин 2007, с. 189] говорится о двух приемах, совмещение которых может помочь вам в общении с доминантным коммуникантом: стратегия «речевого изматывания» и «накопительная тактика». Добавлю к сказанному, что, как правило, доминантный коммуникант не стремится индивидуализировать собеседника (зачастую невольного слушателя); этот тип коммуниканта может повторить в общении с другим собеседником почти дословно то, что слышал, слушал, выслушал первый собеседник. Доминантный коммуникант говорит много, развернуто, продолжительное время. Он не вслушивается в реплики собеседника, а значит, не строит беседы; он, к сожалению, не строит и отношений. Он – осознанно или неосознанно – самовыражается! Перечисленные характеристики могут быть размещены как под рубрикой «ЗА» (надо уметь самовыражаться и самореализовываться коммуникативно), так и под рубрикой «ПРОТИВ» (поскольку в этом типе коммуниканта вы не найдете собственно собеседника). Можно высказать несколько рекомендаций для тех, кто интересуется проблемами общения: не позволяйте себе становиться доминантным коммуникантом в долгосрочной перспективе, но умейте «включать» в себе по необходимости доминантную коммуникативную личность, так как этого требует очень важный закон общения – закон зависимости эффективности общения от объема затрачиваемых усилий: «чем больше коммуникативных усилий затрачено говорящим, тем выше эффективность его речевого воздействия» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 276].

Ригидный коммуникант отличается от представленных выше двух типов коммуникантов: он испытывает трудности на контактоустанавливающем этапе общения, ему нужна поддержка собеседника для преодоления порога начала беседы. В дальнейшем этот тип коммуниканта включается в процесс общения и может проявить себя как приятный, интересный и даже заинтересованный собеседник, склонный и способный к корректному межличностному общению, в котором он будет вести себя деликатно, предупредительно и коммуникативно грамотно, не впадая в крайности, характерные для мобильного коммуниканта, без усталости наращивающего разветвленную крону знакомств без прочной корневой основы, и очевидные в случае доминантного коммуниканта, одержимого неосознаваемой им отчетливо потребностью

коммуникативной самореализации и ведомого безудержным стремлением к самовыражению и, как это часто бывает, к самоутверждению за чужой счет. Как правило, специалисты призывают обучаемых преодолевать в себе особенности проявления ригидного коммуниканта. Здесь, как мне кажется, следует подчеркнуть, что есть некоторые ситуации, когда человек может осознанно прибегнуть к этому типу коммуникативной личности, становясь им на некоторое время: например, в ситуации, близкой к конфликту или сулящей конфликт, коммуникант может осознанно переключиться с открытого типа коммуникации на закрытый или смешанный, минимизируя объем коммуникации с определенным человеком и/или сводя общение с ним только к профессиональной составляющей, а значит, исключая межличностное дружеское общение.

Интровертный коммуникант не склонен к общению, не готов к общению и, как правило, избегает общения. Сам того не подозревая, он оказывается вовлеченным в злополучный круг: осознанно или неосознанно подчеркивая свою незаинтересованность в общении с другими, он снижает объем коммуникации (volume of communication), в который вовлекается; в свою очередь, снижение объема коммуникации еще больше развивает в нем уверенность в том, что общение с окружающими ему ни к чему, и неизбежно размывает в нем любую тягу к контакту – как кратковременному, так и длительному. Потенциально мы имеем дело с индивидом, у которого могут быть нарушения в социальных отношениях. Цитата из сериала *Elementary* здесь весьма уместна: (в русском переводе) «Три года сам по себе. Манеры ни к черту!» Иначе говоря, сокращение объема коммуникации главного героя привело к снижению его коммуникативной грамотности и, как следствие, к затруднениям в общении даже с хорошо знакомыми людьми.

Современная художественная литература весьма часто опирается на этот довольно распространенный тип интровертного коммуниканта. «Чагин ценил свое одиночество и делал все, чтобы оно не нарушалось» (Водолазкин 2022, с. 14). «Чагин нравиться не хотел. Не то чтобы к производимому им впечатлению он был совсем уж равнодушен – скорее, это не занимало в его жизни большого места. Сейчас таких называют интровертами.» (Водолазкин 2022, с. 239–240); «...он мечтал о месте, похожем на кокон, куда мог бы спрятаться и вести уединенную жизнь» (Водолазкин 2022, с. 294). Приведенные цитаты дополняют наблюдения и обобщения об интровертном типе коммуникантов.

Расширение традиционной классификации коммуникантов с учетом принципов общения и законов общения

Путем длительных наблюдений над коммуникативным поведением большого числа лиц, вовлеченных и вовлекаемых в процесс общения в

разных ситуациях и на разных уровнях, а также с учетом постоянного обсуждения коммуникации и коммуникантов со специалистами разных областей знания и с опорой на информацию из двух актуальных источников – современного медиадискурса, с одной стороны, и современной художественной литературы, с другой стороны, – удалось расширить перечень из четырех представленных и подробно описанных выше типов коммуникантов за счет десяти новых типов, реализующих свой коммуникативный потенциал в многообразии и непредсказуемости коммуникативного пространства вокруг нас таким образом, чтобы можно было назвать их отличительные свойства, выявляемые в той или иной степени и в разных сочетаниях и объемах на основе наблюдения, сравнения и сопоставления и, что самое важное, во-первых, в движении от классификации к категоризации и, во-вторых, с опорой на принципы общения и законы общения.

Коммуникант-«отзеркаливатель» открывает перечень предлагаемых дополнительных типов коммуникантов и является крайним воплощением действия закона зеркального развития общения, суть которого заключается в том, что один собеседник может «отзеркаливать» тему общения, инициированную другим собеседником, демонстрируемые им тон и эмоциональность общения, его агрессивность и даже такие просодические параметры его речи, как громкость и темп. Мы все понемногу и по необходимости «отзеркаливаем» (осознанно или не осознавая происходящего), поскольку стремимся поддержать, сохранить, обеспечить коммуникативное равновесие, но коммуникант-«отзеркаливатель» делает это часто, если не сказать всегда: он поддерживает высказывание одного человека; он соглашается с мнением следующего собеседника, и это мнение может противоречить тому, о чем говорил первый собеседник; он не делится сомнениями (если они у него возникают по ходу общения) и, конечно же, никогда не возражает тому, с кем говорит. Делает ли он все это осознанно или неосознанно, трудно определить и тем более твердо установить. Этот тип коммуниканта находится в тисках инстинкта самосохранения. Он демонстрирует действие не только закона зеркального развития общения, но и закона коммуникативного самосохранения, который гласит: «человек в общении старается сохранить достигнутое им на данный момент коммуникативное равновесие» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 278].

Постоянное и непрерывное наблюдение над многочисленными процессами общения с точки зрения участвующих в них коммуникантов и опосредованное отражение типологии коммуникантов в кино, театре и художественной литературе позволили выявить еще один тип коммуниканта, который, как и предыдущий, до сих пор не фигурировал в традиционных классификациях и обо-

снован по ходу курса коммуникативистики для магистрантов разных кафедр филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Речь идет о **коммуниканте, действующем методом от противного**. В этом случае целесообразно воспользоваться монолексемным англоязычным обозначением **contrarian**. Отрывок из рассказа Salman Rushdie *The Old Man in the Piazza* убедительно демонстрирует основные особенности этого типа коммуникантов:

“Very well”, he repeats. “In these times of strife and stress, I recommend a good rest. Go and sunbathe on the sun-kissed island of A”.

The husband and wife stand very still. Then they turn to look at each other. “Nonsense!” they cry with one voice. “It’s a life of adventure for us!” And off they go to that distant country of B. ... In sum, they have had the holiday of a lifetime.

“Thank you, thank you”, they cry, and their gratitude is genuine. The old man replies mildly that he proposed they go elsewhere for a quiet time, and they laugh prettily. “But that’s how we fly!” they exclaim. “Always! We’re contrary! We ask people what they think and then we do the opposite. Call us perverse! But it has worked for us, and given us thirty years of happy married life” (Rushdie 2020, p. 60).

Реальность политической коммуникации англоязычных стран изобилует убедительными эпизодами, дающими представление о проявлениях рассматриваемого типа коммуникантов. Один из специалистов, задействованных администрацией Дональда Трампа, подчеркивал, что чаще всего не было смысла давать советы Трампу, так как он предсказуемым образом, не задумываясь, пренебрег бы высказанным советом и сделал бы что-то совершенно противоположное: “It would just make him do it even more adamantly, because he’s reflexively contrarian”, a former official told me” (Entous 2020, p. 38). Приведенная цитата хорошо схватывает суть рассматриваемого типа коммуниканта: не задумываясь над смыслом высказывания, мнения, суждения, обращенного к нему собеседником, коммуникант-contrarian сразу же артикулирует, изглашает, формулирует противоположное мнение. Он, таким образом, предсказуем и, надо признать, не прилагает особых когнитивных усилий, поскольку не дает себе возможности задуматься над сказанным или подсказанным. Общение с ним носит обрывочный характер и весьма часто ограничивается обменом одной-двумя репликами. Создается впечатление, что contrarian принял решение общаться с определенными индивидами именно так, с ходу не соглашаясь с услышанным или резко (и вполне однозначно) отрицая обращенную к нему мысль. Очевидно, что разговор с contrarian едва ли может заинтересовать или увлечь, так как своей прямолинейностью и предсказуемостью (при полном отсутствии элементов отзеркаливания для сохранения коммуникативного равновесия), сам того не осознавая, он лишает себя разнообразия коммуникативного опыта и существенно

сокращает свой индивидуальный объем коммуникации и, как следствие, препятствует своей же коммуникативной самореализации. Не удивляет и тот факт, что *contrarian* нередко оказывается доминантным коммуникантом, и это сочетание тем более не привлекает к нему собеседников.

Коммуникант-корректировщик при первой же возможности и практически в любых ситуациях корректирует коммуникативное поведение окружающих его индивидов (родственников, коллег, подчиненных, знакомых и даже совершенно незнакомых ему людей). Этот тип коммуниканта считает корректировку чужого поведения своим долгом. Иначе говоря, мы наблюдаем действие одного из законов общения – это закон модификации отклоняющегося коммуникативного поведения слушателя: человек, наблюдающий у собеседника отклонения от некоторых норм коммуникативного поведения, испытывает искушение модифицировать коммуникативное поведение собеседника [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 286], а значит, как правило, поддается этому искушению. Подчеркну, что мы все в той или иной степени подчиняемся действию и реализации этого закона, так как время от времени в реальных коммуникативных ситуациях корректируем происходящее («Можно чуть громче...», «Здесь не следует говорить слишком громко...», «Простите, вы не могли бы повторить то, что вы только что сказали. Мы не расслышали вас...»). Вернемся к политическому медиадискурсу – статье о Дональде Трампе, в которой приводятся примеры того, как Трамп критически оценивал и стремился корректировать внешность, манеру поведения и манеру общения своих подчиненных: “Honey, you look so tired” (of his female advisers). “They look O.K. in person, but on TV they look really bad. Why do they look so bad?” “...Trump complained that she wasn’t attractive enough...” “Anyone who takes notes is suspect.” “...they weren’t hawkish enough” (Entous 2020, p. 35).

Нобелевский лауреат Annie Ernaux, известная французская писательница, делилась впечатлениями о том, как корректировали ее культуру речи в частной католической школе и как она сама, приезжая к родителям, правила то, как говорят на французском они: “Language was the original dividing line between the place her family came from and the one where she was going. Blanche, whose “overriding concern” was to give her daughter “everything she hadn’t had”, insisted on sending Annie to a private Catholic school. Her teachers corrected her if she slipped into Norman dialect, and when she went home she corrected her parents. “How do you expect me to speak properly if you keep on making mistakes?” Ernaux remembers asking her father, in tears” (Schwartz 2022, p. 19).

Коммуникант – стихийный приверженец открытой коммуникации излишне откровенен, готов к развернутому повествованию с разными собеседниками – как теми, кто связан с ним дли-

тельными дружескими узами, так и теми, кто оказывается включенным в силу тех или иных обстоятельств в кратковременные, периодические или асимметричные отношения. Коммуникант этого типа, как правило, монологичен, ему не нужен собеседник, ему нужен слушатель (и, как это часто бывает, слушатели). Этот коммуникант повествует, он – рассказчик, жизнь собеседника его не интересует, и он вряд ли передаст инициативу ему, хотя уверен, что очередной слушатель на его стороне, т. е. является его человеком. Едва ли может удивить то обстоятельство, что его собеседник такой уверенности не испытывает и к контакту не стремится, зная, что любая короткая встреча гарантирует очередной поток открытой коммуникации. Этот тип коммуниканта не подозревает о том, что он подменяет открытой коммуникацией два других вида общения, выделяемых по форме общения, – закрытую коммуникацию и смешанную коммуникацию. Реальность политической коммуникации и на этот раз дает убедительный иллюстративный пример: (о Дональде Трампе) “He conducted diplomacy with these men the same way he ran his hospitality business, preferring informal, free-wheeling conversations” (Entous 2020, p. 36) Современная русскоязычная художественная литература не обошла вниманием рассматриваемый тип коммуниканта: «В купе расположились мои попутчики. ... И женщина по фамилии Родина, которая, не дожидаясь отправки поезда, с эпическим размахом раскинула перед нами полотно своей биографии в реальном времени» (Москвина 2022, с. 261–262).

Манипулятивный коммуникант вступает в диалог, преследуя свои цели и пользуясь неосведомленностью собеседника, с тайным стремлением добиться определенного результата. Он, естественно, не открывает карты, не дает всей информации, модифицирует и дозирует ее по своему усмотрению, расставляя акценты себе в угоду. Он может таким образом восстановить одного человека против другого, заставить собеседника усомниться в ком-либо, переманить его на свою сторону, подтолкнуть его к каким-то поступкам и действиям. Распознать манипулятивного коммуниканта непросто. Весьма часто имеет место асимметричное общение, в котором адресат может быть в подчинении у адресанта – манипулятора, который неизменно оказывается в сильной позиции.

Коммуникант, склонный к косвенной коммуникации, являет собой не менее сложный случай, так как многие из его высказываний разной протяженности не поддаются однозначной интерпретации и собеседник не всегда может в точности объяснить, что именно ему пытается (или пытался) сказать носитель косвенной коммуникации. Многие из работавших под началом Дональда Трампа не раз признавались в том, что не всегда в точности понимали, что именно им поручил или чего именно он от них ожидал, в чем именно заключалась задача, поставленная перед ними

Трампом, который изъяснялся туманно, косвенно, а значит, неоднозначно (Entous 2020; Lepore 2020). Общеизвестно и еще одно связанное с Трампом – косвенным коммуникантом обстоятельство: он был нетерпим по отношению к сотрудникам, которые вели записи, и при первой же возможности противился фиксации сказанного им на письме (иначе говоря, ему претила мысль о закреплении сказанного им в письменной форме). “He was happier when aides weren’t present and notes weren’t taken, which left Administration officials scrambling to figure out what, if anything, had been agreed upon” (Entous 2020, p. 36).

Приведу еще один показательный фрагмент из другой публикации в том же журнале. Этот материал перемещает нас из мира политики в мир бизнеса и, что чрезвычайно важно, дает представление о том, как происходит общение в крупных конгломератах на уровне высшего руководства.

“Jack, I give you the Queen Mary”, Jones said. “This is designed not to sink”.

Jack didn’t miss a beat.

“I don’t want the Queen Mary”, he snapped back. “I plan to blow up the Queen Mary. I need speedboats” (Gladwell 2022, p. 75).

Для человека осведомленного интерпретация использованных в этом обмене репликами высказываний и составляющих их идиоматических единиц не представляется сложной. Подчеркнем, однако, что для понимания смысла этого диалога важно знать, что Reginald Jones – с 1972 года директор-распорядитель компании General Electric (основанной в 1892 году), а его собеседник Jack Welch – именно тот кандидат, которому в не столь отдаленной перспективе своего выхода на пенсию директор-распорядитель отдаст предпочтение (“Within two years of securing the top job, in 1972, Jones was already planning for his succession. ... “I said, put his name on the list”) (Gladwell 2022, p. 73). Косвенный обмен высказываниями может быть «переведен», т. е. преобразован в прямую коммуникацию следующим образом: «Я передаю в твои руки компанию с устойчивой репутацией и сложившейся корпоративной культурой, которая не должна пострадать». – «Я намереваюсь разрушить эту компанию и изменить ее до неузнаваемости».

Продолжая обоснование новых типов коммуникантов в целях расширения одной из наиболее известных традиционных классификаций, назову и прокомментирую еще два ранее не упомянутых типа. Прежде всего это **коммуникант «по природе»**, который готов к процессу общения и понимает диалогичность (и в зависимости от ситуации полилогичность) общения. Будучи одаренным от природы коммуникантом, он интуитивно и неосознанно придерживается норм, правил и принципов общения. Вовлекаясь в общение, он легко передает инициативу собеседнику, неизменно реагирует на услышанное, откликается, делится информа-

цией и впечатлениями, а значит, взаимодействует с собеседником, через общение укрепляет с ним отношения (межличностные и профессиональные), вкладывает усилия в общение и, как правило, интересен и приятен как собеседник. Общение носит преемственный характер; с каждой коммуникативной ситуацией и с каждым коммуникативным событием отношения между общающимися сторонами укрепляются и углубляются. Такой коммуникант, сам того не осознавая, содействует успешной реализации одного из законов общения – закона ритма общения: «соотношение говорения и молчания в речи каждого человека – величина постоянная. ... Индивидуальный ритм общения «заложено» в человеке и требует своего соблюдения» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 281].

Рефлексирующий коммуникант – коммуникант «по установлению» – это человек, осведомленный об общении, начитанный в вопросах общения, опирающийся на знание основ теории и практики общения, оперирующий большим сводом специальных сведений и актуальной информации. Он понимает предназначение общения (общение как одна из потребностей личности) и знает о функциях общения (социальных, социально-психологических и индивидуально-психологических), ориентируется в типологии видов общения, досконально изучил свой индивидуальный объем коммуникации, распознает в собеседниках разных типов коммуникантов, может осмысленно корректировать ход и направленность общения, может осознанно корректировать свое коммуникативное поведение, переключаясь с одного типа коммуникативной личности на другой, он знает принципы общения (как в семиотическом плане, так и на метасемиотическом уровне) и, что еще более важно с точки зрения обсуждаемой проблематики, распознает действие законов общения и умеет ими руководствоваться, грамотно взаимодействуя с собеседником (и собеседниками) в разнообразии коммуникативных ситуаций. Иначе говоря, его отношение к общению носит профессиональный характер. Не без сожаления приходится признать, что такие коммуниканты в явном меньшинстве, значительно уступают с точки зрения количественных показателей, которые в обобщенном виде приводятся в практикумах по курсу коммуникативистики теми, кто наблюдает, сравнивает, сопоставляет и категоризирует виды общения и типы коммуникантов, тем, кто многое в процессе общения принимает как само собой разумеющееся и весьма часто переоценивает свои коммуникативные способности.

Завершая основное содержание статьи, не могу не упомянуть о двух типах коммуникантов, которые часто встречаются в многообразии реальных ситуаций общения, но все еще ждут своих исследователей и тем более взывают к практикам в области коммуникативистики. Первый из двух типов я бы назвала **коммуникантом-посредником**, но сразу же уточняю, что речь идет не о посреднике офи-

циальном и формальном – по принципу «сверху – вниз» (англоязычное top-down): принятым на должность агента-посредника, поверенного, представителя с соответствующим вознаграждением (ср. англоязычные agent, representative, etc.). Здесь же имеется в виду посредник по принципу «снизу – вверх» (англоязычное bottom-up), т. е. индивид, который действует исподволь, по своей инициативе, не демонстрируя своего участия и, конечно же, без вознаграждения (материального, денежного). Подобный коммуникант действует как англоязычный behind-the-scenes operator: он вникает, например, в суть какого-либо очевидного всем конфликта между двумя сторонами и деликатно, шаг за шагом проговаривает какие-то моменты с одной из сторон с особым упором на положительное и непреднамеренное в действиях второй стороны; при первой же возможности этот коммуникант найдет время для общения со второй из двух конфликтующих сторон, придерживаясь той же стратегии и снижая уровень напряженности за счет большого объема коммуникативных усилий (он может не догадываться о сути и действии конкретного закона общения – «закона зависимости эффективности общения от объема коммуникативных усилий» [Чарыкова, Попова, Стернин 2012, с. 276]). С течением времени мы наблюдаем сближение двух конфликтующих сторон, и эти стороны могут работать бок о бок, поддерживая друг друга и взаимодействуя в профессиональной деятельности, даже не подозревая о том, что в налаживании отношений принимал участие коммуникант – невольный посредник (ср.: accidental mediator), скрытый от всеобщего обозрения и невидимый глазу доброжелательный и дальновидный пассионарий.

Предлагаемый в настоящей статье перечень типов коммуникантов, который призван расширить одну из имеющихся традиционных классификаций, требует внимания к такому типу, который я бы назвала **коммуникантом-переводчиком**. Дело в том, что о переводчиках, как правило, говорят в связи со знанием одного или нескольких иностранных языков. Мое внимание в этом смысле привлекло определение термина «перевод» в книге «Теория перевода» профессора Н.К. Гарбов-

ского. Не воспроизводя развернутого толкования этого важнейшего термина, я прибегну к фрагментарному цитированию: перевод – «это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами» [Гарбовский 2007, с. 214]. Переводчики, на мой взгляд, недооценены именно с точки зрения своего умения быть коммуникантами и, подчеркну, эффективными коммуникантами. Определение, сформулированное профессором Н.К. Гарбовским с учетом целого ряда понятийных составляющих, воздает должное вкладу переводчика-коммуниканта в процесс общения представителей разных культур.

Заключение

Типологическое описание коммуникантов сопряжено с целым рядом объективных трудностей: во-первых, отсутствуют возможности длительного наблюдения над коммуникативным поведением всех окружающих нас индивидов; во-вторых, ролевые маски в своем природном многообразии скрывают от нас истинное лицо и истинные намерения (собственно мотивационный аспект) каждого из вступающих с нами в диалог или вовлекающих нас в полилогическое общение; в-третьих, нас окружает многообразная объективная реальность, наполненная динамикой процессов общения со свойственной им непредсказуемостью как направленности, так и результативности; в-четвертых, мы неизбежно сталкиваемся со сложностями распознавания когнитивных способностей и функциональных особенностей коммуникантов, вовлекаемых в процесс межличностного и межкультурного общения.

Роль научного теоретизирования и междисциплинарных исследований в уточнении категоризаций и типологии общения в целом и тем более в изучении конкретных вопросов устной и письменной коммуникации индивидов, организаций и культур возрастает день ото дня. Не менее важной является и практическая работа в учебных аудиториях и за их пределами, призванная раскрыть сущность и предназначение общения, помогая обучаемым не только выявлять трудности, связанные с общением, но и осознанно их преодолевать.

Материалы исследования

Entous 2020 – *Entous A.* A Devil's Bargain. Fiona Hill had hoped to guide U.S.-Russia relationship. President Trump had other ideas // *The New Yorker*. 2020. June 29. P. 30–41.

Gladwell 2022 – *Gladwell M.* Severance. Jack Welch was the most admired C.E.O. of his day. Have we learned the right lessons from him? // *The New Yorker*. 2022. November 7. P. 71–76.

Lepore 2020 – *Lepore J.* The Trump Papers. What will happen to the President's records when he leaves the White House? // *The New Yorker*. 2020. November 23. P. 20–26.

Rushdie 2020 – *Rushdie S.* The Old Man in the Piazza // *The New Yorker*. 2020. November 23. P. 56–62.

Schwartz 2022 – *Schwartz A.* Memory Serves. How Annie Ernaux turns the past into art // *The New Yorker*. 2022. November 21. P. 16–22.

Водолазкин 2022 – *Водолазкин Е.Г.* Чагин. Москва: АСТ, 2022. 378 с.

Москвина 2022 – *Москвина М.Л.* Три стороны камня. Москва: АСТ, 2022. 284 с.

Библиографический список

Grice 1975 – *Grice P.* Logic and conversation // *Syntax and Semantics*. Vol. 3: Speech Acts. Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York: Academic Press, 1975. P. 41–58. URL: <https://www.ucl.ac.uk/ls/studypacks/Grice-Logic.pdf>.

Leech 2002 – *Leech G.* Language in Literature. Style and Foregrounding. London: Pearson Education Limited, 2002. 278 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315846125>.

Pilbeam 1998 – *Pilbeam A.* Cross-cultural Issues in International Business // *ESP/BESIG Russia*. November, 1998. № 9. P. 21–31.

Гарбовский 2007 – *Гарбовский Н.К.* Теория перевода. Москва: Издательство Московского университета, 2007. 544 с. URL: <http://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Гарбовский.pdf>.

Кашкин 2007 – *Кашкин В.Б.* Основы теории коммуникации: Краткий курс. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: АСТ, 2007. 256 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19406116>. EDN: <https://elibrary.ru/qirgst>.

Кулинич, Кострова 2017 – *Кулинич М.А., Кострова О.А.* Теория и практика межкультурной коммуникации. Москва: Флинта, 2017. 248 с. URL: <https://knigogid.ru/books/346212-teoriya-i-praktika-mezhkulturnoy-kommunikacii>.

Назарова 2022 – *Назарова Т.Б.* Типология видов общения: от традиционных линий дифференциации к новым соотношениям // *Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология*. 2022. Т. 28, № 3. С. 117–126. URL: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/10680/9217>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=49534653>. EDN: <https://elibrary.ru/dutuax>. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>.

Чарыкова, Попова, Стернин 2012 – *Чарыкова О.Н., Попова З.Д., Стернин И.А.* Основы теории языка и коммуникации. Москва: Флинта, 2012. 312 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Osnovy_kommunikacii.pdf.

References

Grice 1975 – *Grice P.* (1975) Logic and conversation. *Syntax and Semantics*, Vol. 3: Speech Acts. Ed. by P. Cole, J. Morgan. New York: Academic Press, pp. 41–58. Available at: <https://www.ucl.ac.uk/ls/studypacks/Grice-Logic.pdf>.

Leech 2002 – *Leech G.* (2002) Language in Literature. Style and Foregrounding. London: Pearson Education Limited, 278 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315846125>.

Pilbeam 1998 – *Pilbeam A.* (1998) Cross-cultural Issues in International Business. *ESP/BESIG Russia*, no. 9, pp. 29–31.

Garbovsky 2007 – *Garbovsky N.K.* (2007). Translation theory. Moscow: Moscow University Press, 544 p. Available at: <http://rkiff.philol.msu.ru/wp-content/uploads/2020/05/Гарбовский.pdf>. (In Russ.)

Kashkin 2007 – *Kashkin V.B.* (2007) Fundamentals of communication theory. Moscow: AST, 256 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19406116>. EDN: <https://elibrary.ru/qirgst>. (In Russ.)

Kulinich, Kostrova 2017 – *Kulinich M.A., Kostrova O.A.* (2017) Theory and practice of intercultural communication. Moscow: Flinta, 246 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/346212-teoriya-i-praktika-mezhkulturnoy-kommunikacii>. (In Russ.)

Nazarova 2022 – *Nazarova T.B.* (2022). Typology of communication: from traditional lines of differentiation to new correlations. *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 28, no. 3, pp. 117–126. Available at: <https://journals.ssau.ru/hpp/article/view/10680/9217>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=49534653>. EDN: <https://elibrary.ru/dutuax>. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2022-28-3-117-126>. (In Russ.)

Charykova, Popova, Sternin 2012 – *Charykova O.N., Popova Z.D., Sternin I.A.* (2012) Bases of language theory and communication. Moscow: Flinta, 312 p. Available at: http://sterninia.ru/files/757/15_Studentam_i_aspirantam/Osnovy_kommunikacii.pdf. (In Russ.)

Some problems of investigating metaphoric domains in the linguistic cultures of different nations

I.V. Chekulai

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation
E-mail: chekulai@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

O.N. Prokhorova

Belgorod State National Research University, Belgorod, Russian Federation
E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Abstract: The article deals with the problem of widening the scope and nomenclature, as well as methods of investigation, as connected with the phenomenon of the language metaphor. It is pointed out that the theory of conceptual metaphor which was postulated within the cognitive linguistics surely creates a general framework for the description of the metaphorical process as a whole. But if one takes some special aspects of the metaphor as a hybrid of cognitive and linguistic processes it seems insufficient to point out only the models based on substantivized notions, as ARGUMENT IS WAR. We suppose that the metaphorical architectonics is based not only on the mentioned substantive-like models, but on the predicative knots, such as formed by such parts of speech as adjectives or verbs, as well. Within this paper, in particular, the complex linguistic activity analysis of the paradigm of metaphorical models with the kernel English verb bring and its equivalents using the joined methods of grammar-morphological, syntactical, semantico-syntactical, stylistical, linguo-pragmatical and other projections of the language and speech investigations, necessarily preserving the cognitive semantic basis of the research. The possibility of simultaneous appearance of metaphor and metonymy finds its reflection in the paper, this fact giving possibility to view them not only as independent but the intercrossing one another phenomena. The necessity of similar studies of the metaphorization process according to the vector of searching for their universal properties is marked in the paper.

Key words: metaphor; source-domain; target-domain; metonymy; activity approach of linguistic studies.

Citation. Chekulai I.V., Prokhorova O.N. Some problems of investigating metaphoric domains in the linguistic cultures of different nations. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-116-126>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Chekulai I.V., Prokhorova O.N., 2023

Igor V. Chekulai – Doctor of Philological Sciences, associate professor, associate professor of the Department of English Philology and International Communication, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation. Olga N. Prokhorova – Doctor of Philology, associate professor, professor of the Department of English Philology and International Communication, Belgorod State National Research University, 85, Pobedy Street, Belgorod, 308015, Russian Federation

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.1/9

Дата поступления: 27.02.2023

рецензирования: 28.03.2023

принятия: 30.05.2023

Некоторые проблемы исследования метафорических концептосфер в лингвокультурах различных народов

И.В. Чекулай

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: chekulai@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-8599-1699>

О.Н. Прохорова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
г. Белгород, Российская Федерация

E-mail: prokhorova@bsu.edu.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9441-819X>

Аннотация: В статье рассматривается проблема расширения номенклатуры и методики исследовательских процедур в связи с феноменом языковой метафоры. Отмечается, что созданная в рамках когнитивной лингвистики теория концептуальной метафоры, безусловно, создает общий каркас для описания процесса метафоризации в целом, однако при целевом подходе к метафоре как гибриднему когнитивному и лингвистическому явлению недостаточно только выделять субстантивизированные модели типа СПОР – ЭТО ВОЙНА. Полагаем, что метафорическая архитектура языка зиждется не только на субстантивных моделях, но и на предикативных

узлах, в основе которых лежат метафорические потенциалы таких слов-частей речи, как прилагательные и глаголы. Проводится комплексный лингвистический деятельностный анализ парадигмы метафорических моделей с глагольным ядром английского языка bring и его эквивалентами в других языковых культурах с применением методики анализа грамматико-морфологических, синтаксических, семантико-синтаксических, стилистических, лингвопрагматических и иных позиций исследования единиц языка и речи при сохранении когнитивно-семантической основы исследования. Отмечается возможность одновременного действия метафоры и метонимии, что позволяет говорить о них не только как о самостоятельных, но и пересекающихся когнитивно-лингвистических феноменах. Показывается необходимость подобного изучения процесса метафоризации с позиций лингвистических универсальных явлений.

Ключевые слова: метафора; область-источник; область-цель; метонимия; деятельностный подход к явлениям языка.

Цитирование. Chekulai I.V., Prokhorova O.N. Some problems of investigating metaphoric domains in the linguistic cultures of different nations // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 116–126. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-116-126>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Чекулай И.В., Прохорова О.Н., 2023

Игорь Владимирович Чекулай – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Ольга Николаевна Прохорова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 308015, Российская Федерация, г. Белгород, ул. Победы, 85.

Introduction

Much has already been said about metaphors. As it is known, a metaphor is one of the main tropes which scientists have dealt with since ancient times. Many writers used thousands of them in their masterpieces making them the specimens of the literary art. Hundreds of scientists devoted their works to this subject, and not only in the domain of linguistics but in other different branches of science as well (for instance, [Arutyunova 1977 a; Arutyunova 1977 b; Arutyunova 1978 a; Arutyunova 1978 b; Arutyunova 1979; Nikitin 1979; Sklyarevskaya 1987; Sklyarevskaya 1988; Sklyarevskaya 2004; Luttrell 2013; Ruiz, Hanin 2004] etc.). That is why it seems quite logical to ask the following question: “What new can we about a metaphor? Why do the scientists refer to the subject again and again?”

Surely, all these questions are bogus in their essence. The main answer to the question why the phenomenon of transition of meaning and respectively iconic form is a constantly developing process is rather simple, as the phenomenon of metaphor is wider than the phenomenon of sign. There exist numerous instances when one and the same metaphoric model can be effectively realized within different semiotic systems. For example, one may show some positive or negative change in understanding certain things using not only purely linguistic and extralinguistic means of communication as gestures and movements of the body but some additional means (facial expression of coldness, pretending not to know you though you have been acquainted for a long period, etc.). A toddler can use certain objects to play, as, for instance, slippers instead of boats floating down the river made by a prolonged rug, without even knowing how these objects are called. Moreover, an oral speech giver more reliable results than studying different cognitive effects within the samples of fiction or institutional documents. In this respect we fully agree with O.V. Alexandrova when she says: “Изучая живую речь, следует отметить,

что ее арсенал средств (принимая во внимание и экстралингвистические) не только несравненно богаче ее письменного аналога, но они имеют специфический характер” [Aleksandrova 1984, p. 168–169]. This and other similar facts prove that the metaphor represents a certain kind of creative activity, and so, it should be scientifically investigated by putting an accent on metaphor’s ontological essence as a special mental activity.

Methods and Methodology

As we have already pointed out, the metaphoric process is a certain kind of activity, that is why it should be ontologically viewed from the point of the activity methodological outlook. According to it, – at least, it is G.P. Shchedrovitsky’s point of view [Shchedrovitsky 2005, p. 168–169] that we share as well – any activity consists of the three main parts:

– **stimulus**, i. e. some initial move that gives way to the activity in general. In case of some mental activity one may justly call it “motivation”, though in the case of metaphor it can happen without special and well thought in advance preparation, as it happens when we are faced with the necessity to explain to somebody who does not have a command of your language and, respectively, you can not speak his/her language, but the communication is necessitated by the situation.

– **means for the realization** of the activity. To this we refer, first of all, certain objects and instruments appropriate for the situation, the situation itself, other active persons involved in the semiosis, etc.

– another constituent part that Shchedrovitsky does not point out but we do is the **algorithm** of providing the action. In broad sense it is pointed out certain sequence of actions which are necessary or desirable to fulfil due to this particular activity in one or different situations of its realization (Chekulai 2006, p. 205). As far as the metaphor is concerned, these are interrelated ways in which the content of a source-domain is transmitted into a target-domain.

– the last stage in this chain is represented by the **result** which is a sign belonging to a certain

semiotic system, be it the domain of music, graphics, architecture or language.

Taking this as a philosophic preliminary sketch for further adaptation of the conception of metaphor as a specific phenomenon of human cognitive activity to the domain of language, one should admit that the stimulus for any metaphor is one and the same irrespectively of the semiotic domain it is intended for – to substitute the notion about one object with another object which has certain and vitally important for the effectiveness of the metaphoric process features in common with the object that is in need of substitution. But when it comes to the domain of language immediately, there appear a lot of different additional reasons for such a substitution predetermined by pragmatic factors in the first place. We will not deal about that in detail as it is surely an object of some special and fundamental research which is to uncover some new reasons for the metaphoric transitions, though much has been achieved in this respect. That is why we think it of primary importance to concentrate on different ways and types of the means of performing metaphorical transitions within a human language.

Objectives of the Research

It goes without saying that all the means of metaphoric – and metonymic – transitions in a language are directly or circumstantially the linguistic means. First of all, we may view them according to the level of language system which they immediately belong to. Definitely, the main speech unit to perform such a transition is the word, but we are sure that such a transition may be of more complex nature and may therefore be represented by the units of the constructive, i.e. syntactic and supra-phrasal, linguistic levels, penetrating into their categorial structure and thus acquiring the necessary form to produce the desired pragmatic effect.

If we take the level of the word in particular, it is easy to notice the multitude of structural patterns that create the units of this level and their interaction in the context. First of all, one differentiates between the parts of speech, and that is rather an interesting point that should be put attention to. The matter is, that scientists usually describe all the metaphoric models within the framework of the cognitive linguistics in terms of the nouns. For instance, G. Lakoff and M. Johnson begin their known to everyone in the linguistic world “Metaphors We Live By” with the conceptual metaphoric model ARGUMENT IS WAR [Lakoff, Johnson 2003, p. 5], where it is easy to see that both components forming the predicative structure joining the source and target domains are both nouns, and proceed with further scientific narration using the same part-of-speech correlation, save the orientational metaphors of the type HAPPY IS UP, SAD IS DOWN and the like. The problem whether the part of speech is important to denote the essential features of the metaphoric model in general seems to be worth a damn, yet we consider to pay some attention to it as far as such subjective entities as feelings, sensations and

emotions are concerned. For instance, the English set-expression *to feel blue* suggests such a model as BLUE (COLOR) IS GLOOMY/SAD/MELANCHOLIC. Should this model be viewed as belonging to denote the regular associative relations within the semantic system of the English language in general, or is it sporadic and used and understood only by some people speaking this language? Surely, the first part of the alternative question is the answer. Admitting this fact means that it is highly likely that there are models that should be adequately expressed by some other part-of-speech models than the one consisting of two nouns. For example, the colloquial meanings of the Russian verbs *доставать* and *задалбывать* used in the perfective form of the narrative sentence addressing one or several persons, i.e. in the 2nd person, may mean “to get highly annoyed by his/her inadequate conduct or speech”, and namely:

Достал ты меня! Задалбал ты меня!

In all these instances, the metaphoric model ДОСТАТЬ/ЗАДОЛБАТЬ – ЭТО РАЗГНЕВАТЬ И НАДОЕСТЬ ОДНОВРЕМЕННО is the means of realization some negative emotional reaction which can be explained as a mixed feeling between anger and irritation, or to be more exact, both anger and irritation. Of course, one can try to invent some commendable from his subjective point of view metaphorical model with the nominative constituents, as, for instance, *BATTERING/PECKING/CHISELLING IS ANGER/IRRITATION, but every person with a commendable command of the language will understand its lame character. Thus, in terms of the Russian language this metaphoric model can be better put in the verbs than in the nouns.

Results and Discussion

This problem gives way to a whole set of discussion lines. The fact that a metaphorical transition as a holistic process has certain difficulties in explaining it as a conceptual unity brings to the fore the general problem of the ontological status of the metaphor. G. Lakoff and M. Johnson put forward the term “conceptual metaphor” as the cornerstone of their general theory of metaphor. They write, in particular: “We think... that the only answer is to base both the theory of meaning and the theory of truth on the theory of understanding... Metaphors are basically devices for understanding and have little to do with objective reality, if there is such a thing” [Lakoff, Johnson 2003, p. 184]. The idea of the primacy of the cognitive over all other essential components follows logically from this, but we have certain grounds to doubt it. If we refer to the case that we have suggested above with the verbs *доставать* and *задалбывать* one should admit that these verbs conveying this particular sense of irritated indignation is anomalous with the 1st person both Singular and Plural in the Active voice. More than that, if we take the same with the 3rd person both Singular and Plural, the characteristic for the situation sense of indignant irritation remains but becomes tangibly weaker in its illocutive force.

The facts above show that the word-form, i.e. the paradigm of different morphological grammatical forms of the given words is not full, as their 1st person Active Voice cannot be used in this metaphorical sense. We see also the pragmatic limitedness of some word-forms, and, besides, one may surely add the linguo-cultural factor up there. For instance, if we take the English-language proverb “Scratch my back, and I’ll scratch yours” it is easy to see that the word-combination “to scratch back” embodies the metaphoric model SCRATCHING BACKS IS CORRUPTION, and this model is inherent in the Anglo-Saxon linguistic culture while in its Russian counterpart the proverb with the correspondent sense «Рука руку моет, и обе грязные» (“One hand washes another, and both are dirty”) another model WASHING HANDS IS CORRUPTION is typical of expressing the same attitude to the facts of social life.

Surely, it is possible to find common elements in the two proverbs that give possibility to speak of the common conceptual basis in their meaningful structures. First, they both imply MUTUALNESS of the action expressed by the verbs in their source-domains. Second, both sayings may be interpreted either with positive evaluative connotation or with negative one, depending on a person uttering it and those who are listening to him/her. But may these sayings be considered as conceptual metaphors from purely cognitive linguistic point of view? As Zoltán Kövecses puts it, “the standard definition of conceptual metaphors is this: A conceptual metaphor is understanding one domain of experience (that is typically abstract) in terms of another (that is typically concrete). This definition captures conceptual metaphors both as a process and a product. The cognitive process of understanding a domain is the process aspect of metaphor, while the resulting conceptual pattern is the product aspect” (Kövecses 2003). Does that mean that if both domains as it was in the cases described above are concrete, then the metaphor ceases to be conceptual? And is it a metaphor at all?

The present-day research of the metaphor as a cognitive process is concentrated on practically and exclusively semantic interpretation of the phenomenon, and this seems a tendency that arouses alert. We often forget that a man as the main and practically the ultimate user of language as a means of communication does not only acquire ideas but also gives them a necessary form, embodies them in certain units and structures and uses these ideas to gain his or her personal profit or advantage in the battle of life every person experiences every day of his or her existence. As scientists, we often ignore the fact that a language unit is just a specific sign belonging to a certain semiotic system, and therefore concentrate only on what this or that language or speech unit denotes or implies, ignoring the fact that this reflection of the objective or subjective reality must necessarily receive a certain form on the basis of the specific for this particular semiotic system processes because

of the personal intentions, presumptions, views, beliefs, esoteric positions that have their own specific processes of formation and functioning. And this is true not only for the scientific research of metaphors but other linguistic phenomena as well.

That is why the question whether a conceptual metaphor – the term that we understand in a general sense as a conceptual unity of the two or more notions united by the relations of likeness – may be expressed by the nominal parts of speech only, or whether one could take other parts of speech to express his or her ideas of a particular metaphoric model in question.

This consideration implies the idea of taking into account not only semantic but syntactic properties of metaphor – as well as other semantic phenomena and processes that constitute the necessary set of structural characteristic features governing the formation of the phenomena in question.

Another important issue that should be paid attention to comes from the case with “scratching backs” and “washing hands”. We have reviewed only their categorial features in common. But if we take poorly the semantic aspect of the interrelation of these proverbs, one can easily notice that they have one thing in common and, namely, the reciprocal actions represent some action implied to certain human parts of a body.

We have dealt with the material of the two languages only up to now. But if we take some other languages, or to be more exact, other linguistic cultures, this gives some unusual, at first sight, results. For example, we have practically the same lexical units comprising an idiom that we have had in Russian if we refer to German. They also may be interpreted with different evaluative connotation:

Mein Nachbar geht mit meinem Hund gassi, ich hole ihn ab und zu vom Flughafen ab. Eine Hand wäscht die andere (We help each other as neighbours, and that is good from all points).

Wenn du uns bei der Flucht hilfst, helfen wir dir, mit dem Boss Kontakt aufzunehmen. Eine Hand wäscht die andere (the situation is good for the criminals, but is negative from the point of view of the law).

– Ein sehr korruptes System. Eine Hand wäscht die andere (a poorly negative characteristic of the social drawbacks).

But we see the same results when we refer to some Romanic languages, such as Spanish and Italian:

Petróleo, gas, política, intimidación y represión se mezclan mientras una mano intenta lavar a la otra (a poorly negative evaluation of certain situation in business).

Aveva rifiutato di capire gli accenni di Finch al fatto che una mano lava l'altra (rather a wide context that may admit different variants of evaluation the fact from a speaker's point of view).

No wonder that in these cases the wide range of the coincidence with the Russian linguistic culture is evident. But the case is that all of them, including the Russian one, go back to the ancient Latin “Manus manum lavat” which has a wide scope of denoting

the evaluative side of situations as well. The same one meets in French, Hungarian and other European languages. Frankly speaking, the variant with “hands” may be found in English as well, but it is not so recurrent as the variant with “backs”.

The analogue of these proverbs can be found in Chinese, but it has somewhat different meaning, just let us see it:

滴水之恩,当涌泉相报 [Dīshuǐ zhī ēn, dāng yǒng quán xiāng bào]. Literally it has the following translation “Dropping water is merciful, a fountain pays in return” but having the sense “returning a favour many times more”, corresponding more to the English “Look after the pennies and the pounds will look after themselves”, or the Russian «Копейка рубль бережет» but having more general meaning than the English and the Russian proverbs, as they apply to the monetary or industrial spheres only while in Chinese the named proverb can be applied to any sphere of human relations where a small input or effort may bring a substantial profit or other favourable result.

These considerations give grounds to the following reasons. First, it is hard to deny that metaphorical processes differ little in their structural characteristic features. And there are certain cases when the same metaphorical model with the corresponding conceptual coincidences reflected in the corresponding semantically lexical units, as we have seen in the case of *Manus manum lavat*. And it might create the illusion that all metaphorical models in different linguistic cultures coincide up to all lexical components. This point has not received due consideration as nearly all important papers concerning the problems of conceptual metaphor are limited by a certain language; the majority of these works are done on the material of the English language. That is why the comparative aspect of the problem of cognitive metaphor needs further clarification, as there appear some additional aspects of their similarity and difference in different languages and corresponding cultures. As for the proverbs mentioned, the matter is simple and has already been viewed in the theory of set expressions. From the point of view of their etymology the set-expressions are divided into two large groups: those created on some native ground and those that found their way inside the phraseological paradigm of a certain language from other linguistical and cultural sources, These outer to some native idiomatic system sources may be of international character, such as those coming from the biblical and other religious doctrines, from ancient culture and mythology, and the proverb *Manus manum lavat* is just the last case when the popular Latin expression was creatively borrowed and by means of tracing paper translation was interpreted word by word into different European languages in different historical periods. Anyway, it is necessary to admit that a coincidence of metaphors is rather a wide-spread case, and the theory of conceptual metaphors as presented by G. Lakoff, M. Johnson, Z. Kövecses and other known linguists majoring in metaphorical processes is surely a commendable,

healthy theory which needs neither its affirmation nor much debates on it. People are apt to think with the same concepts and categories in different parts of the planet. But at the same time no one can deny that there are certain cases when the conceptual structure of metaphorical models differ, and this fact finds its realizations in using different words to present the same metaphorical models and, vice versa, different models of metaphoric transitions are made actual using the same words. In order to confirm these there is a need to refer to the particular cases of metaphors in different languages from the comparative point of view.

First, despite the fact that the representatives of different ethnical groups perceive the colours of the outer world in the same way, there are certain metaphors that use colours to represent certain entities that have symbolic content. For instance, in many cultures such feeling as envy is expressed in the terms of certain colours of eyes. The analysis of different language facts shows that the associative picture in different cultures is not uniform in some complex instances of colour metaphors. It is remarkable that different peoples describe the same facts of reality in different colour terms, though it is clear that they cannot differ depending on places where these different peoples live, or on their social, racial etc. peculiarities on condition these facts are universal.

A vivid example of such universal phenomena can be manifested by different feelings, sensations and emotions that people experience throughout their lives. To be more exact, these certain complex feelings and emotions, or, otherwise, different emotional states may be expressed by a metaphorical complex, as in the following. One of the Internet sites dealing with the meaningful specifics of actualizing English language unit of speech gives such a piece of information:

“Someone who looks upon something with a *jaundiced eye* is most often perceived as having been harmed or tricked in the past and is world-wide. The word *jaundiced* is an adjective that means showing distaste, envy or bitterness. It is derived from the word *jaundice* which means yellow” (grammarist.com).

As for the Russian language, we have found only the examples where the source domain yellow eyes is correlated with the only conceptual entity – ENVY:

Григорий Никандрович усиленно улыбался, в то время как глаза его *пожелтели от зависти* (Анастасия Герасимова. Вензель императора).

And a very interesting piece of information concerning this case is given by A. Vostrikova and D. Leonova where they give not only the fact from the Chinese language but in Russian as well:

«Красный цвет обладает и негативными оттенками значений. Значение китайского фразеологизма “红眼病” совпадает со значениями таких русских фразеологизмов, как “позеленеть от зависти”, “завидовать по-черному”. Буквально он переводится как “болезнь красных глаз”» [Vostrikova, Leonova 2018, p. 17].

When G. Lakoff and M. Johnson speak of the coherent structuring of experience they fail to explain why the same phenomena that cannot differ due to their ontological characteristics receive different language nominations in different linguistic cultures. In this case the same phenomenon gets different development in at least the three above-mentioned languages. And no one yet has even tried to discover whether there is real ground to state that eyes really acquire certain colour or shade of it when a person experiences a certain feeling or emotion, envy in particular. But the fact remains that different languages produce different results as far as a metaphor of colour as a material sign of envy is concerned. We see it as a necessary development of the general theory of linguistic metaphor.

As far as the semantic sphere of colour is concerned, we can take another aspect of denoting one and the same phenomenon of reality which has different semantic ways of a sign outer form depending on a culture and respectively of a language. We mean such a biological phenomenon as a hematoma which is understood as a subcutaneous blood clot which has appeared as a result of some strong outer impact, such as blow, compression etc., on a corresponding part of a body. No one can doubt that this phenomenon manifests itself in every part of the planet and with every individual in the same way. Depending on the stage of its existence it may change colouration from a colour of a ripe plum and, passing through some bluish-blackish stage may have some ill-greenish shade before its complete disappearance. Yet, such different cultures as the Russian and the Anglo-Saxon use different colour denotations: in Russian it is «синяк», that corresponds for “dark-blue” plus the noun-formation suffix, and in English it is “black” in analytical combination with a noun denoting a suffered part of a body, mostly “eyes”, as in the following example:

When Mel fell down and hit her face on her brother's toy truck she got a *black* eye.

We consider it necessary to add that this phenomenon is not necessarily connected with colouring, as far as different linguistic cultures are concerned. For example, in German it is *Prellung* which literally means “injure, harm”, and in Chinese it is 挫伤 “cuoshang”, which consists of the characters meaning “upset” plus ‘harm’.

If one takes the grammar aspect of structuring metaphors, the problem we have already touched upon, – we mean “grammar” in its traditional understanding, not the cognitive one – and the grammatical morphology, in particular, we need to lay an emphasis on the problem why the cognitive theory of metaphor uses only substantives to mark the concepts that combine into the cognitive metaphors. Are there any cases of metaphor that can be rendered in terms of the other parts of speech? And the answer seems evident, as G. Lakoff and M. Johnson use the prepositions UP and DOWN to denote the target-domains of the mental entities that they call “orientational metaphors” [Lakoff, Johnson 2003].

As one can easily see, the concept is expressed not even with a notional, but the structural part of speech – with the prepositions UP and DOWN.

Surely, there may be some argument in favour of these lexemes as nouns, as in analytical languages one and the same lexeme may be represented by different parts of speech, the prepositions UP and DOWN also belonging to this set, as sometimes we see them as notional parts of speech, as in “Suddenly he ups and stabs his neighbour with a knife”, but the invariant grammatical meaning of these lexemes still remains a prepositional one.

These considerations raise the following question: can a cognitive metaphor be expressed with some other parts of speech than a substantive, or not? And if it can, what is the principal difference between the models that are traditionally proposed in the cognitive linguistics and these new entities?

Let us view several examples, for instance, the following utterance from “*Oliver Twist, or The Parish Boy's Progress*” by Charles Dickens: “The days were peaceful and serene; the nights *brought* with them neither fear nor care”.

Undoubtedly, the verb *bring* was used here in a metaphoric sense. Such a metaphor has already become a stale one, and its model is not reduced to nights only and may be implied to any period of time. For instance, spring, or the next day may bring something, and this something is not necessarily an object, mostly these are events that are brought with the time flow. Let us see in what way this model is manifested in different languages. But before doing it let us remember that we are linguists, after all, and that means that while analyzing metaphors as the mental entities we should keep in mind that they are language entities, and that is why we should view them not only in the focus of their content but in the focus of their formal characteristic features as well. One should bear in mind that in real communicative situations NOUN 1 and NOUN 2 are not only a source-domain and a target-domain, they are also certain sentence members. That is why we think it quite reasonable what definite, concrete, clear-cut linguistic units constitute metaphors in the practice of a certain ethnos' language communication.

So, we have already outlined the standpoint that a certain period of a separate day, or of a season, can bring something, and in that way the noun denoting this temporal entity becomes the subject of a sentence. We have already seen this noun in the English example. In Belo-Russian and Ukrainian we see the examples exactly repeating the same separate model with the nouns corresponding to the English noun *night*:

Гэта ноч *прынесла* мне разгадку аднаго цікавага пытання, якое выявілася зусім нецікавым, калі не лічыць таго, што я лішні раз пераканаўся у тым, што подласць жыве і у дурных, добрых, наогул, душах (Уладзімір Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха).

Ніч горіла темрявою. Була вона найтемніша з усіх ночей, ця ніч її падіння. Не стала вона святом Єльчиного життя. Не *принесла* ні радості,

ні насолоди. Нічого, крім болю (Олесь Гончар. Собор).

The last example is remarkable because this particular night as a period between the evening and the following morning was not usual in Yel'ka's life, as it is marked in the text as *the night of fall*, i.e. a complex of the two semantic entities where *the fall* becomes the leading element and, being a negative event of great importance in the life of a young girl living in the society where the first night with a man before she had been married to him was considered as something very shameful, this word marks the leading semantic element which shifts the meaning from the concept NIGHT as a period of time to the concept of EVENT, where NIGHT becomes a certain domain of the metonymic shift NIGHT is EVENT. An EVENT can also bring, for instance/ a certain emotion, as in the following example from Ukrainian: “Ні, не *принесла* “воля” жаданого щастя” (Оксана Іваненко. Марія).

Can we say of the same metaphoric model where we may neglect the difference between NIGHT and EVENT by shifting our attention to the fact that they play a secondary part, and the focus of semantic action is concentrated on the verb *bring*? Perhaps, we should not be so categorical, as a certain difference between the notions of PERIOD OF TIME and EVENT does exist, but the second part of the question remains actual enough. We see that in both cases the concept expressed by a subject of a sentence brings something which is an object of the sentence. And this provokes the third question concerning the phenomenon discussed, whether the entity brought by the concepts of PERIOD OF TIME or EVENT belongs to a certain conceptual type. Let us try to clear up these problems step by step.

As we have already stated out, the concepts PERIOD OF TIME and EVENT have metonymical relations, as EVENT takes place at a certain time, and, vice versa, any PERIOD OF TIME either contains a uniform event/set of events or a certain portion of event takes place at that period of time. If so, do any other entities of the objective reality of the kind exist, so that they may also form metaphorical models that are explained by the action described by the verb *bring*? Surely, such a problem needs special investigation. Preliminarily, we may speak of PERSON that brings NEWS, but can it be referred to the cognitive semantic paradigm to which PERIOD OF TIME and EVENT belong? Thus, this problem should be viewed separately.

Yet, this gives certain grounds for further reasoning, as there exists a certain moment to put these seemingly different cognitive entities together. Namely, it is the fact that both PERIOD OF TIME/EVENT and PERSON may bring NEWS. That gives us another important vector of the investigation the essence of which is that the subject of a sentence involved in to a communicative situation with the metaphorical use of the verb *bring* should be investigated in a close connection with the object (or several objects) of that very sentence and perhaps other sentences involved in the situation.

Beside the knowledge structures PERIOD OF TIME and EVENT, it is easy to find another semantic category which can bring things that may be interpreted as sensations. This category is NATURAL PHENOMENA, such as the four elements (air, water, fire, earth) and their different specific manifestations – wind, light, rain etc. There is a ground to suppose that this particular model of metaphor is of universal character, as the samples of it can be found in different languages, for instance:

Yet the serene half-light over Tara's well-kept acres *brought* a measure of quiet to her disturbed mind (M. Mitchell. *Gone With the Wind*).

Еще не засверкали капли бриллиантами, еще не потекло червонное золото по склонам гор, еще не *принес* легкий ветер аромат диких цветов (В. Суворов. Аквариум).

– Oh! la mia donna, che vento *v'ha portata*? (A. Manzoni. *I Promessi Sposi*).

Returning to the problem of the subject in metaphorical sentences with the verb *bring* and its correlates in different languages, we would like to concentrate on some complex cases of defining such thematic concepts on the basis of which these subjects are formed, or, to be more exact, on some complicated cases. The first such case has been already presented in connection with the differentiation between such knowledge structures as PERIOD OF TIME and EVENT. As it was stated, these domains of knowledge are connected with the metonymic relations, but to find whether these relations are based on the hierarchical principle seems rather a difficult problem which is to be cleared out by all means. But something that can throw some light on the problem concerns their ontological characteristic features, namely, the fact that each of them by the structure is nothing more than a *quantum* of some more abstract and more general structure of knowledge. Indeed, any “period of time” may be interpreted as a “quantum of time”, or, to put it stylistically commendable to scientific prose standards, “of temporal division”. And “event” if taken generally can be interpreted in terms of “a quantum of some activity having definite space and time parameters”. It is the concept of TIME as a class of that produces certain difficulties in their differentiation, but an unprejudiced view on the problem shows clearly that PERIOD exists objectively and irrespectively of humans' desire and will, and EVENT may be both objective and organized by people.

In order to at least pre-finish the problem of difference between these two mental entities we would like to show one interesting case where the borderline separating them ceases to exist.

We mean the subject of the following sentence:

Five o'clock brought three of the brothers, Jolyon and James and Swithin; Nicholas was at Yarmouth, and Roger had a bad attack of gout (J. Galsworthy. *A Man of Property*).

Here appears a certain dilemma as to the main direction of further investigation, as it can be easily seen that, though having the formal markers of identity

with the previously discussed metaphorical models in the sentences that contain the verb *bring* in the function of their predicate, the content markers have somewhat changed. First, in the syntagm five o'clock one cannot say for sure whether the period of time or the event should be put as the essential marker of the word-combination, as the real essence of it is an amalgama of the both. But this is not the decisive factor, as the last is greatly induced by the idiomatic essence of the word-combination. And the second seems to be no less important, as in the earlier examples the object of the utterance was represented by feelings, emotions or sensations, or things connected with those, but now it is represented by the proper names of people, so the object becomes animate. It goes without saying that this is another model of metaphor despite the same formal characteristic features of the components of the utterance.

PERIOD OF TIME can bring not exactly feelings and emotions but some more material thing that can induce such emotional states, as in the following:

Pamiętał, że ten lud kochał takie i Brytanika, którego Nero otruł, i Agrypinę, którą kazał zamordować, i Oktawię, którą na Pandatarii uduszono po uprzednim otwarciu jej żył w gorącej parze, i Rubeliusza Plauta, który został wygnany, i Trazeasza, któremu każde jutro mogło przynieść wyrok śmierci (H. Sienkiewicz. Quo vadis?).

Of course, the death sentence is far from being something expected so much, though Petronius is always at his alert about it, as knowing Nero's highly changeable dispositions no sound head could guarantee that its owner would not lose it the next day. But the linguistic problem here is in the fact whether one should consider it as a joined case of metaphor and metonymy (being determined by the verb *przynieść*, the object may denote at least two situational varieties: the death sentence is on a paper, and then it is hard to say whether technically it is a metaphor, or it is not; the message was delivered orally, and then we have metonymy of the object, but can one speak of the object as *taking part in creating metaphor* (as the target-domain) in this case?

One more interesting case of forming semantic metaphorical models with *bring* and its equivalents in other languages can be seen in the following example in Ukrainian:

«...на мій простий розум виходить, що вони сотворені на щось кращого, що більшу користь принесе нашій православній церкві і нашому народові, як піти в козаки і там або голови молодецькі зложити, або в ясир попадуть, або... на колі згинуть...» (А. Чайковський. Сагайдачний).

In this case it is rather difficult to say for sure where the subject joined by predicative relation with the verb *носити* in the form of the third person singular future tense is. It is impossible to find here any noun in the Nominative Case. But the utterance does exist, and the only way to denote the subject is to turn over to the clause to which the given clause with the verb *носити* belongs as a subordinate one. From

this follows that the subject should be looked for in the clause «вони сотворені на щось кращого» ('they are created for something better'). Here is a dilemma. On the one hand, the subordinate clause is governed by «щось кращого» ('something better') being thus an attributive clause, and this "something better" is the kind of complicated subject¹ which, as it is clearly seen, has rather an ambiguous volume of content. On the second hand, it may be the substantivized adjective *кращого*² ('better'), and then its semantic volume acquires a more definite form as it is one of the means of EVALUATION. And, on the third hand, if one may say so, the whole clause may be defined as the subject to the predicate *bring* which, at its turn, governs the object «користь», i.e. 'use'. Besides, we do not reject the fourth variant of these two clauses being homogeneously subordinate to the clause «на мій простий розум виходить...» ('to my simple mind it is that...').

So, we see that in the *linguistic* study of metaphor not only its cognitive characteristic features should be paid attention to, but their structural peculiarities as well, and vice versa. It cannot be full without taking into account different factors determining the formation of the linguistic structures that reflect the whole linguistic picture of a typical or particular situation of reality or thought. Here belong not only cognitive, but syntactic, oppositional, extralinguistic and other factors whose interrelation should be investigated in order to understand the mechanism of forming metaphors in its full and harmonious form.

That is why, having partially viewed several structures of knowledge that can be reflected in a language as nouns playing the syntactic part of a subject, we think it logical to pass over to viewing the object in the sentences with the metaphoric *bring* as an important sentence member which determines the metaphoric potential realized in a sentence, and namely, the object of a sentence. But before doing this it seems necessary to clear up one more important point.

Surely, rather a small amount of the article volume according to the requirements of the editing board will not allow to clear up all the variety of a complex activity approach to the study of the verb metaphor. That is why we consider it necessary to warn our respected readers that, while pointing out the role of the subject and the object in formation of the metaphor with the nuclear verbal element, we are rather restricted on it, as we fully agree with the assumption

¹ We deliberately introduce this term to denote a subject consisting of two or more notional lexical components as a kind of antithesis to the term "complex subject" as a well-known semi-predicative construction of the English language in particular.

² According to the general rules of the Ukrainian language, this word-form should be spelled as «краще» which represents the Accusative, but maybe, some changes appeared since the so-called "nezalezhnist", and the relations of the Accusative may have as a variant the word-form of the Genitive which is present in the example.

expressed by Ch. Fillmore about being careful with the traditional syntactic terms and the necessity of taking into account that in the formation of the language utterances much depends on the semantic cases of the nouns surrounding the verb in the function of the sentence-predicate. More than that, we are sure that implying the principles of the case grammar analysis will yield much more productive result as for the metaphor, as Charles Fillmore states himself, “Case elements which are optionally associated with specific verbs, together with the rules for forming subjects, will serve to explain various co-occurrence restrictions” (Fillmore 43). Frustrated though we are a little bit, yet the next logical stage of this research is to find out if there are certain peculiarities of choosing the objects of the sentences comprising the verb to bring and its equivalents in other languages as the central element of the metaphoric transition.

The following example shows not only a set of objects which can be structurally described as belonging to different lexico-semantic classes but a specific subject which belongs to neither group of classes to which the above-studied subjects belong:

‘I found no pleasure in it [gambling], I expected none. What *has* it ever *brought* me but anxious days and sleepless nights; but loss of health and peace of mind, and gain of feebleness and sorrow!’ (Ch. Dickens. The Old Curiosity Shop).

It is easy to see that GAMBLING belongs neither to PERIODS OF TIME, nor EVENT, nor PERSON, nor NATURAL PHENOMENON as the above-mentioned domains of content for subjects related to the verb *bring* in its metaphoric function. GAMBLING, as well as RESEARCH, POLITICAL STRUGGLE, SEARCH OF TRUTH and the like is certainly some kind of ACTIVITY, but this nomination seems too ambiguous to reflect the exact categorial status of this structure of knowledge. Perhaps, such nomination as OCCUPATION would be closer to it, but yet this can by no means be considered as perfect correspondence. This fact again underlines the demand to provide a more profound study of all components of the metaphoric structure, and not only separate sentence members.

Returning to the objects of the utterance which present rather an expressive set of homogeneous objects in the Patient Case according to Ch. Fillmore and a kind of parallel construction from the linguo-stylistic point of view, it is necessary to admit that they semantically represent different classes of entities. One may divide them into three subgroups, or, if we take the antithesis as a pragmatic criterion, it is possible to reduce them to two groups. The first group is of great interest to a scholar of metaphor as it actually represents an antithesis of homogeneous metonymies, as ‘anxious days and sleepless nights’ should be actually decoded as ‘anxiety in the daytime and absence of sleep in the nights’. This metonymy being self-dependent and by no means connected with the metaphorical model realized in the utterance, we may say that these nouns denote the unpleasant state in

which the speaker finds himself because of his putting his well-being onto card-play, and thus refer them to the conceptual category of PSYCHOLOGICAL STATE. The second semantic juxtaposition “loss vs gain” represent psychological states as well, but “sorrow” in this row is actually another structure of knowledge, and namely, EMOTION.

To explain these, one needs to refer to the actual text, where the unsophisticated simpleton Trent tries to persuade the cunning and sadistic Quilp to lend him more money and deliberately humiliates himself telling about his misfortunes. He tries to be persuasive and that is why he resorts to finding rather strong words to paint his ugly state, out of which he can free only by a good fortune at cards.

That brings forth another important reasoning for planning a research of verbal metaphor: that while dealing with the definite utterances one should take into account the pragmatic factors as well.

One more metaphoric model with *bring* of hypothetically universal, at least, for the Indo-European languages, character is the following – SOMETHING/SOMEBODY BRINGS CERTAIN STATE/EMOTION, whatsoever that may be described as something having certain value important for a person or a certain part of humanity, for instance:

“He [Solozzo] took it ill and *brought misfortune* down on all our heads” (M. Puzo. The Godfather) – English;

“But what difference does that make?” replied the officer. “They still *bring solace and comfort* to the families that receive them, don’t they?” (J.Heller. Catch-22) – English;

“Der Cadillac scheint uns *Glück zu bringen*” (E.-M. Remarque. Drei Kameraden) – German;

«Я понял, что ничтожен, мелок перед ним со всеми своими мыслями о его смерти, которая должна была *принести мне счастье*» (В. Каверин. Два капитана) – Russian;

Избухва войната, която ще причини смъртта на 50 милиона души, ще *донесе* неизброими *страдания* на други десетки милиони (Б. Райнов. Тайното учение) – Bulgarian.

Et je pense que s’il emporte un appel déjà pathétique, il *emporte* aussi beaucoup *d’amour* (A. de Saint Exupery. Terre des hommes) – French.

“Noi volevamo un mondo migliore, di pace e di gentilezza, e la felicità per tutti, noi volevamo uccidere la *guerra* che voi *portavate* con la vostra avidità, perché ci rimproverate se per stabilire la giustizia e la felicità abbiamo dovuto versare un po’ di sangue...” (U. Eco. Il nome della rosa) – Italian.

Conclusion

This list of particular metaphoric models where the peculiarities of semantical structure of the verb *bring* is a decisive factor for creating metaphors involving subjects and objects of a sentence as source and target domains is surely far from being completed with this particular paper. Yet this particular paper yields some important, from our subjective point of view, observations and inferences, namely:

the general framework of cognitive metaphoric space, as described in the works by G. Lakoff, M. Johnson, Z. Kövecses and other prominent scholars dealing with the metaphor and metonymy mostly as with overall transformations of structures of knowledge known as concepts, has some parallel frameworks of the transition of meaning where specific subsystems of a language, such as grammatical morphological, syntactical, semantic case theory, stylistics, linguistic pragmatics, phraseology and others interact and produce a kind of the alternative metaphorical system with the predicative parts of speech – adjectives and verbs in particular – play the decisive part in producing different conventional metaphors;

in many cases metonymy actively interacts with metaphor thus giving kinds of “agglutinated” systemic shifts of meaning, and there are cases when the process of metonymy is no less important than metaphor itself to produce a certain model of a meaning metaphorical “eincarnation”;

to understand the essence of metaphorical processes within a certain language as completely as possible it seems necessary to combine such studies with the

equivalent from the semiotic point of view research procedures on the material of other languages and, respectively, linguistic cultures. From the point of view of semiotics, it will give possibility to trace the specific metaphorical mechanisms of semiosis within different representations of linguistic signs, and from the point of view of general linguistics, it opens wide horizons for study linguistic metaphor from the angle of marking universal and specific to certain linguistic culture models of metaphoric transitions.

Such an approach to the study of metaphor we call “the activity approach for studying the language and speech”, as we consider the system of any human language being a set of interrelated but specific due to their ontological characteristics activities of the units and processes on different levels of the system of the language hierarchy. Surely, this paper makes an initial approach to such a study, as many other models could not be viewed due to a limited space of the paper, but we see a vast stretch of investigation space not only to a study of specific model of metaphor and metonymy, but many other linguistic and cognitive phenomena as well.

Материалы исследования

Kövecses Z. 2003 – Kövecses Z. (2003) *Metaphor and Emotion: Language, Culture and Body in Human Feeling*. Cambridge: Cambridge University Press. 223 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=dnRKu0WAN4sC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Chekulai 2006 – Chekulai I.V. (2006) *Value and evaluation in the categorical structure of modern English language: Doctor's of Philological Sciences thesis*. Belgorod, 473 p. (In Russ.)

References

Lakoff, Johnson 2003 – Lakoff G, Johnson M. (2003) *Metaphors We Live By*. Chicago: Chicago University Press, 276 p. Available at: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.

Luttrell 2013 – Luttrell R. (2013) Virginia Woolf's Emersonian Metaphors of Sight in The Lighthouse: Visionary Oscillation. *Journal of Modern Literature*, vol. 36, number 3, pp. 69–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.2979/jmodelite.36.3.69>.

Ruiz, Hanin 2004 – Ruiz M.C., Hanin Y.L. (2004) Metaphoric Description and Individualized Emotion Profiling of Performance States in Top Karate Athletes. *Journal of Applied Sport Psychology*, vol. 16, issue 3, pp. 258–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10413200490498366>.

Aleksandrova 1984 – Aleksandrova O.V. (1984) *Problems of expressive syntax (on the material of English)*. Moscow: Vysshaya shkola, 211 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm>. (In Russ.)

Arutyunova 1977 a – Arutyunova N.D. (1977 a) Nomination and text. In: *Linguistic nomination. Types of nomination*. Moscow, pp. 304–357. Available at: <https://www.phantastike.com/other/yazykovaya-nominatsiya/pdf/>. (In Russ.)

Arutyunova 1977 b – Arutyunova N.D. (1977 b) Nomination, reference, meaning. In: *Linguistic nomination. General problems*. Moscow, pp. 188–206. Available at: https://www.phantastike.com/other/yazykovaya_nominatsiya/pdf/. (In Russ.)

Arutyunova 1978 a – Arutyunova N.D. (1978 a) Syntactic functions of metaphor. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literaturny i yazyka*, vol. 37, no. 3, pp. 251–262. (In Russ.)

Arutyunova 1978 b – Arutyunova N.D. (1978 b) Functional types of linguistic metaphor. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literaturny i yazyka*, vol. 37, no. 4, pp. 333–343. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28976781>. EDN: <https://elibrary.ru/ykcopt>. (In Russ.)

Arutyunova 1979 – Arutyunova N.D. (1979) Linguistic metaphor (syntax and vocabulary). In: *Linguistics and Poetics*. Moscow, pp. 147–173. (In Russ.)

Vostrikova, Leonova 2018 – Vostrikova A.N., Leonova D.Yu. (2018) Symbolics of colour in Chinese and Russian. In: *Philosophy and Science in the Western and Eastern Cultures: collection of scientific articles after the II All-Russian scientific conference with international participation (July 6–7, 2018)*. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo

gosudarstvennogo universiteta, pp. 15–18. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/287399945.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44634234>. EDN: <https://elibrary.ru/eoziju>. (In Russ.)

Nikitin 1979 – *Nikitin M.V.* On the Semantics of Metaphor. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 1, pp. 91–102. Available at: <https://vja.ruslang.ru/archive/1979-1.pdf>. (In Russ.)

Sklyarevskaya 1987 – *Sklyarevskaya G.N.* (1987) Language metaphor in a dictionary. Practice of system description. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 2, pp. 58–65. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21722164>. EDN: <https://elibrary.ru/qlvckp>. (In Russ.)

Sklyarevskaya 1988 – *Sklyarevskaya G.N.* (1988) Practice of system description of language metaphor in a dictionary. In: *Karaulov Yu.N. (Ed.) National specifics of language and its reflection in a normative dictionary*. Moscow, pp. 63–68. (In Russ.)

Sklyarevskaya 2004 – *Sklyarevskaya G.N.* (2004) Metaphor in a language system. Saint Petersburg: Filologicheskii f-t SPbGU, 166 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21811373>. EDN: <https://elibrary.ru/sjhtlp>. (In Russ.)

Shchedrovitsky 2005 – *Shchedrovitsky G.P.* Sign and activity. In 3 books. Book 1. 14 Lectures of 1979. The Structure of the Sign: sense, meaning, knowledge: Composed by Davydova G.A. Moscow: Vost. Lit., 463 p. Available at: <https://djvu.online/file/0DiKRB596pdqs>. (In Russ.)

Библиографический список

Lakoff, Johnson 2003 – *Lakoff G, Johnson M.* Metaphors We Live By. Chicago: Chicago University Press, 2003. 276 p. URL: <https://sociosemiotics.net/files/Cognitive%20Linguistics%20-%20Lakoff,%20G%20&%20Johnson,%20M%20-%20Metaphors%20We%20Live%20By.pdf>.

Luttrell 2013 – *Luttrell R.* Virginia Woolf's Emersonian Metaphors of Sight in The Lighthouse: Visionary Oscillation // *Journal of Modern Literature*. April 2013. Vol. 36, number 3. P. 69–80. DOI: <http://dx.doi.org/10.2979/jmodelite.36.3.69>.

Ruiz, Hanin 2004 – *Ruiz M.C., Hanin Y.L.* Metaphoric Description and Individualized Emotion Profiling of Performance States in Top Karate Athletes // *Journal of Applied Sport Psychology*. 2004. Vol. 16, issue 3. P. 258–273. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/10413200490498366>.

Александрова 1984 – *Александрова О.В.* Проблемы экспрессивного синтаксиса (на материале английского языка. Москва: Высшая школа, 1984. 211 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/aleksandrova/index.htm>.

Арутюнова 1977 а – *Арутюнова Н.Д.* Номинация и текст // *Языковая номинация. Виды наименований*. Москва, 1977. С. 304–357. URL: <https://www.phantastike.com/other/yazykovaya-nominatsiya/pdf>.

Арутюнова 1977 б – *Арутюнова Н.Д.* Номинация, референция, значение // *Языковая номинация. Общие вопросы*. Москва, 1977. С. 188–206. URL: https://www.phantastike.com/other/yazykovaya_nominatsiya/pdf.

Арутюнова 1978 а – *Арутюнова Н.Д.* Синтаксические функции метафоры // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1978. Т. 37, № 3. С. 251–262.

Арутюнова 1978 б – *Арутюнова Н.Д.* Функциональные типы языковой метафоры // *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*. 1978. Т. 37, № 4. С. 333–343. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28976781>. EDN: <https://elibrary.ru/ykcopt>.

Арутюнова 1979 – *Арутюнова Н.Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // *Лингвистика и поэтика*. Москва, 1979. С. 147–173.

Вострикова, Леонова 2018 – *Вострикова А.Н., Леонова Д.Ю.* Символика цветов в китайском и русском языках // *Философия и наука в культурах Запада и Востока: сборник статей по материалам II Всероссийской научной конференции с международным участием (6–7 июня 2018 г.)*. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. С. 15–18. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/287399945.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44634234>. EDN: <https://elibrary.ru/eoziju>.

Никитин 1979 – *Никитин М.В.* О семантике метафоры // *Вопросы языкознания*. 1979. № 1. С. 91–102. URL: <https://vja.ruslang.ru/archive/1979-1.pdf>.

Скляревская 1987 – *Скляревская Г.Н.* Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания // *Вопросы языкознания*. 1987. № 2. С. 58–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21722164>. EDN: <https://elibrary.ru/qlvckp>.

Скляревская 1988 – *Скляревская Г.Н.* Опыт системного описания языковой метафоры в словаре // *Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре / под ред. Ю.Н. Караулова*. Москва, 1988. С. 63–68.

Скляревская 2004 – *Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. Санкт-Петербург: Филологический ф-т СПбГУ, 2004. 166 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21811373>. EDN: <https://elibrary.ru/sjhtlp>.

Щедровицкий Г.П. 2005 – *Щедровицкий Г.П.* Знак и деятельность. В 3 кн. Кн. 1. *Структура знака: смыслы, значения*. 14 лекций г. 1971; сост. Г.А. Давыдова. Москва: Вост. лит., 463 с. URL: <https://djvu.online/file/0DiKRB596pdqs>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.111

Дата поступления: 01.03.2023

рецензирования: 15.04.2023

принятия: 30.05.2023

Причины и прагматические эффекты интеграции деловой коммуникации с другими видами дискурса**А.А. Габец**Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Российская ФедерацияE-mail: gabets.a.a@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8469-7738>

Аннотация: Статья посвящена изучению взаимодействия жанра деловой коммуникации с другими видами институционального дискурса. Материалами для исследования послужили отобранные с сайтов различных международных и правительственных организаций фрагменты профессионального общения в составе смешанных дискурсов, т. е. таких, где доминирующий жанр невозможно однозначно определить по его параметрам или по набору лексико-грамматических клише. Применяются методы описательного, дискурсивного и контекстуального анализа. Автор выявляет основные причины возникновения смешанных формаций в период 2018–2023 годов: традиционную связь экономики и политики, коронавирус и наиболее важные вопросы окружающей среды и устойчивого развития на международной повестке дня. В зависимости от выявленных оснований определяются наиболее часто интегрирующиеся в деловую коммуникацию виды дискурсов: политический, экологический, медицинский и образовательный. Смешанные формы дискурсов изучаются с точки зрения лингвистической прагматики. Автор доказывает, что в русле современных тенденций к дерегламентации деловой коммуникации потенциал воздействия дискурса, полученного в результате интеграции, оказывается выше, так как адресант может использовать наиболее действенные средства каждого включенного жанра, как из его ядра, так и с периферии. Прагмалингвистический эффект смешанных дискурсов формируется либо посредством общих дискурсивных маркеров, которые могут как предоставлять необходимые данные, так и служить средствами выразительности, либо посредством речевых единиц и клише, непосредственно оформляющих дискурсивное взаимодействие.

Ключевые слова: деловая коммуникация; интердискурсивность; интеграция; дерегламентация; прагматика дискурса; институциональный дискурс.

Цитирование. Габец А.А. Причины и прагматические эффекты интеграции деловой коммуникации с другими видами дискурса // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 127–133. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-127-133>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Габец А.А., 2023

Анна Александровна Габец – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 4, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 01.03.2023

Revised: 15.04.2023

Accepted: 30.05.2023

Causes and pragmatic effects of business communication integration with other types of discourse**A.A. Gabets**

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

E-mail: gabets.a.a@inno.mgimo.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8469-7738>

Abstract: The article studies the interaction of business communication genre with other types of institutional discourse. Fragments of professional communication in mixed discourses where it is impossible to clarify the dominant genre by its parameters or its lexical and grammatical clichés selected from websites of various international and governmental organizations are the research material. Methods of descriptive, discourse and contextual analysis are implemented. The author identifies the reasons for the appearance of mixed genres in 2018–2023, these are traditional connection of economics and politics, COVID-19 and vital issues of environment and sustainable development on the international agenda. Depending on the revealed reasons the types of discourse which integrate in business communication most often are defined, these are political, ecological, medical and educational. Mixed forms of discourse are studied from the perspective of linguistic pragmatics. The author proves that in the course of modern tendencies to business communication deregulation the potential of discourse created as a result of integration is bigger because the speaker can use most efficient means of every included genre both from its core and its periphery. Pragmalinguistic effect of mixed discourses is formed

either by common discourse markers that can give the necessary information at the same time serving as expressive means or by speech units and cliches that arrange discourse interaction.

Key words: business communication; interdiscourse; integration; deregulation; pragmatics of discourse; institutional discourse.

Citation. Gabets A.A. Causes and pragmatic effects of business communication integration with other types of discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 127–133. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-127-133>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gabets A.A., 2023

Anna A. Gabets – Candidate of Philological Sciences, associate professor of English Language Department 4, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Постоянно изменяющиеся экономические и социальные условия и стремительный научный и технический прогресс последних лет привели к тому, что в условиях современности самой гибкой, динамичной и быстро развивающейся дискурсивной формацией стала сфера делового и профессионального дискурса. Глобализация бизнеса, необходимость приспособливаться к новым реалиям и применять общемировые экономические законы к значительному числу социальных сфер сразу нашли свое выражение на уровне языка и обусловили взаимопроникновение делового и огромного числа других важнейших дискурсов. Несмотря на то что взаимодействие дискурсов активно изучается, интерференция именно делового дискурса с другими видами дискурсивных практик остается за рамками внимания исследователей. Деловой дискурс представляется нам одним из основных жанров в современном обществе, следовательно, необходимость изучить причины взаимопроникновения дискурсов в его поле и рассмотреть прагматический эффект взаимодействия дискурсов становится очевидной [Dijk 1998]. Понимание процессов и закономерностей развития английского языка в деловой сфере позволит лучше понять семиотическую систему английского языка в целом и будет способствовать повышению уровня речевой культуры и более результативному общению специалистов, решению профессиональных задач в разных областях, поддержанию существующих социальных институтов, укреплению связей в международном бизнес-сообществе и повышению коммуникативной компетенции общества.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили фрагменты делового дискурса за период 2018–2023 годов, отобранные методом сплошной выборки с сайтов администрации США и Великобритании (www.gov.uk, www.whitehouse.gov), информационных агентств, специализирующихся на новостях в сфере бизнеса, в том числе размещающих информацию для профессиональных участников финансовых рынков (bloomberg.com, cnbc.com, businessinsider.com, reuters.com, forbes.com), СМИ, освещающих деловые новости (The Economist, Wall Street Journal, The Guardian, The Washington Post), сайтов Организации Объединенных Наций

(un.org, unesco.org, who.int). Прежде всего нас интересовали фрагменты смешанных дискурсов, т. е. таких, где доминирующий дискурс невозможно было однозначно определить ни по параметрам жанра, ни по набору лексико-грамматических клише. Определение в этом случае делового дискурса как принимающего или равноправного в тексте строилось на основании глобальности роли профессиональной деятельности в жизни человека и общества (в сравнении с другими важными сферами) и высокой социальной значимости, отраженной в языке, наличия некоторых маркеров делового дискурса, а также экстралингвистических факторов, в том числе источника материала. Объектами исследования стали причины возникновения таких формаций и особый сформировавшийся в результате смешения жанров прагматический потенциал смешанного дискурса. В работе применяются методы описательного, дискурсивного и контекстуального анализа.

Теоретические основы исследования

Трактовка дискурса как класса жанров, объединенных одной социальной сферой [Dijk 1998, p. 11–52.], и предложенная В.И. Карасиком социолингвистическая модель коммуникативного акта позволяют разделить типы дискурсов на лично ориентированный и статусно ориентированный, где первый вид подразумевает общение коммуникантов как личностей, а второй – как представителей институтов, выполняющих роль, предписанную коммуникативной ситуацией. Статусно ориентированный дискурс может носить институциональный характер [Карасик 2002, с. 199], то есть сводиться «к образцам вербального поведения, сложившимся в обществе применительно к закрепленным сферам общения» [Карасик 1998, с. 190–191]. Таким образом, понимая институциональный дискурс как общение в заданных рамках статусно ролевых отношений, ученые выделяют деловой, научный, политический, юридический и многие другие виды дискурсов, являющиеся исторически изменчивыми, неоднородными нестабильными образованиями. Определение и классификация такого сложного многоаспектного явления, как деловой дискурс осуществляются на основе ситуации взаимодействия, интенции и коммуникативных стратегий.

Рассматривая деловой дискурс как институциональный, поставим вопрос о его конститутивных признаках. Традиционно особенностями делового дискурса называют страндартизованность, шаблонность, клишированность, стабильность, точность, объективность, конкретность, лаконичность, отсутствие образности и эмоциональности [Шлепкина 2011, с. 224]. Выбор лексических единиц в рамках этого жанра исключает двусмысленность и возможность разночтения, но подразумевает использование различных аббревиатур и сокращений [Геймурова 2016, с. 889]. С позиций грамматики в деловом дискурсе наблюдается частое употребление безличных конструкций, так как личностный компонент не выражен [Карасик 2002, с. 331]. Безусловно, такие характеристики лучше всего описывают непосредственно ядро дискурса, к которому относятся, например документы и договоры, инструкции, отчеты. Однако гораздо более широкой областью представляется периферия делового дискурса, где могут присутствовать характеристики, свойственные другим видам институционального типа и даже личностно ориентированному дискурсу (Ширяева 2008, с. 12–13), например, деловая переписка может содержать некоторую сдержанную эмоциональную окраску [Куликова 2020], а дипломатический дискурс – эмотивность в имплицитной или эксплицитных формах [Беляков 2015]. В последние десятилетия ввиду демократизации различных сфер жизни современного общества и участвующих случаев использования английского языка между деловыми партнерами, для которых английский язык не является родным [Харьковская 2015, с. 178], в качестве действенного инструмента деловой коммуникации, учеными постоянно отмечаются тенденции отклонения от устоявшихся коммуникативных норм жанра [Храмченко 2014], к демократизации и дерегламентации английского делового дискурса [Пономаренко 2013], а как следствие, к соприкосновению и взаимопроникновению различных дискурсивных формаций. Полевой подход к дискурсу (разделение его на ядро и периферию), предложенный Е.С. Троянской [Троянская 1986], может быть применен в том числе к деловому дискурсу и позволяет выявить точки такого соприкосновения и проанализировать процессы взаимопроникновения разных видов формаций, которые активизируются в русле общих тенденций в эволюции современной деловой коммуникации. Взаимопроникновение, интердискурсивность, междискурсивное взаимодействие являются зонтиковыми терминами для указанного явления, в дальнейшем они конкретизируются в работах ученых по-разному: интерференция (Бец М.В., Шевченко В.Д.), контаминация (Панченко Е.И., Соколова О.В., Степанова Н.В.), интеграция (Ермоленкина Л.И.), гибридный дискурс (Солопова О.А., Наумова К.А.), сращение (Гетман Е.И., Филимонова Е.П.).

Видовые разграничения внутри жанра делового дискурса в исследовательских работах в основном

основаны на области функционирования. Отмечая, что субжанры дискурса являются переходными и накладываются друг на друга, выделяют, например, экономический дискурс, корпоративный дискурс, дискурс переговоров и т. д. [Daniushina 2010, с. 244], профессиональный, академический, публичный деловой дискурс (Григорьева, Любимова 2006) и т. д. Профессиональный дискурс, в котором реализуются профессионально обусловленные цели и задачи, принадлежит ядру поля, далее располагаются академический дискурс, который представляет собой научный анализ различных областей деловой активности, и публичный деловой дискурс, реализующийся в информационном освещении деятельности в деловой сфере (Григорьева, Любимова 2006, с. 14–27). К этой классификации другие исследователи предлагают добавить пограничную сферу функционирования делового дискурса, которая проявляется в неформальном общении деловых партнеров, например во время делового обеда [Тарнаева 2014, с. 171]. Таким образом подтверждаются наличие разных жанров в поле делового дискурса и их взаимодействие. Академический деловой дискурс подразумевает включение профессий и их специфического делового дискурса (например, юридического, математического), публичный деловой дискурс взаимосвязан с дискурсом СМИ и т. д.

Независимо от вида принимаемого дискурса прагматическая составляющая делового дискурса остается ключевой для его функционирования. Целенаправленное побуждение адресата к требуемым действиям – основная черта текстов данного вида дискурсивной практики [Ширяева 2008, с. 14]. Для достижения цели адресант выбирает функционально нагруженные речевые средства, в том числе, если этого требует ситуация, может использовать единицы из других жанров. Взаимопроникновение дискурсов усиливает эффект на адресата, так как позволяет пользоваться наиболее эффективными средствами каждого жанра, как из его ядра, так и с периферии. При этом способы усиления воздействия на адресата могут быть весьма разнообразными и варьироваться «от привычных, компактных, легко «считываемых», до латентных и даже изысканных приемов воздействия» [Пономаренко 2013, с. 85].

Результаты

Поскольку дискурсивное взаимодействие является непосредственным отражением окружающей действительности, которая естественным и закономерным образом проявляется в языке, возникновение фрагментов смешанных дискурсов, функционирующих на основе деловой сферы, обусловлено множеством социальных, политических, экономических, исторических, эволюционных и других причин. Анализ материала взаимодействующих дискурсов за период последних пяти с небольшим лет позволил конкретнее определить причины смешения определенных жанров. В про-

цессе исследования были выявлены две большие группы [Куликова 2020].

К первой относятся фрагменты интердискурсивных полей, объединяющих политический и деловой дискурс, что является закономерным, так как эти виды институционального дискурса на протяжении многих лет обладают наибольшей социальной значимостью и подчиняют себе другие виды. Эти жанры почти всегда образуют общие дискурсивные формации, политическая и деловая деятельность связаны с самого начала истории, и причины их взаимодействия, очевидны.

Look, the last two years, we've created 12 million new jobs. That's more jobs than any President has created in four years. Twelve million new jobs. The unemployment rate is 3.4 percent. That's a 50-year low. My first two years in office, we created 800,000 new manufacturing jobs. Eight hundred thousand. And where is it written that says America can't lead the world again in manufacturing? Gas prices are down \$1.60 a gallon, and they're going to come down further from their peak. And inflation is coming down. Take-home pay for workers has gone up over the past several months. We got more to do, but, I'm telling you, the Biden economic plan is working because of you all (Biden 2023).

Приведенная цитата Джо Байдена является типичным примером такого взаимодействия: политик говорит об экономике, во фрагменте преобладают лексические единицы, характерные для делового жанра: *created jobs, unemployment rate, economic plan*, проводится анализ динамики ценообразования: *gas prices are down \$1.60 a gallon, and they're going to come down further from their peak* и т. д. Однако есть и классические примеры риторики политической речи: инклюзивное *we*, чтобы подчеркнуть, что вся нация едина с президентом в его экономической политике, действующий центр I, чтобы утвердить свою главенствующую роль в процветании нации, риторические вопросы: *And where is it written that says America can't lead the world again in manufacturing?*, повторы: *jobs, created, eight hundred thousand, twelve million* и т. д. С точки зрения лингвистической прагматики становится очевидным, что сообщение обладает высокой эффективностью и доводит до реципиента всю основную информацию. Риторика политического дискурса заставляет адресанта повторять экономические детали несколько раз, чтобы впечатлить реципиента. В созданном смешанном дискурсе деловой жанр опирается на политический как более яркий, эмоциональный и убедительный, с другой стороны, политическая речь невозможна без описания экономических процессов и указания цифр, она строится вокруг них, опирается на них. Интересно, что оба дискурса актуализируются посредством одних и тех же лексических единиц: например, озвученные цифры в первый раз – экономическая информация, во второй раз – повтор, раскрывающий пространство дискурса политического, рассказ о созданных рабочих местах –

одновременно и констатация факта в деловой среде, и заслуга президента как политика, о чем он неоднократно повторяет. Деловой и политический дискурс сливаются для наиболее эффективного использования своих функциональных характеристик и оказания максимального эффекта на слушателя.

Ко второй группе относятся дискурсы, взаимодействие которых объясняется событиями последних лет: деловой, экологический, медицинский и образовательный дискурс взаимопроникают друг в друга по причине эпидемии коронавируса и растущей важности и срочности решения экологических вопросов.

COVID-19 заставляет представителей разных сфер делового сообщества решать большое количество административных вопросов: как организовать удаленную работу, как обеспечить безопасность сотрудников, как внедрять в жизнь организации медицинские мероприятия и т. д. Особенно сложной оказывается сфера образования: миллионы школьников и студентов переводятся на новую для них систему дистанционного обучения с сохранением вместе с тем старой системы отчетности и экзаменов. В языковом плане тесная взаимосвязь этих сфер отражена во фрагментах слияния дискурсивных формаций.

The following should be monitored:

- effectiveness of symptoms-reporting, monitoring, rapid testing and tracing of suspected cases;
- the effects of policies and measures on educational objectives and learning outcomes;
- the effects of policies and measures on health and well-being of children, siblings, staff, parents and other family members;
- the trend in school dropouts after lifting the restrictions;
- the number of cases in children and staff in the school, and frequency of school-based outbreaks in the local administrative area and the country;
- assessment of impact of remote teaching on learning outcomes (WHO 2019).

Сайт Всемирной организации здравоохранения публикует в разгар эпидемии много инструкций, где дискурсы связаны очень плотно, а дискурсивные маркеры могут являться общими для разных дискурсивных формаций. Так, например, в приведенном примере лексические единицы *monitoring, restrictions, effectiveness, policies, measures* и т. д. в контексте сочетают в себе принадлежность к деловому, медицинскому и даже образовательному дискурсам, фрагменты типа *the effects of policies and measures on educational objectives and learning outcomes* и *the effects of policies and measures on health and well-being of children, siblings, staff, parents and other family members* объединяют деловой и образовательный и деловой и медицинский дискурсы. В приведенном фрагменте на первый план поочередно выходят разные виды дискурсивных формаций. Пункт *effectiveness of symptoms-reporting, monitoring, rapid testing and tracing of*

suspected cases скорее можно отнести к медицинскому дискурсу, тогда как *assessment of impact of remote teaching on learning outcomes* – скорее к образовательному. Смена обсуждаемых сфер и единые дискурсивные маркеры будут усиливать прагматический эффект сообщения, подчеркивая максимальную важность всех обсуждаемых параметров. Несмотря на официальный язык сообщения, речевые единицы подобраны таким образом, что несут максимальную прагматическую нагрузку: доносят сообщение до реципиента подробно, лаконично, сразу объединяя несколько дискурсивных полей.

Активная интеграция экологического дискурса в деловой, политический и другие виды дискурса в последние годы объясняется тем, что вопросы экологии и устойчивого развития все острее стоят на повестке дня, а проблемы изменения климата обсуждаются на самом высоком уровне. Требуемые изменения в промышленности для спасения окружающей среды невозможно обговаривать без реальных цифр в экономике. Таким образом современный дискурс, затрагивающий аспекты устойчивого развития, рождается во взаимопроникновении указанных сфер. В качестве примера рассмотрим фрагмент статьи, которую представители министерства труда и министерства окружающей среды представили в соавторстве на портале центрального правительства Соединенного Королевства 18 марта 2022 года.

The UK is taking world-leading action to put combating climate change at the heart of our pensions. Not only do we believe that tackling climate change is right for the planet, green investments represent a huge opportunity for the UK's financial services sector. And getting this right is a key part of the Chancellor's vision to make the UK the global hub of choice for green finance. As ministers representing different departments, we are working together to support the green agenda. Last October, the UK was the first country in the world to require trustees of occupational pension schemes to identify, manage, and report on the climate-related risks and opportunities within their portfolios... At COP26, we were delighted that 141 countries representing 90 % of the world's forests committed to ending forest loss and land degradation by 2030. The declaration was bolstered by unprecedented public, private, and philanthropic investment, amounting to around \$20 billion. The world's biggest buyers of forest-risk commodities and all the main multilateral development banks committed to align with our climate goals and the recovery of nature – which, in turn, will help to protect millions of livelihoods and natural habitats around the world (Goldsmith, Opperman 2022)

В совместном заявлении обсуждаются вопросы финансирования борьбы с изменением климата и постулируется единение финансового и промышленного сектора Соединенного Королевства, его административного аппарата и его жителей для спасения природы и ее ресурсов. Ярким под-

тверждением интеграции делового и экологического дискурса являются термины *green finance*, *green investments*. Другие лексические маркеры дискурсов возможно разделить, однако единицы, представляющие тот или иной вид дискурса, зачастую актуализируются в одном предложении, что также свидетельствует об их неразрывной связи. *The UK is taking world-leading action to put combating climate change at the heart of our pensions*; *Combat climate change* – клише экологического дискурса, тогда как концепт *pension* и его речевая реализация, безусловно, относятся к сфере экономики. Сообщение имеет своей целью убедить реципиента в том, что решения, принимаемые властями, поддерживаются единогласно, и, возможно, заставить задуматься о пожертвованиях в экологические фонды. Для достижения нужного прагматического эффекта используются впечатляющие экономические данные, а также лексико-стилистические средства выразительности. Утверждается доминирующая роль страны в вопросах экологии в мире: много раз используется лексема *world: world-leading, the first country in the world, world-biggest buyers, protect millions around the world*, а также другие речевые средства, описывающие глобальность процесса: *global hub, all the main multilateral development banks*. Единение нации выражено инклюзивными местоимениями *we, our*, наречием *together*, словосочетанием *bolstered by unprecedented public, private, and philanthropic investment*, где перечисление *public, private, and philanthropic* и охватывает все возможные источники финансирования. Направленность на нужное и полезное для всего общества дело показывает метафора *at the heart of*. Таким образом, в данном примере лингвопрагматический потенциал фрагмента заложен не в общих дискурсивных маркерах, как в предыдущих описанных случаях, а в речевых единицах и клише, оформляющих взаимодействие формаций. Приведенный фрагмент – яркий пример некоторой дерегламентации делового дискурса, оценочные и стилистические средства являются возможными и необходимыми для выполнения коммуникативной задачи.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить две основные причины возникновения смешанных дискурсов на основе делового дискурса в течение последних пяти с небольшим лет, определить две группы наиболее частотных взаимопроникающих формаций, а также проанализировать прагматический потенциал фрагментов смешанного дискурса.

Основными причинами появления фрагментов смешанного дискурса стали как традиционная близость и тесная взаимосвязь некоторых жанров, так и наиболее важные события последних лет: коронавирусная инфекция и набирающая популярность экологическая повестка. Укоренившаяся за много веков интеграция политики, профессиональной и

экономической сфер определяет первую группу значительного количества фрагментов взаимопроникновения политического и делового дискурсов. Вторая группа представлена взаимодействием делового, медицинского, экологического и образовательного дискурсов в разных вариациях.

Прагмалингвистический эффект смешанных дискурсов формируется либо посредством общих дискурсивных маркеров, которые могут как предоставлять необходимые данные, так и служить средствами выразительности, либо посредством речевых единиц и клише, непо-

средственно оформляющих дискурсивное взаимодействие. В любом случае смешение жанров позволяет коммуникантам выбирать более действенные средства оказания эффекта, так как количество доступных и адекватных средств становится больше ввиду привлечения разных жанров, а также очевидной тенденции к дерегламентации делового дискурса, зафиксированной учеными в последнее время. Таким образом, у говорящего появляется больше способов воздействия на реципиента, а прагмалингвистический потенциал повышается.

Материалы исследования

Biden 2023 – *Biden J.* 2023. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2023/02/15/remarks-by-president-biden-on-the-economy-7>.

WHO 2019 – *WHO* 2019. URL: <https://www.who.int/emergencies/diseases/novel-coronavirus-2019/question-and-answers-hub/q-a-detail/coronavirus-disease-covid-19-schools>.

Goldsmith, Opperman 2022 – *Goldsmith Z., Opperman G.* How your pensions can help tackle climate change. 2022. URL: <https://www.gov.uk/government/speeches/how-your-pensions-can-help-tackle-climate-change>.

Григорьева, Любимова 2006 – *Григорьева В.С., Любимова М.К.* Элементы теории и практики делового дискурса на материале немецкого и русского языков: учебное пособие. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2006. 80 с. URL: <https://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2006/grigoreva1.pdf>.

Ширяева 2008 – *Ширяева Т.А.* Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008. 50 с.

Библиографический список

Daniushina 2010 – *Daniushina Y.V.* Business linguistics and business discourse. *Calidoscópico*. 2010. Vol. 8, núm. 3, Septiembre-Diciembre. P. 241–247. URL: <https://www.redalyc.org/pdf/5715/571561875008.pdf>.

Dijk 1998 – *Dijk T.A., van.* What is political discourse analysis? In: *Jan Blommaert & Chris Bulcaen (Eds.). Political linguistics*. 1998. P. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bjl.11.03dij>.

Беляков 2015 – *Беляков М.В.* Характер эмотивности дипломатического дискурса // Вестник РУДН, серия Лингвистика. 2015. № 2. С. 124–132. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23566438>. EDN: <https://elibrary.ru/tvshyp>.

Геймурова 2016 – *Геймурова Н.К.* Лингвистические особенности делового дискурса // Молодой ученый. 2016. № 2 (106). С. 886–891. URL: <https://moluch.ru/archive/106/25391>.

Карасик 1998 – *Карасик В.И.* О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25977195>. EDN: <https://elibrary.ru/vwlyav>.

Карасик 2002 – *Карасик В.И.* Языковой круг, личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>.

Куликова 2020 – *Куликова О.В.* Эмотивная прагматика профессионально ориентированного дискурса в медийной среде (на материале английского языка) // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2020. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09FLSK420.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44757591>. EDN: <https://elibrary.ru/uibfaq>.

Пономаренко 2013 – *Пономаренко Е.В.* О функциональной самоорганизации речевых средств в английском деловом дискурсе // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. № 5 (106). С. 84–88. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c4e/c4ed65028d6fc36b10652166c51a7c4a.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20598736>. EDN: <https://elibrary.ru/ritvat>.

Тарнаева 2014 – *Тарнаева Л.П.* Видовые различия делового дискурса: лингводидактический аспект проблемы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (42). Ч. 3. С. 171–174. URL: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_12-3_50.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22490553>. EDN: <https://elibrary.ru/syeemr>.

Троянская 1986 – *Троянская Е.С.* Полевая структура научного стиля и его жанровых разновидностей // Общие и частные проблемы функциональных стилей / под ред. М.Я. Цвиллинга. Москва: Наука, 1986. С. 16–26.

Харьковская 2015 – *Харьковская А.А.* Англоязычный образовательный дискурс: современные тенденции // Профессиональная коммуникация и мультикомпетентность: сборник научных трудов, посвящ. 15-летию кафедры английского языка № 5 МГИМО. Москва, 2015. С. 177–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24673376>. EDN: <https://elibrary.ru/utyctz>.

Храмченко 2014 – *Храмченко Д.С.* Функциональная синергичность англоязычной иронической бизнес-риторики: к вопросу об эффективном деловом общении. Москва: ЛЕНАНД, 2014. 200 с. URL: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9331>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22536634>. EDN: <https://elibrary.ru/szeked>.

Шлепкина 2011 – *Шлепкина М.А.* Деловой дискурс как институциональное явление. Роль клише в деловом дискурсе // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 222–227. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/151>.

References

Daniushina 2010 – *Daniushina Y.V.* (2010) Business linguistics and business discourse *Calidoscópico*, vol. 8, núm. 3, Septiembre-Diciembre, pp. 241–247. Available at: <https://www.redalyc.org/pdf/5715/571561875008.pdf>.

Dijk 1998 – *Dijk T.A., van* (1998) What is political discourse analysis? In: Jan Blommaert & Chris Bulcaen (Eds.). *Political linguistics*, pp. 11–52. DOI: <https://doi.org/10.1075/bj1.11.03dij>.

Belyakov 2015 – *Belyakov M.V.* (2015) Character of emotivity of diplomatic discourse. *Scientific Bulletin of RUDN University, Linguistics*, no. 2, pp. 124–132. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23566438>. EDN: <https://elibrary.ru/tvshyp>. (In Russ.)

Geimurova 2016 – *Geimurova N.K.* (2016) Linguistic peculiarities of business discourse. *Young Scientist*, no. 2 (106), pp. 886–891. Available at: <https://moluch.ru/archive/106/25391>. (In Russ.)

Karasik 1998 – *Karasik V.I.* (1998) About discourse categories. *Language Personality: sociolinguistic and emotive aspects*. Volgograd: Peremena, pp. 185–197. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25977195>. EDN: <https://elibrary.ru/vwlyav> (In Russ.)

Karasik 2002 – *Karasik V.I.* (2002) Language circle, personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>. (In Russ.)

Kulikova 2020 – *Kulikova O.V.* (2020) Emotive pragmatics of professionally oriented discourse in the media (on the basis of English language). *Scientific world. Sociology, philology, culturology*, no. 4. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/09FLSK420.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=44757591>. EDN: <https://elibrary.ru/uibfaq>. (In Russ.)

Ponomarenko 2013 – *Ponomarenko E.V.* (2013) On self-organization and synergy of the English discourse functional plane. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, no. 13 (156), pp. 131–140. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/c4e/c4ed65028d6fc36b10652166c51a7c4a.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20598736>. EDN: <https://elibrary.ru/ritvat> (In Russ.)

Tarnaeva 2014 – *Tarnaeva L.P.* (2014) Type differences of business discourse: linguodidactic aspect of the problem. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, no. 12 (42), part. 3, pp. 171–174. Available at: https://www.gramota.net/articles/issn_1997-2911_2014_12-3_50.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22490553>. EDN: <https://elibrary.ru/syeemr>. (In Russ.)

Troyanskaya 1986 – *Troyanskaya E.S.* (1986) Field structure of scientific style and its genre types. In: *General and specific problems of functional styles*. Ed. by Tsvilling M.Ya. Moscow, pp. 16–26. (In Russ.)

Har'kovskaja 2015 – *Har'kovskaja A.A.* (2015) English educational discourse: modern tendencies. In: *Professional communication and multicompetence: collection of scientific works devoted to 15th anniversary of English Department 5 MGIMO*. Moscow, pp. 177–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24673376>. EDN: <https://elibrary.ru/utyctz>. (In Russ.)

Khramchenko 2014 – *Khramchenko D.S.* (2014) Functional synergy of English ironic business rhetoric: to the issue of efficient business communication. Moscow: LЕНАНД, 200 p. Available at: <https://journals.rudn.ru/linguistics/article/view/9331>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=22536634>. EDN: <https://elibrary.ru/szeked>. (In Russ.)

Shljopkina 2011 – *Shljopkina M.A.* (2011) Business discourse as institutional phenomenon. The role of cliché in business discourse. In: *Modern Philology: materials of I international scientific conference*. Ufa, pp. 222–227. Available at: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/23/151>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811

Дата поступления: 24.01.2023
рецензирования: 25.02.2023
принятия: 30.05.2023

Интенсивное обучение специалистов технического направления профессиональной англоязычной терминологии в рамках инновационного развития экономической отрасли

М.А. Терпак

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: martep@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8447-7038>

С.А. Сарычева

Самарский государственный университет путей сообщения, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: snezhana.sarycheva.97@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3878-267X>

Аннотация: В данном исследовательском проекте рассматривается специфический способ изучения англоязычной лексики. Авторы считают, что использование разработанного ими специализированного словаря поможет быстрому и качественному освоению иноязычного материала, что обеспечит более эффективное обучение профессиональному английскому языку будущих специалистов технической отрасли.

Ключевые слова: англоязычная лексика; железнодорожный дискурс; эффективность обучения; интенсивное обучение; современные процессы; традиционное образование; современные подходы к освоению иноязычной лексики; глобализация мировой экономики; специализированные приложения; квалифицированные специалисты; профессиональные лингвистические навыки; инновационное развитие экономической отрасли.

Цитирование. Терпак М.А., Сарычева С.А. Интенсивное обучение специалистов технического направления профессиональной англоязычной терминологии в рамках инновационного развития экономической отрасли // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 134–142. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-134-142>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Терпак М.А., Сарычева С.А., 2023

Марина Анатольевна Терпак – кандидат филологических наук, доцент кафедры «Лингвистика», Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 в.
Снежана Андреевна Сарычева – студент Электротехнического факультета, Самарский государственный университет путей сообщения, 443066, Российская Федерация, г. Самара, ул. Свободы, 2 В.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 24.01.2023
Revised: 25.02.2023
Accepted: 30.05.2023

Intensive training of specialists in the technical direction of professional English-language terminology within the framework of innovative development of economic sector

M.A. Terpak

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation
E-mail: martep@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8447-7038>

S.A. Sarycheva

Samara State Transport University, Samara, Russian Federation
E-mail: snezhana.sarycheva.97@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3878-267X>

Abstract: This research project considers a specific way of studying English vocabulary. The authors believe that the use of a specialized dictionary developed by them will help to quickly and efficiently master foreign language material, which, in turn, will provide more effective training in professional English for future specialists in the technical industry.

Key words: English-language vocabulary; railway discourse; learning efficiency; intensive training; modern processes; traditional education; modern approaches to the development of foreign language vocabulary; globalization of the world economy; specialized applications; qualified specialists; professional linguistic skills; innovative development of an economic sector.

Citation. Terpak M.A., Sarycheva S.A. Intensive training of specialists in the technical direction of professional English-language terminology within the framework of innovative development of economic sector. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 134–142. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-134-142>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Терпак М.А., Сарычева С.А., 2023

Marina A. Terpak – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Linguistics, Samara State Transport University, 2 v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Snezhana A. Sarycheva – student of the Faculty of Electrical Engineering, Samara State Transport University, 2 v, Svobody Street, Samara, 443066, Russian Federation.

Введение

Глобализация мировой экономики, а также ее развитие в современном мире обуславливают необходимость владения английским языком как средством международного общения в разных сферах деятельности на высококачественном уровне. Контакты с иностранными специалистами, профессиональный перевод специальной документации – все это стимулирует появление новых требований к языковой подготовке студентов технического вуза. Таким образом формулируется новый комплексный подход к образованию, имеющий целью грамотное развитие основополагающих качеств обучающихся как будущих высококвалифицированных специалистов технической отрасли. Традиционные методы с действующими стандартами образования с каждым днем теряют свою актуальность. Существующие методики обучения иностранной лексике с трудом актуализируются впоследствии. Поэтому вопрос разработки эффективной методики преподавания профессионального англоязычного терминологического материала будущим специалистам с высоким уровнем усвоения является открытым для исследования. **Актуальность** темы обусловлена необходимостью разработки эффективных методик формирования навыков использования терминологической лексики при обучении студентов технического вуза. **Объектом исследования** являются методики преподавания и обучения англоязычной профессиональной лексике студентов 1-го и 2-го курса технических специальностей, а также аспирантов 1-го курса Самарского государственного университета путей сообщения. **Предмет исследования:** специализированный словарь технической лексики. **Цель:** описать специфику методики преподавания английской технической лексики с использованием авторского специализированного словаря.

Задачи: определить базовые методы изучения английского языка; описать эффективный способ изучения английской технической лексики при помощи словаря; выявить экспериментально преимущества и недостатки данного метода; представить анализ эффективности предлагаемой методики обучения иноязычной терминологической лексике.

Методы проведения исследования: сопоставительный, описательный, практический.

Изучение английского языка как средства международного общения не теряет своей актуальности. По статистике, 90 % информации в Интернете представлено на английском языке [Английский язык...]. Соответственно, знание английского языка очевидно необходимо в современном мире. Однако иноязычным пользователям довольно про-

блематично освоить английский язык за короткий период, особенно если речь идет о профессиональной терминологии. Темп жизни, заданный в современном обществе, невероятно быстр. Технический прогресс развивается стремительно, задавая новые темпы и форматы приобретения знаний в различных областях. В том числе и в изучении английского языка.

Предлагаемая авторская методика, на наш взгляд, отвечает современным требованиям к эффективности и качества овладения англоязычной технической терминологией и несет в себе инновационный подход к интенсивности обучения. При этом авторами учитываются современные способы закрепления грамматических конструкций, характерных для технического курса, и стимулирования мотивации обучающихся. Данная методика имеет своей целью внедрение новых эффективных методов и подходов к интенсивному запоминанию иностранной лексики и качественному использованию ее в профессиональной коммуникации на английском языке.

Мотивационная проблематика при существующих современных способах изучения англоязычной лексики

Проблема мотивации при изучении иностранного языка изучалась и анализировалась многими методистами и психолингвистами. Как отмечает Е.Н. Соловова, «исходя из особенностей работы мозга, темперамента, видов памяти и других аспектов индивидуальных различий, каждый ученик имеет свои любимые формы и виды работы» (Соловова 2005, с. 168). Соответственно, очевидно, что при разработке методики обучения иностранному языку необходимо принимать в расчет индивидуальные особенности каждого обучающегося, а также способности к запоминанию и обучаемость [Канашина 2015].

Предлагались методики, использующие универсальные психолингвистические элементы, облегчающие запоминание иноязычной лексики. Изучение данной проблемы не стоит на месте, в последнее время исследователи обратили внимание на такой новый информационно-лингвистический методический ресурс, как мемы, активно функционирующие в интернет-среде. Материал, который обычно преподносится в строгой форме методических указаний и пособий, мы в уже ранее опубликованном сборнике материалов предложили разнообразить элементами новых актуальных возможностей интерактивного взаимодействия с использованием интернет-платформ в социальных сетях. Поэтому базовой авторской современной методикой для изучения англоязычной лексики стал интернет-феномен под названием «мем» [На-

учное сообщество студентов... 2021, с. 5]. Согласно определению, мем – это виртуальное изображение, содержащее конкретную информацию для лучшего запоминания (рис. 1). Мемы являются одним из самых доступных инструментов передачи/восприятия информации любой сложности. Сейчас сферы их распространения весьма обширны – это глобальная сеть, включающая в себя электронную почту, социальные объединения, блоги и другое [Загоруйко, Ефремова 2019; Изотова, Буглаева 2015].

Рисунок 1 – Мемы как один из основных способов изучения английского языка

Figure 1 – Memes as one of the main ways to learn English

Еще одним из известных современных способов изучения английского языка является ежедневный просмотр видео на английском языке. Этот метод актуален для совершенствования навыков понимания иностранной лексики на слух (рис. 2).

Рисунок 2 – Изучение английского языка при помощи просмотра видео

Figure 2 – Learning English by watching videos

В последние годы все популярнее становятся разговорные клубы (рис. 3) как верный способ совершенствования владения иностранным языком, расширения навыков спонтанной коммуникации, а также лучшего восприятия иностранной речи на слух.

Рисунок 3 – Разговорный клуб для совершенствования коммуникативных навыков

Figure 3 – Conversation club for improving communication skills

Одно из самых актуальных направлений в изучении иностранного языка – использование специальных приложений. Среди них наиболее популярными являются Lingualeo, Duolingo, Полиглот 16, BBC Learning English, и др. Эти приложения созданы для пользователей с разным уровнем владения английским языком (рис. 4) и служат в качестве самостоятельного инструмента для пополнения словарного запаса, закрепления грамматики [Покушалова, Серебрякова 2012].

Рисунок 4 – Основные приложения для получения базовых навыков при изучении английского языка

Figure 4 – Main applications for obtaining basic skills when learning English

В добавление к существующим авторы данной научно-исследовательской работы предлагают новую методическую разработку более узкой направленности – обучение англоязычной технической терминологии на интернет-платформе с использованием мемов. За основу был взят кластер железнодорожной лексики. Апробация предлагаемая методика проходила на базе Самарского государственного университета путей сообщения.

Эффективный способ изучения английской технической терминологии с использованием специализированного словаря

Новые средства обучения, призванные помочь обучающемуся легче воспринимать осваиваемый материал, должны приводить к достижению поставленной перед студентами цели – запоминанию англоязычной лексики, что поможет передавать и запоминать логически организованный материал, анализировать, систематизировать и обобщать [Бутаев 2012, с. 326–328]. Таким образом, возникает необходимость в усвоении лексических единиц, которое, в свою очередь, предполагает обогащение словарного запаса студентов. Лучшим средством для пополнения новых слов и словосочетаний является работа со специализированными текстами с использованием словаря [Литневская, Багрянцева 2006] [Шереметова 2015; Щурина 2012].

Словарь – это собрание слов (обычно в алфавитном порядке), устойчивых выражений с пояснениями, толкованиями или с переводом на другой язык [Голицынский 2019]. Его роль заключается в систематизированном накоплении знаний.

Существует несколько типов словарей в английском языке: 1) переводные; 2) технические; 3) специальные; 4) монологические; 5) словари современного языка.

На занятиях по иностранному языку важно научить студентов грамотно работать со словарем, при условии, что речь идет о переводе профессиональных текстов. Такое многокомпонентное

умение способно сформировать у обучающихся развитие словарного запаса, систематизированное усвоение лексического материала, активное ее употребление в устной и письменной форме, способность самостоятельно разбираться в англоязычной лексике [Саидова 2017; Часовский 2015].

Преимущества работы со словарем:

- приобретение базовых сведений о значении лексической единицы;
- освоение навыков грамматического анализа слов и словосочетаний, а также смыслового анализа лексики;
- увеличение объема терминологической лексики;
- умение систематизировать осваиваемый материал;
- развитие коммуникативных функций при изучении английского языка;
- формирование языкового материала, а также навыков оперирования им.

Словарная работа непрерывно связана с мыслительным процессом. Об этой особенности еще давно рассуждали такие методисты, как Ф.И. Буслаев, И.И. Срезневский, К.Д. Ушинский, Д.И. Тихомиров, М.Х. Шеховцова. По их мнению, грамотно организованная работа над лексическим материалом позволяет качественно его усвоить, а также развить языковое мышление. Обогащение словарного запаса направлено на развитие свободной контекстуальной замены слов для уточнения мысли, избегания повторов, создания образности (Ожегов, Шведова 1999).

Особое внимание при обогащении словарного запаса студентов уделяется самостоятельной и учебной работе. Как отмечал известный ученый-методист А.В. Текучев, «словарная работа – это не эпизод в работе учителя, а систематическая, хорошо организованная, педагогическая, целесообразно построенная работа, связанная со всеми разделами курса языка». Именно поэтому с учетом имеющихся современных методик по обучению иностранному языку, существующих учебно-методических материалов в статье выдвигается новый способ освоения англоязычной технической лексики. В тексте в качестве примера выдвигается идея создания железнодорожного словаря для студентов и аспирантов СамГУПС. Однако данная система работает для студентов всех технических вузов. Метод заключается в создании виртуального интернет-ресурса, позволяющий обучающимся свободно получать необходимый материал. Основное назначение словаря – предоставление возможности студентам самостоятельно пополнять собственный словарный запас [Николина 2020; Кронгауз 2013].

Сайт создан на бесплатной основе, подкрепляемый текстовыми пояснениями, графическими изображениями, доступ к этому информационному ресурсу имеют все пользователи (рис. 5 и 6). На сайте есть раздел, предоставляющий доступ к

двум авторским словарям по железнодорожной тематике.

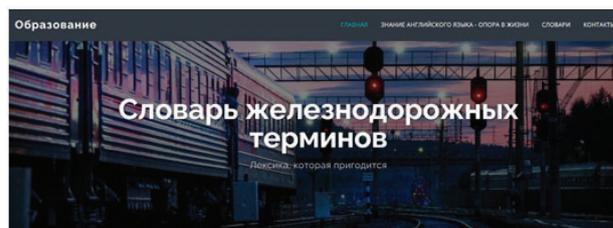

Рисунок 5 – Главное меню сайта
Figure 5 – The main menu of the site

Рисунок 6 – Основная страница авторского сайта
Figure 6 – The main page of the author's website

При создании лексического минимума для определенной специальности, все термины были распределены по двум словарям (рис. 7). Первый словарь – англо-русский, в нем содержатся 100 железнодорожных терминов. Второй словарь – англоязычных слов и словосочетаний в количестве 30 слов и словосочетаний. Все используемые материалы были взяты из разработанных на базе университета СамГУПС методических указаний, а также из англоязычной технической литературы и специализированных железнодорожных словарей (Cambridge dictionary; Britannica Encyclopedia; RGI).

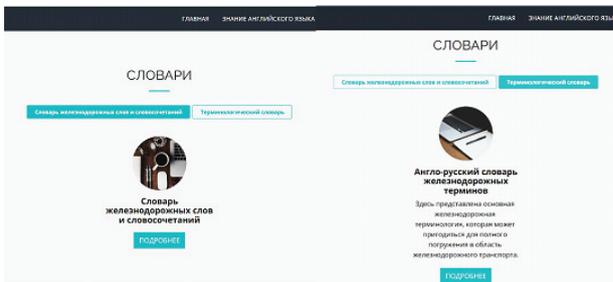

Рисунок 7 – Специализированные словари по железнодорожной тематике
Figure 7 – Specialized dictionaries on railway topics

Организованная работа со словарем. Основные этапы.

1. Самостоятельный этап, т. е. без участия преподавателя: поиск на сайте железнодорожного словаря, перевод смысловых системных связей слов по контексту (рис. 8).

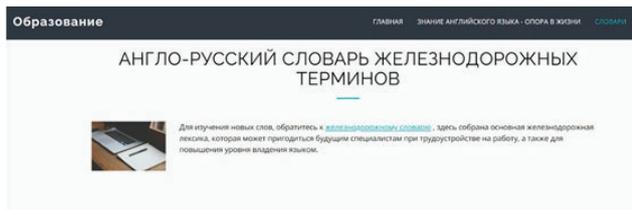

Рисунок 8 – Меню англо-русского словаря железнодорожных терминов
Figure 8 – Menu of the English-Russian dictionary of railway terms

2. Самостоятельный этап с проверкой знаний: для итоговой оценки усвоенного материала предмета, в разделе железнодорожный словарь при появлении полноценного списка специализированных терминов можно выполнить самопроверку по изученной англоязычной терминологии. После прохождения самопроверки будет выдан результат, который покажет, насколько студент качественно изучил материал (рис. 9).

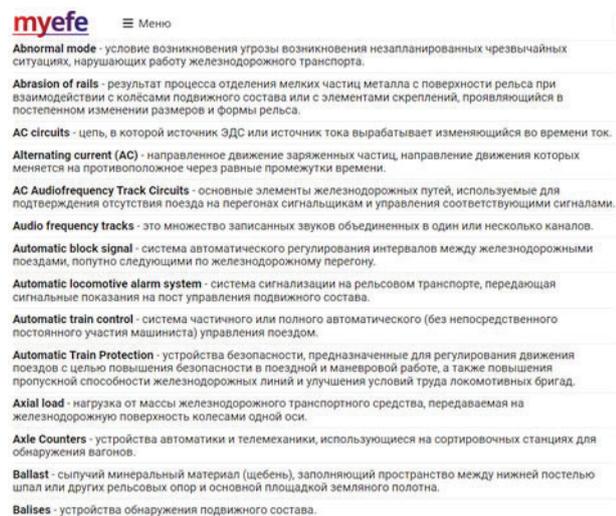

Рисунок 9 – Англо-русский словарь железнодорожных терминов
Figure 9 – English-Russian dictionary of railway terms

3. Этап работы под руководством преподавателя: поиск необходимых железнодорожных слов или словосочетаний для выполнения практических заданий в рамках учебно-образовательного процесса (Канашина 2016).

Сферы применения словаря:

- 1) Обучение студентов по специальности «Переводчика в сфере профессиональной коммуникации»;
- 2) Обучение студентов 1-го и 2-го курса железнодорожного (технического) вуза всех специальностей;
- 3) При работе с аспирантами 1-го курса железнодорожного (технического) вуза;
- 4) При работе с техническими (железнодорожной тематики) переводами.

С целью апробации разработанного авторского способа и проверки его эффективности по фор-

мированию лексических навыков обучающихся железнодорожного вуза было проведено тестовое знакомство с сайтом.

По итогу студенты 1-го и 2-го курса, а также аспиранты 1-го курса успешно ознакомлены с работой интернет-ресурса, имеют непосредственный доступ к базе данных терминологических словарей. Обучающиеся успешно справились с предлагаемыми на сайте заданиями по заучиванию терминов, с такими, как, например: из всего представленного словаря учащемуся попадает случайное выражение, которое он должен перевести (Языкознание 1998). Наряду с количественными результатами нельзя не отметить повышение мотивации к обучению английскому языку у студентов. Отзывы о работе на сайте прилагаются ниже.

«Благодаря созданной платформе значительно сокращается время на поиск терминов. Словарь очень помог при работе над рефератом. Я считаю, проект актуальный и при активном внедрении станет востребованным не только среди обучающихся нашего университета, но и других технических вузов» – аспирант 1-го курса СамГУПС.

«Как человек, слабо разбирающийся в английской грамматике, считаю, что созданный сайт является действенным помощником для студентов с любым уровнем владения языком. Пользуясь ресурсами, предоставляемыми сайтом, можно с легкостью выполнять практические задания на 1-м и 2-м курсе обучения» – студент 2-го курса СамГУПС.

«Я уже на четвертом курсе университета, однако этот факт не помешал мне оценить все уникальные особенности данного сайта. Считаю, что каждому, даже для банального расширения кругозора, будет полезным заглянуть на созданную платформу» – студентка 4-го курса СамГУПС.

«Железнодорожные словари, предоставляемые в свободном доступе, – это действительно полезно при освоении иностранного языка. Получая вторую специальность переводчика в сфере профессиональной коммуникации в Лингвистическом центре СамГУПС, поняла, насколько важно наличие подобного электронного словаря» – студентка 2-го курса Переводческого отделения Лингвистического центра СамГУПС.

Таким образом, подводя итоги проделанной работы, можно отметить:

Основные плюсы создания интернет-ресурса:

- 1) Эффективное пополнение словарного запаса студентов;
  - 2) Появление мотивации при изучении англоязычной железнодорожной лексики;
  - 3) Удобный интерфейс для поиска необходимых слов и выражений;
  - 4) Систематизированное усвоение материала;
- Минусы предлагаемой методики:
- 1) Отсутствие аудиотранскрипции терминов для усвоения англоязычной лексики на слух;
  - 2) Отсутствие англо-английского терминологического словаря.

Таким образом, выявив недостатки программы, авторы получили возможность определить направление для дальнейшего ее совершенствования.

Специализированный словарь английских железнодорожных терминов позволяет обучающимся благодаря простоте использования онлайн-сайта визуализировать изучаемый материал, что помогает значительно оптимизировать усвоение новой лексики. Сайт изначально разработан для того, чтобы его пользователи без особых трудностей смогли освоить работу со словарем английских железнодорожных терминов. В настоящее время авторы продолжают работу по дальнейшему развитию онлайн-ресурса, который позволит сделать интернет-платформу более насыщенной и интересной благодаря внедрению новых методов обучения техническому английскому языку. Данная система положительно адаптирована для студентов не только железнодорожной отрасли, но и других технических вузов. В этом направлении планируется: добавить карточный метод изучения специализированных слов по технической тематике; создать отдельную ссылку для загрузки авторских мемов; прикрепить специальные методические указания; разнообразить и периодически обновлять тренировочные тесты для лучшего усвоения лексики; добавить другие виды словарей для специалистов технической отрасли.

Анализ результатов опроса обучающихся на предмет используемых в авторской программе предложенных методов изучения английского языка

Для оценки мнений по разработанному авторскому методу обучения англоязычной лексике авторами был проведен небольшой опрос. Проводился он на интернет-ресурсе. В нем участвовало 50 обучающихся СамГУПС [Голицынский 2019].

Согласно полученным данным, 50 % опрошенных считают, что знание английского языка просто необходимо в современном мире. 40 % студентов вуза утверждают, что владеть иностранным языком – это желание каждого. Оставшаяся часть не видит в этом необходимости. Однако в противовес этому показателю, 76 % принявших участие в опросе утверждают, что им пригодится английский язык в будущем, остальные не видят особой потребности в его изучении (рис. 10).

На вопрос «По вашему мнению, что поможет легче осваивать иностранный язык?» 60 % опрошенных ответили – благодаря обучающим видео и сериалам, 25 % респондентов отдали предпочтение учебникам и книгам. Оставшийся процент голосов пришелся на онлайн-словари (рис. 11).

Большинству обучающихся (65 %) овладеть языком мешает такой вредоносный фактор, как лень. Остальные утверждают, что дело в острой нехватке времени.

81 % считает, что английский на базовом уровне можно выучить при помощи мемов с использованием нашей авторской методики. Остальные 19 % слабо верят в действенность мемов.

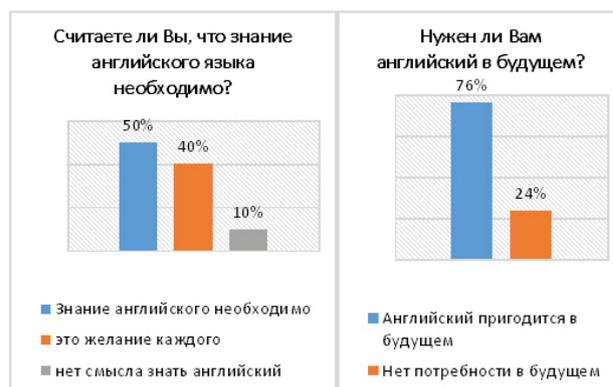

Рисунок 10 – Качественные показатели опроса обучающихся СамГУПС

Figure 10 – Qualitative indicators of the survey of students of SamGUPS

Рисунок 11 – Результаты опроса студентов СамГУПС

Figure 11 – Results of the survey of students of SamGUPS

На вопрос «Пользовались ли вы авторским сайтом с онлайн-словарями по железнодорожной тематике?» 77 % обучающихся ответили утвердительно. Другие отказались отвечать по причине незаинтересованности в освоении базовых знаний по иностранному языку (рис. 12).

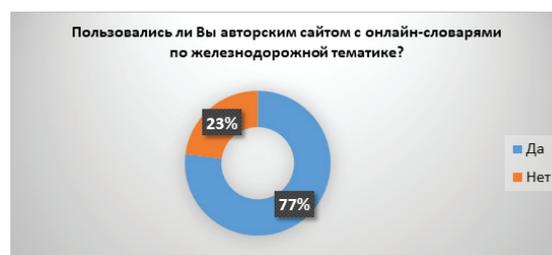

Рисунок 12 – Результаты проведенного опроса

Figure 12 – Results of the survey

При работе с сайтом 84 % опрошенных понравился дизайн, удобство в использовании словарей (рис. 13).

Рисунок 13 – Опрос по разработанному Информационному ресурсу

Figure 13 – Survey on the developed Information resource

На вопрос, что бы вы добавили на сайте для его большей полезности, 67 % пользователей ответили «видеоролики про движение поездов, их эксплуатацию», 13 % посчитали необходимым увеличить количество лексического материала. 10 % обучающихся проголосовало за внедрение нового приложения для усвоения англоязычной лексики, остальные – за создание отдельной вкладки для железнодорожных мемов (рис. 14).

Рисунок 14 – Диаграмма опроса пользователей авторского сайта

Figure 14 – Diagram of the survey of users of the author's site

Таким образом, согласно проведенному опросу среди студентов-пользователей СамГУПС, можно сделать вывод, что английский язык для большей части обучающихся считается востребованным предметом изучения. Начать активно заниматься изучением иностранного языка многим обучающимся мешает лень. Именно для стимулирования и мотивации авторами был создан сайт, который для большинства студентов оказался полезным. В соответствии с пожеланиями обучающихся по улучшению дизайна и содержательности интернет-источника сайт в дальнейшем будет модернизирован и пополнен видеороликами, новыми

онлайн-словарями, мемами по техническим специальностям и т. д.

Заключение

В век информационных технологий на первый план выступает интеллектуальная мобильность, способность оперативно осваивать и усваивать различную информацию. Интернет-среда открывает большие возможности для самостоятельного изучения иностранного языка: специализированные приложения, видеуроки, литература и т. д. Однако, как мы выявили в результате экспериментального исследования, использование онлайн-словаря англоязычных железнодорожных терминов в качестве образовательной платформы, выводит на новый уровень эффективности и качества изучения иностранного языка. Создание виртуального сайта стало новой страницей в современной методике интенсивного обучения профессиональной терминологии в рамках инновационного развития экономической отрасли. Чем больше выпускников вузов смогут стать высококвалифицированными специалистами, тем лучше наладится работа рынка труда.

Представленная программа дает практическую возможность обучить будущих специалистов-железнодорожников участвовать в профессиональной коммуникации на иностранном языке, владеть навыками технического перевода, не ощущая языкового барьера.

Полученные результаты и сделанные выводы позволяют рекомендовать выдвинутый способ изучения английского языка и практические ресурсы для активного использования в технических вузах и других высших учебных заведениях в качестве коммуникативно-деятельного подхода к высококачественному овладению англоязычной технической терминологией.

Материалы исследования

Britannica Encyclopedia – *Britannica Encyclopedia*. URL: <https://www.britannica.com>.

Cambridge dictionary – *Cambridge dictionary*. URL: <https://dictionary.cambridge.org>.

RGI – *Railway Gazette International* (2019–2021). URL: <https://www.railwaygazette.com>.

Канашина 2016 – *Канашина С.В.* Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва: МГЛУ, 2016. 265 с.

Литневская, Багрянцева 2006 – *Литневская Е.И., Багрянцева В.Н.* Методика преподавания русского языка в средней школе / под ред. Е.И. Литневской. Москва: Академический проспект, 2006. 590 с. URL: <https://file.11klasov.net/5738-metodika-prepodavaniya-russkogo-jazyka-v-srednej-shkole-litnevskaja-ei-bagrjanceva-va.html>.

Ожегов, Шведова 1999 – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва: Азбуковник, 1999.

Соловова 2005 – *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. Изд. 3-е. Москва: Просвещение, 2005. 239 с. URL: https://vk.com/doc100551433_552692890?hash=rAhg2rVewlZDWA9EqAhYWYz1NjPyzJGfauZ38mQslFT&dl=HZnozE3I1VL47uHXIDVQ5ZyhLPxzYG6DOo4DL5vqyyg.

Языкознание 1998 – *Языкознание: большой энциклопедический словарь* / гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. Москва: Большая российская энциклопедия, 1998. 685 с.

Библиографический список

Научное сообщество студентов... 2021 – «*Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования*»: электронный сборник статей по материалам СХХII Студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск: ООО «СибАК», 2021. № 15 (122). URL: [https://sibac.info/archive/meghdis/15\(122\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/15(122).pdf).

Английский язык... – *Английский язык* в цифрах и фактах: интересно о полезном // Инглекс. URL: <https://englex.ru/english-in-numbers-and-facts>.

Бутаев 2012 – *Бутаев Ш.Т.* О методике совершенствования работы со словарем // Молодой ученый. 2012. № 10 (45). С. 326–328. URL: <https://moluch.ru/archive/45/5476/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18091047>. EDN: <https://elibrary.ru/pfxbaz>.

Голицынский 2019 – *Голицынский Ю.Б.* Грамматика: сборник упражнений. [8-е изд., испр.]. Санкт-Петербург: КАРО, 2019. 576 с. (Английский для школьников). URL: https://vk.com/wall-71378109_481.

Загоруйко, Ефремова 2019 – *Загоруйко А.О., Ефремова М.А.* Потенциал использования интернет-мемов в качестве обучающего средства // Вопросы методики преподавания в вузе. 2019. Т. 8, № 28. С. 12–21. DOI: <http://doi.org/10.18720/HUM/ISSN2227-8591.28.01>.

Изотова, Буглаева 2015 – *Изотова Н.В., Буглаева Е.Ю.* Система средств визуализации в обучении иностранному языку // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 70–74. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sredstv-vizualizatsii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku/viewer>.

Канашина 2015 – *Канашина С.В.* Когнитивный механизм компрессии в интернет-мемах // Филологические науки в МГИМО. 2015. № 1 (1). С. 30–39. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25079212>. EDN: <https://elibrary.ru/vcvagt>.

Кронгауз 2013 – *Кронгауз М.А.* Самоучитель олбанского. Москва: АСТ, 2013. 412 с. URL: <https://www.rulit.me/books/samouchitel-olbanskogo-read-319152-1.html>.

Николина 2020 – *Николина Н.Н.* Использование doggos-мемов в процессе обучения английскому языку студентов младших курсов языковых и неязыковых направлений подготовки // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5, № 1. С. 118–122. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.1.21>. EDN: <https://elibrary.ru/hgpcqz>.

Покушалова, Серебрякова 2012 – *Покушалова Л.В., Серебрякова Л.Т.* Обучение профессионально ориентированному языку в техническом вузе // Молодой ученый. 2012. № 5 (40). С. 305–307. URL: <https://moluch.ru/archive/40/4759/> (дата обращения: 06.03.2022).

Саидова 2017 – *Саидова З.Э.* Мем как универсальный феномен интернет-культуры (на материале русского, английского и чеченского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1–2 (67). С. 175–178. URL: <https://philology-journal.ru/article/phil20170150/fulltext>.

Часовский 2015 – *Часовский Н.В.* Интернет-мем как особый жанр коммуникации // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. 2015. № 2 (61). С. 124–127. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-osobyi-zhanr-kommunikatsii/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23305923>. EDN: <https://elibrary.ru/tqacen>.

Шереметова 2015 – Шереметова В.С. Интернет-мем как лингвистический феномен // Научное сообщество студентов: сборник материалов VI Международной студенческой научно-практической конференции: в 2 т. Т. 2. Чебоксары, 2015. С. 97–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25537652>. EDN: <https://elibrary.ru/vmrvvx>.

Щурина 2012 – *Щурина Ю.В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации // Научный диалог. 2012. № 3. С. 161–173. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii/viewer>.

References

Scientific community of students 2021 – *Scientific community of students*. Interdisciplinary research: an electronic collection of articles based on the materials of the СХХII student International research and practical conference. Novosibirsk: ООО «СибАК», № 15 (122). Available at: [https://sibac.info/archive/meghdis/15\(122\).pdf](https://sibac.info/archive/meghdis/15(122).pdf). (In Russ.)

English ... – *English* in figures and facts: interesting about useful. Retrieved from the official website of Englex. Available at: <https://englex.ru/english-in-numbers-and-facts>. (In Russ.)

Butaev 2012 – *Butaev Sh.T.* (2012) On the methodology of improving work with the dictionary. *Molodoi uchenyi*, no. 10 (45), pp. 326–328. Available at: <https://moluch.ru/archive/45/5476/>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18091047>. EDN: <https://elibrary.ru/pfxbaz>. (In Russ.)

Golitsynsky 2019 – *Golitsynsky Yu.B.* (2019) Grammar: a collection of exercises; [8th edition, revised]. Saint Petersburg: KARO, 576 p. (English for schoolchildren). Available at: https://vk.com/wall-71378109_481. (In Russ.)

Zagoruyko, Efremova 2019 – *Zagoruyko A.O., Efremova M.A.* (2019) The Value of Internet Memes as a Teaching Aid. *Teaching Methodology in Higher Education*, vol. 8, no. 28, pp. 12–21. DOI: <http://doi.org/10.18720/HUM/ISSN2227-8591.28.01>. (In Russ.)

Izotova, Buglaeva 2015 – *Izotova N.V., Buglaeva E.Yu.* (2015) The system of visualization tools in teaching a foreign language. *The Bryansk State University Herald*, no. 2, pp. 70–74. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-sredstv-vizualizatsii-v-obuchenii-inostrannomu-yazyku/viewer>. (In Russ.)

Kanashina 2015 – *Kanashina S.V.* (2015) Cognitive mechanism of compression in Internet memes. *Linguistics & Polyglot Studies*, no. 1 (1), pp. 30–39. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25079212>. EDN: <https://elibrary.ru/vcvagt>. (In Russ.)

Krongauz 2013 – *Krongauz M.A.* (2013) Self-study of Albanian. Moscow: AST, 412 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/samouchitel-olbanskogo-read-319152-1.html>. (In Russ.)

Nikolina 2020 – *Nikolina N.N.* (2020) Using Doggos Memes When Teaching English to Junior Students of Linguistic and Non-Linguistic Training Directions. *Pedagogy. Theory & Practice*, vol. 5, no. 1, pp. 118–122. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2020.1.21>. EDN: <https://elibrary.ru/hgpcqz>. (In Russ.)

Pokushalova, Serebryakova 2012 – *Pokushalova L.V., Serebryakova L.T.* (2012) Teaching a professionally oriented language in a technical university. *Molodoi uchenyi*, no. 5 (40), pp. 305–307. Available at: <https://moluch.ru/archive/40/4759> (accessed 06.03.2022) (In Russ.)

Saidova 2017 – *Saidova Z.E.* (2017) The meme as a universal phenomenon of the Internet culture (by the material of the Russian, English and Chechen languages). *Philology. Theory & Practice*, no. 1–2 (67), pp. 175–178. Available at: <https://philology-journal.ru/article/phil20170150/fulltext>. (In Russ.)

Chasovskiy 2015 – *Chasovskiy N.V.* (2015) The Internet-Meme as a Special Genre of Communication. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*, no. 2 (61), pp. 124–127. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-mem-kak-osobyy-zhanr-kommunikatsii/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23305923>. EDN: <https://elibrary.ru/tqacen>. (In Russ.)

Sheremetova 2015 – *Sheremetova V.S.* (2015) Internet meme as a linguistic phenomenon. In: *Scientific community of students: Collection of materials of the VI International student research and practical conference: in 2 vols. Vol. 2*. Cheboksary, pp. 97–101. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25537652>. EDN: <https://elibrary.ru/vmvvxx>. (In Russ.)

Shchurina 2012 – *Shchurina Yu.V.* (2012) Internet meme as a phenomenon of Internet communication. *Nauchnyi dialog = Scientific Dialogue*, no. 3, pp. 161–173. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-memy-kak-fenomen-internet-kommunikatsii/viewer>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.46

Дата поступления: 22.02.2023
рецензирования: 27.03.2023
принятия: 30.05.2023

К проблеме составления профессионального англоязычного словаря-минимума

А.Г. Анисимова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: anissimova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4191>

Н.В. Эйсмонт

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: eismontnv@my.msu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5122-0070>

Аннотация: Цель исследования: создание лексического минимума профессиональной направленности для студентов 1-го и 2-го курсов химического факультета МГУ. Словарь-минимум должен отражать лексическую составляющую программы обучения английскому языку и осуществлять следующие функции: дифференцирующую, обучающую, систематизирующую и нормативную. Процедура и методы. Проведенный авторами обзор учебной литературы для студентов химического факультета с точки зрения обучения иностранному языку для специальных целей подтверждает тот факт, что ни научная лексика, ни терминология не представлены в достаточном объеме. С помощью программ-конкордансеров AntConc и AntWordProfiler был составлен и проанализирован корпус учебно-методических пособий, используемых преподавателями кафедры; выделенный список слов был минимизирован согласно разработанным критериям отбора. Результаты: составлен лексический минимум для студентов-химиков, который разработан на основе текстов 14 наиболее часто используемых учебных пособий кафедры английского языка химического факультета МГУ. Лексический минимум содержит 1123 лексемы, охватывающие научную лексику и химическую терминологию в основной части, а также 99 наиболее частотных общеупотребительных слов английского языка. Практическая значимость исследования определяется разработанной методикой составления учебного словаря-минимума по химии. Учитывая особое внимание, уделяемое изучению специализированной лексики в рамках обучения иностранного языка для специальных целей, усилия авторов учебных пособий и преподавателей должны быть направлены на отбор и упорядочивание лексического материала, так как именно коммуникативные навыки позволяют выпускникам быть конкурентоспособными на рынке труда.

Ключевые слова: лексический минимум; английский язык; специализированная лексика; словарь-минимум; критерии отбора лексических единиц.

Цитирование. Анисимова А.Г., Эйсмонт Н.В. К проблеме составления профессионального англоязычного словаря-минимума // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 143–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-143-152>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Анисимова А.Г., Эйсмонт Н.В., 2023

Александра Григорьевна Анисимова – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языкознания филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119992, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

Эйсмонт Никита Викторович – старший преподаватель кафедры английского языка химического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 119992, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.02.2023
Revised: 27.03.2023
Accepted: 30.05.2023

On the problem of compiling a professional English-language minimum dictionary

A.G. Anisimova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: anissimova@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1761-4191>

N.V. Eismont

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation
E-mail: eismontnv@my.msu.ru. ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-5122-0070>

Abstract: The purpose of the study: to work out a professional lexical minimum for students of the 1st and 2nd-year students of the Faculty of Chemistry of Lomonosov Moscow State University. The dictionary should meet all the criteria defined in the English language program and perform the following functions: differentiating, teaching, systematizing and normative. **Procedure and methods.** The review of educational literature for students of the Faculty of Chemistry conducted by the authors from the point of view of teaching a foreign language for special purposes confirms the fact that neither academic vocabulary nor terminology is provided adequately. With the help of AntConc and AntWordProfiler concordance programs, a corpus of teaching aids used by teachers of the department was compiled and analyzed; the selected list of words was minimized according to the developed selection criteria. **Results:** a lexical minimum for students of Chemistry department was compiled on the basis of the texts from 14 most frequently used textbooks of the Department of English. The lexical minimum contains 1123 lexemes, covering academic vocabulary and chemical terminology in the main part, as well as 99 most common words of the English language. **The practical significance of the study** is determined by the developed methodology for compiling an educational mini thesaurus in chemistry. Taking into consideration that special attention is paid to the study of specialized vocabulary in the framework of teaching a foreign language for special purposes, the efforts of the teachers should be directed to the selection and ordering of lexical material, since it is communication skills that allow graduates to be competitive in the labor market.

Key words: lexical minimum; mini thesaurus; English; specialized vocabulary; selection criteria for lexical units.

Citation. Anisimova A.G., Eismont N.V. On the problem of compiling a professional English-language minimum dictionary. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 143–152. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-143-152>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Anisimova A.G., Eismont N.V., 2023

Alexandra G. Anisimova – Doctor of philology, professor, Department of English Linguistics, Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119992, Russian Federation.

Nikita V. Eismont – senior lecturer, English Language Department, Chemical Faculty, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119992, Russian Federation.

Введение

Преподавание дисциплины «Английский язык» на химическом факультете МГУ по виду подготовки «специалитет» осуществляется на 1-м и 2-м курсах. Методической комиссии кафедры английского языка химического факультета для обучения студентов-химиков рекомендованы более 20 учебно-методических пособий, из которых обязательными являются два учебника: УМК «The World of Chemistry: английский язык для химиков. Учебник для студентов вузов», автор М.М. Кутепова, и «Практический курс грамматики английского языка», авторы Н.В. Михельсон и Т.Н. Успенская. Использование других учебных пособий не регламентировано – преподаватели кафедры пользуются ими по собственному усмотрению. Однако существует объективная необходимость в использовании дополнительных пособий в связи с явно недостаточной насыщенностью двух основных учебников специализированной лексикой для решения всех необходимых коммуникативных задач и выработки навыков, прописанных в программе. Так, например, в учебнике The World of Chemistry отсутствуют такие химические термины и их производные, как *adsorption*, *aldehyde*, *alkaloid*, *alkane*, *alkene*, *anion*, *catalysis*, *colloid* и т. д.; учебник «Практический курс грамматики английского языка» содержит лишь отдельные предложения, иллюстрирующие грамматические явления, характерные для регистра научной речи английского языка и относящиеся, наряду с химией, к физике, астрономии, математике.

Таким образом, разнообразие и разнонаправленность учебных пособий создают ситуацию, при которой не гарантируется накопление студентами специализированной лексики в объемах, необходимых для осуществления ими учебно-

профессиональной деятельности. Проблема усвоения студентами профессиональной англоязычной терминологии становится особо актуальной в условиях обучения иностранному языку для специальных целей в неязыковых вузах, что связано с ограниченным количеством аудиторных часов преподавания иностранного языка, слабой языковой подготовкой студентов и их большой загруженностью профилирующими предметами (Андрианова 2008).

Учитывая особое внимание, уделяемое изучению специализированной лексики в рамках обучения иностранного языка для специальных целей, усилия авторов учебных пособий и преподавателей должны быть направлены на отбор и упорядочивание лексического материала.

Основная часть

Оптимальной для указанных целей является концепция лексического минимума. «Новый словарь методических терминов и понятий» дает следующее определение лексического минимума: «Лексические единицы, которые должны быть усвоены учащимися за определенный промежуток учебного времени. Количественный и качественный состав лексического минимума зависит от целей обучения, этапа обучения и количества учебных часов, отводимых для изучения языка» (Азимов, Щукин 2009, с. 121). Н.А. Муравьев и М.Ю. Ольшевская предлагают следующее определение лексического минимума: «...любой список лексики, полученный в процессе минимизации словарного состава языка ручным или автоматическим методом с учетом коммуникативных, статистических, или смешанных критериев» [Муравьев, Ольшевская 2019, с. 79]. Е.И. Маркина в своей диссертации объединяет понятия «лексической

минимум» и «словарь» и определяет его следующим образом: лексический минимум представляет собой «особый тип многофункционального комплексного учебного словаря, который включает определенным образом отобранные, описанные и структурированные лексические единицы в объеме, необходимом и достаточном для успешной реализации коммуникативных задач на конкретном уровне владения иностранным языком» (Маркина 2011 б, с. 76).

С учетом вышеприведенных определений становится возможным выделить основные критерии лексического минимума: (1) ориентированность на определенный этап обучения; (2) включение в состав словаря лексических единиц, которые должны быть усвоены на определенном этапе; (3) создание лексического минимума возможно в результате тщательного отбора лексики и минимизации словарного состава в соответствии с определенными критериями; (4) выраженный лингводидактический характер лексического минимума.

Е.И. Маркина определяет и описывает следующие функциональные характеристики лексического минимума: (1) информационная, (2) справочная, (3) дифференцирующая, (4) ориентировочная, (5) программирующая, (6) обучающая, (7) систематизирующая и (8) нормативная (Маркина 2011 б, с. 85). Н.А. Муравьев и М.Ю. Ольшевская в свою очередь выделяют четыре основных категории, определяющие характер существующих лексических минимумов: (1) предназначение, (2) подход к составлению, (3) источники данных, (4) процент покрываемости текстов [Муравьев, Ольшевская 2019, с. 80].

Согласно критерию предназначения, лексические минимумы могут подразделяться на списки слов для общего пользования в качестве теоретической модели и учебные. К первым относятся такие минимумы, как «Список английских слов общего пользования» М. Уэста (*A General Service List of English Words (GSL)* [West 1953], состоящий из 2000 наиболее частотных лексических гнезд (*word families*) английского языка; «Новый список слов общего пользования» (*New General Service List (new-GSL)*), разработанный в 2015 В. Брезиной и Д. Габласовой, в отличие от *GSL* состоящий не из лексических гнезд, но из лексем и насчитывающий 2494 словарные единицы. Как правило, цель списков слов подобного теоретического характера заключается в определении лексического ядра языка, и в строгом смысле слова они не есть лексические минимумы, так как содержащиеся в них слова не являются минимально необходимыми для каких-либо практических целей.

Учебные лексические минимумы, как следует из названия, используются для обучения изучающих иностранный язык лексике, которую необходимо усвоить для достижения целей обучения. Количество учебных лексических минимумов велико, их характер и объем разнообразны в зависи-

мости от цели и этапа обучения: это могут быть и тематические списки лексики, сгруппированные по семантическим полям, и поурочные списки новых слов, и лексический минимум, обязательный к усвоению в течение всего периода обучения, и прочие.

Промежуточное место между теоретическими и учебными лексическими минимумами занимают списки слов, выполняющие одновременно информационную, справочную, дифференцирующую и ориентировочную функции, но которые при этом из-за их специфической направленности (как правило, общенаучная или узкоспециальная лексика) нельзя использовать ни в качестве списков слов общего пользования, ни – в чистом виде – в качестве учебных минимумов по причине их несоотнесенности с конкретными этапами и целями обучения. Подобными теоретическими списками слов являются, например, «Список академических слов», состоящий из 570 лексических гнезд (*Academic Word List (AWL)* А. Коксхед [Coxhead 2000]; «Список академических слов в области химии», насчитывающий 1400 лексических гнезд (*Chemistry Academic Word List (CAWL)* Л. Валипури и Х. Нассаджи [Valipoury, Nassaji 2013] и прочие. В отечественной лексикографии к лексическим минимумам подобного промежуточного типа можно отнести «Словарь-минимум для чтения научной литературы на английском языке» (под редакцией Е.С. Савиновой), четвертое издание которого (*Словарь-минимум... 1969*) содержит около 4000 слов и выражений (*Словарь-минимум... 1969*); «Учебный словарь-минимум для студентов-математиков» М.М. Глушко (Глушко 1976) на 4500 лексем; «Лексический минимум по механике (на базе английского языка)» под редакцией М.М. Глушко [*Лексический минимум по механике... 1979*], 4700 терминологических единиц; «Лексический минимум по английскому языку для технических вузов» В.В. Морозенко и И.Ф. Турук (Морозенко, Турук 1985), содержащий 1209 лексических гнезд общенаучной лексики английского языка, и многие другие [*Иностранный язык 2009*].

Подходы к составлению лексического минимума могут быть разными: коммуникативный, статистический и смешанный. При коммуникативном подходе составители при выборе лексики для лексического минимума ориентируются на субъективные или тематические коммуникативные критерии. Так, например, коммуникативный подход к составлению лексического минимума по теме «Химические элементы» будет заключаться в отборе англоязычных наименований химических элементов (*hydrogen, oxygen, lithium, etc.*), подлежащих включению в состав лексического минимума согласно потребностям обучающихся, а также в субъективной оценке составителя касательно необходимости включения в список дополнительной лексики, относящейся к данной тематике, например свойств химических элемен-

тов (reactive / unreactive, metal / non-metal / metalloid, inert, radioactive, etc.), терминологических наименований групп элементов таблицы Менделеева (halogens, pnictogens, chalcogens, etc.) и проч. Кроме того, коммуникативный подход преимущественно используется при разработке лексических минимумов для преподавания русского языка как иностранного в рамках отечественной лингвистической традиции [Муравьев, Ольшевская 2019]

Статистические критерии включают объективные измерения частотности отдельных слов в корпусе, дисперсии слов, сочетаемости слов, показателя ключевого характера (keyness) слова в тексте и проч. Из вышеупомянутых списков примерами лексических минимумов, созданных полностью на основании статистического подхода, являются «Новый список слов общего пользования» (new-GSL) и «Список академических слов в области химии» (CAWL).

Лексические минимумы смешанного подхода представляют собой списки слов, при составлении которых использовались как статистические методы, так и коммуникативные. Таковы упомянутый выше «Список английских слов общего пользования» (GSL) и большинство лексических минимумов профессионального характера (поскольку для их составления требуется дополнительный анализ частотной выборки, полученной в результате статистического исследования, с целью выделения и отбора специализированной лексики).

Показатель процента покрытия текстов представляет собой коэффициент, показывающий, какой процент сумма словоформ одной лексемы или списка составляет от общего числа словоупотреблений корпуса (Алексеев 1975) и варьируется в зависимости от практических целей составителей лексического минимума. Так, например, вышеупомянутый «Список английских слов общего пользования» (GSL) М. Уэста, как утверждает составитель, покрывает около 80 % всех слов, используемых в письменных текстах (или 90 % слов разговорного английского языка). «Список академических слов в области химии» (CAWL) покрывает 81.18 % составленного корпуса химических статей из 4 миллионов словоупотреблений. В соответствии с отечественной лингводидактической традицией общеязыковой лексический минимум должен покрывать не менее 70 % текстов (Маркина 2011 б, с. 60).

Определив основные характеристики понятия *лексический минимум*, перейдем к описанию нашего исследования, целью которого является составление учебного лексического минимума для студентов химического факультета МГУ.

Процедура и методы

Наш подход к составлению лексического минимума заключался в следующем: 1. Преподавание английского языка для студентов-химиков на химическом факультете МГУ с лингводидактиче-

ской точки зрения представляет собой частный случай преподавания *иностранного языка для специальных целей*; источником данных являются тексты учебных пособий, утвержденных методической комиссией кафедры английского языка химического факультета МГУ и используемых большинством преподавателей кафедры; согласно критерию *предназначения*, итоговый список слов должен представлять собой учебный лексический минимум профессиональной направленности для студентов 1-го и 2-го курсов химического факультета МГУ и отражать лексическую составляющую программы обучения английскому языку в соответствии с основным уровнем обучения; итоговый лексический минимум на данном этапе разработки призван осуществлять следующие *функции*: дифференцирующая, обучающая, систематизирующая и нормативная; словарной *единицей лексического минимума* является лексема; смешанный *подход* к составлению лексического минимума заключается в анализе корпуса учебных текстов и первичной минимизации количества словоупотреблений для получения частотного списка словоформ с помощью статистических методов и в последующем отборе лексических единиц, относящихся к общенаучной (академической) и узкоспециальной (терминологической) лексике; *объем лексического минимума* должен соответствовать требованиям к лексической составляющей языковой компетенции согласно Программе «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов, утвержденной Научно-методическим советом по иностранным языкам Министерства образования и науки Российской Федерации в 2009 г., и составлять порядка 1200 лексических единиц в рамках обозначенной тематики и проблематики общения.

Из более чем 20 учебно-методических пособий, рекомендованных методической комиссией кафедры английского языка химического факультета МГУ для обучения студентов, по результатам анонимного анкетирования преподавателей кафедры было отобрано 14 пособий, каждое из которых используется на определенном этапе обучения более чем половиной опрошенных преподавателей.

Список учебных пособий приведен в таблице 1. Отобранные пособия были отсканированы, оцифрованы и сохранены в виде текстовых файлов с кодировкой UTF-8. В качестве подготовки для составления корпуса из текстовых файлов были удалены все слова на русском языке. Далее с помощью программ-конкордансеров AntConc и AntWordProfiler был составлен и проанализирован корпус учебно-методических пособий, используемых преподавателями кафедры английского языка. Общий объем корпуса составил 153 523 словоупотреблений (токенов/tokens). Количество словоупотреблений в учебно-методических пособиях представлено в таблице 1.

Таблица 1

Распределение словоупотреблений по учебным пособиям

Table 1

Distribution of word usage according to textbooks

№ п/п	Учебное пособие	Кол-во словоупотреблений
1	Кутепова М.М. The world of chemistry. Английский язык для химиков: учебник: учебно-методический комплекс. 5-е изд., доп. и перераб. Москва: КДУ, 2013. 256 с.	53 158
2	Кутепова М.М. The world of chemistry. Английский язык для химиков. Рабочая тетрадь студента: учебно-методический комплекс. 3-е изд., доп. и перераб. Москва: КДУ, 2013. 160 с.	19 437
3	Биккулова Г.Р., Тарасенко Л.В. Методические разработки к текстам статей для студентов-химиков. Москва, 2010 (кафедральное издание)	13 998
4	Биккулова Г.Р., Рогоцкая И.А., Савельева Ю.Г. Scientifically Speaking. (Научно говоря): методическое пособие для студентов 1, 2 курсов химического факультета МГУ. Москва, 2018 (кафедральное издание)	11 410
5	Тютин С.В. Методическое пособие для студентов 1 курса. Past Tenses. Москва, 2021 (кафедральное издание)	9227
6	Михельсон Н.В., Успенская Т.Н. Практический курс грамматики английского языка. Санкт-Петербург: Специальная литература, 1995	8040
7	Марьяновская О.В., Шведова Е.В. Методическое пособие по теме «Система временных форм. Способы выражения будущего действия в английском языке» (продолжающие группы 1 курса). Москва, 2000 (кафедральное издание)	7460
8	Агапова Г.Н., Андреева О.К., Шведова Е.В. Сборник материалов по обзорному повторению грамматики для студентов II курса. Москва, 2021 (кафедральное издание)	6685
9	Шингарева А.С. Сборник текстов для студентов-химиков по материалам журнала Scientific American. Москва, 2018 (кафедральное издание)	6314
10	Буданова Г.А., Тарасенко Л.В. Методическая разработка по теме «Эмфатические конструкции» (для аспирантов и студентов). Москва, 2012 (кафедральное издание)	5625
11	Зотова Е.Л. Методическое пособие для студентов 1 курса. Present Tenses. Москва, 2018 (кафедральное издание)	5019
12	Биккулова Г.Р., Зотова Е.Л., Рогоцкая И.А., Савельева Ю.Г. Volatile History of Chemistry. Part 1 (видеоматериал): методическое пособие для студентов 1, 2 курсов химического факультета МГУ. Москва, 2021 (кафедральное издание)	3140
13	Большунова Н.Н. Методическая разработка по грамматике английского языка для студентов химического факультета МГУ. Неличные формы: инфинитив, причастие, герундий. Москва, 1973	2246
14	Шведова Е.В., Андреева О.К. Лексические задания к текстам статей для студентов-химиков II курса. Москва, 2022 (кафедральное издание)	1764
ИТОГО:		153 523

Количество словоформ (types) во всем корпусе составило 9785 единиц. Далее исследование проводилось с помощью программы Microsoft Excel. После удаления ошибок сканирования список словоформ сократился до 9731 единиц (погрешность от ошибок распознавания составила 0,55 %). Настоящий список представляет собой лексический материал (понимаемый в соответствии с определением О.С. Ахмановой как словоформы, являющиеся предельными составляющими предложения и словосочетания (Ахманова 1969, 216)), подлежащий минимизации с целью создания лексического минимума профессионального общения для студентов-химиков.

Приступая к минимизации списка, было необходимо определить критерии отбора лексики для нашего лексического минимума. Критерии отбора слов являются ключевой проблемой, с которой сталкиваются составители лексических минимумов любых видов. Этот вопрос затрагивается авторами всех работ, посвященных этой проблеме.

Большинство авторов указывают на зависимость критериев отбора лексики, подлежащей освоению, от конкретных условий и целей обучения (Костомаров 1963; Маркина 2011 а). Кроме того, как утверждает Е.И. Маркина, критерии частотности и принадлежности к тематической группе признаются ведущими в теории и практике европейского лексического минимума. Указанные критерии также входят в группу критериев с преобладающим лингвистическим компонентом, разрабатываемым российскими исследователями концепции лексического минимума (Маркина 2011 б, с. 16–17).

Поскольку обучение английскому языку на химическом факультете МГУ проходит в рамках обучения иностранному языку для специальных целей (или языку профессионального общения) в условиях неязыкового вуза, для определения целей обучения вновь обратимся к упомянутой выше Программе «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов. Согласно программе, содержание общения по рецептивным видам ре-

чевой деятельности для основного уровня должно включать среди прочих: (1) понимание основного содержания публицистических, научно-популярных и научных текстов об истории, характере, перспективах развития науки и профессиональной отрасли; текстов интервью со специалистами и учеными данной профессиональной области; (2) понимание запрашиваемой информации в научно-популярных и прагматических текстах; (3) детальное понимание научно-популярных и общественно-политических текстов по проблемам данной науки/отрасли. Для повышенного уровня добавляется (4) понимание нелинейных текстов (таблицы, схемы, графики, диаграммы, карты, гипертексты и др.). Требования к продуктивным видам речевой деятельности для основного уровня включают: (1) монолог-описание (функциональных обязанностей/квалификационных требований); (2) монолог-сообщение (о выдающихся деятелях науки и профессиональной сферы, о перспективах развития отрасли); (3) монолог-рассуждение по поводу перспектив карьерного роста / возможностей личностного развития; и для повышенного уровня (4) монолог-сообщение/ доклад; выступление на круглом столе проблемной группы; (5) диалог-беседа по обозначенной проблематике; (6) деловая беседа/деловая игра; (7) обсуждение проблемных деловых ситуаций. Требования к лексической составляющей языковой компетенции предусматривают увеличение объема словарного запаса студентов в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе на 1200 лексических единиц в рамках обозначенной тематики и проблематики общения.

Как следует из программы, итоговый лексический минимум должен включать наиболее профессионально-релевантные лексические единицы, и поэтому мы можем говорить о формировании специализированного лексического минимума, или лексического минимума профессионально общения.

Действительно, как отмечает Р. Вудвард-Крон, знание студентами какой-либо учебной дисциплины тесно связано со специализированным языком этой дисциплины [Woodward-Kron 2008, p. 246]. Основным же семантическим элементом лексики конкретной предметной области является терминология (Андрианова 2008, с. 7). Coxhead, Nation сообщают, что терминологическая лексика составляет около 5 % от общего количества слов в текстах академической направленности [Nation 2001]. В связи с этим имеет смысл разграничивать понятия «терминологический минимум» и «лексический минимум профессионального общения». Как указывает О.А. Ильина, «терминологический минимум призван описать понятийный аппарат определенной науки, а лексический минимум должен охватывать не только терминологическое поле языка специальности, но и... выявлять всю наиболее востребованную в данной сфере лексику» [Ильина 2013, с. 4]. Поэтому лексический

минимум профессионального общения должен содержать лексические единицы, наиболее востребованные в сфере профессиональной коммуникации, и охватывать не только лексическое ядро терминологического поля языка специальности, но и представлять наиболее востребованную в данной сфере лексику, которая, как правило, принадлежит к сфере учебно-профессионального дискурса. В подтверждение этого положения можно привести, например, утверждение Е.И. Маркиной, которая подчеркивает, что ядром «профессионально ориентированного (терминологического) минимума... является общенаучная и узкоспециальная терминологическая лексика, имеющая ряд известных специфических характеристик по сравнению с общеупотребительной» (Маркина 2011 б, с. 18).

Исходя из вышеприведенных соображений, из полученного списка словоформ в количестве 9731 были вручную последовательно удалены: служебные слова, числительные, имена собственные, а также общеупотребительные слова английского языка, не имеющие отношения к научному регистру английской речи и не связанные семантически со сферой явлений, изучаемых в области химии (вещества и их строение, состав и свойства, а также превращения, ведущие к изменению их состава). (Ср. определение предмета химии из классического учебника «Общая химия» Н.Л. Глинки: «Химия есть наука о превращениях веществ. Она изучает состав и строение веществ, зависимость свойств вещества от его состава и строения, условия и пути превращения одних веществ в другие».)

Далее из списка были исключены слова, представляющие собой явление гапакса (hapax legomena), т. е. слова, которые во всем корпусе встречаются 1 раз (мы позволили себе причислить к данному явлению все слова, встречающиеся в корпусе не более 2 раз (ср. исследование Е.А. Власовой и др. [Власова, Карпова, Ольшевская 2019, с. 10]).

В результате этой методики объем списка был минимизирован до 1695 словоформ, представляющих 1123 лексемы. Далее с помощью программы AntWordProfiler нами был определен процент покрываемости итоговым списком слов всего корпуса текстов 14 учебных пособий. Было выявлено, что список из 1123 лексем обеспечивает покрываемость текстов корпуса в объеме 15,46 %. Данный результат сопоставим с процентом покрытия таких авторитетных лексических минимумов, как вышеупомянутый «Список академических слов» (AWL), составляющим 10 % для корпуса текстов, на основании которых он был составлен, и, усредненно, 10,18 % существующих корпусов англоязычных учебно-профессиональных и научных текстов [Paltridge, Starfield 2013, p. 121]. Тем не менее итоговый показатель покрываемости нашего списка оказался нам неудовлетворительным, т. к. он оказался существенно меньшим, чем соответствующий показатель, принятый в отечественной лингвистике (70 %).

В связи с этим мы решили использовать подход зарубежных исследователей и считать наш список состоящим не из лексем, но из лексических гнезд (word families). С помощью инструмента Familizer, входящего в комплекс Lexical Tutor, нами был получен список словоформ (lemmas), входящих в лексические гнезда, к которым относились лексемы, представленные в нашем итоговом списке. Например, в наш список включены лексемы *develop* и *development*, принадлежащие к лексическому гнезду DEVELOP. Кроме слов *develop* и *development* к указанному лексическому гнезду принадлежат следующие слова: *developed*, *developer*, *developing*, *developmental*, *developmentally*, *developments*, *redevelop*, *redeveloped*, *redeveloping*, *redevelopment*, *underdeveloped*, *underdevelopment*. Таким образом, при расчете процента покрываемости текстов будут учитываться все члены лексического гнезда, а не только его заглавное слово (headword). Основанием для использования лексических гнезд для определения процента покрываемости тестов является предположение о том, что, если говорящий знает заглавное слово лексического гнезда, он также сможет понять значения других слов, образованных от него [Szudarski 2018, p. 75].

Итак, 1123 лексем, понимаемых как заглавные слова или члены языковых гнезд, были преобразованы в список из 5201 словоформы (леммы), состоящий из заглавных слов и членов соответствующих лексических гнезд. (При этом общее количество лексических гнезд списка уменьшилось за счет объединения некоторых лексем в одно лексическое гнездо и составило 883 единицы.) Процент покрываемости, однако, увеличился только до 34,29 %, что также оказалось неудовлетворительным.

Чтобы улучшить процент покрываемости нашего списка слов, мы решили добавить в него первые 99 наиболее частотных общеупотребительных слов английского языка (согласно «Новому списку слов общего пользования» (new-GSL), исходя из положения о том, что чем выше частотность слова, тем выше его показатель процента покрываемости текстов. В результате последующей лемматизации с использованием инструмента Familizer был получен список из 5579 словоформ, который обеспечил покрытие 71,97 % оригинального корпуса учебных текстов, что вполне соответствует пороговому значению показателя покрываемости, принятому в отечественной языковедческой традиции.

Дискуссия

Исходя из предположения, что абитуриент, изучавший в средней школе английский язык, к моменту поступления в университет будет знать как минимум 99 наиболее частотных общеупотребительных слов, нами было принято решение не включать эти слова в основной список лексического минимума, но добавить их в качестве приложения.

В целях проведения семантического анализа итогового лексического минимума была проведена его стратификация. Были выделены следующие слои: (1) наиболее частотные общеупотребительные слова английского языка согласно «Списку слов общего пользования» (GSL) М. Уэста, включая: (1а) слова, относящиеся к первой тысяче наиболее частотных слов, и (1б) – ко второй тысяче; (2) общенаучная лексика согласно «Списку академических слов» (AWL) А. Коксхед; (3) специали-

Таблица 2

Стратификация лексики лексического минимума

Table 2

Lexical minimum vocabulary stratification

№ п/п	Слой		Количество слов		Доля		
1	Общеупотребительные слова	1-я тысяча (GSL)	240	358	21,37 %	31,88 %	
		2-я тысяча (GSL)	118		10,51 %		
2	Общенаучная лексика (AWL)		177		15,76 %		
3	Специализированная лексика, относящаяся к различным областям знаний		235		20,93 %		
4	Химическая терминологическая лексика	Химические процессы		64	353	5,70 %	31,43 %
		Химические вещества	Классы соединений	47		4,19 %	
			Химические реагенты	16		1,42 %	
			Состояние вещества	9		0,80 %	
			Продукты реакции	7		0,62 %	
			Продукты химической промышленности	23		2,05 %	
			Химическая номенклатура	83		7,39 %	
			Свойства веществ	53		4,72 %	
		Строение вещества	36	3,21 %			
Приборы и техника	15	1,34 %					
ИТОГО:			1123		100 %		

зированной лексика, относящаяся к различным областям знаний; (4) химическая терминологическая лексика, распределенная по семантическим классам. Г.Н. Агапова выделяет следующие семантические классы химических терминов: (1) химические процессы; (2) химические вещества, в т. ч. а) классы соединений; б) химические реагенты; в) состояние вещества; г) продукты реакции; д) продукты химической промышленности; (3) свойства веществ; (4) строение вещества; (5) приборы (Агапова 1976). Мы также добавили подкласс номенклатуры химических веществ и отнесли к классу «Приборы» лабораторный инструмент.

Так, например, в *свойства вещества* включены следующие термины: *acidic, acidity, alkaline, allotropic, aqueous, biodegradability, biodegradable, carbonic, catalytic, conductivity, conductor, crystalline, degradability, degradable, dimer, electrolytic, electromagnetic, flammability, flammable*.

Выводы

Подводя итоги нашего исследования, определим основные характеристики итогового лексического минимума. Итоговый лексический минимум для студентов-химиков разработан на основе текстов 14 наиболее часто используемых учебных пособий кафедры английского языка химического факультета МГУ и не претендует на охват иных текстов аналогичной направленности, поэтому более точным названием для итогового списка слов является «Учебный лексический минимум для студентов-химиков химического факультета МГУ». Лексический минимум содержит 1123 лексемы, охватывающие лексику из научного регистра английской речи и химическую терминологическую лексику в основной части, а также 99 наиболее частотных общеупотребительных слов английского языка в приложении. Объем учебного лексического минимума соответствует требованиям Примерной программы «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов к лексической составляющей языковой компетенции обучающихся и обеспечивает 71,97 % покрываемости текстов

учебных пособий соответствии с принятой в отечественном языкознании традицией.

Настоящий учебный лексический минимум является исследовательским материалом для дальнейшей организации лексики в лингводидактических целях, и в связи с этим его основными функциями являются дифференцирующая, обучающая, систематизирующая и нормативная. Его дифференцирующая функция согласуется с принципом отбора лексики и состоит в фокусировании внимания разработчиков учебных пособий, преподавателей и студентов на конкретной лексике, относящиеся к их учебно-профессиональной деятельности. Обучающая функция настоящего учебного лексического минимума заключается в его лингводидактической направленности. Систематизирующая функция лексического минимума заключается в формировании у студентов представления об англоязычной терминологической системе химии. Нормативная функция лексического минимума связана с его потенциальным использованием в качестве компонента лингводидактического тестирования для контроля уровня знаний студентов.

Недостатком нашего учебного лексического минимума является то, что он содержит только монолексемные лексические единицы. Это связано с особенностью работы программ-конкордансов: автоматическое представление результатов анализа корпуса текстов возможно только для указанного количества слов: программа будет рассчитывать частоту употреблений либо для единичной словоформы либо для словосочетания из 2 словоформ, 3 словоформ и т. д. Поэтому в наш список не попали ни фразовые глаголы (*point out, sum up, etc.*), ни полилексемные термины (*reaction rate, acetic acid, etc.*) несмотря на то, что в наш список входят все индивидуальные компоненты подобных терминологических словосочетаний. Данный недостаток должен быть устранен при дальнейшей работе над учебным пособием по развитию лексической составляющей языковой компетенции студентов-химиков, в основу которой будет положен настоящий лексический минимум.

Материалы исследования

Агапова 1976 – Агапова Г.Н. Английская химическая терминология как совокупность трех семиотических систем: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Агапова Галина Николаевна. Москва, 1976. 131 с.

Азимов, Щукин 2009 – Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). Москва: ИКАР, 2009. 448 с.

Алексеев 1975 – Алексеев П.М. Статистическая лексикография: (Типология, составление и применение частотных словарей): учеб. пособие. Ленинград, 1975. 119 с.

Андрианова 2008 – Андрианова С.В. Методика обучения профессиональной англоязычной терминологии студентов-физиков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02 / Андрианова Светлана Васильевна. Москва, 2008. 22 с.

Ахманова 1969 – Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. Москва: Советская энциклопедия, 1969. 608 с.

Глушко 1976 – Глушко М.М. Учебный словарь-минимум для студентов-математиков: (Англо-русский словарь) / сост. М.М. Глушко. Москва: Изд-во МГУ, 1976. 149 с.

Иностранный язык... 2009 – «Иностранный язык» для неязыковых вузов и факультетов. Примерная программа / [С.Г. Тер-Минасова, Е.Н. Соловова, Кузьмина Л.Г. и др.]; под ред. С.Г. Тер-Минасовой. Москва, 2009. 24 с. URL: <https://fgosvo.ru/uploadfiles/ppd/20110329000911.pdf>.

Маркина 2011 а – *Маркина Е.И.* Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (для разных уровней и профилей обучения): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 13.00.02 / Маркина Елена Игоревна. Москва, 2011. 24 с.

Маркина 2011 б – *Маркина Е.И.* Лингводидактические основы разработки лексических минимумов по русскому языку как иностранному (для разных уровней и профилей обучения): дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 / Маркина Елена Игоревна. Москва, 2011. 235 с.

Морозенко, Турук 1985 – *Морозенко В.В., Турук И.Ф.* Лексический минимум по английскому языку для технических вузов: учебное пособие для студентов технических вузов. Москва: Высшая школа, 1985. 114 с.

Словарь-минимум... 1969 – *Словарь-минимум* для чтения научной литературы на английском языке. [А.В. Михеева, Е.С. Савинова, Е.С. Смирнова и др.]; под ред. Е.С. Савиновой. Четвертое издание Москва: Наука, 1969. 132 с.

Библиографический список

Coxhead 2000 – *Coxhead A.* A new academic wordlist // TESOL Quarterly. 2000. № 34 (2). P. 213–238. URL: https://www.victoria.ac.nz/_data/assets/pdf_file/0020/1626131/Coxhead-2000.pdf.

Nation 2001 – *Nation P.* Learning vocabulary in another language. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

Paltridge, Starfield 2013 – *Paltridge B., Starfield S.* (ed.). The handbook of English for specific purposes. Edited by Brian Paltridge and Sue Starfield. Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 2013. 577 p. URL: <https://journals.openedition.org/asp/3806>.

Szudarski 2018 – *Szudarski, P.* Corpus Linguistics for Vocabulary. A Guide for Research. New York: Routledge, 2018. 227 p. URL: https://www.academia.edu/31520413/Szudarski_P_2018_Corpus_linguistics_for_vocabulary_A_guide_for_research_London_and_New_York_Routledge.

Valipoury, Nassaji 2013 – *Valipoury L., Nassaji H.* A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles // Journal of English for Academic Purposes. 2013. № 12. P. 248–63. URL: https://www.researchgate.net/publication/259161083_A_corpus-based_study_of_academic_vocabulary_in_chemistry_research_articles.

West 1953 – *West M.* A general service list of English words. London; Longman, 1953. URL: https://www.academia.edu/4791005/Gsl_the_general_service_list_by_michael_west_1953.

Woodward-Kron 2008 – *Woodward-Kron R.* More than just jargon – the nature and roles of specialist knowledge in learning disciplinary knowledge // Journal of English for Academic Purposes. 2008. № 7. P. 234–49. URL: https://www.researchgate.net/publication/223890363_More_than_just_jargon_-_the_nature_and_role_of_specialist_language_in_learning_disciplinary_knowledge.

Власова, Карпова, Ольшевская 2019 – *Власова Е.А., Карпова Е.Л., Ольшевская М.Ю.* Лексический минимум по языку специальности: сколько слов достаточно? Разработка принципов минимизации // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 4. С. 63–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41485427>, EDN: <https://elibrary.ru/uooohry>. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77>.

Ильина 2013 – *Ильина О.А.* Лексический минимум по языку специальности «Робототехника» как основа формирования лингвокоммуникативной компетенции иностранных магистрантов // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 2 (4). URL: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/42.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20404884>. EDN: <https://elibrary.ru/rennkx>.

Костомаров 1963 – *Костомаров В.Г.* Принципы отбора лексического минимума // Русский язык в национальной школе. 1963. № 1. С. 41–59.

Лексический минимум по механике 1979 – *Лексический минимум по механике*: На базе английского языка / [Г.И. Ахманова, М.К. Быстрова, И.С. Гаркуш и др.]; под ред. М.М. Глушко. Москва: Изд-во МГУ, 1979. 135 с.

Митрофанова 1985 – *Митрофанова О.Д.* Научный стиль речи: проблемы обучения. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Рус. яз., 1985. 128 с.

Муравьев, Ольшевская 2019 – *Муравьев Н.А., Ольшевская М.Ю.* Подходы к составлению лексических минимумов в России и за рубежом: проблемы и перспективы // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. Т. 17, № 1. С. 78–89. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37126458>. EDN: <https://elibrary.ru/yzysjn>. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-78-89>.

References

- Coxhead 2000 – *Coxhead A.* (2000) A new academic wordlist. *TESOL Quarterly*, no. 34 (2), pp. 213–238. Available at: https://www.victoria.ac.nz/_data/assets/pdf_file/0020/1626131/Coxhead-2000.pdf.
- Nation 2001 – *Nation P.* (2001) Learning vocabulary in another language. Cambridge: Cambridge University Press.
- Paltridge, Starfield 2013 – *Paltridge B., Starfield S.* (ed.) (2013) The handbook of English for specific purposes. Edited by Brian Paltridge and Sue Starfield. Chichester: John Wiley & Sons, Inc., 2013, 577 p. Available at: <https://journals.openedition.org/asp/3806>.
- Szudarski 2018 – *Szudarski, P.* (2018) Corpus Linguistics for Vocabulary. A Guide for Research. New York: Routledge, 227 p. Available at: https://www.academia.edu/31520413/Szudarski_P_2018_Corpus_linguistics_for_vocabulary_A_guide_for_research_London_and_New_York_Routledge.
- Valipoury, Nassaji 2013 – *Valipoury L., Nassaji H.* (2013) A corpus-based study of academic vocabulary in chemistry research articles. *Journal of English for Academic Purposes*, no. 12, pp. 248–63. Available at: https://www.researchgate.net/publication/259161083_A_corpus-based_study_of_academic_vocabulary_in_chemistry_research_articles.
- West 1953 – *West M.* (1953) A general service list of English words. London; Longman. Available at: https://www.academia.edu/4791005/Gsl_the_general_service_list_by_michael_west_1953.
- Woodward-Kron 2008 – *Woodward-Kron R.* (2008) More than just jargon – the nature and roles of specialist knowledge in learning disciplinary knowledge. *Journal of English for Academic Purposes*, no. 7, pp. 234–49. Available at: https://www.researchgate.net/publication/223890363_More_than_just_jargon_-_the_nature_and_role_of_specialist_language_in_learning_disciplinary_knowledge.
- Vlasova, Karpova, Olshevskaya 2019 – *Vlasova E.A., Karpova E.L., Olshevskaya M.Yu.* (2019) Lexical minimum in the language of the specialty: how many words are enough? Development of minimization principles. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and intercultural communication*, vol. 17, no. 4, pp. 63–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41485427>, EDN: <https://elibrary.ru/uoo hry>. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-4-63-77>.
- Ilyina 2013 – *Ilyina O.A.* (2013) Lexical minimum in the language of the specialty «Robotics» as the basis for the formation of linguo-communicative competence of foreign undergraduates. *Humanitarian Bulletin*, issue 2 (4). Available at: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/lang/ling/42.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20404884>. EDN: <https://elibrary.ru/rennkh>.
- Kostomarov 1963 – *Kostomarov V.G.* (1963) Principles of selection of the lexical minimum. *Russian language in the national school*, no. 1, pp. 41–59.
- Lexical minimum in mechanics 1979 – *Lexical minimum in mechanics* (1979): Based on the English language / [G.I. Akhmanova, M.K. Bystrova, I.S. Garkush and others]; ed. M.M. Glushko. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 135 p.
- Mitrofanova 1985 – *Mitrofanova O.D.* (1985) Scientific style of speech: learning problems. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Rus. yaz., 128 p.
- Muravyov, Olshevskaya 2019 – *Muravyov N.A., Olshevskaya M.Yu.* (2019) Approaches to the compilation of lexical minimums in Russia and abroad: problems and prospects. *Bulletin of NGU. Series: Linguistics and intercultural communication*, vol. 17, no. 1, pp 78–89. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37126458>. EDN: <https://elibrary.ru/yzysjn>. DOI: <http://doi.org/10.25205/1818-7935-2019-17-1-78-89>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.11-112 – 821.112.2

Дата поступления: 17.01.2023
рецензирования: 19.03.2023
принятия: 30.05.2023

Языковые средства демифологизации в романе Эльфриды Елинек «Дети мертвых»

Г.В. Кучумова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

Н.В. Барабанова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Аннотация: В статье рассматривается тропологический инструментарий, используемый австрийской писательницей Эльфридой Елинек для описания мифологизированной реальности. Материалом исследования выступает роман «Дети мертвых» (1997), отмеченный наиболее смелыми языковыми экспериментами. Цель исследования – выявить специфику языковой практики Э. Елинек, направленную на деконструкцию современных мифов общественного сознания. Ее деструктивный метод базируется на теоретических построениях Р. Барта и Ж. Бодрийяра. Предпринятую французскими мыслителями процедуру демистификации потребительского сознания Э. Елинек переводит в языковую плоскость постмодернистского метода деконструкции. Язык в романе предстает как носитель «травматической памяти» нацистского прошлого, которое продолжает свое существование в гиперреальности настоящего. Деконструкция мифологических структур в романе осуществляется в смелых языковых экспериментах, в стихии языковых игр, в новых неожиданных контекстах. Наиболее частотные стилистические средства у Э. Елинек – метабола, концептуальные метафоры, гротеск, оксюморон, окказионализмы, реализованные метафоры, метаязыковая игра с текстом и другие виды тропов. Все это работает в тексте романа на сверхзадачу демифологизации. «Эмоциональное очищение», как при восприятии высокой культуры, Э. Елинек заменяет более действенным «критическим катарсисом», что позволяет читателю занять критическую позицию по отношению к демистифицированной реальности.

Ключевые слова: тропологический инструментарий; Эльфрида Елинек; роман «Дети мертвых»; демифологизация; постмодернистский метод деконструкции; метабола; концептуальная метафора; окказионализмы; немецкий язык.

Цитирование. Кучумова Г.В., Барабанова Н.В. Языковые средства демифологизации в романе Эльфриды Елинек «Дети мертвых» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-153-159>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Кучумова Г.В., Барабанова Н.В., 2023

Галина Васильевна Кучумова – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Наталья Витальевна Барабанова – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 17.01.2023
Revised: 19.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Linguistic means of demythologization in the novel «The Children of the Dead» by Elfriede Jelinek

G.V. Kuchumova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: gal-kuchumova@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8699-0484>

N.V. Barabanova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: trommel@list.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9458-0875>

Abstract: The article deals the typological tools used by the Austrian author Elfriede Jelinek to describe the mythologized reality. The research material is the novel «Children of the Dead» (1997), marked by the most daring language experiments. The purpose of the study is to identify the specifics of the language practice of Jelinek for deconstructing modern myths

of public consciousness. Its destructive method is based on the theoretical constructions of R. Barth and J. Baudrillard. Jelinek translates the procedure of demystification of consumer consciousness undertaken by French philosophers into the linguistic plane of the postmodern deconstruction method. The language in the novel appears as a carrier of the traumatic memory of the Nazi past, which continues to exist in the hyperreality of the present. The deconstruction of mythological structures in the novel is carried out in bold language experiments, in the element of language games, in new unexpected contexts. The most frequent stylistic means of Jelinek are metabola, conceptual metaphors, grotesque, oxymoron, occasionalisms, realized metaphors, metalanguage play with text and other types of tropes. All this is aimed in the text of the novel at the super-task of demythologization. Jelinek replaces «emotional catharsis», as in the perception of high culture, with a more effective «critical catharsis», which allows the reader to take a sobering position in relation to demystified reality.

Key words: tropological tools; Elfriede Jelinek; novel «Children of the Dead»; demythologization; postmodern deconstruction method; metabola; conceptual metaphor; occasionalisms; German language.

Citation. Kuchumova G.V., Barabanova N.V. Linguistic means of demythologization in the novel «The Children of the Dead» by Elfriede Jelinek. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 153–159. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-153-159>. (In Russ.)

© Kuchumova G.V., Barabanova N.V., 2023

Galina V. Kuchumova – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Natalia V. Barabanova – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Романный дискурс конца XX века отмечен продуктивной в художественной практике стратегией демифологизации современных социальных и культурных мифов, сложившихся в зрелом обществе консьюмеризма в системе властных массмедийных структур и новых информационных технологий. Процедура демифологизации предполагает интенсивную работу с языком и требует от современного писателя особого словотворчества.

В данной статье рассматривается языковая практика австрийской писательницы Эльфриды Елинек (*Elfriede Jelinek*, *1946, Нобелевская премия по литературе 2004). Ее авторский стиль – это публичный интеллектуальный эпатаж, который состоит в провокационном действии с единственной целью обратить внимание на «культурные искривления» в современном обществе и культуре. Елинек вскрывает механизмы действия мифологизированного языка, застывшего в массмедийной реальности, языковыми средствами.

Дешифровку мифов современного «общества спектакля» (термин Ги Дебора) Елинек осуществляет, опираясь на теоретические построения Ролана Барта (1915–1980). Современный миф потребительской культуры Р. Барт считает такой же знаковой системой, как и язык, но более высокого уровня: «Миф – это язык, не желающий умирать. Питаясь чужими смыслами, он благодаря им незаметно продлевает свою ущербную жизнь» [Барт 1996, с. 259]. Барт показывает, что «мифологизация» мира происходит за счет включения первичных культурных знаков (языковых или иных) в коннотативную знаковую систему второго порядка. В результате этого она «паразитирует» на первичных знаках, то есть использует их «естественный» смысл как своего рода оправдание для утверждения своих собственных ценностных значений. Носителем мифического сообщения может стать любой текст (фотография, кинематограф, репортаж, спортивные зрелища, реклама), поскольку его суггестивная сила беспредельна.

Бартовский «миф» как единицу ложного смысла, функционирующего в культуре, другой французский мыслитель Жан Бодрийяр (1929–1970) заменяет имеющим давнюю философско-онтологическую традицию понятием «симулякр». Неконтролируемое размножение симулякров в культуре приводит к тому, что экзистенциальная ситуация предельно искажается и человек вовлекается в «симулятивную реальность» [Бодрийяр 2000].

Предпринятую французскими мыслителями процедуру демистификации потребительского сознания Э. Елинек переводит в языковую плоскость постмодернистского метода деконструкции. Используя широчайший диапазон языковых средств, она обрушивает весь свой критический заряд на демонтаж мифологизированной структуры современного общества. Елинек отмечает: «...» das, was ich kritisieren, ist immer die Sprache [Zenke 1991, S. 13]. Она подчеркивает: «Я вынуждаю язык обнажить свой ложный идеологический характер, я, так сказать, подвергаю язык порке, чтобы он, вопреки своему желанию, говорил правду» [Белобратов 2005, с. 233]. Для разрушения мифологических образований Елинек использует эффект остранения, создающий в культуре «измерение истины» (Г. Маркузе). Она считает, что литература «после Освенцима» уже исчерпала «мягкие» средства остранения, теперь следует переключаться в более сильные регистры изображения ужасного и отвратительного для достижения «эффекта ожутчения» [Эпштейн 2004, с. 507] с целью эмоционально потрясти психику успокоенного обывателя, освежить его чувства, притупленные постоянным воздействием массмедийных средств.

Языковой материал исследования. Результаты

В поле нашего исследования – роман Эльфриды Елинек «Дети мертвых» (Jelinek 1997; Елинек 2006). Жанровая форма романа трудно определима: отсутствие выраженного хронотопа, слабая сюжетная линия, «редуцированные» персонажи, не имеющие собственного голоса. Единая автор-

ская позиция отсутствует, голос рассказчицы распадается на множество точек зрения, растворяясь в общей какофонии. Единственное организующее начало здесь представлено в языке. Сама Елинек охарактеризовала роман как *Gespensstergeschichte zur österreichischen Identität*, как гротескный спуск героев в царство мертвых [Birkmeyer 2006, S. 305]. Скорее это апокалиптические зарисовки в жанре триллера, своего рода «Закат Европы» в авторском исполнении. В романе предстает аллегорическая картина: мертвецы приходят в мир «живых» мертвецов. Заголовок романа *Kinder der Toten*, обнаруживающий черты оксюморона, допускает двойной перевод: «дети мертвых» (мертвое тело порождает новую жизнь), «дети мертвой» (матери, родины, страны).

Вся динамика романного действия реализуется исключительно в пространстве языковых игр. Язык у Елинек – как бурлящий водоворот – новый, свежий, органичный своему времени. Здесь фантастические допущения, сюрреалистичное расслоение образов, неожиданный коллапс смысла высказываний и разрыв привычных связей смыслов на грани абсурда. Слова вылетают из своих лексических гнезд, в дерзких окказионализмах и немислимых гротесках соединяется несоединимое, звучат яркие сентенции, пословицы и поговорки, фразеологизмы и языковые клише переиначиваются и перекраиваются. Плурализм культурных языков, бесконечные смысловые лабиринты, гиперболизация и пародирование, окказиональное словотворчество, метаязыковая игра с текстом – все это работает в тексте романа на сверхзадачу деконструкции мифов.

Язык в романе Елинек представлен как носитель травматической памяти нацистского прошлого, которое продолжает свое существование в гиперреальности настоящего. Повсеместное использование в повествовании личного местоимения *wir* (мы) указывает на общую беду Австрии, ставшей первой жертвой нацистской идеологии. Идеология *Blut-und-Boden* нацистского режима и тема Холокоста проецируются на современное общество потребления и культуру, тотального охваченные визуальными стратегиями власти [Birkmeyer 2006, S. 308].

Исследуемый языковой материал романа показывает, что экспликация темы тоталитарного прошлого и настоящего осуществляется с помощью языковых и концептуальных метафор. Так, концептуальная метафора «Холокост – человеческие волосы» «обнимает» весь роман, постоянно «мерцает» в тексте, а в финале выходит на поверхность в прямом смысле этого слова. Тема Холокоста проговаривается в тексте романа повсеместно через образы волос (они растут везде из-под земли, покрывают стулья в ресторане отеля «Альпийская роза», заполняют комнаты в отеле до верха, душат обитателей), через лексические повторы (волосы, зубы, поломанные очки, истлевшая обувь, детские

игрушки, старые чемоданы и другие вещи). Ср.: *So leben wir in einer Lagergemeinschaft mit Körpern, Brillen, Zähnen, Koffern, Puppen, Plüschteddys von Fremde, ohne dass uns das etwas nützen oder schaden würde* (Jelinek 1997, S. 606).

В финале романа селевой поток, сходящий с гор и перемалывающий все на своем пути, соотносится с идеей лавинообразного потока информации, хоронящего живого человека в истории и саму историю человечества. Снежная лавина обнажает появившиеся во многих местах человеческие волосы. У Елинек: *Wir graben weiter, die stählernen Schaufeln wühlen sich voran und stoßen auf ein Zeichen: Haar. Menschliches Haar. Es ist einfach zuviel Haar da* (Jelinek 1997, S. 665). «Мы роём дальше, стальные лопаты выворачивают землю и натываются на знак: волосы. Человеческие волосы. Только слишком уж много тут волос» (Елинек 2006, с. 620).

Внутри смысловой рамки «Холокост» находится «культурный бульон»: разноголосица газетных текстов, рекламная нарезка, голосов телеэфира, фрагменты разговоров, эпизоды из телевизионных передач, сериалов, интервью с популярными массмедийными персонажами. Стилистический прием монтажа *cut-up* проявляется в спонтанном и произвольном соединении друг с другом газетных или текстовых вырезок, в игре с прецедентными именами. Воспроизводя этот пестрый монтаж фрагментов из жизни «общества спектакля» как киноленту, Елинек имитирует массмедийные техники и тем самым разрушает мифологические образования.

В духе барочной аллегии «пляска смерти» Елинек демистифицирует основные сферы жизни современного человека-потребителя, лишённого психологической глубины. Ее «редуцированные» персонажи наделены лишь именами, изуродованными телами и обрывками сюрреалистических жизнеописаний [Котелевская 2008, с. 39]. Так, спортсмен Эдгар Штранц *Edgar Gstranz* (лыжник из австрийской национальной команды) в прошлой жизни погибает в автомобильной катастрофе, его тело подвергается уродливому механическому разрушению. Однако, вернувшись в мир живых, он бодр и всегда готов к сексуальным развлечениям. Гудрун Бихлер *Gudrun Bichler* (студентка философского факультета) из-за страха перед экзаменом вскрывает себе вены в ванной комнате. Скромница в прошлом, она теперь «отрывается» на территории мужского дискурса. Сцены коитуса с Эдгаром, прорисованные в романе, многочисленны и физиологически точны. Карин Френцель *Karin Frenzel*, инфантильная и подавленная властной матерью, теперь поглощена заботой о своих нарядах. Смешавшись с группой отдыхающих австрийского пансионата «Альпийская роза», трое мертвецов пытаются вернуться в реальную жизнь.

Романные персонажи материализуются как ретрансляторы различных дискурсов, например

спортивного, гастрономического, сексуального [Гладилин 2012]. Реальность представлена здесь как мерцающий голубой экран телевизора, в котором явлен весь универсум симулякров, пустых означающих, пустых знаков и мнимых величин. Отсутствие человека в симулятивной реальности компенсируется присутствием его тела, но тела деформированного, расчлененного, дефектного. Образ распадающейся плоти как нельзя лучше символизирует чистую предметность, массу, которая уже не поддается одухотворению, но выражает абсолютную физиологию. В романе представлены гротесковые фигуры, лишённые своей индивидуальности, они – медиафигуры с голографическими объемами и заданными функциями. Это напоминает компьютерную графику, сбой в которой приводит иногда к потере отдельных частей тела. Например, изображение человеческого лица в пикселях распадается, как и камнепад в горах, а черты лица размываются и даже «сходят с рельс» (Елинек 2006, с. 486): <...> *die Züge zum endgültigen Entgleisen gebracht haben* (Jelinek 1997, S. 524). Здесь Елинек осуществляет деконструкцию телесности как один из способов метафорического представления о деконструкции личности в симулякровой реальности.

Пустота в романе передается разнообразными языковыми средствами: паронимия *teilnehmende Anteil*, плеоназм *die wesentlichen Wesenheiten*, оксюморон *das Mass des Masslosen*, контаминация *Geschlechtsbeisszangen*, *Golfkriegfrisur*, отсылка к войне в Персидском заливе; абсурдная «заумь»: *Ein Kind, das an einer Art Galgen schwimmen lernt, schreit auf und greift aus sich heraus* (Jelinek 1997, S. 249). «Ребенок, который учится плавать на чем-то вроде висельницы, вскрикивает и вырывается из себя» (Елинек 2006, с. 230).

Роман «Дети мертвых» обнаруживает сложную стилистическую фактуру, многоуровневую организацию художественного целого. В потоке повествования синхронно сосуществуют все пласты линейного времени (ахрония). Время остановлено (прошлое спрессовано в настоящем и мертвит будущее), это передается в образах льда, снежной пурги, снежной лавины. Границы хронотопа в романе размыты. Текстовая природа постмодернистского сознания в романном сюжете корректируется возвращением к материальному потоку жизни, когда в коловращении всего стираются границы живого/неживого, человека/вещи. Персонажи романа Елинек выступают своего рода репрезентантами некоей архаической стадии человеческого сознания, на которой еще не существовало строгого размежевания теоморфного, антропоморфного и зооморфного. Отсюда – обилие анатомических, зооморфных, вещественных, гастрономических метафор, окказионализмов и композитов, фигур гротеска и абсурда, которые Елинек конструирует в своем повествовании и тем самым обрушивает избыточную реальность знаков, «пустых означающих» в современной культуре.

Неразличимость живого/мертвого, человеческого/предметного, подлинного / симулятивного порождает особую, метаболическую ситуацию. Использование метаболического принципа видения возвращает к анималистическому образу мышления, когда язык передавал то первобытное нерасчлененное бытие. Метабола выступает одним из излюбленных стилистических средств у Елинек. Традиционное понимание метабола как «всевозможных изменений, касающихся любого аспекта языка» [Дюбуа, Эделин 1986, с. 56], уточняет М. Эпштейн. Метабола трактуется им как «образ, не делимый надвое, на прямое и переносное значение, на описанный предмет и привлеченное подобие, это образ двоящейся и вместе с тем единой реальности» [Эпштейн 1988, с. 58]. В новых историко-эстетических обстоятельствах, когда осуществляется возврат мифической парадигмы уже в новом раскладе, всеединство сущего подменяется новым единством симулякров/симуляций/имитаций. Жизнь предстает как огромная компьютерная игра, в которой есть бесконечные повторения и обратимость. Приведем яркие примеры: Люди-камни: *an den Stein, der wir selber sind* (Jelinek 1997, S. 13). Человек-дерево, с которого слишком рано были обглоданы все листья. *Vom Bäumchen Karin zu früh die Blätter abfallen lassen* (Jelinek 1997, S. 80). Человек-спортивный инвентарь: Эдгар срастается со своей доской для сноуборда: *Er und sein Gestell gehören zusammen, den darauf soll sein Wesen zum Scheinen gebracht werden* (Jelinek 1997, S. 133). Человек-рыба: *Die Frauen waren immer schon sein Element, in dem er schweifwedelnd herumgeschwommen ist* (Jelinek 1997, S. 277). «Женщины всегда были его стихией, в которой он плавал, помахивая хвостом» (Елинек 2006, с. 256).

Отсутствие четких границ между человеком и предметным миром характерно и для риторической фигуры прозопопеи, близкой к мифологической серьезности, делающей предметы и явления акторами, равноправными с человеком. В романе Елинек вещи, пространства, постоянно содействующие друг с другом, становятся продолжением людей. Например, человек может наблюдать скалы, и стены скалы могут наблюдать за человеком. *Die Felswände schauen auf den Gasthof herab. Die Touristen schauen zu den Felswänden auf* (Jelinek 1997, S. 63). «Скалистые стены глядят на гостиницу сверху. Туристы глядят на скалы, задрвав голову» (Елинек 2006, с. 58).

Использование в романе реализованных метафор (и других видов тропов) для описания мифологизированной реальности порождает гротесковый эффект. Так, язык Освенцима и язык телевидения Елинек связывает в чудовищном гротеске [Dunker 2003, S. 147]. Это позволяет увидеть в игровом пространстве постмодернистской культуры знаки Освенцима и сопоставить их с новыми формами тоталитаризма, с визуальными стратегиями власти

[Кучумова 2019]. Печи концентрационных лагерей по своему воздействию Елинек приравняет к кинескопам телевизоров (*im muffeligen Ofen des Fernsehens*). Как и ненасытные печи крематория, телевидение преуспевает в деле «пожирания» людей, лишая возможности серьезного проникновения вглубь жизненных проблем, что приводит к духовной смерти [Schanze 2006, S. 169]. Экран телевизора выступает и как своеобразная Матрица, подключение к которой способствует погружению людей в один и тот же сон. *Die Leute haben Teller an ihren Häusern angebracht, um auch diese Nacht wieder gründlich auszumelken, Stimmen und Bilder wie aus einem Euter in ihre Wohnung rinnen zu lassen, und die ersten Kainszeichen flammen bereits auf* (Jelinek 1997, S. 249). «Люди приладили к своим домам тарелки, чтобы выдоить и эту ночь, голоса и картинки струятся, как из вымени, в квартиры, и уже вспыхивают первые знаки Каина» (Елинек 2006, с. 230). Современные формы симулятивной жизни, как констатирует Елинек, неизменно приведут к наступлению каменного века («окаменению», духовной смерти). Окаменение людей психологически точно передает состояние духовной неподвижности, оцепенения как результат мощного прессинга текста современной культуры с его избытком повторыемости и скоростной подачи информации. *Hinter der Stirn sind die Gedenksteine aufgehäuft, doch es steht dort nichts geschrieben. Alle Inschriften sind gelöscht, spätestens seit dem Sommer, da die letzten Menschentransporte ausgerückt sind <...> und hergetrieben in einen hölzernen See aus Baracken ohne Fenster* (Jelinek 1997, S. 143–144). «За лбом прячутся камни памяти, но на них ничего не написано. Все надписи стерты, самое позднее с лета, когда были отправлены последние машины, груженные людьми <...> и были пригнаны сюда, в деревянное море барачков без окон» (Елинек 2006, с. 134–135).

Гротеск у Елинек принимает и кошунственные формы, когда тематика Освенцима освещается в сексуальном дискурсе: *Die Auschwitz-Topoi werden markiert durch das Fernsehen und den Geschlechtsdiskurs* [Dunker 2003, S. 333]. Примечательна следующая «бесшовная сцена» в романе: в соитии Гудрун и Эдгара их тела напоминают железнодорожные вагоны, идущие в Освенцим, и здесь же обыгрывается цитата: *Die Arbeit macht frei. Die Körper der Liebenden sind wie Eisenbahnwaggons. Nicht Arbeit hat diese junge Schwester freigemacht, sondern ein Auszubildender, den wiederum noch keine Gesellenprüfung freigemacht hat, sodaß er in die Öffentlichkeit hätte entlassen werden dürfen* (Jelinek 1997, S. 256–257).

Далее укажем на окказиональное композитообразование, часто используемое Елинек для разрушения идеологического содержания современных мифов. Экспрессивность таких окказионализмов, образованных по случаю *ad hoc* «здесь-и-сейчас», проявляется в том, что они обладают

эмоционально-оценочной, содержательной нагрузкой и способны выявить и разрушить застывшие языковые формы и клише.

Окказиональное композитообразование на основе метафоризации выступает у Елинек и как вариант «скорописи», характерной для экспериментальной словесности. В современной лингвистике композит (лат. *compositum*) по праву считается «синтаксической параллельной конструкцией» [Fleischer 1971, S. 326], а «именное словосложение рассматривается как микросинтаксис» [Бенвенист 1974, с. 241]. Так, в романе часто используется модель образования сложных слов – сдвиги. Индивидуально-авторские сдвиги у Елинек создаются посредством номинализации синтаксических конструкций: *Gudrun-draußen-vor-der-Tür sieht sich jetzt im Anschnitt schräg von hinten, was ist denn in sie gefahren?* (165). «Гудрун-снаружи-за-дверью теперь видит себя в косом срезе сзади» (109). Здесь отсылка к тексту В. Борхерта *Draußen vor der Tür* контекстуально указывает на феномен жизни-симуляции. *Ein Engelsturz, der sich nur endlich aufrappelt und in einer Hecht-in-Aspikrolle durch die Glasglocke wirft* (Jelinek 1997, S. 109). «Падшие ангелы, которые теперь с трудом выкарабкиваются и заливной щучкой выпрыгивают из-под стеклянного колпака» (Елинек 2006, с. 100). Содержит прямое указание на непристойный характер «прозрачности» современного общества.

Многие окказиональные композиты в качестве компонентов содержат прецедентные имена: например, человек-потребитель экранной продукции сам становится продуктом Франкенштейна *Frankenschteinprodukt*, он ведет призрачную жизнь. Сплошные камни на его дороге постепенно зарастают травой (забвения). Здесь окказиональное композитообразование: *Hänsel/Gretel-Spur* отсылает к тексту сказки братьев Grimm.

За рамками данной статьи остается еще достаточно объемный исследовательский материал, иллюстрирующий языковую практику деконструкции Елинек. Нередко сложное сочетание различных тропов, характерное для ее стиля, затрудняет их вычленение и классификацию.

Заключение

Используя богатый тропологический инструментарий, Эльфрида Елинек разрушает идеологические построения и мифы общества и культуры потребления, переводит их в зону ужасного и непристойного. Деконструкция мифологических структур в ее романе «Дети мертвых» осуществляется в смелых языковых экспериментах, в стихии языковых игр «на понижение», в новой «подсветке» и в новых неожиданных контекстах. «Эмоциональное очищение», как при восприятии высокой культуры, Елинек заменяет более действенным «критическим катарсисом», что позволяет читателю занять «отрезвляющую» позицию по отношению к демистифицированной реальности.

Материалы исследования

Jelinek 1997 – *Jelinek E.* Die Kinder der Toten. Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 1997. 667 S.

Елинек 2006 – *Елинек Э.* Дети мертвых: роман / пер. с нем. Т. Набатниковой. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. 622 с.

Библиографический список

Birkmeyer 2006 – *Birkmeyer J.* Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwach // Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut (Hrsg.) Shoah in der deutschsprachigen Literatur. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2006. S. 302–310.

Dunker 2003 – *Dunker A.* Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003. 333 S. URL: https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00041347_00001.html.

Fleischer 1971 – *Fleischer W.* Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1971. 326 S. URL: <https://archive.org/details/wortbildungderde0000flei>.

Schanze 2006 – *Schanze H.* Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens. // In: Alte Mythen – Neue Medien / Hrsg. von Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. 344 S.

Zenke 1991 – *Zenke Th.* Ein Langstreckenlauf in die Heimat // Elfriede Jelinek/ herausgegeben von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler der Universität Graz: Literaturverlag Drosche, 1991. Bd. I. S. 187–183.

Барт 1994 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 729 с. URL: <https://djvu.online/file/1tbhCBwoeYrrU>.

Барт 1996 – *Барт Р.* Мифологии / пер., вступ. ст. и коммент. С.Н. Зенкина. Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. 287 с. URL: <https://djvu.online/file/09nebZjvLCX1V>.

Белобратов 2005 – *Белобратов А.В.* Эльфрида Елинек: «Я ловлю язык на слове...»: интервью с Э. Елинек // Иностранная литература. 2005. № 7. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>.

Бенвенист 1974 – *Бенвенист Э.* Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Прогресс, 1974. 256 с. URL: <https://djvu.online/file/OnWcDvNjV5PsC>.

Бодрийяр 2000 – *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / пер. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. Москва: Добросвет, 2000. 387 с. URL: <https://djvu.online/file/K8gEsy1iv3qZL>.

Гладилин 2012 – *Гладилин Н.В.* Постмодернистские решения гендерной проблематики в романах Эльфриды Елинек 1989–2000 гг. // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 655. С. 94–111. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18353629>. EDN: <https://elibrary.ru/plqlkb>.

Дюбуа, Эделин 1986 – *Дюбуа, Ж., Эделин Ф. и др.* Общая риторика / пер. с фр. Е.Э. Разлоговой, Б.П. Нарумова; общ. ред. и вступ. ст. А. К. Авеличева. Москва: Прогресс, 1986. 391 с. URL: <https://studizba.com/files/show/djvu/1580-1-obschaya-ritorika-zh-dyubua-f-pir-a.html>.

Котелевская 2008 – *Котелевская В.В.* «Редуцированный» персонаж Эльфриды Елинек в «обществе спектакля» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 2. С. 30–40. URL: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/65>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11787805>. EDN: <https://elibrary.ru/jxytvd>.

Кучумова 2019 – *Кучумова Г.В.* Немецкоязычный роман рубежа XX–XXI вв.: Проблема Другого: монография. Самара: САМАРА, 2019. 216 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44310946>. EDN: <https://elibrary.ru/grylhs>.

Эпштейн 1988 – *Эпштейн М.Н.* Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX веков. Москва: Советский писатель, 1988. 416 с. URL: <https://djvu.online/file/i5s7L7mVBvkID>.

Эпштейн 2004 – *Эпштейн М.Н.* Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. Москва: Новое литературное обозрение, 2004. 864 с. URL: https://imwerden.de/pdf/epstein_znak_probela_2004__txt.pdf.

References

Birkmeyer 2006 – *Birkmeyer J.* (2006) Elfriede Jelinek. Tobsüchtige Totenwache. In: *Eke Norbert Otto, Steinecke Hartmut* (Hrsg.) *Shoah in der deutschsprachigen Literatur*. Berlin: Erich Schmidt Verlag, S. 302–310.

Dunker 2003 – *Dunker A.* (2003) Die anwesende Abwesenheit. Literatur im Schatten von Auschwitz. München: Wilhelm Fink Verlag, 333 S. Available at: https://digi20.digitale-sammlungen.de/de/fs1/object/display/bsb00041347_00001.html.

Fleischer 1971 – *Fleischer W.* (1971) Wortbildung der deutschen Gegenwartsprache. Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 326 S. Available at: <https://archive.org/details/wortbildungderde0000flei>.

Schanze 2006 – *Schanze H.* (2006) Fernsehmythen – Mythologie des Fernsehens. In: *Yasmin Hoffmann, Walburga Hülk, Volker Roloff* (Hrsg.) *Alte Mythen – Neue Medien*. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 344 S.

Zenke 1991 – *Zenke Th.* (1991) Ein Langstreckenlauf in die Heimat. In: *Elfriede Jelinek / herausgegeben von Kurt Bartsch, Günter A. Höfler der Universität Graz: Literaturverlag Drosche*, Bd. I. S. 187–183.

Barthes 1994 – *Barthes R.* (1994) Selected works: Semiotics. Poetics. Translated from French and the introductory article by Kosikova G.K. (Ed.). Moscow: Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Univers», 729 p. Available at: <https://djvu.online/file/1tbhCBwoeYrrU>. (In Russ.)

Barthes 1996 – *Barthes R.* (1996) Mythologies. Translation, introductory article and commentaries by Zenkin S.N. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 287 p. Available at: <https://djvu.online/file/09nebZjvLCX1V>. (In Russ.)

Belobratov 2005 – *Belobratov A.V.* (2005) Elfriede Jelinek: “I catch my tongue at a word...”: Interview with E. Jelinek. *Inostrannaya literatura*, no. 7. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2005/7/ya-lovlyu-yazyk-na-slove.html>. (In Russ.)

Benveniste 1974 – *Benveniste E.* (1974) General linguistics; *Stepanov Yu.S. (Ed.)*. Moscow: Progress, 256 p. Available at: <https://djvu.online/file/OnWcDvNjV5PsC>. (In Russ.)

Baudrillard 2000 – *Baudrillard J.* (2000) Symbolic exchange and death. Translation and introductory article by Zenkin S.N. Moscow: Dobrosvet, 387 p. Available at: <https://djvu.online/file/K8gEsy1iv3qZL>. (In Russ.)

Gladilin 2012 – *Gladilin N.V.* (2012) Postmodern solutions of gender problematics Elfriede Jelinek’s novels of 1989–2000. *Vestnik of Moscow State Linguistic University*, no. 655, pp. 94–111. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18353629>. EDN: <https://elibrary.ru/plqlkb>. (In Russ.)

Dubois, Edeline 1986 – *Dubois J., Edeline F. et al.* (1986) General rhetoric. Translated from French by Razlogova E.E., Narumova B.P.; general editorship and introductory article by Avelicheva A.K. Moscow: Progress, 391 p. Available at: <https://studizba.com/files/show/djvu/1580-1-obschaya-ritorika-zh-dyubua-f-pir-a.html>. (In Russ.)

Kotelevskaya 2008 – *Kotelevskaya V.V.* (2008) «Reduced» character of Elfriede Jelinek in the «society of the spectacle». Proceedings of Southern Federal University. Philology, no. 2, pp. 30–40. Available at: <https://philol-journal.sfedu.ru/index.php/sfuphilol/article/view/65>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11787805>. EDN: <https://elibrary.ru/jxytvd>. (In Russ.)

Kuchumova 2019 – *Kuchumova G.V.* (2019) The German-language Novel of the Turn of the 21st Century: The Problem of the Other: monograph. Samara: SAMARAMA, 216 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44310946>. EDN: <https://elibrary.ru/grylhs>. (In Russ.)

Epstein 1988 – *Epstein M.N.* (1988) Paradoxes of novelty: On the literary development of the XIX–XX centuries. Moscow: Sovetskii pisatel', 416 p. Available at: <https://djvu.online/file/i5s7L7mVBvkID>. (In Russ.)

Epstein 2004 – *Epstein M.N.* (2004) The sign of the gap: About the future of the humanities. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 864 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/epstein_znak_probela_2004_txt.pdf. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42

Дата поступления: 25.01.2023
рецензирования: 26.03.2023
принятия: 30.05.2023

Приемы комического как средства передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии

О.Р. Галиуллина

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: galiullina_olesja@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8035-7787>

Аннотация: В статье рассматриваются лингвистические средства реализации комического в целях передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии. Различные приемы комического являются богатым языковым арсеналом для трансляции авторской критики. Прагматической мотивированностью сатирического и иронического текстов является введение новой, отличной от наличествующей информации касательно объекта юмора. Путем инкорпорирования юмористических элементов в сетевую кинорецензию автор создает игровую коммуникативную ситуацию, характеризующуюся полусерьезной тональностью. Целью данной статьи является рассмотрение в кинорецензии лингвистических средств передачи комического, несущих отрицательное модально-оценочное значение. Эмпирическим материалом данного исследования послужил корпус из 45 кинорецензий 2020–2022 гг., взятых с сайта-агрегатора рецензий Rotten Tomatoes. Юморизация сетевой кинорецензии происходит за счет широкого спектра традиционных приемов комического, к основным из которых относятся комическая развернутая метафора, ирония, сарказм, гиперболизация, оксюморон, каламбур. Среди ситуативных стилистических приемов реализации комического следует выделить аллюзию, сравнение, антитезу, коллоквиализмы, сленг. Интересны случаи внутренней деформации фразеологизмов, при которых преобразование их структур происходит за счет введения лексико-семантической единицы, связанной с концептуальным полем «кинематограф», приводя к комическому переосмыслению устойчивого выражения.

Ключевые слова: кинорецензия; оценочность; негативная оценочность; юмор; приемы комического; субъективная модальность; перлокутивный эффект; английский язык.

Цитирование. Галиуллина О.Р. Приемы комического как средства передачи негативной оценочности в англоязычной сетевой кинорецензии // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 160–171. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-160-171>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Галиуллина О.Р., 2023

Олеся Равильевна Галиуллина – преподаватель кафедры «Иностранные языки», Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, г. Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.01.2023
Revised: 26.03.2023
Accepted: 30.05.2023

Comic techniques as the means of transmitting negative evaluation in the English-language online movie reviews

O.R. Galiullina

Samara Polytech Flagship University, Samara, Russian Federation
E-mail: galiullina_olesja@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8035-7787>

Abstract: The article discusses the linguistic means of implementing comic in order to convey negative evaluativeness in the English-language online movie reviews. The various comic techniques are a rich linguistic arsenal for showing author's criticism. The pragmatic motivation of satirical and ironic texts is the introduction of new, different from the existing information on the object of humor. By incorporating humorous elements into the online movie reviews, the author creates a communicative situation characterized by a semi-serious tone. The purpose of this article is to consider in the film review linguistic means of transmitting the comic, bearing a negative modal-evaluative value. The empirical material for the description, classification and analysis in this study was the corpus of 45 film reviews of 2020–2022, taken from the review aggregator website Rotten Tomatoes. The humorization of online movie reviews occurs due to a wide range of traditional comic techniques, the main ones of which include comic extended metaphor, irony, sarcasm, hyperbolization, oxymoron, pun. Among the situational stylistic techniques of comic, allusion, comparison, antithesis, colloquialisms, slang should be distinguished. The cases of internal deformation of phraseological units are noticeable, the transformation of the structure occurs due to the implementation of a lexico-semantic unit associated with the conceptual field «cinema», which leads to a comic rethinking of a fixed expression.

Key words: online movie review; evaluativeness; negative evaluativeness; humor; comic techniques; subjective modality; perlocative effect; English.

Citation. Galiullina O.R. Comic techniques as the means of transmitting negative evaluation in the English-language online movie reviews. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 160–171. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-160-171>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Galiullina O.R., 2023

Olesya R. Galiullina – teaching assistant of the Department of Foreign Languages, Samara Polytech Flagship University, 244, Molodogvardeyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Языковая компетенция и креативность автора кинокритики заключается в частности в его умении выражать свою коммуникативную интенцию разными способами. К тому же это и способность находить внешние/внутренние сходства/различия в различных высказываниях и выбирать (и распознать) правильные с точки зрения языкового выражения высказывания, селективная способность по выбору из множества языковых средств тех, которые максимально соответствуют конкретной коммуникативной ситуации и прагматической интенции кинокритики.

Коммуникативная интенция возникает в такой коммуникативной ситуации, когда текущее положение дел или результат кажутся одному из коммуникантов неудовлетворительным, дискомфортным, неблагоприятным и он стремится сделать их лучше с помощью второго коммуниканта. Интенция говорящего/пишущего и успешность ее интерпретации со стороны слушающего/читающего, по П. Грайсу, соотносятся согласно принятым в конкретном языковом сообществе языковым конвенциям. О.С. Иссерс включает в общую структуру высказывания два типа целей: первостепенные, инициирующие коммуникацию как таковую, и второстепенные, которые могут быть связаны с самовыражением коммуниканта, способствовать эффективной интеракции, транслировать идейно-ценностные ориентиры, создавать общий положительный эмоциональный фон взаимодействия. Интенции могут быть прямые и косвенные, эксплицитные и имплицитные, благоприятные и неблагоприятные, практические и ментальные, дискурсно-текстообразующие и репликообразующие. Так, одной из прагматических интенций рецензента является трансляция критического отношения (с последующим принятием аналогичного отношения или оценки со стороны читательской аудитории) к объекту рецензирования.

Сайт-агрегатор рецензий Rotten Tomatoes (Rotten Tomatoes (RT)) архивирует обзоры дипломированных членов различных ассоциаций кинокритиков. Являясь профессиональными кинокритиками, авторы рецензий обладают достаточными писательскими навыками и умениями изложения взвешенной, аргументированной критики. Изобилие стилистических средств художественной выразительности текста является атрибутом профессиональной написанной компетентным автором кинокритики. В случае с отрицательной рецензией

автор сталкивается с проблемой снижения уровня категоричности излагаемой критики, с некоторым «смягчением углов» выражения негативной оценочности. Одно из средств реализации таких прагматических задач – использование юмористических средств.

Необходимость комплексного анализа указанных черт сетевой кинокритики обуславливает актуальность данного исследования, целью которого является изучение эффективных приемов реализации комического в качестве способов выражения негативной оценочности в англоязычной сетевой кинокритике. Задачами данного исследования является оценка комического и юмористического эффектов при изучении прагматической направленности юмористических элементов и проведение различий между частично схожими приемами оказания комического эффекта в кинокритике.

Материалом данного исследования послужили корпус отобранных на сайте Rotten Tomatoes кинокритик 2020–2022 гг. (45 текстов), обоснованность и достоверность обработки которого обеспечивалась корректным применением комплекса методов дискурсивного и лингвистического анализа: структурно-семантического, интерпретативного, функционально-стилистического. Корпус проанализированных кинокритик является репрезентативным по отношению к указанной проблемной области. Релевантным для нашего исследования был корпус, состоящих из кинокритик, предлагающих обширный языковой арсенал по реализации приемов комического. Теоретико-методологической основой исследования послужили работы и положения отечественных и зарубежных ученых, исследовавших комическое [Бахтин 1990; Баскакова 2013] (Воробьева 2006; Бахтин 2001), юмористический дискурс [Морозова 2013; Мусийчук 2007; Плясунова 2018], речевые особенности юмористического типа текста [Блинникова, Андрианова 2009; Кулинич 1999; Карасик 1997] (Щурина 1997).

Данное исследование направлено на определение особенностей развертывания и функционирования средств комического в сетевой кинокритике, написанной на английском языке, а именно их роли в выражении негативной авторской оценки. Изучение данных лексико-семантических единиц языкового арсенала адресанта во всем многообразии их структурных, денотативных и коннотативных компонентов способствует обнаружению эксплицитных и имплицитных средств юмора и

сатиры в этом особом формате профессиональной кинокритики.

Определение прагматики комического

Под комическим А. Бергсон понимал игру со смыслом, добавляя, что к комическому может относиться все, что может быть подвержено обыгрыванию и осмеянию, если в силу не вступают различные социальные, культурные, морально-нравственные и иные запреты. Согласно С. Ликок, юмор, являясь частным видом комического, расценивается как генерализирующий термин для номинации незлобного отношения к жизненным неурядицам и несоответствия между ожидаемым и реальным [Борев 1970, с. 125]. М.А. Кулинич относит юмор к показателям зрелости индивида, с помощью которого последний производит осмысление определенных аспектов действительности [Кулинич 1999, с. 106] А.М. Морозова разводит понятия юмора и сатиры, указывая на разоблачительный характер последней и ее стремление гипертрофировать и гиперболизировать и без того отрицательные свойства того или иного явления [Морозова 2013, с. 71]. Шутка, продолжает автор, является ядром юмористического дискурса, на периферии которого располагаются уже все иные подвиды. Шутка, согласно толковому словарю Ожегова, не только обозначает то, что говорится не всерьез, ради веселья и забавы, но также предполагает выражение неодобрения, удивления и сомнения в подлинности чего-либо (Ожегов 1994, с. 498).

И.В. Блинникова и Е.М. Андрианова отмечают, что юмор объединяет как когнитивные (связанные с обработкой информации и ее сопоставлением), так и аффективные (образующиеся в момент перехода от состояния напряженности к состоянию разрядки) когнитивные процессы [Блинникова, Андрианова 2009, с. 49]. Данный аспект мы считаем особенно важным при анализе инструментария юмора и сатиры при передаче негативной оценочности в сетевой кинокритике. В этом случае под «состоянием напряженности» можно трактовать именно формирование и нарастание негативной оценки фильма или его конкретного аспекта, в то время как «состояние разрядки» – это и есть тот или иной сатирико-юмористический элемент.

Прагматическая функция юморизации текста

С.Ф. Плясунова отмечает, что прагматической мотивацией для создания юмористического текста является рассогласование между наличествующим и новым знанием касательно объекта юмора/сатиры [Плясунова 2018, с. 18]. Генерирование и трансляция юмористического смысла представляет собой ментальный процесс концептуального моделирования. При этом моделировании происходит осмысление содержательных структур текста, одна из которых содержит общеизвестное знание, вторая – новое, отличное от данного (на стыке

между этими структурами создается юмористический эффект).

Е.А. Широких, анализируя возникновение комического эффекта, отмечает невозможность одновременного нахождения в коммуникативном пространстве двух противоречивых, а порой взаимоисключающих позиций касательно положений дел в мире [Широких 2015, с. 103]. Таким образом, возникает условная конфликтная ситуация, указывающая на несоответствие, противоречие, алогичность, и единственным ее «разрешением» (буквальным и фигуральным) является такая психофизиологическая реакция, как смех [Вулис 1976].

Аксиологическую функцию юмора невозможно игнорировать в силу того, что юмор реализует процесс усвоения или отторжения моделей социального поведения, утверждения или неприятия индивидуальных или общественно-социальных ценностей [Мусийчук 2007, с. 46]. Юмор содержит оценочный компонент, который выражает отношение субъекта к широкому спектру смыслов и значений, заложенных в объектах материального или духовного мира (Щурина 1997, с. 117). Как отмечалось, юмор представляет собой симбиоз когнитивных и аффективных процессов. Помимо тенденции к объективному оцениванию объекта согласно тем или иным аксиологическим параметрам, юмористические компоненты представляют собой эмоциональную реакцию на результат этого оценивания.

Юморизация в некоторой степени сходна с эвфемизацией как минимум в функции, которая реализует оба этих языковых феномена: это функция нейтрализации, «разрядки» от отрицательных эмоций. Эвфемизм, являясь инструментом юмора, также маскирует (смягчает) негативную характеристику некоего объекта/явления [Якушкина 2007, с. 28]. Так, в текстах кинокритики эвфемизация важна в силу того, что рецензент желает выступать в качестве объективного аналитика, а наличие в текстах слов со слишком яркой эмоционально-экспрессивной окраской снижает степень объективности, беспристрастности. В отличие от ругательств и бранной лексики, ирония и, в большей мере, сарказм не содержат прямых форм обличения и оскорбления, что делает их наиболее приемлемыми в жанре кинокритики.

Помимо модально-оценочной специфики юмора/сатиры, нельзя недооценить их эстетическую и художественную направленность: гораздо большие языковые, стилистические, эмоционально-экспрессивные усилия требуются для создания юмористического компонента, чем откровенно и бескомпромиссно негативного (порой и бранного) текста. К тому же создание юмористического текста подразумевает предварительную интерпретацию релевантной социокультурной деятельности, как можно более полное осведомление касательно тех ее сторон, которые подвергаются осмеянию.

В тому же, отмечает М.В. Мусийчук, юмористически приемы напрямую зависят от жизненного опыта, всевозможных бэкграундов, ассоциативных полей, помещенности в конкретную речевую ситуацию как и субъекта, так и объекта юмора [Мусийчук 2007, с. 49].

Различия иронии и сатиры: смягчение / усиление отрицательной оценки

Ирония заключается в преподнесении «смешного под маской серьезности», а, согласно В.А. Баскаковой, скрытая критика в иронии проступает благодаря тому, что сказанное всегда противоречит подразумеваемому, т. е. за положительным высказыванием кроется негативная оценочность [Баскакова 2013, с. 53]. Ирония, таким образом, приобретает функциональную окраску эвфемизма в аспекте нейтрализации, смягчения отрицательной оценки, сокрытия негативного отношения под видом похвалы и доброжелательности по отношению к анализируемому объекту. Согласно К.В. Якушкиной, эвфемия во всем своем многообразии лингвистических и экстралингвистических средств призвана рассеивать или смягчать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта [Якушкина 2007, с. 30]. Л.П. Крысин утверждает, что эвфемизация речи наблюдается в случаях, когда коммуникация охватывает реально/потенциально спорные, дебатлируемые вопросы социально-культурной и политической жизни общества, побуждая коммуникантов тщательнее следить за протеканием речевой ситуации, особенно осуществляя самоконтроль при выборе языковых средств выражения [Крысин 2007, с. 172].

Присутствие негативной оценочности обусловлено природой эвфемизмов, которые представляют собой эмоционально неокрашенные слова и выражения и заменяет грубые и нетактичные синонимы. Денотативное значение эвфемизма по сравнению с исходной номинацией носит завуалированную, смягченную негативную экспрессивность, но четко осознается носителями языка в силу своего узального употребления. Создание и циркуляция эвфемизмов в речи связана с системой морально-нравственных ценностей, присущих тому или иному обществу (с тяготением к общечеловеческим эталонам и стандартам ввиду глобализации и гуманизации современного мира). Эвфемизация возникает как реакция на потребность в замене/смягчении табуированных слов и выражений, напрямую передающих отрицательную оценку, вызывающих негативные ассоциации [Карасик 1991].

Сатира, по словам М.Е. Воробьевой, представляет собой «негативное отношение к изображаемому предмету, осмеяние и гневное обличение явлений действительности, резко отклоняющихся от идеального представления о них». Она является формой комического, выраженной в виде иронии, сарказма, гротеска, пародии, гиперболы и т. д., а используемое нарочитое преувеличение,

нарушающее пропорции, изобличающее крайне отрицательные черты, целенаправленно гипертрофированный дисбаланс, представляется в таком непомерном объеме в целях вызвать не просто улыбку и смех (как в случае с юмором), а осуждающий смех (Воробьева 2006, с. 81). Солидарен с этой точкой зрения и С.М. Коновалов, который видел в сатире способ художественного восприятия мира, при котором обличительно-комические образы являются реакцией на дисгармоничную, несообразную действительность [Коновалов 2020, с. 59]. Помимо отношения к данной действительности, подчеркивал М.М. Бахтин, сатира выражает «момент отрицания этой действительности как недостаточности. Таким образом и образуется «ззор» между реальным и желаемым с определенно критическим отношением к первому. Сатира, параллельно с отрицанием текущего положения дел, рисует и положительный образ становления лучшей реальности (Бахтин 2001). Ю.Б. Боров также отмечал в сатире аспект отхода от действительного (наличествующего) от идеала, разлад с эстетическими, морально-нравственными и иными стандартами: на фоне данного контраста и рождается сатирический эффект [Боров 1970, с. 58].

Сатира в сетевых кинорецензиях достигается в частности за счет гиперболизации, гипертрофии отрицательных свойств объекта анализа. Она активизирует исключительно негативный эмоционально-психологический фон, ничем не сглаживая свой агрессивный язвительный тон рецензии.

Приемы комического в целях трансляции отрицательной оценки

В англоязычной сетевой кинорецензии юмористические элементы способствуют сокращению дистанции между коммуникантами, а также предполагают полусерьезную и игровую тональность общения в сети. Кинокритика в целом богата юмористическими вкраплениями, характеризуясь некоторым игнорированием социальных статусов ее участников, а также пренебрежением в той или иной степени статусно-ролевых отношений между ними.

В сетевой кинорецензии мы отметим следующие типичные приемы реализации комического.

Оксюморон: *It's just a chilly trip to the heart of nothing* («Это просто холодное путешествие в самое сердце ничего»); *the actor understandably incapable of mustering much intensity for a part of almost stunning emptiness* («актер, по понятным причинам неспособный проявить большую интенсивность для роли почти ошеломляющей пустоты»); *It is just another entry in the military glorification canon, offering nothing and quite enough of that* («Это просто еще одна запись в каноне военного прославления, ничего не предлагающая, и к тому же достаточно много этого «ничего»»); *People start dying, friends turn against each other and the dialogue is almost bad enough to make you keep watching* («Люди

начинают умирать, друзья настраиваются друг против друга, и *диалог почти настолько плох, что заставляет вас продолжать смотреть*). Оксюморон обозначает нарочитое сочетание противоречивых, а порой и взаимоисключающих понятий (Пинский 1987, с. 429). Путем сопоставления и сочетания противоречивых понятий в приведенных выше примерах авторы подчеркивают критическую степень выраженности некоего негативного компонента. Несовместимость с логической точки зрения неких признаков создает комический эффект, а также служит средством передачи негативной оценочности.

Комическая развернутая метафора: Any Day falls into the painfully crowded trough between not-bad and seriously not-good movies («(Фильм) “Любой день” попадает в болезненно переполненную впадину между неплохими и серьезно нехорошими фильмами»), A stunningly amateurish effort, the feature strives to create a tragedy out of stupidity, *hitting every cliché imaginable as it lumbers from scene to scene* («Являясь потрясающе дилетантской попыткой, этот художественный фильм стремится создать трагедию из глупости, “рубя” все мыслимые клише, “громыхая” от сцены к сцене»). It’s all about injecting a little adrenaline & testosterone into the blood of the movie which, to this point, has been lacking in both («Все дело в введении небольшой дозы адреналина и тестостерона в “кровь” фильма, которых до этого ему не хватало»), *this stuck pig of a movie flails limply between bizarre comedy and pallid horror* («эта застрявшая свинья фильма безвольно мечется между причудливой комедией и пресным фильмом ужасов»), *this movie will be found in the «thriller» bin at any video store* («этот фильм можно будет найти в условной мусорной корзине с фильмами в жанре “триллер” в любом видеомагазине»), *A low-grade fog of sexism and homophobia hovers consistently over the proceedings* («Низкопробный туман сексизма и гомофобии постоянно нависает над всем происходящим»). Метафора, являясь распространенным средством выражения комического в медиапространстве, базируется на принципах языковой игры, а игровое поведение представляет собой глубокую, безусловную потребность. Данный игровой модус метафоры возводит ее в арсенал средств реализации комического эффекта. Метафорические номинации в текстах кинорецензий призваны сформировать в сознании читателей образ мыслей и картину миру близкую к требуемой, т. е. обусловленную задуманным рецензентом прагматическим эффектом. С помощью развернутой метафоры аккумулируется личный и общественный опыт читателя: посредством метафорической модели происходит трансляция некоего стереотипного образа. Таким образом, метафора выступает не просто как стилистическая фигура, а как когнитивная структура активизации ментальных процессов индивидуально-группового или общенационального сознания

и самосознания. Внутренней мотивировкой создания комической метафоры в сетевой кинорецензии является произвольная когнитивная ассоциация между двумя напрямую не связанными фрагментами, а сама комическая метафора является продуктом мотивационной и эмоционально-оценочной деятельности языкового сознания рецензента по выражению чувственно-рационального отношения к некому объекту.

Внутренняя деформация фразеологизмов, обновление фразеологических единиц: It’s evident that Stockwell is trying his damndest to develop a sustained atmosphere of suspense and tension, but his attempts are fruitless and the scenes seem to go on forever (идиоматическое выражение *try one’s best* преобразовано в *trying his damndest*, добавляя саркастический оттенок); Either one of the most poorly edited features I’ve seen this year, or director Rustam Branaman is trying to pull off a colossal cinematic prank (устойчивое выражение *pull off a prank* приобретает обусловленную контекстом эмотивную тональность путем инкорпорирования относительного прилагательного *cinematic* с предшествующим усилительным прилагательным *colossal*). Данный прием служит восстановлению и усилению утраченного эмоционально-экспрессивного компонента исходного фразеологизма путем окказионального преобразования, расширения. Фразеологическая единица, являясь устойчивым и семантически неразложимым единством, представляет собой широкое поле для оказания прагматического и стилистического эффекта в силу того, что именно «стертое», устоявшееся значение актуализирует потенциальное (желаемое автором) значение слова/словосочетания. Данное языковое смыслопорождение тем богаче, чем большее количество потенциальных трактовок и интерпретаций оно в себе подразумевает. Индивидуально-авторское преобразование фразеологических единиц можно отнести к средствам передачи комического, так как в силу фразеологической трансформации т. н. разрыв исходного «каркаса» устойчивого выражения, а, как отмечалось, именно несоответствие между реальным и ожидаемым, новым и привычным является предпосылкой оказания комического эффекта.

Сарказм: «It’s judged us deserving of punishment! The question is why?», *a soldier shouts. Inflicting 93 minutes of intolerable dumbness upon us would be a good answer* («“Постановили, что мы заслуживаем наказания! Вопрос в том, почему?” – кричит солдат. “Для того, чтобы обречь нас на 93 минуты невыносимой тупизны (фильма)” – было бы хорошим ответом»), *While teenagers may well love its sugar-rush energy, their parents may well be fumbling for paracetamol after a few minutes* («В то время как подросткам вполне может понравиться его слащавая энергия, а их родители, вполне вероятно, потянутся за парацетамолом через несколько минут просмотра»), *One life-*

threatening, story-aggregating episode follows another so that, long before the film ends, you wish Arthur and his chums would simply have a lie down instead («Один бессмысленный, объединяющий сюжеты эпизод следует за другим, так что задолго до окончания фильма вы захотите, чтобы Артур и его приятели лучше просто прилегли»). Согласно литературной энциклопедии, сарказм, являясь видом сатирического изобличения, выражает высшую степень негодования, бескомпромиссна в передаче резкой критики. Из всех средств комического сарказм – самый критический, резкий способ выражения негативной оценки (Френкель 1925, с. 491). Являясь максимально прямолинейной вербальной стратегией воздействия, крайней точкой иронии, сарказм направлен в текстах кинокритики на изобличение, изображение в крайне негативном свете определенных аспектов кинокартины. В саркастическом оценочном высказывании сами языковые средства нейтральны, а негативное коннотативное значение они приобретают только в определенном контексте. Так, в одном из вышеприведенных фрагментов, где при просмотре фильма *parents may well be fumbling for paracetamol after a few minutes*: в самом факте того, что человек тянется за таблеткой парацетамола нет никакой отрицательной оценочности. Она проявляется только тогда, когда на буквальное значение слов наслаивается контекст, а именно – ситуация просмотра фильма.

Преувеличение/гипербола: In the film «Eight Million Ways to Die, he has the characters constantly shoving and yelling insults at one another, fills the many interludes of inaction with headache-making music and winds things up with as clumsy a burst of bang-bang as you've ever seen. But by then, you may feel you've died eight million deaths («в фильме “Восемь миллионов способов умереть” его персонажи постоянно толкаются и выкрикивают оскорбления друг в друга, заполняют многочисленные промежутки бездействия музыкой, вызывающей головную боль, и завершают все самым неуклюжим взрывом “бац-бац”, который вы когда-либо видели. Но к тому времени вам может показаться, что вы умерли восемь миллионами смертей»), The resulting hybrid can be used only for showing how not to make a sci-fi/action/thriller/horror movie («Полученный гибрид можно использовать только для демонстрации того, как не нужно снимать научно-фантастический / боевик / триллер / фильм ужасов»), «Armed Response» has a hundred times less story than your average first-person shooter video game («В “Вооруженном ответе” в сто раз меньше сюжета, чем в обычной видеоигре-шутере от первого лица»), John Stockwell, who many moons ago made the sweet cross-cultural teenage romance «Crazy/Beautiful» mknows he's working with a pile of junk («Джон Стокуэлл, который много лун назад снял милый межкультурный подростковый романтический фильм “Сумасшедшая/прекрасная”, знает, что работает с кучей хлама»). Гипербола

является стилистической фигурой намеренного и неприкрытого преувеличения (Розин 1972, с. 315). Рецензент, используя гиперболу, несомненно рассчитывает на то, что читатель воспримет ее как литературное средство выразительности и стилистический прием. В кинокритике гипербола используется как средство наиболее «выпуклого», яркого выражения негативной оценки того или иного явления. В гиперболе сочетаются два разных плана значения слова: предметно-логическое и контекстуально-эмоциональное. Примечателен один из вышеприведенных примеров, где фильм подается как имеющий «*a hundred times less story than your average first-person shooter video game*»: с одной стороны, есть что-то реально существующее (в субъективной оценке рецензента), а именно низкий уровень проработанности сюжета, с другой стороны, фраза о том, что сюжет данного фильма «в сто раз» менее проработан, чем сюжет средней «стрелялки» (шутер-игры), нарочито гиперболизирует негативный эмоционально-оценочный компонент исходной фразы. Сочетание логичности и алогичности, безэмоциональной манеры изложения оценочных суждений в купе с нарочитым преувеличением, повышающим экспрессивность высказывания, создают у читательской аудитории преувеличенное впечатление о недостатках фильма. Искажение, неправдоподобие относительно прорисовывания отрицательных свойств предмета позволяют отнести гиперболу к юмористическим и сатирическим приемам репрезентации негативной оценочности в кинокритике.

Каламбур/игра слов: *How did Eight Million Ways to Die commit suicide? Let us count the ways («Как фильм “Восемь миллионов способов умереть” покончил с собой? Давайте посчитаем способы»), Turn-Off would be a more appropriate title for Attraction («“Выключите” было бы лучшим названием для “Влечения”»), Unless there's a burning need to see Gene Simmons without hair (it's actually a good look), this is a movie about a prison that feels like prison («Если только нет острой необходимости увидеть Джина Симмонса без волос (на самом деле это хороший образ), это фильм о тюрьме, которая ощущается как тюрьма»).* Согласно определению, данному в энциклопедии «Литература и язык» под ред. А.П. Горкина: «Каламбур – (фр. calembour – «игра слов»), использование в речи многозначных слов или омонимичных сочетаний для достижения комического эффекта» [Горкин 2006, с. 297]. В некоторых источниках, таких как «Толковый словарь русского языка» С.Ю. Ожегова, каламбур приравнивается к игре слов, к шутке, основанной на комическом употреблении одинаково звучащих, но различных по значению слов (Ожегов 1994, с. 702). Каламбур может строиться на переосмыслении устойчивого выражения, что в лингвистической литературе трактуется как двойная актуализация, при которой в одном случае многозначное или омонимичное выражение

берется в буквальном значении, в другом – в переосмысленном (Щурина 1997, с. 76). Так, в одном из наших примеров, где фильм «*Восемь миллионов способов умереть*», согласно автору, «покончил с собой» (здесь слово «способы» актуализируется как часть названия фильма, без какой-либо коннотации), и следом предлагает посчитать способы (тут слово «способы» приобретает переосмысленное значение, имплицитно множественность аспектов, согласно которым фильм заслуживает негативной оценки). Совпадение внешней манифестации языковых единиц при различии в планах содержания, игровую манипуляцию единицами языка, лингвокреативность отметим во втором примере, где автор лучшим названием для фильма предлагает turn-off («выключить»): в предполагаемо стилистически нейтральном коммуникативном акте трансляции названия фильма обнаруживается безапелляционный императив по прекращению просмотра, что однозначно подразумевает отрицательную оценочность. Реализация в одном контексте прямого и переносного (переосмысленного) значения слова в каламбуре способствует возникновению комического эффекта.

Ирония: «*Armed Response*» *doesn't deserve a response for how bad it is, but you should know about it before you choose to see it* («*Вооруженный ответ*» не заслуживает реакции о том, насколько он плох, но вы должны знать об этом, прежде чем решите посмотреть фильм»), this new feature film Backgammon are so exciting to watch – almost like playing its namesake board game itself («смотреть новый художественный фильм «Нарды» почти так же увлекательно, как и играть в одноименную настольную игру»), *My burning question is whether any of the other Fiennes have ever watched these movies? We need a Gogglebox episode of a family screening* («*Мой животрепещущий вопрос заключается в том, смотрел ли кто-нибудь из других Файннов когда-либо эти фильмы? Нам нужен эпизод с выпученными глазами при семейном просмотре*»). Как отмечалось, в иронии высказываемое всегда противоречит предполагаемому, а истинным является не прямое высказывание, а противоположное (Лазарева 2005, с. 118). Как, например, в одном из приведенных выше отрывков рецензент сравнил фильм с игрой в нарды, общей чертой которых выделяет увлекательность процесса. Путем проведения нехитрых логических операций и построения ассоциативных связей между дефиницией «увлекательность» и процессом игры в нарды обнаруживается парадоксальность высказывания и в качестве истинного смысла воспринимаем обратный, перенося его непосредственно на истинную «увлекательность» фильма, который сравнивается с игрой.

Сравнение: Snipes, for his part, looks bored off his rocker. He barely gets to move, and spends most of the movie *looking like he's making to-do lists in his head* («Снайпс, в свою очередь, выглядит не в

себе от скуки. Он едва может двигаться и проводит большую часть фильма *с таким видом, словно составляет в уме списки дел*); As for Willis, he looks as if his main concern is finding a good cigar bar during his brief professional sojourn in Ohio («Что касается Уиллиса, то он выглядит так, как будто его главная забота – найти хороший сигарный бар во время его краткого профессионального пребывания в Огайо»); all of whom have been encouraged by writer-director Stanley Jacobs to deliver their dialogue in the overemphatic fashion of a grade-school teacher imparting information to a class of slow-learners («сценарист и режиссер Стэнли Джейкобс призвал всех из них вести свой диалог в чрезмерно выразительной манере учителя начальной школы, дающего информацию классу медленно обучающихся»); Though *After We Fell* aims for the scintillating eroticism of a lithe young couple risking getting caught with some semi-public hot tub sex, *the whole experience is more akin to taking a lukewarm bath in a swimsuit* («Хотя фильм «После. Часть 3» нацелен на изображение молодой пары, рискующей быть застигнутой врасплох при занятии любовью в полуобщественной горячей ванне, весь этот опыт больше похож на принятие теплой ванны в купальнике»); Hardin turns up the bubbles on a hot tub with a suggestive eyebrow waggle. «Oooh, that's nice», coos Tessa, *as if he's just passed her the custard creams* («Хардин пускает пузыри в горячей ванне, многозначительно поводя бровью. «Оооо, это мило», – воркует Тесса, как будто он только что передал ей заварной крем»); Morgan J Freeman's roots as a director on the teen show Dawson's Creek shine through heavily in a film that looks like a TV pilot made for a bet («Корни Моргана Джей Фримена как режиссера подросткового шоу «Доусонов ручей» ярко проявляются в фильме, который выглядит как телевизионный пилотный выпуск, сделанный на спор»). В контексте кинорецензий сравнение интересует нас в первую очередь в лингвокультурном аспекте, где за основу сравнения берется некий «стандарт», т. е. распознаваемый и «прочитываемый» всеми носителями культурного сознания в определенной культурной сфере общества, в данном случае в кинематографе. Целью сравнения как стилистического приема в текстах кинорецензий является использование объекта сравнения (с чем сравнивается) для более точного и образного описания субъекта сравнения (то, что сравнивается). Объект исследования – разнообразное, специфичное функционально-семантическое поле, а главным связующим звеном объектов сравнения является их эталонная, знаковая и референтная природа, т. е. некоторая лексико-семантическая стандартизованность. Популярность сравнения (о чем можно судить по количеству приведенных примеров, доля которых составляет 46 % из всех приемов комического) в кинорецензиях, как и в других типах публицистических текстов, обусловлена на-

lichem объектов предметно-материального мира, а не абстрактных форм в качестве объекта сравнения. Апеллирование к конкретно-образному уровню мировосприятия наиболее эффективно с точки зрения оказания перлокутивного эффекта, является наиболее быстрым с точки зрения «скорости» осуществления воздействия, так как не подразумевает под собой активацию особых когнитивных процессов, как в примерах, где игра актера выглядит так, будто он составляет список дел в голове, диалог протекает так, будто учитель объясняет тему ученикам с задержкой в развитии, а режиссерская работа в целом воспринимается так, будто режиссер снял телевизионный пилотный выпуск «на спор». Благодаря таким карикатурным образам «считывание» истинного коммуникативного сообщения рецензента происходит достаточно быстро, приводя к возникновению комического эффекта, реализация которого и входила в авторскую интенцию.

Коллоквиализмы / сленгизмы: John Stockwell's bland B-movie relegates its biggest star to *second-banana status* («Безвкусный второстепенный фильм Джона Стоквелла низводит свою главную звезду до *статуса второсортной*»), Alas, Stockwell's film never coherently conceptualizes its *mecha-baddie* in a way that might actually generate thrills («Увы, фильм Стокуэлла никогда связно не концептуализирует своего *механического злодея* таким образом, который действительно мог бы вызвать острые ощущения»); Though nominal lead Annable puts in a bit more effort as the nonsensical Gabriel – who's both a computer wizard and a *badass soldier* («Хотя номинальный ведущий Эннэйбл прилагает немного больше усилий в роли абсурдного Габриэля, который одновременно является компьютерным волшебником и *крутым солдатом*»); It's the kind of film where one can sense writer/director Tim Garrick throwing in every *half-assed idea* he can think of in hopes something works («Это такой фильм, в котором чувствуется, как сценарист / режиссер Тим Гаррик вкладывает каждую *непродуманную идею*, которая приходит ему в голову, в надежде, что что-то работает»). Являясь стилистически маркированными образованиями, коллоквиализмы и сленгизмы реализуют шутивно-ироническую непринужденную авторскую экспрессию (Горкин 2006, с. 291). Придавая высказыванию оттенок фамильярности, данные языковые единицы являются лингвистическим арсеналом сатиры и юмора, имитируя непринужденность бытовой устной речи. Сленгизм как форма социалекта также является и семиотическим феноменом, нацеленным на знаковое воплощение эмоционально-экспрессивных речевых интенций рецензента. Использование сленговой и коллоквиальной лексики автором кинорецензии говорит о прагматической потребности выражения критического или отрицательно-отношения к объекту анализа с некоторой долей экспрессии и интенсивности.

Условное предложение: *Had her character been revealed to be an alien from a distant planet who got all her ideas about the human female from 12-year old boys, it would have been a more convincing plot twist than anything «Backgammon» offers the viewer* («Если бы выяснилось, что ее героиня – инопланетянка с далекой планеты, которая получила все свои представления о человеческой женщине от 12-летних мальчиков, это был бы более убедительный поворот сюжета, чем все, что предлагает зрителю «Напды»»), *It would be easier to forgive some of the film's unfunny excesses, however, if it were actually funny at all* («Было бы легче простить некоторые несмешные излишества фильма, если бы он вообще был смешным»); *As for the rest of the cast, a troupe of dancing Coke cans would have more acting gravitas in this deliriously poor spoof of serial killer flicks* («Что касается остального актерского состава, труппа танцующих банок из-под кока-колы имела бы большие актерского авторитета в этой безумно плохой пародии на фильмы о серийных убийцах»); *If it weren't for the party scene, I wouldn't have believed that Kubrick and Diane Johnson had read anything in the book besides the blurb on the dust jacket* («Если бы не сцена вечеринки, я бы не поверил, что Кубрик и Дайан Джонсон читали в книге что-либо, кроме аннотации на суперобложке»). Прагматический потенциал условных конструкций достаточно существен в силу наличия эмоционально-оценочного компонента и семы возможности, потенциальности, желательности реализация чего-либо или сожаления о том, что что-то не реализовано или реализовано не на должном уровне. В текстах кинорецензий преобладают (более 75 % из всех проанализированных предложений с условным придаточным) условные предложения 2 типа (Second Conditionals), которые несут на себе модальную окраску ирреальности и гипотетичности. Авторская модально-оценочная составляющая имманентно присуща условным конструкциям второго типа, так как говорящий/пишущий выдает ожидаемое за действительное, идеальное за реальное. Значения нереальной или потенциальной обусловленности заложены в модальном глаголе *would* (английский эквивалент русской частицы «бы»). Условно-результативные (условно-следственные) отношения между основной и зависимой частями сложноподчиненного предложения наделяют условную конструкцию значительным потенциалом при передаче критического суждения: взаимообусловленный характер препозиции и постпозиции представляют аргументативно-оценочное высказывание к некоторому развернутому и завершеному виде. Таким образом субъективно-оценочное, модальное высказывание наделяется некоторой долей образной аргументативности и тем самым усиливает оказываемый суггестивный эффект. Так, в одном из примеров автор пишет, что танцующая труппа банок кока-колы обладала бы большим актер-

ским диапазоном, чем актерский состав фильма (*a troupe of dancing Coke cans would have more acting gravitas*). Просто написав, что актеры не умеют играть, рецензент не оказал бы такого прагматического воздействия, как при введении автором высказывания в плоскость ирреального, поскольку категории воображаемого много шире категорий реального). Адаптивность условных конструкций в качестве средств передачи комического происходит из нацеленности как ирреально-условного типа предложения, так и различных лингвистических средств сатиры и юмора на трансформацию умозрительного положения дел, на преподнесение гипотетического/ирреального в качестве реального.

Аллюзии/реминисценции: I wanted to walk out of «Backgammon». This wasn't possible, as I was watching the film at home. Like *Richard Gere* in «*An Officer and a Gentleman*», I had no place else to go» («Я хотел «уйти» из «Нард». Это было невозможно, так как я смотрел фильм дома. Как *Ричард Гир* в «*Офицере и джентльмене*», мне больше некуда было пойти», Lucian's cartoonish naïveté makes him an easy target for viewers' scorn: You want to warn him to run away whenever Miranda acts out, as if he were a cluelessly oversexed slasher victim *knocking on Jason Voorhees's door* («Карикатурная наивность Люциана делает его легкой мишенью для насмешек зрителей: вы хотите предупредить его, чтобы он убежал всякий раз, когда Миранда ведет себя так, как будто он несведущая жертва чрезмерно сексуального слэшера, *стучающаяся в дверь Джейсона Вурхиса*»); Even the usually solid Jeff Bridges shambles on after a drunken binge *looking like Lon Chaney out to scare the kiddies* («Даже обычно солидный Джефф Бриджес шатается после пьяной попойки, *выглядев как Лон Чейни, вышедший поугагать детишек*»); It's a film that serves up *undercooked chunks of Tarantino with a splat of John Cassavetes' Gloria on the side* («Это фильм, в котором подают *недоваренные куски Тарантино с добавлением Глории Джона Кассаветиса*»); As with *Fifty Shades or Twilight*, there's definitely potential for some «so bad that it's good» fun in the After series («Как и в случае с «*Пятьюдесятью оттенками серого*» или «*Сумерками*», в последующих сериях определенно есть потенциал для веселья по типу «настолько плохого, что хорошо»»); Imagine if the *characters of the animated series «Scooby-Doo»* were to turn on one another, and you'll be close to imagining the freakish «*American Psycho II*» («Представьте, если бы *персонажи мультсериала «Скуби-Ду»* набросились друг на друга, и вы будете близки к тому, чтобы представить себе причудливый «*Американский психопат II*»»). Данный стилистический прием интертекстуальности реализует прагматическую функцию и служит средством декодирования авторской интенции по передаче оценочности. Фрагмент прецедентного текста (претекста), выраженный в текстах кинокритических аллюзией на фильм/эпизод

фильма/актера, актрису/персонажа, служит средством дополнительной «помощи» по раскрытию смысла текста конкретной кинокритики. Оценочно-характеризующая природа отсылки в целом позволяет автору кинокритики продемонстрировать свою как и положительную, так и отрицательную оценку аспектов анализируемого объекта. Интертекстуальные включения, в частности аллюзия, реализует функцию создания комического эффекта. Широкий спектр кинематографических аллюзий апеллирует к значительной эрудиции читательской аудитории, так как чем большей осведомленностью читатель обладает в мире кино, тем выше у него шанс «считать» аллюзию. Культурно значимой информацией и наивысшей прецедентностью в кинокритике обладают имена собственные – имена актеров / режиссеров / персонажей и непосредственно названия фильмов. Референция к тому или иному прецеденту по востребованию автора несет в себе негативно-оценочный потенциал. Примечательно, что оценочно-модальная природа предмета референции может быть сама по себе и положительной (см. пример сравнения режиссерской работы со ставшими эталонными фильмами Тарантино и Кассаветиса), и нейтральной (пример с персонажами мультсериала «Скуби Ду»), и отрицательной пример с отсылкой на фильмы «Сумерки» и «50 оттенков серого», чья известность заключается в их антиобразцовости. Негативная оценочность, насмешливый тон актуализируются лишь на уровне всего высказывания.

Антитеза/противопоставление: «Bedeveled» ultimately embraces clichés rather than subverting them. Maybe the evil technology's actually up to date, but the storytelling's far too old-fashioned» (««Терзаемый» в конечном счете использует клише, а не разрушает их. Вероятно, технология, которой пользуется зло, и современна, но повествование об этом уж слишком старомодно»); Fans of the YA After series should find something amid the tangled mess of plot, daytime-soap acting and inanimate passion – everyone else should look away («Поклонники предыдущего сериала должны найти что-то среди запутанного беспорядка сюжета, актерской игры в дневных сериалах и неживой страсти – всем остальным следует отвести взгляд»). Согласно литературной энциклопедии, антитеза противопоставляет понятия и явления, связанные друг с другом общей внутренней структурой (Пинский 1987, с. 306). Бинарность мышления является историческим категориальным аппаратом концептуализации мира, что само по себе делает антитезу эффективным стилистическим приемом обрисовывания негативных сторон действительности (именно на контрасте с чем-то положительным). Как в приведенном примере, где автор подмечает, что зло в фильме использует современные методы устрашения, при этом манифестируя себя на фоне совершенно устаревшего повествования. Таким образом негативная оценка, заложенная в семантике словосоче-

тания «устаревшее повествование» (old-fashioned storytelling) «проступает» еще явственнее на фоне контраста с современными технологиями зла (up to date evil's technology). Все, о чем бы ни велась речь, становится ярче выражено, когда подкреплено своей противоположностью.

В проанализированном корпусе сетевых кино-рецензиях комические и сатирические приемы направлены на разоблачение и высмеивание тех или иных недостатков, слабых мест, иногда указание на полнейшее отсутствие определенных кинематографических достоинств. Посредством комического рецензент акцентирует антиценностные компоненты, то, что некачественно, неполно, неравноценно, внутреннее или внешнее несоответствие тому, каким качественный фильм (или конкретный его аспект) должен быть. Это позволяет отнести лингвистические средства выражения комического к продуктивным способам репрезентации негативной оценочности.

Заключение

В ходе исследования были выполнены все задачи, обозначенные во введении, а именно: было приведено определение понятия комического, юмора, была проанализирована прагматическая направленность юмористических элементов, а также было проведено различие между частично схожими приемами оказания комического эффекта. Множественные приемы комического служат средствами трансляции авторской негативной оценки. Прагматической мотивированностью сатирического и иронического текстов является введение новой, отличной от наличествующей информации касательно объекта юмора: на этом «изломе» между реальным и потенциальным и

проступает комическое. Путем инкорпорирования юмористических элементов в сетевую кинорецензию автор создает игровую коммуникативную ситуацию, характеризующуюся полусерьезной тональностью, тем самым являясь либо смягчающим, либо усилительным (в зависимости от авторской интенции и степени негативной оценки) средство демонстрации авторской позиции. Очевидно многообразие лингвистических средств передачи комического, несущих отрицательное модально-оценочное значение: юморизация сетевой кинорецензии происходит за счет широкого спектра традиционных приемов комического, к основным из которых следует отнести комическую развернутую метафору, иронию, сарказм, гиперболизацию, оксюморон, каламбур. Среди ситуативных стилистических приемов реализации комического особое место занимают аллюзию, сравнение, антитезу, коллоквиализмы, сленг. Особо отметим феномен внутренней деформации фразеологизмов, при которой преобразование идиоматической структуры происходит за счет введения лексико-семантической единицы, связанной с концептуальным полем «кинематограф», за счет чего происходит комическое переосмысление устойчивого выражения. Показательна и роль второго типа условного предложения в качестве средства выражения комического (в силу своей ирреальной и потенциальной семантики данный тип условного предложения эффективен в трансляции имплицитной критики). Сатирические приемы направлены на разоблачение и высмеивание недостатков, слабых мест, порой указание на полнейшее отсутствие определенных кинематографических ценностей и, как следствие, на оказание суггестивного эффекта на читателя.

Материалы исследования

Rotten Tomatoes (RT) – *Rotten Tomatoes*. URL: <https://www.rottentomatoes.com>.

Бахтин 2001 – *Бахтин М.М.* Литературная энциклопедия терминов и понятий под ред. А.Н. Николюкин. Москва: Интелвак, 2001. 1279 с.

Воробьева 178 – *Воробьева М.Е.* Коммуникативно-прагматическая заданность языковых средств создания комического эффекта в произведениях В.Н. Войнич: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 178 с.

Горкин 2006 – *Горкин А.П.* Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия; под ред. проф. А.П. Горкина. Москва: Росмэн. 2006. 682 с.

Лазарева 2005 – *Лазарева М.Е.* Языковые средства выражения иронии на материале норвежских публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005. 198 с.

Ожегов 1994 – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Азъ, 1994. 907 с.

Пинский 1987 – *Пинский Л.Е.* Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987. 720 с.

Розин 1972 – *Розин Н.П.* Большая советская энциклопедия. Т. 10. Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1972. Т. 5. 520 с.

Френкель 1925 – *Френкель Л.Д.* Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: в 2 т. / под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чехихина-Ветринского. Москва, 1925. 893 с.

Щурина 1997 – *Щурина Ю.В.* Шутка как речевой жанр: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1997. 197 с.

Библиографический список

Баскакова 2013 – *Баскакова В.А.* Ирония в парадигме комического // *Язык и культура* (Новосибирск). 2013. № 4. С. 131–137. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-v-paradigme-komicheskogo/viewer>.

Бахтин 1996 – *Бахтин М.М.* Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» // *Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.* Москва, 1996. С. 207–286. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii_istorija_russkaja/bakhtin_sobranie_sochinenij_7_tom/15-1-0-1220.

Бахтин 1990 – *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. Москва: Художественная литература, 1990. 541 с. URL: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf.

Блинникова, Андрианова 2009 – *Блинникова И.В., Андрианова А.М.* Психосемантический анализ юмористических текстов // *Прикладная юридическая психология*. 2009. № 3. С. 43–54. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/1609741>; <https://www.lawpsy.ru/images/magazine/2009/3-2009.pdf>.

Борев 1970 – *Борев Ю.* Комическое. Москва: Искусство, 1970. 272 с. URL: <https://www.phantastike.com/ru/komicheskoe/pdf>.

Вулис 1976 – *Вулис А.З.* Метаморфозы комического. Москва: Искусство, 1976. 126 с.

Карасик 1997 – *Карасик В.И.* Анекдот как предмет лингвистического изучения // *Жанры речи*. 1997. № 1. С. 144–153. URL: <https://teaclub.e-lub.net/wp-content/uploads/2019/08/karasik.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422412>. EDN: <https://elibrary.ru/ynqglz>.

Карасик 1991 – *Карасик В.И.* Язык социального статуса. Москва: Институт языкознания АН СССР, Волгоградский педагогический институт, 1991. 495 с. URL: <http://www.l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf>.

Коновалов 2020 – *Коновалов С.М.* О сатире // *Art Logos*. 2020. № 2 (21). С. 24–35. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43128178>. EDN: <https://elibrary.ru/zbqccce>.

Крысин 2007 – *Крысин Л.П.* Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Москва: Издательский центр «Академия», 2007. 240 с. URL: https://msrabota.ru/content/book_docs/Совр.%20русский%20язык.%20Лекс.%20семантика.%20Лексиколог._Крысин_2007%20-240с_.pdf.

Кулинич 1999 – *Кулинич М.А.* Лингвокультурология юмора (на материале английского языка). Самара: Изд-во Самар. гос. пед. ун-та, 1999. 263 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20077584>. EDN: <https://elibrary.ru/qxjhrh>.

Морозова 2013 – *Морозова А.М.* Жанровая специфика юмористического дискурса // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2013. Т. 1, № 1. С. 216–222. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-yumoristicheskogo-diskursa/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18938337>. EDN: <https://elibrary.ru/pylxtx>.

Мусийчук 2007 – *Мусийчук М.В.* Аксиологическая функция юмора // *Вестник Томского государственного университета*. 2007. № 295. С. 91–94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12224721>. EDN: <https://elibrary.ru/khnjbt>.

Плясунова 2018 – *Плясунова С.Ф.* Концептуальное моделирование юмористического смысла // *Евразийский гуманитарный журнал*. 2018. № 4. С. 88–95. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-modelirovanie-yumoristicheskogo-smysla/viewer>.

Широких 2015 – *Широких Е.А.* Прецедентные феномены в англоязычном юмористическом дискурсе // *Вестник Удмуртского ун-та. Серия «История и филология»*. 2015. Т. 25, Вып. 3. С. 145–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-angloyazychnom-yumoristicheskom-diskurse/viewer>.

Якушкина 2007 – *Якушкина К.В.* Прагмалингвистический аспект эвфемии в свете явления языковой компрессии // *Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*. 2007. Вып. 2. Ч. II. С. 292–296. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskiy-aspekt-evfemii-v-svete-yavleniya-yazykovoy-kompressii-1/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21114468>. EDN: <https://elibrary.ru/rubgff>.

References

Baskakova 2013 – *Baskakova V.A.* (2013) Irony in the paradigm of the comic. In: *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*, pp. 131–137. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ironiya-v-paradigme-komicheskogo/viewer>. (In Russ.)

Bakhtin 1996 – *Bakhtin M.M.* (1996) From archival records to the work «Problems of speech genres». In: *Collected works. Vol. 5. Works of 1940–1960 years*. Moscow, 1996, pp. 207–286. Available at: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii_istorija_russkaja/bakhtin_sobranie_sochinenij_7_tom/15-1-0-1220. (In Russ.)

- Bakhtin 1990 – *Bakhtin M.M.* (1990) Creative work of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 541 p. Available at: https://imwerden.de/pdf/bakhtin_rable_1990.pdf. (In Russ.)
- Blinnikova, Andrianova 2009 – *Blinnikova I.V., Andrianova A.M.* (2009) Psychosemantic analysis of humorous texts. *Applied legal psychology*, pp. 43–54. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/1609741>; <https://www.lawpsy.ru/images/magazine/2009/3-2009.pdf>. (In Russ.)
- Borev 1970 – *Borev Yu.* (1970) Comical. Moscow: Iskusstvo, 272 p. Available at: <https://www.phantastike.com/ru/komicheskoe/pdf/>. (In Russ.)
- Vulis 1976 – *Vulis A.Z.* (1976) Metamorphoses of the comic. Moscow: Iskusstvo, 126 p. (In Russ.)
- Karasik 1997 – *Karasik V.I.* (1997) Anecdote as a subject of linguistic study. *Speech Genres*, no. 1, pp. 144–153. Available at: <https://teaclub.e-lub.net/wp-content/uploads/2019/08/karasik.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=36422412>. EDN: <https://elibrary.ru/ynqglz>. (In Russ.)
- Karasik 1991 – *Karasik V.I.* (1991) Language of social status. Moscow: Institut yazykoznaneya AN SSSR, Volgogradskii pedagogicheskii institut, 495 p. Available at: <http://www.l-406.narod.ru/SocL/karasik.pdf>. (In Russ.)
- Kononov 2020 – *Kononov S.M.* (2020) About satire. *Art Logos*, no. 2 (21), pp. 24–35. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43128178>. EDN: <https://elibrary.ru/zbqccc>. (In Russ.)
- Krysin 2007 – *Krysin L.P.* (2007) Modern Russian language. Lexical semantics. Lexicology. Phraseology. Lexicography. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 240 p. Available at: https://msrabota.ru/content/book_docs/Совр.%20русский%20язык.%20Лекс.%20семантика.%20Лексиколог._Крысин_2007%20-240с_.pdf. (In Russ.)
- Kulinich 1999 – *Kulinich M.A.* (1999) Linguoculturology of humor (based on the material of the English language). Samara: Izd-vo Samar. gos. ped. un-ta, 263 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20077584>. EDN: <https://elibrary.ru/qxjhrr>. (In Russ.)
- Morozova 2013 – *Morozova A.M.* (2013) Specific genre of humorous discourse. *Pushkin Leningrad State University Journal*, vol. 1, no. 1, pp. 216–222. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifikayumoristicheskogo-diskursa/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18938337>. EDN: <https://elibrary.ru/pylxt>. (In Russ.)
- Musiychuk 2007 – *Musiychuk M.V.* (2007) Axiological function of humor. *Tomsk State University Journal*, no. 295, pp. 91–94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12224721>. EDN: <https://elibrary.ru/khnjbt>. (In Russ.)
- Plajsunova 2018 – *Plajsunova S.F.* (2018) Conceptual modeling of humorous meaning (based on Russian and German political anecdotes). *Eurasian Humanitarian Journal*, no. 4, pp. 88–95. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-modelirovanie-yumoristicheskogo-smysla/viewer>. (In Russ.)
- Shirokikh 2015 – *Shirokikh E.A.* (2015) Precedent phenomena in the English humorous discourse. *Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*, vol. 25, issue 3, pp. 145–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pretsedentnye-fenomeny-v-angloyazychnom-yumoristicheskom-diskurse/viewer>. (In Russ.)
- Yakushkina 2007 – *Yakushkina K.V.* (2007) Pragmalinguistic aspect of euphemy in terms of speech compression mechanism. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, issue 2, part II, pp. 292–296. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/pragmalingvisticheskiy-aspekt-evfemii-v-svete-yavleniya-yazykovoy-kompressii-1/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=21114468>. EDN: <https://elibrary.ru/rubgff>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.112

Дата поступления: 26.01.2023
рецензирования: 27.02.2023
принятия: 30.05.2023

Вербальные маркеры оценки обучающимися учебно-методических комплексов немецкого языка в образовательном дискурсе ФРГ

В.Э. Шукман

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: shukman.vi@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5027-147X>

Аннотация: Статья посвящена исследованию вербальных маркеров оценки в высказываниях изучающих немецкий язык на начальном уровне (A1) иностранцев о содержании учебно-методических комплексов немецкого языка в образовательном дискурсе ФРГ. Проблематика исследования связана с малой изученностью динамичного феномена обратной связи и ее вербализации в виде оценочных высказываний иностранцев о содержании и форматах предлагаемых им в ФРГ учебно-методических комплексов в сфере изучения немецкого языка как иностранного. Лингвистическими методами исследования послужили дискурсивный и лексический анализ вербальных маркеров оценки, обнаруженных в оценочных высказываниях обучающихся-иностранцев. Исследуемый языковой материал собран в Языковом центре Вюрцбургского университета (ФРГ) в ходе целевого анкетирования иностранцев, изучающих немецкий язык на начальном уровне (A1). Актуальность исследования обусловлена перспективами изучения аксиологического феномена обратной связи в образовательном дискурсе ФРГ, многообразием потенциала когнитивного варьирования тематического содержания и лексического наполнения учебно-методических комплексов немецкого языка. Результаты, полученные с помощью дискурсивного и лексического анализа вербальных маркеров оценки, демонстрируют разнообразие реакций иностранцев на содержание востребованных в ФРГ учебно-методических комплексов Netzwerk A1.1 – A1.2, определенные акценты в оценках содержания, процесса и итогов обучения на их основе. Полученные результаты и выводы дискуссионны, так как при общей положительной оценке аутентичных учебно-методических комплексов немецкого языка в высказываниях иностранцев представлены вербальные маркеры оценки с отрицательной коннотацией, указывающие на аспекты, установки, доминанты содержания (в первую очередь это тематическая актуальность), требующие корректировки и оптимизации в современном глобальном образовательном дискурсе ФРГ. По модели данного исследования могут быть проведены изыскания с позиций дискурсивной лингвистики для верификации аспектов оценки образовательных стратегий и кодирования ключевых концептов, также сравнительного характера.

Ключевые слова: образовательный дискурс ФРГ; дискурсивный анализ; вербальные маркеры оценки; оценочные высказывания; лексический анализ; учебно-методические комплексы немецкого языка; начальный уровень изучения.

Цитирование. Шукман В.Э. Вербальные маркеры оценки обучающимися учебно-методических комплексов немецкого языка в образовательном дискурсе ФРГ // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 172–182. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-172-182>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шукман В.Э., 2023

Виктория Эдуардовна Шукман – ассистент кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 26.01.2023
Revised: 27.02.2023
Accepted: 30.05.2023

Verbal markers of the learners' evaluation of the German language textbooks in the German educational discourse

V.E. Shukman

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: shukman.vi@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5027-147X>

Abstract: The article is devoted to the research of verbal markers of evaluation in the statements of foreigners studying German at the elementary level (A1) about the content of the German language textbooks in the German educational discourse. The problems of the research are connected with the low level of knowledge of the dynamic phenomenon of feedback and its verbalization in the form of evaluative statements of foreigners about the content of the German language textbooks offered to them in Germany in the field of learning German as a foreign language. The linguistic methods of the research were the discursive and lexical analysis of verbal markers of evaluation found in the evaluation statements of

the foreign learners. The language material was collected at the Language Centre of the Würzburg University (Germany) during a targeted survey of foreigners studying German at the elementary level (A1). The topicality of the research is due to the prospects of studying the axiological phenomenon of feedback in the German educational discourse, the diversity of the potential for cognitive variation of the thematic content and lexical content of the German language textbooks. The results obtained with the help of discursive and lexical analysis of verbal markers of evaluation demonstrate the diversity and reactions of foreigners to the content of the German language textbooks Netzwerk A1.1 – A1.2 and certain accents in the assessments of the content, process and learning outcomes based on them. The obtained results and conclusions are debatable, since with a general positive assessment of authentic German language textbooks, verbal markers of evaluation with a negative connotation are presented in the statements of foreigners, indicating aspects, attitudes, dominant content (primarily thematic relevance) that require correction and optimization in the modern global German educational discourse. According to the model of this research, another research can be carried out from the standpoint of discursive linguistics to verify aspects of evaluating educational strategies and coding key concepts, also a comparative one.

Key words: German educational discourse; discursive analysis; verbal markers of evaluation; evaluative statements; lexical analysis; German language textbooks; elementary level.

Citation. Shukman V.E. Verbal markers of the learners' evaluation of the German language textbooks in the German educational discourse. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 172–182. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-172-182>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shukman V.E., 2023

Viktoria E. Shukman – assistant lecturer of the Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Исследование посвящено дискурсивному и лексическому анализу вербальных маркеров оценки в оценочных высказываниях иностранцев, целенаправленно изучающих немецкий язык на начальном уровне (A1), о содержании учебно-методических комплексов (УМК) немецкого языка Netzwerk A1.1 – A1.2 (Netzwerk A1.1 2011; Netzwerk A1.2 2012) в образовательном дискурсе ФРГ. Оценка (оценочное высказывание) понимается как «высказывание, устанавливающее абсолютную или сравнительную ценность некоторого объекта» [Ивин 2012, с. 203].

УМК обладают большим дискурсивным потенциалом, т. к. они «создают базу для возникновения и функционирования образовательного дискурса как системы ценностно-смысловой коммуникации субъектов образовательного процесса» [Артюхова 2016, с. 2; Карасик 2004]. В них содержатся необходимый лексический материал, тематические ситуации, представленные в заданиях / упражнениях на разные виды речевой деятельности (чтение, аудирование, письмо, говорение), которые способствуют формированию у иностранцев в рамках образовательного дискурса ФРГ кроме навыков иноязычной речи новой когнитивной и языковой картины мира для полноценного общения, потенциальной социализации в ФРГ [Helbig 2001a; Helbig 2001 b; Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 a; Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 b].

Проблематика исследования состоит в том, что обратная связь в виде оценочных высказываний изучающих немецкий язык иностранцев о предлагаемых им в вузах и языковых центрах УМК, об их содержании, качестве образования в сфере изучения иностранцами немецкого языка в образовательном дискурсе ФРГ часто не учитывается. Но это играет большую роль в установках, при оптимизации методики преподавания, в совершенствовании УМК немецкого языка, в том числе

с лингво-когнитивной точки зрения. В частности, при отборе и компоновке лексического материала для УМК, при структурировании в образовательном дискурсе ФРГ концептосферы для иностранцев [Азмина 2016; Дубинин, Шевченко, Данилова, Кучумова 2015]. Под качеством образования мы понимаем «состояние и результативность процесса образования в обществе, его соответствие потребностям и ожиданиям общества» [Рямов 2012], что актуально для исследования образовательного дискурса в целом. Вербальные реакции иностранцев на качество образования, на предлагаемые ключевые концепты в образовательном дискурсе ФРГ при преподавании немецкого языка как иностранного изучены мало [Fäcke, Mehlmauer-Larcher 2017].

Целью исследования является определение с помощью анализа вербальных маркеров оценки в оценочных высказываниях иностранцев того, как и с помощью каких языковых средств они оценивают в образовательном дискурсе ФРГ востребованные УМК Netzwerk A1.1 – A1.2. Это в частности: их содержание, а конкретнее – темы, их наполнение, задания / упражнения на различные виды речевой деятельности, репрезентанты представленных в них ключевых концептов, в том числе концептов LERNEN, DEUTSCHLAND и других базовых для уровня A1 концептов [Шукман 2020, с. 144; Шукман, Дубинин 2020, с. 224–238; Шукман 2021, с. 280].

Для реализации цели исследования необходимо было решить следующие задачи: выделить целевую группу иностранцев как участников исследуемого типа дискурса, собрать и изучить информацию о них, систематизировать их оценочные высказывания касательно тем, заданий / упражнений на различные виды речевой деятельности в УМК Netzwerk A1.1 – A1.2, выделив вербальные маркеры оценки, проведя комплексный дискурсивный и лексический анализ.

Для сбора информации об обучающихся-иностранцах, их оценок был выбран метод опроса – один из основных и наиболее популярных для быстрого и качественного сбора информации: «<...> метод получения первичной социологической информации, основанный на непосредственной или опосредованной связи между исследователем и респондентом с целью получения от последнего необходимых данных в форме ответов на поставленные вопросы» (Зборовский, Шуклина 2016, с. 242). Благодаря опросу можно получить информацию о фактах, событиях, мнениях и оценках, что актуально для нашего исследования. У этого метода есть ряд достоинств: универсальность, поскольку он выступает как источник знания о внутренних побуждениях людей и одновременно о событиях прошлого и настоящего; гибкость, позволяя моделировать нужные исследователю ситуации; надежность, так как при наличии системы контроля он дает не менее достоверную и качественную информацию, чем при использовании методов изучения документов или наблюдения (Зборовский, Шуклина 2016, с. 242).

Анкетирование целевой группы представилось нам наиболее удобным видом опроса в сложившихся условиях: большое количество участников-иностранцев, низкий уровень владения немецким языком, ограниченное время. Оно представляет собой разновидность исследовательского метода опроса, позволяя на основе письменных ответов на предложенные вопросы выявить точки зрения, тенденции, имевшие место в группе респондентов (Педагогический словарь 2008, с. 33). Анкетирование в рамках исследования было групповым и проводилось в целевой аудитории в присутствии анкетера.

При обосновании исследования мы различали виды вопросов – открытый и закрытый виды анкетирования. Анкетирование закрытого типа предполагает выбор ответов из предложенных вариантов. Анкетирование открытого типа – самостоятельное конструирование ответа респондентом [Долженко, Позднякова 2015, с. 109]. Под анкетой мы подразумевали объединенную единым исследовательским замыслом систему вопросов, «направленных на выявление мнений и оценок респондентов и получение от них информации о социальных фактах, явлениях, процессах» (Зборовский, Шуклина 2016, с. 245). С целью сбора вербальных маркеров оценки в разработанной анкете представлены вопросы закрытого и открытого типа. Вопросы закрытого типа минимизируют уровень сложности процесса анкетирования для обучающихся с низким уровнем знания немецкого языка. Вопросы открытого типа способствуют проявлению индивидуальности, предоставляя обучающимся возможность более полно выразить собственное мнение.

На основе полученных результатов в оценочных высказываниях обучающихся-иностранцев были выявлены вербальные маркеры оценки –

лексические единицы (ЛЕ) с различной коннотацией, был проведен их дискурсивный и лексический анализ, подсчитаны вербальные маркеры с положительной, нейтральной, отрицательной коннотацией. Таким образом сформировалось представление об оценке обучающимися тем, заданий / упражнений на различные виды речевой деятельности, содержащих репрезентанты *a priori* ключевых для иностранцев концептов в сфере изучения немецкого языка на начальном уровне (A1) в образовательном дискурсе ФРГ на примере востребованных УМК немецкого языка Netzwerk A1.1 – A1.2.

Основная часть

1. Участники анкетирования. Для характеристики обучающихся, как участников образовательного дискурса ФРГ, для анализа оценки ими содержания – тем, заданий / упражнений на разные виды речевой деятельности в УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 в образовательном дискурсе ФРГ в ходе научно-исследовательской стипендии DAAD (2019–2020 гг.) в сотрудничестве с кафедрами немецкого языкознания¹ и дидактики немецкого языка и литературы², а также с Языковым центром Вюрцбургского университета³ были разработаны оценочные анкеты для обучающихся в Языковом центре иностранцев. Ведущие сотрудники указанных кафедр приняли участие в разработке анкет из 35 вопросов. Сотрудники Языкового центра университета предоставили возможность посещения занятий для наблюдения и анкетирования. Согласно закону ФРГ о защите персональных данных информация частично не общедоступна (имена, фамилии обучающихся, визовые сведения и пр.) и поэтому она нами не указана.

Анкета составлена с опорой на методические разработки и рекомендации GER⁴. Ее формат дает возможность выбора варианта ответа и написания открытого комментария. Формат с готовыми вариантами выбран в соответствии с уровнем языковой подготовки обучающихся, так как для изучающих немецкий язык на уровне A1 затруднительно написать развернутый комментарий. Часть с выбором варианта была обязательной, а сегмент с открытым комментарием заполнялся обучающимися по желанию. В анкете представлены наводящие вопросы, на которые следовало ответить, и сегменты фраз, которые надо было закончить, с целью выявить отношение обучающихся к разным аспектам, важным для реали-

¹ Lehrstuhl für deutsche Sprachwissenschaft (Universität Würzburg). URL: <https://www.germanistik.uni-wuerzburg.de/sprawi/startseite>.

² Lehrstuhl für Didaktik der deutschen Sprache und Literatur (Universität Würzburg). URL: <https://www.germanistik.uni-wuerzburg.de/lehrstuehle/lehrstuhl-fuer-didaktik-der-deutschen-sprache-und-literatur/startseite>.

³ ZFS/Zentrum für Sprachen (Universität Würzburg). URL: <https://www.uni-wuerzburg.de/zfs/startseite>.

⁴ GER: Gemeinsamer Europäischer Referenzrahmen für Sprachen. URL: <https://europaeischer-referenzrahmen.de/index.php>.

зации задач обучения по УМК Netzwerk A1.1 – A1.2. Данные собирались среди иностранцев, изучающих немецкий язык в Языковом центре Вюрцбургского университета в 2019–2020 учебном году среди групп A1/A2, имевших хорошее представление об указанных УМК.

Необходимо в целом охарактеризовать учебные группы анкетированных: участие приняли группы уровней A1/A2, занимавшиеся или закончившие обучение по УМК Netzwerk A1.1 – A1.2. Число обучающихся – 28 человек: 21 на уровне A1 (75 %), 7 на уровне A2 (25 %). В группах занимались лица в возрасте от 21 до 32 лет, из них: 20 женщин (71 %), 8 мужчин (29%); 20 магистрантов (71%), 7 бакалавров (25%), 1 слушатель не являлся студентом (4 %). Разнообразна представленность по направлениям основного обучения (с доминированием естественнонаучного профиля): биология (10), инженерия (4), экономика (4), химия (2), музыка (2), социология (2), политика (1), информатика (1), филология (1), без специальности (1). Отметим многообразие в учебных группах носителей разных языков и лингвокультур (почти половина романо-язычные): испанский (6), корейский (4), французский (3), итальянский (2), португальский (2), вьетнамский (1), финский (1), литовский (1), урду и пушту (1), непальский (1), телугу (1), турецкий (1), эстонский (1), персидский (1), уйгурский (1), русский (1), преобладание граждан из ЕС.

Цель 1-го и 2-го вопросов анкеты – определение предшествующего языкового опыта обучающихся: как долго они изучали немецкий язык, какие другие иностранные языки учили ранее. Согласно анкетированию, обучающиеся изучали ранее немецкий язык от 3-х месяцев до 3 лет: 5 месяцев (8), 1 год (7), 6 месяцев (3), 4 месяца (3), 10 месяцев (2), 3 месяца (2), 7 месяцев (1), 2 года (1), 3 года (1). Большинство учило немецкий 5 месяцев (условно полгода) или 1 год. Многие ранее изучали другие языки (в основном европейские), также несколько языков в комбинации: английский (26), французский (3), итальянский (2), китайский (2), турецкий, польский, испанский, шведский, датский, хинди по 1 человеку соответственно. Один анкетированный не изучал иностранных языков.

3-й вопрос касался того, как часто поурочно в Языковом центре используются основные компоненты УМК Netzwerk A1.1 – A1.2: учебник и рабочая тетрадь. Предлагались варианты с лексическими маркерами (pro Unterrichtsstunde): immer (80–100 %), oft (60–80 %), regelmäßig (40–60 %), manchmal (20–40 %), selten (0–20 %). 14 слушателей выбрали immer, 6 – oft, 5 – manchmal, 2 – regelmäßig, 1 – selten. По опыту большинства анкетированных доля работы по учебнику и рабочей тетради составила 60 – 100 %, следовательно, они как участники образовательного дискурса могли обоснованно и уверенно оценить УМК Netzwerk A1.1 – A1.2, их основные компоненты и содержание.

Цель 4-го вопроса – определить, как часто анкетированные используют в целом другие вспомогательные материалы УМК Netzwerk A1.1 – A1.2. 12 опрошенных выбрали selten, 7 – oft, 6 – manchmal, 3 – regelmäßig, 0 – immer. Прочие вспомогательные материалы УМК использовались опрошенными на занятиях не часто, поэтому мы не рассматривали их, ограничиваясь учебником, рабочей тетрадью и аудио-материалами.

Для объективации ситуации / содержания обучения важно, как часто востребованы на занятиях материалы других УМК, что отмечено в 5-м вопросе анкеты. 10 выбрали selten, 7 – regelmäßig, 6 – oft, 4 – manchmal, 1 – immer. Есть случаи использования материалов других УМК, но Netzwerk A1.1 – A1.2 – основные при изучении немецкого языка в опрашиваемых группах.

Характеристика анкетированных как участников исследуемого типа дискурса важна для понимания целевой аудитории – изучающих немецкий язык в ФРГ по УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 иностранцев. Это обучающиеся в Вюрцбургском университете на бакалаврских и магистерских программах по разным направлениям иностранцы разного пола, возраста, из разных стран и культур, с различным языковым опытом, которые изучали немецкий по УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 достаточно, чтобы дать им обоснованную оценку. Анкетированные группы – типичный пример интернациональных групп иностранцев, изучающих немецкий язык в ФРГ, в частности при вузах.

2. *Оценка тем и лексики в Netzwerk A1.1 – A1.2.* Основная часть исследования посвящена тому, какими оценочными лексическими средствами иностранцы – участники образовательного дискурса ФРГ характеризуют УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 касательно разных параметров. Мы рассмотрели обнаруженные в оценочных высказываниях вербальные маркеры оценки тем, лексики, заданий / упражнений на разные виды речевой деятельности (6–7-й и с 10-го по 22-й вопросы анкеты), что дает представление также об оценке иностранцами концептов, актуальных в исследуемом типе дискурса. Это LERNEN, DEUTSCHLAND и другие базовые для уровня A1 концепты.

6-й вопрос касался общей содержательной оценки УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 как цельного продукта. 14 обучающихся отметили – gut, 7 – sehr gut, 3 – befriedigend, 2 – ausreichend, 2 – mangelhaft; 13 – normal, 8 – interessant, 6 – sehr interessant, 1 – langweilig; 12 – sehr nützlich, 8 – nützlich, 6 – normal, 1 – nicht so nützlich, 1 – nicht nützlich; 0 – ungenügend / etwas langweilig. Около половины обучающихся оценило УМК Netzwerk A1.1 – A1.2 как хороший (50 %), достаточно интересный (46,4 %), очень полезный (42,9 %). Некоторые как очень хороший (25 %), интересный (28,6 %) / очень интересный (21,4 %), полезный (28,6 %) / достаточно полезный (21,4 %). Меньшинство как удовлетворительный (10,7 %) / достаточно хоро-

ший / недостаточно хороший (по 7,1 %), скучный / не очень полезный / бесполезный (по 3,6 %).

В поле для комментариев к этому вопросу 20 обучающихся (71,4 % опрошенных) вписали самостоятельно оценочные высказывания. Вербальные маркеры оценки в них выделены курсивом (некоторые представлены несколько раз) (30): *Alles passt mir gut*, *Die Grammatik ist nicht so gut organisiert*, *Das Buch ist sehr gut, mehr Partizip II-Tabellen*, *bitte*, *Es gibt keine Grammatikerklärung*. *Die Grammatik ist chaotisch, zu viele Themen – keine Logik, keine Entwicklung*. *Die Themen sind nicht ernst genug, gute Informationen*, *Das Buch enthält viele wichtige Themen für den Alltag in Deutschland, aber sie sind nicht aktuell, normale Informationen*, *Es gibt nicht so viele interessante Themen, hilfreich, einfach zu verwenden*, *Der Inhalt ist klar und leicht, verständlich*, *Das Buch ist praktisch und klar*, *Die Themen sind langweilig, aber das ist sehr hilfreich*, *die Grammatik zu üben*, *Die Materialien sind klar und einfach*. *Sie sind nützlich und den Kontext finde ich interessant*, *Die Bücher sind sehr gut, weil die Beispiele gut sind und die Grammatik einfach ist*, *Das ist klar, lustig. Klare Grammatik, einfache Dialoge*, *Das Buch hat viele Informationen und Bilder*. *Das ist einfach zu lernen*, *Es gibt gute Bilder für Verständnis*.

Из 30 вербальных маркеров оценки в 20 комментариях 19 с позитивной, 10 с негативной, 1 с нейтральной коннотацией. Позитивная оценка встречается чаще, и отмечено, что в УМК много хорошей информации, важных тем, они просты / понятны для восприятия, полезны, применимы в повседневной жизни. Лексика понятна, диалоги просты и жизненны, много визуализаций (картинок). Обучающиеся отметили важность для них семиотики лексического материала. Редкие отрицательно-оценочные высказывания характеризуют структуру УМК как хаотичную, лишенную логики, а темы как недостаточно актуальные, интересные и раскрытые.

7-й вопрос касался общей оценки в УМК конкретно тем и лексики. 15 обучающихся выбрали *interessant*, 7 – *normal*, 3 – *sehr interessant*, 3 – *etwas langweilig*; 17 – *aktuell*, 5 – *sehr aktuell*, 5 – *teilweise aktuell*, 1 – *meistens nicht aktuell*; 13 – *hilfreich im Alltag*, 8 – *sehr hilfreich im Alltag*, 7 – *mittelmäßig im Alltag*; 0 – *langweilig / nicht aktuell / teilweise wertlos im Alltag / wertlos im Alltag*. Около половины оценило темы / лексику в УМК как интересные (53,6 %), актуальные (60,7 %), полезные (46,4 %). Некоторые как достаточно интересные (25 %), очень полезные (28,6 %) / относительно полезные (25 %). Меньшинство как очень интересные / немного скучные (по 10,7 %), очень актуальные / частично актуальные (по 17,9 %) / не очень актуальные (3,6 %).

Среди 14 комментариев (50 % опрошенных) обнаружены вербальные маркеры оценки тем / лексики в УМК (13): *Ich kann Wortschatz benutzen*, *Die Verben sind schön*, *Das Buch orientiert sich nur an*

Deutschen und ist nicht interessant, *Ich kann Deutsch im Alltag sprechen*, zum Beispiel im Supermarkt, *Themen aus dem täglichen Leben wie Essen, persönliche Daten und Adresse, nützlich beim Einkaufen, Ähnlich dem Inhalt, der für andere Sprachen gefunden wurde*, *Die gelernten Wörter sind sehr nützlich*, *Ich benutze verschiedene Wörter im Alltag*, *Die Kapitel sind aktuell und die Themen benutzen wir im Alltag*, *Nützlich für den täglichen Gebrauch*. *Die Themen sind aktuell*, *Die Themen sind nicht speziell, aber gut, helfen mir im Alltag*, *Eine Wohnung finden, einkaufen, sich kennenlernen*, *Die Beispiele sind aktuell*.

Из них 11 маркеров с положительной оценкой, 3 с отрицательной, 1 с нейтральной. Анкетированные оценили темы, лексическое наполнение и представленные в УМК концепты положительно, используя значительно чаще ЛЕ, словосочетания, фразы с положительной коннотацией, а наличие *Ich-Form* – свидетельство их когнитивной активности. Очевидна важность для обучающихся актуальной тематической лексики повседневной сферы (Alltag).

Для общей оценки УМК Netzwerk A1.1 – A1.2, представленных тем и лексики анкетированные в основном выбрали вербальные маркеры оценки с положительной коннотацией (146 / 68,5 %), лишь иногда с нейтральной (45 / 21,1 %) и отрицательной (22 / 10,3 %). Они отметили, что содержание УМК актуально, тематическая лексика помогает им в жизни, важна и применима в разных повседневных ситуациях, т. е. формируемые УМК ключевые концепты актуальны, воспринимаемы иностранцами, расценены ими как необходимые для коммуникации в ФРГ, например, при знакомстве или в супермаркете.

3. *Оценка заданий / упражнений на развитие видов речевой деятельности*. Задания / упражнения (чтение, аудирование, говорение, письмо) играют большую роль при формировании ключевых концептов в процессе обучения по УМК, т. к. в них содержится актуальная для иностранцев лексика, вписанная в различные жизненные и ментальные ситуации. От эффективности заданий / упражнений зависит качество иноязычного образования и способность обучающихся к коммуникации в повседневной жизни в ФРГ.

10-й вопрос анкеты связан с разными видами речевой деятельности в целом, имея целью выяснить, развивают ли УМК навыки всех видов речевой деятельности с точки зрения обучающихся или нет. Анкетированные посчитали, что УМК: *das Hörverständnis verbessern* (25), *das Hörverständnis nicht verbessern* (3), *das Sprechen verbessern* (15), *das Sprechen nicht verbessern* (13), *das Leseverständnis verbessern* (27), *das Leseverständnis nicht verbessern* (1), *das Schreiben verbessern* (23), *das Schreiben nicht verbessern* (5). Абсолютное большинство посчитало эти УМК полезными для развития навыков чтения (96,4 %), аудирования (89,3 %) и письма (82,1 %). Меньшинство полагало, что УМК не развивают навыки письма (17,9 %), аудирования

(10,7 %), чтения (3,6 %). Касательно развития навыков говорения мнения разделились почти поровну: 15 обучающихся считали УМК полезными (53,6 %), а 13 – бесполезными (46,4 %).

11-й, 12-й и 13-й вопросы имели целью обнаружение конкретных лексических средств оценки аудирования в УМК. В 11-м вопросе нужно было дать оценку текстам для аудирования и представленным в них ситуациям. 9 анкетированных указали *normal*, 8 – *interessant*, 5 – *sehr interessant*, 4 – *etwas langweilig*, 2 – *langweilig*; 14 – *aktuell*, 8 – *teilweise aktuell*, 4 – *sehr aktuell*, 2 – *meistens nicht aktuell*; 13 – *hilfreich im Alltag*, 6 – *mittelmäßig im Alltag*, 5 – *sehr hilfreich im Alltag*, 4 – *teilweise wertlos im Alltag*; 0 – *nicht aktuell / wertlos im Alltag*. Около половины посчитало выбранные для аудирования тексты и ситуации актуальными (50 %) и полезными (46,4 %). Некоторые – достаточно интересными (32,1 %) / интересными / частично актуальными (по 28,6 %), частично полезными (21,4 %). Меньшинство определило их как очень интересные / очень полезные (по 17,9 %), очень актуальные (14,3 %), но также и как немного скучные (14,3 %) / скучные / по большей мере неактуальные (по 7,1 %), частично бесполезные (14,3 %).

В 13 комментариях (46,4 % опрошенных) обнаружены вербальные маркеры оценки текстов / ситуаций для аудирования (22): *Die Themen sind primitiv, man erfährt nichts Neues über das Leben in Deutschland, Ich habe keinen deutschen Freund. Ich mache nicht diese Aktivitäten, Ich habe keinen CD-Player, CD ist veraltet, niemand hat CD-Geräte, praktische Themen, normale Audios, aber manchmal nicht leicht zu verstehen, Sie sind manchmal langweilig und ohne Interesse, Sie sind ein bisschen veraltet und nicht klar, Ich finde die Hörtexte monoton. Die Struktur ist klar, aktuell und hilfreich im Alltag, aber die Gespräche sind sehr monoton, einfach zu folgen, Ich finde die CD alt: Warum ist das nicht online? Ich benutze CDs nie und kann das Hörverstehen nicht machen, Verwendung der gleichen Sätze, Die Hörtexte sind sehr schnell zu verstehen, nicht einfach für die Anfänger.*

Из них 16 маркеров с отрицательной коннотацией, 5 с положительной, 1 с нейтральной. Употребление *Ich-Form* также свидетельствовало о когнитивной активности опрошенных. Анкетированные отметили, что темы для аудирования примитивны, скучны, сложны для начинающих, а использование CD – устаревшая опция. Задания / упражнения на аудирование при общей положительной оценке не формируют, не развивают ментально в достаточной мере необходимые иностранцам концепты, например, DEUTSCHLAND. Лишь немногие маркеры указывали на пользу таких заданий для иностранцев.

В 12-м вопросе в отношении заданий / упражнений на аудирование 10 обучающихся отметили *normal*, 9 – *interessant*, 4 – *sehr interessant*, 3 – *etwas langweilig*, 2 – *langweilig*; 10 – *nützlich*, 10 – *nor-*

mal, 5 – *sehr nützlich*, 2 – *nicht so nützlich*, 1 – *nicht nützlich*; 14 – *klar strukturiert*, 7 – *normal strukturiert*, 4 – *teilweise schlecht strukturiert*, 3 – *sehr klar strukturiert*, 0 – *schlecht strukturiert*. Около половины отметило, что задания / упражнения для аудирования понятно структурированы (50 %). Некоторые – достаточно интересны (35,7 %) / интересны (32,1 %), достаточно полезны / полезны (по 35,7 %), достаточно понятно структурированы (25 %). Меньшинство – очень интересны (14,3 %), очень полезны (17,9 %), очень понятно структурированы (10,7 %), но и также немного скучны (10,7 %) / скучны (7,1 %), не особо полезны (7,1 %) / бесполезны (3,6 %), местами плохо структурированы (14,3 %).

В 9 дополнительных комментариях (32,1 % опрошенных) отмечены немногие вербальные маркеры оценки заданий / упражнений на аудирование (12): *Manchmal sind die Antworten und Dialoge ähnlich und unklar, Manchmal verstehe ich viele Wörter nicht, zu schnell, manchmal schwer zu folgen, ein bisschen alt, nicht klar, langweilig, weil es monoton ist, einfach zu folgen und zu verstehen, interessant, aber zu kurz.* Только 2 ЛЕ с положительной оценкой, 10 маркеров отрицательные. Иностранцы считают, что задания / упражнения сложные, устарели, скучны, а данный формат препятствует формированию и развитию новой для них концептосферы.

В 13-м вопросе анкетированным предложено отметить навыки, которые они могут приобрести с помощью заданий / упражнений на аудирование в УМК. 19 обучающихся указали – *typische Lexik für verschiedene Situationen hören und dann benutzen*, 18 – *Informationen für die Kommunikation bekommen*, 17 – *kurze und lange Monologe und Dialoge hören und verstehen*, 17 – *Aussprache der Muttersprachler hören*, 8 – *Informationen über Deutschland bekommen*. 67,9 % опрошенных отметило, что могут распознать / использовать типичную для различных ситуаций лексику, 64,3 % – получать полезную для коммуникации информацию, 60,7 % – научиться слушать, понимать короткие монологи / диалоги, слушать речь носителей языка, 28,6 % – получить информацию о ФРГ. При общей положительной оценке очевидно желание обучающихся улучшить качество аудирования, актуализировать темы, ситуации, содержащие репрезентанты ключевых концептов аудиотексты, проработать подачу материала, представленность данных репрезентантов в заданиях / упражнениях.

14-й, 15-й и 16-й вопросы нацелены на выявление оценки обучения говорению в УМК. В 14-м вопросе обучающиеся оценили ситуации для развития навыка говорения. 12 выбрали *normal*, 9 – *interessant*, 6 – *sehr interessant*, 1 – *langweilig*; 19 – *aktuell*, 4 – *sehr aktuell*, 4 – *teilweise aktuell*, 1 – *meistens nicht aktuell*; 12 – *hilfreich im Alltag*, 10 – *mittelmäßig im Alltag*, 4 – *sehr hilfreich im Alltag*, 2 – *teilweise wertlos im Alltag*; 0 – *etwas langweilig / nicht aktuell / wertlos im Alltag*. Большинство

обучающихся определило ситуации для говорения как актуальные (67,9 %). Около половины как достаточно интересные / полезные (по 42,9 %). Примерно третья часть как интересные (32,1 %) / очень интересные (21,4 %), относительно полезные (35,7 %). Меньшинство как очень актуальные / очень полезные (по 14,3 %), но и как скучные (3,6 %), частично актуальные (14,3 %) / почти неактуальные (3,6 %), почти бесполезные (7,1 %).

В 11 комментариях (39,3 % опрошенных) выявлены вербальные маркеры оценки ситуаций, представленных в блоке говорения (20): *Nicht alle Situationen sind praktisch. Meine deutschen Freunde finden einige Sätze komisch, Das Leben ist bunter und internationaler als im Buch. Situationen sind künstlich, zu viele Klischees, die gleichen Diskussionen im Alltag, Sie sind nicht immer hilfreich, aber interessant, Die Sprechsituationen sind klar, aber nicht aktuell, aktuell und hilfreich, aber langweilig, weil die Gespräche monoton sind, Ich benutze das nicht, es ist nützlich, jeden Tag zu benutzen, manchmal ist es schwer zu folgen, gut genug, hilfreich im Alltag, aber nicht interessant.* Из них 12 с отрицательной коннотацией, 8 с положительной. Отрицательно-оценочные маркеры демонстрируют, что для иностранцев ситуации искусственны, содержат много клише, неактуальны, скучны, шаблонны и опосредованы только ФРГ. Обучающиеся ссылались и на опыт знакомых немцев – носителей языка, которые тоже расценили ситуации как «странные». Лишь некоторые вербальные маркеры показали, что темы для говорения в целом интересны, актуальны, полезны и формируют необходимые концепты.

В 15-м вопросе анкетированные оценили задания / упражнения для говорения. 9 отметили *interessant*, 9 – *normal*, 5 – *sehr interessant*, 4 – *etwas langweilig*, 1 – *langweilig*; 11 – *nützlich*, 8 – *normal*, 7 – *sehr nützlich*, 2 – *nicht so nützlich*; 16 – *klar strukturiert*, 5 – *sehr klar strukturiert*, 5 – *normal strukturiert*, 2 – *teilweise schlecht strukturiert*; 0 – *nicht nützlich / schlecht strukturiert*. Более половины определило задания / упражнения как понятно структурированные (57,1 %). Некоторые как интересные / достаточно интересные (по 32,1 %), полезные (39,3 %) / достаточно полезные (28,6 %) / очень полезные (25 %). Меньшинство как очень интересные / с очень четкой структурой (по 17,9 %), но и немного скучные (14,3 %) / скучные (3,6 %), не очень полезные (7,1 %), нормально структурированные (17,9 %) / частично плохо структурированные (7,1 %).

В 11 комментариях (39,3 % опрошенных) представлены вербальные маркеры оценки заданий / упражнений на говорение (12): *Dialoge brauchen Übung und es ist langweilig, dasselbe zu wiederholen, zu viele Klischees, mehr Kommunikationsübungen sind erforderlich, Sie sind lustig und ich kann sie im Alltag benutzen, Übungen zum Sprechen sind ok, Es hilft mir, Wörter zu lernen, Es zwingt mich, auf Deutsch zu denken, nützlich, um Grammatik und Wortschatz*

zu üben, nicht genug, nicht interessant, Situationen nicht verstehen, langweilig. Употребление *Ich-Form* вновь свидетельствует о когнитивной активности обучающихся. В комментариях 6 маркеров с отрицательной коннотацией, 5 с положительной, 1 с нейтральной. Половина иностранцев считала, что в заданиях / упражнениях много клише, они скучны, другая часть – задания / упражнения помогают в повседневном общении, освоении лексики / грамматики. Отметим запрос на улучшение доли устных коммуникативных упражнений, что демонстрирует желание иностранцев актуализировать уже воспринятые, освоенные ими концепты в устной речи.

В 16-м вопросе анкетированные должны были выбрать навыки, которые помогают им освоить задания / упражнения на говорение из УМК. 20 обучающихся отметили – *meine Aussprache trainieren*, 12 – *Dialoge im Alltag führen*, 12 – *mich in der Situation des Sprechens sicherer fühlen*. 71,4 % считало, что данные упражнения помогают тренировать произношение, 42,9 % – способствуют развитию навыка ведения диалога в повседневных ситуациях, помогают чувствовать себя увереннее в процессе говорения. Отметим запрос обучающихся на актуализацию тем, заданий / упражнений на говорение, на их развитие и направленность на современное содержание – соответственно, на освоение и использование в устной речи современной лексики, репрезентирующей ключевые концепты на уровне A1.

В 17-м, 18-м и 19-м вопросах предлагалось оценить тексты для чтения, представленные в них ситуации, задания / упражнения к ним. В 17-м вопросе 14 анкетированных отметили касательно текстов для чтения и ситуаций в них *interessant*, 7 – *normal*, 6 – *sehr interessant*, 1 – *etwas langweilig*; 14 – *aktuell*, 7 – *teilweise aktuell*, 6 – *sehr aktuell*, 1 – *meistens nicht aktuell*; 12 – *hilfreich im Alltag*, 8 – *mittelmäßig im Alltag*, 7 – *sehr hilfreich im Alltag*, 1 – *teilweise wertlos im Alltag*; 0 – *langweilig / nicht aktuell / wertlos im Alltag*. Около половины оценило тексты для чтения / ситуации как интересные / актуальные (по 50 %), полезные (42,9 %). Некоторые как достаточно интересные (25 %) / очень интересные (21,4 %), частично актуальные (25 %) / очень актуальные (21,4 %), достаточно полезные (28,6 %) / очень полезные (25 %). Меньшинство как немного скучные / в большей мере неактуальные / местами бесполезные (по 3,6 %).

В 10 комментариях (лишь 35,7 % опрошенных) обнаружены вербальные маркеры оценки текстов для чтения и ситуаций в них (17): *Einige Nachrichten und Ankündigungen sind etwas alt, Es gibt keine Texte, nur einige Sätze. Zu wenig. Es gibt keine Zitate aus der Literatur, keine Märchen, keine Erzählungen, Sie sind interessant und ich bin glücklich, Texte zu lesen, Einige Themen sind nicht interessant, Die Lesetexte finde ich ok, gute Wörter, Die Texte sind ähnlich wie die Übungstexte in Frankreich, immer dieselbe Themen, aber es hilft mir, interessante Fakten, nicht*

zu schwer, Ich weiß nicht, wie man es im Alltag benutzt. Из них 10 с отрицательной коннотацией, 6 с положительной и 1 с нейтральной. Обучающиеся отметили, что тексты устарели, неинтересны, не хватает цитат из литературы, сказок, что показывает ориентацию обучающихся на прецедентные тексты немецкой культуры. Но немало тех, кто посчитал тексты / ситуации интересными, помогающими ориентации в повседневной жизни, содержащими интересные факты.

В 18-м вопросе дана оценка заданиям / упражнениям на тренировку чтения. 12 выбрали *interessant*, 10 – *normal*, 5 – *sehr interessant*, 1 – *etwas langweilig*; 15 – *nützlich*, 6 – *sehr nützlich*, 6 – *normal*, 1 – *nicht so nützlich*; 12 – *klar strukturiert*, 8 – *normal strukturiert*, 7 – *sehr klar strukturiert*, 1 – *teilweise schlecht strukturiert*; 0 – *langweilig / nicht nützlich / schlecht strukturiert*. Около половины оценили задания / упражнения как интересные (42,9 %), полезные (53,6 %), понятно структурированные (42,9 %). Некоторые как достаточно интересные (35,7 %), очень полезные / средне полезные (по 21,4 %), достаточно понятно структурированные (28,6 %) / очень четко структурированные (25 %). Меньшинство как очень интересные (17,9 %), немного скучные / не очень полезные / местами плохо структурированные (по 3,6 %).

Среди 9 комментариев (только 32,1 % опрошенных) обнаружены следующие вербальные маркеры оценки заданий / упражнений на развитие навыка чтения (11): *schlecht strukturiert, aber schwierig für die Anfänger, kurze Dialoge, verständliche E-Mails, Einige Themen sind nicht interessant oder aktuell, Die Übungen zum Lesen finde ich ok, ziemlich interessant, klar zu folgen, nicht zu lang, nichts Neues*. Среди них 6 с отрицательной коннотацией, 3 с положительной, 2 с нейтральной. Многие ЛЕ указывают, что упражнения плохо структурированы, сложны для начинающих, неинтересны / неактуальны, не содержат ничего нового. Но некоторые демонстрируют, что упражнения интересны, понятны. Обучающиеся вновь подчеркнули желание новизны в тематике, актуальности ситуаций и лексики, которую они могли бы распознавать при чтении аутентичных текстов в ФРГ.

В 19-м вопросе предлагалось указать навыки чтения, которые помогают освоить материал УМК в процессе обучения. 24 анкетированных указали *neue Lexik für das Schreiben und das Sprechen kennenlernen*, 17 – *kurze und lange Lesetexte verstehen*, 14 – *Hauptinformationen aus verschiedenen Texten bekommen und zusammenfassen*, 7 – *detaillierte Informationen aus verschiedenen Texten bekommen*, 4 – *Sachtexte und literarische Texte und verschiedene Textsorten verstehen*. 85,7 % обучающихся отметили возможность получения новой лексики из текстов для чтения и заданий / упражнений к ним. 60,7 % указали, что задания / упражнения облегчили понимание кратких и длинных текстов на немецком языке. 50 % отметили возможность выделять в текстах основную информацию, обобщая

ее. 25 % научились распознавать детально информацию в текстах. 14,3 % обозначили, что задания / упражнения на чтение способствуют пониманию специализированных, литературных и других типов текстов. При общей положительной оценке присутствуют многие комментарии с вербальными маркерами с отрицательной коннотацией. Обучающиеся ориентированы на получение современной, актуальной информации, полезной при чтении в ситуациях в ФРГ, чего недостаточно в УМК. Отмечено отсутствие в текстах УМК современных, актуальных для иностранцев ЛЕ – репрезентантов концептов, которые они хотят распознавать при чтении разных типов текстов.

20-й, 21-й, 22-й вопросы демонстрируют отношение обучающихся к темам, заданиям / упражнениям для развития навыка письма. В 20-м вопросе предлагалось оценить темы для письма. 12 обучающихся выбрали *interessant*, 10 – *normal*, 3 – *sehr interessant*, 2 – *etwas langweilig*, 1 – *langweilig*; 18 – *aktuell*, 7 – *teilweise aktuell*, 3 – *sehr aktuell*; 15 – *hilfreich im Alltag*, 9 – *mittelmäßig im Alltag*, 4 – *sehr hilfreich im Alltag*; 0 – *meistens nicht aktuell / nicht aktuell / teilweise wertlos im Alltag / wertlos im Alltag*. Многие обучающихся оценили темы для письма как актуальные (64,3 %). Около половины как интересные (42,9 %), полезные (53,6 %). Некоторые как достаточно интересные (35,7 %), частично актуальные (25 %), относительно полезные (32,1 %). Меньшинство – как очень интересные / очень актуальные (по 10,7 %), очень полезные (14,3 %), но и как немного скучные (7,1 %) / скучные (3,6 %).

Среди 9 комментариев (лишь 32,1 % опрошенных) представлены вербальные маркеры оценки тем для письма (11): *Es gibt auch andere Textsorten, die ich lernen möchte, Nicht nur E-Mails, aktuelle Themen, Hilfe beim Erlernen neuer Lexik, Die Themen für das Schreiben sind wie die Themen für das Lesen. So finde ich das etwas repetitiv. Aber das ist eine gute Übung, Wir verwenden Wörter, die wir im Nachhinein verwenden können, klar zu folgen, weit verbreitet, Die Themen zum Schreiben sind aktuell, aber langweilig, Ich möchte Bilder für das Schreiben*. Из них 7 ответов с положительной оценкой, 4 – с отрицательной. Обучающиеся отметили, что темы понятны, актуальны, полезны. Но есть ЛЕ / словосочетания, указывающие на однообразность тем для письма, что оценено отрицательно. Очевидна потребность узнавать, создавать другие типы текстов, встречающиеся в разных дискурсах ФРГ.

Цель 21-го вопроса – выявление отношения обучающихся к заданиям / упражнениям на письмо. 11 обозначили *interessant*, 10 – *normal*, 4 – *sehr interessant*, 3 – *etwas langweilig*; 15 – *nützlich*, 7 – *normal*, 4 – *sehr nützlich*, 2 – *nicht so nützlich*; 15 – *klar strukturiert*, 8 – *normal strukturiert*, 4 – *sehr klar strukturiert*, 1 – *schlecht strukturiert*; 0 – *langweilig / nicht nützlich / teilweise schlecht strukturiert*. Около половины обучающихся оценило задания /

упражнения для развития навыка письма как полезные / понятно структурированные (по 53,6 %). Некоторые как интересные (39,3 %) / достаточно интересные (35,7 %), достаточно полезные (25 %), достаточно понятно структурированные (28,6 %). Меньшинство – как очень интересные / очень полезные / очень понятно структурированные (по 14,3 %), но и как немного скучные (10,7 %), не очень полезные (7,1 %), плохо структурированные (3,6 %).

В 8 комментариях (только 28,6 % опрошенных) обнаружены вербальные маркеры оценки заданий / упражнений на письмо (11): *Man muss keinen selbständigen Aufsatz schreiben, zum Erlernen der Grundlagen der Sprache gemacht, neue Lexik lernen und das Schreiben verbessern, Die Übungen zum Schreiben sind etwas langweilig, weil sie immer zu gleichen Themen sind, aber das ist eine gute Übung, manchmal schwer zu verstehen, klar zu folgen, die Rechtschreibung üben, Die Übungen zum Schreiben sind etwas langweilig und normal.* 6 с положительной коннотацией, 4 с отрицательной, 1 с нейтральной. По мнению обучающихся, задания / упражнения на развитие навыка письма в УМК скучны / однообразны, но способствуют тренировке этого навыка. Отмечено ограничение возможности развития собственных идей в письме.

22-й вопрос касался оценки развития навыков письма с помощью заданий / упражнений в УМК. 23 участника отметили *schriftlich kommunizieren* (Briefe, E-Mails), 15 – *Notizen machen*, 5 – *Aufsätze zu verschiedenen Themen schreiben*, 3 – *kreative und fiktionale Texte schreiben*. 82,1 % обучающихся считали, что задания / упражнения на письмо очень полезны для развития форм письменной коммуникации, 53,6 % – умения оформлять небольшие записи. Для 17,9 % УМК помогли научиться писать сочинения на различные темы, для 10,7 % – креативные тексты. При общей положительной оценке тем, заданий / упражнений на развитие навыка письма присутствуют вербальные маркеры оценки с отрицательной коннотацией. Иностранцев беспокоит однообразие тем и форматов письменных заданий / упражнений (в основном это мейлы), ведь адаптация в ФРГ подразумевает и освоение других форматов текстов уже на начальной стадии пребывания в стране (формуляры, заявления, договоры и др.).

В целом иностранцы – участники данного курса характеризуют ситуации в заданиях / упражнениях на развитие различных видов речевой деятельности и их форматы позитивно, используя вербальные маркеры оценки с положительной (792 / 69,8 %) и с нейтральной (201 / 17,7 %) коннотацией. Но встречаются и значимые вербальные маркеры с отрицательной коннотацией (142 / 12,5 %), которые указывают на дефицит актуальных тематических ситуаций в заданиях / упражнениях, современной лексики в ключевых концептах в образовательном дискурсе ФРГ. Так, задания / упражнения УМК уровня А1 недостаточно акту-

альны для формирования и развития ключевых концептов для адекватного участия иностранцев в различных дискурсах в ФРГ.

Заключение

Для аналитики образовательного дискурса ФРГ в сфере изучения немецкого языка иностранцами важно исследовать образовательный дискурс как динамический дискурс о качестве и содержании получаемого в этой сфере образования. Это анализ оценок обучающимися в востребованных УМК лексики, тем, заданий / упражнений на развитие разных видов речевой деятельности, содержащих репрезентанты ключевых концептов (LERNEN, DEUTSCHLAND, других базовых на уровне А1 концептов) для формирования новой языковой и когнитивной картины мира у иностранцев для пребывания в ФРГ.

При общей оценке востребованного в ФРГ УМК *Netzwerk A1.1 – A1.2*, тем, лексики, заданий / упражнений на развитие различных видов речевой деятельности и содержащихся в них репрезентантов ключевых для уровня А1 концептов опрошенными участниками дискурса в основном были выбраны вербальные маркеры оценки с положительной (938 / 69,6 %), реже с нейтральной (246 / 18,2 %) коннотацией. Вербальные маркеры оценки с отрицательной коннотацией (164 / 12,2 %) тоже имели значение, что указало на аспекты, которые важно развивать, улучшать, оптимально адаптируя для изучающих в ФРГ немецкий язык иностранцев. Это касается и корректировки содержания ключевых концептов в УМК (DEUTSCHLAND, EINKAUF, WOHNEN и другие базовые для уровня А1).

При общей положительной оценке УМК в анкетах обнаружено немало отрицательных вербальных маркеров оценки в поле для свободного комментирования, которое заполняли от 28,6 до 71,4 % опрошенных (чаще около трети). Негативные комментарии представили собой критические высказывания обучающихся, касаясь недостаточной актуальности содержания УМК в тематическом / лексическом планах. Вербальные маркеры оценки с отрицательной коннотацией демонстрируют ориентацию обучающихся на подготовку к коммуникации в современном немецкоязычном сообществе ФРГ, желание вести устную / письменную коммуникацию на базе целого спектра текстотипов на современные, актуальные и жизненные темы.

Используя *Ich-Form* и персонализируя свое мнение, многие иностранцы отмечали в комментариях, что не получают новой информации о ФРГ (концепт DEUTSCHLAND). Для некоторых непонятными были содержание и структура заданий / упражнений (концепт LERNEN). Лексический материал для повседневной устной и письменной коммуникации (базовые для уровня А1 концепты) они получают, но среди ЛЕ им не хватает современных, актуальных для жизни в ФРГ, а ситуации

в УМК также искусственны, однообразны. Это требует расширения / корректировки ключевых концептов в УМК и в образовательном дискурсе ФРГ, добавления новых современных ЛЕ и моделирование актуальных ситуаций их употребления.

В дальнейших исследованиях оценочных высказываний о разных УМК уровня А1, анализируя вербальные маркеры оценки с разной коннотаци-

ей, можно прогнозировать когнитивные ожидания обучающихся-иностранцев от изучения немецкого языка, коррелируя, изменяя лексическое наполнение УМК, оптимально моделируя ключевые в образовательном дискурсе ФРГ концепты в соответствии как с установками авторов УМК и требованиями стандартов А1, так и с потребностями иностранцев, проживающих в современной ФРГ.

Материалы исследования

DUDEN – *DUDEN online*. URL: <https://www.duden.de>.

Netzwerk A1.1 2011 – *Dengler St., Rusch P., Schmitz H., Sieber T.* (2011) Netzwerk A1.1. Berlin und München: Langenscheidt KG, 167 S.

Netzwerk A1.2 2012 – *Dengler St., Rusch P., Schmitz H., Sieber T.* (2012) Netzwerk A1.2. Berlin und München: Langenscheidt KG, 160 S.

Зборовский, Шуклина 2016 – *Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А.* Эмпирическая социология: учеб. для вузов. Сургут: РИО СурГПУ, 2016. 313 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/41599/1/978-5-93190-328-6_2016.pdf.

Педагогический словарь 2008 – *Педагогический словарь: учебное пособие / под ред. В.И. Загвязинского, А.Ф. Закировой.* Москва: Академия, 2008. 352 с. URL: https://academia-moscow.ru/ftp_share/_books/fragments/fragment_19170.pdf.

Библиографический список

Fäcke, Mehlmauer-Larcher 2017 – *Fäcke Ch., Mehlmauer-Larcher B.* Fremdsprachliche Lehrmaterialien – Forschung, Analyse und Rezeption. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 2017, 274 S. URL: <https://linguistlist.org/issues/28/28-2336.html>.

Helbig 2001 a – *Helbig G. (Ed.)* Deutsch als Fremdsprache: ein internationales Handbuch, 1. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 2001 a. 776 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=pdARLfvIY1QC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Helbig 2001 b – *Helbig G. (Ed.)* Deutsch als Fremdsprache: ein internationales Handbuch, 2. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 2001 b. 942 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=iEYm3bwQjZYC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 a – *Krumm H.-Jür., Fandrych Ch., Hufeisen B., Riemer C. (Eds.)* Deutsch als Fremd- und Zweitsprache – Ein internationales Handbuch, 1. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 2010 a, 1072 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110240245>.

Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 b – *Krumm H.-Jür., Fandrych Ch., Hufeisen B., Riemer C. (Eds.)* Deutsch als Fremd- und Zweitsprache – Ein internationales Handbuch, 2. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 2010 b. 822 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110240252>.

Азмина 2016 – *Азмина (Густомясова) Т.И.* Лингвокультурные концепты в обучении иностранным языкам в современном вузе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 15. С. 191–195. URL: <https://e-koncept.ru/2016/86939.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25917909>. EDN: <https://elibrary.ru/vvefan>.

Артюхова 2016 – *Артюхова И.С.* Аксиологические основания концептуального анализа образовательного дискурса // Universum: психология и образование. 2016. № 9 (27). С. 7–10. URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/3551>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26585911>. EDN: <https://elibrary.ru/wjugsj>.

Долженко, Позднякова 2015 – *Долженко Ю.Ю., Позднякова А.С.* Онлайн-анкетирование как современный и эффективный способ исследования // Транспортное дело России. 2015. № 1. С. 109–110. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-anketirovanie-kak-sovremennuyu-i-effektivnyuyu-sposob-issledovaniya>.

Дубинин, Шевченко, Данилова, Кучумова 2015 – *Дубинин С.И., Шевченко В.Д., Данилова Н.К., Кучумова Г.В.* Миры дискурса: монография; под общ. ред. Н.К. Даниловой. Самара: Самарский университет, 2015. 240 с.

Ивин 2012 – *Ивин А.А.* Оценка в процессах коммуникации // Философия науки и техники, 2012. Т. 17, № 1. С. 203–213. URL: http://intelros.ru/pdf/Philos_nauki/2012_17/14.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23183690>. EDN: <https://elibrary.ru/tninzv>.

Карасик 2004 – *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2019/Карасик_Языковой.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>.

Рямов 2012 – *Рямов Р.Ф.* Оценка качества образования – инструмент воздействия на развитие системы образования // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17, № 3. С. 1423–1425. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-obrazovaniya-instrument-vozdeystviya-na-razvitie-sistemy-obrazovaniya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18242074>. EDN: <https://elibrary.ru/pjczeh>.

Шукман 2020 – Шукман В.Э. Концепт «Германия» в учебниках немецкого языка для начального уровня: лингвокультурные маркеры // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. Самара, 2020. Т. 26, № 2. С. 144–153. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-144-153>. EDN: <https://elibrary.ru/mfohom>.

Шукман, Дубинин 2020 – Шукман В.Э., Дубинин С.И. Концепт LERNEN как когнитивная доминанта образовательного дискурса (на материале учебников немецкого языка) // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Т. 162, № 5. С. 224–238. URL: https://kpfu.ru/portal/docs/F2032744243/162_5_gum_16.pdf. DOI: <http://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.5.224-238>.

Шукман 2021 – Шукман В.Э. Базовые концепты в учебниках немецкого языка для иностранцев в образовательном дискурсе ФРГ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 280–294. DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-280-294>. EDN: <https://elibrary.ru/imxobz>.

References

Fäcke, Mehlmauer-Larcher 2017 – Fäcke Ch., Mehlmauer-Larcher B. (2017) Fremdsprachliche Lehrmaterialien – Forschung, Analyse und Rezeption. Frankfurt am Main; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Warszawa; Wien: Peter Lang, 274 S. Available at: <https://linguistlist.org/issues/28/28-2336.html>.

Helbig 2001 a – Helbig G. (Ed.) (2001 a) Deutsch als Fremdsprache: ein internationales Handbuch, 1. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 776 S. Available at: <https://books.google.ru/books?id=pdARLfVIY1QC&printsec=copyright&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Helbig 2001 b – Helbig G. (Ed.) (2001 b) Deutsch als Fremdsprache: ein internationales Handbuch, 2. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 942 S. Available at: <https://books.google.ru/books?id=iEYm3bwQjZYC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 a – Krumm H.-Jür., Fandrych Ch., Hufeisen B. and Riemer C. (Eds.) (2010 a) Deutsch als Fremd- und Zweitsprache – Ein internationales Handbuch, 1. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 1072 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110240245>.

Krumm, Fandrych, Hufeisen, Riemer 2010 b – Krumm H.-Jür., Fandrych Ch., Hufeisen B. and Riemer C. (Eds.) (2010 b) Deutsch als Fremd- und Zweitsprache – Ein internationales Handbuch, 2. Halbband. Berlin: W. de Gruyter, 822 S. DOI: <http://doi.org/10.1515/9783110240252>.

Azmina 2016 – Azmina (Gustomyasova) T.I. (2016) Linguistic and cultural concepts in learning foreign languages in a modern university. *Scientific and methodological electronic journal «Koncept»*, vol. 15, pp. 191–195. Available at: <https://e-koncept.ru/2016/86939.htm>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25917909>. EDN: <https://elibrary.ru/vvefan>. (In Russ.)

Artyukhova 2016 – Artyukhova I.S. (2016) Axiological foundations of the conceptual analysis of educational discourse. *Universum: psychology and education*, no. 9 (27), pp. 7–10. Available at: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/3551>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=26585911>. EDN: <https://elibrary.ru/wjugsj>. (In Russ.)

Dolzhenko, Pozdnyakova 2015 – Dolzhenko Y.Y., Pozdnyakova A.S. (2015) Online questionnaire survey as a modern and effective way of research. *Transport Business in Russia*, no. 1, pp. 109–110. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/onlayn-anketirovanie-kak-sovremennyy-i-effektivnyy-sposob-issledovaniya>. (In Russ.)

Dubinina, Shevchenko, Danilova, Kuchumova 2015 – Dubinina S.I., Shevchenko V.D., Danilova N.K., Kuchumova G.V. (2015) Worlds of discourse: monograph; Danilova N.K. (Ed.). Samara: Samarskii universitet, 240 p. (In Russ.)

Ivin 2012 – Ivin A.A. (2012) Estimation in the process of communication. *Philosophy of Science and Technology*, vol. 17, no. 1, pp. 203–213. Available at: http://intelros.ru/pdf/Philos_nauki/2012_17/14.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23183690>. EDN: <https://elibrary.ru/tninzv>. (In Russ.)

Karasik 2004 – Karasik V.I. (2004) Language circle: personality, concepts, discourse. Moscow: Gnozis, 390 p. Available at: http://library.lgaki.info:404/2019/Карасик_Языковой.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>. (In Russ.)

Ryamov 2012 – Ryamov R.F. (2012) Evaluation of education quality as a tool of influencing education development. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 17, no. 3, pp. 1423–1425. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-kachestva-obrazovaniya-instrument-vozdeystviya-na-razvitie-sistemy-obrazovaniya/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18242074>. EDN: <https://elibrary.ru/pjezeh>. (In Russ.)

Shukman 2020 – Shukman V.E. (2020) The concept «Germany» in German language textbooks for the elementary level: linguocultural markers. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, vol. 26, no. 2, pp. 144–153. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2020-26-2-144-153>. EDN: <https://elibrary.ru/mfohom>. (In Russ.)

Shukman, Dubinina 2020 – Shukman V.E., Dubinina S.I. (2020) The concept of LERNEN as a cognitive dominant of the educational discourse (based on the material of German language textbooks). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*, vol. 162, no. 5, pp. 224–238. Available at: https://kpfu.ru/portal/docs/F2032744243/162_5_gum_16.pdf. DOI: <http://doi.org/10.26907/2541-7738.2020.5.224-238>. (In Russ.)

Shukman 2021 – Shukman V.E. (2021) Basic concepts in German language textbooks for foreigners in the educational discourse of Germany. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 1, pp. 280–294. DOI: <https://doi.org/10.29025/1994-7720-2021-1-280-294>. EDN: <https://elibrary.ru/imxobz>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81-11

Дата поступления: 30.01.2023
рецензирования: 01.03.2023
принятия: 30.05.2023

**Лексико-прагматический потенциал субстантивных словосочетаний
(на материале заглавий современных немецкоязычных романов)**

В.Э. Штырова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: shtirova2014@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7896-2611>

Аннотация: Данная статья посвящена комплексному лексическому анализу корпуса заглавий современных немецкоязычных романов, опубликованных после 1989 года, оформленных как субстантивные словосочетания, как авторские по своему замыслу и своеобразные по прагматике единицы. Цель исследования – выявить и описать с позиций структурного и содержательно анализа лексико-прагматический потенциал наиболее частотных моделей заглавий современных романов. Актуальность данного исследования обусловлена особым статусом и функционалом словосочетаний в немецком языке, необходимостью их дальнейшего изучения, богатым прагматическим потенциалом романских заглавий-словосочетаний для создания успешной коммуникации в современном литературном дискурсе между автором и читателем. Заглавия художественных произведений, в том числе романов, находятся в фокусе современных исследований, изучаясь с разных исходных позиций. Результаты этого исследования позволили выявить характерные черты заглавий указанного типа и выделить две группы моделей заглавий (сущ. + сущ. в Р.П.; сущ. + предл. + сущ.), обладающих большей интертекстуальностью, наметив их как базу для дальнейшего исследования.

Ключевые слова: заглавие; современный немецкий роман; функции заглавия; художественный дискурс; дискурс-анализ; именное словосочетание; моделирование; паратекст; предтекст.

Цитирование. Штырова В.Э. Лексико-прагматический потенциал субстантивных словосочетаний (на материале заглавий современных немецкоязычных романов) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 183–191. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-183-191>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Штырова В.Э., 2023

Валерия Эдуардовна Штырова – аспирант кафедры немецкой филологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 30.01.2023
Revised: 01.03.2023
Accepted: 30.05.2023

**Lexical-pragmatic potential of substantive phrases (based on the material
of the titles of modern German-language novels)**

V.E. Shtyrova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: shtirova2014@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7896-2611>

Abstract: This article is devoted to the consideration of the titles of modern German-language novels after 1989, expressed by a substantive phrase, from the standpoint of structural analysis. The purpose of the study is to identify lexical-pragmatic potential of the most frequent models of titles. The phrase in the process of speech is not reproduced in its entirety, but is constructed by the speaker in the process of speech. This allows us to treat the phrase as a free lexical unit. The relationship between the components of a phrase is characterized by greater freedom than the relationship between the components of a compound word. This freedom is expressed in the possibility of replacing each full-valued word as part of a phrase with another word of the same class without losing the grammatical essence of the phrase. However, such grammatical unlimited compatibility is opposed to the limitations in lexical compatibility of words. In this regard, phrases differ from phraseologisms, which are characterized by lexical and grammatical idiomatic. The semantic integrity of the phrase is manifested in the semantic gravitation of the components towards each other. The presence in the phrase of the organizing core and its subordinate component confirms the thesis about the structural closure of the phrase. The relevance of this study is due to the special status of the phrase in the grammar of the German language and the rich pragmatic potential for creating successful communication between the author and the reader of novel literature. The results of the study revealed the characteristic features of the titles of the above type and identified a group of titles with greater intertextuality for further study.

Key words: title; modern German novel; title functions; artistic discourse; discourse analysis, substantive phrase, paratext, pretext.

Citation. Shtyrova V.E. Lexical-pragmatic potential of substantive phrases (based on the material of the titles of modern German-language novels). *Vestnik Samarского universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 183–191. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-183-191>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Shtyrova V.E., 2023

Valeria E. Shtyrova – postgraduate student, Department of German Philology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Введение

Словосочетание – одна из важных структурных и базовых единиц синтаксиса и лексики языка, в частности немецкого. В немецкой научной традиции изучения словосочетания для его обозначения используются следующие термины: *die Wortreihen* (их звенья связаны между собой соединительной связью), *das Wortgefüge* (их звенья соединяются подчинительной связью) и *satzwertige Wortgruppen* (подлежащие и сказуемое) [Москальская 2004, с. 275]. В основу классификации словосочетаний исследователи-германисты закладывали разные признаки: семантические взаимоотношения между элементами словосочетания (О. Бехагель), лексико-грамматические связи (Л. Зюттерлин) или его формально-структурные признаки (Й. Рис). Эти идеи развились в XX веке в две исследовательские традиции: номинативную (лексикологическую) и синтаксическую концепций словосочетания.

В отечественной лингвистической традиции теория словосочетания остается предметом дискуссий и уточнений. Так, согласно Л.Е. Лопатиной, словосочетанием в русской грамматике считается «соединение двух или более знаменательных слов на основе подчинительной грамматической связи – согласования, управления или примыкания. По стержневому компоненту (слову) выделяют субстантивные, адъективные, глагольные и наречные словосочетания (Филин 1979, с. 309–310).

Л.Е. Лопатина также отмечала разницу подходов к теории словосочетания в зарубежной и отечественной лингвистике. Она указывает на то, что «вопросы, касающиеся структурной классификации, взаимоотношения словосочетания и предложения и соответственно границ словосочетания, разработаны главным образом в русской советской лингвистике» (Ярцева 1998, с. 469–470). Термины для обозначения словосочетаний в зарубежных трудах используются ограниченно и не полностью соответствуют/эквивалентны отечественному понятию. Так, в англистике по традиции используются «более широкие по смыслу термины “синтагма” (англ. syntagm) или “фраза” (англ. phrase)» (Ярцева 1998, с. 469–470).

В немецкой научной традиции исследование данных единиц микросинтаксиса восходит к фундаментальному труду Zur Wortgruppenlehre Й. Риса, который разграничивал «предложение», «слово», «словосочетание», определяя словосочетание как синтаксическую единицу низшего порядка. В отличие от предложения оно не является самостоятельной частью коммуникации и

способно существовать лишь в составе предложения. За минимальный объем словосочетания принимаются единства, состоящие из двух знаменательных слов [Ries 1928, S. 5–7]. Так как словосочетание называет качественные признаки, оно не обладает как предложение синтаксическими категориями модальности, времени, лица, а также отмечено отсутствием интонации сообщения. Вслед за Й. Рисом, в отечественной германистике О.И. Москальская рассматривала словосочетание как единое целое, отличное от слова и предложения, поскольку оно имеет собственную внутреннюю форму. Очевидна независимость словосочетания от его функционирования в предложении, а при различных смещениях, в заменах значение группы слов как элемента предложения остается нетронутой [Москальская 2004, с. 274].

О.И. Москальская наравне с термином *die Wortgruppe* использует синонимичные обозначения *die Wortfügung*, *das Wortgefüge*, *die Wortverbindung*, указывая также на самостоятельность компонентов словосочетания: [es] ist eine nicht-satzartig geprägte Verbindung zweier oder mehrerer aufeinander syntaktisch und semantisch bezogener Autosemantika [Москальская 2004, с. 273]. Она подчеркивала, что, хотя словосочетания являются сегментами предложения, оно не является механическим соединением рядов словосочетаний. Например, при сегментации предложения не учитываются субъект/предикат, и существуют элементы синтаксиса предложения, которые не входят ни в одно из словосочетаний (модальные частицы, замечания говорящего о характере высказывания).

Противоположной точки зрения придерживалась Н.Д. Арутюнова, по мнению которой словосочетание нельзя отнести к простейшим единицам синтаксиса, т. к., анализируя в частности предложение, следует разложить его на отдельные словосочетания без остатка [Арутюнова 1962, с. 33]. Те словосочетания, которые на синтаксическом уровне нечленимы, называются простыми. Сложные словосочетания возникают благодаря распрощаиванию их конститuentов, при котором реализуется несколько возможных валентностей. Для таких расширенных словосочетаний характерен параллелизм – их конститuentы находятся в одинаковой зависимости от ядра.

В.В. Виноградов причислял словосочетания «к номинативным средствам языка», т. к. они наряду со словом способны обозначать предметы, явления и процессы, но в отличие от слова они обладают особой коммуникативной задачей – доба-

вить реципиенту уточняющие детали, расширить смысловую емкость предложения [Виноградов 1963, с. 14–15]. Так как коммуникативность словосочетания проявляется полностью лишь в составе предложения, ее принято называть относительной [Филичева 1969, с.33].

Данный тезис номинативной концепции оспаривал Ю.В. Фоменко, считая, что словосочетание выражает «не понятие, пусть даже расчлененное, а сочетание понятий» [Фоменко 1975, с. 60]. Однако возникал вопрос: можно ли считать словосочетание отдельной когнитивной категорией? Н.М. Годер ответил на него положительно: «словосочетание <...> имеет не только сложную грамматическую структуру, но и выражает мысль, сложную по своей логической природе. Словосочетание <...>, обозначая какое-либо явление, выражает понятие об этом явлении. Но это понятие не простое. Оно, будучи единым, вместе с тем явно представляет собой сочетание ряда понятий, каждое из которых в отдельности отлично от всего сочетания, взятого в целом <...>. Такое понятие может быть названо составным» [Годер 1961, с. 49].

Словосочетание в речи не воспроизводится целиком, а конструируется говорящим в процессе речи, что позволяет рассматривать его как свободную лексическую единицу. Так, связь между компонентами словосочетания характеризуется большей свободой, чем связь между компонентами сложносоставного слова. Это выражается в возможности замены каждого полнозначного слова в составе словосочетания на другое слово того же класса без потери грамматической сущности словосочетания. Однако такой грамматической неограниченной сочетаемости противопоставлена ограниченность в лексической сочетаемости слов. В этом плане словосочетания отличаются от фразеологизмов, которым свойственна лексическая и грамматическая идиоматичность. Семантическая целостность словосочетания проявляется в смысловом тяготении компонентов друг к другу. Наличие в словосочетании организующего ядра и подчиненного ему компонента подтверждает тезис о структурной замкнутости словосочетания.

Но, входя в состав предложения, стержневое слово словосочетания претерпевает изменения. Именно морфологическими свойствами стержневого слова определяется система форм словосочетания. На эту его характеристику указал еще Ф.Ф. Фортунатов, выделив «часть самостоятельную и часть несамостоятельную, являющуюся в сочетании с другой частью» [Фортунатов 1956, с. 182].

В немецком языке выделяются несколько типов синтаксической связи компонентов словосочетаний: согласование (определяющее слово характеризуется теми же формальными категориями, что и стержневое), управление (определяющее слово находится в зависимости от стержневого), примыкание (зависимое и стержневые слова не обладают способностью к словоизменению). Средствами синтаксической связи при управлении могут

служить наравне с грамматической формой предлоги. Синтаксическая связь в таких словосочетаниях проявляется не в форме объединяемых слов, а в их контактном расположении, в зависимости грамматической функции подчиненного слова, в его несамостоятельном характере. Наиболее характерно примыкание для синтаксических связей наречия, входящего в качестве зависимого члена в глагольные, субстантивные, адъективные и адverbиальные словосочетания. На этой основе строятся субстантивные и глагольные словосочетания с инфинитивом и глагольные словосочетания с частями.

Словосочетания возникают на основе синтаксической сочетаемости слов, их валентностных свойств. В отечественной традиции термин «валентность» обосновал С.Д. Кацнельсон как «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами» [Кацнельсон 1948, с. 132]. В зарубежной традиции под валентностью понимается число вакантных позиций, которые могут быть заняты подлежащим и дополнениями [Brinkmann 1962, S. 223].

В современных лингвистических исследованиях словосочетание характеризуется структурной завершенностью, проявляющейся непосредственно в количественной ограниченности составляющих его компонентов. Данная традиция нашла продолжение в обобщающей теории словосочетаний труде Н.И. Филичевой «О словосочетаниях в немецком языке». Она определяет словосочетание как «обладающую собственной моделью бинарную структурно-замкнутую синтаксическую единицу, образующуюся в результате семантического и грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов» [Филичева 1969, с. 39]. Выделяются характерные признаки словосочетания: 1. Отсутствие лексической и грамматической идиоматичности; 2. Неограниченная грамматическая, но ограниченная лексическая сочетаемость; 3. Бинарность; 4. Относительная коммуникативность; 5. Структурная замкнутость [Филичева 1969, с. 38–39].

В нашем исследовании под словосочетанием, вслед за Е.Л. Лопатиной и Н.И. Филичевой, мы понимаем соединение двух и более слов с помощью одного из видов синтаксической связи. Задача данного исследования заключается в выявлении лексико-грамматических особенностей заглавий современных немецкоязычных романов, выраженных *субстантивными словосочетаниями*. Актуальность исследования обусловлена тем, что романские заглавия-словосочетания являются авторскими окказиональными образованиями, что требует при их описании и интерпретации комплексного подхода. Составленный корпус заглавий романов позволяет рассмотреть словосочетания как с синтаксической, так и с номинативной позиций.

Методология и материал

Материалом для исследования послужил корпус заглавий немецкоязычных романов, изданных в ФРГ после 1989 года, которые были отобраны на основе базы данных Немецкой национальной библиотеки в Лейпциге (Katalog...). Поиск производился по параметрам и ключевым словам: *tit=roman and jhr=1989- and cod=ger*. Мы получили ссылки на 30 000 наименований романов. Далее методом сплошного отбора были исключены повторяющиеся печатные издания электронные и аудиокниги, а также переводы романов иностранной литературы. Был составлен корпус заглавий, насчитывающий 1161 источник. Отобранные единицы наименований относятся к периоду с 1989 по 2022 г., отвечая всем требованиям современного литературного канона романа.

В корпусе по признаку конstituентов отчетливо выделяются заглавия – словосочетания с существительным в качестве стрежневого слова. Данная весомая группа насчитывает 544 наименования (47 %). Многофункциональность именной группы подчёркивали многие исследователи, а К.Э. Хайдольф определил группу существительного как обладающую большинством синтаксических функций, что является, вероятно, проекцией свойств её лексического ядра [Heidolph 1981, S. 254].

Выделенная группа обладает широким разнообразием возможностей стрежневого слова (существительного) выступать в синтаксические связи с другими существительными, прилагательными, наречиями, с причастиями, местоимениями, числительными и с инфинитивной формой глагола.

Мы подразделили данные заглавия-словосочетания на беспредложные именные словосочетания (58,5 %) и именные словосочетания с предлогом (34 %) и цепочки словосочетаний (7,5 %), так как они отличаются характером отношений между конstituентами и способом их выражения. Затем

отобранные словосочетания были разделены на подгруппы в зависимости того, какой частью речи выражено зависимое слово. Полученные результаты представлены на рисунке.

Исходя из анализа данных, можно сделать вывод, что самая частотная группа словосочетаний строится по модели: *существительное в Им. п. + существительное в Род. п.* и обладает наибольшим прагматическим потенциалом, так как имеет наибольший диапазон лексических значений, способна в частности к разнообразной метафоризации. В свою очередь, наименее частотные группы моделей словосочетаний (*прич. 1 и 2 + сущ., числ. + сущ., нареч. + сущ.*) наименее «привлекательны» для авторов, так как обладают однозначной семантикой.

Основная часть

Охарактеризуем подробнее самые частотные подгруппы словосочетаний-заглавий. В подгруппе **беспредложных именных словосочетаний** отношения зависимого слова со стрежневым чаще выражены постановкой зависимого слова в форму родительного падежа без предлога со значением принадлежности или согласованием в роде, числе и падеже обоих конstituентов. На основании этого критерия в корпусе выделяются две подгруппы словосочетаний: 1) стрежневое существительное в именительном падеже и зависимое существительное в родительном падеже; 2) Словосочетания, согласующие в роде, числе и падеже. Несмотря на то что употребление родительного падежа в качестве атрибутива в современном немецком языке стилистически маркировано, по мнению П. Айзенберга, «о его функциональной утрате в качестве атрибута не может быть речи».

В первой подгруппе особый интерес представляет семантика родительного падежа. Мы выделили 2 модели отношений стрежневого слова и зависимого компонента словосочетания:

Заглавия, выраженные подчинительным словосочетанием

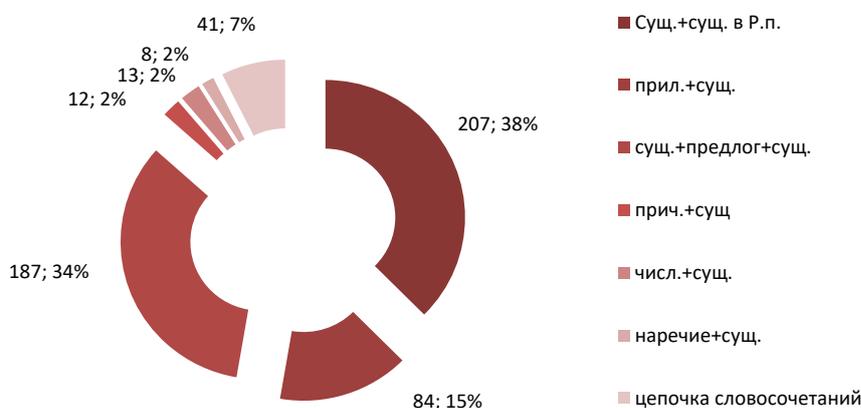

Рисунок – Заглавия, выраженные подчинительным словосочетанием
 Figure – Titles expressed by a subordinating phrase

– *Стержневое слово называет предмет*

Ряд словосочетаний содержит указание на источник появления какого-то предмета/явления. Однако набор лексем для стержневого слова в данном случае ограничивается лишь единицами, обозначающими звук, запах или шум: ср.: «**Der Klang der Herzen**» Marie Bernard (2022), «**Der Gesang des Pirols**» Sonja Girisch (2020), «**Das Parfum der Liebe**» Hanna Caspian (2021), «**Der Glanz des Feuers**» Deana Zinßmeister (2022), «**Der Geschmack des Lebens**» Karin Klasen (2022). Как видно из примеров, зависимым словом могут выступать абстрактные существительные, что подтверждает тезис о метафоричности заглавий. В случаях употребления в качестве первого компонента притяжательной конструкции существительного, обозначающего неодушевленные предметы, наблюдается перенос значения в «область живого».

Использование стилистического приема одушевления позволяет авторам не только представить главных героев, но и наметить основную сюжетную линию. Например, заглавие романа Мари Бернанд **Der Klang der Herzen** указывает на две главные темы романа: музыку и любовь. По ходу действия романа читатель убеждается, что на стадии предположения текста, он сделал верные догадки. Это название помогает читателю понять важность музыки и искусства для главных героев.

Главные героини этого романа – жители ирландской деревни сестры Лия (15 лет) и Ким (14 лет) и их друг Саймон Мур (15 лет). Их дружба была настолько тесной, что Саймон и Лия хотели пожениться, когда им исполнится 20 лет, но этим планам не суждено сбыться. Ссора Саймана с отцом привела к тому, что юноша сбежал из дома, не сказав друзьям. Внезапно Саймон совершает квантовый скачок во времени, оказавшись в будущем. В новой реальности Саймон живет в Лондоне, осуществил свою мечту, став известным пианистом, однако о друзьях он совершенно забывает.

Лия и Ким очень скучают по другу и через полгода отсутствия Саймона отправляются его искать. Они также совершили путешествие во времени, прыгая в будущее, в результате чего они тоже прибывают в Лондон. Леа начинает изучать вокал, а Ким поступает в художественную школу. Однако и они забывают свою родину, родных и друзей. Но в их сердцах осталось чувство горя, которое они не могли объяснить. Позже Саймон путешествует с гастролями по США, а сестры также отправляется в Америку, что способствовало развитию карьеры этой тройцы.

– *Стержневое слово называет лицо*

Зависимое слово может также называть лицо, которому этот предмет принадлежит, или явление, с которым оно связано, ср.: «**Almas Sommer**» (2022) Lenz Koppelstätter, «**Das Herz des Zauberers**» Betty Kay (2022). В таких словосочетаниях стержневое слово в связи с зависимым словом может обозначать и лицо, состоящее в родстве, дру-

жеских или в официальных отношениях, ср.: «**Die Braut des Walisers**» Lisa McAbbey (2022), «**Die Frau des Blauen Reiter**» Heidi Rehn (2022), «**Die Nichte des Malers**» Daniela Wander (2022), «**Die Töchter des Geistbeckbauern**» Antonia Brauer (2022). В построенных по данной модели заглавиях стержневое слово чаще обозначает женщин, зависимое слово – мужчину, с которым связана судьба героини.

Атрибутив в родительном падеже при этом может занимать две разные позиции по отношению к стержневому слову. Если зависимое слово выражено именем собственным, имеет место левостороннее словосочетание (встречается реже: 2 % словосочетаний с атрибутивом в Род. п.) Если зависимое существительное выражает профессию/статус и выражено именем нарицательным, оно занимает позицию справа от стержневого слова [Белошাপкова 1981].

Редко среди словосочетаний с атрибутивом в Род. п. (3 %) встречаются словосочетания, выражающие отношение принадлежности к стране или к местности, где происходит действие романа, ср.: «**Die Ärzte der Charité**» Walter Brendel (2022).

В группе **предложных словосочетаний** выделились 3 подгруппы.

В 1-ю подгруппу **предложных словосочетаний** мы включили словосочетания, синонимичные беспредложным словосочетаниям с существительным в родительном падеже. Значительное количество (32 % предложных словосочетаний) в этой группе образуют заглавия-словосочетания, созданные по модели **сущ. + предлог von + сущ. в Дат. п.** Предлог *von* выражает несколько лексических значений: 1. Происхождение персонажа, ср.: «**Das Mädchen vom Striezelmarkt**» Dominique Steinberg (2022), «**Das Mädchen von Agunt**» Iny Lorentz (2022), «**Der Bierkönig von München**» Elisabeth Schinag (2022); 2. Вещественное содержание/признак, например: «**Der Duft von Zimt**» Rebekka Eder (2022), «**Der Duft von Heu**» Gudrun Schultheiss (2022), «**Der Duft von Rosmarin und Schokolade**» Tania Schlie (2016), «**Der Klang von Sommerregen**» Anne Naumann (2022).

Если имя собственное присоединяется к стержневому слову с помощью предлога *von*, что в таких словосочетаниях зависимый конституент выражает качественный признак стержневого существительного. Предлог *von* употребляется в случаях, когда при зависимом слове нет служебных слов (или артикля) или согласуемых с ним определений.

Модель **сущ. в Им.п. + предлог ohne + сущ. в Вин. п.** Данный предлог является одним из модальных предлогов наряду с такими предлогами как *für, mit, ohne, außer, aus, zu* (Schröder 1986, S. 263), так как обладает способностью не только описывать то, как и каким способом что-то происходит, но и указывая на отсутствие чего/кого-либо, ср.: «**Buch ohne Bedeutung**» Robert Schneider (2022), «**Der Tag ohne Abend**» Leo Perutz (2022),

«**Dolce Vita ohne Dieter**» Cristina Externest (2022). Данная модель является «отрицательным вариантом» модели словосочетания с предлогом *mit* + сущ в Дат. п., имеющей утвердительное значение (Schröder 1986, S. 163–165). Й. Шрёдер указывал, что данный предлог не может употребляться в словосочетаниях, когда семантические связи зависимого существительного и стержневого настолько сильны, что характеризующие предметы/лица не мыслятся без атрибута. По правилам грамматики немецкого языка существительное после данного предлога употребляется без артикля (определенного, неопределенного или отрицательного), что соответствует монологичности немецкого языка. Если определенный артикль указывает на известный читателю предмет или единственный в своем роде, то неопределенный артикль употребляется перед употребленным впервые существительным или существительным, обозначающим один предмет их группы подобных ему. На наш взгляд, отсутствие артикля связано с заложенным в предлоге *ohne* не только отрицательным, но и исключительным значением: поэтому перед этим предлогом не употребляется артикль.

Модель **сущ. + предлог aus + сущ. Дат. п.** Предлог *aus* выражает множество значений: указание на отношения части к предмету, выделение предмета из класса подобных ему предметов, указание на местность происхождения, обозначение материала. Однако в заглавиях современных романов авторы чаще обращаются к его способности присоединять к стержневому существительному названия городов, стран и других географических объектов, ср.: «**Der Wohltäter aus Seebach**» Ursula Dorn (2022), «**Briefe aus Italien**» Karlheinz Lappler (2022). Так как зависимым словом, выражающим указанное значение, всегда выступают ойконимы, а именно астионимы (32 заглавия), то артикль после предлога *aus* по правилам немецкого языка не требуется.

Интересны примеры заглавий, в которых предлог *aus* служит для выражения «вещественного значения» (Schröder 1986, S. 75–78). Однако отметим, что в примерах заглавий с данным предлогом (ср.: «**Herz aus Schatten**» Laura Kneidl (2022), «**Ein Meer aus Sonnenblumen**» Anika Beer (2022), «**Das Mädchen aus der Eiche**» Uta Rosa Schmidt (2022) в качестве материала авторы употребляют существительные, не имеющие вещественного значения, наделяя тем самым заглавия метафоричностью.

Так, название романа «**Herz aus Schatten**» Laura Kneidl (2022) служит для читателя маркером того, что его содержание посвящено чему-то таинственному, потустороннему. В этом читатель убеждается, начав знакомство с главными героями – девушкой Кайлой и с оборотнем. Другой пример: заглавие «**Ein Meer aus Sonnenblumen**» Anika Beer (2022) ассоциируется с летом, солнцем и теплом, а в сочетании со словом *Meer*; имплицитно указывают читателю, что действие романа

будет происходить там, где данный цветок растет в изобилии. Данные ассоциации и догадки оказываются верными: действие романа происходит на Коста-Брава в маленьком пансионе, вокруг которого раскинулись поля подсолнуха. В названии романа «**Das Mädchen aus der Eiche**» необычна сочетаемость лексемы *die Eiche* (дуб), которая привычна для обозначения древесины, послужившей материалом для мебели, но не сочетается с существительным *das Mädchen* (девочка). В словаре «**Wörterbuch der Kollokation im Deutschen**» отсутствует коллокация лексемы *das Mädchen* со словами, имеющими вещественное значение, а указаны сочетания с прилагательными (*toll, traurig, jung, nett*) и с глаголами (*wachsen, heiraten, umarmen*) (Quasthoff 2011, S. 345). Это подтверждает метафоричность приведенного заглавия: поскольку дуб во многих культурах символизирует силу и выносливость, такая необычная авторская метафора вводит в ассоциативный ряд читателя особые характеристики главной героини – крепкая, стойкая, надежная.

Представленные в этой группе заглавия также были проверены на предмет лексической сочетаемости с помощью электронного корпуса DWDS. Результат показал, что приведенные словосочетания не имеют здесь совпадений, что говорит об их окказиональности. Соединяя несочетаемые в речи лексемы в заглавии, авторы романов активизируют воображение, формируя особый ассоциативный ряд для читателя.

Модель **сущ. + предлог für + сущ. Вин. п.** Предлог *für* указывает на адресата или ограниченное временное отрезка или пространства. При указании на назначение предмета стержневое слово называет предмет, который предназначен для лица или предмета, выраженных зависимым словом, ср.: «**Ein Garten für Ella**» Susanne Lieder (2020).

При реализации темпорального значения, данный предлог указывает лишь на конечную точку события. Й. Шрёдер отмечал, что начало действия и его длительность при этом не должны быть указаны (Schröder 1986, S. 108–109), ср.: «**Ferien für immer**» Christian Kracht (2020), «**Ein Haus für viele Sommer**» Axel Hacke (2022).

2-ю подгруппу предложных словосочетаний образуют словосочетания, выражающие обстоятельственные отношения. Данные отношения выражаются предлогами с пространственным значением: *nach, in, aus, an, durch, unter*. Ср.: «**Apfelglück am See**» Sabrina Sonntag (2022), «**Das Glück in der Ferne**» Annette Landgraf (2022), «**Die Dame hinter dem Vorhang**» Veronika Peters (2019), «**Die Galerie am Potsdamer Platz**» Alexandra Cedriño (2020), «**Ein Weinberg in der Toskana**» Feren Máté (2007), «**Die Nacht unterm Schnee**» Ralf Rothmann (2022).

Особенно интересным в этом ряду представляется заглавие романа «**Die Dame hinter dem Vorhang**» (2019) Veronika Peters, так как оно

является отсылкой к устойчивому выражению «*hinter den Kulissen*» (Duden, S. 340). Так как в семантике слова *der Vorhang* заложено значение скрытости, тайны, театральности, то читатель на основе заглавия высказывает предположение, что автор предлагает его вниманию описание жизни театральной богемы, ее закулисной жизни.

Познакомившись с главными героями романа, читатель узнает, что произведение является в некоторой степени биографией английской поэтессы Эдит Ситуэлл (1887–1964). Роман рассказывает о приключениях Джейн Банистор, внучки садовника в богатом поместье Ренишоу. В 1927 году главная героиня покидает загородную резиденцию клана Ситуэллов и едет в Лондон с целью поступить на службу к Эдит Ситуэлл – эксцентричной поэтессе и изгою семьи. Она дает выступления по контракту с королевским домом и вскоре ей предстоит тур по мегаполисам. Отправляется в это путешествие Эдит вместе со своей новой работницей Джейн. Будучи доверенным лицом Эдит, Джейн знакомится с таинственной дамой за занавесом, которая вносит в жизнь главной героини хаос.

Вероника Петерс не просто задает в названии тему, описывает творческие и жизненные трудности поэтессы, она словно делает культурный срез жизни артистов 1920-х – 1950-х годов, так как в повествовании читатель встречается множество ярких персонажей Лондона, Парижа и Голливуда.

В 3-ю подгруппу предложных словосочетаний отнесены именные словосочетания, которые построены по образцу глагольных. Предлог в таких словосочетаниях полностью соответствует предлогу, которым управляет глагол. Самым употребительным глаголом, на основе которого построены эти словосочетания *kämpfen für/um* + *Akk* и однокоренные существительные, ср.: «*Der Kampf um Hilis*» J. V. Aeron (2022), «*Kämpfer für die Gerechtigkeit*» Ebenho Ben (2022), «*Kämpfe für deine Träume*» Kristina Lagom (2022).

Следующая значимая группа образована из словосочетаний существительного и прилагательного (15 %). Более употребительными здесь оказались словосочетания с качественными, чем относительными прилагательными, например: «*Ein weites Feld*» Günter Grass (1995), «*Das giftige Glück*» Gudrun Lerchbaum (2022), «*Fremdes Verlangen*» Stefanie Willers (2022). Выделенные примеры не раскрывают читателю содержание романа, а скорее наоборот, затемняя, делая его таинственным, метафоричным.

Так, заглавие «*Ein weites Feld*» Günter Grass (1995) не раскрывает для читателя центральную тему романа – объединение Германии. Действие романа происходит в Берлине в период между падением стены и объединением страны. Однако Гюнтер Грасс расширяет временные рамки, рассказывая также историю: от революции в Германии с 1848 года до объединения ФРГ и ГДР. Заглавие этого романа также является аллюзией на роман Теодора Фонтане «*Effi Briest*» (1895). В дан-

ном романе отец Эффи Брист обозначал неприятные для него темы и вопросы для обсуждения как «*zu weites Feld*». Словари тоже дают трактовку данного устойчивого выражения как «*ein Thema sein, zu dem sich viel sagen ließe*», отмечая, что оно имеет литературное происхождение и появилось впервые в литературном узусе в романе А. Штифтера «*Nachsommer*» (1857) (Duden 1992, S. 202).

Близки к словосочетаниям с прилагательным словосочетания с причастиями обоих типов (2 %). Однако отношения в них усложняются: так как причастия характеризуют предмет по действию, то в словосочетаниях с причастиями возможны указание на время, на активный или пассивный характер действия/субъекта. Например: «*Der verlorene Sohn*» Olga Grjasnowa (2022), «*Der tanzende Berg*» Elisabeth R. Hager (2022). Отметим отсутствие в заглавиях словосочетаний по модели: **сущ. в Им. п. и деепричастие/деепричастный оборот.**

В словосочетаниях с существительным с местоимениями (2 %) смысловой акцент делается на 3-го типа отношений (лично-притяжательные, указательно-пространственные, количественно-обобщающие), что обусловлено общим значением местоимения. Зависимое слово, выраженное притяжательным местоимением, указывает на тесную связь стержневого слова с тем или иным предметом/лицом. В словосочетаниях с неопределенным местоимением характерно общее значение неопределенности. Так, стержневое слово может характеризоваться как неизвестный, любой выделяемый говорящим из круга однородных предметов как неизвестный/безразличный для него. Указательные местоимения определяют предмет/лицо в пространственном или во временном отношении, например: «*Für diesen Sommer*» Gisa Klönne (2022), «*Die andere Möglichkeit*» Thomas Newton (2022).

Интересны словосочетания, состоящие из существительного и числительного (2 %). Данная группа малочисленна и близка по семантическим отношениям конститuentов к словосочетаниям прилагательного с существительными. Большинство входящих в словосочетания числительных порядковые и они согласованы со стержневым словом, ср.: «*Sieben Jahre*» Peter Stamm (2009), «*Die dritte Frau*» Wolfram Fleischhauer (2021), «*Der siebte Thron*» Monika Grasl (2022).

Последнюю группу образуют структурно усложненные заглавия, выраженные цепочкой словосочетаний (7 %). Чаще всего она создается соединением двух типов словосочетаний с одним стержневым словом: определительное сочетание **прил. + сущ. Им. п. и предложное сочетание.** Например: «*Das kleine Strandhaus am Meer*» Sina Junker (2022), «*Der alte Mann im Weinberg*» Hans Janotta (2022), «*Die kleine Ambulanz in Wales*» Kate Rapp (2022).

Интересно заглавие романа «*Die kleine Ambulanz in Wales*» Kate Rapp (2022). В романе рассказывается история медсестры больницы Коро-

левского колледжа в Лондоне по имени Холли. На главную героиню обрушивается череда трагедий: смерть пациента у нее на руках, расставание с молодым человеком. Холли принимает решение взять тайм-аут в Уэльсе. Однако и там беды преследуют ее: в ее машину врезается овца. Поддержку ей оказывают ветеринар Джейн и молодой полицейский Энн Хо. Затем, когда Холли познакомилась с очаровательным барменом Крисом, череда невзгод отступает. Впервые познакомившись с этим заглавием, читатель может его интерпретировать буквально, ожидая в повествовании описание работы скорой помощи в Уэльсе. В первой части действительно встречается описание практики медсестры: перевязка ран маленькой девочки, наклеивание гипса работнику фабрики, завершающееся трагедией, последний несчастный случай с водителем. Однако по мере прочтения романа интерпретация его заглавия меняется: скорой помощью оказывается компания новых друзей главной героини.

Выводы

Интерпретация заглавий-словосочетаний становится возможной лишь при понимании того, с какой целью, каким образом автор употребляет их для кодирования/создания дискурса своего художественного произведения.

Традиционно словосочетание рассматривается как оперативная единица порождения предложения-высказывания, подлежащая рефлексии носителями языка. Подобный подход доказывает существование словосочетания как единицы не только лексики, но и синтаксиса. Синтаксическая концепция призвана трактовать продуцирование словосочетаний, а номинативная – употребление

таких словосочетаний, которые были закреплены в языке [Сигал 2020, с. 398].

Для субстантивных словосочетаний – как пространственного формата заглавий современных немецкоязычных романов, в которых стержневым словом является существительное, а в качестве определяющего слова выступает прилагательное, причастия или местоимение, зависимое слово согласуется в роде, числе и падеже. В субстантивных словосочетаниях не возможно употребление зависимого существительного в дательном или в винительном падежах без предлога.

В субстантивных словосочетаниях рамочная конструкция возникает в результате того, что тесно спаянные со стержневым словом служебные или вспомогательные слова (артикли, предлог, местоимение, числительное) отрываются от него и ставятся в начале словосочетания. В образовавшуюся таким образом рамку помещаются зависимые компоненты словосочетания. Словосочетания, в которых зависимое слово стоит в родительном падеже, правая валентность реализуется, если зависимый конститuent выражен именем собственным. Левая валентность имени существительного эксплицируется согласуемым определением, чаще выраженное прилагательным.

Дальнейшая перспектива исследования видится в выявлении и интерпретации словосочетаний-названий романов, в составе которых представлены идиомы и устойчивые словесные комплексы немецкого языка, а также названия как смысловые компрессивы. Исследование словосочетаний-заглавий в аспекте речевой деятельности дает возможность описать их не только как единицы синтаксиса текста, но и как участников речевого процесса, в межуровневой интеграции их с текстом (дискурсом) всего романа.

Материалы исследования

Katalog... – *Katalog der deutschen Nationalbibliothek*. URL: <https://portal.dnb.de/opac.htm>.

Duden 1992 – *Duden*. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten // Wörterbuch der deutschen Idiomatik / hrsg. und bearb. von Günther Drosdowski und Werner Scholze-Stubenrecht. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverl., 1992. 872 S. URL: <https://disk.yandex.ru/i/-riCIPOyk6fRgg>.

Schröder 1986 – *Schröder J.* Lexikon deutscher Präpositionen. Leipzig: Verlag Enzyklopädie, 1986. 268 S.

Quasthoff 2011 – *Quasthoff U.* Wörterbuch der Kollokationen im Deutschen. Berlin/New York: Walter de Gruyter GmbH & Co., 2011. 566 P.

Филин 1979 – *Филин Ф.П.* Русский язык. Энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1979. 441 с. URL: <https://archive.org/details/russkiy-yazyk-entsiklopedia-by-filin-f-p/page/308/mode/2up?view=theater>.

Ярцева 1998 – *Ярцева В.Н.* ЛЭС. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/linguistic-encyclopedic/index.htm>.

Библиографический список

Brinkmann 1962 – *Brinkmann H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Padagogischer Verlag Schwann, 1962. 654 S. URL: <https://archive.org/details/diedeutschesprac0000brin/page/n5/mode/2up>.

Heidolph 1981 – *Heidolph K.E. et al.* Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1981. 1028 S. URL: <https://books.google.ru/books?id=uIqduQAACAAJ&dq=editions:UOM39015009033096&hl=ru>.

Ries 1928 – *Ries J.* Zur Wortgruppenlehre. Mit Proben aus einer ausführlichen Wortgruppenlehre der deutschen Sprache der Gegenwart [= Beiträge zur Grundlegung der Syntax; Heft II]. Prag, 1928. 148 S.

Арутюнова 2007 – *Арутюнова Н.Д.* О синтаксической сочетаемости слов в испанском языке // Арутюнова Н.Д. Проблемы морфологии и словообразования. Москва, 2007. 288 с. URL: <https://ф62.пф/ Problemy-morfologii-i-slovoobrazovaniya-180690/read/part-3>.

Белошапкина 1981 – *Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панова М.В.* Современный русский язык / В.А. Белошапкина, Е.А. Брызгунова, Е.А. Земская и др.; под ред. В. А. Белошапкиной. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа, 1981. 560 с. URL: <https://scicenter.online/yazyik-russkiy-scicenter/sovremennyiy-russkiy-yazyik-ucheb-dlya-filol.html>.

Виноградов 1963 – *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с. URL: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093525>.

Годер 1961 – *Годер Н.М.* О логической структуре понятия, выраженного словосочетанием // Логико-грамматические очерки: сб. науч. трудов. Москва, 1961. С. 49–58.

Кацнельсон 1948 – *Кацнельсон С.Д.* О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2. С.114–134.

Москальская 2004 – *Москальская О.И.* Grammatik der deutschen gegenwartssprache. Москва: ACADEMÄ, 2004. 353 с. URL: <https://online-knigi.com.ua/pic/2/0/0/0/2/7/2/pdf/2000272.pdf>.

Сигал 2020 – *Сигал К.Я.* Теория словосочетания и речевая деятельность. Москва, 2020. 418 с. URL: https://iling-ran.ru/seagal/teoria_slovosochetania.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42964501>. EDN: <https://elibrary.ru/jnkcfm>.

Филичева 1969 – *Филичева Н.И.* О словосочетаниях в современном немецком языке. Москва: Высшая школа, 1969. 205 с.

Фоменко 1975 – *Фоменко Ю.В.* Является ли словосочетание единицей языка? // Филологические науки. 1975. № 6. С. 60–65. URL: <https://lektsii.org/8-15828.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34912797>. EDN: <https://elibrary.ru/xnfdfb>.

Фортунатов 1956 – *Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды. Т. 1. Москва: Учпедгиз, 1956. 450 с. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/fort1/index.htm>.

References

Brinkmann 1962 – *Brinkmann H.* (1962) Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung. Düsseldorf: Padagogischer Verlag Schwann, 654 S. Available at: <https://archive.org/details/diedeutschesprac0000brin/page/n5/mode/2up>.

Heidolph 1981 – *Heidolph K.E. et al.* Grundzüge einer deutschen Grammatik. Berlin: Akademie-Verlag, 1028 S. Available at: <https://books.google.ru/books?id=ulqduQAACAIA&dq=editions:UOM39015009033096&hl=ru>.

Ries 1928 – *Ries J.* Zur Wortgruppenlehre. Mit Proben aus einer ausführlichen Wortgruppenlehre der deutschen Sprache der Gegenwart [= Beiträge zur Grundlegung der Syntax; Heft II]. Prag, 1928. 148 S.

Arutyunova 2007 – *Arutyunova N.D.* (2007) About syntactic compatibility of words in Spanish. In: *Arutyunova N.D. Problems of morphology and word formation.* Moscow, 288 p. Available at: <https://ф62.пф/ Problemy-morfologii-i-slovoobrazovaniya-180690/read/part-3>. (In Russ.)

Beloshapkova 1981 – *Beloshapkova V.A., Zemskaya E.A., Miloslavskiy I.G., Panova M.V.* (1981) Modern Russian language. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Vysshaya shkola, 560 p. Available at: <https://scicenter.online/yazyik-russkiy-scicenter/sovremennyiy-russkiy-yazyik-ucheb-dlya-filol.html>. (In Russ.)

Vinogradov 1963 – *Vinogradov V.V.* (1963) Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 255 p. Available at: <http://books.e-heritage.ru/Book/10093525>. (In Russ.)

Goder 1961 – *Goder N.M.* (1961) About the logical structure of the concept expressed by the phrase. In: *Logical and grammatical essays: collection of scientific works.* Moscow, p. 49–58. (In Russ.)

Katsnelson 1948 – *Katsnelson S.D.* (1948) About the grammatical category. *Vestnik LGU*, no. 2, pp. 114–134. (In Russ.)

Moskalskaya 2004 – *Moskalskaya O.I.* (2004) Grammatik der deutschen gegenwartssprache. Moscow: ACADEMÄ, 353 p. Available at: <https://online-knigi.com.ua/pic/2/0/0/0/2/7/2/pdf/2000272.pdf>.

Sigal 2020 – *Sigal K.Ya.* (2020) Phrase theory and speech activity. Moscow, 418 p. Available at: https://iling-ran.ru/seagal/teoria_slovosochetania.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=42964501>. EDN: <https://elibrary.ru/jnkcfm>. (In Russ.)

Filicheva 1969 – *Filicheva N.I.* (1969) About phrases in modern German. Moscow: Vysshaya shkola, 205 p. (In Russ.)

Fomenko 1975 – *Fomenko Yu.V.* (1975) Is a phrase a unit of language?. *Filologicheskie nauki*, no. 6, pp. 60–65. Available at: <https://lektsii.org/8-15828.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=34912797>. EDN: <https://elibrary.ru/xnfdfb>. (In Russ.)

Fortunatov 1956 – *Fortunatov F.F.* (1956) Selected works. Vol. 1. Moscow: Uchpedgiz, 450 p. Available at: <https://www.booksite.ru/fulltext/fort1/index.htm>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811.161.1

Дата поступления: 15.02.2023
рецензирования: 20.03.2023
принятия: 30.05.2023

Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект

З.И. Годизова

Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация

E-mail: godizovazi@rambler.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

Ши Яньнин

Совместный университет МГУ–ППИ в г. Шэньчжэнь,
г. Шэньчжэнь, Китайская Народная Республика

E-mail: 916146216@qq.com.

Аннотация: Предметом исследования являются окказиональные слова, образованные в конце XX – начале XXI в. Целью данной статьи стала разноаспектная характеристика окказиональных слов в русском языке рубежа веков, предполагающая описание основных собственно окказиональных способов словообразования, грамматических разрядов окказионализмов, основных сфер их функционирования, обзор современных словарей окказиональных слов. В ходе исследования использовались методы: сплошной выборки, наблюдения, описания, словообразовательного анализа, функционально-семантического анализа; количественная методика при определении соотношения грамматических разрядов окказионализмов, сфер их функционирования. В качестве языкового материала послужили выдержки из разных подкорпусов Национального корпуса русского языка, что позволило проследить, в каких стилях речи окказионализмы более употребительны, в чем различие между художественными и публицистическими окказионализмами. Авторы обращались также к Словарю окказионализмов С.Б. Козинца. В результате исследования представлен аналитический обзор основных проблемных вопросов, связанных с окказионализмами (их признаки, причины появления, разнообразие классификаций способов образования, разграничение потенциальных слов и окказионализмов, отличия литературных и газетных окказионализмов и др.). На основе анализа языкового материала описаны основные способы образования окказионализмов, их грамматические разряды в количественном соотношении; выявлены основные сферы их функционирования; описаны типы словарей окказиональных слов. Установлено, что активное образование окказиональных слов в современном русском языке, характеризующихся яркой экспрессией, оценочностью, креативностью, создаваемостью в процессе речи, есть проявление тенденции к выразительности. На основании разноаспектного анализа окказионализмов высказаны предположения относительно дальнейших перспектив их существования в современном русском языке.

Ключевые слова: окказионализмы; сферы функционирования; способы образования; грамматические разряды; художественные и публицистические окказионализмы; окказиональные и узуальные слова; словари окказионализмов.

Цитирование. Годизова З.И., Яньнин Ши. Окказионализмы в современном русском языке рубежа веков: семантико-словообразовательный аспект // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 192–200. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-192-200>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Годизова З.И., Яньнин Ши, 2023

Зара Иосифовна Годизова – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 44–46.

Ши Яньнин – студент филологического факультета, Совместный университет МГУ–ППИ в г. Шэньчжэнь, 518172, Китайская Народная Республика, провинция Гуанчжоу, г. Шэньчжэнь, район Лонганг, Дайун Новый Город, I Международный университет Парк Род.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 15.02.2023

Revised: 20.03.2023

Accepted: 30.05.2023

Occasional words in the modern Russian language of the turn of the centuries: semantic and word-formation aspect

Z.I. Godizova

North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russian Federation

E-mail: godizovazi@rambler.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-3277-3708>

Shi Yannin

Shenzhen MSU-BIT University, Shenzhen, China

E-mail: 916146216@qq.com.

Abstract: The subject of the study is occasional words formed at the end of the XX – beginning of the XXI centuries. The purpose of the article is a various characteristics of occasional words in the Russian language of the turn of the centuries. Methods of continuous sampling, observation, description, word-formation, classification and functional-semantic analysis were used in the course of the study; quantitative methodology was applied to determine the ratio of grammatical categories of occasional words and the spheres of their functioning. Excerpts from subcorpus of the National Corpus of the Russian Language provided the main language material. The analysis allowed to define styles where occasional words are most commonly encountered and to distinguish between fiction and journalistic occasional words. The result of the study identified the main problematic issues related to occasional words (their features, reasons of occurrence, a variety of methods' classifications of occasional words formation, the differentiation of potential words and occasional words, differences between literary and newspaper occasional words, etc.). The main methods of formation of occasional words, their grammatical categories in quantitative ratio have been described based on the language material analysis; the main spheres of their functioning are identified; the types of dictionaries of occasional words are represented. The study found that active formation of occasional words in the modern Russian language, characterized by intensive expression, evaluativity, creativity in the process of speech tends to expressiveness. The thorough analysis of occasional words suggests future prospects of their existence in the modern Russian language.

Key words: occasional words; spheres of functioning; ways of forming; grammatical categories; fiction and journalistic occasional words; occasional words and usual words; dictionaries of occasional words.

Citation. Godizova Z.I., Yannin Shi. Occasional words in the modern Russian language of the turn of the centuries: semantic and word-formation aspect. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 192–200. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-192-200>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Godizova Z.I., Yannin Shi, 2023

Zara I. Godizova – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of Russian Language, North-Ossetian State University after K.L. Khetagurov, 44–46, Vatutin Street, Vladikavkaz, 362025, Russian Federation.

Shi Yannin – student of the Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University, 1 International University Park Road, Dayun New Town, Longgang District, Shenzhen, Guangdong Province, 518172, PRC.

Введение

В современном словообразовании происходят активные процессы, одним из которых является образование окказиональных слов как в художественной литературе, так и в особенности в современных СМИ, Интернете, которые быстрее всего откликаются на изменения, происходящие в различных сферах общества. В конце XX – начале XXI в. постоянно появляются новые окказиональные слова, образованные по словообразовательным типам, требующим своего описания и упорядочения.

Окказионализмы не новое явление в русском языке, но процесс их образования на рубеже веков значительно активизировался, расширился диапазон способов их образования, сфер функционирования. Это обусловлено разными причинами: стремлением индивидуальной реализации автора и желанием выразить оценку сообщаемого, стилистической маркированностью, эмоциональностью, экспрессивностью окказионализмов, желанием привлечь внимание к значению слова за счет его необычного облика, стремлением усилить эмоционально-экспрессивную окраску слова и преодолеть автоматизм восприятия. Таким образом, основная функция окказионализмов – не номинативная, не обозначение нового явления или новой реалии объективной действительности, а экспрессивная – желание выразить личностное, эмоциональное отношение к действительности. Важным мотивом к созданию окказионализмов является и стремление авторов к языковой игре, что придает тексту более необычный, креативный характер.

Окказионализмы – это слова, которые интересны в разных аспектах, с точки зрения лексикогра-

фии, словообразования, стилистики, социолингвистики. Особенностью окказионализмов является то, что словообразовательный аспект должен быть описан в неразрывном единстве с содержательным, поскольку, не понимая значения окказионализма, невозможно правильно определить словообразовательный тип и словообразовательные форманты, посредством которых образовано новое окказиональное слово. Окказионализмы – это слова, которые образуются в речи и без соответствующего контекста могут быть непонятны не только в смысле, но и в словообразовательном отношении.

Исследование окказионализмов имеет достаточно давние традиции, с середины XX в. интерес к ним не угасает [Фельман 1957; Винокур 1959; Земская 1972; Лопатин 1973; Намитокова 1986; Санников 1999; Попова 2007; Шумилова 2010; Захарова 2013; Девдариани, Рубцова 2018; Ильясова, Амири 2018; 2020; Улуханов 2008; 2020; Юдина 2020]. Этот интерес объясняется тем, что речь идет не просто о новых словах, а о новых словах, характеризующихся особой экспрессией, креативностью, создаваемостью в процессе речи.

Несмотря на активный интерес ученых к окказиональным словам, многие вопросы, связанные с этими необычными словами, остаются неоднозначно решаемыми, требующими своего дальнейшего исследования: ученые выдвигают разные критерии, позволяющие маркировать окказионализмы; высказываются разнообразные мнения относительно причин их образования; различается диапазон способов образования окказиональных слов у разных авторов; мнения ученых расходятся по вопросу разграничения потенциальных слов и окказионализмов; обсуждается вопрос об отли-

циях литературных и газетных окказионализмов; существуют разные мнения относительно того, какие окказионализмы входят в систему языка и в течение какого временного периода. Все это обуславливает актуальность предпринятого исследования.

Методы исследования

Целью данной статьи является разноаспектная характеристика окказиональных слов в русском языке конца XX – начала XXI в., предполагающая описание основных собственно окказиональных способов словообразования, грамматических разрядов окказионализмов, основных сфер их функционирования, обзор современных словарей окказиональных слов.

Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, всех его подкорпусов, что позволило проследить, в каких стилях речи окказионализмы более употребительны, в чем различие между художественными и публицистическими окказионализмами. Авторы обращались также к Словарю окказионализмов С.Б. Козинца (Козинец 2023).

В ходе исследования использовались методы: сплошной выборки, наблюдения, описания, словообразовательного анализа, функционально-семантического анализа; применялась количественная методика при определении соотношения грамматических разрядов окказионализмов, сфер их функционирования.

Ход исследования

В определении понятия «окказионализм» среди ученых имеются некоторые расхождения. Впервые это явление было рассмотрено в работе Н.И. Фельдман [Фельдман 1957], которая и ввела в обращение этот термин, а также выделила в качестве главных признаков окказиональных слов: 1) постоянную новизну; 2) словообразовательную производность; 3) невхождение в систему языка; 4) принадлежность определенному автору; 5) тесную связь с контекстом; 6) особую выразительность, привязку к конкретной ситуации [Фельдман 1957, с. 65–67].

Применительно к окказионализмам использовались и другие обозначения, например, их называли индивидуальными словами, одноразовыми неологизмами, словами-самоделками, поэтическими неологизмами, стилистическими неологизмами, креатемами и др. [Фельдман 1957, с. 66; Лопатин 1973, с. 63–64; Намитокова 1986, с. 18–19; Шаховский 2016]. Такое изобилие терминов объясняется стремлением ученых подчеркнуть представляющиеся им более важными особенности таких слов. Термин «окказионализм» (от лат. *occasio* – «случай») представляется нам наиболее удачным, так как подчеркивает спонтанность, случайность образования подобных слов.

Окказионализмы, которые, казалось бы, являются маргинальными и периферийными образова-

ниями, часто семантически и эмоционально более насыщены по сравнению с узуальными словами, особенно в конкретных контекстах, где они выступают единственно возможными словами, способными к передаче актуального смысла.

В рамках окказиональных слов можно выделить более необычные, новые слова, образованные нетипичными способами словообразования (например, *коеканность*), и слова более обычные, похожие на узуальные слова, но все же такими еще не ставшие (например, *длинноногость*). Существует и определенная переходная зона, к которой могут быть отнесены слова, имеющие признаки и потенциальных, и окказиональных слов. Если для собственно окказионализмов признак новизны не утрачивается, то у потенциальных слов он постоянен.

Исследованием способов словообразования окказионализмов занимались многие ученые [Земская 1972; 2005; Лопатин 1973; Улуханов 2008; 2020; Санников 1999; Шумилова 2010; Ильясова, Амири 2018]. Количество и перечень окказиональных способов словообразования несколько отличаются у разных исследователей. Может даже возникнуть впечатление об отсутствии четкой классификации таких способов, что в какой-то мере так и обстоит и является естественным, потому что окказионализмы – это слова, создаваемые с нарушениями существующих закономерностей в словообразовательной системе языка, возникающие спонтанно и произвольно. Определенно можно утверждать то, что окказиональные способы словообразования делятся на две группы – более узуальные и собственно окказиональные. Нас интересуют в большей степени собственно окказиональные способы словообразования, которые получили широкое распространение в конце XX – начале XXI века и характеризуются необычностью и новизной.

Обобщив существующие исследования, посвященные способам образования окказионализмов, мы будем в своей работе опираться на самую подробную классификацию окказиональных способов, предложенную И.С. Улухановым [Улуханов 2020], учитывая, конечно, что эта классификация создана для окказиональных глаголов. Поэтому мы будем также опираться на классификации В.В. Лопатина [Лопатин 1973], В.З. Санникова [Санников 1999], А.В. Шумиловой [Шумилова 2010], О.С. Захаровой [Захарова 2013], которые не противоречат друг другу, во многом совпадают или дополняют друг друга.

Когда речь идет о собственно окказиональных моделях образования новых слов, то ученые говорят прежде всего о междусловном наложении, контаминации и графической деривации, или графикации.

Актуальным представляется вопрос о соотношении контаминации и междусловного наложения. Е.А. Земская склонна различать междусловное наложение и контаминацию: если при

междусловном наложении «слова накладываются, наезжают друг на друга: конец одного является началом другого... то при контаминации соединяются два узуальных слова, которые порождают третье – окказионализм» [Земская 2005, с. 191–192]. Р.Ю. Намитокова отмечает, что «при наложении в окказионализме материально присутствуют два корня, при контаминации – один» [Намитокова 1986, с. 135]. В.З. Санников выдвигает следующие критерии, позволяющие определить контаминацию: 1) в окказионализме должны быть представлены формально оба исходных слова, хотя бы одной буквой; 2) значения обоих мотивирующих слов сложно переплетены в новом слове-окказионализме [Санников 1999].

В соответствии с представленными мнениями, которые не противоречат друг другу, мы будем рассматривать междусловное наложение и контаминацию как разные способы словообразования новых окказиональных слов.

Например, можно привести такие примеры окказионализмов, образованных посредством междусловного наложения:

«Я иногда придумываю слова: «культурникет», «великий перепост» «амбидепсы», «обнаженщина» (Дарья ЗАВГОРОДНЯЯ. Владимир Вишневский: «Мат я уважаю, но «звОнит» и «по ходу» – это перебор!» // Комсомольская правда, 2012.11) – из *обнаженная и женщина* – Г. З., Я. Ш.

«Луксус, мапин, пиджакет, паукан, подхализа, волосетка, *безумительно*, блистенский – подобные составные слова создаются не только детьми» (К.И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965) – из *безумный и изумительно* – Г. З., Я. Ш.

«Нам *бермуторно* на сердце и бермутно на душе!» (С.П. Капица. Мои воспоминания (2008) – из *Бермуды и муторно* – Г. З., Я. Ш.

«С Ишханом получилось совершенно стихийно, имелась у Иры подружка, вдруг оказавшаяся более чем состоятельной, по местным меркам даже богачкой, *нуворишкой...*» (Гоар Маркосян-Каспер. Кариатиды // Звезда, 2003) – из *нувориши и вориска* – Г. З., Я. Ш.

Окказионализмы, образованные контаминацией:

«22 декабря, 19: 30, театр «Геликон-опера» «*ЗаМЕЧ-Тательно!*» (Культурный уикенд: выбор «Известий» // Известия, 2017.12) – из *замечательно и мечта*, из слова *мечта* остается только один звук (и соответственно – буква) – «т» – Г. З., Я. Ш.

«...Считает нынешний директор лицея О. Опоросенко, *импузантный* мужчина в ультрамодном шестибортном пиджаке (Суперпуперлицей им. К. Бандитидзе // Комсомольская правда, 2003.08) – из *импозантный и пузо* – Г. З., Я. Ш. В данном случае в слове *импозантный* меняется лишь один звук, при этом корень слова *пузо* полностью входит в него, поглощается им.

«Такой вот «питательный» оптимизм. Или «*ценнизм*», как подмечают иные остряки» (Роман Вилев. Деньги вперед // Известия, 2011.12) – из *ценить и циннизм* – Г. З., Я. Ш.

«В своем выступлении я говорил о том, что это событие стало одним из первых проявлений *глокализации*

(объединения глобального и локального) в мировой культуре, причем произошло это еще до появления самого термина» (Столица под названием «Столица» // Известия, 2017.08) – из *глобальный и локальный* – Г. З., Я. Ш.

«*ВИЧный* вопрос: на трудовых инструктажах расскажут о вирусе иммунодефицита» (ВИЧный вопрос: на трудовых инструктажах расскажут о вирусе иммунодефицита // Известия, 2019.02) – из *ВИЧ и вечный* – Г. З., Я. Ш.

В данном случае контаминация сопровождается графикацией.

Очень часты окказионализмы, образованные *графической деривацией* (возможно совмещение с контаминацией или междусловным наложением) (например, *ДЖИПломат*, *довыДИ-ПЕНДРИ-вались*, *отуТЮЗить*», *ЧИФатъ*, *неумЭРенный*, *МАКСИМальный* (дар), *ГОРЕлым* (пахнет), *ШОУ-ковая* (терапия).

Исследователи все больше обсуждают возможности графической системы для создания новых слов, в особенности окказионализмов. Применительно к словам, образованным посредством разных графических систем, а также с использованием различных символов, применяют разные термины: слова-кентавры [Крысин 2010], новообразования поликодового типа; полиграфиксаты [Попова 2007; Нефляшева 2011], графогибрилизаты или поликодификаты [Попова 2007] и др.

Отношение к таким словам неоднозначно, не все ученые оценивают их положительно, как это делает, например, И.А. Нефляшева и др., полагая, что иноязычная графика в сочетании с кириллицей обогащает русский язык в смысловом и ассоциативном отношении [Нефляшева 2011]. Активное создание и употребление слов, образованных полиграфиксацией, обусловлено прежде всего прагматическими целями – желанием привлечь внимание к тексту, а номинативные и коммуникативные функции таких слов не столь актуальны. Именно поэтому основная сфера их функционирования – это СМИ и реклама.

Это могут быть слова, образованные за счет графических возможностей только русского языка (использование строчных и прописных букв), например из газетного подкорпуса:

«Рядом с “*АиФорией*” было достаточно сценических площадок, где выступали не менее достойные артисты, но мы можем с гордостью сказать, что наши читатели остались с нами до конца праздника» (Кому День города, а кому – семейный праздник» // Аргументы и факты, 2002.09) – из *Аргументы и факты* (*АиФ*) и *эйфория* – Г. З., Я. Ш. (графикация с контаминацией).

«Подробнее об отношении к ВИЧ в России в материале “Б” “*ВИЧное* дело каждого» (Минздрав предлагает ввести обязательную постановку ВИЧ-инфицированных на учет // Коммерсант, 2016.09) – из *ВИЧ и вечный* – Г. З., Я. Ш. (графикация с контаминацией).

Часто в таких словах используется графика другого (английского) языка, например *PRовокация*, «*STARneii*, *ХороShow*, *RAPетиция*»

«7 декабря они собираются провести в Москве церемонию награждения анти-премией «PRовокация-Awards 2016» (Российские PR-специалисты избрали альтернативный формат общения // lenta.ru, 2016.11).

«Totalный грандж Я знаю людей, которым нравится группа “TOTAL”: не слишком много подобного на российской музыкальной сцене, загруженной муми-земфиновским рокопсом» (Totalный грандж // Аргументы и факты, 2002.06).

Окказионализмы могут образовываться *заменительной деривацией (трансрадикацией)*, в этом случае происходит замена одного из корней мотивирующего слова (например, «*чадотворец* (вместо *чудотворец*), *электростоп* (вм. *автостоп*), *здоровозахоронение* (вм. *здоровоохранение*). Такие окказионализмы часто создаются в игровых целях, например:

«– А медицинские передачи она знаешь как называется? *Здоровозахоронение*» (Анатолий Салуцкий. Немой набат // Москва, 2019).

В газетном подкорпусе приведено 11 высказываний со словом *здоровозахоронение*, что свидетельствует о частотности его функционирования, невозможности приписать авторство какому-либо определенному писателю или журналисту:

«Без кардинального пересмотра данной модели медицины в обозримом будущем имеет все шансы стать «*здоровозахоронением*», навсегда потеряв возможность приблизиться по качеству к стандартам развитых стран мира» (Николай Миронов. Российское здравоохранение превращается в «здоровозахоронение» // Московский комсомолец, 2017.04).

Одним из способов образования окказионализмов является изменение *семантического (смыслового) круга производящих основ* (например, по типу слов *читальный*, *кипятильный* образуется слово *вставальный*; по типу слова *хвостатый* образуется слово *колесатый*; по типу абстрактных существительных *ловкость*, *подлость*, *черствость* образовано *советскость* и т. д.).

Очень употребительным является слово *советскость*, которое в основном подкорпусе встречается 34 раза (временной диапазон высказываний – с 1924 по 2015 г.), например:

«Я не хочу умереть такой, какая я сейчас – советской. Вычерпываю из себя свою *советскость* ведрами... – Я хожу на митинги, потому что туда ходит мой муж... (Светлана Алексиевич. Время second-hand // Дружба народов, 2013).

В газетном подкорпусе встречается 50 высказываний со словом *советскость* (с 1997 по 2020 г.), например:

«Идеология, сейчас лежащая в основе их деятельности, представляет собой дикую смесь из «*советскости*» и дурно понятой «рыночности», которая вызывает негативную реакцию «контингента» (Три ключевых компонента реформы здравоохранения // Ведомости, 2020.05).

Такая широкая употребительность слова *советскость* позволяет задуматься о возможной перспективе для него стать узуальным словом.

При образовании окказионализмов может происходить изменение *части речи, выступающей в качестве мотивирующего слова* [Лопатин 1973, с. 123]. Например, приставка недо- сочетается обычно с глаголами, если же она сочетается с существительными, речь идет уже об окказионализмах (например, *недокритика*, *недопродукты*).

Окказиональные слова могут образовываться *суффиксацией словосочетаний*, в том случае мотивирующим является целое словосочетание или даже предложение. Например: *всенипочемство*, *всемство*, *длясебятники* и под.

Слово *всемство* приведено в основном подкорпусе 11 раз, временной диапазон произведений – с Ф.М. Достоевского, которому, очевидно, можно приписать авторство этого слова, до 2012 г., например:

«Позвольте, господа, ведь не оправдываюсь же я этим *всемством*» (Ф.М. Достоевский. Записки из подполья, 1864).

Разновидностью вышеописанного способа образования окказионализмов (суффиксации словосочетаний) является так называемый «*фокус-покус*» прием. В этом случае окказионализмы часто образуются с целью создания комического эффекта, словообразовательных шуток, каламбура, языковой игры, например: *кавычки и какбычегоневычки* (Л. Успенский), *мордолизация*, *коекакность* и под.

Например, в основном подкорпусе встретилось три употребления слова *мордолизация*, хронологически не новых:

«Женька попятился и тоже сел на лавку, так как с мастером он сегодня встретился впервые и ни о каком «отвернул *мордолизацию*» не могло быть и речи» (Виль Липатов. И это все о нем, 1984).

В контексте может происходить переосмысление *словообразовательной структуры уже существующих слов*, иначе *блендинг* (например, *подводница* – тот, кто подводит, *экстаз* – таз, пришедший в негодность, «*ВТОржение в ВТО*» [Санников 1999, с. 147].

Вот пример из акцентологического подкорпуса:

Две вещи ненавижу: расизм и негров
ЖАЛО-сть
Чертовски тихий омут
кай-ФУ-ю
глу-БОКО-мысле
Планов ГРАММ-адё
РОЖдество
Как жаль, что вы наконец-то уходите
Хамству наше решительное нет-с!
(kraft. Как хочется ещё хоть немного пожить вечно, 2006).

Окказионализмы могут образовываться путем слияния таких слов, которые в узуальном словообразовании не могли бы сочетаться, например:

«Центральные *телеканалзации*! Крутят на ТВ центральном Только то, что аморально» (govoyupravdu. Центральные телеканалзации!!! 2012).

Слияние может сочетаться с суффиксацией (сласотерпец, ХочуЕщевцы):

Не замечая боли длил свой путь,
С усердием иного сласотерпца,
Разбиться может, но не отвернуть,
Об астероид каменного сердца
(isfahan. Душа замерзла и упала вниз, 2007).

Окказионализмы образуются также в результате таких способов, как образование по конкретному образцу (например, монетократия), образование слов с вымышленными корнями, обратное словообразование (например, нянь).

С.В. Ильясова, Л.П. Амири выделяют в качестве окказионального способа образования прецедентность, в этом случае происходит трансформация «фразеологических единиц (пенкосниматель – “снимать пенки”), пословиц и поговорок (наркояблоко от наркояблони – “яблочко от яблони не далеко падает”), наименований художественных произведений (горе от дельфинариума – “Горе от ума”» [Ильясова, Амири 2018].

Таким образом, мы рассмотрели основные собственно окказиональные способы словообразования. Наиболее часто встречаются в НКРЯ окказионализмы, образованные междусловным наложением, контаминацией, графикацией.

С точки зрения частеречной представленности основная доля окказионализмов в собранном языковом материале – это существительные (141 слово), в равной мере представлены прилагательные (36 слов) и глаголы (30 слов), имеются также наречия (9 слов). Окказиональных местоимений и числительных в нашем материале не имеется.

Например:

– существительные: глокализация, рокнроллы, руководятел, рэпетиция, свекровище, секретварь, солженищеванство, супкультура, СШАкалы, травительство, туп-менеджер, чревоточина, чудетство, юлист и др.;

– прилагательные: блогоразумный, ВИЧный ГИББДлый, грабительственный, думалишенный, ерундрованный, интуинтимный, музыкайфный, осетенель, ОЧЕРЕДЬной, парламентовский, наспортивный, тоталный, угупленный, хамильярный, цинизменный и др.;

– глаголы: докарикатурекаться, заГРЭММИроваться, крысоваться, мозжечокнуть, наВАЗывать, наспартачить, нейтронуть, облагоуродить, объЕГЭрить, осетенеть, повыйогиваться, прихворяться, пропеСОЧИть, рерихнуться, соглазнять, телениться и др.;

– наречия: меладзично, скоропрестижно, заМЕЧТАтельно, хороШоу (или хороShow).

Таким образом, частеречная статистика окказионализмов не отличается от частеречного соотношения обычных, узуальных слов.

Основная сфера образования и функционирования окказионализмов – это язык художественной литературы и СМИ. Так, в нашем материале в равном соотношении представлены употребления окказиональных слов в основном, газетном и акцентологическом подкорпусах, единичны случаи функционирования окказионализмов в поэтиче-

ском, устном и мультимедийном подкорпусах. Основной подкорпус – это произведения художественной литературы, газетный – это язык СМИ, акцентологический – это поэтические произведения непрофессиональных поэтов.

Наиболее необычные окказионализмы, характеризующиеся оттенком новизны, встречаются в языке СМИ, что понятно, так как СМИ быстрее всего реагируют на все происходящие в мире процессы, в том числе образованием новых необычных слов, позволяющих точно, метко, иронично обозначить какие-то явления и выразить к ним свое отношение.

Наиболее часто представлены окказионализмы, связанные с характеристикой человека, например:

– оценочные наименования лиц: антиллигент, арЕстократ, биснесмент, вридактор, гегемонстр, гейрой, господариц, демокрад, депутана, ддясебятник, долбожитель, дохладчик, женоненасытник, законсерватор, зарубеженец, землепроходимец, космополитик, крысавица, лжурналист, руководитель;

– оценочные прилагательные, наречия, глаголы, касающиеся деятельности человека: всенипочемство, берукратия, безумительно, бермуторно, грабительственный, ерундрованный, заМЕЧТАтельно, импузантный, категоричный, меладзично, мозжечокнуть, наспартачить, объЕГЭрить.

Основные сферы употребления окказионализмов: общественно-политическая сфера (глокализация, глокальный, дерьмократия, катастройка, берукратия, думалишенный, дурукратия, законопрожект, дымократия, травительство); СМИ, Интернет, информационные технологии (АиФоризм, блогоблудие, блогоразумие, вридактор, осетенеть, приСМИрить, СМИлостивиться, СМИрительный, СМИрный, телеканализация, РРовокация, блогоразумный, компьютероризация); сфера медицины (ВИЧный, грипидемия, здравозащоронение, здравоохрещение); сфера искусств, шоу-бизнеса (джазофрения, димабиланизм, лживопись, музыкайфный, РАРетия); правовая сфера (ГИББДлый, юлист, юриспургенция, юридированный, юституция); сфера экономики, финансов (бюджетуть, валютаризм, ВТОржение, импортенция, кошмаркетинг, налозообложение, прихватизация, экономикадзе); сфера торговли, сервиса (ЗакуCity, кока-колонизация, ХороШоу, Шашлык Шашлык ОК); сфера спорта (дебилдинг, ЦСказка); географические названия (или использование в номинации географического названия) (Кабардино-Болгария); сфера образования, науки (вместоимение, объЕГЭрить); сфера религии, эзотерики (рерихнуться).

Окказионализмы – это слова, которые еще не вошли в систему языка, а возможно, и не войдут в будущем, оставшись фактом речи. Но это не значит, что их не нужно фиксировать и описывать. Следовательно, правомерен вопрос о необходимости создания словарей окказионализмов. Существуют разнообразные словари окказионализмов, различающиеся по принципу составления, например словари окказионализмов, ориентированные на определенную часть речи (словарь окказио-

нальных глаголов [Улуханов 2020]), словари окказионализмов, создаваемых с целью языковой игры (Козинец 2023); словари окказионализмов какого-либо писателя (Самохин). Спецификой таких словарей является та информация, которая должна в них содержаться: исходная форма слова, компоненты его структуры, способ словообразования, грамматическая характеристика, стилистическая характеристика, источник появления (Ruscorpora.ru).

Заключение

Таким образом, активное образование окказиональных слов в современном русском языке – это одно из проявлений тенденции к выразительности, поскольку эти слова характеризуются яркой экспрессией, оценочностью, креативностью, создаваемостью в процессе речи.

Анализ языкового материала позволил выявить 13 собственно окказиональных способов словообразования. Наиболее активно окказионализмы образуются междусловным наложением, контаминацией, графикацией, активно привлекаются возможности графических систем разных языков, в результате чего образуются так называемые «слова-кентавры».

Основная часть окказионализмов в собранном языковом материале представлена существительными, прилагательными, глаголами, реже – наречиями, не зафиксированы местоимения и числительные. Частеречная статистика окказионализмов не отличается от частеречного соотношения обычных, узуальных слов, среди которых слова основных частей речи составляют фундамент номинативного фонда русского языка.

Основная сфера образования и функционирования окказионализмов – это художественная литература, СМИ, Интернет.

Одной из важных проблем, связанных с окказионализмами, является вопрос о перспективах их дальнейшего существования. Исследователи

допускают для них две возможности, как, впрочем, и вообще для неологизмов: вхождение в активное обращение и утрату окраски новизны либо сохранение ими статуса случайного явления, не вошедшего в узус. В каком же случае окказионализм может стать узуальным словом? Язык – это живой организм, живущий по своим законам, и только время способно ответить на этот вопрос. В качестве факторов, способствующих закреплению окказионализма в системе языка, можно назвать признаки самого нового слова, располагающие к этому, определенные преимущества относительно существующих конвенциональных единиц и простота восприятия, социальный запрос на новое наименование, способность слова восполнить существующую коммуникативную лакуну.

Все окказионализмы характеризуются яркой оценочностью и экспрессивностью, чаще всего характеризуют человека и его деятельность, встречаются в самых разных сферах. Очевидно, что СМИ и Интернет быстрее и живее откликаются на происходящие в мире общественно-экономические, социальные и иные процессы. Этим окказионализмам присущи большая новизна, оценочность, меткость, ироничность, в силу чего они расширяют сферы своего функционирования и теряют индивидуальное авторство. Окказионализмы художественные, как правило, не утрачивают принадлежности определенному автору, даже приобретая широкое «хождение» в произведениях других авторов.

Живее всего на неологизмы реагируют люди с определенными характеристиками: представители молодого и среднего возраста, люди достаточно образованные и имеющие доступ к СМИ, принимающие большое участие в социальном общении.

Как бы ученые и обычные люди ни относились к окказионализмам, безусловно одно – они делают речь более экспрессивной, яркой, выразительной, привлекающей внимание.

Материалы исследования

Ruscorpora.ru – *Национальный корпус русского языка*. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.11.2022, 14.11.2022, 15.11.2022, 18.11.2022, 01.12.2022, 04.12.2022, 07.12.2022, 14.12.2022).

Козинец 2023 – *Козинец С.Б.* Словарь окказионализмов русского языка. Москва: Флинта, 2023. 224 с. (дата обращения: 10.11.2022, 14.11.2022, 15.11.2022, 18.11.2022, 01.12.2022, 04.12.2022, 07.12.2022, 14.12.2022).

Самохин – *Самохин И.С.* Словарь окказионализмов Андрея Вознесенского. URL: http://samlib.ru/s/samohin_iwan_sergeewich/slovar_okkazionalizmov_andreya_voznesenskogo.shtml.

Библиографический список

Винокур 1959 – *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. Москва: Учпедгиз, 1959. 539 с. URL: <https://studylib.ru/doc/2709293/g.-o.-vinokur-izbrannye-raboty-po-russkomu-yazyku>.

Девдариани, Рубцова 2018 – *Девдариани Н.В., Рубцова Е.В.* Окказионализм как феномен в русской литературе // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7, № 4 (25). С. 42–45. URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=36745993>. EDN: <https://elibrary.ru/vqwvyc>.

Захарова 2013 – *Захарова О.С.* К проблеме соотношения понятий «окказионализм» и «потенциальное слово» // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2013. № 3. С. 14–25. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20219925>. URL: <https://elibrary.ru/ramhif>.

Земская 1972 – *Земская Е.А.* Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. Самарканд, 1972. С. 19–28.

Земская 2005 – *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. Москва: ООО «КомКнига», 2005. 224 с.

Ильясова, Амири 2015 – *Ильясова С.В., Амири Л.П.* Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. 6-е изд. Москва: Флинта, 2018. 296 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=360637>.

Ильясова 2020 – *Ильясова С.В.* Словообразовательная игра: от лингвокреативности до лингвоциничности (на материале языка современных российских СМИ) // Политическая лингвистика. 2020. № 3 (81). С. 39–45. DOI: <http://doi.org/10.26170/pl20-03-03>. EDN: <https://elibrary.ru/rzcfns>.

Крысин 2010 – *Крысин Л.П.* О некоторых новых типах слов в русском языке: слова-«кентавры» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 575–579. URL: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2010_4\(2\)/45.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2010_4(2)/45.pdf); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15574855>. EDN: <https://elibrary.ru/ncvlgv>.

Лопатин 1973 – *Лопатин В.В.* Рождение слова: неологизмы и окказиональные словообразования. Москва: Наука, 1973. 152 с. URL: https://www.studmed.ru/lopatin-v-v-rozhdenie-slova-neologizmy-i-okkazionalnye-obrazovaniya_93f0175344e.html.

Намитоква 1986 – *Намитоква Р.Ю.* Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1986. 156 с.

Нефляшева 2011 – *Нефляшева И.А.* Иноязычные графические элементы в структуре окказионального слова // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. № 5–1. С. 91–99. URL: <http://vestnik.stavsu.ru/76-2011/14.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17774267>. EDN: <https://elibrary.ru/ooyuyn>.

Попова 2007 – *Попова Т.В.* Графодеривация в русском словообразовании конца XX–нач. XXI вв. // Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы (Москва, март 2007). Москва: Макс Пресс, 2007. С. 230–231. URL: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts>.

Санников 1999 – *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. Москва: Языки русской культуры, 1999. 541 с. URL: https://www.phantastike.com/linguistics/russkiy_yazyk_v_zerkale_yazykovoy_igry/pdf.

Улуханов 2008 – *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. Изд. 2-е, испр. и доп. Москва: ЛКИ, 2008. 232 с. URL: <https://www.chitalkino.ru/ulukhanov-i-s/edinityslovoobrazovatelnoy-sistemy-russkogo-yazyka-i-ikh-leksicheskaya-realizatsiya-2>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21797835>. EDN: <https://elibrary.ru/sjaber>.

Улуханов 2020 – *Улуханов И.С.* О словаре «Окказиональные глаголы русского языка» // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79, № 6. С. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S241377150013062-1>. EDN: <https://elibrary.ru/dwiubm>.

Фельдман 1957 – *Фельдман Н.И.* Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4. С. 64–73. URL: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=84826&object_type=pdf.

Шаховский 2016 – *Шаховский В.И.* Креатемы в модели языкового сознания русских // Вопросы психолингвистики. 2016. № 28. С. 324–333. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26283020>. EDN: <https://elibrary.ru/wddybv>.

Шумилова 2010 – *Шумилова А.В.* Окказионализмы нетиповой структуры в газетном заголовке (на материале Нижегородских региональных СМИ) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2010. Т. 9. № 6. С. 131–137. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15215205>. EDN: <https://elibrary.ru/muyuzx>.

Юдина 2020 – *Юдина А.Д.* Окказионализмы, мотивированные именами собственными // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 195. С. 126–134. DOI: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-126-134>. EDN: <https://elibrary.ru/qnbjbb>.

References

Vinokur 1959 – *Vinokur G.O.* (1959) Selected works on the Russian language. Moscow: Uchpedgiz, 539 p. Available at: <https://studylib.ru/doc/2709293/g.-o.-vinokur-izbrannye-raboty-po-russkomu-yazyku>. (In Russ.)

Devdariani, Rubtsova 2018 – *Devdariani N.V., Rubtsova E.V.* (2018) Occasionalism as a phenomenon in Russian literature. *Baltic Humanitarian Journal*, vol. 7, no. 4 (25), pp. 42–45. Available at: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=36745993>. EDN: <https://elibrary.ru/vqvwyc>. (In Russ.)

Zakharova 2013 – *Zakharova O.S.* (2013) About the correlation between the notions «nonce word» and «potential word». *Russian Journal of Linguistics*, no. 3, pp. 14–25. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20219925>. URL: <https://elibrary.ru/ramhif>. (In Russ.)

Zemskaya 1972 – *Zemskaya E.A.* (1972) Occasional and potential words in Russian word formation. In: *Topical issues of Russian word building*. Samarkand, pp. 19–28. (In Russ.)

- Zemskaya 2005 – *Zemskaya E.A.* (2005) Word-formation as an activity. Moscow: ООО «KomKniga», 224 p. (In Russ.)
- Il'yasova, Amiri 2018 – *Il'yasova S.V., Amiri L.P.* (2018) Language game in mass media communicative space and advertisement. 6th edition. Moscow: Flinta, 296 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=360637>. (In Russ.)
- Il'yasova 2020 – *Il'yasova S.V.* (2020) A word building game: from linguocreativity to linguocynicism (on the material of modern Russian mass media). *Political Linguistics*, no. 3 (81), pp. 39–45. DOI: <https://doi.org/10.26170/pl20-03-03>. EDN: <https://elibrary.ru/rczfnf>. (In Russ.)
- Krysin 2010 – *Krysin L.P.* (2010) On some new types of words in Russian: «centaur words». *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 4 (2), pp. 575–579. Available at: [http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2010_4\(2\)/45.pdf](http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2010_4(2)/45.pdf); <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15574855>. EDN: <https://elibrary.ru/ncvlgv>. (In Russ.)
- Lopatin 1973 – *Lopatin V.V.* (1973) Birth of the word: neologisms and occasional word formations. Moscow: Nauka, 152 p. Available at: https://www.studmed.ru/lopatin-v-v-rozhdenie-slova-neologizmy-i-okkazionalnye-obrazovaniya_93f0175344e.html. (In Russ.)
- Namitokova 1986 – *Namitokova R.Yu.* (1986) Author's neologisms: word-formation aspect. Rostov-on-Don: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 156 p. (In Russ.)
- Neflyasheva 2011 – *Neflyasheva I.A.* (2011) Foreign graphic elements in the structure of a nonce word. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (1), pp. 91–99. Available at: <http://vestnik.stavsu.ru/76-2011/14.pdf>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17774267>. EDN: <https://elibrary.ru/oxyuyn>. (In Russ.)
- Popova 2007 – *Popova T.V.* (2007) Graphoderivation in the Russian word formation of the late XX – early XXI century. In: *Russian language: historical destinies and present: 3rd International congress of Russian language researchers: proceedings and materials (Moscow, March 2007)*. Moscow: Maks Press, pp. 230–231. Available at: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts>. (In Russ.)
- Sannikov 1999 – *Sannikov V.Z.* (1999) Russian language in the mirror of language game. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 541 p. Available at: https://www.phantastike.com/linguistics/russkiy_yazyk_v_zerkale_yazykovoy_igr/pdf. (In Russ.)
- Ulukhanov 2008 – *Ulukhanov I.S.* (2008) Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical implementation. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: LKI, 232 p. Available at: <https://www.chitalkino.ru/ulukhanov-i-s/edintsy-slovoobrazovatelnoy-sistemy-russkogo-yazyka-i-ikh-leksicheskaya-realizatsiya-2/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21797835>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sjaber>. (In Russ.)
- Ulukhanov 2020 – *Ulukhanov I.S.* (2020) On the dictionary «Occasional verbs of the Russian language». *Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language*, vol. 79, no. 6, pp. 33–41. DOI: <https://doi.org/10.31857/S241377150013062-1>. EDN: <https://elibrary.ru/dwiubm>. (In Russ.)
- Feldman 1957 – *Feldman N.I.* (1957) Occasional words and lexicography. *Voprosy Jazykoznanija = Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 64–73. Available at: https://arxiv.gaugn.ru/index.php?dispatch=materials.getfile&object_id=84826&object_type=pdf. (In Russ.)
- Shakhovskiy 2016 – *Shakhovskiy V.I.* (2016) Kreatems in Russians's language consciousness model. *Journal of Psycholinguistics*, no. 28, pp. 324–333. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26283020>. EDN: <https://elibrary.ru/wddybv>. (In Russ.)
- Shumilova 2010 – *Shumilova A.V.* (2010) Non-standard structure occasional words in a newspaper headline (on the material of Nizhniy Novgorod regional mass media). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, vol. 9, no. 6, pp. 131–137. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=15215205>. EDN: <https://elibrary.ru/muyuzx>. (In Russ.)
- Yudina 2020 – *Yudina A.D.* (2020) Occasionalisms motivated by proper names. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, no. 195, pp. 126–134. DOI: <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2020-195-126-134>. EDN: <https://elibrary.ru/qnbjbb>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'374:2

Дата поступления: 10.03.2023
рецензирования: 27.04.2023
принятия: 30.05.2023

**Имена существительные религиозной семантики на *-ник*
в русском языке XVIII века (на материале лексикографических
произведений гражданской печати)**

С.В. Феликсов

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: svfeliksov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

Аннотация: Исследование находится в русле проблем истории формирования религиозного стиля русского языка. В статье осуществлен комплексный лингвистический анализ имен существительных религиозной семантики на *-ник*, зафиксированных в отечественных лексикографических произведениях гражданской печати XVIII в. Актуальность темы обусловлена отсутствием к настоящему времени специальных лингвистических исследований, связанных с изучением имен существительных религиозной семантики на *-ник*, а также функциональной значимостью данного класса слов для формирования религиозного стиля русского языка XVIII века. Были использованы методы стилистического, морфемно-словообразовательного, грамматического, тематического, историко-этимологического и дефиниционного анализа, а также метод семантического поля и статистический. В ходе исследования были проанализированы словообразовательные и семантические особенности религиозно-субстантивов на *-ник*, описаны их лексико-грамматические разряды и тематические группы, в рамках этих групп выявлены новообразования XVIII века. Установлено, что религиозно-субстантивы на *-ник* характеризуются системой сложных словообразовательных отношений, соотносясь с отыменными или отглагольными базовыми основами, и в большей своей части являются моносемантическими конкретными именами, обозначающими лиц мужского пола. При этом показано, что производные на *-ник*, имеющие в качестве базовой отглагольную основу, обозначают главным образом лиц по действию или выполняемым профессиональным функциям, а дериваты с базовой отыменной основой называют лиц по сану, должности или по признаку, а также обозначают предмет, имеющий определенное предназначение. Отмечено, что имена существительные религиозной семантики на *-ник* прочно заняли свое место в лексической системе религиозного стиля русского языка XVIII века, образуя в ней особый пласт конкретной конфессиональной лексики.

Ключевые слова: религиозный стиль; религиозная лексика; имена существительные; суффикс *-ник*; суффикс *-ик*; русская лексикография; православие; XVIII век.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Цитирование. Феликсов С.В. Имена существительные религиозной семантики на *-ник* в русском языке XVIII века (на материале лексикографических произведений гражданской печати) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 201–212. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-201-212>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Феликсов С.В., 2023

Сергей Владимирович Феликсов – кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики историко-филологического факультета, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 115184, Российская Федерация, г. Москва, Новокузнецкая, 23, стр. 5а

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.03.2023
Revised: 27.04.2023
Accepted: 30.05.2023

**Nouns of religion semantic on *-nik* in the Russian language of the XVIII century
(exemplified by lexicographic works of civil press)**

S.V. Feliksov

St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russian Federation
E-mail: svfeliksov@gmail.com. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-5928-3311>

Abstract: The article deals with the history of religious style formation in the Russian language. In the article carried out a comprehensive linguistic analysis of the names of nouns of religious semantics on *-nik*, recorded in the XVIII century Russian lexicographic works of civil press, which provide detailed representation of confessional vocabulary. The relevance of the study is due to the absence to date of special linguistic studies related to the study of the names of nouns of religious semantics on *-nik*, as well as functional significance of this class of words for the formation of religious style

of the Russian language of the XVIII century. The work used methods of stylistic, morpheme-word-forming, grammatical, thematic, etymological and definition analysis, as well as the method of semantic field and statistical one. In the course of the study, the word-forming and semantic features of religious entities on the *-nik* were analyzed, their lexical and grammatical categories and thematic groups were described, within these groups neoplasms of the XVIII century were identified. It has been established that substance religionists are characterized by a system of complex word-forming relations, correlating with derogatory or verbal basic foundations, and for the most part are monosemantic specific names denoting male persons. It is shown that derivatives on the *-nik* having a verbal base as a basic base are mainly designated persons by action or professional functions performed, and derivatives with a basic base are called persons by rank, position or characteristic, and also indicate an object having a certain purpose. It is noted that the nouns of religious semantics in *-nik* firmly took their place in the lexical system of the religious style of the Russian language of the XVIII century, forming in it a special layer of a specific confessional vocabulary.

Key words: religious style; religious vocabulary; noun; suffix *-nik*; suffix *-ik*; Russian lexicography; Orthodoxy; XVIII century.

Citation. Feliksov S. V. Nouns of religion semantic on *-nik* in the Russian language of the XVIII century (exemplified by lexicographic works of civil press). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2029, vol. 2, no. X, pp. 201–212. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-201-212>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Feliksov S.V., 2023

Sergey V. Feliksov – Candidate of Philological Sciences, associate professor of the Department of Pedagogics, Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University, bldg. 5a, 23, Novokuznetskaya Street, Moscow, 115184, Russian Federation.

Введение

Изучению вопроса, связанного с историей словообразовательного типа имен существительных на *-ник*, являющегося одним из самых продуктивных в русском языке, начиная с древнерусского периода¹, посвящены работы А.А. Дементьева [Дементьев 1942], В.В. Виноградова [Виноградов 1947], В.В. Веселитского [Веселитский 1972], Г.А. Николаева [Николаев 1976], Е.Д. Бесценной [Бесценная 1980], А.А. Раковой (Ракова 1984), З.И. Шаталовой (Шаталова 1984), Е.А. Земской [Земская 1992], О.В. Шашковой (Шашкова 1997), С.Л. Чарекова [Чареков 2002], Т.В. Жуковой (Жукова 2002), М.В. Хитиной (Хитина 2006), С. Гоу (Гоу 2010), О.А. Шапорева (Шапорева 2012) и ряда других ученых. Однако, несмотря на теоретико-практическую значимость существующих трудов, необходимо констатировать, что имена существительные религиозной семантики на *-ник*, употребляющиеся в русском языке XVIII века, не стали в них предметом специального лингвистического анализа. Учитывая данное положение дел, а также тот факт, что рассматриваемые религионимы-субстантивы² – значительный по своему составу и важный для религиозного стиля речи³ пласт конфессиональной лексики русского языка XVIII в., в предлагаемой статье делается попытка заполнить в определенной мере существующую в науке лауну.

Источниками для исследования стали словарные труды гражданской печати, явившиеся первыми масштабными опытами лексикографического описания религиозной лексики русского языка не только в XVIII в., но и в целом в истории отечественной письменности: 1) «Церковный словарь» протоиерея П.А. Алексева (1773–1794 гг.) (далее – ЦС)⁴, 2) «Краткой словарь славянской» игумена Евгения (Романова) (1784 г.) (Романовъ 1784) (далее – КСС), 2) «Словарь Академіи Россійской» (1789–1794 гг.) (САР 1789–1794) (далее – САР).

Материалом для исследования послужили более 160 лексических единиц – имен существительных религиозной семантики на *-ник*, зафиксированных в названных лексикографических источниках.

Методы исследования

Выбор лексикографических произведений для языкового анализа, а также дифференциация содержания в них лексического материала в соответствии с его принадлежностью к религиозному стилю речи и семантическому полю «религия»⁵ при проведении исследования осуществлялись на основе методов стилистического анализа и семантического поля⁶. При выявлении особенностей словообразовательной структуры рассматриваемых дериватов на *-ник* были применены методы морфемного и словообразовательного анализа⁷. Для описания религионимов-субстантивов в соответствии с лексико-грамматическими разрядами и тематическими группами использованы методы грамматического и тематического анализа. Особенности семантики изучаемых лексем, характерные для рассматриваемого периода, были выявлены посредством методов компонентного анализа словарных дефиниций и их сопоставления. При рассмотрении религионимов-субстантивов на *-ник* в аспекте времени их возникновения в русском языке был использован историко-этимологический анализ⁸. Помимо этого, в исследовании приведены количественные данные, касающиеся рассматриваемых дериватов, в связи с этим был использован также статистический метод.

Особенности словообразовательной структуры религионимов-субстантивов на *-ник*

В научной литературе существует «разнобой» (Шаталова 1984, с. 31) в квалификации имен существительных на *-ник* со словообразовательной точки зрения⁹. В связи со «сложной системой

словообразовательных отношений» (Шаталова 1984, с. 30) внутри словообразовательных цепей, раскрывающих последовательность образований данных дериватов, одно производное слово может быть соотнесено с несколькими производящими основами (например: *грех / грешить / грешный* → *грешник* [Ширшов 1981, с. 52] и, соответственно, иметь несколько трактовок словообразовательной структуры слова (Гоу 2010, с. 69).

Ввиду нерешенности в науке обозначенной проблемы и наличия по ней разных (в т. ч. противоположных) точек зрения, представляется целесообразным придерживаться подхода, в соответствии с которым образования на *-ник*¹⁰ предлагается рассматривать главным образом в зависимости от их исходной основы (отыменной/отглагольной), поскольку именно от нее, по наблюдениям ученых, зависит «судьба» «семантического и словообразовательного развития» дериватов данного словообразовательного типа [Русский язык и советское общество... 1968, с. 183].

Помимо этого, с учетом «особо тесной связи» суффиксов *-ик-* и *-ник*¹¹, которые, по мнению И.А. Ширшова, передают «одно и то же значение» и «обладают формальной общностью» [Ширшов 1981, с. 48], в исследовании данные языковые единицы будут обозначаться комбинированным графическим способом (*-(н)ик*)¹² и рассматриваться как форманты, функционирующие в одном «морфемном комплексе» (т. е. являющиеся «фонологически тождественной аффиксальной последовательностью, повторяющейся в серии слов, которая в одних случаях распадается на две или более простые морфемы, в других случаях представляет собой формально протяженную, но семантически простую морфему» [Ширшов 1980, с. 48]).

С учетом сказанного выше при описании словообразовательных отношений имен существительных религиозной семантики на *-ник* в исследовании, помимо исходной основы данных дериватов, также будут указаны (с опорой на имеющиеся исторические словари русского языка) и их потенциально мотивирующие основы, поскольку «подлинную словообразовательную структуру мотивированных слов можно установить», не только опираясь «на всю совокупность образований зпт принадлежащих к определенному словообразовательному типу, но и совокупность образований связанных с ним типов, тождественных или сходных по структуре форманта» (Шаталова 1984, с. 34, 43)¹³.

Отыменные образования. Данную группу религионимов-субстантивов на *-ник* составляют дериваты, которые имеют исходную основу «непроцессуального значения», т. е. являются образованными от существительных неглагольного происхождения и отсубстантивных прилагательных (не менее 55 лексем) [Русский язык и советское общество... 1968, с. 183; Земская 1992, с. 95].

1. Абсолютное большинство отыменных религионимов-субстантивов на *-ник*, зафиксированных

в изучаемых словарях, представляют собой образования, в которых прослеживается смысловая и структурная связь как с субстантивными, так и адъективными основами (не менее 50 лексем). При этом отметим, что при «мотивации прилагательным в равной мере можно усматривать совмещение отрезка, отличающего основу прилагательного <...> с начальным отрезком суффиксального морфа» (Хитина 2006, с. 58; Бесценная 1980, с. 43).

В зависимости от особенностей исходной основы, а также способа словообразования среди рассматриваемых религионимов-субстантивов на *-ник* можно выделить следующие группы дериватов, для которых базовыми являются основы имен существительных, а потенциально мотивирующими – основы имен прилагательных, мотивированных теми же существительными.

1.1. Дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* и имеющие в качестве базовой основы непродуцированные конкретные (реже абстрактные) имена существительные мужского и женского рода: а) славянского происхождения (*дверь / дверний (дверной)* (СлРЯ XVIII) → *дверникъ, колоколь / колокольный* (СлРЯ XVIII) → *колокольникъ, отецъ / отечный* (СлРЯ XI–XVII) → *отечникъ, правда / праведный* (СлРЯ XI–XVII) → *праведникъ, свѣча / свѣчной* (СлРЯ XI–XVII) → *свѣчникъ, столъ / столный* (СлРЯ XI–XVII) → *столникъ* и др.) и б) иноязычного (греческого) (*икона / иконный* (СлРЯ XVIII) → *иконникъ, канон / канонный* (СлРЯ XVIII) → *канонникъ, клиросъ / клиросный* (СлРЯ XI–XVII) → *клиросникъ, кутья / кутейный* (СлРЯ XI–XVII) → *кутейникъ, схима / схимный* (СлРЯ XI–XVII) → *схимникъ, церковь / церковный* (Срезн.) → *церковникъ* и др.) (не менее 25 лексем).

1.2. Дериваты, образованные конфиксальным способом и имеющие в качестве базовой основы непродуцированные конкретные (реже абстрактные) имена существительные мужского, женского и среднего рода славянского происхождения (при этом данные образования могут быть соотнесены также с приставочными и/или бесприставочными основами имен прилагательных, мотивированных теми же существительными): а) *на-...-(н)ик / -еник* (*мѣсто / мѣстный (намѣстный)* (СлРЯ XVIII) → *намѣстникъ, рамо / нарамный* (СлРЯ XI–XVII) → *нарамникъ, грудь / грудной (нагрудный)* (СлРЯ XVIII) → *нагрудникъ, бедро / бедерный* (СлРЯ XVIII), *набедренный* (СлРЯ XI–XVII) → *набедренникъ*); б) *без-...-(н)ик / -еник* (*закон / законный (беззаконный)* (СлРЯ XVIII) → *беззаконникъ, сребро / сребренный (бессребренный)* (СлРЯ XI–XVII) → *безсребренникъ*); в) *под-...-(н)ик* (*риза / ризный (подризный)* (СлРЯ XI–XVII) → *подризникъ, ряса / рясный* (СлРЯ XI–XVII) → *подрясникъ*); г) *с-(со)-...-(н)ик* (*храмъ / храмный* (Срезн.) → *схрамникъ, постъ / постный* (СлРЯ XI–XVII) → *спостникъ, престоль / престольный (сопрестольный)* (СлРЯ XI–XVII) → *сопрестольник*¹⁴) (не менее 20 лексем).

1.3. Дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* и имеющие в качестве базовой основы простые производные конкретные и абстрактные имена существительные славянского происхождения, а) употребляющиеся только во множественном числе (*именины / именинный* (СлРЯ XVIII) → *имянинникъ*), б) женского рода (*пустыня / пустынный* (СлРЯ XI–XVII) → *пустыинник*), в) мужского рода (*разум / разумный* (СлРЯ XI–XVII) → *разумникъ*) (не менее 3 лексем).

1.4. Дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* от имен прилагательных суффиксом *-овн-* и имеющие в качестве базовой основы непроезводимые абстрактные имена существительные мужского и женского рода славянского происхождения (*вина / виновный* (СлРЯ XVIII) → *виновникъ*, *дух / духовный* (СлРЯ XVIII) → *духовник*, *чинъ / чиновный* (Срезн.) → *чиновникъ*) (не менее 3 лексем).

2. Другую группу отыменных производных, представленную немногочисленными примерами, составляют религионимы-субстантивы на *-ник*, соотносимые в словообразовательном отношении с одной (субстантивной или адъективной) производящей основой (не менее 4 лексем).

2.1. Дериваты, образованные от имен существительных мужского рода славянского и иноязычного происхождения суффиксальным способом при помощи форманта *-ник-* (*диакон* (СлРЯ XVIII) → *диаконникъ*, *скит* (СлРЯ XVIII) → *скитникъ*) (не менее 2 лексем).

2.2. Дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* от сложных основ качественных и относительных имен прилагательных славянского и иноязычного происхождения (*благославный* (СлРЯ XVIII) → *благославникъ*, *осмогласный* (СлРЯ XVIII) → *осмогласникъ*) (не менее 2 лексем).

Отглагольные образования. Данную группу религионимов-субстантивов на *-ник* составляют дериваты, которые имеют исходную основу «процессуального значения» (не менее 100 лексем).

1. Основную группу отглагольных производных составляют религионимы-субстантивы, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик*, для которых базовыми являются простые основы глаголов I и V (в единичных случаях III) продуктивных классов славянского происхождения, а потенциально мотивирующими могут быть основы имен существительных и адъективные формы, мотивированные теми же глаголами (*затворити / затворъ / затворный* (СлРЯ XI–XVII) → *затворникъ*, *испытати / испытъ / испытный* (СлРЯ XI–XVII) → *испытникъ*, *наставити / наставъ / наставный* (СлРЯ XI–XVII) → *наставникъ*, *отступити / отступъ / отступный* (СлРЯ XVIII) → *отступникъ*, *подвижити / подвигъ / подвижный* (СлРЯ XI–XVII) → *подвижникъ*, *толковати / толк / толковый* (СлРЯ XI–XVII) → *толковникъ*) (не менее 40 лексем).

2. Другую группу отглагольных дериватов составляют религионимы-субстантивы, для которых базовыми являются основы глаголов, а потенциально мотивирующими адъективные формы, мотивированные теми же глаголами (не менее 19 лексем).

2.1. Дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* и имеющие в качестве базовой основы простые и сложные основы глаголов славянского происхождения I, II и V продуктивного классов, а также непроезводимых классов (*благословити / благословный* (СлРЯ XI–XVII) → *благословникъ*, *богоугодити / богоугодный* (СлРЯ XI–XVII) → *богоугодникъ*, *воздержатъ / воздержный* (СлРЯ XVIII) → *воздержникъ*, *объщати / общанный* (СлРЯ XI–XVII) → *общанникъ*) (не менее 14 лексем).

2.2. Дериваты, имеющие в качестве базовой простую или сложную основу глаголов славянского происхождения V продуктивного класса или непроезводимых классов, в которых, по мнению некоторых ученых, могут быть выделены словообразовательные форманты *-ен(н)ик-* и *-льник*¹⁵ (*благословитъ / благословенный* (СлРЯ XVIII) → *благословенникъ*, *ставити / ставленный* (СлРЯ XI–XVII) → *ставленникъ*, *мучить / мученный* (СлРЯ XVIII) → *мученик*, *будить / будильный* (СлРЯ XVIII) → *будильникъ*, *молчать / молчальный* (СлРЯ XVIII) → *молчальникъ*) (не менее 5 лексем).

3. Отдельную группу составляют дериваты, образованные суффиксальным способом при помощи форманта *-(н)ик-* и соотносимые в словообразовательном отношении а) с одной сложной (адъективной) основой или б) с двумя сложными основами (субстантивной или адъективной), которые образованы путем сложения неравноправных в смысле и функционально-синтаксическом отношении компонентов, где главный опорный компонент имеет базовую глагольную основу (*плотоугодный* (САР 1789–1794) → *плотоугодникъ*, *благоподвижный* (СлРЯ XVIII) → *благоподвижникъ*, *богоотступный* (СлРЯ XVIII) → *богоотступникъ*, *богоненависть* (СДРЯ XI–XIV) / *богоненавистный* (СлРЯ XVIII) → *богоненавистникъ*, *ересоначальный* (СлРЯ XI–XVII) → *ересоначальникъ*, *богомол / богомольный* (СлРЯ XVIII) → *богомольник*, *богородица / богородичный* (СлРЯ XVIII) → *богородичникъ*, *грѣхотворъ* (СРЯ XVIII) / *грѣхотворный* (СРЯ XI–XVII) → *грѣхотворникъ*, *неботечный* (СлРЯ XI–XVII) → *неботечник*) (не менее 22 лексем).

4. Еще одну группу составляют дериваты, образованные путем сложения неравноправных в смысле и функционально-синтаксическом отношении компонентов, в которых главным опорным компонентом является глагол или существительное, имеющее в качестве базовой основы глагол: а) атрибутивные композиты, построенные по словообразовательной модели «основа имени прилагательного / порядкового числительного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное на *-ник*) и

флексия (*великомученикъ, преподобномученикъ, первопророковъдникъ, священномученикъ, священноначальникъ*); б) предикативные (*богосвѣтильникъ*) и объектные композиты, построенные по словообразовательной модели «основа имени существительного + соединительная гласная *о* + самостоятельное слово (отглагольное существительное на *-ник*) и флексия» (*вѣропророковъдникъ*¹⁶, *олтаренавѣтникъ*); в) объектные композиты, построенные по словообразовательной модели «основа имени существительного + соединительная гласная *о* + инфинитив + суффикс *-ник-* и флексия» (*грѣховодникъ*) (не менее 20 лексем).

Лексико-грамматические и тематические группы религионимов-субстантивов на *-ник*

Широта связи суффикса *-(н)ик-* с различными производящими основами, показанная выше, обусловила «полисемантизм» (Шаталова 1984, с. 34) данного форманта, что, в свою очередь, породило наличие у рассматриваемых религионимов-субстантивов разных типов личных и неличных конкретных лексико-семантических значений, которые в определенной мере нашли отражение в содержании словарных статей анализируемых лексиконов: 1) значение лица; 2) значение предмета, имеющего определенное предназначение; 3) значение помещения, места, имеющего определенное предназначение; 4) значение временных отрезков.

1. Образования со значением лица. Согласно историко-лингвистическим исследованиям, основная функция суффикса *-(н)ик-* в абсолютном большинстве случаев издревле состояла в образовании личных субстантивов [Чареков 2002, с. 4], при этом данный формант был одним из самых активных в русском языке при производстве имен лиц [Земская 1992, с. 97]. В связи с этим дериваты данного типа составляют абсолютное большинство слов среди имен существительных религиозной семантики на *-ник*, зарегистрированных в анализируемых словарях (не менее 130 лексем).

Они могут быть классифицированы в соответствии со следующими лексико-семантическими подтипами: 1) лицо (сверхъестественное существо), названное по действию или признаку; 2) лицо (человек), названное а) по сану, должности, выполняемым профессиональным функциям; б) по действию; в) по признаку; г) по принадлежности к сообществу людей, объединенных по определенному признаку; д) собственным именем.

1.1. Лицо (сверхъестественное существо), названное по действию или признаку. В анализируемых словарях дериваты данной группы представлены немногочисленными примерами имен существительных религиозной семантики на *-ник* (не менее 9 лексем). В тематическом плане они являются наименованиями сверхъестественных духовных существ: а) Бога (в т. ч. Лиц Святой Троицы) (*богосвѣтильникъ, виновникъ, заступникъ, родоначальникъ, пастыреначальникъ, подвигоположникъ, свѣтоначальникъ, таинствоначальникъ*) (*Свѣтоначальникъ <...>*

Виновникъ свѣта. Названіе придаемое Богу (САР 1789–1794); *Таинствоначальникъ. Основатель таинъ церков. Христость* (КСС)) и б) дьявола (*Человѣконенавистникъ <...> Ненавидящій, нелюбящій людей, отверающіися от людей, врагъ человѣковъ. Человѣконенавистникъ діаволь* (САР 1789–1794)).

1.2. Самую многочисленную группу имен существительных религиозной семантики на *-ник* со значением лица, зарегистрированную в анализируемых словарях, составляют лексические единицы, **называющие лицо, соотносимое с понятием «человек»** (не менее 120 лексем).

а) Лицо (человек), названное по сану, должности, выполняемым профессиональным функциям. Дериваты данного типа составляют абсолютное большинство слов имен существительных религиозной семантики на *-ник*, зафиксированных в анализируемых словарных источниках (не менее 55 лексем).

Основную часть дериватов данной группы составляют лексемы, являющиеся в тематическом отношении наименованиями лиц мужского пола по их церковному сану, церковной должности, званию, установленным в Православной Церкви, а также выполняемым церковным обязанностям (*богопророковъдникъ, будильникъ, воспріемникъ, вѣропророковъдникъ, иконникъ, испытникъ, келейникъ, клиросникъ, псаломникъ, послушникъ, свѣчникъ, первопрестольникъ, священнопророковъдникъ, священноначальникъ, скитоначальникъ, схимникъ, трапезникъ, церковникъ* и др.) (*Псаломникъ <...> Чтець церковный, котораго должность состоитъ по большой части въ чтеніи псалмовъ и другаго во время службы церковной* (САР 1789–1794); *Пастыреначальникъ, главный надъ пастырями* (ЦС)).

Единичным примером представлена тематическая группа, дериват которой является наименованием лица по должности в еретических объединениях (*Ересеначальникъ, отъ котораго ересь возымѣла свое начало <...>* (ЦС)).

б) Лицо (человек), названное по действию. Данная группа дериватов является второй по численности среди имен существительных религиозной семантики на *-ник*, зафиксированных в обследуемых лексикографических произведениях (не менее 35 лексем).

Эти дериваты являются лексемами оценочного типа и обозначают лицо мужского пола по действию в аспекте его духовно-нравственных взаимоотношений с Богом. Они образуют две противопоставленные в смысловом отношении тематические группы. С одной стороны, они называют лиц, характеризующихся действиями положительного характера, связанными с аскетическими трудами и христианскими подвигами (*аскитникъ, воздержникъ, богоугодникъ, богоглагольникъ, исповѣдникъ, молитвенникъ, молебникъ, отшельникъ, подвижникъ, покаяникъ, правовѣрникъ, постникъ* и др.) (*Богоугодникъ <...> ведущій жизнь свою согласно съ закономъ Божиимъ* (САР

1789–1794); *Молитвенникъ <...> Кто молитъ, проситъ Бога о комъ или о чемъ* (САР 1789–1794). С другой стороны, именуют лиц, характеризующихся действиями отрицательного (греховного) характера, отдаляющими человека от Бога (*безбожникъ, богоотступникъ, въроотметникъ, <грѣховодникъ, олтаренавѣтникъ, отступникъ, плотоугодникъ* и др.) (*Грѣховодникъ <...> Человѣкъ, соблазнительными своими поступками другихъ ко грѣху приводящій* (САР 1789–1794); *Богоотступникъ <...> Богоборецъ, отвергшии́йся Бога, закона и вѣры* (САР 1789–1794)).

в) Лицо (человек), названное по признаку. Данная группа имен существительных религиозной семантики на *-ник* представлена рядом лексем (не менее 10). В тематическом отношении они именуют лиц мужского пола, являющихся носителями положительных (*благоговѣйникъ, безсребренникъ, праведникъ, смиренникъ*) и отрицательных (*безвѣрникъ, беззаконникъ, грѣхотворникъ, мужеложникъ, порочникъ*) в духовно-нравственном аспекте признаков (свойств, качеств, склонностей), присущих человеку (*Благоговѣйникъ <...> добродѣтельный, благочестивый человекъ* (ЦС); *Праведникъ <...> Святой <...>* (САР 1789–1794); *Безвѣрникъ, невѣрующій въ Бога* (КСС); *Беззаконникъ <...> Грѣшный человекъ* (САР 1789–1794); *Грѣхотворникъ <...> Тот, который преклонень ко грѣху* (САР 1789–1794)).

г) Лицо (человек), принадлежащее к сообществу людей, объединенных по определенному признаку. Данную группу (не менее 14 лексем) составляют лексемы на *-ник*, которые в тематическом плане называют а) лиц, причисленных Православной Церковью к лику святых (в т. ч. с учетом их иерархического положения в Церкви и совершенного ими подвига) (*исповѣдникъ, преподобномученикъ, пророкомученикъ, священикомученикъ, угодникъ* и др.) (*Священномученикъ <...> Кто будучи архіереємъ, или священникомъ пострадалъ за Христіанскую вѣру* (САР 1789–1794); *Преподобномученикъ, монахъ пострадавшій за вѣру* (КСС)); б) лиц, принадлежащих к религиозным сообществам, отпавшим от христианства (*воздержники*¹⁷, *единовольникъ, многобожники, молчальники, разкольникъ, раздорникъ*) (*Воздержники, еретики <...> кои такъ же какъ и Маркіониты брака законнаго гнушались, вина отвращались, запрещали употреблять въ снѣдь животныхъ и проч. <...>* (ЦС); *Разкольникъ <...> Держащійся, послѣдующій противному какому нибудь господствующей вѣры толку, учению или обрядамъ* (САР 1789–1794)).

д) Собственное имя лица (человека). Группа антропонимов на *-ник* представлена в обследуемых словарях несколькими примерами (не менее 7 лексем). Данные дериваты являются в тематическом плане прозвищами лиц, признанных в Православной Церкви святыми (*безсребренникъ, лѣствичникъ, неботечникъ, псаломникъ, постникъ, разумникъ, столпникъ*) (*Столпникъ, въ месяцесловѣ есть нарочитый святой Симе-*

онъ <...> который для спасенія своего вошелъ на столпъ <...> (ЦС); *Псаломникъ <...> Называется такъ царь Давидъ сочинившій псалмы* (САР 1789–1794)).

2. Образования со значением предмета, имеющего определенное предназначение. Неличные имена существительных религиозной семантики на *-ник* со значением предмета, зарегистрированные в анализируемых словарях (не менее 30 лексем), в тематическом отношении являются наименованиями: а) церковно-богослужебных книг и жанров богослужебных текстов (*благовѣстникъ, богородичникъ, законоправильникъ, отечникъ, осмогласникъ, канонникъ, лѣствичникъ, молитвенникъ, паремейникъ, служебникъ, соборникъ, церковникъ, чиновникъ, славникъ*) (*Служебникъ, книга церковная, по которой отправляется служба Божественная <...>* (ЦС)); б) церковно-богослужебных одежд (*наперсникъ, набедренникъ, нагрудникъ, нарамник, нангѣдрникъ, подрясникъ, подризникъ*) (*Набедренникъ <...> одго изъ облачений церковныхъ, наподобіе плата четверугольно устроенное, и есть знакъ отличнаго священническаго сана <...>* (САР 1789–1794)); в) церковно-богослужебных священных сосудов (*кадильникъ, насвѣщникъ, росольникъ, свѣтильникъ, ѿміамникъ*) (*Росольникъ, сосудъ поставляемый съ елеємъ, или виномъ на всенощныхъ* (ЦС)); г) церковных мебельных и других изделий (*иконникъ, жертвенникъ, подсвѣщникъ, свѣщникъ, требникъ*) (*Жертвенникъ <...> освященный столъ, на которомъ приготавливаются Богу жертва безкровная* (САР 1789–1794); *Иконникъ <...> полка, на которую ставятъ иконы* (САР 1789–1794)).

3. Образования со значением помещения, места, имеющего определенное предназначение. Другую группу неличных имен существительных религиозной семантики на *-ник* составляют дериваты, обозначающие в тематическом плане (не менее 4 лексем) а) наименования церковных помещений, предназначенных для богослужебных целей (*жертвенникъ*) (*Жертвенникъ <...> Иногда берется за всю церковь <...>* (ЦС)); б) места религиозного назначения (*діаконникъ, кутеиникъ, молитвенникъ*) (*Діаконникъ <...> Мѣсто въ церкви близъ олтаря, гдѣ священныя одежды хранятся <...>* (САР 1789–1794)).

4. Образования со значением временных отрезков. Данная группа неличных имен существительных представлена единичным примером, называющим временной отрезок церковного календаря (*сочельникъ*) (*Сочельникъ <...> День, навечеріе предъ рождествомъ Христо-вымъ, и передъ днемъ Богоявленія Господня <...>* (САР 1789–1794)).

Особенности семантики религионимов-субстантивов на *-ник*

Имена существительные религиозной семантики на *-ник* к началу XVIII в., как свидетельствует анализ историко-лингвистических данных, в основной своей массе были моносемантичны

(см.: СЛРЯ XVIII 1984–2019). В связи с этим в анализируемых лексиконах зафиксировано незначительное количество многозначных дериватов с данными формантами (не менее 15 лексем), при этом в абсолютном большинстве случаев у них отмечается не более двух значений (см. например: *блудникъ, жертвовникъ, канонникъ, молитвенникъ, церковникъ* (ЦС); *благоподвижникъ, въропроповѣдникъ, исповѣдникъ, свѣтильникъ* (САР 1789–1794) и др.), а в целом не более трех значений. Примером наиболее богатой и разработанной по смысловому содержанию словарной статьи, описывающей значения имени существительного религиозной семантики на *-ник*, может служить словарная статья «Молитвенникъ» (САР 1789–1794).

В ряде случаев составители словарей, регистрируя разные значения имен существительных на *-ник*, также различают их лексико-семантические варианты в зависимости от светской и религиозной сфер функционирования. Примечательно в связи с началом формирования в XVIII веке религиозного стиля русского языка, что лексико-семантические варианты, характерные для религиозной сферы употребления, в отдельных случаях сопровождаются составителями словарей особыми стилистическими пометами (*въ церковномъ нарѣчїи, въ духовномъ смыслѣ* и т. п.) и приводятся как после значений, свойственных для светского контекста употребления, так и перед ними, выделяя тем самым религиозные смыслы и свидетельствуя в определенной мере о том, что они являются для данного исторического периода формирования русского языка наиболее актуальными (*Подвижникъ, который на позорищѣ для обученїя подвизается <...> то есть боритель, боець или борець <...> Иногда беретя в духовномъ смыслѣ о человекѣ добродѣтельномъ на страсти подвижающемся <...>* (ЦС); *Набедренникъ <...> 1) Одно из облачений церковныхъ <...> 2) У казаковъ называется косою черпакъ* (САР 1789–1794)).

В рамках словарных статей анализируемых словарей объединяются, как правило, следующие типы лексико-семантических значений религиозно-субстантивов на *-ник*.

1) Личные значения: а) лицо (человек), названное по действию (*Благоподвижникъ <...> который совершаетъ какое-либо благо, богоугодное дѣло. 2) Кто другихъ побуждаетъ къ подвигамъ добродѣтели* (САР 1789–1794)); б) лицо (человек), названное по сану, должности, выполняемым профессиональным функциям (*Проповѣдникъ <...> 3) Учитель, наставникъ, проповѣдатель, ученїя божественнаго <...> 4) Особенно называется тот, который в церковь говоритъ, сказываетъ, простираетъ народу поученїя; учитъ слову Божїю; изъясняетъ истины Евангельскїя* (САР 1789–1794)).

2) Неличные значения: а) помещение, место, имеющее определенное предназначение, и предмет, имеющий определенное предназначение (*Молитвенникъ <...> 2) Мѣсто устроенное для*

прїошенїя Богу молитвъ <...> 3) Книга въ коей собраны разныя молитвы <...> (САР 1789–1794)); б) предмет, имеющий определенное предназначение (*Свѣтильникъ, лампада, свѣча <...> Индѣ значить: подсвѣщникъ выносимый со свѣщею* (ЦС)).

3) Личные и неличные значения: а) лицо (человек), названное по сану, должности, выполняемым профессиональным функциям, и предмет, имеющий определенное предназначение (*Церковникъ, причетникъ церковный, т.е. дьячек или пономарь, инако церковнослужитель. Также называется по Россїскому переводу библейская книга, извѣстная подѣ названїемъ Екклезїаста* (ЦС)) и б) лицо (человек), названный по действию, и предмет, имеющий определенное предназначение (*Молитвенникъ <...> тоже что Молебникъ <...> Молебникъ, который молится <...> Есть и книга такъ же именуемая Молитвенникъ, въ коей собраны разныя молитвы* (ЦС)).

Отметим, что указанные типы лексико-семантических значений (главным образом личные и неличные), имеющиеся у имен существительных на *-ник*, в научных трудах квалифицируются не только как явление полисемии слова, но и как явление словообразовательной омонимии (Хитина 2006, с. 65–66). Основываясь на утверждении о том, что «общность мотивирующей базы предопределяет определенную семантическую общность подобных номинаций» (Хитина 2006, с. 66), приведенные выше примеры объединения в рамках одной словарной статьи разных типов лексико-семантических значений религиозно-субстантивов на *-ник* целесообразно, по нашему мнению, считать явлением лексической многозначности.

В ряде словарных статей изучаемых лексиконов отсутствуют развернутые толкования лексических значений дериватов на *-ник*, обозначающих религиозные понятия, что затрудняет однозначную квалификацию подтипов их лексико-семантических значений. В связи с этим важно отметить, что более точно определить значение толкуемого слова зачастую помогает приводимый составителями в рамках словарных статей языковой иллюстративный материал и документированные ссылки, указывающие на текст-источник употребления дефинируемой лексемы (*Заступникъ <...> Защитникъ, покровитель <...> Заступникъ нашъ Богъ Иаковль. Псал. XLV. 8* (САР 1789–1794)).

В то же время важно констатировать, что сопоставление объема сведений, приведенных в исследуемых словарях при лексикографировании существительных религиозной семантики на *-ник*, с соответствующими данными, содержащимися в предшествующих лексикографических сочинениях («Лексиконъ славенороссїй» Памвы Берынды (1653 г.) (Берында 1849), «Леѣзиконъ трелзычнннй» Федора Поликарпова (1704 г.) (Поликарповъ 1704), свидетельствует о том, что первые (главным образом САР, ЦС) значительно превосходят последние как в количестве толкуемых единиц, так и в разработанности словарных статей в семантическом аспекте (см. таблицу).

Примеры толкования имен существительных религиозной семантики на -ник в лексикографических произведениях XVII–XVIII вв.

Examples of the interpretation of the names of nouns of religious semantics into -nik in lexicographic works of the XVII–XVIII centuries

<p>«Лексиконъ славенороссій» П. Берынды: <i>Раскольникъ, раздорникъ, отступникъ, отщепенець, турбаторъ.</i></p>
<p>«Ле҃ѣиконъ треазычный» Ф. Поликарпова: <i>Раскольникъ, σχίσματικός, schismaticus, turbator.</i></p>
<p>«Церковный словарь» П.А. Алексеева: Раскольникъ, который чуждается соединенія съ православною церковію, держится же особенныхъ толковъ и обрядовъ церковныхъ. Раскольникъ инако именуется отщепенець, аки отсѣченный удъ отъ тѣла церкви Христовы.</p>
<p>«Словарь Академіи Россійской»:   Разкольникъ <...> Держащійся, послѣдующій противному какой нибудь господствующей вѣры толку, ученію или обрядамъ; иначе называется Отщепенець. Димитрій митрополитъ Ростовскій, въ изблеченіе заблужденія разкольниковъ сочинилъ книгу Розыскъ.</p>

Выводы

1. Религионимы-субстантивы на *-ник* характеризуются системой сложных словообразовательных отношений в русском языке XVIII века. Эти образования могли соотноситься с отыменными или отглагольными базовыми основами и иметь при этом также в качестве потенциально мотивирующих еще одну или две основы. В связи с этим отметим, что такая словообразовательная характеристика в целом соответствует общей тенденции, свойственной для данного словообразовательного типа имен в разные периоды их существования в русском языке.

2. Продуктивность форманта *-(н)ик* с выявленными типами основ неодинакова. Наиболее продуктивной словообразовательной моделью является модель, в соответствии с которой религионимы-субстантивы на *-(н)ик* образуются суффиксальным способом, при этом в качестве базовой выступает простая основа глагола славянского происхождения V продуктивного класса, а также непроемная основа славянского происхождения конкретного имени существительного мужского рода. Важно также отметить, что не менее 25 % анализируемых религионимов-субстантивов являются сложными (двукорневыми) дериватами, при этом 2 лексемы из их числа являются единственными новообразованиями XVIII века среди всех выявленных в лексикографических источниках дериватов на *-ник*.

3. Способность суффикса *-(н)ик* сочетаться с различными в структурном отношении производящими основами обусловила наличие у религионимов-субстантивов с данным формантом личных и неличных типов лексико-семантических значений. Производные на *-(н)ик*, имеющие в качестве базовой отглагольную основу, обозначают главным образом лиц по действию или выполняемым профессиональным функциям, а дериваты с ба-

зовой отыменной основой называют лиц по сану, должности или по признаку, а также обозначают предмет, имеющий определенное предназначение. При этом в целом более 75 % религионимов-субстантивов на *-ник* относятся к лексико-грамматическому разряду конкретных имен, обозначающих лицо мужского пола. Этот вывод с историко-лингвистической точки зрения вполне закономерен, т. к. субстантивы на *-ник* издревле специализировались на выражении личного значения, неличная же семантика для них была второстепенной. Отметим также, что религионимы-субстантивы на *-ник*, относящиеся к неконкретным именам, в рассматриваемых лексиконах не были выявлены.

4. В семантическом отношении личные религионимы-субстантивы на *-(н)ик* могут быть объединены в две тематические макрогруппы, дериваты которых противопоставлены друг другу в аспекте взаимоотношений «Бог – человек – диавол»: с одной стороны, они именуют Бога и членов небесной и земной Церкви, в т. ч. называя их положительные действия или признаки, а с другой стороны – дьявола и лиц, отпавших от Церкви, в т. ч. называя их отрицательные действия или признаки. Необходимо также отметить, что для религионимов-субстантивов на *-ник* в XVIII веке в целом не был характерен полисемантизм, однако имеющиеся случаи совмещения в рамках одной вокабулы разных типов лексико-семантических значений дают основания полагать о наметившейся в языке тенденции к семантическому осложнению данных дериватов.

5. Имена существительные религиозной семантики на *-ник* прочно заняли свое место в лексической системе религиозного стиля русского языка XVIII в., образуя в ней особый пласт конкретной конфессиональной лексики, что подтверждается самим фактом их широкой кодификации в рассматриваемых словарных источниках.

Примечания

- ¹ По подсчетам С.Л. Чарекова, «только в десяти выпусках “Словаря русского языка XI–XVII вв.” (Выпуски 1–9, 22) насчитывается около семисот производных словоформ» на *-ник* [Чареков 2002, с. 4, 13].
- ² В данной статье в качестве классифицирующих наименований для лексических единиц, служащих для обозначения религиозных понятий, как полные синонимы используются термины «конфессиональная лексика», «слова религиозной семантики», «религионимы». Последний из указанных терминов, насколько нам известно, был введен в научный оборот Р.И. Горюшиной (Горюшина 2002) и Ю.Н. Михайловой (Михайлова 2004). Помимо этого, в указанном значении он был неоднократно использован нами при описании результатов проводимых исследований. См., например: [Феликсов 2009 а].
- ³ «Вопрос о дефинировании языкового воплощения религиозной сферы сознания сложен и неоднозначен» (Ицкович 2016, с. 213). Принимая точку зрения Т.В. Ицкович, полагаем, что «более уместно рассмотрение его в парадигме функциональной стилистики» (Ицкович 2016, с. 213). Используя в названии статьи термин «религиозный стиль», вслед за А.К. Гадамским мы понимаем под ним «стиль, складывающийся на основе литературного национального языка и языка конкретной религии», который обслуживает религиозную сферу общественной деятельности [Гадамский 2008, с. 30].
- ⁴ В работе к исследованию привлечены издания «Церковного словаря», вышедшие при жизни его автора: 1) первое издание: «Церковный словарь» (1773 г.) (Алексѣевъ 1773), «Дополнение къ Церковному словарю» (1776 г.) (Алексѣевъ 1776), «Продолженіе Церковнаго словаря» (1779 г.) (Алексѣевъ 1779); 2) второе издание: «Церковный словарь» (1794 г.) (Алексѣевъ 1794). При цитировании используется второе издание. Подробнее о «Церковном словаре» П.А. Алексеева см.: (Феликсов 2009 б).
- ⁵ В настоящей статье под термином «семантическое поле “религия”» мы, основываясь на работах С.П. Васильевой, А.Г. Ильиной [Васильева, Ильина 2013], Е.С. Корнаковой [Корнакова 2015], понимаем семантическое объединение лексических единиц, архилексемой или семантическим ядром которого является слово (понятие) «религия».
- ⁶ Метод семантического поля, как известно, предполагает «разбиение» лексической системы языка на лексические макросистемы, обслуживающие те или иные понятийные сферы (Рябкова 2002, с. 59). В свете сказанного в задачи настоящего исследования входило выявление в составе словников обследуемых лексикографических произведений лексических единиц (имен существительных на *-ник*, «покрывающих» (Рябкова 2002, с. 59) понятийную сферу «религия».
- ⁷ В исследовании анализ морфемной и словообразовательной структуры слов осуществлен с учетом данных «Морфемно-орфографического словаря русского языка» А. Н. Тихонова (Тихонов 2007), а также материалов, размещенных на портале «Русский древослов. Историко-словообразовательный портал русского языка» (<http://www.drevoslov.ru>).
- ⁸ Отметим, что приведенные в работе данные, касающиеся историко-словообразовательного и историко-этимологического анализа дериватов на *-ник* были сделаны с опорой на историко-лингвистические сведения, представленные в «Словаре древнерусского языка XI–XIV вв.» (СДРЯ XI–XIV 1988–2019), «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского (Срезневский 2003) (далее – Срезн.), «Словаре русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII 1975–2019) (далее – СлРЯ XI–XVII), «Словаре русского языка XVIII века» (СлРЯ XVIII 1984–2019) (далее – СлРЯ XVIII). Помимо этого, использованы словарные материалы, представленные на порталах «Этимология и история слов русского языка» ИРЯ РАН (<http://etymolog.ruslang.ru/>) и «Онлайн-словари русского языка» (<https://lexicography.online>).
- ⁹ Обзор разных точек зрения по данной проблеме см., например: (Хитина 2006, с. 53–62).
- ¹⁰ Данный подход к анализу имен существительных на *-ник* реализован в ряде исследований. См., например: [Земская 1992; Русский язык и советское общество... 1968] (Хитина 2006) и др.
- ¹¹ Исторически суффикс *-ник* образовался из суффикса *-ик*- и суффикса прилагательного *-н*- [Мейе 1951, с. 290].
- ¹² Комбинированный способ графической передачи суффиксов *-ик*- и *-ник*- используется в работах ряда ученых. См., например: [Потиха 1970, с. 190; Русский язык и советское общество... 1968, с. 183] (Хитина 2006, с. 10) и др.
- ¹³ В целом же необходимо отметить, что «каждое отдельное образование на *-ник* требует особого рассмотрения» (Шапорева 2012, с. 91–92) с целью более точного описания его словообразовательной структуры.
- ¹⁴ Выделенные в приведенных словах конфиксы как словообразовательные форманты описаны, например, в «Словаре морфем», размещенном на портале «Русский древослов. Историко-словообразовательный портал русского языка» (<http://www.drevoslov.ru>). По мнению авторов «Русской грамматики», слова данного типа образованы приставочно-суффиксальным способом [Русская грамматика 2005, с. 231].
- ¹⁵ Ж.Ж. Варбот полагает, что уже в древнерусском языке формант *-ьникъ* представлен как единый суффикс, самостоятельно присоединяющийся к глагольным основам [Варбот 1969, с. 103]. В качестве словообразовательных формантов, присоединяющихся к глагольным основам, суффиксы *-еник*- и *-льник*- выделены авторами «Русской грамматики» [Русская грамматика 2005, с. 143, 145].
- ¹⁶ Здесь и далее в статье новообразования XVIII века среди религионимов-субстантивов на *-ник* отмечены условным знаком «◁».
- ¹⁷ В отдельных случаях заголовочные имена существительные на *-ник* приведены в ЦС в форме множественного числа.

Материалы исследования

- Алексѣевъ 1773 – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь. Москва: При Императ. Моск. ун-те, 1773. 396 с.
- Алексѣевъ 1776 – *Алексѣевъ П.А.* Дополнение къ Церковному словарю. Москва: При Императ. Моск. ун-те, 1776. 324 с.
- Алексѣевъ 1779 – *Алексѣевъ П.А.* Продолжение Церковнаго словаря. Москва: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1779. 299 с.
- Алексѣевъ 1794 – *Алексѣевъ П.А.* Церковный словарь: в 3 т. Санкт-Петербург: При Императ. Акад. наук, 1794. Т. 1. 359 с. ; Т. 2. 412 с. ; Т. 3. 304 с.
- Берында 1849 – *Берында П.* Лексиконъ славенороссій // *Сахаровъ И. П.* Сказанія русскаго народа. Санкт-Петербург: Тип. Сахарова, 1849. Т. 2, кн. 5. С. 5–118.
- Бесценная 1980 – *Бесценная Е.Д.* Существительные с суффиксами *-щик* и *-ник* в современном русском языке: к проблемам синонимических словообразовательных типов: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1980. 201 с.
- Горюшина 2002 – *Горюшина Р.И.* Лексика христианства в русском языке (системное отношение прямых конфессиональных и производных светских значений слов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 20 с.
- Гоу 2010 – *Гоу С.* Динамика словообразовательных процессов в аспекте лексико-семантических изменений: по материалам лексикографических источников современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2010. 187 с.
- Жукова 2002 – *Жукова Т.В.* Словообразовательный тип и многозначное производное слово как системные взаимодействия: На материале отыменных существительных с суффиксом *-ник*: дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2002. 172 с.
- Ицкович 2016 – *Ицкович Т.В.* Жанровая систематизация религиозного стиля на коммуникативно-прагматическом и категориально-текстовом основаниях: дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2016. 387 с.
- Михайлова 2004 – *Михайлова Ю.Н.* Религиозная православная лексика и ее судьба (по данным толковых словарей русского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2004. 20 с.
- Поликарповъ 1704 – *Поликарповъ Ф.* Лезіконъ трелзычный. Москва: Синод. тип., 1704. 403 с.
- Ракова 1984 – *Ракова А.А.* Словообразовательная омонимия имен на *-ник* в истории русского языка: дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1984. 172 с.
- Романова 2002 – *Романова Н.Г.* Функционирование отглагольных существительных на *-ние* в научной прозе М.В. Ломоносова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002. 19 с.
- Романовъ 1784 – *Романовъ Е.* Краткой словарь славянской. Санкт-Петербург: В тип. Императ. сухопут. шляхет. кадет. корпуса, 1784. 171 с.
- Рябкова 2002 – *Рябкова А.В.* Лексико-семантическая таксономия фреймов радость – печаль: на материале русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2002. 187 с.
- САР 1789–1794 – *Словарь Академіи Россійской*: в 6 ч. Санкт-Петербург: Въ тип. Императ. Акад. наукъ, 1789–1794.
- СДРЯ XI–XIV 1988–2019 – *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Т. 1–12. Москва, 1988–2019.
- СлРЯ XI–XVII 1975–2019 – *Словарь русского языка XI–XVII вв.* / Рос. акад. наук, Ин-т рус. языка им. В.В. Виноградова. Вып. 1–31. Москва; Санкт-Петербург, 1975–2019.
- СлРЯ XVIII 1984–2019 – *Словарь русского языка XVIII века* / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед. Вып. 1–22. Ленинград; Санкт-Петербург: Наука, 1984–2019.
- Срезневскій 2003 – *Срезневскій И.И.* Материалы для словаря древне-русскаго языка по письменным памятникам: в 3 т. Репр. изд. 1893–1912 гг. Москва: Знак, 2003.
- Тихонов 2007 – *Тихонов А.Н.* Морфемно-орфографический словарь русского языка: ок. 100 000 слов. Москва: Астрель: АСТ, 2007. 700 с.
- Феликсов 2009 а – *Феликсов С.В.* П.А. Алексеев как лексикограф: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2009. 240 с.
- Хитина 2006 – *Хитина М.В.* Суффиксальные словообразовательные макротипы существительных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2006. 227 с.
- Шапорева 2012 – *Шапорева О.А.* Наименования лиц в церковнославянских акафистах: морфемно-словообразовательные аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. 366 с.
- Шаталова 1984 – *Шаталова З.И.* Множественность словообразовательной структуры имен существительных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1984. 234 с.
- Шашкова 1997 – *Шашкова О.В.* Семантика русских производных существительных с суффиксами *-ник/-ик*, *-ница/-ица*: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 1997. 352 с.

Библиографический список

- Варбот 1969 – *Варбот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. Ретроспективная формальная характеристика. Москва: Наука, 1969. 230 с. URL: http://history-fiction.ru/books/all_39/book_3481/.
- Васильева, Ильина 2013 – *Васильева С.П., Ильина А.Г.* Семантическое поле «религия», по данным ассоциативного эксперимента // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2013. № 3 (25). С. 162–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20283586>. EDN: <https://elibrary.ru/rbwnbf>.
- Веселитский 1972 – *Веселитский В.В.* Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. Москва: Наука, 1972. 319 с. URL: https://www.academia.edu/50799408/B_V_Веселитский_Отвлеченная_лексика_в_русском_литературном_языке_XVIII_начале_XIX_в.
- Виноградов 1947 – *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). Москва; Ленинград: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1947. 783 с. URL: <https://djvu.online/file/6icQyDYdBkA50>.
- Гадомский 2008 – *Гадомский А.К.* Стилистический подход к изучению религиозного языка // *Стил*. 2008. № 7. С. 21–35. URL: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/02Gadomski.pdf>.
- Дементьев 1942 – *Дементьев А.А.* Суффикс *-ик* и его производные в современном русском языке // Ученые записки Куйбышевского государственного педагогического и учительского института. Куйбышев, 1942. Вып. 5. С. 41–56.
- Земская 1992 – *Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. Москва: Наука, 1992. 220 с. URL: https://www.academia.edu/49583390/E_A_Земская_Словообразование_как_деятельность.
- Корнакова 2015 – *Корнакова Е.С.* Системное изучение лексики методом семантического поля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 4. С. 170–175. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnoe-izuchenie-leksiki-metodom-semanticheskogo-polya/viewer>.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. Москва: Изд-во иностр. лит., 1951. 492 с. URL: https://archive.org/stream/Staroslavjanskiy_yazyk/Старославянский%20язык/Антуан%20Мейе.%20Общеславянский%20язык.%202001_djvu.txt.
- Николаев 1976 – *Николаев Г.А.* Явление обратной соотносительности в именах на *-ник* в русском языке // Именное словообразование русского языка. Казань, 1976. С. 171–181.
- Потиха 1970 – *Потиха З.А.* Современное русское словообразование: Москва: Просвещение, 1970. 383 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007333335/.
- Русская грамматика 2005 – *Русская грамматика*. Москва: Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН, 2005. Т. 1. 783 с.
- Русский язык и советское общество... 1968 – *Русский язык и советское общество*. Социолого-лингвистическое исследование. Словообразование современного русского литературного языка. Москва: Наука, 1968. 299 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21060871>. EDN: <https://elibrary.ru/rswtiz>.
- Феликсов 2009 б – *Феликсов С.В.* «Церковный словарь» протоиерея Петра Алексея // Русская речь. 2009. № 3. С. 80–87. URL: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2009-3/80-87>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11968106>. EDN: <https://elibrary.ru/kbxizr>.
- Чариков 2002 – *Чариков С.Л.* Семантическая эволюция суффикса *-ник* от древнерусского до современного русского языка. Санкт-Петербург: Наука, 2002. 34 с.
- Ширшов 1980 – *Ширшов И.А.* К проблеме морфемного комплекса // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1980. Ч. II. С. 97–105.
- Ширшов 1981 – *Ширшов И.А.* Множественность словообразовательной мотивации в современном русском языке. Ростов на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1981. 117 с.

References

- Varbot 1969 – *Varbot Zh.Zh.* (1969) Old Russian nominal word formation. Retrospective formal characterization. Moscow: Nauka, 230 p. Available at: http://history-fiction.ru/books/all_39/book_3481/. (In Russ.)
- Vasilieva, Ilyina 2013 – *Vasilyeva S.P., Ilyina A.G.* (2013) Semantic field «religion» according to the data of associative experiment. *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin KSPU)*, no. 3 (25), pp. 162–166. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20283586>. EDN: <https://elibrary.ru/rbwnbf>. (In Russ.)
- Veselitsky 1972 – *Veselitsky V.V.* (1972) Distracted vocabulary in the Russian literary language of the XVIII – early XIX centuries. Moscow: Nauka, 319 p. Available at: https://www.academia.edu/50799408/B_V_Веселитский_Отвлеченная_лексика_в_русском_литературном_языке_XVIII_начале_XIX_в. (In Russ.)
- Vinogradov 1947 – *Vinogradov V.V.* (1947) Russian language: (Grammatical doctrine of word). Moscow, Leningrad: Gos. ucheb.-ped. izd-vo, 783 p. Available at: <https://djvu.online/file/6icQyDYdBkA50>. (In Russ.)
- Gadomsky 2008 – *Gadomsky A.K.* (2008) Stylistic approach to the study of the religious language. *Stil*, no. 7, pp. 21–35. Available at: <https://www.rastko.rs/filologija/stil/2008/02Gadomski.pdf>. (In Russ.)

Dement'ev 1942 – *Dement'ev A.A.* (1942) Suffix *-ik* and its derivatives in modern Russian. *Scientific notes of the Kuibyshev State Pedagogical and Teacher Institute*, no 5, pp. 41–56. (In Russ.)

Zemskaja 1992 – *Zemskaya E.A.* (1992) Word formation as an activity. Moscow: Nauka, 220 p. Available at: https://www.academia.edu/49583390/E_A_Земская_Словообразование_как_деятельность. (In Russ.)

Kornakova 2015 – *Kornakova E.S.* (2015) Systematic study of lexicon on the basis of semantic field method. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, no. 4, pp. 170–175. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnoe-izuchenie-leksiki-metodom-semanticheskogo-polya/viewer>. (In Russ.)

Meillet 1951 – *Meillet A.* (1951) Common Slavic language. Moscow: Izd-vo inostr. lit., 492 p. Available at: https://archive.org/stream/Staroslavjanskiy_yazyk/Старославянский%20язык/Антуан%20Мейе.%20Общеславянский%20язык.%202001_djvu.txt. (In Russ.)

Nikolaev 1976 – *Nikolaev G.A.* (1976) The phenomenon of inverse correlation in names to *-nik* in Russian. In: *Nominal word formation of the Russian language*. Kazan, pp. 171–181. (In Russ.)

Potikha 1970 – *Potikha Z.A.* (1970) Modern Russian word formation. Moscow: Prosveshchenie, 383 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_007333335/. (In Russ.)

Russian grammar 2005 – *Russian grammar*. Moscow: In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN, vol. 1, 783 p. (In Russ.)

Russian language and Soviet society... 1968 – *Russian language and Soviet society*. Sociological and linguistic research. Word formation of modern Russian literary language. Moscow: Nauka, 299 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21060871>. EDN: <https://elibrary.ru/rswtiz>. (In Russ.)

Feliksov 2009 b – *Feliksov S.V.* (2009 b) «Church Dictionary» by Archpriest Peter Alekseev. *Russian Speech*, no. 3, pp. 80–87. Available at: <https://russkayarech.ru/ru/archive/2009-3/80-87>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=11968106>. EDN: <https://elibrary.ru/kbxizr>. (In Russ.)

Charekov 2002 – *Charekov S.L.* (2002) Semantic evolution of the suffix *-nic* from the Old Russian to the modern Russian language. Saint Petersburg: Nauka, 34 p. (In Russ.)

Shirshov 1980 – *Shirshov I.A.* (1980) To the problem of the morphemic complex. In: *Topical issues of Russian word formation*. Tashkent, part II, pp. 97–105. (In Russ.)

Shirshov 1981 – *Shirshov I.A.* (1981) Multiplicity of word-forming motivation in modern Russian. Rostov-on-Don: Izd-vo Rost. un-ta, 117 p. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 8 (1751)

Дата поступления: 28.01.2023
рецензирования: 01.03.2023
принятия: 30.05.2023

**Лингвокогнитивные модели в малоформатных текстах
англоязычного учебного дискурса (на материале учебного пособия
English Unlimited уровня Advanced)**

В.Д. Шевченко

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: slash99@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

Е.В. Яковлева

Самарский государственный технический университет, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: eka-khikhlich@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Аннотация: Настоящее исследование посвящено анализу лингвокогнитивных моделей предметно-референтных ситуаций в малоформатных текстах (МФТ) англоязычного учебного дискурса. Материалом стали тексты для чтения из учебного пособия English Unlimited уровня Advanced. Методом исследования послужил метод когнитивного моделирования, при котором представленная ситуация репрезентируется посредством смысловых составляющих, таких как участники, время, место, оценочно-эмоциональный тон, стилистические средства и т. д. Цель исследования – определить основные составляющие лингвокогнитивных моделей ситуаций и прагматические аспекты выделения доминантных составляющих. Анализ показал, что на уровне C1 в ситуациях МФТ преобладают такие составляющие, как участники, последовательность действий, эмоционально-оценочный тон. Среди языковых средств репрезентации данных составляющих можно выделить единицы, содержащие лингвокультурную информацию. Таким образом, для декодирования тем и идей текстов учащимся требуется не только высокий уровень знаний английского языка, но и сведения экстралингвистического характера.

Ключевые слова: когнитивное моделирование; языковая репрезентация ситуации; малоформатный текст; учебный дискурс; фоновые знания.

Цитирование. Шевченко В.Д., Яковлева Е.В. Лингвокогнитивные модели в малоформатных текстах англоязычного учебного дискурса (на материале учебного пособия English Unlimited уровня Advanced) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 213–221. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-213-221>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Шевченко В.Д., Яковлева Е.В., 2023

Вячеслав Дмитриевич Шевченко – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244. Екатерина Васильевна Яковлева – аспирант III курса кафедры иностранных языков, Самарский государственный технический университет, 443100, Российская Федерация, Самара, ул. Молодогвардейская, 244.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 28.01.2023
Revised: 01.03.2023
Accepted: 30.05.2023

**Linguo-cognitive models in mini-format texts in English educational discourse
(based on «English Unlimited» textbook, Advanced)**

V.D. Shevchenko

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: slash99@mail.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6357-2477>

E.V. Yakovleva

Samara State Technical University, Samara, Russian Federation
E-mail: eka-khikhlich@yandex.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-0299-7708>

Abstract: The article deals with cognitive models analysis of situations represented in mini-format texts from English educational discourse. The research is based on the texts from the coursebook «English Unlimited» Advanced. The method implied has been the cognitive modelling developed by the American linguist Dell Hymes. This includes the representation of communicative situation via meaningful constituents like Participants, Act and Sequence, Setting and Scene, Tone, Key, Instrumentalities and others. The aim of the research is to reveal the dominant components of linguo-cognitive models and their pragmatic and communicative functions. It has been revealed that the dominant components of the analyzed situations are Participants and, Key. The authors highlight these components with the help of the language means that aim at realizing emotive and affective function. It has also been revealed that the mini-format texts at the

Advanced level contain more comprehensive implications, thus students must decode main themes and ideas not only with the means of the English language but also using their background knowledge and specific cognitive scenarios from their memory.

Key words: cognitive modelling; linguistic representation of a situational model; mini-format text; educational discourse; background knowledge.

Citation. Shevchenko V.D., Yakovleva E.V. Linguo-cognitive models in mini-format texts in English educational discourse (based on «English Unlimited» textbook, Advanced). *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiia = Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 213–221. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-213-221>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: authors declare no conflict of interest.

© Shevchenko V.D., Yakovleva E.V., 2023

Vyacheslav D. Shevchenko – Doctor of Philological Sciences, associate professor, professor of the Department of Foreign Languages, Samara State Technical University, 244, Molodogvareyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Ekaterina V. Yakovleva – 3rd year postgraduate student, Department of Foreign Languages, Samara State Technical University, 244, Molodogvareyskaya Street, Samara, 443100, Russian Federation.

Введение

Настоящая статья посвящена изучению языковой репрезентации предметно-референтных ситуаций в малоформатных текстах (МФТ) по чтению с позиций когнитивного моделирования. Актуальность исследования обусловлена особенностями лингвистических средств выражения когнитивных моделей в различных ситуациях в англоязычном учебном дискурсе. Их анализ позволяет выявить, как учащиеся овладевают данными моделями в процесс обучения иностранному языку, а также проследить определенные особенности англоязычного учебного дискурса на материале МФТ.

Исследователи отмечают все более заметную тенденцию на денационализацию образовательного пространства за счет использования конкретных вербальных и невербальных маркеров. Вовлеченность представителей разных стран в процесс межкультурной коммуникации не может не влиять на интерактивные схемы общения, предложенные авторами современных англоязычных пособий [Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017, p. 72–73]. В рамках статьи рассматриваются понятия малоформатного текста и институционального дискурса, который может быть представлен учебным или образовательным типом дискурсивного пространства. В.И. Карасик предлагает следующую трактовку этого понятия: «Институциональный дискурс есть специализированная клишированная разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума» [Карасик 2000; 2002, с. 5–20]. В настоящей работе рассматривается образовательный дискурс, представленный учебным типом дискурсивного пространства. Педагогический и образовательный дискурс выделяются не только передачей знаний (т. е. реализацией образовательной функции), но и морально-этических установок, закрепленных в определенных сферах жизни общества, что позволяет реализовать также воспитательную функцию, т. е. воспитание полноценной социализированной личности. Одним из самых результативных методов изучения институционального дискурса является системное моделирование. Оно довольно часто исполь-

зуется и применяется в исследованиях ученых. По мнению В.В. Добровой, «моделирование является эффективным методом познания и осмысления человеком окружающего мира и самого себя» [Доброва 2014, с. 147]. По мнению В.Д. Шевченко и С. Томашчиковой, когнитивные модели могут реализовываться в виде текстов, визуальных знаков или даже действий. По мнению вышеупомянутых исследователей, когнитивная модель является образцом, которому люди следуют в повседневной и профессиональной жизни [Shevchenko, Tomashchikova 2021, с. 10]. В аутентичном учебнике English Unlimited репрезентированы когнитивные модели предметно-референтных ситуаций, изучение которых приводит к повышению уровня владения английским языком и восприятию иноязычной культуры, в рамках которой и разворачиваются данные ситуации.

Цель статьи – выявление доминантных составляющих лингвокогнитивных ситуационных моделей и средств их лингвистической репрезентации в МФТ для чтения в учебно-методическом комплексе English Unlimited уровня Advanced 2011 года издания, разделы 1,4 (авторы Adrian Doff, Ben Goldstein). Методологической и теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых: Т.А ван Дейка [Дейк 2000], В.В. Добровой, О.А. Зининой, В.И. Карасика, М.Р. Нашхоевой, А.А. Павловой, С. Томашчиковой, Д. Хаймса, А.А. Харьковской, В.И. Шаховского, Е.И. Шейгаса, В.Д. Шевченко.

В ходе исследования была использована модель, разработанная социолингвистом Деллом Хаймсом, в рамках которой коммуникативная ситуация содержит следующие составляющие: пространственно-временные обстоятельства; участники; цели и намерения; нормы речевого взаимодействия; тон, в котором протекает коммуникативная ситуация, и другие [Hymes 1974]. Таким образом, в каждой модели МФТ мы выделяли основные составляющие ситуации, которые зависят от авторской интенции. Все компоненты модели располагаются в определенной иерархии, т. е. в зависимости от авторского замысла один или несколько компонентов как самой ситуации, так и когнитивной модели начинают приобретать

особую значимость, становясь доминантными в рамках конкретной предметно-референтной ситуации [Шевченко В.Д., Шевченко Е.С. 2016]. В исследовании также был проведен анализ лингвистических средств репрезентации составляющих ситуативных когнитивных моделей, таких как Act Sequence (Последовательность действий), Participants (Участники), Instrumentalities (Набор языковых средств), Key (Атмосфера). Методы исследования. Основными методами выступают описательный метод, метод контекстуального анализа, контент-анализ, стилистический анализ.

Основная часть

По мнению ведущих специалистов-методистов, при обучении иностранному языку максимально эффективными принято считать аутентичные учебные пособия, в которых активизируются тексты, аудиозаписи, иллюстративный материал аутентичного происхождения. Такой формат учебного материала обеспечивает возможность увидеть и понять специфику функционирования иностранного языка в естественной среде. Как отмечают А.А. Харьковская и О.В. Дюмина, в задачи современного образовательного дискурса входит «обозначение и включение в оборот проблемного поля научных и учебных знаний, в котором выступает процесс обмена знаниями». Пособие English Unlimited характеризуется разноплановой структурой, в которой на всех уровнях освоения английского языка проявляются строгая тематическая

ориентация и лексическая оснащенность в зависимости от степени сложности. Пособие English Unlimited уровня Advanced содержит обширный список тем, отражающих широкий спектр информации о наиболее значимых аспектах социальной, культурной, политической, бытовой и других сфер жизни. Актуальное разнообразие тематики отражено в разделах: Self, Childhood, World, Concepts of Space, Brand Awareness, Icons. Следует отметить, что учебные тексты в обучении иностранному языку предполагают учет речевого опыта коммуниканта, его языковой компетенции, учет его картины мира, фоновых знаний, социокультурных факторов. Реализацию этих аспектов МФТ можно проследить путем представления ситуации, показанной в тексте в виде модели, в которой будут выделены смысловые составляющие. В настоящей статье была предпринята попытка анализа ситуаций из 1 раздела *Childhood* и 4 раздела *World*. Ситуация из первого раздела связана с детскими воспоминаниями и отражает концепт *Семья*. Ситуация из 4 раздела представляет собой типичное событие – посещение ресторана и блог-отзыв автора об этом ресторане, в котором реализуются маркеры концепта *Food*.

Проанализируем когнитивные модели ситуаций МФТ из учебного пособия. Содержание текстового фрагмента из первого раздела *Childhood* отражает воспоминания молодого человека о своем детстве (English Unlimited 2011, p. 13).

Конституент лингвокогнитивной модели события	Пример языковой репрезентации
Participants (Участники)	I suppose my parents just let me get away with it, because I was the youngest. Well, my dad did a lot of public speaking for his work, the whole family – would go and see him. Anyway, my brother Gary tells me that one day,(...) So, my mother asked, «Where's that troublemaker? »
The name of the event (Мероприятие)	Well, my dad did a lot of public speaking for his work , and sometimes all of us – the whole family – would go and see him.
Act Sequence (Последовательность действий)	Well, my dad did a lot of public speaking for his work, and sometimes all of us – the whole family – would go and see him . (...) one day, I was sitting there all of them and I just disappeared . Apparently, what I'd done is edge out of the seat without anyone seeing and then crawl down to where my father was speaking .
Result (Итог)	At first, my dad was horrified... but then he saw the funny side , and the audience too. I wanted to be the star!
Key (Эмоции)	You know, the usual, just terrible ... I'd spend half the time showing off, breaking my brothers' toys, ruining their games, attracting attention to myself . So, if I started messing about, my brothers would just pretend that they didn't know me . At first they would try to keep me quiet, or stop me fidgeting or whatever, but then they used to just ignore me , cos' it was too embarrassing otherwise. So, everyone got a bit panicky because no one know where I'd got to. At first, my dad was horrified ... but then he saw the funny side , and the audience too.
Instrumentalities (Набор языковых средств)	I am the youngest of three. I suppose my parents just let me get away with it, because I was the youngest . (...) the youngest are the spoilt ones I'd only got up on the stage with my dad, hadn't I? Waving to everybody and beaming like mad in front of the cameras. Unbelievable!

Содержание текстового фрагмента отражает одно из детских воспоминаний взрослого человека. История касается публичных выступлений отца главного героя, во время одного из которых он незаметно пробрался на сцену. В рамках когнитивной модели ситуации мы можем выделить следующие компоненты: *Participants, Act Sequence, Key (Emotions), Instrumentalities*.

Составляющая *Participants* репрезентируется посредством личного местоимения *I* и лексем, входящих в семантическое поле «Семья», – *parents, dad, family, mother, brother, the whole family*. Данные единицы призваны показать важность семьи для главного героя и ее сплоченность, так как все члены семьи ходили поддерживать отца на мероприятиях. Так, лексема *dad* обладает высокой смысловой нагруженностью, что можно проиллюстрировать примерами *Well, my dad did a lot of public speaking for his work, the whole family – would go and see him. I remember being told how important it was to be on our best behaviour then*. Из данных синтагм мы можем заключить, что отец играл важную роль в жизни семьи своего младшего сына.

Также в анализируемой ситуации обращает на себя внимание сложнопроизводное существительное **troublemaker**, содержащее субъективное отношение матери к главному герою – ее младшему сыну. Семантика данной единицы, включающая семьи *trouble* и *make*, свидетельствует о наличии таких качеств участника, как неусидчивость, хулиганство и желание проказничать. Данная единица также демонстрирует, что он доставлял семье немало проблем. Это можно проиллюстрировать следующим примером: *was always up to no good. I'd spend half the time showing off (...)*, в котором фразовый глагол *show off* и идиома *to be up to no good* также служат раскрытию основной идеи об избалованности. Все эти лексические и синтаксические средства создают образ избалованного и непослушного ребенка, а также позволяют сделать вывод, что семья репрезентируется не только с точки зрения положительного влияния на личность, но и как источник некоторых трудностей и проблем. Лингвистические единицы выдвижения данного конституента активизируют у обучаемых определенные сценарии, связанные с семьей и детством, необходимые для дальнейшей интерпретации ситуации.

Следующим значимым компонентом лингвокогнитивной ситуации выступает составляющая *Act Sequence* (Последовательность действий). Она актуализируется при помощи акциональных и стальных предикатов (*стальные глаголы*, выражающие значения состояния (в грамматической терминологии эта группа глаголов также называется «стальными глаголами»)) в контексте видо-временных форм настоящего и прошедшего времени. В первом абзаце МФТ преобладают формы Present Simple для выражения субъективного и общепринятого мнения или точки зрения самого рассказчика, что можно проиллюстрировать следующими примерами:

I'm the youngest of three. So, as I'm sure you can imagine

They say the youngest are the spoilt ones, don't they?

I suppose my parents just let me get away with it. You know, the usual, just terrible ...

Употребление конструкций *you know, you can imagine* создает непринужденную атмосферу общения между автором и реципиентом, маркирует неформальный стиль общения с целью привлечь внимание обучающихся к проблеме избалованности детей посредством повтора топикальных лексем *the youngest* и *the spoilt*, которые эксплицитно выражают основную тему текста, его макропропозицию.

Для выражения событий в рамках самой истории используются формы Past Simple (*did, disappeared, was, asked, knew, got*), Past Continuous (*was sitting, was speaking*) и Past Perfect (*I'd vanished, I'd only got up*). Разные видо-временные формы участвуют в создании динамичности повествования в рассказе, акцентируя внимание на быстром «исчезновении» автора из зрительного зала и, следовательно, из поля зрения его семьи и неожиданном появлении на сцене рядом с отцом. В рамках предикатных единиц можно выделить группу глаголов с семантикой перемещения и изменением положения в пространстве:

I was sitting there with all of them and I just disappeared.

One minute I was there it seems, the next minute I'd vanished into thin air.

I'd done is edge out of the seat without anyone seeing and then crawl down.

В рамках репрезентации конституента *Act Sequence* значимая информация об исчезновении главного персонажа актуализируется авторами посредством синонимичных единиц *disapper* и *vanish*, содержащих в своем значении сему *исчезать/пропадать из вида*. Дальнейшая детализация действий участника репрезентируется посредством глаголов *edge out* и *crawl down to*, которые указывают на смену местоположения субъекта в пространстве, а также на его скорость и манеру перемещения. Фокусирование внимания авторов на действиях участника достигается за счет семантики данных единиц, которая передает значения *медленно ползти* и *медленно перемещаться*, что следует из их словарных дефиниций: *to move slowly with gradual movements; to move along on hands and knees or with your body stretched out along a surface*.

Таким образом, языковые средства выражения конституента *Act Sequence* предоставляют обучающимся ключевую информацию о действиях участника в рамках исследуемой модели ситуации.

В анализируемой когнитивной модели можно выделить такой важный компонент, как *Key (Emotions)*. Его лингвистическая репрезентация представлена различными языковыми средствами. Так, мы можем проследить употребление следующих определений для выдвижения конституента

Key: embarrassing, horrified, cheeky, mad, panicky, best, theusual, terrible. Все прилагательные способствуют созданию особого эмоционального фона МФТ с целью передать атмосферу и позволить прочувствовать то же, что чувствовали родители и сам автор в описываемой истории. Особую смысловую нагруженность несет атрибут с пейоративной коннотацией *embarrassing*, усиленный интенсификатором *too* (*It was too embarrassing*), чтобы подчеркнуть, насколько неподобающим было его поведение, так как отглагольное прилагательное *embarrassing* в своем значении содержит семы *ashamed* и *shy*. Схожие оттенки значения мы можем проследить в примере *You know, the usual, just terrible...* где атрибуты *usual, terrible* также подчеркивают несносное поведение главного героя в детстве. Все эти единицы создают топикальный текст, связанный с эмоциональным фоном.

Лексема *cheeky* в вопросе *Can you believe how cheeky you have to be to do that, can you?* отражает такие качества героя, как нахальство, наглость и в некоторой степени смелость, которая потребовалась ему, чтобы пробраться на сцену и предстать перед всем залом. Она выступает контекстным синонимом прилагательного *mad* в сравнительной конструкции *beaming like mad*.

Проведя анализ лингвистических средств репрезентации компонента *Key*, мы можем выделить смысловой элемент ситуации *Качества/Характер*. Лексическими маркерами его выдвижения выступают не только прилагательные, но и глагольные формы, которые имплицитно раскрывают причинно-следственные связи поведения героя и реакции членов семьи на его поведение. Мы полагаем, что это связано с целью авторов пособия актуализировать тему воспитания детей, а именно, проблему избалованности и вседозволенности. Актуализация компонента *Key* в когнитивной модели способствует реализации функции воздействия и направлена на возбуждение эмоций у обучаемых, т. к. они должны составить собственное положительное или отрицательное суждение относительно главного персонажа и его поведения. Посредством использования прилагательных с отрицательной и положительной коннотацией в репрезентации данного конституента также реализуется экспрессивная функция, которая направлена на передачу эмоций и субъективного мнения автора, что способствует большей вовлеченности студентов в процесс чтения МФТ.

В представленной когнитивной модели ситуации МФТ мы можем выделить компонент *Instrumentalities* (Набор языковых средств). Данная составляющая репрезентируется посредством определенных лексических и синтаксических средств. Употребление идиомы *vanished into thin air* выражает быстроту и неожиданность, с которой мальчику удалось скрыться из вида взрослых и будто «раствориться в воздухе».

В контексте отрывка мы можем выделить сравнительные конструкции с предлогом *like*: *waving and beaming like mad; It was like a very formal setting*. В первом примере сравнение позволяет

авторам показать эмоции персонажа и чувство счастья, которое он испытал, встав на сцену, что передается при помощи неличной формы глагола с переносным значением *beaming*, в семантике которого содержится положительный компонент значения – *to smile with obvious pleasure*.

Второе сравнение отражает восприятие мальчиком этого события (*public speaking*) и указывает на регламентированный и очень формальный характер мероприятия и его серьезность, так как одним из компонентов семантического значения единицы *formal* выступает сема *serious*, что отражено в словарной дефиниции *formal: is very correct and serious rather than relaxed and friendly*.

В синтаксическом плане мы можем отметить парцеллированные конструкции *I'd only got up on the stage with my dad, hadn't I? Waving to everybody and beaming like mad in front of the cameras*. Они отделены от основного предложения, чтобы актуализировать значение торжественности момента для главного героя и передать атмосферу того, что он почувствовал себя звездой. Альтернативный вопрос в вышеприведенном примере, который автор задает самому себе, призван отразить невероятность и необыкновенность ситуации, что он стоит на сцене и не может до конца это осознать.

Эмфатический повтор превосходной степени прилагательного *the youngest* в начале рассказа акцентирует внимание на отношении семьи к автору, давая понять, что из-за его возраста к нему относились снисходительно и родители многое ему позволяли. Далее в тексте эта мысль раскрывается посредством атрибута *spoilt*. Таким образом, в контексте отрывка прилагательные *the youngest* и *the spoilt* семантически связаны, благодаря чему *the youngest* приобретает коннотацию «избалованный».

Приведенный анализ показывает, что доминантными составляющими лингвокогнитивной модели ситуации выступают компоненты *Participants* и *Key*. Смысловое выдвижение этих составляющих достигается за счет использования определенных лингвистических средств, среди которых можно выделить единицы семантического поля «Семья», стилистически окрашенные прилагательные, глаголы, характеризующие действия участников, а также лексические повторы. Благодаря подобной многоаспектной репрезентации предметно-референтной ситуации МФТ достигается прагматическая цель автора – оказать эмоциональное воздействие на обучаемых, посредством привлечения внимания к теме детства и избалованности.

Рассмотрим лингвокогнитивную модель МФТ из 4 раздела *World*, который представлен в виде блога-отзыва о ресторане. Блоги и комментарии относятся к интернет-дискурсу, поэтому представление учебных материалов в таком виде свидетельствует об интердискурсивном характере учебного дискурса. Кроме этого, включение в пособие текстов интернет-дискурса подтверждает актуальность и релевантность отбора учебного материала (Doff, Goldstein 2011, p. 41):

Конституент Лингвокогнитивной модели события	Пример языковой репрезентации
Participants (Участники)	I asked my waiter if they had a hotter salsa, they opened a new Mexican-owned restaurant When they do play Mexican music we don't drink that much at home!
Setting and Scene	they opened a new Mexican-owned restaurant on the next block from me . But sadly, it's comparable to the usual cardboard-tortilla fast-food outlets you get everywhere. When they do play Mexican music , it's always the most stereotypical bands serenading you with deafening rancheras . Here, Mexican eateries play merengue , which is Caribbean.
Key (Food)	I was served chips and salsa , like back home. I asked my waiter if they had a hotter salsa , because the salsa was nothing but tomato ketchup with some chunks of onion in it. But the chips were stale and the salsa tasted like candy . Forget candy-flavoured salsa, and make a great-tasting one that not only makes our mouths water , but also makes us teary-eyed . The waiters also dress in folkloric costumes which are real clichés , and serve margaritas , which, contrary to popular belief , we don't drink that much at home!
Act Sequence	When I first went there, I was served chips and salsa I asked my waiter if they had a hotter salsa, because the salsa was nothing The waiters also dress in folkloric costumes We don't drink that much at home!

В рамках МФТ мы можем выделить лингвокультурную составляющую, связанную с Мексикой. Активизация основных моделей представленного текста у обучаемых происходит за счет атрибутивного словосочетания *Mexican-owned restaurant* из первого предложения. Можно заключить, что лексема *Mexican* выполняет функцию тематического ключевого слова и актуализирует у обучающихся области знаний, фреймы или сценарии, необходимые для дальнейшего понимания и интерпретации МФТ. Семантическая соотносительность референта с определенной страной предполагает наличие фоновых знаний у обучаемых касательно этой страны [Searle 1995].

Как видно из примера, в данной модели ситуации можно выделить следующие составляющие: *Participants, Setting Scene, Key, Act Sequence*.

Обратимся к средствам выдвижения компонента *Участники*, среди которых мы можем выделить личные местоимения в единственном и множественном числе: *I, we, they*, а также существительное *waiter*, указывающее на сферу обслуживания. В рамках единиц выражения данного компонента обращает внимание смысловая оппозиция *I/We* и *They*. В данном противопоставлении имплицитно актуализируется подтекст, связанный с национальной идентичностью. Так, автор блога, являясь мексиканцем по происхождению, обобщенно номинирует весь народ Мексики местоимением *We* и полностью отождествляет себя с ним. В контексте МФТ местоимение *they* имплицитно указывает на людей, которые занимаются открытием мексиканских кафе или ресторанов или не имеют четкого представления о Мексике и ее культуре:

I had high hopes when *they* opened a new Mexican-owned restaurant.

When *they* do play Mexican music, it's always the most stereotypical bands.

Do *they* think everyone listens to that in Mexico?

При помощи повтора местоимений в разных частях текста авторы фокусируют внимание обучаемых на противопоставлении участников по принципу «свой – чужие» (мексиканцы и «не» мексиканцы), благодаря которому раскрывается тематическое содержание, связанное с культурно-национальными стереотипами.

Средствами лингвистической репрезентации другого конституента когнитивной модели, *Setting and Scene*, выступают атрибутивные словосочетания, построенные по модели Adj. + Noun: *Mexican-owned restaurant, Mexican eateries*, в которых локативное значение передается посредством единиц *restaurant* и *eateries*. Повтор сложного эпитета *Mexican-owned* акцентирует внимание обучаемых на содержательном аспекте МФТ, в котором речь пойдет о мексиканской кухне и ее особенностях. Также в рамках выдвижения составляющей *Setting and Scene* мы можем выделить лексемы, которые характеризуют ресторан с определенной точки зрения: *cardboard-tortilla fast-food outlets*. Сложный речевой эпитет *cardboard-tortilla* актуализирует в сознании обучаемых стереотип о тортилье как главной закуске в Мексике, а сложное существительное *cardbord* в его составе употреблено в метафорическом значении. Оно содержит в своей семантической структуре такие компоненты, как *невкусный, неаппетитный*. Данный эпитет обладает отрицательным оценочным компонентом коннотативного значения.

В составе конstituента *Setting and Scene* можно выделить лексемы с национально-культурными оттенками значения, содержащие определенную подтекстовую информацию, связанную с традиционными танцами и музыкой: *merengue, ranchera, serenading*. Так, *merengue* трактуется как *a type of Latin-American dance and music that originated in the Dominican republic, aranchera* имеет значение *a genre of traditional music of Mexico*. Эти единицы объективизируют особый пространственный фон и акцентируют внимание обучаемых на лингвокультурной информации МФТ [Шевченко 2015, с. 44–45].

В языковом аспекте выражения другого значимого компонента *Key* (Еда) можно выделить лексемы, включающие содержательно-подтекстовую информацию, а именно – существительные и прилагательные глуттонической тематики (дискурса): *salsa, chips, tomato ketchup, onions, margaritas, hot, candy*. Комплекс данных единиц участвует в создании содержательно-смысловой связности текста, посвященного мексиканской еде. Ситуация потребления пищи национально обусловлена, отражает этнические, религиозные, культурные особенности народов (Ундрицова 2015, с. 4). Среди этих лексем можно выделить традиционные блюда *salsa* и *chips*, про которое и пишет автор. *Salsa* обозначает очень острый соус (*sauce made from tomatoes, onions, chilli peppers, and spices, served with Mexican or Spanish food*), а под *chips* подразумеваются кукурузные чипсы, которые макают в соус.

Эмоциональный фон МФТ выражен при помощи эпитетов *terrible, candy-flavoured* и сравнительной конструкции *tasted like candy*, характеризующих вкус соуса. Атрибут *terrible*, помимо отрицательной коннотации, передает субъективное отношение автора к так называемой мексиканской еде, которая на самом деле таковой не является, что можно проиллюстрировать примером: *only to be disappointed by how terrible our food tastes*. Пейоративная коннотация также передается при помощи усилительной конструкции *nothing... but: the salsa was nothing but tomato ketchup with some chunks of onion in it*. Использование данной конструкции подчеркивает схожесть вкуса сальсы и обычного кетчупа, что, по мнению автора, совершенно неправильно. Повтор существительного *candy* в сложном эпитете и в сравнительной конструкции служит для передачи вкусовых ощущений, а также актуализирует негативную авторскую оценку, т. к. соус не должен быть сладковатым на вкус. Другие сложные и производные эпитеты *a great-tasting one* и *teary-eyed* наряду с идиомой *makes your mouth water* не просто позволяют автору вызвать у обучаемых определенные вкусовые ощущения, но и отобразить истинный вкус соуса *salsa*. Так, экспрессивный эпитет *teary-eyed* призван показать, насколько острым является этот соус и какие ощущения он может вызвать.

Одной из прагматических целей когнитивной модели представленной ситуации является выра-

жение отрицательного мнения. В рамках реализации данной цели авторы фокусируют внимание обучаемых на такой проблеме, как стереотипность в контексте национальной кухни, а именно – ложное и искаженное представление национально-культурных особенностей страны и ее традиционной кухни. Эта цель реализуется посредством лингвистических средств составляющей *Key*. Синонимичные единицы *belief, cliché* и *stereo typical* несут пейоративную эмоционально-оценочную коннотацию. При помощи данных единиц актуализируется различие между стереотипами и настоящими культурными особенностями страны. Так, в контексте МФТ можно проследить стереотипное мнение об алкогольном коктейле *margaritas* и национальном танце *merengues*. Из авторского пояснения этих реалий обучающиеся могут сделать вывод, что в Мексике эти коктейли не пьют в таких большом количестве, а танец *merengues* не относится к мексиканской культуре.

Основной идеей рассматриваемого МФТ выступает идея о ложности стереотипов, в данном тексте – на примере мексиканской национальной еды. Основная идея выражается в предложении *if you're going to serve Mexican food, serve Mexican food*, где при помощи синтаксического повтора автор выражает мысль о том, что если ресторан мексиканский, то и еда, и обстановка должны соответствовать определенным культурным и гастрономическим реалиям, а не поддерживать стереотипные представления людей об этой стране.

Анализ средств выдвижения компонентов предметно-референтной ситуации показал, что в данном МФТ реализуются концепты *Food* и *National Identity* (Сарайкина 2017, с. 16). Это доказывают лингвистические маркеры, раскрывающие национальную специфику Мексики, и стереотипы, связанные с восприятием культуры этой страны.

На основе проведенного анализа конstituентов когнитивной модели ситуации отзыва-блога о ресторане, мы можем сделать вывод о том, что значимыми смысловыми компонентами ситуации являются Участники (*Participants*) и Эмоционально-оценочный фон (*Key*).

Заключение

Анализ МФТ с позиций когнитивного моделирования выявил, что в текстах для чтения уровня *Advanced* можно выделить следующие конstituенты когнитивной модели ситуаций: *Participants, Setting Scene, Act Sequence, Key, Instrumentalities*.

В рамках рассмотренных ситуаций авторы пособия выделяют такие компоненты модели ситуаций, как Эмоционально-оценочный фон (*Key*) и Участники (*Participants*). Значимость этих составляющих обусловлена использованием определенных синтаксических, лексических и стилистических средств их репрезентации.

В рамках языковых средств выражения компонента *Participants* в первой ситуации из раздела *Childhood* можно проследить маркеры объек-

тивации концепта «Семья» (dad, mother, brother, family), что подчеркивает важность семьи в формировании личности, а также взаимном влиянии членов семьи друг на друга.

В другой модели ситуации средствами выдвижения компонента *Участники* являются личные местоимения *We* и *They*, которые содержат значимую подтекстовую информацию. В контексте МФТ они разграничивают национальную принадлежность участников дискурса, а именно мексиканский народ, с которым себя отождествляет автор (*We*) и владельцы кафе и ресторанов (*they*) которые пытаются создать особый колорит мексиканской культуры. Выдвижение этого конституента способствует прагматической цели автора, которая заключается в привлечении внимания обучаемых к национально-культурным стереотипам.

Другой значимый компонент рассмотренных ситуаций *Key*, в когнитивных моделях проанализированных МФТ содержит определенные смысловые элементы, связанные с тематикой текста. В тексте из раздела *Childhood* смысловой элемент конституента *Key* связан с качествами характера и реализуется посредством прилагательных. Кроме этого, средствами выделения этого компонента служат глагольные формы, отражающие причинно-следственные связи между характером участника и его поступками. В когнитивной модели ситуации о ресторане из раздела *World* смысловой элемент компонента *Key* представлен единицами глоттонического дискурса, а именно названиями блюд и эпитетов, характеризующих их вкус.

Авторы выделяют данные компоненты как доминантные и наиболее значимые в рамках представленных ситуаций. Актуализация составляющих *Participants* и *Key* способствует реализации таких функций учебного дискурса, как функция воздействия и эмоциональной функция. Авторы

пособия стремятся вызвать у обучаемых определенные эмоции касательно предметно-референтных ситуаций МФТ, а также актуализировать определенные ситуационные модели, связанные с их предшествующим опытом, а именно с воспитанием (в рамках ситуации 1 раздела) и посещением ресторана (в рамках ситуации 4 раздела).

Лексические средства выдвижения этих составляющих обладают содержательно-подтекстовой информацией и лингвокультурной составляющей, что обуславливает наличие у обучающихся определенных фоновых знаний, а также акцентирует их внимание на тематике и проблематике отдельно взятого короткого текста. Так, в проанализированных МФТ эксплицируются сведения касательно воспитания детей и стереотипного мышления на примере национальной кухни.

Мы можем сделать вывод, что в когнитивных моделях учебных малоформатных текстов уровня *Advanced* большую смысловую значимость приобретают конституенты *Key* и *Participants*. Таким образом, авторы фокусируют внимание обучаемых на субъектах ситуации и на эмоционально-оценочном фоне, реализуя эмотивно-экспрессивную функцию за счет включения эмоционально-воздействующих элементов и стилистически окрашенной лексики. Комплекс этих средств позволяет авторам донести до реципиента субъективно-оценочные суждения и вызвать определенные эмоции и суждения у самих обучаемых.

Нами также был выявлен интердискурсивный характер учебного дискурса, включающий элементы интернет-дискурса и глоттонического дискурса. Наличие лингвокультурных маркеров в МФТ свидетельствует о тенденции к глобализации образовательного пространства и включении не только реалий англоязычного социума, но и других культур.

Материалы исследования

Doff, Goldstein 2011 – Doff A., Goldstein B. English Unlimited (Advanced). Cambridge: Cambridge University Press. 161 p.

Сарайкина 2017 – Сарайкина Ю. С. Современные тенденции в англоязычном образовательном дискурсе (на материале серии учебных пособий «OUTCOMES»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2017. 22 с.

Ундритова 2015 – Ундритова М.В. Глоттонический дискурс: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2015. 22 с.

Библиографический список

Hymes 1974 – Hymes D. Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1974. 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017 – Kharkovskaya A.A., Ponomarenko E.V., Radyuk A.V. Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends // Training, Language and Culture, 2017. Vol. 1, issue 1. P. 62–76. DOI: <http://dx.doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4>.

Searle 1995 – Searle J.R. The Construction of Social Reality. New York: The Free Press, 1995. 241 p. URL: [https://epistemh.pbworks.com/f/6.+The+Construction+of+Social+Reality+\(SCAN\).pdf](https://epistemh.pbworks.com/f/6.+The+Construction+of+Social+Reality+(SCAN).pdf)

Shevchenko, Tomashchikova 2021 – Shevchenko V.D., Tomashchikova S. Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 216 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografii/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Дейк 2000 – Дейк, ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с. URL: https://www.phantastike.com/other/yazyk_poznaniye/pdf.

Доброва 2015 – Доброва В.В. Моделирование как метод познания ненаблюдаемых объектов // Вестник Вятского государственного университета. 2015. № 1. С. 146–152. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-metod-poznaniya-nenablyudaemyh-obektov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23676128>. EDN: <https://elibrary.ru/tycspb>.

Карасик 2000 – Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Карасика, Г.Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20. URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUfoewruOX-A_LT4Sg1C1LAcwoag-qf734lhgu62r9gA3_wpgr0D9pAfY6sY7acvgnR54TuO4I1VDK3b8OBnnt3wsEsZtwiAkX2QhZr-TdKEsEJKT-7OBz89-3ncPmkC13RM4tQ%3D%3D%3Fsign%3DbnyM_FLqhmoSRhV0Uket7mcc8JxIMkLCZjR1T41JIE%3D&name=Для%20лекции_4_О%20типах%20дискурса_Карасик.docx&nosw=1; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://elibrary.ru/vwhliz>.

Карасик 2002 – Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с. URL: <https://www.rulit.me/books/yazykovej-krug-read-700638-1.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>.

Шевченко 2015 – Шевченко В.Д. Пространственная и хронологическая доминанты в дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 3 (19). С. 44–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-i-hronologicheskaya-dominanty-v-diskurse>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25027096>. EDN: <https://elibrary.ru/vbrjid>.

Шевченко В.Д., Шевченко Е.С. 2016 – Шевченко В.Д., Шевченко Е.С. Аксиологическая доминанта в дискурсе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 5 (193). С. 27–30. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-dominanta-v-diskurse/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26239719>. EDN: <https://elibrary.ru/wcfhnp>.

References

Hymes 1974 – Hymes D. (1974) Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania, 260 p. DOI: <http://doi.org/10.4324/9781315888835>.

Kharkovskaya, Ponomarenko, Radyuk 2017 – Kharkovskaya A.A., Ponomarenko E.V., Radyuk A.V. (2017) Minitexts in modern educational discourse: Functions and trends. *Training, Language and Culture*, no. 1 (1), pp. 62–76. DOI: <http://dx.doi.org/10.29366/2017tlc.1.1.4>.

Searle 1995 – Searle J.R. (1995) The Construction of Social Reality. New York: The Free Press, 241 p. Available at: [https://epistemh.pbworks.com/f/6.+The+Construction+of+Social+Reality+\(SCAN\).pdf](https://epistemh.pbworks.com/f/6.+The+Construction+of+Social+Reality+(SCAN).pdf).

Shevchenko, Tomashchikova 2021 – Shevchenko V.D., Tomashchikova S. (2021) Representation of Food in Media Discourses: Cognitive and Pragmatic Aspects: monograph. Samara: Samara University Publishing House, 216 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Monografi/Representation-of-Food-in-Media-Discourses-Cognitive-and-Pragmatic-Aspects-monograph-Tekst-elektronnyi-90380/1/Шевченко%20В.Д.%20Representation%202021.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=46673547>. EDN: <https://elibrary.ru/aewrsh>.

Dejk 2000 – Dejk T. Van. (2000) Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk: BGK im. I.A. Boduena de Kurtene, 308 p. Available at: https://www.phantastike.com/other/yazyk_poznaniye/pdf. (In Russ.)

Dobrova 2015 – Dobrova V.V. (2015) Modelling as means of cognition of nonobservable objects. *Herald of Vyatka State University*, no. 1, pp. 146–152. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-kak-metod-poznaniyanenablyudaemyh-obektov/viewer>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=23676128>. EDN: <https://elibrary.ru/tycspb>. (In Russ.)

Karasik 2000 – Karasik V.I. (2000) On types of discourse. In: Karasik V.I., Slyshkin G.G. (Eds.) Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers. Volgograd: Peremena, pp. 5–20. Available at: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUfoewruOX-A_LT4Sg1C1LAcwoag-qf734lhgu62r9gA3_wpgr0D9pAfY6sY7acvgnR54TuO4I1VDK3b8OBnnt3wsEsZtwiAkX2QhZr-TdKEsEJKT-7OBz89-3ncPmkC13RM4tQ%3D%3D%3Fsign%3DbnyM_FLqhmoSRhV0Uket7mcc8JxIMkLCZjR1T41JIE%3D&name=Для%20лекции_4_О%20типах%20дискурса_Карасик.docx&nosw=1; <https://elibrary.ru/item.asp?id=25969307>. EDN: <https://elibrary.ru/vwhliz>. (In Russ.)

Karasik 2002 – Karasik V.I. (2002) Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. Available at: <https://www.rulit.me/books/yazykovej-krug-read-700638-1.html>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=24065092>. EDN: <https://elibrary.ru/ugqamp>. (In Russ.)

Shevchenko 2015 – Shevchenko V. D. (2015) The spatial and chronological dominants in the discourse. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, no. 3 (19), pp. 44–53. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-i-hronologicheskaya-dominanty-v-diskurse>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25027096>. EDN: <https://elibrary.ru/vbrjid>. (In Russ.)

Shevchenko V.D., Shevchenko E.S. 2016 – Shevchenko V.D., Shevchenko E.S. (2016) Axiological dominant in the discourse. *Vestnik of Orenburg State University*, no. 5 (193), pp. 27–30. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aksiologicheskaya-dominanta-v-diskurse/viewer>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26239719>. EDN: <https://elibrary.ru/wcfhnp>. (In Russ.)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 811; 378

Дата поступления: 20.02.2023
рецензирования: 25.04.2023
принятия: 30.05.2023

**Письменные жанры на всероссийской олимпиаде школьников
по английскому языку**

А.П. Гулов

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: gulov@tea4er.org. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7192-5316>

Аннотация: В статье идет речь об оценивании письменного конкурса на всероссийской олимпиаде школьников, в частности рассматриваются особенности критериев проверки такого жанра, как рассказ. Нами анализируются параметры оценивания, которые используются экспертами жюри, на примере написанного текста. Проводятся анализ карточки задания регионального и заключительного этапов ВСОШ 2022 и корреляция указанных пунктов с параметрами. Приведен разбор текста по параметрам критерия решения речевой коммуникативной задачи, выявлены некоторые сложности при оценивании по причине субъективности.

Ключевые слова: олимпиада школьников; языковое тестирование; подготовка к олимпиаде; критерии оценивания; одаренные дети.

Цитирование. Гулов А.П. Письменные жанры на всероссийской олимпиаде школьников по английскому языку // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29, № 2. С. 222–230. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-222-230>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Гулов А.П., 2023

Артем Петрович Гулов – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка № 6, МГИМО МИД России, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Российская Федерация, г. Москва, пр. Вернадского, 76.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.02.2023
Revised: 25.04.2023
Accepted: 30.05.2023

Writing genres at the All-Russian Olympiad of schoolchildren in English

A.P. Gulov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation
E-mail: gulov@tea4er.org. ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7192-5316>

Abstract: The article deals with evaluating a written competition at the All-Russian Olympiad for schoolchildren, in particular, the features of the criteria for checking such a genre as a story are considered. We analyze the evaluation parameters that are used by the jury experts, using the example of the written text. The card for setting the regional and final stages of the OSH 2022 is analyzed, and the specified points are correlated with the parameters. An analysis of the text on the parameters of the criterion for solving a speech communicative problem is given, some difficulties were identified when evaluating due to subjectivity.

Key words: Olympiad for schoolchildren; language testing; preparation for Olympiad; assessment criteria; gifted children.

Citation. Gulov A.P. Writing genres at the All-Russian Olympiad of schoolchildren in English. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiia* = *Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 222–230. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2023-29-2-222-230>. (In Russ.)

Information on the conflict of interests: author declares no conflict of interest.

© Gulov A.P., 2023

Artem Petrovich Gulov – Candidate of Philological Sciences, associate professor of English Language Department 6, MGIMO University, 76, Vernadskogo Avenue, Moscow, 119454, Russian Federation.

Введение

Олимпиады и другие виды интеллектуальных состязаний прочно вошли в образовательную экосистему в России. Всероссийская олимпиада школьников функционирует под патронажем Министерства просвещения и является академическим наследником традиций проведения всесоюзных олимпиад, которые зародились во второй половине прошлого века, притом что самая первая олимпиада по математике датируется 1934 годом [Агаханов, Марчукова, Подлипский 2021]. На данный момент академические испытания проводятся по огромному количеству предметов, как гуманитарного, так и естественнонаучного циклов [Богданова 2019; Трубина 2022]. Олимпиады как средство выявления таланта, формирования и развития творческих способностей начали использоваться в высших учебных заведениях – как для студентов, так и для школьников [Анимова, Беляева 2018; Олейник 2016; Переверткина 2015]. Бренд олимпиады предполагает не только оценивание умений и навыков по предметам, но и прямое влияние на развитие критического мышления, самоконтроля, концентрации внимания, т. е. метапредметных умений [Бикметова 2022; Евдокимова, Перфильева 2022; Лысиченкова, Хохлачева 2022]. Некоторые олимпиады функционируют онлайн, хотя большая часть испытаний проводится в аудитории учебных заведений [Вергасова 2015; Yan, Berliner 2016]. Олимпиады по иностранным языкам входят в список предметов, которые ежегодно проводятся под эгидой Министерства просвещения. Английский язык с его глобальной ролью является популярным направлением, и самым массовым интеллектуальным состязанием среди прочих языков [Абрамова, Ананьина 2022]. Формирование и развитие творческих компетенций участников происходит посредством разработки и внедрения различных заданий, в том числе связанных с письменной речью [Авраменко, Матвеева 2020; Гулов 2022; Явор 2021]. Целью нашего исследования является анализ различных жанров, в частности рассказа как одного из самых творческих видов деятельности. Лимитирующим фактором повышения прозрачности олимпиадного оценивания является недостаточная корреляция критериев проверки экспертов жюри с формулировкой задания, поэтому в данной статье рассматриваются учебные тексты относительно параметров решения речевой коммуникативной задачи, для оценивания объективности процедуры.

Материалы и методы

В рамках исследования нами применялись теоретические методы анализа научных источников по теме, а также эмпирический метод проверки массива ученических работ, с анализом выбранных учебных текстов в рамках исследования. К вопросам, связанным с проведением и организацией всероссийской олимпиады школьников, обращались многие исследователи. Ряд работ по-

священ творческой составляющей в олимпиадном движении [Городецкая 2019; Матвеева, Сухарева 2015; Карп 2021]. Некоторые ученые исследовали продуктивные виды деятельности в рамках дополнительного образования, в том числе на этапе обучения в высшей школе [Касарова 2022; Кирдяева, Колесникова 2018; Love, Hughes 2022]. Жанровые особенности академического письма рассматриваются в работах зарубежных и отечественных авторов, некоторые из них держат в фокусе своего внимания именно олимпиадные комплекты заданий [Мельникова 2019; Gulov 2022]. Определенные работы посвящены олимпиаднему движению как неотъемлемой части современного образования [Кизка 2018; Кисова, Семенов, Семенова 2022; De Miranda 2018], что обуславливает необходимость прозрачного оценивания конкурсных работ [Никитина, Николаева, Соколова 2020].

В нашем исследовании мы изучаем форматные особенности жанров, владение которыми проверялось на региональном и заключительном этапах ВСОШ по английскому языку в период с 2011 по 2022 г. Как показал анализ комплектов контрольно-измерительных материалов в указанные годы, наиболее часто для проверки знаний и умений письменной речи использовался рассказ, который был предложен для написания 6 раз на регионе, и 6 раз на финале [Задания...]. В 2022 году данный жанр был задействован на обоих этапах, что и стало причиной исследования особенностей рассказа, в частности в рамках решения речевой коммуникативной задачи. В 2023 рассказ был использован на заключительном этапе, что подтверждает важность изучения данного жанра для успешного участия в олимпиадах.

Результаты и обсуждения

Среди академических конкурсов достойное место занимают лингвистические олимпиады, в рамках проведения которых используются многочисленные инструменты оценивания, позволяющие ранжировать участников. Письменные конкурсы включаются во все этапы всероссийской олимпиады школьников по английскому языку, так как позволяют эффективно оценивать продуктивные навыки. Творческие способности учащихся могут проявляться особенно ярко во время написания собственных текстов, поэтому разработчики олимпиадных комплектов ежегодно включают такие задания в программу интеллектуальных состязаний.

Обратимся к оцениванию текстов представителями жюри. Как правило, при разработке материалов для эксперта выделяют 5 критериев: решение коммуникативной задачи, организация текста, лексика, грамматика, орфография и пунктуация (сдвоенный критерий). Как правило, первые 2 критерия показывают структурную стройность текста и общее соответствие требованиям карточки задания, в то время как последние 3 критерия демонстрируют, насколько грамотно участники владеют языковым оформлением текста. При этом наиболь-

шее количество баллов можно набрать именно по критерию решения коммуникативной задачи, что заставляет нас обратить самое пристальное внимание на него. Общая сумма баллов, как правило, составляет 20.

В таблице 1 указываются формулировка задания и параметры его оценивания по критерию РКЗ регионального этапа 2022 года.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что возможно получить 0 баллов при нарушении соответствия написанного текста ряду весьма специфичных параметров, что автоматически приводит к обнулению оценки всего текста. Мы приводим пример текста, который был написан в учебных целях, для дальнейшей оценки и анализа.

A FRIEND IN NEED

That story occurred to Mr. Brown who was a snobbish man in his thirties and had no friends at all. Being exhausted of his boring life he decided to travel to Texas. He grabbed all necessities and embarked on his tantalizing journey.

Mr. Brown was half way to Texas when his car broke down. It must be said that at that moment he stuck in the middle of nowhere and he could not even call for help. He spent hours waiting for someone, who could give him a helping hand but there was no human being on a horizon.

In the early morning, when Mr. Brown was half-asleep, a figure appeared on the road. It was a local shepherd who approached him and patted on the shoulder. «Are you alright, Sir?» the shepherd asked anxiously. Only then did Mr. Brown realize that it was the only means of salvation. He replied straightforwardly, «My car has broken down! Can you help me and fix it, sir?» «I'm not good at it, you

see”, replied the shepherd. «But an old friend of mine who lives in the village nearby is a master of all trades”. So they headed to the village through the forest. At first Mr. Brown felt ill at ease but the shepherd appeared to be a good-natured man. Being absorbed in the conversation Mr. Brown didn't notice the hole in the ground and fell down, and twisted his ankle. It hurt to walk badly and the shepherd gave him a helping hand. He carried Mr. Brown the rest of the way on his back.

A few hours later lying in a hospital ward and looking at his new friend sleeping in the armchair Mr. Brown realized that there was one soul in the world who cared about him and it filled his heart with joy. «A journey is best measured in friends rather than miles”, he thought happily.

Мы приводим этот текст в оригинальном виде, вместе с ошибками, которые были допущены, для демонстрации мысли обучающегося и полного соответствия баллов за разные критерии. Тем не менее сфокусируем наше внимание на решении коммуникативной задачи при анализе данного текста. Мы будем придерживаться именно трактовки задания, которая дается собственно в параметрах, признавая, что корреляция с некоторыми формулировками в карточке видится не на 100 % очевидной. В таблице 2 мы предлагаем суммарную картину оценивания.

Прежде всего отметим те пункты, где работа однозначно получает балл – раскрытие ясно изложенного сюжета и наличие диалога между героями. Однако по оставшимся 4 параметрам у экспертов могут возникнуть сомнения. Рассмотрим их по порядку.

Таблица 1

Критерии оценивания регионального этапа

Table 1

Regional stage assessment criteria

Задание	Параметры
<p>A student magazine is running a writing competition. The prize is an adventure weekend in Australia. Readers are invited to send in short stories for a series entitled «Fill your life with adventures, not things». Your story must include the proverb: «A journey is best measured in friends rather than miles».</p> <p>You decide to take part and submit your own short story. Your short story must have a title, an exciting plot, a problem to solve, (a) courageous character(s), and direct speech. Write 250–300 words.</p>	<p>1. Тема текста соответствует теме пословицы: для успешного путешествия или приключения важно, чтобы у героя были друзья, – 1 балл 2. Текст содержит заголовок, соответствующий содержанию рассказа, – 1 балл 3. Текст содержит ясно изложенный сюжет, – 1 балл 4. Текст содержит описание происшествия или рискованной ситуации, которую героям надо разрешить, – 1 балл 5. В тексте описан смелый/ мужественный герой(и), – 1 балл 6. Текст содержит диалог и/или случаи/ случай прямой речи, – 1 балл 0 баллов за РКЗ ставится, если: 1) написан не приключенческий рассказ, а другая литературная форма или другой литературный жанр, то есть в тексте отсутствует описание происшествия или рискованной ситуации, которую героям надо разрешить; 2) отсутствуют все 6 аспектов КЗ (см. выше); 3) написано менее 225 слов (Слова, входящие в заголовок, считаются)</p>

Таблица 2

Результаты оценивания по параметрам

Table 2

Evaluation results by parameters

Пословица	Заголовок	Сюжет	Происшествие	Смелый герой	Диалог
+ –	+ –	+	?	–	+

Пословица. В параметре указано, что у героя должны быть друзья для того, чтобы бы появилась возможность предпринять путешествие. Но в данном тексте новый друг встречается в пути.

Заголовок. С одной стороны, данный заголовок удачно отражает общую идею текста – спасение друга, который попадает в беду. Однако отсылка к пословице *A friend in need is a friend indeed* более чем очевидна. При этом данная пословица предполагает проверку уже существующей дружбы, а не показывает прочность только что сложившихся дружеских отношений.

Происшествие. Самые большие сомнения возникают именно в данном параметре. Мы наблюдаем неприятную ситуацию – машина главного героя ломается посреди трассы, и ему приходится ждать помощи от местных жителей. Однако можно ли говорить о смертельной опасности, или просто рискованной ситуации? В тексте нет никаких указаний на это. Например, если бы автор уточнил, что температурный режим и риск обморожения пугали героя, или дикие животные атаковали транспорт, тогда можно было бы говорить о более успешном раскрытии данного пункта.

Смелый герой. Сомнения в правильности описания мужественного героя вытекают из предыдущего пункта. В тексте говорится, что местный пастух выступает в роли проводника, и помогает добраться до деревни, где можно получить помощь. Не совсем понятно, в чем именно заключается его мужество. Мы видим благородство и

способность к сочувствию ближнему, готовность прийти на помощь, но эти черты не коррелируют напрямую со смелостью.

В фокусе нашего внимания оказывается параметр с описанием рискованного происшествия, так как минус по данному пункту приводит к обнулению общей оценки. В данном конкретном случае все зависит от субъективного мнения эксперта жюри. На наш взгляд, неточности в работе оставляют свободу трактовки данной проблемы на усмотрение жюри, что автоматически лишает участника олимпиады шансов на успешную апелляцию.

Аналогичным образом рассмотрим формулировку задания и параметры его оценивания по критерию РКЗ заключительного этапа 2022 года, которые представлены в таблице 3.

Как мы видим, представленное в финале письмо концептуально повторяет черты аналогичного письменного задания на предыдущем этапе: участники должны написать рассказ с элементами рискованного происшествия, в качестве стимулов текста даны новость из прессы и эпиграф – цитата известного фантаста Айзека Азимова, указывающая на отставание мудрости цивилизаций от технического прогресса. Посыл очевиден – участникам необходимо придумать сюжет в духе «Войны миров» Герберта Уэллса, только теперь земляне выступают в роли гостей с другой планеты.

Обратимся к учебному тексту для анализа параметров оценивания.

Таблица 3

Критерии оценивания заключительного этапа

Table 3

Final stage assessment criteria

Задание	Параметры
<p>Below is a piece of news from a newspaper: <i>Astronomers searching for alien life spot signs of intelligence beyond the solar system</i> Parkes</p> <p><i>Observatory's Murriyang radio telescope has detected «promising» radio signals that seem to be extraterrestrial. The strange signals appeared to come from Proxima Centauri, the Sun's nearest neighbouring star. Proxima Centauri is a mere 4.24 light years away, and is orbited by two planets. One of them is Earth-like and thought to be in the «habitable zone» where liquid water exists. Scientists involved in the search for extraterrestrial intelligence (Seti) have processed the signals and found them to be a «technosignature», evidence of alien technology.</i></p> <p>The news has inspired the editors of a student magazine to run a writing competition. Readers are invited to send in short science-fiction stories based on the piece of news given above. You decide to take part in the competition and write your own science-fiction story with the following quotation as an epigraph: <i>«The saddest aspect of life right now is that science gathers knowledge faster than society gathers wisdom»</i> (Isaac Asimov) Your science-fiction story must be related to the epigraph, it must have a title, a clear storyline, a risky situation and direct speech. Write 250–300 words (the words in the epigraph are not counted)</p>	<ol style="list-style-type: none"> 1. Содержание текста связано с темой новостного сюжета, изложенного в задании: землянами получены сигналы, свидетельствующие о существовании внеземного разума, – 1 балл 2. В тексте раскрыто содержание эпиграфа, – 1 балл 3. Текст содержит заголовок, соответствующий содержанию, – 1 балл 4. Текст содержит ясно изложенный сюжет, – 1 балл 5. Текст содержит описание рискованной ситуации, – 1 балл 6. В тексте содержится прямая речь. – 1 балл <p>0 баллов за РКЗ ставится, если:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) написан не научно-фантастический рассказ, а другая литературная форма, то есть развитие сюжета не связано с технологиями/ научными открытиями или основанным на них перемещением в пространстве и времени; 2) отсутствуют все 6 аспектов КЗ (см. выше); 3) написано менее 225 слов

NEW FRIEND

The saddest aspect of life right now is that science gathers knowledge faster than society gathers wisdom.

Isaac Asimov

Parkes Observatory's Murriyang radio telescope recently detected radio signals from one planet-satellites orbiting Proxima Centauri. Moreover, these signals were told to be a «technosignature», meaning they were sent by creatures intelligent enough to use complex machinery. After this news, a group of engineers from the science team of the US California was given an order from the higher-ups to finish the construction of an already half-finished spaceship designated to cover long distances. Soon, the ship was ready, and the research team sent two young astronauts, Joseph and John, to discover the mysterious signals coming from Proxima Centauri.

After a month of traveling in space, the astronauts reached their destination point. The ship experienced shaking due to high gravitational force. The astronauts stepped out. The ship landed near a structure resembling rock and a body of water. A strange creature lurking behind a stone caught their eye. «Should we come closer?» asked Joseph. John nodded, thinking about his younger wife and a new-born son. As they approached, the creature showed itself. The creature seemed friendly. It had rough grey skin, antennas on the head, a pair of blue eyes on the front, three arms, and two legs.

However, when the astronauts started taking out a camera to shoot the alien, it started hissing while the antennas of the creature straightened up. Moreover, the creature's skin turned red and seemed to begin inflating. As the astronauts recognized the danger, Joseph put his strong hands up in the air mimicking the creature. Then, suddenly, the creature's skin turned blue and grey. The astronauts avoided the conflict. «The behavior of the creature is similar to animals on the Earth», pointed out Joseph. Though, there might be war, bloody and pointless.

After some time, the astronauts managed to befriend the creature. They wrote down the characteristics of their new friend and took down notes of unique knowledge alongside taking many samples of rock. Then, as they finished the analysis of the landing site, they packed their equipment and were going to set the course of the spaceship back to the Earth. All of a sudden, they heard aggressive shouts, and saw biorobots armed to metal teeth.

Не оценивая достоинства и недостатки данного текста, связанные с языковым оформлением, отметим изящную попытку решения коммуникативной задачи. Автор пишет о полете на неизведанную планету и встрече со странными существами. Во время чтения рассказа возникает ощущение, что данное знакомство закончится мирным сосуществованием двух цивилизаций, хотя и присутствуют зловещие намеки и гнетущее напряжение при общении двух рас. Главный герой вспоминает о своей семье, очевидно, жалея, что согласился на такую рискованную миссию. В лучших канонах жанра, только последняя строчка все расставляет по своим местам. Когда космонавты уже готовы вернуться на свой корабль и улететь домой, они слышат агрессивные выкрики вооруженных ро-

ботов. Спор, которого они так боялись, перерастает в вооруженный конфликт. Очевидно, героев ждет незавидная участь, впрочем, как и автора текста. Увлечшись описанием персонажей и сцен, школьник забывает про количественный лимит слов, который действует на олимпиаде. Без учета эпиграфа в данном тексте 363 слова, максимально разрешенное количество – 300, что при действующем расширении допустимых 10 % фактически означает 330. Однако при нарушении регламента проверяется только часть текста до 300 слов, что неминуемо приведет к потере нескольких баллов. Учитывая, что сюжет полноценно раскрывается только в последнем предложении, эксперты не имеют право по существу оценить красоту замысла автора. Однако, интересен и другой факт – в причинах возможного обнуления работы описание рискованного происшествия больше не фигурирует, поэтому автор как минимум не получит 0 баллов. В данном задании акцент смещается на перемещение во времени и пространстве, и теперь данный параметр является самым важным.

Заключение

Подводя итоги оценивания текстов согласно параметрам таблицы экспертов, мы приходим к мнению, что некоторые из них не являются до конца объективными, так как баллы экспертов разнятся в зависимости от их подхода и лояльности при проверке, а последствия низкой оценки по всего лишь одному параметру могут оказаться самыми плачевными для автора текста. Напомним, что при оценке 0 за письмо, занимающим около 20% от общего числа баллов, которое представляется возможным набрать, шансы стать призером или победителем также близятся к 0, по причине высоких проходных баллов (обычно 85–95 %). Соответственно, такие критерии нуждаются в уточнении, равно как и приведении формулировок параметров оценивания и самой карточки в полную корреляцию.

Проведенный нами в 2022 году курс повышения квалификации «Методические особенности ВСОШ по английскому языку» на базе Московской международной академии позволил поднять обсуждение данных вопросов на суд опытных учителей из разных регионов, многие из которых являются экспертами комиссий в своем субъекте федерации; и мнения разделились примерно пополам. При демонстрации данных учебных текстов ряд коллег были согласны с обнулением первого текста, в то время как другие педагоги считали, что в целом такие санкции слишком суровы. Во время обсуждения второго текста мы намеренно не стали изначально демонстрировать смещение акцента при обнулении, и практически все эксперты сочли необходимым поставить вынужденные 0 баллов из-за лишнего количества слов и невозможности учитывать концовку текста при общем зачете.

На наш взгляд, во избежание подобных спорных ситуаций необходимо как поднимать качество

подготовки к всероссийской олимпиаде школьников и учить ребят более тщательно относиться к трактовке задания, так и выносить подобные вопросы на обсуждение широкой преподавательской общественности. Ежегодно возникают ситуации, в рамках которых разные эксперты принимают диаметрально противоположные решения, которые зачастую являются судьбоносными для олимпиадников и их последующей образовательной траектории. Неочевидность параметров проверки при

прочтении задания является большой проблемой, требующей решения. Напомним, что для многих школьников всероссийская олимпиада является альтернативным способом поступления в высшие учебные заведения. Мы считаем, что необходимо публиковать комментарии разработчиков заданий в открытом доступе в сети Интернет для большей прозрачности процесса проверки на местах и повышения значимости бренда олимпиады как объективного способа проверки знаний по предмету.

Библиографический список

De Miranda 2018 – *De Miranda M.A.* (2018) Pedagogical Content Knowledge for Technology Education. In: *Mark. J. de Vries (Ed.) Handbook of Technology Education*. Springer, pp. 685–698. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-44687-5_47.

Gulov 2022 – *Gulov A.P.* Comprehensive Preparation for the English Language Olympiad as Part of Improving the Quality of Language Education in Russia // *Professional Discourse & Communication*. 2022. Vol. 4, № 2. P. 78–89. DOI: <http://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-2-78-89>. EDN: <http://elibrary.ru/hrxliu>.

Karp 2021 – *Karp A.* The Russian experience: national curricula, national standards, textbooks // *ZDM – Mathematics Education*. 2021. № 53. P. 1471–1483. DOI: <http://doi.org/10.1007/s11858-021-01268-9>.

Love, Hughes 2022 – *Love T.S., Hughes A.J.* Engineering pedagogical content knowledge: examining correlations with formal and informal preparation experiences // *International Journal of STEM Education*. 2022. Vol. 9, issue 1. Article number: 29. DOI: <http://doi.org/10.1186/s40594-022-00345-z>.

Yan, Berliner 2016 – *Yan K., Berliner D.C.* Tensions in gifted college programs in China: the case of «Mount Everest Plan» // *Asia Pacific Education Review*. 2016. Vol. 17. P. 325–338. DOI: <http://doi.org/10.1007/s12564-016-9430-0>.

Абрамова, Ананьина 2022 – *Абрамова И.Е., Ананьина А.В.* Повышение мотивации к изучению английского языка через систему олимпиад по переводу // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 76–1. С. 12–15. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49469734>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jiwfid>.

Авраменко, Матвеева 2020 – *Авраменко А.П., Матвеева О.Ю.* Формирование коммуникативных стратегий на иностранном языке с использованием мобильных технологий // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2020. № 1. С. 22–28. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-7219-2020-1-22-28>. EDN: <https://elibrary.ru/gmyfhi>.

Агаханов, Марчукова, Подлипский 2021 – *Агаханов Н.Х., Марчукова О.Г., Подлипский О.К.* О современных тенденциях в подготовке школьников к математическим олимпиадам // *Вопросы образования*. 2021. № 4. С. 266–284. DOI: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-266-284>. EDN: <https://elibrary.ru/skauxh>.

Анимова, Беляева 2018 – *Анимова Н.П., Беляева О.А.* Метапредметные образовательные результаты школьников как основа формирования универсальных компетенций студентов // *Ярославский педагогический вестник*. 2018. № 5. С. 57–70. DOI: <http://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10159>.

Бикметова 2022 – *Бикметова Э.Р.* Научно-исследовательская деятельность обучающихся в формировании профессиональных компетенций // *Система менеджмента качества: опыт и перспективы*. 2022. № 11. С. 28–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49350501>. EDN: <http://elibrary.ru/gqmeck>.

Богданова 2019 – *Богданова О.Н.* Становление метапредметной компетентности учителя, работающего с интеллектуально одаренными школьниками, в процессе дополнительного профессионального образования // *Вестник Белгородского института развития образования*. 2019. Т. 6, № 3 (13). С. 19–27. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41289955>. EDN: <https://elibrary.ru/mdrcqp>.

Вергасова 2015 – *Вергасова Е.В.* Особенности проведения дистанционных олимпиад по иностранному языку для младших школьников // *Актуальные проблемы языкознания*. 2015. Т. 1. С. 118–119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29448116>. EDN: <https://elibrary.ru/yuktal>.

Городецкая 2019 – *Городецкая Л.А.* Интегрированные задания по аудированию и чтению на региональном и заключительном этапах Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку // *Вестник Московского ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2019. № 1. С. 51–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084858>. EDN: <https://elibrary.ru/yzfubn>.

Гулов 2022 – *Гулов А.П.* Стратегии успешного написания письменной работы на муниципальном этапе ВСОШ: эссе по цитате // *Иностранные языки в школе*. 2022. № 4. С. 46–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49469901>. EDN: <http://elibrary.ru/pirunr>.

Евдокимова, Перфильева 2022 – *Евдокимова В.Е., Перфильева А.В.* Применение оборудования технопарка универсальных педагогических компетенций при работе с учащимися школ в системе дополнительного

образования // Научное обозрение. Педагогические науки. 2022. № 5. С. 25–29. DOI: <http://doi.org/10.17513/srps.2446>. EDN: <http://elibrary.ru/grqrxh>.

Задания... – *Задания Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку* // Информационный сайт Всероссийской олимпиады. URL: <http://vos.olimpiada.ru> (дата обращения: 17.01.2023).

Касарова 2022 – *Касарова В.Г.* Студенческие олимпиады как инструмент совершенствования образовательного процесса на этапе довузовской подготовки // Вопросы педагогики. 2022. № 1–2. С. 162–165. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47902971>. EDN: <http://elibrary.ru/wbmscs>.

Кизка 2018 – *Кизка В.И.* Олимпиада как неотъемлемая часть процесса обучения английскому языку // Теория и методика обучения иностранным языкам: традиции и инновации. Шатиловские чтения: сборник научных трудов / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 114–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36857105>. EDN: <http://elibrary.ru/vspcks>.

Кирдяева, Колесникова 2018 – *Кирдяева О.И., Колесникова Е.А.* Конкурс устной речи в рамках Всероссийской олимпиады школьников по английскому языку: типы заданий и рекомендации по их выполнению // Обучение культуре устной речи на английском языке: традиции, проблемы, перспективы: сборник научных трудов и материалов международной научно-методической конференции, Москва, 12 ноября 2018 года. Москва: ЗАО «РЕЛЮД», 2018. С. 36–49. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41260396>. EDN: <http://elibrary.ru/rjyaac>.

Кисова, Семенов, Семенова 2022 – *Кисова В.В., Семенов А.В., Семенова Е.А.* Анализ связи результатов регионального и заключительного этапов олимпиады школьников по иностранному языку на основе матриц сопряженности // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 74–3. С. 134–138. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48308367>. EDN: <http://elibrary.ru/xxxxrl>.

Лысиченкова, Хохлачева 2022 – *Лысиченкова С.А., Хохлачева И.В.* Диагностика метапредметных и личностных результатов старшеклассников в конкурсной деятельности // Педагогический журнал. 2022. Т. 12, № 1–1. С. 215–221. DOI: <http://doi.org/10.34670/AR.2022.42.62.097>. EDN: <http://elibrary.ru/hwsvds>.

Матвеева, Сухарева 2015 – *Матвеева И.В., Сухарева Т.В.* Олимпиады по иностранным языкам: традиции и инновации // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 31. С. 161–168. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25277896>. EDN: <https://elibrary.ru/vhebjr>.

Мельникова 2019 – *Мельникова Н.В.* Применение международных критериев для оценивания письменных заданий по английскому языку // Актуальные проблемы глобальных исследований: Россия в глобализирующемся мире: сборник научных трудов участников VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 04–06 июня 2019 года / под ред. И.В. Ильина. Москва: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2019. С. 215–219. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41153011>. EDN: <http://elibrary.ru/aylmjo>.

Никитин, Николаева, Соколова 2020 – *Никитин Д.И., Николаева В.В., Соколова Е.И.* Актуальные проблемы объективности оценивания олимпиадных работ участников Всероссийской олимпиады школьников и пути их преодоления // Эффективные практики оценки качества образования. 2020. № 1 (9). С. 18–23. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-obektivnosti-otsenivaniya-olimpiadnyh-rabot-uchastnikov-vserossiyskoj-olimpiady-shkolnikov-i-puti-ih-preodoleniya>.

Олейник 2016 – *Олейник Э.Е.* Языковые Олимпиады как фактор повышения знаний профессионально ориентированного иностранного языка в вузе // Проблемы преподавания профессионально ориентированного иностранного языка в вузе: материалы Международной научно-практической конференции, Рязань, 26–27 марта 2016 года. Рязань: ООО «Издательство “Концепция”», 2016. С. 69–70. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27280343>. EDN: <http://elibrary.ru/wyzjpp>.

Переверткина 2015 – *Переверткина М.С.* К вопросу об организации интеллектуальных соревнований по английскому языку на базе виртуальной обучающей среды Moodle // Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы Всероссийской межвузовской научной конференции, Санкт-Петербург, 14–15 мая 2015 года / Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2015. С. 229–231. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36443997>. EDN: <https://elibrary.ru/vmgori>.

Трубина 2022 – *Трубина И.И.* Портрет наставника финалистов олимпиады по искусственному интеллекту // Тенденции развития науки и образования. 2022. № 85–5. С. 27–31. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-191>. EDN: <http://elibrary.ru/hfltsy>.

Явор 2021 – *Явор А.С.* Особенности построения олимпиад по английскому языку // Лингвистические и экстралингвистические проблемы коммуникации: теоретические и прикладные аспекты: сборник научных трудов / отв. ред. И.В. Коровина. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, 2021. С. 113–119. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45569072>. EDN: <http://elibrary.ru/wxzbfl>.

References

De Miranda 2018 – *De Miranda M.A.* (2018) Pedagogical Content Knowledge for Technology Education. In: *Mark. J. de Vries (Ed.) Handbook of Technology Education*. Springer, pp. 685–698. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-319-44687-5_47.

- Gulov 2022 – *Gulov A.P.* (2022) Comprehensive Preparation for the English Language Olympiad as Part of Improving the Quality of Language Education in Russia. *Professional Discourse & Communication*, vol. 4, no. 2, pp. 78–89. DOI: <http://doi.org/10.24833/2687-0126-2022-4-2-78-89>. EDN: <http://elibrary.ru/hrxliu>.
- Karp 2021 – *Karp A.* (2021) The Russian experience: national curricula, national standards, textbooks. *ZDM – Mathematics Education*, no. 53, pp. 1471–1483. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11858-021-01268-9>.
- Love, Hughes 2022 – *Love T.S., Hughes A.J.* (2022) Engineering pedagogical content knowledge: examining correlations with formal and informal preparation experiences. *International Journal of STEM Education*, vol. 9, issue 1, Article number: 29. DOI: <https://doi.org/10.1186/s40594-022-00345-z>.
- Yan, Berliner 2016 – *Yan K., Berliner D.C.* (2016) Tensions in gifted college programs in China: the case of «Mount Everest Plan». *Asia Pacific Education Review*, vol. 17, pp. 325–338. DOI: <http://doi.org/10.1007/s12564-016-9430-0>.
- Abramova, Ananyina 2022 – *Abramova I.E., Ananyina A.V.* (2022) Increasing motivation for learning English with the help of translation competitions. *Problems of modern pedagogical education*, no. 76–1, pp. 12–15. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49469734>. EDN: <https://elibrary.ru/jiwfid>. (In Russ.)
- Avramenko, Matveeva 2020 – *Avramenko A.P., Matveeva O.Yu.* (2020) Development of communicative language strategies using mobile technologies. *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Pedagogics*, no. 1, pp. 22–28. DOI: <http://doi.org/10.18384/2310-7219-2020-1-22-28>. EDN: <https://elibrary.ru/gmyfhi>. (In Russ.)
- Agakhanov, Marchukova, Podlipskii 2021 – *Agakhanov N.Kh., Marchukova O.G., Podlipskii O.K.* (2021) On the current trends in math Olympiad training for school students. *Educational studies*. Moscow, 2021, no. 4, pp. 266–284. DOI: <http://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-4-266-284>. EDN: <https://elibrary.ru/skauth>. (In Russ.)
- Ansimova, Belyaeva 2018 – *Ansimova N.P., Belyaeva O.A.* (2018) School Students' Metasubject Educational Results as a Basis to Form Students' Universal Competencies. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 5, pp. 57–70. DOI: <http://doi.org/10.24411/1813-145X-2018-10159>. (In Russ.)
- Bikmetova 2022 – *Bikmetova E.R.* (2022) Research activities of students in the formation of professional competencies. *Sistema menedzhmenta kachestva: opyt i perspektivy*, no. 11, pp. 28–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49350501>. EDN: <http://elibrary.ru/gqmeck>. (In Russ.)
- Bogdanova 2019 – *Bogdanova O.N.* (2019) Forming metadisciplinary competency of a teacher, training intelligently gifted schoolchildren in the additional professional education process. *Vestnik Belgorodskogo instituta razvitiya obrazovaniya*, vol. 6, no. 3 (13), pp. 19–27. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41289955>. EDN: <https://elibrary.ru/mdrcqp>. (In Russ.)
- Vergasova 2015 – *Vergasova E.V.* (2015) Features of remote Olympiads in a foreign language for grade schoolers. *Aktual'nye problemy yazykoznaniya*, vol. 1, pp. 118–119. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29448116>. EDN: <https://elibrary.ru/yuktal>. (In Russ.)
- Gorodetskaya 2019 – *Gorodetskaya L.A.* (2019) Integrating listening and reading tasks at the regional and final stages of the All-Russia Olympiad of schoolchildren in English. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 51–61. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37084858>. EDN: <https://elibrary.ru/yzfubn>. (In Russ.)
- Gulov 2022 – *Gulov A.P.* (2022) Strategies of successful coping with writing tasks at the municipal stage of All-Russia Olympiad: quotation essay. *Foreign Languages at School*, no. 4, pp. 46–52. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49469901>. EDN: <http://elibrary.ru/pirunr>. (In Russ.)
- Evdokimova, Perfilova 2022 – *Evdokimova V.E., Perfilova A.V.* (2022) Use of the equipment of the technopark of universal pedagogical competencies when working with school students in the system of additional education. *Scientific Review. Pedagogical Science*, no. 5, pp. 25–29. DOI: <http://doi.org/10.17513/srps.2446>. EDN: <http://elibrary.ru/grqrxb>. (In Russ.)
- Tasks... – *Tasks of the All-Russian Olympiad for schoolchildren in English*. Retrieved from the informational website of the All-Russian Olympiad. Available at: <http://vos.olimpiada.ru/> (accessed 17.01.2023) (In Russ.)
- Kasarova 2022 – *Kasarova V.G.* (2022) Student Olympiads as a tool for improving the educational process at the stage of pre-university training. *Voprosy pedagogiki*, no. 1–2, pp. 162–165. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47902971>. EDN: <http://elibrary.ru/wbmscs>. (In Russ.)
- Kizka 2018 – *Kizka V.I.* (2018) Olympiad as an integral part of the process of teaching English. In: *Theory and methods of teaching foreign languages: traditions and innovations*. Shatilov readings: collection of research works. Saint Petersburg: POLITEKH-PRESS, pp. 114–118. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36857105>. EDN: <http://elibrary.ru/vspcks>. (In Russ.)
- Kirdyaeva, Kolesnikova 2018 – *Kirdyaeva O.I., Kolesnikova E.A.* (2018) Speaking contest as part of the All-Russian school students Olympiad in the English language: types of tasks and recommendations on dealing with them. In: *Teaching Culture of Spoken English Language Communication: traditions, problems, perspectives: collection of scientific works and materials of the International research and methodological conference, Moscow, November 12, 2018*. Moscow: Zakrytoe aktsionernoe obshchestvo «RELOD», pp. 36–49. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41260396>. EDN: <http://elibrary.ru/rjyaac>. (In Russ.)

Kisova, Semenov, Semenova 2022 – *Kisova V.V., Semenov A.V., Semenova E.A.* (2022) Analysis of the relationship of the results of the regional and final stages of the Olympiad for schoolchildren in a foreign language on the basis of contingency tables. *Problems of modern pedagogical education*, no. 74–3, pp. 134–138. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48308367>. EDN: <http://elibrary.ru/xxxxsrl>. (In Russ.)

Lysichenkova, Khokhlacheva 2022 – *Lysichenkova S.A., Khokhlacheva I.V.* (2022) Diagnostics of high school students' meta-subject and personal results in competitive activity. *Pedagogical Journal*, vol. 12, no. 1–1, pp. 215–221. DOI: <http://doi.org/10.34670/AR.2022.42.62.097>. EDN: <http://elibrary.ru/hwsvds>. (In Russ.)

Matveeva, Sukhareva 2015 – *Matveeva I.V., Sukhareva T.V.* (2015) Foreign language Olympiads: traditions and innovations. *Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin*, no. 31, pp. 161–168. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25277896>. EDN: <https://elibrary.ru/vhebjr>. (In Russ.)

Melnikova 2019 – *Melnikova N.V.* (2019) Application of international criteria for grading written assignments in English. In: *Ilyin I.V. (Ed.) Actual problems of global studies: Russia in a globalizing world: a collection of scientific papers of participants of the VI All-Russian research and practical conference with international participation, Moscow, June 04–06, 2019*. Moscow: Mezhhregional'naya obshchestvennaya organizatsiya sodeistviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'eva, pp. 215–219. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=41153011>. EDN: <http://elibrary.ru/aylmjo>. (In Russ.)

Nikitin, Nikolaeva, Sokolova 2020 – *Nikitin D.I., Nikolaeva V.V., Sokolova E.I.* (2020) Actual problems of objectivity in evaluating the Olympiad works of participants in the All-Russian Olympiad for schoolchildren and ways to overcome them. *Effektivnye praktiki otsenki kachestva obrazovaniya*, no. 1 (9), pp. 18–23. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-obektivnosti-otsenivaniya-olimpiadnyh-rabot-uchastnikov-vserossiyskoy-olimpiady-shkolnikov-i-puti-ih-preodoleniya>. (In Russ.)

Oleinik 2016 – *Oleinik E.E.* (2016) Language Olympiads as a factor in increasing the knowledge of a professionally oriented foreign language at a university. In: *Problems of teaching a professionally oriented foreign language at a university: materials of the International research and practical conference, Ryazan, March 26–27, 2016*. Ryazan: OOO «Izdatel'stvo “Kontseptsiya”», pp. 69–70. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27280343>. EDN: <http://elibrary.ru/wyzjjp>. (In Russ.)

Perevertkina 2015 – *Perevertkina M.S.* (2015) On the issue of organizing intellectual competitions in English based on the virtual learning environment Moodle. In: *Herzen Readings. Foreign languages: materials of the All-Russian interuniversity scientific conference, Saint Petersburg, May 14–15, 2015*. Saint Petersburg: Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A.I. Gertsena, pp. 229–231. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36443997>. EDN: <https://elibrary.ru/vmgori>. (In Russ.)

Trubina 2022 – *Trubina I.I.* (2022) Portrait of the mentor of the finalists of the Olympiad in artificial intelligence. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya*, no. 85–5, pp. 27–31. DOI: <http://doi.org/10.18411/trnio-05-2022-191>. EDN: <http://elibrary.ru/hfltsy>. (In Russ.)

Yavor 2021 – *Yavor A.S.* (2021) Features of construction of Olympiads in English language. In: *Korovin I.V. (Ed.) Linguistic and extralinguistic problems of communication: theoretical and applied aspects: collection of scientific papers*. Saransk: Natsional'nyi issledovatel'skii Mordovskii gosudarstvennyi universitet im. N.P. Ogareva, pp. 113–119. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=45569072>. EDN: <http://elibrary.ru/wxzblf>. (In Russ.)

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в выпусках журнала «Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология» (прежнее название – «Вестник Самарского государственного университета») принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общности.

Предлагаемый в статье материал должен быть **оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.**

В журнале публикуются научные статьи теоретического, исследовательского и практического характера, обзоры, рецензии и отзывы на научную литературу по профилю журнала.

Тематика журнала: исторические науки и археология (5.6.1; 5.6.2; 5.6.4; 5.6.5; 5.6.7), педагогические науки (5.8.1; 5.8.7), языкознание (5.9.5; 5.9.6; 5.9.8, 5.9.9).

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) двойное слепое рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Правила оформления

Текст статьи

• Статья предоставляется на русском или английском, французском, немецком и испанском языках в электронном виде (на сайте <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp> или по эл. почте murzinova.tatjana@yandex.ru), заполняется лицензионный договор.

• Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.

• Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, звание, должность, место работы, индекс и адрес места работы, электронная почта, ORCID – регистрация на сайте www.orcid.org), аннотация, ключевые слова, названия рисунков и таблиц, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.

• Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.

• Объем основного текста не должен превышать 30 страниц. Аннотация создана по IMRAD (200–250 слов), ключевых слов – не менее 8, текст статьи структурирован (минимальная структура – введение, основная часть, заключение)

• **Рисунки и таблицы** предполагают наличие названия на русском и английском языках и сквозную нумерацию.

• **Библиографический список** на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по алфавиту и содержит только научную литературу (источники, архивные документы, диссертации, словари помещаются в источники фактического материала только в русском варианте в круглых скобках, иностранные – на языке оригинала), сначала размещается иностранная литература, потом русская, по образцу: Иванов 2018 – *Иванов В.В.* Название. Город (полностью): Издательство, год. X с. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [Иванова 2017, с. 28; Память истории... 2019]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

• **Reference** оформляется по гарвардскому стилю, но без транслитерации и квадратных скобок. Например, Roediger, Wertsch 2008 – *Roediger H.L. and Wertsch J.V.* (2008) Creating a new discipline of memory studies. *Memory Studies*, vol. 1, issue 1, pp. 9–22. DOI: <http://doi.org/10.1177/1750698007083884>. Saveleva, Poletaev 2005 – *Saveleva I.M. and Poletaev A.V.* (2005) «Historical memory»: on the issue of the boundaries of the concept, in *Phenomenon of the past*. Moscow: GU VShE, pp. 170–220. Available at: http://istorex.ru/page/saveleva_im_a_v_poletaev_av_istoricheskaya_pamyat_k_voprosu_o_granitsakh_ponyatiya. (In Russ.)

Если у журнала есть английское название, то оно указывается курсивом, если его нет, то курсивом дается транслитерированное название, если журнал указывает и транслитерированное, и английское названия, то они даются курсивом через знак «=»: *Vestnik Samarskogo...* = *Vestnik of Samara...* Желательно указывать DOI или URL. Наличие иностранных источников (около 30 %) говорит о знакомстве автора с освещением проблемы статьи за рубежом.

Допускается не более 30–40 источников в научной статье, 70–100 – в обзоре.

Графика

· Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат JPEG.

· Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Подробные требования, шаблон статьи размещены на сайте журнала <https://journals.ssau.ru/index.php/hpp>.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала